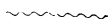

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

1910.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Одна изъ нынѣшнихъ язвъ.

Мало на бѣломъ свѣтѣ довольныхъ. Не доволенъ обычно человѣкъ тѣмъ, что онъ есть, и что у него есть. — Это недовольство можетъ имѣть хорошую сторону и вести къ лучшему и высшему, если выходитъ у человѣка изъ сознанія своихъ недостатковъ и сопровождается стремленіемъ познать себя и исправить себя.

Самопознаніе способствуетъ сохраненію мирнаго, спокойнаго расположенія духа, дѣлаетъ человѣка осторожнымъ и даетъ вѣрное и всегдашнее обладаніе самимъ собой, уравниваетъ человѣка, укрощая стремительность страсти и предостерегая отъ ошибокъ и увлеченій темперамента.—Недовольство, вызываемое лишеніями, несчастіями, для того, кто силенъ знаніемъ себя и самообладаніемъ, несетъ большую пользу тѣмъ, что чрезъ временное и измѣнчивое напоминаетъ о вѣчномъ, и земнымъ указываетъ небо. Это явленіе замѣчено было еще въ язычествѣ. «Не говори, что ты лишился благъ, учить Эпиктетъ, но говори, что ты возвратилъ ихъ. Можешь ли ты понять, какимъ образомъ беретъ отъ тебя свои блага Тотъ, Кто даровалъ ихъ?»—И христіанинъ чувствомъ тоски и недовольства призывается помнить, что онъ, въ потѣ лица на землѣ трудящійся,—только завѣдующій имуществомъ своего Господина, Который въ свое время призоветъ его къ себѣ и скажетъ: дай отчетъ въ управленіи своемъ (Лк. 16, 1).

Но то же недовольство имѣетъ другой конецъ. У древнихъ стойковъ была поговорка: «Не самыя вещи разстра-

иваютъ насъ и вредятъ намъ, а мнѣнія наши о нихъ». Въ этихъ словахъ есть большая доля глубокой правды. Лишенія и затрудненія порождаютъ угнетающее чувство тоски. Человѣкъ заражается боязливостью, подпадаетъ удручающему опасенію близкой бѣды. Разстраиваемое воображеніе готово всему придать мрачный тонъ: слово, встрѣча, намекъ, случайная неосторожность,—всему дается несоотвѣтственно большое, преувеличенное значеніе, все проливается мрачнымъ предчувствіемъ; подавленность духа выражается рѣзко, иногда даже въ грубости и дерзости; сердце ожесточается, черствѣетъ, и ноетъ человѣкъ, ропщетъ, «душу вытягиваетъ» у другихъ вытѣмъ своимъ.

Это «нытье», ропотъ недовольства сталъ болѣзненнымъ свойствомъ, язвой нашихъ дней. «Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ, — насъ томить безвѣрье, насъ грызетъ тоска». Всюду ропотъ отъ лачуги до дворца. И какія картины ежедневно окружаютъ насъ!

Сдѣлали вы утромъ шагъ изъ дома—предъ вами «босыкъ». Онъ скитается отъ дому къ дому, выпрашиваетъ жалобнымъ тономъ подаваніе. Прислушайтесь къ его словамъ: онъ ропщетъ. Онъ обиженъ судьбой, онъ не понять, не оцѣнить, онъ былъ... и кѣмъ—кѣмъ онъ ви былъ, но забыли обстоятельства. Гнѣвенъ онъ, и жестокимъ словомъ проводитъ васъ, если вы не окажете желаемой имъ благосклонности. Сотни словъ онъ находитъ, чтобы показать вамъ, что онъ имѣетъ право роптать. Роптать и просить, даже требовать. Ропотъ здѣсь очень удобенъ. Въ немъ выливается желчное негодованіе на какихъ-то злыхъ обидчиковъ, онъ даетъ видное прикрытіе упрямой лѣни и въ то же время вызываетъ сердоболіе людей.—Вступаете въ дѣловую область, здѣсь не лучше. Любители популярности, современные дѣльцы—практики, беззащѣтныя и ловкіе проходимцы, всѣ ропотомъ пользуются съ большимъ успѣхомъ—въ частныхъ дѣлахъ и общественныхъ, даже въ печати. Всѣ отлично поняли, что громить и разносить противника, т. е. поселять недовольство имъ, вкладывать духъ ропота противъ него—есть

вѣрное средство разстраивать, обезсиловать и сокрушать силу противника. И всюду что видимъ и слышимъ? «Сколько лживыхъ фразъ, надуту либеральныхъ,—сколько пестрыхъ партій, мелкихъ вожаковъ, личныхъ обличеній, колкостей журнальныхъ, маленькихъ торжествъ и маленькихъ божковъ. Сколько самолюбій глубоко задѣто, — сколько устъ клевететь, жалить и шипить. И вокругъ, какъ прежде, сумракъ безъ просвѣта. И, какъ прежде, жизнь и душисть, и томить».

Хитрость сильныхъ является гибельнымъ примѣромъ для слабыхъ: они, и всегда-то хилые и дряблые, подъ расслабляющимъ духомъ ропотливости окончательно падаютъ духомъ и теряются въ сложномъ лабиринтѣ жизненныхъ заботъ и осложненій. Ослабѣваетъ энергія, опускаются руки: какъ же дѣло можетъ двигаться впередъ? Все разваливается, гнѣтъ, разрушается. А тотъ, кому болью ложится все это на сердце, въ безсиліи ноетъ ропотливо.

Слова ропота легко слышать и отъ большихъ, и отъ малыхъ. Кто кѣмъ и чѣмъ недоволенъ, тотъ по своему и поднимаетъ голосъ недовольства. И какъ говорить? Не просто дѣлится горемъ своимъ, а сѣтуетъ, клянетъ, грозитъ, горитъ злобнымъ огнемъ.—Какъ ропоть разгорается и разрастается въ душѣ,—до какихъ высокихъ градусовъ злобы и безразсудства накаливается имъ душа, говорить множество картинъ всѣмъ намъ знакомаго «пережитого возбужденія», эхо котораго еще гулко раздается и теперь, а самое возбужденіе еще хлопочетъ, какъ подземная лава.

Не забыть того дня, рассказываетъ очевидецъ, когда мы (въ 1905 г.) сошлись слушать «ораторовъ». Ихъ было болѣе десяти. Живые, бойкіе, ловкіе. Одинъ раскрасилъ жизнь рабочаго, другой описалъ богача, тотъ громилъ министровъ, тотъ—монастыри, церкви и церковниковъ, тотъ встаетъ за права женщинъ, тотъ плачется за дѣтей. Сколько подобрано тяжелыхъ картинъ, сколько описано гнусныхъ и грустныхъ случаевъ,—такъ представлено

зло, угнетеніе, попраніе права и долга,—что всё замѣтно поддаются общему настроенію, заражаются чувствомъ недовольства и негодованіа. Рѣчь льется бурно, захватываетъ. Какъ изъ рога пзобилія сыплется доводы живые и пламенные, факты вопіющіе и горячіе, какъ слезы обиженнаго сироты. Слушаешь—и невольно переживаешь впечатлѣніе горечи, досады и обиды, хотя и не тебѣ нанесенной. Чувствуешь, какъ высоко поднимается дыханіемъ грудь,—невольно сжимается рука и поднимается въ грозный жестъ... Закипѣло внутри. Не осталось мѣста страху или опасеніямъ, душа загорѣлась мщеніемъ, воспламенилось въ сердцѣ одно желаніе — покарать, разнести, разгромить...—Ядъ недовольства, влитый въ душу словами ропота, лишилъ людей самообладанія и затуманилъ способность разсуждать. Толпа перестала думать, она только громко роптала,—и среди этого шума и гама ропщущихъ словъ не смогла разслышать трезвой рѣчи и требованій права и закона, правды и справедливости. Тонъ недовольства и обиды всѣмъ доступенъ: въ обществѣ бѣольшая часть людей чѣмъ-либо обиженныхъ, обойденныхъ, обездоленныхъ. Они очень чутки: коснись больного мѣста, и каждый быстро воспламеняется чувствомъ обиды, имъ лично пережитой. Обидчикъ и злодѣй у каждаго свой, а чувство-то обиды и ропотъ на зло у всѣхъ одни. Это и соединяетъ очень крѣпкой связью самыя разнородныя души и превращаетъ толпу въ стихійную силу.

Минувшее указано какъ примѣръ, въ разныхъ видахъ воспроизводимый и понынѣ. Гдѣ не царитъ у насъ склонность къ ропоту? Все ропотомъ покрыто: личные невзгоды, общественные порядки (и непорядки), общественныя несчастія, народныя бѣдствія. Чуть коснутся они насъ, сейчасъ начинаемъ искать виновниковъ и громить. Когда желчь расходуется, то мало бываетъ людей винить или обстояательства, винимъ и Бога Самого. Никогда человекъ не бываетъ такъ безразсуденъ, какъ въ тѣ моменты, когда теряетъ точку опоры и дѣйствуетъ какъ бы въ самозаб-

вені, ошупью, наудачу. Тогда терять онъ самообладаніе, утрачиваетъ чувство мѣры и даже понятіе, что—хорошо, что—дурно. Въ состояніи отуманеннаго разсудка онъ судорожно спѣшитъ взять отъ жизни все возможное, что представляется хорошимъ и пріятнымъ, или бросается карать зло, или же наконецъ—въ изступленіи кощунствуетъ.—Больной борется съ болѣзью. Болѣзнъ затянулась: нужна выдержка. Все идетъ своимъ чередомъ. Но лишь только поддается онъ чувству недовольства, начинаетъ разстраивать себя ропотомъ на врача, лѣкарства, обстановку, погоду и прочее, что способно родить воображеніе больного, быстро дѣлается нервнымъ и желчнымъ. Ему говорятъ, и самъ онъ знаетъ, что нужна выдержка, — а ропотливый духъ изъ тайниксвъ недовольства нашептываетъ: и пить—умирать, и не пить—умирать, или что-либо подобное. И что же? Думаетъ, думаетъ свою ропотливую думу больной, да и махнетъ на все рукой: Эхъ, видно, кончено мое дѣло, все равно одинъ конецъ. И пошелъ отдаться веселію. Повеселился всласть, и кончилось печально: привезли трупомъ.—Печальный конецъ бываетъ и въ иной формѣ.

Современная лѣтопись занесла на свои страницы такой, на примѣръ, случай. Во Вл—ой губ. жители дер. Каменки стѣснены были въ пастбищѣ и, разумѣется, тяготились этимъ. Такъ прошли десятки лѣтъ, а можетъ быть и сотни. Сосѣдъ землевладѣлецъ не такъ давно задумалъ возобновить межи своего владѣнія. И вотъ чей то досужій языкъ намекнулъ крестьянамъ, что теперь де и остального лишитесь. Людская молва, какъ морская волна, поднялась гребнемъ и покатила. Полились слова ропота, загорѣлось недовольство. Ропоть съ каждымъ днемъ разрастался и все болѣе и болѣе озлоблялъ людей противъ (воображаемыхъ) угнетателей. И, когда пріѣхали «власти» указать границы, православные, не желающіе ничего слушать, встрѣтили ихъ съ вилами и колыями.—Это—скромные примѣры,—современная лѣтопись знаетъ и иные..

А о малодушіи при несчастіяхъ надо ли говорить: ихъ (примѣровъ) множество. Ломаеть, напримѣръ, руки себѣ и истерически рыдаетъ женщина при потерѣ близкаго человека. Нѣтъ, говоритъ она, нѣтъ мочи выносить страданіе, умереть легче. Говорятъ мнѣ о Богѣ. Если Онъ — любовь и милосердіе, то какъ же заставляетъ такъ страдать и мучиться: вѣдь это жестоко! И сколько другихъ подобныхъ словъ услышите.—Честью нынѣ прожить нельзя, стонетъ малодушествова практикъ — обыватель, молился я, просилъ, ужъ я ли не старался честно со всѣми поступать, а нѣтъ удачи: видно, забылъ насъ Богъ.—Какъ не роптать, оправдывается передъ собой самимъ неудачникъ: товарищи ниже меня, но устроились великолѣпно: тотъ на хорошемъ окладѣ, у этого—имѣніе, третій занимаетъ видный постъ, четвертый имѣетъ отличную практику, а ты? Бьешься, почти нищенствуешь. Гдѣ же справедливость?

Такъ ноетъ ропотливость. А разберись хладнокровно, не такъ все ужасно, какъ рисуется жалобой,—окажется, что «мучаютъ насъ не вещи, а мнѣніе наше о нихъ». Разбери внимательно, и увидишь, что мучаетъ ложное отношеніе наше къ тому, что насъ окружаетъ и что съ нами случается.

* * *

Что это дѣйствительно такъ, о томъ говорить голосъ опыта христіанскаго, свидѣтельство жизни тѣхъ, кто волю свою повергъ предъ Волею высшей, кого умъ устремленъ былъ къ небу, кто дорожилъ жизнью земной, чтобы чрезъ нее увидѣть радость вѣчности. Въ этой жизни не было ропота. Она слагалась по евангельскому правилу: всегда радуйтесь, за все благодарите, непрестанно молитесь.

«Кто стремится къ покою души, говоритъ препод. Іоаннъ Лѣствичникъ,—стремится къ Богу. Такой готовъ думать, что онъ много теряетъ всякій день, въ который нѣкто не обижалъ его. Деревья, когда ихъ колеблетъ вѣ-

теръ, глубже пускають корни въ землю,—такъ и терпѣливые въ испытаніи, пребывающіе въ послушаніи закону Бога, приобрѣтають крѣпость и непоколебимость души. Начало блаженнаго терпѣнія есть то, чтобы сносить безчестія, хотя бы съ горестію и болѣзнію души, средина—чтобы пребывать въ нихъ безпечально, конецъ и совершенство — чтобы принимать поношенія какъ похвалы. Я видѣлъ однажды трехъ иноковъ, которые всѣ вмѣстѣ потерпѣли безчестіе. Одинъ подавленъ былъ скорбью, но смолчалъ,—другой порадовался за себя, но опечалился за оскорбившаго, — третій какъ бы забылъ себя и, помня только о вредѣ, какой нанесъ себѣ ближній, пролилъ теплыя слезы. Здѣсь: дѣлатели страха, воздаянія и любви» (Лѣвств. ст. 4, отд. 124, и ст. 8, отд. 23 и 27).

Чьей душѣ близокъ Богъ, для кого Богъ не только судья, но и отецъ, тотъ въ тяжелыя минуты, когда «золъ исполняется душа», въ молитвѣ изливаетъ скорбь свою, Богу возвѣщаетъ печаль свою, надѣется на помощь Его. Дивный образъ того—праведные Іоакимъ и Анна. Поношеніе безчадства тяжело было. Всю жизнь до глубокой старости не видѣла святая чета радости, а отовсюду однѣ обиды,—и не только отъ окружающихъ, но и отъ алтаря Господня. «Ты грѣшникъ, ибо безчаденъ», строго замѣчаетъ старцу священникъ, принимавшій жертвы, «и какъ ты идешь въ ряду съ другими?»— Среди народа, въ храмѣ, въ моментъ молитвенной настроенности и изъ устъ служителя Божія услышать эти страшныя слова тяжело было. Выпала жертва изъ рукъ. Опустилась печально голова. Слезы неизсякающимъ ручьемъ полились по старымъ морщинамъ лавить. И вышелъ онъ изъ храма. Долго шелъ: Давно миновалъ городъ и пригородныя селенія. Оглядѣлся. Кругомъ пустыня, а надъ головой голубая даль небесъ. Палъ на колѣна старецъ и молился. Молился о разрѣшеніи неплодства. Онъ, которому природа преклонностію возраста подсказывала безнадежность, несбыточность желанія, онъ не ропщетъ, а молится Богу,

надвѣся на Него. Не ропшетъ старецъ святой и на обидчиковъ. Ему ставить въ вину неплодство, а это вина природы. У насъ на подобный упрекъ отвѣтили бы градомъ ропотливыхъ словъ, — а святой отвѣтилъ градомъ молитвенныхъ слезъ. Истинно, «терпѣніе ради Бога есть дарованіе, достойное большаго удивленія, нежели сила воскрешать мертвыхъ и творить другія чудеса».

Взврующій видитъ въ скорбяхъ знакъ того, что Богъ не забылъ его,— помнитъ слова пророка: жезлъ Твой и палица Твоя—тѣ меня утѣшили (Пс. 22, 4). Въ его глазахъ все— даръ Бога: благополучіе—даръ утѣшающаго,— напасти—даръ наказующаго. «Ропоть, говоритъ св. Златоустъ, свойствененъ рабамъ непризнательнымъ и безчувственнымъ. Ропщеть ли сынъ, трудясь въ пользу отца и себя самого? Тяжелъ, несносенъ ропоть, онъ близокъ къ хуль: мы рѣшаемся лучше лишиться прислуги, чѣмъ терпѣть ропщущаго. И отчего роптать? Отъ бѣдности, болѣзни, несчастій? Подумай объ Іовѣ. Что было бы съ тобой, если бы ты былъ одержимъ такою же болѣзнию и при этомъ сознавалъ въ себѣ столько совершенствъ и добродѣтелей, сколько тотъ святой? Тебя поносятъ. Что ты бы сказалъ, когда услышалъ это отъ друзей, пришедшихъ для утѣшенія. А онъ, истинный, праведный, благочестивый, удаляющійся отъ всякаго лукаваго дѣла, слышитъ укоризны. Стонеть, укоряя его, жена, укоряютъ его друзья. Сколькихъ смертей это тяжелѣе? Гной и червей производила его плоть, и это непрестанно. Ночь и совѣ, доставляющіе другимъ покой, ему не приносили никакой отрады, но были тяжелѣе всякой пытки: сны устрашали его, и видѣнія наводили ужасъ (7, 14). И въ такихъ страданіяхъ не ропталъ онъ, а говорилъ: хотя бы я былъ правъ, но не буду отвѣчать, а умолять Судью моего (9, 15). Будь благословенно имя Господне.—Онъ какъ будто обложенъ былъ каменнымъ тѣломъ и имѣлъ мѣдное сердце. Помня объ этомъ, дѣлай все безъ ропота. И звѣзды блистаютъ вѣдь ночью, отчетливо видятся въ тьмѣ; и христі-

анинъ сіяеть болѣе, когда остается правымъ среди раз-
вращенныхъ» (т. II-й, стр. 292).—Вотъ почему и мудрость
людская открыто сознается, что

Счастье не полно безъ слезъ,—
Небо синѣй изъ-за тучъ,—
Лишь бы сіялъ среди грозъ
Солнышка радостный лучъ (К. Р.).

Самая высокая степень духа—не только не дѣлать зла
другому и не желать зла обидчику, но ради Бога и вѣч-
наго воздаянія изъ скорби и обиды дѣлать поводъ къ бла-
гтворенію. — Чѣмъ-то неземнымъ вѣетъ отъ такого тре-
бованія,—но неисполнимаго въ томъ нѣтъ, и подвижники
евангельскаго закона исполняли его въ удивительной
простотѣ. Авва Іоаннъ имѣлъ обыкновеніе рассказывать
своимъ ученикамъ примѣръ древности: Ученикъ одного
философа провинился предъ своимъ учителемъ. Философъ
тогда обѣщалъ простить его, когда онъ въ теченіе трехъ
лѣтъ будетъ давать плату тѣмъ, кто нанесетъ ему какую-
либо обиду или оскорбленіе. Когда ученикъ выполнилъ
это требованіе, учитель говоритъ ему: теперь иди въ
Аѳины и учись высшей мудрости.—При воротахъ этого
города сидѣлъ старецъ, долгимъ опытомъ жизни стяжав-
шій великую мудрость. Испытывая входящаго, онъ сталъ
поносить его. Юноша при его словахъ вслухъ разсмѣялся.
Почему ты смѣешься, когда я тебя оскорбляю? съ удивле-
ніемъ спрашиваетъ привратникъ. Какъ же мнѣ не смѣ-
яться, отвѣчаетъ юноша: я три года платилъ людямъ за
наносимыя мнѣ отъ нихъ обиды, а ты поносишь меня да-
ромъ!—Войди, ты достоинъ быть мудрецомъ! сказалъ ста-
рецъ и открылъ двери.—При этомъ рассказѣ преподобный
Іоаннъ добавлялъ: ворота, здѣсь указанныя, ворота Бо-
жьи,—ими отцы наши путемъ многихъ скорбей и поноше-
ній, радуясь, вошли въ городъ Бога, гдѣ празднующихъ
гласъ непрестанный (Руфин. Житія Отцовъ кн. 3).

Такъ въ простотѣ духа ради Бога несли тяготы под-

вига рабы Божіи. Они дали полную науку духовнаго опыта для упорядоченія челоуѣка въ опредѣленномъ, цѣлостномъ и стройномъ направленіи. Въ этой наукѣ нѣтъ ничего измышленнаго, придуманнаго, сочиненнаго,—тутъ только пережитое, выстраданное и на опытѣ провѣренное. Загадочная природа нашихъ чувствъ, желаній, страстей и воли въ ихъ грѣховномъ состояніи здѣсь раскрывается съ совершенной полнотой и точностью; путемъ опыта изслѣдуется вопросъ о постепенномъ перевоспитаніи себя сперва естественнымъ усиленіемъ воли и ума, стремящихся къ преодолѣнію грѣховности, а потомъ о коренномъ перерожденіи личности высшею силою божественной благодати.

Эта наука подвижническая забыта нами, пограны завѣты великихъ христіанскихъ мудрецовъ. Они завѣщали намъ живую вѣру, а мы предались равнодушію, — завѣщана намъ идеальная воля, а у насъ мелкій житейскій расчетъ, — завѣщана справедливость, а у насъ одно угодничество, — завѣщана намъ дѣйствительная жизнь въ трудѣ и терпѣніи, а мы предались въ ней актерству съ выкриками ропота и нытьемъ недовольства, — завѣщана борьба съ собственнымъ недостаткомъ, а у насъ слѣпое самопоклоненіе. Отсюда у насъ мало дѣла и много шума.

Шумимъ, жалуемся. Легко винить другихъ, кричать о недостаткахъ, плакаться на оскудѣніе преподобныхъ, на паденіе нравовъ. Не трудно вызывать пламенный гнѣвъ указаніемъ на то, во что обращена у насъ христіанская жизнь. Но что пользы сокрушенно о томъ только вздыхать и печально изливать потоки словъ? Если на этомъ и остановиться, то и въ искреннихъ словахъ получится только одинъ ропоть. Нѣтъ, надо сбросить лѣнь, надо съ «пристрастіемъ» допросить себя: что сдѣлалъ ты, чтобы вернуть истинно-христіанскую высоту духа, исключаящую изъ жизни все стропотное и развращенное?—Живые люди не могутъ, конечно, обходиться безъ постепенно совершенствующихся законовъ и установленій, но совер-

шенство ихъ предполагаетъ истинно христіанское совершенство основаній: нужна христіанская настроенность, такъ называемая подвижниками и нами забытая — святость. А «святость рождается въ страданіяхъ, тогда какъ діаволы не ужились и на небѣ». Что сдѣлалъ ты жизнью своей для торжества святости? Дѣлу ли святости служить и слово твое, исполненное мира и кротости, или только вызываетъ громы сѣтованій и раздраженія? — Ты громко ропщешь при несчастіи, а не помнишь ли, такъ ли громко ты благодарилъ Бога въ благополучіи?

Гдѣ же, въ чемъ вина ропотливости? Она въ насъ самихъ, въ нашей самонадѣянности, изгнавшей изъ души вѣру въ Провидѣніе. Человѣкъ хочетъ быть самъ творцомъ своего счастья. И величается онъ, пока кругомъ все счастливо, а пришла бѣда—ни силы своей не оказалось, ни помощниковъ кругомъ. У иныхъ сердце еще склонно вѣровать въ Бога и любить Его, но вмѣстѣ съ землей и ея радостями, — воля какъ будто еще склонна служить Богу, но въ благополучіи. Нѣтъ твердой рѣшимости. Въ минуты подъема духа мы говоримъ: съ Тобою, Господи, готовы и въ темницу, и на смерть идти; но постигаютъ испытанія—и мы трусливо бѣжимъ, ищемъ, кто бы помогъ и защитилъ насъ, а Бога забываемъ и какъ бы «блянемся, что не знаемъ Сего».—Къ землѣ приросли душой и не видимъ, чѣмъ живемъ, съ чего начинаемъ и чѣмъ кончимъ. Въ Библіи читаемъ: жезлъ Моисея, брошенный на землю, обратился въ змѣю и такъ устрашилъ Моисея, что онъ побѣжалъ прочь. Но когда взялъ змѣю за хвостъ, въ рукахъ опять оказался жезлъ, которымъ пользовался попрежнему, которымъ вывелъ изъ рабства Израиля, раздѣлилъ море, изъ скалы вызвалъ воду. Такъ и мы. Если всѣ интересы свои бросить на землю, посвятить ихъ въ землѣ, на землѣ заготовить житницы и все собирать сюда, то не мудрено, что, увидя дурные, сорные всходы, заглушающіе побѣги радости и счастья, въ ужасъ придешь и обратишься въ постыдное бѣгство отъ жизни.

Но возьми тотъ же предметъ за конецъ, посмотри на конецъ скорбей и испытаній, открой предъ собою блаженную вѣчность,—и жизнь будетъ иною. Страданія окажутся жезломъ, укрѣпляющимъ душу, будутъ источникомъ радости и опорой сердцу. И не будетъ мѣста ропоту.

Другая язва.

«Явись пророкъ! Взгляни, какъ дряхлы мы, какъ мы устали, — какъ мы безпомощны въ мучительной борьбѣ. Сознанье умираетъ, стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ. Ни проблеска кругомъ, одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ!»

Эти строки написаны про насъ и почти вчера.

Какъ? скажете вы, развѣ мы не понимаемъ геройства или отрицаемъ подвигъ?—Нѣтъ, геройство и подвигъ такой предметъ, о которомъ никогда не было двухъ мнѣній: всегда предъ высотой ихъ преклонялись люди. Но при общей пониженности нравственныхъ понятій не такъ понимаемъ мы его. Представленіе о высокомъ и славномъ часто искажено бываетъ до крайней степени.

Не отказываютъ у насъ въ почтеніи уму, волѣ и энергій, направленнымъ къ благу ближняго. Но то и дѣло слышимъ, какъ восторгаются преступнымъ умомъ,—волей, направленной къ разрушенію чужого благополучія,—энергій, стирающей съ лица земли личность ближняго для захвата его имущества. Жутко бываетъ слушать разсужденія обывателя по этому поводу. «Эхъ! въ излишнемъ прекраснодушіи выливаетъ онъ свою искренность: какъ ловко все оборудовано, какою массу ума, знанія и воли потратилъ и на такомъ пустякѣ сорвался!»—Это говорить не преступникъ и не сообщникъ его, а обыкновенный мирный гражданинъ.—Ясно, расшатаны въ обществѣ самыя элементарныя нравственныя понятія, и черное, разъ оно блещетъ силою ума и властностію воли, мы склонны уже считать не чернымъ, — смѣшиваемъ славу силы ума

съ преступностью и какъ бы забываемъ преступность. Ужасы жизни не научаютъ насъ преступное называть его именемъ рѣшительно, прямо и безоговорочно, — но, превлоняясь передъ силой, хотя бы преступной, мы склонны подыскивать оправданіе преступности и на самыя вопіющія злодѣянія смотрѣть поразительно добродушно (если не сказать иначе и сильнѣе).—Преступниковъ у насъ ловятъ. Правосудіе ихъ караетъ. А жизнь ежедневно даритъ (лучше сказать—наказываетъ) новыми и грандіознѣйшими преступленіями. Откуда берутся преступники, какъ не изъ самаго же общества? Значитъ, въ обществѣ есть легкомысленно - поощряющее отношеніе къ злодѣйству. Алчность изгнала человѣческіе мотивы изъ жизни, и жизненнымъ правиломъ стало: «какъ бы ни добыть, лишь бы имѣть». А если «добыча» обставлена ловко, умно, спецично, то гнусность средствъ и прячется за эту сценичность и ловкость.—Духъ пустой славы застилаетъ зрѣніе души. Геройству дается извращенное содержаніе.

Это — въ отношеніи къ преступности, открытой и караемой. Но и въ частной жизни, которую обыкновенно называютъ честной жизнью, та же язва, то же молчаливое попустительство зла, выростающее на почвѣ пустословія и самопоклоненія. — Преклоненіе предъ силой у слабыхъ сопровождается исканіемъ этой силы и чаще всего не силы собственно, для чего надо много трудиться, а исканіемъ славы, которая окружаетъ силу. Человѣку хочется вслухъ кричать о себѣ: «умомъ громамъ повелѣваю, я—царь, я—Богъ». Но его удерживаетъ другая неопровержимая истина: «я тѣломъ въ прахъ истлѣваю». Ни скрыть, ни забыть этой истины нельзя. И вотъ, когда нельзя передъ небомъ величаться, человѣкъ отдается землѣ и здѣсь ищетъ славы. И получается, что тщеславіе, мелочное самолюбіе, мелочная заносчивость дѣлаются самыми вліятельными двигателями жизни.

Эта ужасная язва и раздѣдаетъ жизнь. «Духъ тщеславія таковъ, говоритъ Златоустъ, что оно ослѣпляетъ ра-

зумъ въ отношеніи самыхъ очевидныхъ предметовъ и развиваетъ духъ противорѣчія. Это какое-то упоеніе: объятый страстью человѣкъ дѣлается неисправимъ. Оно отторгаетъ душу плѣнниковъ отъ небесъ, приставляетъ къ ней столь сильныхъ владыкъ, что они владѣютъ ею, ничего ей не приказывая. Для этихъ владыкъ человѣкъ одѣвается въ одежды нарядныя и украшаетъ лицо, заботясь при этомъ не о себѣ, а желая угодить другимъ. Нерѣдко онъ бросается въ бездну, чтобы только другіе удивлялись ему. Если ты захочешь спросить кого-либо изъ гражданъ, дѣлающихъ большія издержки, для чего они тратятъ столько золота, то въ сущности ни о чемъ другомъ отъ нихъ не услышишь, какъ только объ угожденіи толпѣ. А что такое толпа? Они же отвѣтятъ: это нѣчто шумное, многоятежное, безъ плѣи носящееся туда и сюда подобно волнамъ моря. Не жалокъ ли тотъ, кто имѣетъ такого владыку? И справедливо называютъ это тщеславіемъ: пуста, ничтожна эта слава. И рождается эта страсть въ душѣ низкой и ничтожной» (Злат. т. 8-й, стр. 30).

Сказанное Святителемъ будетъ яснѣе, когда его словами будутъ говорить факты. Вы, допустимъ, стоите предъ «сознательными» рабочими. Прежде чѣмъ стать такими, они первѣе всего узнали, что всѣ образованные люди давно уже не вѣрятъ въ Бога: это сказали какъ популярныя книжки, такъ и близкіе образованные люди. Имъ и доказывать этого никто не сталъ, а просто сказали, что это такъ. А такъ потому, что доказано наукой. И принимаютъ люди безъ колебаній мнѣніе, что религія не болѣе какъ обманъ и средство держать народъ въ рабствѣ.— Наукой доказано! Здѣсь и остановились. Почему? Потому что рабѣдствуютъ предъ величіемъ науки, хотятъ итти въ уровень съ послѣднимъ словомъ науки и не отставать отъ ученыхъ и умныхъ. Самой науки не постигли, а переняли слова, которыми тщательно замалчивается и закрывается дѣйствительная истина.— Чтобы обнаружить обманъ, вы указываете, напр., слова ученаго

мужа (Пастера). «Я, говорить онъ, знаю много и вѣрую въ Бога, какъ бретонецъ, а если бы я зналъ вдвое больше, я вѣровалъ бы, какъ бретонская женщина». Вы будете приводить другіе примѣры, изъ которыхъ очевидно, что вѣра можетъ быть сильной, когда она слѣпа, при маломъ знаніи и пониманіи, можетъ быть она сильной, когда она зрячая и является плодомъ громадной внутренней духовной работы. Васъ не выслушаютъ, а, махнувъ рукой, отойдутъ. Это — страшный и печальный фактъ. И только къ Христовой истинѣ такое отношеніе: рѣшаютъ о непригодности христіанства, не зная его, и, «боясь невѣжественной вѣры», отдаются невѣжественному отрицанію вѣры. — Увлекаясь модой отрицать, охладѣваютъ къ вѣрѣ и тѣ, кто въ дѣйствительности можетъ и хотѣлъ бы вѣровать. Стыдно отстать отъ передовыхъ. — Если иной гражданинъ открыто и не воюетъ противъ вѣры, то своимъ молчаніемъ, своимъ преклоненіемъ предъ «передовыми» какое вліяніе окажетъ въ семьѣ, въ товарищеской средѣ, въ обществѣ? Онъ потворствуетъ и этимъ служитъ разрушенію. — Сказанное объ одномъ классѣ людей безъ большихъ измѣненій можетъ быть примѣнено и къ другимъ кругамъ, болѣе образованнымъ.

Тщеславное желаніе не отстать отъ другихъ не менѣе ужасно въ практическихъ вопросахъ жизни. Погоня за модой, поглощающая тьму денегъ, — исканіе чиновъ, орденовъ, всякаго рода отличій, часто достигаемыхъ путемъ подкупа и низкопоклонства, обычай «справлять вечера», тяжесть котораго заставляетъ хозяина быть малоразборчивымъ въ добываніи средствъ, — обывательскіе праздники (особенно въ деревнѣ), подъ которыми всѣ привыкли разумѣть безпробудное пьянство въ теченіе двухъ-трехъ дней сряду («гулять свадьбу», или, что то же, шальное, безобразное, пьяное и циничное привѣтствіе новобрачныхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней) и пр., — все это, съ дѣтства намъ знакомое, вызываетъ вопросъ Златоуста: скажи, для кого такая трата? и его же отвѣтъ: для толпы!

Страшно бояться у насъ мысли: а что скажутъ сосѣди? — Но какъ больно бываетъ слышать, какъ степенный и благонамѣренный обыватель хвалить сосѣда за обильное угощеніе, какъ за что-то дѣйствительно важное, великое, стоящее. «Про него нечего сказать: хорошо справляетъ!» — Какой горькой и страшной насмѣшкой въ сущности звучитъ такая похвала, когда всѣ знаютъ, что у него, обильно угощающаго, на гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна, а подъ лавкой сундукъ опривинуть лежитъ, и погнувшись изба какъ старушка стоитъ. Но онъ угощаетъ на славу: тянется за сильными.

Стонутъ семья и школа: дѣти грубы, непочтительны, надменны и дерзки. Не сказывается ли здѣсь манера старшихъ — тщеславиться. Газетный листъ съ вѣчно-бранливымъ направленіемъ, частная бесѣда, за которой безъ всякой осторожности всѣхъ и все разносятъ, болѣзненная обидчивость взрослыхъ и всеобщая нервная приподнятость, — все это чему иному можетъ научить юношество, какъ только рѣзкости и мелочности? Малый возрастъ и опытомъ, дыша такимъ воздухомъ, очень рано перенимаетъ все, что потворствуетъ самолюбію, — онъ требователенъ къ другимъ и нетребователенъ къ себѣ; онъ знаетъ права свои, но не хочетъ знать обязанностей; онъ мало развитъ и мало знаетъ, но уже большого-большого о себѣ мнѣнія. И вотъ онъ, маленькій, жаленькій, ничтоженекій, взбирается на ходули, чтобы быть хоть чуть повыше, и геройствомъ считаетъ заносчивый тонъ со старшими, къ дѣлу и не къ дѣлу выливается въ массѣ задорныхъ словъ, смотритъ кругомъ насмѣшливо сверху внизъ.

Всюду сквозитъ тщеславіе. Весь строй жизни пропитанъ пустословіемъ, имъ испорчены отношенія людей, оно потворствуетъ алчности и порокамъ, оно усыпляетъ и туманитъ совѣсть народную. Но этого упорно не хотятъ замѣчать у насъ. Если же и замѣчаютъ, то слышите пресвоеобразное объясненіе. — Свѣтъ, видно, повернулся

вверхъ дномъ! съ тоскою шепчуть люди стараго закала.— Наслѣдственность, вырожденіе, нравственное помѣшательство! прячутся за туманныя фразы представители науки.— Слѣдствіе социальной несправедливости! говорятъ ученые иного типа.— Говорять, но умалчиваютъ о томъ, о чемъ всего болѣе нужно говорить. Молчатъ о Богѣ и законѣ, Имъ данномъ,—молчатъ о нравахъ, воспитываемыхъ въ этомъ закона или въ превратномъ пониманіи его. А еще изъ языческой давности извѣстенъ совѣтъ: Не судьбѣ, а нравамъ приписывайте преступленія (Сенека).

* * *

Не въ духѣ времени возвращаться къ христіанскому подвижничеству. Не любить этого міръ. Но это единственный путь для нашего общаго спасенія. Когда поверхъ всѣхъ путей къ счастью поставимъ христіанское подвижничество, то увидимъ, какъ перемѣщается центръ тяжести настроенія человѣческой души, и какъ просто рѣшаются всѣ запросы жизни.— Прямой путь жизни—путь креста, путь жизненнаго подвига подъ тѣмъ крестомъ, какой кому Богъ судилъ нести, путь самоотверженнаго труда, не ждущаго ни похвалы, ни славы земной. Я не желаю хвалиться, говорить ап. Павелъ, развѣ только крестомъ Господа нашего Иисуса Христа, которымъ для меня міръ распятъ и я міру (Гал. 6, 14). Все, что любитъ міръ,—наслажденія, почести, богатство,—все это распято для меня, все стало мертвымъ, не люблю его, не желаю его. Слава Креста, слава Распятаго стала его славой, его радостью.— И всѣ подвижники христіанскіе исповѣдали ту же истину. Христу они отдали сердце свое, и всѣ желанія ихъ свелись къ одному — служить славѣ Христова имени и заслужить славу отъ Христа. И померкла для нихъ слава мірская. Слуга Христа не имѣлъ ни повода, ни желанія пресмыкаться по землѣ, чтобы угодить толпѣ и вызвать ея рукоплесканія. На немъ не было путь земли, бѣжалъ

онъ цѣпей страсти, и духъ его свободно возносился къ небу. Небесный огонь чистоты, любви и правды проникалъ во все, чѣмъ жилъ онъ, что совершалъ. Этотъ огонь не только его согрѣвалъ и освѣщалъ путь его, но и окружающимъ его давалъ свѣтъ и теплоту. Славы людской онъ бѣжалъ, но онъ и его жизнь дышали славой небесной, — поэтому и слава земная вопреки его желанію нерѣдко догоняла его еще на землѣ. Въ глубокомъ смиреніи и далеко отъ глазъ людскихъ совершали они подвигъ свой, но самое смиреніе и прославляло ихъ.—«Смотрите, праведныхъ дѣлъ вашихъ не творите предъ людьми» (Мѡ. 6, 1). Въ этомъ вся программа для тѣхъ, кто идетъ по пути добра.—Правда, вниманіе окружающихъ, поощреніе ихъ придаетъ силу душѣ, поддерживаетъ благодушіе, возбуждаетъ желаніе трудиться и переносить всѣ тяготы, какихъ много на пути крестномъ. Но эта помощь только кажущаяся,—въ дѣйствительности же въ основѣ подъема духа отъ поощреній славы людской лежитъ гордость съ исчадіями ея: самолюбіемъ и тщеславіемъ. Потому-то во всѣ времена руководители духовной жизни съ особою силой предостерегали христіанъ отъ увлеченія славой мірской.

«Не продавай трудовъ твоихъ за славу человѣческую и не отдавай будущей славы за похвалу, ничего нестоющую. Слава добродѣтели пребываетъ во вѣки, а слава человѣческая угасаетъ на землѣ» (Ниль Син. о восьми дух.).

Авва Арсеній поучалъ своихъ учениковъ, рассказывая имъ свое видѣніе. Однажды вышелъ я изъ келіи и вижу предъ собою храмъ. Предъ воротами храма два всадника, несущіе за противоположные концы бревно. Они хотѣли вмѣстѣ вѣхаться въ ворота, но бревно имъ мѣшало. Нужно было одному уступить, пропустить другого первымъ. Но первое мѣсто отдать и стать вторымъ ни одинъ не хотѣлъ. Такъ и остались оба вѣвъ храма. Это—люди, которые какъ будто несутъ иго правды, но несутъ съ гордостью, не смиряются предъ другими, а любятъ превозно-

шенія, и остаются въ царства Божія. — Нести крестъ и значить прежде всего имѣть сердце сокрушенное и смиренное. Императоръ Ираклій, одѣтый въ богато-украшенную багряницу, съ праздничною торжественностью пожелалъ вознести на плечахъ своихъ крестъ Христовъ на ту самую гору, на которую нѣкогда вознесъ его Богочеловѣкъ. Но лишь только достигъ онъ воротъ города, почувствовалъ на плечахъ страшную тяжесть и долженъ былъ сложить съ себя крестъ. Много разъ потомъ приступалъ, но не могъ сдѣлать шагу впередъ. Всѣ были въ недоумѣніи. Епископъ Іерусалимскій Захарія сказалъ тогда: смотри, государь, въ этомъ великолѣпномъ убранствѣ тебѣ невозможно принести на мѣсто древо креста, которое несъ Христосъ въ убогомъ видѣ,— подражай Христову смиренію и нищетѣ. Тогда Ираклій снялъ съ себя драгоценныя одежды, одѣлся въ одежду нищаго и босыми ногами совершилъ остальной путь, и уже безпрепятственно. Господь этимъ показываетъ, чтобы и мы несли тяготы жизни, подражая Его смиренію и уклонялись всячески отъ того, чтобы дѣлать это напоказъ людямъ.

Распорядокъ жизни, основанный на христіанскомъ смиреніи, сопряженъ съ большими испытаніями. И прежде всего испытаніе отъ притѣсненій и униженій, отъ позора, которому подвергаетъ человекъ міръ. На этого врага жаловался еще Апостоль, когда говорилъ: Дано мнѣ жало въ плоть, ангель сатаны, который удручаетъ меня. Я трижды молилъ Господа, чтобы Онъ удалилъ его отъ меня (2 Кор. 12, 7).—Но эта тяжесть позора ведетъ къ высокой славѣ. «И сказалъ мнѣ Господь, свидѣтельствуешь тотъ же Апостоль: довольно съ тебя благодати Моей, сила Моя въ немощи совершается» (ст. 9). Довольно съ тебя, что ты воскрешаешь мертвыхъ, исцѣляешь больныхъ, очищаешь прокаженныхъ, — не домогайся жить въ безопасности безъ страха и проповѣдывать безъ труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи, что многіе коварствуютъ противъ тебя, гонять и

бьютъ тебя. Въ томъ и сила Моя, что вы гонимые одерживаете верхъ, вы преслѣдуемые побѣждаете своихъ преслѣдователей, вы связанные обращаете въ бѣгство связывающихъ.—По мѣрѣ того, какъ умножаются страданія ради Христа, умножается и утѣшеніе. Когда Апостолъ ввергнуть былъ въ темницу, тогда сотворилъ много чудесъ,—когда потерпѣлъ кораблекрушеніе, тогда особенно прославился,—когда въ оковахъ введенъ былъ къ судью, то побѣдилъ самого судью. Такъ было и въ ветхомъ завѣтѣ: среди искушеній процвѣтали праведники. Всѣхъ святыхъ Богъ велъ путемъ скорбей. Эти скорби и создавали славу, превосходящую всякую земную славу. «Римскій сенатъ, свидѣтельствуешь св. Златоустъ, призналъ Александра тринадцатымъ богомъ. Какой еще славы! Но гдѣ и въ чемъ слава Александра? Александръ по смерти своей не возстановилъ раздѣленной и совершенно исчезнувшей державы своей. А Христосъ тогда особенно утвердилъ державу Свою, когда умеръ. И что говорить о Христѣ, когда ученикамъ Своимъ Онъ далъ силу прославляться по смерти. Скажи мнѣ, гдѣ гробъ Александра? Укажи, въ какой день онъ умеръ. А рабовъ Христовыхъ и гробы славны, и дни ковчины составляютъ торжество цѣлой вселенной. Александрова гроба не знаютъ и свои, а гробъ Христовъ знаютъ и варвары. И гробы рабовъ Христовыхъ блистательнѣе царскихъ дворцовъ: самъ облеченный въ багряницу приходитъ лобызать эти гробы, и, отложивши гордость, молить святыхъ о предстательствѣ предъ Богомъ. Въ предстательствѣ умершихъ скинотворца и рыбака имѣеть нужду облеченный въ діадему. Такъ измѣняется порядокъ вещей: цари замѣняютъ мѣсто слугъ и рабовъ, а подчиненные облакаются саномъ царей или даже еще болѣе славнымъ» (Злат. т. 10-й, стр. 695). Вотъ какую славу даетъ вѣра въ Распятаго.

Когда, пропорціонально росту борьбы за хлѣбъ и имущество, мы все менѣе задумываемся надъ смысломъ жизни, и все болѣе вымираетъ въ насъ душа, можно ли молчать о вѣрѣ крестной, этой твердынѣ человѣческаго духа, источ-

нигѣ покоя, радости и славы? Когда огрубѣваетъ и камѣнѣетъ народное сердце, какъ не вспомнить «огонь съ древне христіанскаго алтаря пламенной любви къ высшей чистотѣ и совершенной праведности?» Люди, по Божьему завѣту жившіе, и среди язычниковъ умѣли самоустроить себя, свой внутренній міръ, и съ нимъ сообразовать и внѣшнее поведеніе. Они являлись всюду добрымъ гениемъ, приносящимъ въ окружающую среду порядокъ, честность, миръ. Христіанское подвижничество и научило міръ дѣйствительному героизму.

И въ наши дни для всѣхъ, какое бы положеніе кто ни занималъ, необходимо именно это внутреннее самоустроеніе на основахъ правильно понятаго христіанскаго подвижничества. Можно ли указать хоть одну область обязанностей, добросовѣстно понятыхъ и принятыхъ, гдѣ бы не было вопіющей нужды въ героическомъ подвижничествѣ? А оно прежде всего предполагаетъ работу надъ самимъ собой. Какъ подавать голосъ за тотъ или другой порядокъ, какъ указывать и создавать законы для упорядоченія другихъ, когда самъ не упорядоченъ? Какъ можно внести свѣтлую струю охлажденія страстей въ среду подростковъ, когда мы, старшіе, у нихъ на глазахъ являемся рабами страстей? При чудовищной противоположности современнаго богатства къ бѣдности, какъ не пожелать воздѣйствія христіанскаго подвижничества, чтобы «для однихъ покаяніемъ дѣятельной любви искупить грѣхъ своего счастья среди окружающей нищеты, для другихъ—чтобы не въ гнѣвѣ и мести, а въ терпѣннн и кротости выстрадать и превозмочь судьбу обездоленныхъ?» — Опытъ христіанскаго крестоношенія ясно засвидѣтельствовалъ, что нѣтъ большаго героизма, какъ смиреніе,—нѣтъ большей силы воли, какъ подчинить себя Волѣ Небесной, нѣтъ большей славы, какъ слава Божія. Пусть враги Креста Христова провозглашаютъ себя героями, спасителями: ихъ обличаетъ жизнь ихъ, дурная и преступная. Ихъ обличаютъ и дѣла: много угрозъ и провлятій врагамъ, много обѣ-

щаній громкихъ слышала отъ нихъ земля, а гдѣ покой и счастье, ими обѣщанные? Да и угрозы съ проклятіями признакъ ли силы? — Но посмотри въ глубь вѣковъ: какимъ величіемъ красоты и силы, правды и добра сіяетъ соямъ подвижниковъ Креста! Они не умѣли проклинать, а знали одно чувство — любить. «Ихъ тихій голосъ гремѣлъ на весь міръ, ихъ благодатная помощь осушала моря человѣческихъ слезъ. И до сихъ поръ мы, слабые и больные духомъ, живемъ ихъ крѣпостію, согрѣваемся ихъ свѣтомъ. О, они не кричали о себѣ на всѣхъ перекресткахъ: мы все можемъ! но силою Креста подлинно все могли». — Надо изучить пройденный ими путь, надо вникнуть въ ихъ духовную мудрость и, отрывувъ славу мірскую, по примѣру подвижническому воздвигнуть въ сердцахъ своемъ забытый и поправный Крестъ Христовъ.

Вотъ единственная дорога къ спасенію отъ нашихъ житейскихъ язвъ.

Свящ. Н. Орловъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«Прегордаго змя Ты смирилъ еси, вышній Боже, смиреніемъ сердца возносимъ на древо, и Адама страстми смиренного вознеслъ еси, щедре»... (Сред., гл. 6, кан. п. 8). Гордость—и смиреніе (униженіе), возвышеніе и—ниспроверженіе. Вина всякаго паденія—гордость, заносчивость; за ними всегда слѣдуетъ ниспроверженіе, униженіе. Благо же смиренному: ему не страшно паденіе, и не будетъ ему осуждающаго.

* * *

Приучите себя вдумываться въ глубоко трогательный и назидательный смыслъ перковныхъ пѣснопѣній, и вы откроете для своей души цѣлый чудный міръ небесныхъ утѣшеній, новыхъ для васъ возвышенно-облагороживающихъ истинъ, радостей и блаженства, едва постижимыхъ на землѣ.

* * *

Если ты былъ тяжкимъ грѣшникомъ, но Господь спасающею благодатію Своею коснулся тебя и призвалъ на покаяніе,—и не помышлай о возможности возвращенія и повторенія прошлаго. Ты теперь на высотѣ покаянія, и паденіе съ такой высоты—гибель.

* * *

Благословляю Тебя, Господи! Тварь Твоя — благословляю своего Творца. Благословляю Тебя, какъ облагодатствованный своего Благодателя. Благословляю Тебя, сокровище мое и всю отраду и надежду мою, во всѣхъ моихъ скорбяхъ и испытаніяхъ, и въ семь вѣкѣ, и въ будущемъ.

Благословляю и Тебя, Владычице, радость наша! Благословляю Твое пресладкое имя, начальница спасенія нашего, благодатное селеніе Спасителя и Испытателя нашего.

* * *

Съ рождествомъ Богородицы настала новая жизнь для всѣхъ насъ и для всего міра. Сейчасъ она намъ мало замѣтна. Съ концомъ же нашей жизни земной это станетъ всѣмъ повятно и очевидно.

* * *

«Днесъ иже на разумныхъ престолахъ почиваяй Богъ— престолъ святъ на земли Себѣ предъуготова: утвердивый мудростію небеса—небо одушевленное челолюбимъ создѣла: отъ неплоднаго бо корене—садъ живоносенъ израсти намъ — Матерь Свою—иже чудесъ Богъ и ненадѣющихся надежда. Господи, слава Тебѣ!..» Какая дивная, полная глубокаго смысла и поэтической красоты, стихира. Богъ чудесъ и надежда ненадѣющихся совершилъ величайшее чудо, въ которомъ мы, безнадежные, получили надежду спасенія: предъуготовалъ Себѣ живой престолъ на земли, подобный и даже превосходящій ангельскіе престолы, на коихъ Онъ сидитъ въ небесахъ. Этотъ живой и святѣйшій ангеловъ престолъ—Матерь Божія, воплотившая Сына Божія. Сотворилъ новое одушевленное небо, высшее и прекраснѣйшее неодушевленныхъ небесъ — Дѣву Пречистую, въ Которой Онъ, солнце праведное, возсіалъ намъ свѣтомъ Своимъ. Израстилъ намъ новый живоносный рай отъ неплоднаго корня—пренепорочную благодатную Ма-

рію, процвѣтшую намъ новое древо жизни и плодъ безсмертія—Господа Богочеловѣка, питающаго насъ Тѣломъ и Кровію Своею. Господи человѣколюбче! слава Тебѣ за столь дивныя и благодѣтельныя чудеса ради насъ безнадежныхъ.

* * *

«Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ: яко вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ, и тии будутъ Мнѣ людіе»... (2 Кор. 6, 16). Какое высокое достоинство христіанина провозглашается здѣсь! И какъ оно согласно съ дѣйствительностію, особенно въ причащеніи св. таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ и въ другихъ таинствахъ св. Церкви, вливающихся великую и богатую благодать Духа Святаго въ души, сердца и тѣла наши.

* * *

Два рая позналъ человѣкъ на землѣ—Адамовъ и Христовъ. Насколько Христось выше Адама, настолько рай Его благодѣтельнѣе для насъ Адамова. Насколько облагодатствованный Искупителемъ человѣкъ выше естественнаго, духовный выше душевнаго, настолько лучшее жилище уготовалъ Господь первому.

* * *

Церковь—рай Христовъ. Древо жизни въ ней—Матерь Божія, давшая намъ плодъ безсмертія — Сына Божія во плоти и крови, коихъ причащаясь, мы вкушаемъ безсмертіе и вѣчное блаженство.

Древо жизни есть также и Крестъ Господень, на которомъ повисъ и созрѣлъ намъ живоносный гроздь—Распятый Спаситель, Кровь Котораго, за насъ изливаемая, питаетъ, исцѣляетъ и оживотворяетъ насъ отъ грѣха и смерти.

* * *

Во Христа вѣровали не только, когда видѣли Его во славѣ, но и въ Его униженіи и пораженіи. Такъ разбойникъ на крестѣ, сотникъ у креста—о, какіе это драгоценные свидѣтели и исповѣдники славы и величія Христова въ страданіи!

* * *

Распинатели Христовы знали, что Онъ говорилъ: *«по триехъ дняхъ востану»*... Сами поставили стражу у гроба. Стерегли гробъ самымъ тщательнымъ образомъ. И вдругъ—апостолы говорятъ, что Онъ воистину воскресъ. Если бы они начали проповѣдывать это безъ достаточныхъ основаній, чего бы легче опровергнуть ихъ, доставъ кости погребеннаго? Очевидно, *опровергнуть-то было нельзя!* Иисуса дѣйствительно не было во гробѣ. Но гдѣ же Онъ? Куда Онъ дѣвался? Ужели басня о Его покражѣ можетъ быть названа сколько-нибудь вѣроятною? Очевидно, Господь воистину всталъ отъ мертвыхъ!

* * *

Мечъ Давида, коимъ онъ поразилъ Голиафа, былъ въ великой чести повѣшенъ при скинии. Не тѣмъ ли болѣе прилично—имѣть во всякой чести Крестъ Господень, коимъ Онъ сокрушилъ главу, силу, гордыню и злобу адскаго Голиафа со всѣмъ воинствомъ его!

* * *

Святая мученица Софія не подвергалась тѣлеснымъ мученіямъ, а прославляется какъ мученица—за терпѣніе и перенесеніе другихъ, душевныхъ страданій. Что можетъ быть тяжелѣе и больнѣе для сердца матери, какъ видѣть невинно страдающихъ дѣтей? Такъ и мы можемъ удостоиться вѣнца мученическаго въ терпѣніи нашей жизни, которая для многихъ есть истинное и великое мученичество.

* * *

Царица небесная—истинная Царица мучениковъ и мученицъ, ибо претерпѣла при Крестѣ Сына Своего мученія самыя тяжкія для сердца человѣческаго. Это сдѣлало Ее способной понять всякое человѣческое страданіе и приходить на помощь всякому Ее призывающему въ своихъ скорбяхъ и страданіяхъ.

* * *

Господь нѣкогда распространялъ Свою вѣру не только проповѣдію, но и чудесами. Апостолы тоже. И безъ чудесъ ихъ проповѣдь, вѣроятно, не имѣла бы такой всепобѣждающей, неопровержимой силы. И нынѣ Господь поддерживаетъ Свою вѣру въ вѣрующихъ не только служеніемъ пастырей, но и чудесами и исцѣвленіями и др. знаменіями отъ св. иконъ и мощей и отъ живыхъ носителей Его духа и силы, о чемъ иногда болѣе скрывается, нежели говорится, утаеваясь отъ премудрыхъ и разумныхъ и открываясь младенцамъ,—тѣмъ болѣе, что помощь Божія иногда избираетъ такіе пути и средства проявленія, которые не бьютъ на впечатлѣніе рѣзко, вынуждая признаніе своего присутствія, а оставляютъ возможность самостоятельнаго угадыванія силы Божіей въ томъ или другомъ событіи—по тѣмъ или другимъ признакамъ неслучайности съ нами происходящаго.

* * *

Небесная помощь по молитвамъ нашимъ въ той или другой скорби и нуждѣ нашей является въ троякомъ видѣ: или скорбь и нужда наша *совсѣмъ отъѣмлетя*, или *уменьшается*, или наконецъ—*посылается сила и терпѣніе* къ ихъ перенесенію.

* * *

О, Господи! Сколько у Тебя несчастныхъ, требующихъ Твоей помощи и утѣшенія! Сколько дрожащихъ отъ холода! Сколько изнывающихъ отъ голода и болѣзней!

Сколько оскорбленныхъ ближними своими! Всѣ они плачутъ, всѣ страдаютъ. Большинству ихъ слезы могли бы и должны бы утирать мы, ибо намъ сказано: *«тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ»*... А мы своимъ безсердечіемъ только усугубляемъ ихъ горе. И вотъ они стоятъ предъ Тобою горькимъ укоромъ нашему непослушанію Твоей волѣ, нашей безсердечности, нашей жестокости и неблагодарности. Мы — Тебя заставляемъ дѣлать то, что составляетъ нашъ священнѣйшій долгъ, каждому доступный и столь естественный. Чего легче и естественнѣе — какъ то, чтобы человекъ помогаль чело-вѣку? *«Братъ отъ брата помогаемъ, яко стѣна тверда»*... А мы не хотимъ этого и какъ бы грубо говоримъ Богу словами Каина: *«помогай Самъ! Развѣ я сторожъ брату моему?»*.. О, издѣвательство окаяннѣйшее, гнуснѣйшее! и кого же? надъ кѣмъ? неблагодарной твари надъ благодѣтельнѣйшимъ Отцомъ, вся вина Котораго здѣсь въ томъ, что Онъ хочетъ, чтобы человекъ былъ *истиннымъ* чело-вѣкомъ, *братомъ* своему брату, истиннымъ чадомъ Отца Небеснаго въ Его небесной семьѣ.

* * *

Терпѣніе болѣзней и скорбей—это *капиталъ* небесный съ вѣчными *процентами*. Обезпеченіе полное! Безопасность для капитала несомнѣнная! Выгодность, прибыльность — далеко превосходящая самый капиталъ: больше 100% на 100 во столько разъ, во сколько вѣчное больше временнаго. Желающіе, наживайтесь!!!

* * *

Господь любитъ праведныхъ, радуясь ихъ праведности. Любитъ и грѣшниковъ, жалѣя ихъ и сокрушаясь объ ихъ грѣховности. Какъ отцу земному дорогъ и уродливый сынъ, иногда даже болѣе здороваго, такъ и Отцу небесному дороги мы каждый по-своему, доставляя ли Ему утѣшеніе или огорченіе.

* * *

Благодари Бога за все, что служить къ твоему смиренію: за людскую неправду, за оскорбленія, за клеветы, за всѣ тяготы, скорби и неудачи твои. Это все—неувыдаемые цвѣты на вѣнокъ страдальческой, съ красотою котораго не сравнится ничто на землѣ — для претерпѣвающихъ все съ покорностію, смиреніемъ и самоукореніемъ.

* * *

Матерь Свою Господь отдалъ ученигу Своему, стоявшему у Креста. Такъ и ты можешь получить Ее въ покровительницы себѣ лишь дотолѣ, доколѣ пребываешь со Христомъ въ терпѣніи и страданіяхъ. Если ты не со Христомъ у Креста, то нѣтъ Его около тебя, и Пречистая Матерь Его—не съ тобою.

* * *

Если не улаживаетъ работа, и тяготится душа, отдохни, подкрѣпи ее молитвеннымъ подвигомъ и успокоеніемъ въ Богѣ и богомысліи.

* * *

Противъ своей воли, Іудеи и распинатели Христовы исповѣдали Его Царемъ Іудейскимъ, читая надпись на Крестѣ Его: *«сего же титла мнози чтоша отъ Іудей»*... Такъ Господь и саму злобу и ложь заставилъ свидѣлствовать истину, хотя и возмущаясь ею. И въ этомъ-то возмущеніи оянь-таки познается истина, которая, конечно, не была бы истиною, если бы ею не возмущалась ложь!

* * *

«Хранитъ Господь душу преподобныхъ Своихъ, изъ руки грѣшници избавитъ я»... (96 пс., 10 ст.). Сколько бы ни ухищрялся врагъ и подданные ему безбожники и нечестивцы, Господь хранитъ душу праведника. Иногда и эта

душа тяжко страждетъ отъ безбожныхъ, иногда въ самое святое-святыхъ ранять ее обидами, оскорбленіями, всякими несправедливостями и стѣсненіями, и при всемъ томъ—жива душа та, доколѣ живъ Господь — хравитель ея, и никакія насилія не въ силахъ уловить ее на погибель, какъ не утопить въ водѣ масла.

* * *

«*Любящій Господа, ненавидите злая*»!.. (96 пс., 10 ст.). Какъ нѣкая бойкая прокламація, пускается въ народъ Божій и гремитъ въ немъ этотъ замѣчательный страстный призывъ: «*Любящій Господа, ненавидѣте злое*»! Забастуйте противъ всего, истинно злого! Предпримите самый беспощадный бойкотъ всякому преступленію, всякой злобѣ, безбожію, нечестію, развращенію! Устранитесь отъ всего этого, сплотитесь въ несокрушимый союзъ *Господофиловъ*, проводя свой принципъ любви ко Господу во всѣхъ своихъ словахъ, дѣлахъ, чувствахъ, помыслахъ и занятіяхъ самымъ неуклоннымъ, самымъ настойчивымъ и демонстративнымъ образомъ.

А. Г.

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ІАКОВЪ,
архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій ¹⁾.**

(† 20 мая 1850 года).

Весной 1849 года высокопреосвященнѣйшій Іаковъ былъ вызванъ на полгода въ С.-Петербургъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Нижняго преосвященный Іаковъ въ кафедральномъ соборѣ совершалъ напутственный молебенъ и въ прощальной рѣчи сказалъ: «Любовь моя къ вамъ, гдѣ бы я ни находился, неизмѣнна: она всегда и всюду будетъ сопутствовать мнѣ и услаждать меня; она сойдетъ со мной и въ самую могилу,—и, если я умру, помните меня». Затѣмъ на память онъ разослалъ по всѣмъ нижегородскимъ монастырямъ и многимъ своимъ знакомымъ по экземпляру вновь напечатанныхъ своихъ словъ «о набожности», а въ тюремные замки послалъ по экземпляру своей рѣчи «утѣшительной для несчастныхъ». 9 декабря въ 9 часовъ утра, преподавъ послѣднее благословеніе всѣмъ собравшимся принять оное въ его архіерейскихъ покояхъ, онъ отправился въ путь, сопровождаемый далеко за предѣлы города многими лицами изъ духовенства и купечества. 18 декабря онъ прибылъ въ С.-Петербургъ и остановился въ приготовленномъ для него Ярославскомъ подворьѣ.

«По пріѣздѣ въ столицу высокопреосвященный Іаковъ, никогда и нигдѣ не пользовавшійся брѣвкимъ здоровьемъ,

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Душен. Чтенія* за 1910 г.

здѣсь, при перемѣнѣ климата, почувствовалъ себя нехорошо. Однако, онъ крѣпился и бодрствовалъ духомъ, такъ что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, января и февраля, въ точности исполнялъ всѣ синодальныя и епархіальныя дѣла, не опуская при этомъ обычнаго совершенія богослуженій и присутствованія на различныхъ публичныхъ актахъ и засѣданіяхъ въ ученыхъ, учебныхъ и разныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Но вотъ наступилъ весенній мартъ мѣсяць, и здоровье его сдѣлалось столь слабымъ, что онъ долженъ былъ обратиться за пособіемъ къ совѣту врачей, въ то же время всю надежду свою возлагая на единого Врача небеснаго, прибѣгая къ таинству причащенія и молитвъ. Молитва святителя Іакова была всегда усердная и сокрушенная: когда, по слабости силъ, онъ не могъ стоять на ногахъ, онъ молился на колѣняхъ или ницъ лежалъ на коврѣ, изъ глубины души воздыхая передъ Богомъ. Въ первый день св. Пасхи, случившейся въ томъ году 23 апрѣля, больной святитель не хотѣлъ лишать себя утѣшенія — совершить литургію и совершилъ ее, хотя и черезъ силу, въ своей крестовой церкви; но это была послѣдняя совершенная имъ литургія! Съ того времени жизнь высокопреосвященнаго Іакова, какъ оскудѣвшее масло въ лампадѣ, стала быстро догорать. По случаю тяжелой болѣзни своей владыка Іаковъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ и, въ ожиданіи разрѣшенія на сіе, собирался отправляться въ свою епархію—въ Нижній-Новгородъ. Но усилившаяся болѣзнь задержала его на мѣстѣ. Чувствуя приближеніе своей кончины, высокопреосвященный Іаковъ еще разъ исповѣдывался и причастился св. Тайнъ и былъ соборованъ масломъ. Послѣ сего онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами просилъ прощенія у всѣхъ его окружавшихъ. Оставаясь одинъ, онъ не отрывалъ глазъ отъ иконы и все читалъ про себя молитвы, и такъ «съ очами, обращенными на икону Божіей Матери, и со словами «Господи помилуй» святитель Божій

испустилъ духъ свой на 59 году отъ рожденія. Это было 20 мая въ два часа пополудни. Съ 6 часовъ, когда усопшій облаченъ былъ въ святительскія одежды, начато было по немъ чтеніе Евангелій. На другой день полагали его во гробъ, на третій послѣдовалъ выносъ тѣла съ Васильевского острова въ Александро-Невскую лавру. Тѣло усопшаго сопровождалъ казанскій архіепископъ Григорій (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій) съ двумя епископами и многими духовными лицами. Въ день погребенія литургію въ Александро-Невской лаврѣ соборнѣ служилъ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Никаноръ; онъ же совершалъ и погребеніе въ сослуженіи четырехъ архіереевъ, шести архимандритовъ и до 60 лицъ бѣлаго духовенства и монашествующихъ. Надгробное слово съ изъясненіемъ заслугъ покойнаго и съ указаніемъ на его душевныя качества говорилъ инспекторъ С.-Петербургской академіи, архимандритъ Макарій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Тѣло почившаго о Христвъ архипастыря положено въ Лаврской Θεодоровской церкви, на лѣвой сторонѣ царскихъ вратъ, противъ иконы Богоматери.

Скорбная вѣсть о кончинѣ Нижегородскаго архипастыря вскорѣ достигла и до его осиротѣвшей паствы, вызвавъ у всѣхъ пасомыхъ искреннее и нелицемѣрное сожалѣніе о такой тяжкой и невознаградимой утратѣ. По всѣмъ церквамъ, градскимъ и сельскимъ, стали возноситься теплыя молитвы о упокоеніи души любимаго и уважаемаго архипастыря. Первая заупокойная литія совершена была въ Печерской обители въ день Вознесенія Господня—храмового праздника въ оной, когда въ обитель съ крестнымъ ходомъ изъ города и окрестностей стекается масса молящихся. Потомъ (3 іюня) заупокойная литургія и за нею панихида совершена была въ Нижегородскомъ кафедральномъ соборѣ ректоромъ семинаріи архимандритомъ Аполлоніемъ при участіи многочисленнаго духовенства и при стеченіи массы народа всѣхъ возрастовъ, званій, по-

ложеній и состояній въ обществѣ»¹⁾. Одинъ изъ его учениковъ, извѣстный писатель, профессоръ Казанской академіи Петръ Устиновичъ Палилейсестовъ отзывался о преосвященномъ Іаковѣ, что этотъ святитель былъ очень добрый, свѣтлаго ума и притомъ аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова. «Жизнь его была такова, что его, особенно въ послѣдніе годы епископства въ Саратовѣ, прямо называли святымъ и немало рассказывали случаевъ, которые свидѣтельствовали, что Богъ слышитъ его молитвы. Общій говоръ носился такой, что при наступленіи засухъ всегда послѣ всеобщихъ молитвъ, во главѣ которыхъ находился самъ архипастырь, начинались дожди. Для этихъ молитвъ обыкновенно устраивались крестные ходы къ мужскому монастырю, и въ нихъ принимали участіе все духовенство съ своимъ архипастыремъ, всѣ граждане г. Саратова, высшіе чины и учащіеся. Врѣзался въ моей памяти одинъ случай. Жары стояли нестерпимые. Часовъ въ 9 утра открылся изъ каедральнаго собора крестный ходъ съ святителемъ во главѣ. На небѣ ни облачка. Въ воздухѣ какая-то удушающая мгла, пыль непроглядная. Доходить крестный ходъ до колодца близъ монастыря, и начинается колѣнопреклоненное молебствіе; и вотъ—поразившее всѣхъ чудо: въ то время, когда владыка, стоя на колѣняхъ, читалъ молитву о ниспосланіи дождя,—вдругъ надвигается съ необыкновенной быстротой, но безъ грома и молніи, черная туча, и полился буквально проливной дождь, полился, какъ только владыка кончилъ молитву. Крестный ходъ обратно шель въ соборъ подъ дождемъ, который лился, какъ изъ ведра, и ни на комъ и ниточки не оставилъ сухой. Въ слѣдующіе дни продолжались дожди, все ожило, и поля дали въ томъ году обильную жатву. Послѣ того нечего много удивляться тому общему говору, который разносился при отъѣздѣ этого молитвенника на Нижегородскую епархію: «Благо-

¹⁾ Ibid., 321—324.

дать Божія оставляетъ нашъ Саратовъ». Будто бы этому говору не противорѣчили даже раскольники, на которыхъ высокопреосвященный Іаковъ смотрѣлъ, какъ на опасную народную язву, противъ которой употреблялъ разныя мѣры и средства и даже иногда былъ не противъ суровыхъ мѣръ. Высокопреосвященный Іаковъ, будучи мудрымъ администраторомъ, пламеннымъ молитвенникомъ и строгимъ подвижникомъ по образу жизни и по всепѣло преданному служенію св. церкви, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ и ораторомъ. Онъ училъ, какъ власть имѣющій, — таково было произношеніе имъ словъ, — и этому отчасти помогала его величавая, строго выдержанная осанка. Проповѣди его отличались искренностію, задушевностію, теплотою и назидательностію и были для всѣхъ понятны. Изъ нихъ составилось до пяти небольшихъ, впрочемъ, томовъ ¹⁾. Онъ же, высокопреосвященный Іаковъ, имѣлъ особенное попеченіе о разсадникахъ духовнаго образованія и въ особенности о семинаріи, которую онъ часто посѣщалъ, строго слѣдилъ за преподаваніемъ, успѣхами и направленіемъ готовящихся на такое важное и высокое служеніе церкви и отечеству. Въ послѣднихъ классахъ семинаріи, философскомъ и богословскомъ, онъ нерѣдко говорилъ латыни, какимъ языкомъ владѣлъ, какъ роднымъ. Разъ вотъ что случилось: пріѣхавши въ семинарію, владыка посѣтилъ классъ богословскій, гдѣ урокъ былъ по догматическому богословію, которое преподавалъ о. ректоръ. Спрашивая учениковъ урокъ и самъ много разъясняя, высокопреосвященный вдругъ, въ подтвержденіе какой то истины, произноситъ текстъ Св. Писанія на латинскомъ

¹⁾ Кромѣ словъ и поученій, имѣвшихъ не одно изданіе, высокопреосвященному Іакову принадлежатъ слѣдующія печатныя произведенія: 1) „Состояніе православной російской церкви въ Кипчакской или Золотой Ордѣ“ и 2) „Исслѣдованіе о мѣстѣ сарая, столицы Кипчакской Орды“; то и другое сочиненія напечатаны въ „Запискахъ Казанскаго Университета“, 1842 г.

языкъ и, произнесши его, спрашиваетъ отвѣчавшаго ученика: «Кто сказалъ эти слова»? Нѣтъ отвѣта. Обращается съ вопросомъ ко всему классу: «Чьи это слова»? Классъ молчитъ. Такъ вотъ я изъ васъ, говоритъ владыка, сдѣлаю живую Библію. Раздѣлите, о. ректоръ, всѣ книги ветхаго и новаго завѣта между учениками, и пусть каждый изъ нихъ твердо помнитъ тексты даннаго ему отдѣла св. книгъ; я пріѣду и сдѣлаю экзамень.

Пріѣзжаетъ черезъ мѣсяць или ранѣе съ огромнымъ запасомъ текстовъ, и начинается экзамень, длившійся безъ малаго цѣлый часъ. Экзаменующій остается доволенъ отвѣтами и, обращаясь къ о. ректору, говоритъ: «Вотъ вы имѣете теперь живую Библію», а, обращаясь къ ученикамъ, преподаетъ слѣдующее наставленіе: «Каждый изъ васъ долженъ знать все Священное Писаніе, долженъ читать и читать его; въ Библии слово Божіе, а безъ знанія слова Божія богословъ—пустословъ, а пустословъ можетъ ли быть достойнымъ служителемъ алтаря Господня, пастыремъ и учителемъ ввѣренной ему паствы? Помните, заключаетъ владыка: вы готовитесь быть свѣтомъ міру,—міру родному, русскому, который еще доселѣ ходитъ во тьмѣ и ждетъ просвѣщенія отъ своихъ пастырей».. Вотъ другой поучительный случай. Посѣщаетъ владыка классъ риторики и по какому-то поводу велитъ одному ученику прочитатъ указанный имъ псаломъ. Ученикъ читаетъ, но какъ?.. Владыка умѣлъ владѣть собою, но, слыша неумѣлое чтеніе, возвышаетъ голосъ и говоритъ: «Такъ-то они знаютъ языкъ св. Церкви? Какіе же изъ нихъ выйдутъ чтецы? Кто пойметъ ихъ? Больше ни слова; я выхожу изъ класса, глубоко опечалившаго мое сердце». Вышелъ изъ класса и изъ семинаріи съ огорченными чертами лица и, остановившись предъ ожидавшею его у подъѣзда каретой, сдѣлалъ сопровождавшему его семинарскому начальству слѣдующій наказъ: «Отнынѣ каждую субботу изъ всѣхъ трехъ классовъ семинаріи пусть шесть питомцевъ, поочередно, никого не пропуская, ходятъ ко мнѣ въ

Крестовую церковь на всеобщую: двое изъ низшаго класса будутъ читать шестопсалміе, двое изъ средняго—каеизмы, а изъ высшаго—канонъ». Приказаніе было исполнено. Но каждый разъ всѣ ученики, назначенные къ чтенію на глазахъ владыки, должны были тщательно приготовиться къ этому чтенію, подъ руководствомъ семинарскаго начальства. Съ той поры истовое и толковое чтеніе въ церкви стало обычнымъ явленіемъ между учениками семинаріи¹⁾.

Служка преосвященнаго рассказывалъ о подробностяхъ его кончины²⁾.

«Владыка питался только просфорю и плодами, преимущественно яблоками, и, повидимому, былъ здоровъ. Но за день кануна смерти силы его ослабѣли. Онъ легъ на кровать, которая стояла у него за перегородкою. Насталъ вечеръ. Онъ позвалъ іеромонаха и просилъ его, чтобы завтра онъ началъ и отслужилъ обѣдню ранѣе обыкновеннаго часа и принесъ бы ему св. Дары, для приобщенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ, что и было исполнено въ точности, согласно съ его желаніемъ. Обѣдня кончилась, и принесены были св. Дары. Лишь только приобщился онъ св. Таинъ, то и началъ отходить ко Господу, не спуская глазъ съ небольшого креста съ распятымъ Господомъ, висѣвшаго на стѣнѣ, противъ кровати. И все читалъ молитвы,—сначала повнятно, а потомъ уже неразборчиво, и вдругъ замолкъ, закрывъ навѣски свой свѣтлый чудный взоръ. Скончался онъ—владыка святой, такъ тихо и безмятежно, что на лицѣ его не отразилось ни малѣйшаго слѣда смертной муки. Да, умираютъ такъ только праведники! Есть еще кому въ настоящее время и есть за что почитать доброй и незабвенной памятью почившаго владыку Іакова, бывшаго епископа Саратовскаго, а впоследствии архіепископа Нижегородскаго и члена Святѣй-

¹⁾ Ibid., стр. 330.

²⁾ Ibid., 1892 г., стр. 64.

шаго Синода. Онъ такъ былъ добръ, что рѣдко имѣлъ при себѣ вѣсколько рублей. Это многимъ было извѣстно; да и по смерти-то его оказалось налицо всего только пять рублей.

Да, это былъ такой архипастырь, который надолго будетъ незабвеннымъ и послѣ кончины. Скончался онъ въ бытность мою въ Петербургъ въ 1850 году, мая 20, въ жаркое время. Но при всемъ этомъ весьма знаменательно было то, что ничего не было похожего на разложеніе его тѣла.

Отпѣваніе и погребеніе тѣла высокопреосвященнаго Іакова совершено было въ Феодоровской церкви Александро-Невской лавры митрополитомъ Никаноромъ. Оно погребено подъ солею, предъ мѣстнымъ образомъ Божіей Матери.

Пока не выведенъ еще былъ сводъ надъ гробомъ на мѣстѣ упокоенія, прикрыто это мѣсто было досками; я видѣлъ, какъ многіе изъ посѣщающихъ храмъ цѣловали эти доски и крестились, крестились и опять цѣловали. Это было въ столицѣ, гдѣ высокопреосвященный Іаковъ жилъ недолго.

Горестная вѣсть скоро достигла до осиротѣлой Нижегородской паствы. Протоіерей о. Павелъ Лебедевъ такъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о преосвященномъ Іаковѣ ¹⁾. «Глубокое соболѣзнованіе о потерѣ любимаго и уважаемаго всѣми архипастыря во всѣхъ сословіяхъ отозвалось искренно, нелицемѣрно. Повсюду возносились слезныя молитвы о упокоеніи души усопшаго, любившаго молиться о живыхъ и умершихъ. Но сердечная грусть болѣе всего выразилась въ чувствахъ собравшагося въ Печерскую обитель народа, въ день Вознесенія Господня, на храмовой праздникъ. Предъ литургіей, по обыкновенію, сюда прибылъ крестный ходъ. Собралась многочисленная паства, но пастыря нѣтъ. Всюду видно устройство, отлич-

¹⁾ Нижній-Новгородъ. 1853 г., стр. 29—32.

ный порядокъ, великолѣпіе храма, но возобновителя древней обители нѣтъ. Всѣ, какъ бы потерявъ драгоценное сокровище, чего-то ищутъ взоромъ и сердцами, и не находятъ. Среди многолюдства—неизъяснимая пустота. Храмъ освѣщенъ великолѣпно, сіяютъ свѣтлые лучи солнца, но въ душахъ грусть самая тяжелая. Настали минуты, въ которыя скорбь торжественно выразилась въ кругу всего собранія. Литургія кончилась. Крестный ходъ готовился возвратиться въ городъ. Въ это время управляющій Печерскою обителью архимандритъ Теофиль со всѣмъ градскимъ духовенствомъ и монашествующею братією совершилъ заупокойную о возлюбленномъ архипастырѣ литію. По возглашеніи діакономъ вѣчной памяти усопшему, воздыханія предстоящей братіи воплемъ раздались въ храмѣ, и всѣ исполнились невыразимаго словомъ, но понятнаго одному только сердцу, скорбнаго чувства. Послѣ сего, 3 іюня, въ кафедральномъ соборѣ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Аполлоніемъ, совершена съ соборнымъ духовенствомъ о упокоеніи души іерарха литургія, а послѣ оной, со всѣмъ градскимъ духовенствомъ, при многочисленномъ стеченіи сѣтующаго народа, панихида. Это поминовеніе продлится долго, долго>...

Смерть преосвященнаго Іакова — горькая потеря для Нижегородской паствы, въ особенности для любимой имъ Печерской обители, которая, при неусыпномъ его попеченіи, въ три года, какъ фениксъ, возникла изъ своихъ развалинъ. Незабвенъ архипастыръ и для Нижегородской семинаріи; для нея сдѣланы имъ значительныя пожертвованія книгами, драгоценными вещами, рѣдкими произведеніями Сибири и исходатайствовано отъ высшаго начальства денежное ежегодное пособіе въ 1650 руб. сереб. Незабвенъ для православія: цѣлыя тысячи отпадшихъ обращены имъ въ нѣдра св. церкви. И тамъ, въ отдаленныхъ убѣжищахъ, среди мрачныхъ лѣсовъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ водворялось грубое суевѣріе, гдѣ было скопище заблудшихъ овецъ, немѣвшихъ пастырей, те-

перь тамъ воздвигнуты алтари, явились законные пастыри, и отселѣ возноситься будетъ безкровная жертва, воскурится чистѣйшій молитвенный фиміамъ. Вѣчно памятенъ для всей паствы: она видѣла въ немъ правило вѣры, образъ кротости, воздержанія учителя, видѣла въ полномъ смыслѣ пастыря доброга.

Въ бумагахъ покойнаго рязанскаго архіепископа Гавриила Городкова послѣ его смерти († 1862 г.) найдена записка о кончинѣ Нижегородскаго архіепископа Іакова ¹⁾.

«Преосвященный Іаковъ скончался 20 числа мая, 1850 года. Того же числа послѣ вечерни преосвященный Евсевій, ректоръ академіи, прибылъ на подворье и положилъ тѣло во гробъ; послѣ малой литіи 7 человекъ духовныхъ понесли тѣло въ церковь, поставили на устроенный катафалкъ, и отпавлена была большая панихида, по окончаніи которой преосвященный Евсевій началъ читать Евангеліе, потомъ стали читать и прочіе. Скажу съ особеннымъ благоговѣніемъ, что слышалъ я отъ его духовника о жизни преосвященнаго Іакова: онъ истинно былъ свѣтильникъ церкви православной. Управляя 14 лѣтъ Саратовскою епархіею, онъ обратилъ тысячи раскольниковъ. По смерти его у него не найдено денегъ. Пожалованныя ему на лѣченіе деньги и жалованье раздавалъ самобѣднѣйшимъ. Для приличія бывалъ докторъ, лѣкарства брали, но онъ не принималъ ихъ. Въ болѣзненномъ состояніи избралъ себѣ комнату спальни лакейской, на простомъ войлокѣ отдыхалъ и почти всякій день приобщался святыхъ тайнъ. 20 числа мая, въ 3 часа утра позвалъ къ себѣ духовника, приказалъ ранѣе обыкновеннаго быть ранней обѣднѣ, а ему читать молитвы предъ причащеніемъ. Когда были принесены святые тайны, онъ не могъ уже встать съ одра и встрѣтить ихъ, а сидя принялъ святой сосудъ, долго держалъ его въ рукахъ и тихо что-то произносилъ,

¹⁾ Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей. 1876 г., книга 1, стр. 240—242.

чего не могли слышать; потомъ, причастившись, отпустилъ, выпилъ теплоты и съ усерднымъ крестомъ легъ на бокъ. Черезъ часъ услышали пѣвнѣ его тихимъ голосомъ: «Господи, помилуй!» «Христось воскрес!» болѣе же сего ничего и никому не говорилъ и спокойно въ 3 часа пополудни скончался безъ всякихъ страданій. Богатство его: 3 рясы и 2 полукафтаны, 2 пары сапогъ и малое количество бѣлья. Духовное завѣщаніе и прочее хранится въ Нижнемъ. На Ѳоминой недѣлѣ въ пятницу позвалъ онъ къ себѣ духовника и сказалъ ему: «Исповѣдуй меня, и моя исповѣдь будетъ не такая, какъ обыкновенно отъ исповѣди до исповѣди: я хочу исповѣдаться отъ юности всѣ грѣхи мои, помышленія и чувства». Подобную же исповѣдь предложилъ и духовнику своему, и былъ ему самъ духовникомъ, а на память пожаловалъ ему старинныя серебряныя часы, стоящія 20 руб. ассиг. Въ продолженіе поста ни одного раза чаю не кушалъ. Въ 1 день Пасхи служилъ обѣдню и столько ослабѣлъ, что едва привели его въ келью. 22 числа въ 5 часовъ подняли тѣло въ Невскій монастырь. При выносѣ были 3 архіерея: Григорій Казанскій, викарій и ректоръ, невискіе пѣвчіе и все духовенство столицы, а народу столько, что жандармы ѣхали по сторонамъ. До Андрея Первозваннаго шель Григорій, и тутъ, у церкви, отслужилъ литію и самъ остался. Митрополитъ встрѣтилъ у Знаменія, на Невскомъ проспектѣ, и шель до монастыря. Дорога устлана была можжевельникомъ; при выносѣ изъ домовой церкви украсили гробъ разными цвѣтами, и когда везли тѣло, то изъ домовъ бросали по пути и на гробъ разные цвѣты, вѣнки и пучки лучшихъ цвѣтовъ. Никто не помнитъ подобной приверженности. 24 числа отпѣвали погребеніе въ Невскомъ соборѣ, а похоронили у Лазаря, а народу столько было, что соборъ не вмѣстилъ желающихъ. Надгробное слово произнесъ архимандритъ Макарій, инспекторъ академіи, въ которомъ изложилъ подробно служеніе его церкви, упомянувъ, между прочимъ, и о томъ, что онъ нѣсколько

тысячъ раскольниковъ обратилъ въ православіе, что въ среду и пятокъ ничего не вкушалъ, страстные недѣли проводилъ въ совершенномъ постѣ. Митрополитъ плакалъ при чтеніи 1-го Евангелія. Изъ собора, съ позволенія митрополита, несли тѣло до могилы шесть генераловъ. Трапеза учреждена была на 300 персонъ, и раздача милостыни бѣднымъ въ 4 мѣстахъ на добровольныя пожертвованія: Апраксинъ пожертвовалъ 200 руб. сереб., и многіе изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ жертвовали въ память почившаго святителя. По всей Петербургской митрополіи шестинедѣльная память по усопшемъ.

Текстъ слова былъ: «Блаженни мертвіи, умирающіе о Господѣ».

Преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, перечисляетъ нѣкоторыя сочиненія преосвященнаго Іакова; такъ онъ указываетъ на слѣдующія ¹⁾: 1) Слова и рѣчи, въ 4 частяхъ, 1847 — 1852 гг. Слово о набожности въ св. Четырдесятницу. Нижній-Новгородъ, 1850 г. Всѣ писаны языкомъ яснымъ, умнымъ, чистымъ. Безыскусственность слова соединена въ нихъ съ ясностью мысли отчетливой, которая не допускаетъ лишняго и не опускаетъ нужнаго. Это — истинно пастырскія поученія, простыя и дѣльныя. Сперва идутъ поученія о чистотѣ сердечной, о грѣхѣ и средствахъ противъ него, о царствѣ Божіемъ и о безсиліи человѣка. Потомъ слѣдуютъ наставленія о смерти, соединенныя съ надгробными словами. Въ третьей части: — о любви къ Богу и ближнимъ. Въ четвертой: — о гнѣвѣ и скорбяхъ.

2) Бесѣды на Евангеліе Іоанна (остаются въ рукописи).

3) Преосвященный особенно собиралъ свѣдѣнія о раскольникахъ. Записки его о молоканахъ и «людяхъ Божіихъ», или хлыстахъ, въ извлеченіи помѣщены въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, въ 1858 и 1860 гг. Записки о раскольникахъ бѣглопоповской секты Саратовской губерніи тоже

¹⁾ Обзоръ русской духовной литературы, Сиб., 1884 г., стр. 467.

въ извлеченіи въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, 1857 г. Въ *Запискахъ Казанскаго Университета* напечатаны его статьи: «Состояніе православной церкви въ Кипчакской Ордѣ», «Издѣдованіе о мѣстѣ Сарая»; путевыя замѣтки о городѣ Петровскѣ. Путевыя замѣтки при обзорѣ церквей Екатеринославской епархіи и Крыма напечатаны въ *Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, 1862 г. Въ Географическое Общество доставлены имъ: «Статистическій очеркъ Саратовской епархіи»; «Описаніе Нижегородскаго Печерскаго монастыря». «Церковная археологія», несмотря на нѣкоторый интересъ, осталась неизданной. «Списокъ бѣглыхъ поповъ и дьяконовъ» (неконченная). Кромѣ того, находятся въ печати: «Надгробныя слова» (Москва, 1842 г.).

Слова къ Саратовской паствѣ, 2 части (Москва, 1842 г.).
Увѣщанія молоканамъ (Москва, 1842 г.).

Во II-й части: «Источники словаря о русскихъ писателяхъ» — Венгерова ¹⁾, въ статьѣ о преосвященномъ Іаковѣ помѣщена довольно полная библіографія, также въ «Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ» — Геннади ²⁾, и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* — 1847 г., № 25, 1849 г., № 117 и 1850 г., №№ 13, 41, 63.

Извѣстія о жизни и трудахъ преосвященнаго Іакова, Н. И. Надеждина, были помѣщены въ *Географическихъ Извѣстіяхъ* 1850 г., а въ годовыхъ отчетахъ того же общества за 1850 г. былъ напечатанъ его некрологъ, также и въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* 1901 г., № 21. Его жизнеописаніе, какъ праведника, подробно изложено въ изданіи Аѳонскаго русскаго Пянтелеямонова монастыря: «Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ» ³⁾.

Изъ числа историческихъ сочиненій по расколу, написанныхъ преосвященнымъ Іаковомъ, или поправленныхъ

¹⁾ Сиб. 1910 г., стр. 513.

²⁾ Берлинъ, 1880 г., часть II, стр. 75.

³⁾ Москва, 1908 г., май, стр. 179.

имъ, въ моемъ собраніи имѣется любопытная, принадлежащая ему рукопись, съ датой 1 іюля 1837 г. «Записка о Саратовскихъ раскольническихъ слободахъ, монастыряхъ, вновь возникшихъ сектахъ и прочихъ т. п.», которую мы помѣщаемъ, какъ дополненіе къ этой статьѣ, въ слѣдующей книгѣ.

Ан. Титовъ.

П И С Ь М А

старца іеросхимонаха Амвросія Оптинскаго.

Къ духовнымъ дѣтямъ, ревновавшимъ о возвышеніи ихъ отца.

Диктую для тѣхъ, кому знать надлежитъ. Одной сестрѣ давно было сказано, что мы стоимъ на 2-мъ планѣ. На этомъ планѣ стоятъ полезнѣе, потому что смиреннѣе. Смирненіе прочнѣе всякихъ возвышеній. Недавно одни дѣтки желали и домогались возвышенія своему отцу, но чрезъ то себѣ и ему много надѣлали скорбей. Чтобы цѣнили насъ, въ этомъ есть что-то смѣшанное; а кольми паче въ томъ, чтобы соревновать настаивающимъ въ своемъ словѣ и мнѣніи. Если смиряться, то уже смиряться истинно и искренно, не обращая вниманія на тѣхъ, которые составляютъ для себя видимое значеніе. Надобно знать, что и такимъ людямъ не всегда обходится это значеніе безъ внутреннихъ скорбей. Не вотще нѣкоторымъ повторяется старинная пословица: знай грудь, да подоплека. Поспѣшающимъ къ смиренію никакъ не слѣдуетъ двоиться, такъ какъ двоедушный человѣкъ по слову писанія неустроенъ во всѣхъ путяхъ своихъ. Вполнѣ мірской человѣкъ достигаетъ своихъ цѣлей и видимаго значенія,—и то не всегда, а если Господь попуститъ. Христіанину же слѣдуетъ искать значенія небснаго, о которомъ сказано: тогда праведницы возсіяютъ, яко солнце; возсіяютъ за то, что жили благочестиво и любили скромность и неизвѣстность, паче же смиреніе, утаева я свое сокровище внутри себя; а значеніе и извѣстность преслѣдуются тщеславіемъ, ко-

торое истребляетъ плодъ духовный, а само истребляется только беззначеніемъ и утаеваніемъ того, что есть въ человѣкѣ добраго. Думать, что насъ не понимаютъ, есть самооправданіе. Если бы мы сами себя понимали какъ должно, то смущеніе не находило бы въ насъ мѣста; смиреніе все принимаетъ съ снисхожденіемъ, зная и всегда памятуя, что люди говорятъ то, что видятъ, сокровенное же извѣстно единому Богу и нашей совѣсти. Ненадобно забывать, что и у благонамѣренныхъ людей бываетъ вкусъ и взглядъ на вещи различный. Одни любятъ сладкое, а другіе кислое, по естественному расположенію внутренности; также одни любятъ на видъ простое, а другимъ нравится что-либо помудренѣе и позатѣйливѣе; но предъ Богомъ внѣшняя мудреность есть буйство, цѣнна же истинная простота душевная, которая есть мать вѣры и смиренія и нелицемѣрной любви, ихъ же да сподобитъ насъ Господь. Миръ любящимъ миръ.

М. I. А.

Золото въ простомъ слиткѣ имѣетъ свою цѣну, также оловянные фигуры свою.

Помъщнику послушнику.

М. С. О. н. Г. I. X. Б. н. п. н.

Возлюбленный о Господѣ брате!

Отецъ N.

Сколько времени ждали и ждали мы твоего возвращенія въ обитель, сколько разъ о. игумень и другіе спрашивали насъ: что же о. N? а мы со скорбію не знали, что и отвѣчать. И наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, вмѣсто тебя самого, дождались только письма отъ тебя, въ которомъ о своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ пишешь такъ уклончиво, что опять о возвращеніи твоёмъ ничего опредѣленнаго не знаемъ. Между тѣмъ получено извѣстіе, которое исполнило прискорбіемъ и жалостію всю нашу

обитель и все братство. Нашъ о. Антоній-Глушговъ скончался;—скончался въ міру, внѣ обители, вдали отъ братства, не сподобившись принять постриженія въ схиму; не послушавшись доброжелательныхъ совѣтовъ, поѣхалъ онъ повидаться съ родными и полечиться; промедлил и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,—и, доѣхавъ до М. Ярославца, такъ расхворался, что остался у тетокъ въ деревнѣ; тамъ и скончался 14 декабря.—Горестный и поучительный примѣръ для всѣхъ,—не настаивать на своихъ хотѣніяхъ и не заживаться въ міру! Чтобы подобная скорбь вторично не отравила сердца насъ грѣшныхъ, искренно говорю тебѣ: поспѣшай, поспѣшай возвратиться въ обитель. Въ твои лѣта, при твоихъ недугахъ, развѣ мудрено случиться тому, что и пожелаешь возвратиться и, подобно о. Антонию, уже не будешь имѣть возможности исполнить это? Немудрено этому случиться, такъ какъ ты такъ долго медлишь въ міру, подъ всякими предлогами и изворотами вражескими. Брате! По всему видно, что ты находишься во искушеніи. Вотъ ты, не спрося никого, употребилъ на извѣстный предметъ и серіи и не серіи. А между тѣмъ это дѣло не состоится, и совершенно разстроилось. Приѣзжала мать (съ дочерью); говорить, что хотя въ какомъ-то туманѣ и согласилась, но, опомнившись, ни за что не отдастъ дочери;—и этому дѣлу, кажется, всачески не быть. Пакетъ же твой — запечатанный,—преспокійно распечатанъ; всѣмъ стало извѣстно, что завелись серіи, которыя появились и въ монастырѣ, и въ городѣ; кромѣ прежнихъ лошадей, явилась тройка какихъ-то особенныхъ великорослыхъ лошадей, на которыхъ со скуки развѣзжаетъ N N — и на дняхъ прислано о. игумену объявленіе, что его квартирантъ дурно себя ведетъ и уже былъ потребованъ къ мировому судѣ.

Опять хочешь перезаложить имѣніе. Да кто же тогда купить перезаложенное имѣніе, если бы его продать; или ты думаешь еще прожить нѣсколько протяженныхъ лѣтъ, на примѣръ, положимъ, сорокъ два или сорокъ семь, чтобы

дождаться когда выкупится имѣніе? И опять спрошу тебя: для какого рода и потомства ты заботишься объ имѣніи, сберегая оное, когда самъ видишь явно, что Промысль, относительно N, кажется, рано или поздно исполнить полезное для него желаніе, если его не будутъ сближать съ людьми, тайно возстающими противъ монастыря. Но объ этомъ лучше поговорить лично, если поспѣшишь пріѣхать въ обитель, что я разумѣлъ было подъ твоимъ словомъ *домой*; а вышло не туда, а въ Тулу.

Сегодня праздникъ Рождества Христова. Поздравляю тебя и сердечно желаю, дабы смотреніе божественнаго воплощенія было *о насъ* не вотще.

Брате! мой долгъ какъ твоего духовнаго отца прямо говорить тебѣ, что нахожу для тебя полезно и (что?) вредно, а ты уже *узришь самъ*, если будешь упоренъ на своихъ хотѣніяхъ.

Гр. Амвросій.

Изъ Оптиной пустыни сообщ. Е. В.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Отношеніе русскихъ патриарховъ къ западнымъ вѣроученіямъ.

Несмотря на богатство и разнообразіе свѣдѣній, какими располагали наши русскіе патриархи, имъ все же не доставало одного очень важнаго и существеннаго—это болѣе или менѣе близкаго знакомства съ западными вѣроисповѣданіями. Русскіе патриархи какъ будто боялись прикоснуться къ этимъ измышленіямъ грѣховнаго человѣческаго ума, никогда и нигдѣ не входили въ спокойное обсужденіе западныхъ вѣроученій по существу и безусловно отвергали все то, какъ имъ казалось, не было запечатлѣно печатью Христова и апостольскаго ученія. Оттого и встрѣчаются въ сочиненіяхъ русскихъ патриарховъ крайне одностороннія сужденія о западныхъ вѣроученіяхъ, иногда очень рѣзкія, насквозь пропитанныя желчію противъ нѣмецкаго заблужденія, нѣмецкой испорченности нравовъ и т. п. Раскройте хотя посланіе Іова къ Грузинскому митрополиту Николѣ, и вы увидите, какъ односторонне бѣдны и шатки его познанія о протестантскихъ вѣроисповѣданіяхъ¹⁰²⁾. Патриархъ касается здѣсь только

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую книжку *Душен. Чт.* за 1910 г.

¹⁰²⁾ *Христ. Чт.* 1869 г., № 11, стр. 889. Здѣсь же упоминаетъ патриархъ о какомъ-то Амоамефовомъ еретическомъ ученіи, проклятомъ св. отцами. Рук. Соф. Библ. № 1475, стр. 147.

двухъ пунктовъ ученія протестантскаго, но и по этимъ двумъ пунктамъ онъ уже смѣшиваетъ протестантовъ съ католиками, когда говорить о соблюденіи поста въ субботу. Столько же неопредѣленны и сбивчивы понятія Іова и о другихъ пунктахъ ученія католической церкви ¹⁰³).

Не болѣе патріарха Іова были знакомы съ западными ученіями и его преемники. Въ поученіяхъ патріарха Іосифа мы встрѣчаемъ сильное предостереженіе православнымъ отъ увлеченія западными ученіями и никакой почти историко-критической оцѣнки этихъ ученій, что такъ необходимо было бы сдѣлать для современнаго патріархамъ общества, чтобы успѣшнѣе отклонить его отъ рабскаго подражанія всему иноземному, безъ критики, безъ сравненія стараго съ новымъ, знакомыхъ формъ жизни съ новыми взглядами на жизнь и понятіями. Не менѣе смутныя сужденія о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ высказываетъ и патріархъ Іоакимъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи ¹⁰⁴). Онъ называетъ западныхъ христіанъ «врагами Божиими, ругателями церкви Христовой» и проситъ благочестивыхъ государей, чтобы они запретили еретикамъ проповѣдывать свою вѣру въ укориэну истинной вѣрѣ, вносить въ Россію злые обычаи, строить еретическіе храмы и дьявольскія сонмища; такъ какъ они (еретики) «не совѣтуютъ и не глаголютъ, яже челоувѣческая, но новообрѣтѣнная и чуждее истиннаго благочестія». Полный увѣренности въ истинности исповѣдуемаго имъ ученія патріархъ какъ бы не хочетъ и входитъ въ подробное обсужденіе еретическихъ ученій и только, какъ отецъ дѣтей, предохраняетъ православныхъ отъ всегда возможнаго увлече-

¹⁰³) *Христ. Чит.* 1869 г., № 11, стр. 890. См. примѣчанія къ изданію текста.

¹⁰⁴) Въ „Остенѣ“ излагаются болѣе подробныя свѣдѣнія о лютеранахъ и палистахъ, но изъ этой книги только весьма небольшое принадлежитъ патр. Іоакиму. См. обзоръ Филарета Черниговскаго и статью: „Кіевскіе ученые въ Великороссіи“.

нія ихъ западными ученіями на погибель душѣ и тѣлу ¹⁰⁵). Тому же примѣру слѣдуетъ и патриархъ Адрианъ въ отношеніи къ западнымъ вѣроисповѣданіямъ. Все, что мы встрѣчаемъ на этотъ предметъ въ его поученіяхъ, состоитъ почти исключительно изъ однѣхъ лишь общихъ нападокъ на «зловредныя западныя ереси», безъ спокойнаго критическаго изложенія и обсужденія сущности этихъ лжеученій. Въ воззваніи къ православнымъ христіанамъ, по случаю изданія въ славянскомъ переводѣ книги: «Православное исповѣданіе», патриархъ Адрианъ такъ говоритъ о западныхъ богоотступникахъ: «О суетумудріе! О непокорное человѣческое жестокосердіе! И нынѣ—въ предыдущихъ строкахъ онъ упомянулъ въ общихъ выраженіяхъ объ Аріи, Несторіи и Оригенѣ, «изверженныхъ изъ св. церкви за отверженіе чистѣйшихъ Господнихъ преданій и возмущеніе свѣтлаго источника вѣры» — и нынѣ ратуютъ на новаго Израила и возмущаютъ его премногіе богопротивники, нимало не вразумляясь примѣромъ противниковъ, прежде бывшихъ, нисколько не страшась казни, ихъ постигшей, и, называя себя православными, поступаютъ хуже язычниковъ. Таковы латиняне, самовольно отдѣлившіеся отъ восточной католической церкви; таковы лютеране, по славолюбію и сластолюбію отторгшіеся отъ римской церкви; таковы кальвинисты, которые, не захотѣвъ слѣдовать путемъ своихъ сейчасъ указанныхъ вождей, не только удалились отъ православныхъ догматовъ, но и вовсе отгнили, превзошедъ въ гнилости самые гнилые составы. На всѣхъ ихъ въ точности сбылась Господня притча: слѣпецъ слѣпца ведетъ,—обоимъ же приближище адская яма... Я не буду изъяснять, какія хитрыя или лучше глупыя сѣти разставляютъ они для простыхъ душъ; не припомню злыхъ и превратныхъ новыхъ толкованій, какія даютъ церковнымъ догматамъ. Прохожу молчаніемъ (хотя бы и не слѣдовало дѣлать этого въ инте-

¹⁰⁵) Руб. Соф. Библ., № 1481 и 1476.

ресахъ болѣе отновательнаго опроверженія еретическихъ ученій) и раззореніе св. символа новоблагодатнаго завѣта и проч., проч. ¹⁰⁶). Въ поученіи патріарха Адріана о должностяхъ каждаго чина мы встрѣчаемъ такія же неполныя свѣдѣнія о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ. Такъ, архіереямъ онъ заповѣдуетъ «преданія древняя церковная, отъ св. отецъ преданная, хранить непретворно и ненарушимо, а нововодныхъ чужестранныхъ обычаевъ, помалу вкрадывающихся тайно во святую нашу православную восточную церковь отъ еретиковъ латинянъ и лютеранъ, и иныхъ, не примати и ученіе ихъ всякое возбраняти и не попускати» ¹⁰⁷). Въ отношеніи ко всѣмъ православнымъ христіанамъ (гл. 12) онъ заповѣдуетъ слушати словесъ, отъ писавій св. отецъ собранныхъ, и тѣми душу свою питати; латинскихъ же и лютеранскихъ, и кальвинскихъ прелестныхъ всякихъ ученій и обычаевъ тлѣтворныхъ весьма не примати, ниже како либо сообщатися съ ними, но яко скверны гнушатися ихъ и отвращатися ¹⁰⁸). Нечего и говорить о томъ, что въ другомъ поученіи Адріана «О еже не брѣти брадъ и т. п.», помѣщенномъ въ той же рукописи Софійской бібліотеки ¹⁰⁹), высказывается еще болѣе односторонній взглядъ патріарха на западныя вѣроученія, равно какъ и на всѣ другія древнія и новыя ереси. Въ этомъ посланіи онъ сводитъ главное зло еретическихъ ученій къ богохульному, по мнѣнію Адріана, обычаю брить браду, завивать кудрями волосы, красить лицо и т. п., не касаясь уже другихъ сторонъ жизни и дѣятельности западныхъ христіанъ, опредѣляемыхъ въ той или другой степени ихъ религіозными вѣрованіями ¹¹⁰). Это, впрочемъ, одно изъ самыхъ незначительныхъ произведеній послѣдняго русскаго патріарха.

¹⁰⁶) *Христ.* Чт. 1843 г., т. IV, стр. 381 и 382.

¹⁰⁷) Рук. Соф. Библ., № 1504, стр. 242.

¹⁰⁸) Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 245 на оборотѣ.

¹⁰⁹) *Ibidem.*, стр. 257—265.

¹¹⁰) Рук. Соф. Библ., № 1503. Раск. дѣла въ XVIII в., Есипова.

Займствованія изъ другихъ духовныхъ писателей, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ русскихъ патріарховъ.

Очень своеобразную особенность письменности русскихъ патріарховъ, равно какъ и всей древней церковной письменности, составляютъ обычно встрѣчающіяся въ ихъ сочиненіяхъ займствованія изъ сочиненій другихъ духовныхъ писателей, безъ указанія именъ этихъ авторовъ и ихъ сочиненій. Такъ, патріархъ Іовъ, въ своемъ посланіи къ Грузинскому митрополиту Николѣ, дѣлаетъ очень значительныя выписки изъ слова пресвитера Космы противъ богомиловъ ¹¹¹⁾. Патріархъ Іоасафъ II почти все свое духовное завѣщаніе выписываетъ изъ духовной грамоты патріарха Іова и дѣлаетъ только самыя незначительныя измѣненія и сокращенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ патріархъ Іовъ говоритъ или объ обстоятельствахъ своей жизни, или объ особыхъ историческихъ обстоятельствахъ своего времени ¹¹²⁾. Далѣе, патріархъ Іоасафъ II, дѣлая выписки изъ грамоты патріарха Іова, измѣняетъ нѣсколько выраженія этого патріарха, иногда сокращая, иногда распространяя ихъ безъ достаточной къ тому причины и какъ будто стараясь скрыть свои займствованія изъ указаннаго источника ¹¹³⁾. По примѣру другихъ патріарховъ и патри-

¹¹¹⁾ *Христ. Чит.* 1869 г., № 11, стр. 873—878. Соч. Космы пресвитера Болгарскаго относится къ IX—X вв. и помѣщено въ Минеяхъ Макарія подъ 31 августа. Оно находится также въ рукоп. Моск. Дух. Академіи и въ Сборн. Соловецкаго монастыря XV в., подъ № 856.

¹¹²⁾ Древн. Росс. Вивлюэника, т. VI. Слич. стр. 114, 115 и 116 съ стр. 339 и 340; стр. 118, 119 и 120 съ стр. 345, 346 и 347; стр. 121 съ стр. 348 и 349.

¹¹³⁾ *Ibidem.*, т. VI. Такъ напр. въ Дух. Грам. патріарха Іова мы встрѣчаемъ такое исповѣданіе вѣры: „Первое убо самъ исповѣдую Богомъ предавную апостольскую и отеческую вѣру православія истиннаго благочестія, еже во Св. Троицу, и елико св. церковь священныя догматы пріяла отъ Бога и отъ св. апостоль и отъ св. божественныхъ отецъ вселенскихъ седми соборовъ и помѣстныхъ св. отецъ, и особъ сущихъ, любезнѣ изъ глубины сердца мною вѣрою приемя и почи-

архъ Іоакимъ также буквально пользуется иногда сочиненіями другихъ церковныхъ писателей и преимущественно «Жезломъ правленія» Симеона Полоцкаго. Точное сличеніе «Увѣта Духовнаго» съ «Жезломъ правленія» показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, третья часть «Увѣта» буквально взята изъ «Жезла правленія»¹¹⁴). Главы вторая, третья, четвертая и пятая (93—108 стр.) почти буквально заимствованы изъ Симеона Полоцкаго; то же и глава седьмая, въ которой отвергается раскольническое ученіе о крестѣ Господнемъ (110 — 117 стр.). Подобныя же выписки мы встрѣчаемъ на страницахъ 129—138, 147—155, 157—159, 161—176, 179—187, 208—210, 213—215, 222 и 223.

таю, якоже исповѣданіемъ моимъ написано“. Немного спустя: „Молю и паказую, яко присная ми чада, вся священная, апостольская и отеческая преданія цѣла и неподвижна во вѣки соблюдать, да елицы сихъ отъ житія сего отыдоша, и елицы еще живи суще, всѣмъ подаю о Христѣ любезное цѣлованіе и конечное прошеніе; и самъ отъ нихъ тако же отъ всѣхъ вкупѣ прощенія прошу“. Въ Духовномъ завѣщаніи патріарха Іоасафа II это мѣсто читается нѣсколько иначе: „Во-первыхъ убо исповѣдую, пишеть патріархъ Іоасафъ II, яко истинный начальнѣйшій архіерей и поборникъ святыхъ и православныхъ вѣры, отъ Христа преданную апостольскую проповѣдь и богомудрыми отцы утвержденное благочестіе, еже вѣровати единомудренно всѣмъ православнымъ христіаномъ во святую единосущную и нераздѣльную Троицу, во Отца и Сына и Св. Духа“. Далѣе слѣдуетъ болѣе точное и почти буквальное заимствованіе изъ Іова: „И елико св. восточная церковь, священныя и правыя догматы отъ Бога и св. апостолъ и богомудрыхъ отецъ на седми соборахъ вселенскихъ и на помѣстныхъ бывшихъ и особъ просіявшихъ пріяла, и азъ любезнѣ изъ глубины сердца, несумнѣнною вѣрою приемлю и почитаю, яко во исповѣданіе излявихъ всевароднѣ... Молю убо и паказую, яко присныхъ и возлюбленныхъ мною святыхъ восточныхъ церкви сыновъ, вся священная, апостольская и отеческая преданія цѣла и непревратно во вѣки соблюдать. Елицы убо отъ житія сего отыдоша, и елицы еще жительствуютъ, симъ всѣмъ подаю о Христѣ любезное цѣлованіе и конечное прошеніе, и самъ отъ нихъ такожде отъ всѣхъ вкупѣ прощенія прошу“. Древн. Росс. Вивл., т. VI, стр. 114, 115 и 339.

¹¹⁴) Самыя смѣлыя и сильныя мысли противъ раскольниковъ авторъ *Увѣта Духовнаго* заимствуетъ изъ Симеона Полоцкаго.

Патріархъ Адріанъ въ своемъ поученіи архіереямъ, архимандритамъ, іереямъ и всему священному и монашескому и мірскому чину о должностяхъ ихъ каждаго свой письменный трудъ называетъ «увѣщаніями отъ св. отецъ, которыя онъ только собралъ «своимъ тщаніемъ». «Всѣмъ вамъ, говоритъ патріархъ, обще сія спасительная увѣщанія отъ св. отецъ, тщаніемъ моимъ собранная, наставляющая насъ ко спасенію въ число дне и ноци двадесяти четырехъ часовъ, мѣрящихъ коегождо человѣка жизнь, издавъ, предложихъ вамъ и въ типографіи нашей напечатати повелѣхомъ» ¹¹⁵⁾.

Вотъ какимъ образомъ пользовались русскіе патріархи

¹¹⁵⁾ Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 256 на оборотѣ. Это признаніе патріарха нужно понимать, впрочемъ, далеко не въ буквальномъ смыслѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что многія правила жизни и дѣятельности христіанъ онъ заимствовалъ изъ древнихъ отцовъ и учителей церкви; но эти правила изъ отеческихъ писаній взяты въ его сочиненіе не тогда, когда онъ уже писалъ его, и не изъ какихъ-либо опредѣленныхъ сочиненій, имѣвшихъ тогда у него полъ руками. Онѣ усвоены были патріархомъ въ продолженіе всей его жизни, начиная со школьнаго воспитанія и оканчивая дальнѣйшимъ его образованіемъ и самовоспитаніемъ на должности настыря и первосвятителя русской церкви. Насколько можно судить по характеру сочиненій патріарха Адріана, предлагаемыя имъ нравственныя правила жизни и дѣятельности христіанъ, заимствованныя изъ отцовъ и учителей церкви, вошли въ его плоть и кровь, сдѣлались собственностью самого патріарха, его личнымъ взглядомъ на жизнь, на потребности общества. Это и помогло патріарху Адріану высказать въ своемъ сочиненіи не отвлеченныя нравственныя правила христіанской морали, но наставленія и правила, внушенныя ему самою жизнію русскаго народа, тѣми историческими условіями, среди которыхъ жилъ патріархъ Адріанъ и дѣйствовалъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только прочесть нѣсколько строкъ изъ его поученія „О должностяхъ каждаго чина“, въ которомъ онъ ни на шагъ не отрывается отъ жизни, но слѣдитъ за всѣми ея обнаруженіями, подробно изучаетъ нравственное состояніе своей паствы и только тогда уже предлагаетъ ей тѣ или другія нравственныя правила. Рук. Соф. Библ., № 1503. См. „Нравств. Правила, предлагаемыя архимандритомъ (гл. 2 и 3), іереомъ (гл. 7), княземъ и бояромъ (гл. 14), господамъ рабовладѣльцамъ (гл. 18)“ и т. п.

тѣмъ литературнымъ матеріаломъ, который они имѣли у себя подъ руками и на основаніи котораго писали свои сочиненія. Они не всегда самостоятельно изучали этотъ матеріалъ, не всегда оцѣнивали его строго критически, не старались провѣрять чужіе взгляды и понятія анализомъ своей собственной мысли,—но большею частію буквально брали изъ сочиненій другихъ церковныхъ писателей все то, что въ данное время считали особенно нужнымъ и полезнымъ для своего дѣла. Все это, естественно, могло бы набрасывать нѣкоторую тѣнь на достоинство ихъ литературной дѣятельности, если бы наши патріархи не имѣли предъ собой цѣлаго ряда другихъ духовныхъ писателей, которые точно также пользовались письменностью своихъ предшественниковъ, по древнему, освѣщенному цѣлыми вѣками, обычаю русскихъ писателей—буквально вносить въ свои сочиненія всѣ лучшія мѣста изъ другихъ авторовъ.

На письменные труды преподобнаго Θεодосія имѣли, какъ извѣстно, весьма сильное вліяніе сочиненія Θεодора Студита. Поученія Θεодосія къ инокамъ и по содержанію своему, и по оборотамъ рѣчи, и по общему тону очень сходны съ такими же поученіями преподобнаго Θεодора Студита. Въ повѣствованіи о первыхъ чудесахъ Бориса и Глѣба Несторъ, очевидно, пользовался разсказомъ Іакова Черноризца о тѣхъ же чудесахъ. Исторію этихъ чудесъ онъ передаетъ почти въ тѣхъ же словахъ и выраженіяхъ, въ какихъ излагаетъ ее и Іаковъ Черноризецъ въ своемъ сказаніи о святыхъ мученикахъ. Въ своей похвалѣ страстотерпцамъ Несторъ также пользовался похвалою Іакова, что открывается изъ сходства этихъ сочиненій какъ въ мысляхъ, такъ и въ выраженіяхъ. Въ лѣтописи же Нестора приводятся слово въ слово мѣста и изъ житія святого Меѳодія Моравскаго, которое составлено было ближайшимъ ученикомъ Нестора ¹¹⁶⁾. Митрополитъ Никифоръ, когда великій князь Владиміръ Мономахъ спросилъ его о

¹¹⁶⁾ Церк. Ист. Макарія, т. II, стр. 77—171.

вѣрѣ латинской, воспользовался въ своемъ отвѣтѣ сочиненіемъ своего предшественника митрополита Георгія, выбравъ отсюда все то, что, по его мнѣнію, казалось болѣе важнымъ для опроверженія латинскихъ заблужденій. Посланіе митрополита Никифора къ Ярославу Святославичу почти буквально сходно съ другимъ его посланіемъ къ неизвѣстному князю, за исключеніемъ весьма немногихъ выраженій ¹¹⁷). Даже ученѣйшіе мужи древней Россіи, по принятому обычаю, пользовались также буквально сочиненіями предшествующихъ имъ писателей и никогда не указывали тѣхъ источниковъ, откуда они заимствовали иногда цѣлые отдѣлы своихъ сочиненій. Извѣстно, что «Тактиконъ» Никона Черногорца, списанный въ Новгородѣ, имѣлъ большое значеніе для русскихъ догматистовъ XV и XVI вѣковъ. Отсюда почерпали свои богословскіе доводы Іосифъ Волоколамскій и Нилъ Сорскій, не указывая источника тѣхъ обширныхъ заимствованій, какія встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ ¹¹⁸).

Этихъ немногихъ примѣровъ изъ литературной практики нашихъ духовныхъ писателей можетъ быть очень достаточно для того, чтобы мы могли совершенно спокойно уже взглянуть на тѣ иногда очень краткія, а иногда и очень обширныя заимствованія, къ какимъ такъ часто прибѣгали наши русскіе первосвятители.

Они не знали или не хотѣли знать такъ называемой литературной славы. Для нихъ, какъ для пастырей церкви, существовала одна только достойная вниманія цѣль—это религіозно-нравственное воспитаніе своей паствы. Въ виду достиженія именно этой цѣли они считали себя въ правѣ, безъ всякой почти переработки имѣвшагося у нихъ литературнаго матеріала, пользоваться для своихъ трудовъ тѣми изслѣдованіями, какія по содержанію своему близко подходили къ предмету ихъ собственныхъ изслѣдованій. Конечно, съ исключительно литературной точки зрѣнія

¹¹⁷) Ibidem.

¹¹⁸) *Правосл. Собесѣдникъ* за декабрь 1859 г., стр. 382—384.

удобнѣе было бы не встрѣчать въ сочиненіяхъ русскихъ патріарховъ такихъ значительныхъ по размѣрамъ и столько разнообразныхъ по содержанію заимствованій; но за то, съ другой стороны, при оцѣнкѣ данныхъ литературныхъ произведеній главнымъ образомъ со стороны вліянія ихъ на жизнь и дѣятельность общества, подобныя литературныя особенности сочиненій теряютъ уже все свое значеніе и становятся почти незамѣтными. Наши русскіе патріархи смотрѣли на свои литературныя труды, какъ кажется, именно съ этой точки зрѣнія, и потому излишне тщательная и изысканная обработка ихъ сочиненій, съ исключительно литературными цѣлями, могла бы скорѣе вредить тому доброму впечатлѣнію, какое получается теперь при чтеніи памятниковъ ихъ письменности, чѣмъ быть для нея существенно полезной. Поэтому намъ очень понятно то замѣчаніе, какое сдѣлалъ преосвященный Макарій въ своей церковной исторіи, по поводу совершенно похожихъ одно на другое сочиненій митрополита Никифора: «Какъ изъяснить, спрашиваетъ онъ, такое сходство посланій митрополита Никифора къ различнымъ князьямъ, хотя объ одномъ и томъ же предметѣ»? И отвѣчаетъ: «Очень естественно: написавъ посланіе къ одному князю о заблужденіяхъ латинянъ, митрополитъ могъ то же самое посланіе съ нѣкоторыми переменами отправить, когда находилъ нужнымъ, и къ другому, и къ третьему, и ко многимъ князьямъ русскимъ»¹¹⁹). Безыскусственно, конечно, отвѣчаетъ на свой собственный вопросъ нашъ духовный историкъ, но справедливо въ высшей степени. Гдѣ дѣло касается вѣры, церкви и нравственности христіанской, тамъ только очень не серьезные и эгоистически настроенные умы могутъ останавливаться на такихъ вопросахъ, какъ выше-литературная сторона сочиненій въ тѣсномъ смыслѣ и значеніи этого слова.

А. Красевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹¹⁹) Церк. Исторія Макарія, т. II, 155.

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

III.

Современная психологія и христіанская вѣра въ Бога.

Мы уже знаемъ, что при рѣшеніи послѣднихъ вопросовъ какъ космологіи, такъ и біологіи мышленіе постоянно и неизбѣжно приходитъ къ предположенію о бытіи Бога. На вопросъ: что такое матерія, что такое сущность вещей? или приходится отвѣчать, что она должна имѣть духовныя свойства, или совсѣмъ отказаться отъ всякаго отвѣта.—Откуда происходитъ жизнь со всѣми ея явленіями? Она—произведеніе космическаго Разума, стоящаго безконечно выше ума человѣческаго; кто возстаетъ противъ такого отвѣта, тому остается только примириться съ агностицизмомъ, отречься отъ возможности какого бы то ни было отвѣта. Таковъ былъ результатъ предшествующихъ нашихъ изслѣдованій.

Но этотъ результатъ обладаетъ ли достаточной основательностью? Существуетъ ли Богъ, Который есть духъ? существуетъ ли «вообще духъ»? Если бы на этотъ вопросъ надобно было съ научной достовѣрностью дать отвѣтъ отрицательный, то всѣ предшествующіе выводы объ отношеніи между наукой и христіанствомъ оказались бы шаткими. Не подлежало бы никакому сомнѣнію, что современная наука и христіанская вѣра въ вышешірнаго, личнаго Бога дѣйствительно не примиримы между собою;

¹⁾ Продолженіе См. августовскую кн. *Душен.* Чт. 1910 г.

потому что христіанство предполагаетъ самостоятельность и особенность духовнаго міра.

Матеріализмъ древняго и новаго времени утверждаетъ, что духовные, психическіе процессы ничѣмъ специфически не отличаются отъ физическихъ. Въ дѣйствительности существуетъ только вещество, матерія; около нея и кромѣ нея ничего нѣтъ; тѣмъ менѣе можно допустить, что духовное, нематеріальное есть нѣчто истинно существенное. Правда, донаучное мышленіе тамъ, гдѣ оно встрѣчается съ чѣмъ-нибудь своеобразнымъ, предполагаетъ существованіе какой-нибудь особенной силы, особеннаго существа, каковы напримѣръ жизнь и душа; но «наука» не имѣетъ права допускать существованіе такихъ таинственныхъ силъ. Напротивъ и такія явленія она должна объяснять изъ той связи извѣстныхъ уже силъ, въ какой онѣ намъ встрѣчаются. И душевная жизнь должна быть понимаема естественно, должна быть объясняема изъ общихъ явленій химіи, физики и механики.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи матеріализма, можно отмѣтить три различныя формулировки матеріалистической точки зрѣнія: говорятъ, 1) что духовное есть вещество или движеніе вещества, 2) что духовное есть продуктъ вещества и 3) что духовное есть явленіе, сопутствующее физическому. Въ большей части матеріалистическихъ сочиненій, особенно у Карла Фогта, Бюхнера, Геккеля, эти три основные типа матеріалистическихъ воззрѣній спутываются между собою. Это происходитъ вслѣдствіе пренебреженія къ наукамъ о духѣ, въ частности—къ философіи. Въ строгомъ смыслѣ, матеріализмъ есть только первый,—тотъ, который учитъ, что духъ есть вещество или движеніе вещества. Съ нимъ только поэтому мы и будемъ здѣсь имѣть дѣло.

Уже древніе греческіе философы утверждали, что духъ есть матерія. Такъ Гераклитъ на огонь смотрѣлъ какъ на болѣе тонкую, духовную, душевную матерію, изъ которой образовалась другая, болѣе грубая матерія—вода

и земля. Стойки настойчиво утверждали, что все дѣйствительное—тѣлесно и потому говорили о матеріи даже добродѣтели, о матеріи страсти. То же самое утверждается, когда матеріалисты нынѣшняго времени требуютъ «монистическаго питанія для зарожденія нравственности». Здѣсь яснѣе всѣхъ выражалъ свой взглядъ *Карль Фогтъ*, говоря: «мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу, въ какомъ — желчь къ печени, или моча къ почкамъ». —Большею частью на душевные процессы смотрятъ какъ на функціи матеріи, какъ на особенную форму движенія: всѣ психическіе процессы относятъ къ разряду физическихъ. То, что мы называемъ «душой», для Геккеля есть не иное что, какъ «работа» психоплазмы, или невроплазмы, «душевной субстанции». «На душу мы смотримъ какъ на коллективное понятіе, обнимающее всѣ психическія функціи плазмы».

Если возникаетъ вопросъ о доказательствахъ въ пользу этого матеріалистическаго взгляда на душевную жизнь, то въ пользу его, повидимому, говорить очень многое. Во-первыхъ, основу нашего познанія мы имѣемъ въ непосредственномъ чувственномъ воспріятіи; здѣсь тѣлесный міръ властно наступаетъ на насъ. То, что мы видимъ, осязаемъ, слышимъ, то, что мы воспринимаемъ чувствами, слѣдовательно матерія,—является въ собственномъ смыслѣ дѣйствительно существующимъ. Напротивъ какъ неувѣрены мы въ существованіи души, духа! Кто его видѣлъ когда-нибудь, кто подвергалъ его точному изслѣдованію? Поэтому-то Геккель и говоритъ о «гипотетическомъ духовномъ мірѣ»; онъ для него «не болѣе, какъ продуктъ творческой фантазіи»; въ противоположность ему, онъ «стоитъ за матеріальный тѣлесный міръ», которому только и свойственна реальность.

Во-вторыхъ, мы видимъ, что всѣ душевные процессы находятся въ сплошной зависимости отъ ихъ матеріальной основы. Существуютъ цѣлые міры безъ духа, безъ ощущенія, сознанія. Уже изъ этого видны первенство и пре-

восходство матеріальнаго міра. Напротивъ, говоритъ Геккель, «истинно научный опытъ еще не открылъ намъ никакихъ силъ, не имѣющихъ нужды въ матеріальной основѣ, и ни одного «духовнаго міра», существующаго внѣ природы и выше природы». «Душа» же какъ на высшей, такъ и на низшей ступени своего развитія находится въ зависимости отъ химическаго состава и физическихъ свойствъ матеріи. Вмѣстѣ съ протоплазмой, говорятъ, она возникаетъ и вмѣстѣ съ нею развивается, находясь въ постоянной отъ нея зависимости. Въ началѣ, въ одноклѣточныхъ первичныхъ животныхъ находится только безсознательная духовная жизнь; она еще совпадаетъ съ молекулярными жизненными процессами въ самой плазмѣ. Духовная жизнь развивается мало-помалу и притомъ всегда параллельно съ постепеннымъ обособленіемъ органовъ: сначала не вся протоплазма, но только часть ея бываетъ носителемъ духовной жизни, душевной субстанціей, «психоплазмой», какъ называетъ ее Геккель. Потомъ обособляются нервы: психоплазма становится невроплазмой, нервная система становится душевнымъ аппаратомъ, похожимъ на телеграфную систему. Изъ спинного мозга, въ продолженіе милліоновъ лѣтъ, развивается человѣческой головной мозгъ. Вмѣстѣ съ централизацией нервной системы возникаетъ сознание. Сознание высшихъ позвоночныхъ животныхъ отличается отъ сознанія человѣка только по степени. Тѣсную связь душевныхъ процессовъ съ свойствами тѣла удалось раскрыть даже еще точнѣе: сознание имѣетъ свое сѣдалище или свой органъ въ одной части большого мозга, въ сѣрой его оболочкѣ. Профессоръ Флекзигъ указалъ въ мозгу даже особые органы чувствъ въ четырехъ чувственныхъ центрахъ и между прочимъ центры мысли, органы мыслящаго сознанія. Превосходство человѣческаго сознанія надъ животнымъ объясняется также чисто физиологически изъ особенно сложнаго устройства человѣческаго мозга. Слѣдовательно нигдѣ мы не находимъ свободы и самостоятель-

ности, но постоянно видимъ только безусловную зависимость духа отъ тѣлесной организаціи.

Число такихъ фактовъ можно увеличить по произволу. Духовный ростъ ребенка находится въ связи съ развитіемъ его мозга. Если мозгъ сжимается въ старости, то и умъ утрачиваетъ свою остроту и гибкость. Если части мозга разрушаются вслѣдствіе болѣзни, то прекращаются ихъ функція. Питательныя средства, какъ кофе и чай, возбуждаютъ сознание, эфиръ и хлороформъ прекращаютъ его, потому что они измѣняютъ химическія свойства мозговой субстанціи; слѣдовательно отъ послѣдней находится въ зависимости душа. Еще поразительнѣе эксперименты, производимые надъ живыми животными: когда у голубей и лягушекъ по частямъ вырѣзываютъ головной и спинной мозгъ, то какъ будто отнимаютъ у нихъ и душу: чувственныя ощущенія и душевныя способности исчезаютъ у нихъ одни за другими. «Какъ все это было бы возможно, спрашиваетъ Геккель, если бы сознание было нематеріальной сущностью, независимую отъ тѣхъ анатомически указанныхъ органовъ? И въ чемъ состоитъ сознание «безсмертной души», когда у ней нѣтъ болѣе тѣхъ органовъ?» Поэтому многіе психіатры совершенно послѣдовательно приходили къ выводу, что всякая душевная болѣзнь есть не что иное, какъ болѣзнь мозга.

Такимъ образомъ зависимость психической жизни отъ физическихъ условій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но этимъ доказано ли, что духовное есть не иное что, какъ функція субстанціи? Поверхностные матеріалисты вполнѣ убѣждены въ этомъ. Ихъ умственная ограниченность лишаетъ ихъ возможности понять, что выраженіе: «психическое находится въ зависимости отъ физическаго» имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ выраженіе: «психическое есть продуктъ физическаго».

Напротивъ болѣе строгіе въ научномъ отношеніи матеріалисты ясно понимаютъ, что процессы сознанія необходимо ввести въ круговоротъ явленій механическихъ, от-

сюда объяснить их происхождение и развитие. Соответственно этому они ставят себя задачу—всѣ обнаруженія духа объяснить механически. Для этого самопроизвольныя обнаруженія жизни самыхъ низшихъ живыхъ существъ стараются толковать какъ простые «рефлексы». Химически-физическія переменны въ окружающей обстановкѣ дѣйствуютъ на нихъ какъ «раздраженія», точь въ точь какъ это бываетъ и въ неорганическихъ веществахъ, и такія механическія раздраженія вызываютъ самопроизвольныя движенія въ упомянутыхъ организмахъ чисто химически-физическимъ путемъ, безъ участія въ этомъ какого-либо душевнаго мотива. — Этимъ механическимъ объясненіемъ самыхъ простыхъ духовныхъ процессовъ теперь пользуются для объясненія всѣхъ, даже высшихъ человѣческихъ дѣлъ и поступковъ: и они, говорятъ, въ своей сущности суть не болѣе, какъ простые процессы раздраженія, рефлексы и результаты раздраженія (Reizaufösungen). Такъ свѣтъ производитъ раздраженіе въ зрительныхъ нервахъ. Это раздраженіе вызываетъ переменны въ молекулярномъ составѣ протоплазмы. При посредствѣ нервныхъ волоконъ этотъ физиологическій процессъ передается центральному органу. Здѣсь конечно невозможно уже слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ (этого процесса); но не подлежитъ сомнѣнію, что возбужденный процессъ, по закону сохранения энергіи, не можетъ исчезнуть безслѣдно. Здѣсь-то теперь и появляется свѣтовое ощущеніе. При этомъ сама собою является мысль: «это ощущеніе есть не что иное, какъ нервный процессъ, вызванный въ центральномъ органѣ периферическимъ раздраженіемъ» (Паульсенъ). — Точно такимъ же образомъ можно объяснить и обратный процессъ: при посредствѣ волоконъ двигательныхъ нервовъ отъ центрального органа передается импульсъ и производитъ сокращеніе мускуловъ, освобождая тѣмъ накопившуюся въ нихъ энергію. Намъ представляется, что этотъ процессъ вызванъ возбужденіемъ воли, сопутствующимъ ощущеніями и представленіями. Но это—ошибка,

потому что одно намѣреніе само по себѣ никогда не можетъ привести въ движеніе даже одну мозговую молекулу; физическое можетъ быть произведеніемъ только физическаго. Это чисто механическое движеніе только *кажется* намъ духовнымъ, только представляется свободнымъ хотѣніемъ и выборомъ, потому что оно сопровождается своеобразнымъ «отсвѣтомъ» внутрь насъ, именно ощущеніемъ, сознаниемъ. Этотъ «отсвѣтъ» вводитъ насъ въ обманъ, на самомъ же дѣлѣ мы подобны камню, къ-мъ-нибудь брошенному и воображающему, что онъ летаетъ (Спиноза). Матеріалистическимъ же объясненіемъ напротивъ поддерживается законъ сохраненія энергіи, и естественный ходъ явленій не прерывается вторженіемъ въ него сверхъестественныхъ силъ. И духовная жизнь выводится изъ тѣхъ же матеріальныхъ силъ, которыя построили міръ физическій.

Для насъ возникаетъ вопросъ: примиримъ ли этотъ матеріалистическій монизмъ съ христіанскою вѣрой въ Бога? Обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая особенность: стойки были матеріалистами и однакожь защищали вѣру въ Бога, а Тертуллианъ былъ рѣшительнымъ христіаниномъ и однакожь имѣлъ совсѣмъ матеріалистическій взглядъ на существо Бога. Слѣдовательно матеріализмъ не всегда приводилъ къ отрицанію Бога. Все же мы должны сказать, что тутъ находится такая матеріализація Бога, которая въ основѣ своей противорѣчитъ духовному пониманію Бога. Вѣра въ Бога, который есть духъ, не примирима съ ученіемъ, что этотъ матеріальный міръ есть единственно дѣйствительный міръ. Если правъ Геккель, то всѣ прежніе идеалы: Богъ, свобода и бессмертіе гибнутъ безвозвратно, какъ онъ это и утверждаетъ.

Правъ ли матеріализмъ? Я повторяю, что послѣдній приговоръ относительно христіанства не можетъ быть произнесенъ на основаніи научныхъ изслѣдованій. Для насъ духовный міръ — реальность, утверждающаяся на опытѣ. Несмотря на это, затруднительно было бы наше

положеніе, если бы матеріализмъ остался побѣдителемъ въ научномъ отношеніи, потому что тогда намъ предстояла бы альтернатива: или христіанство или наука! Случается, что становятся на точку зрѣнія философа Якоби: сердцемъ бывають христіанами, умомъ же—язычниками; но на этой точкѣ зрѣнія долго удержаться нельзя, потому что она вноситъ въ жизнь человѣка невыносимый внутренній разладъ.

Но если есть что-либо неподлежащее нимагѣйшему сомнѣнію, то это то, что матеріализмъ въ настоящее время признанъ совершенно несостоятельнымъ въ научномъ отношеніи; собственно уже со времени Канта стало невозможно именно научное его существованіе.

Безъ особенныхъ усилій можно понять совершенную невозможность утверждать, что *духъ есть матерія*. Матерія, тѣло обладаетъ свойствами, принадлежащими тѣлу: оно занимаетъ извѣстное пространство, угловато или кругло, жестко или мягко, гладко или шероховато; мысли же, чувства и ощущенія ни длинны, ни коротки, ни толсты, ни тонки, ни жестки, ни мягки. Сравненіе Карла Фогта: «мысли имѣють такое же отношеніе къ мозгу, какъ желчь къ печени», по словамъ Лотце, есть «нескладный бредъ фантази» (*unfiltrierter Einfall*), если не хотять вмѣстѣ съ Будде назвать его «совершенной глупостью».

Не бѣльшими достоинствами обладаетъ и второе положеніе матеріалистовъ: *духовные процессы суть движенія или функціи вещества*, какъ теплота или электричество. «Причисленіе душевныхъ процессовъ къ разряду процессовъ мозговыхъ осталось и теперь стольже пустымъ притязаніемъ, какимъ оно было сто и двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ». Это слова одного изъ величайшихъ психологовъ—Вундта. Еще ни одному матеріалисту не удалось объяснить, какъ изъ движенія можетъ произойти чувство, ощущеніе, и до сихъ поръ это остается ничѣмъ недоказаннымъ утвержденіемъ. Ужели есть какое-нибудь объясненіе въ слѣдующихъ словахъ Гегеля: «лучше всего назвать содержаніе

сознанія внутреннимъ возрѣніемъ (innere Anschauung) и сравнить его съ отсвѣтомъ? Этотъ отсвѣтъ или отраженіе внѣшняго міра, говорятъ, и есть сознаніе о мірѣ, а отраженіе нашей собственной душевной дѣятельности есть самосознаніе! При этомъ профессоръ Хвольсонъ саркастически замѣчаетъ: «всякій видалъ зеркало; слѣдовательно это опредѣленіе ни для кого не можетъ быть неяснымъ или непонятнымъ». Это пустыя слова, а вовсе не объясненіе! — Оно и невозможно съ материалистической точки зрѣнія. Это остроумно объяснилъ извѣстный фзіологъ Дюбуа Реймонъ. По всему основному направленію своихъ возрѣній онъ былъ материалистомъ, потому что ему кажется, что для предположенія о «міровой душѣ» безусловно необходимо доказать, что находится гдѣ-то соотвѣтствующій «лубокъ гангліозныхъ клѣточекъ и нервныхъ волоконъ». Знаменитыя лекціи этого ученаго «о границахъ естествознанія» прежде всего нанесли смертельный ударъ господству материализма въ естествознаніи, хотя собственно новаго онъ ничего здѣсь не сказалъ. По его мнѣнію, объясненіе не только сознанія, но даже самаго простого духовнаго процесса изъ его матеріальныхъ условій, по существу дѣла, невозможно. «Было бы, говорить онъ, безпредѣльно интересно, если бы мы, проникая умственнымъ взоромъ въ самихъ себя, могли увидѣть дѣйствіе мозгового механизма, необходимаго для рѣшенія ариметической задачи, подобно тому, какъ мы видимъ механизмъ счетной машины, — или если бы мы могли узнать хотя бы только то, какой танецъ совершается атомами углерода, водорода, азота, кислорода, фосфора при музыкальномъ наслажденіи и какой вихрь такихъ атомовъ соотвѣтствуетъ высшей степени чувственнаго наслажденія, какая буря поднимается въ молекулахъ во время ужасной боли при страданіи nervus trigeminus (тройничный нервъ). Но и астрономическое знаніе мозга, высшее, какое только мы можемъ имѣть о немъ, ничего не открываетъ намъ въ немъ, кромѣ приведенной въ движеніе ма-

терии. Никакимъ распредѣленіемъ или движеніемъ матеріальныхъ частицъ нельзя перекинуть мостъ въ область сознанія... Совершенно и на всегда останется непостижимымъ, будто извѣстному количеству атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода и др. не все равно, какъ они лежатъ и двигаются, какъ они лежали и двигались и какъ они будутъ лежать и двигаться. Никкимъ образомъ нельзя постигнуть, какъ изъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія можетъ возникнуть сознаніе... Слѣдовательно принципиально невозможно—при помощи какой-либо механической комбинаціи объяснить, почему аккордъ камертоновъ Кёнига ¹⁾ доставляетъ мнѣ удовольствіе, а прикосновеніе къ раскаленному желѣзу причиняетъ мнѣ страданіе. Никакой превосходный математическій умъ на основаніи астрономическаго знакомства съ матеріальными явленіями въ томъ и другомъ случаѣ не могъ бы а priori опредѣлить, какое явленіе пріятно и какое—болѣзненно».

Слова эти неопровержимы. Навсегда останется безъ отвѣта вопросъ, какъ изъ осязаемаго, видимаго, вообще внѣшними чувствами воспринимаемаго можетъ образоваться нѣчто невидимое, неосязаемое, только внутреннимъ чувствомъ усвояемое. «Возможно понять, какъ одно движеніе преобразуется въ другое движеніе, даже какъ опредѣленное ощущеніе и чувствованіе переходитъ въ другое ощущеніе и чувствованіе. Но какъ движеніе можетъ сдѣлаться ощущеніемъ или чувствованіемъ, этого не можетъ сдѣлать понятнымъ никакая механика въ свѣтъ». Оба процесса не могутъ быть сравниваемы между собою и потому не могутъ быть выведены одинъ изъ другого. «Мы можемъ слышать слово, выражающее какую-нибудь мысль, мы можемъ видѣть человека, у котораго она возникла,

¹⁾ *Кёнигъ Рудольфъ* — нѣмецкій акустикъ, построившій научные акустическіе приборы своего изобрѣтенія и усовершенствовавшій многіе другіе. Энци. Слов. Брокг. и Ефрона, полут. 28, стр. 937. *Примѣч. переводчика.*

мы можемъ разложить на составныя части мозгъ, обдумывавшей ее; но слово, человекъ и мозгъ—не мысль (Вундтъ). Мышленіе есть мышленіе, и движеніе есть движеніе. Я могу *утверждать*: «мышленіе, есть движеніе»; но это утвержденіе столь же нелѣпо, какъ и утвержденіе: «жельзо есть дерево», или: «человѣкъ есть камень»! По мнѣнію Вундта, сказать: «психическія явленія суть функціи мозга» значить сказать «научную безсмыслицу».

Такимъ образомъ можно считать твердо доказаннымъ, что попытка матеріализма—духовные процессы разсматривать, какъ функціи матеріи, или выводить ихъ отсюда, потерѣла полную неудачу. Духъ есть нѣчто иное, чѣмъ вещество или движеніе вещества.

Какъ неудачною оказалась главная попытка—душевныя явленія отнести къ разряду процессовъ мозговыхъ, такъ точно несостоятельно и утвержденіе, что можно доказать *полную зависимость* психическихъ явленій отъ ихъ физической основы, чѣмъ было бы доказано существенное тождество этихъ двухъ величинъ. Прежде всего можно доказать, что въ области духа имѣютъ силу совсѣмъ иные законы, чѣмъ въ области матеріи. Въ области явленій природы господствуетъ принципъ равномѣрности, (*Aequivalenz*), — напротивъ духовная жизнь какъ экстенсивно, такъ и интенсивно управляется закономъ возрастанія цѣнностей. «Наши сложныя представленія строятся на простыхъ ощущеніяхъ; и однакожь образуемое изъ нихъ представленіе отнюдь не содержится въ нихъ такъ, чтобъ его можно было сравнить съ ихъ суммой; оно есть новый актъ нашего сознанія, который постоянно заключаетъ съ себѣ творческій синтезъ. Такъ представленіе о видимомъ предметѣ болѣе, чѣмъ сумма свѣтовыхъ и мускульныхъ ощущеній; такъ представленіе о тѣлѣ, видѣнномъ двумя глазами, болѣе, чѣмъ сумма изображеній на сѣтчаткѣ обоихъ глазъ; такъ далѣе чувствованія, возбуждаемая сочетаніемъ красокъ или вызываемыя гармоническимъ соединеніемъ звуковъ, хотя и находятся въ зависимости отъ

чувствованій, вызываемыхъ отдѣльными красками и звуками, но все же они очень отличны отъ простой суммы тѣхъ элементарныхъ чувствованій. Въ высшихъ интеллектуальныхъ процессахъ, въ неразлучныхъ съ ними движеніяхъ чувства и дѣйствій воли мы встрѣчаемся съ высшими обнаруженіями этого управляющаго всякимъ духовнымъ развитіемъ закона: данное представленіе нашимъ мышленіемъ присоединяется къ новымъ понятіямъ, изъ данныхъ сужденій имъ образуется новое съ особымъ содержаніемъ и т. д.» (Вундтъ). Аккордъ въ физическомъ отношеніи есть не что иное, какъ сумма извѣстнаго числа тоновъ; но я ощущаю не только эти тоны, но въ то же время и созвучіе ихъ, слѣдовательно нѣчто новое, нѣчто, высшее физическаго. «Сознаніе объ a и сознаніе о b никогда не бываетъ тождественно съ сознаніемъ о суммѣ $a+b$ » (Джемсъ). Изъ этой совокупности фактовъ вытекаеть слѣдующее: въ соединеніи и сочетаніи духовныхъ величинъ обнаруживается духъ творческій, самостоятельный, независимый, совсѣмъ независящій отъ физическихъ явленій. Есть цѣлыя отрасли науки, которыя не сообразуются съ внѣшнимъ физическимъ закономъ и съ физическими происшествіями: такъ логика устанавливаетъ внутренніе законы мышленія, такъ математика идетъ своимъ надежнымъ путемъ отъ аксіомы къ теоремѣ — нисколько не думая о законахъ природы.

Но не въ высшихъ только умственныхъ процессахъ, но и постоянно духъ проявляетъ *творческую дѣятельность*. Въ другомъ мѣстѣ, въ первомъ чтеніи, я уже говорилъ о томъ, какъ вообще совершается наше познаніе внѣшняго міра. Міръ внѣ насъ и темень, и беззвученъ, и совершенно безкачественъ; свѣтъ и звукъ суть только колебанія гипотетическаго первовещества; объ этомъ говоритъ точная наука о природѣ. Но какъ возникаетъ теперь образъ поражающаго разнообразіемъ красокъ и звуковъ міра, красотъ котораго мы удивляемся? Онъ возникаетъ въ чувственныхъ субстанціяхъ мозга и притомъ какъ твореніе

человѣческаго духа. Окружающій насъ міръ дѣйствуетъ только раздражающимъ образомъ на наши нервы; изъ этихъ жалкихъ раздраженій духъ творитъ міръ, который мы знаемъ и любимъ. Представленія суть только символы дѣйствительности; но символы — богаче и цѣннѣе самой дѣйствительности. Таково положеніе дѣла. Слѣдовательно въ дѣйствительности душа никогда не бываетъ въ страдательномъ положеніи, но бываетъ постоянно активно творческою. Она — не пассивное зеркало вѣшняго міра, но строитъ себѣ въ глубинѣ своего существа новую дѣйствительность. Вспомните о философіи нашего величайшаго мыслителя. Кантъ увидѣлъ себя вынужденнымъ на ряду съ аналитическими сужденіями, простыми объяснительными сужденіями, допустить сужденія синтетическія или распространительныя. Послѣднія онъ раздѣлялъ на сужденія синтетическія а posteriori, въ которыхъ сказуемое приписывается подлежащему на основаніи опыта, — и на сужденія синтетическія а priori, которыя составляются безъ всякаго опыта въ силу самостоятельности (Spontaneität) духа, какъ напримѣръ большая часть математическихъ положеній.

Но совершенно не поддается никакому механическому объясненію фактъ *единства самосознанія*. Въ нашемъ сознаніи не только происходитъ смѣна состояній и процессовъ, но въ то же время въ немъ постоянно находится и самый субъектъ, которому принадлежать эти состоянія. Всѣмъ нашимъ духовнымъ процессамъ свойственна одна общая черта: ихъ связь съ центромъ, объединяющимъ всю духовную жизнь и дѣятельность. Никакая мысль, никакое чувство и дѣйствіе не существуютъ *сами по себѣ*, но всегда это *мои* мысли, *мои* чувства, *мои* дѣйствія. Не *что-нибудь* думаетъ во мнѣ, но я думаю, точно такъ же, какъ я чувствую, я хочу. Поэтому если и отдѣляютъ мысли отъ этого «я», если и рассматриваютъ ихъ безъ этого отношенія къ мыслящему субъекту, то это бываетъ возможно только при помощи искусственной аб-

стракціи. Въ дѣйствительности не происходитъ въ насъ ни одного душевнаго событія безъ этого и внѣ этого еди-наго сознанія, которое всѣ ихъ обнимаетъ, ставитъ ихъ въ извѣстное отношеніе другъ къ другу и всѣ ихъ признаетъ своими состояніями. Это все обнимающее единое Я—сознаніе есть основная особенность нашей духовной жизни.—Въ немъ мы познаемъ наше глубочайшее бытіе. Обращая на него свое вниманіе, мы постигаемъ свое собственное различіе отъ всего внѣшняго міра, отъ всякаго бытія, смотримъ на себя какъ на самостоятельный міръ, какъ на личность. Этоть-то въ себѣ замкнутый, самостоятельный міръ личности и служитъ основаніемъ, на которомъ утверждается свойственное намъ человѣческое достоинство. Онъ есть тотъ микрокосмъ, который мы смѣло противопоставляемъ макрокосму. И чѣмъ болѣе мы становимся личностью, тѣмъ опредѣленнѣе отличаемъ наше собственное я отъ всего другого, тѣмъ болѣе мы становимся чѣмъ-то такимъ, что само по себѣ обладаетъ свойственной ему цѣнностью.—Эта самостоятельность нашей личной жизни обнаруживается и въ ея созданіяхъ. Такъ какъ человѣкъ самъ себѣ господинъ, то онъ только одинъ можетъ сдѣлаться господиномъ природы; такъ какъ человѣкъ въ себѣ самомъ носитъ свой собственный міръ, отличающійся особенной цѣнностью, то онъ только одинъ и въ состояніи устроить около себя міръ—міръ культуры внутри міра природы. Наука и искусство, нравственность и религія—вотъ тѣ царства, которыя свойственны и предоставлены духу человѣка (Отто).

Въ этомъ и состоитъ истинное различіе между человѣкомъ и животнымъ; здѣсь-то и находится глубокая, непреодолимая пропасть между ними. Никогда животное не развивало изъ себя самого понятія о долгѣ въ противоположность стремленіямъ своей природы. Никогда не удастся развить въ немъ понятія о сверхъестественномъ мірѣ: ни одно животное не можетъ молиться. Нѣтъ никакой науки у обезьянъ, и никакого искусства у слоновъ;

ихъ можно дрессировать, но никому не придетъ на умъ, что воспитаніемъ можно развить въ нихъ дѣйствительно духовную жизнь, духовную самостоятельность, свободу и творческую силу, какъ бы высоко ни ставили ихъ умственную жизнь въ иныхъ отношеніяхъ. Никогда животное не можетъ стать выше природной основы: оно не имѣетъ никакой исторіи, оно всегда остается не имѣющимъ исторіи произведеніемъ природы. Но все это зависитъ исключительно отъ того, что оно не обладаетъ способностью—понимать себя самого,—стать личностью. Напротивъ человѣкъ, стоящій даже на самой низкой ступени развитія, обладаетъ способностью достигнуть такой же духовной жизни, какой достигаетъ европеецъ. Противъ этого спорили, но это подтверждается фактами. Это призналъ и Дарвинъ, когда узналъ, какая перемѣна произошла въ жителяхъ Огненной земли подъ вліяніемъ христіанской миссіи. Эта способность человѣка—становиться личностью, строить себѣ свой собственный міръ, есть нѣчто совершенно новое въ ряду развитія живыхъ существъ, не выводимое изъ предшествующаго; она, какъ доказываютъ факты, представляетъ непроходимую пропасть между человѣкомъ и животнымъ. Вслѣдствіе этого оба они различаются между собою не только по степени, какъ хотѣлось бы Геккелю, но и принципиально. Слѣдовательно это личное самосознаніе человѣка есть фактъ, непосредственно извѣстнѣйшій, несомнѣннѣйшій, какой только мы можемъ имѣть, основное условіе всего вашего познанія, а равно всей нашей духовной жизни: никто не можетъ отрицать его, не отрекаясь отъ себя самого.

Это самосознаніе совершенно необъяснимо съ матеріалистической точки зрѣнія. Сознаніе, говорятъ, есть «отраженіе»; тогда самосознаніе было бы отраженіемъ, отражающимъ себя самого. Это приводитъ къ нелѣпости, которая сама надъ собою произноситъ приговоръ.—И прежде всего, какъ матеріализмъ объясняетъ единство сознанія? Гдѣ въ мозгу находится нѣчто матеріальное, соотвѣтствующ-

щее единству сознания (материальный аналогонъ). Въ мозгу мы находимъ множество клѣточекъ, которыя хотя и соединены между собою нитями плазмы, но все же онѣ не образуютъ дѣйствительнаго единства, а постоянно остаются множествомъ. Сознаніе же не есть только соединеніе духовныхъ состояній и процессовъ, происходящихъ внѣ его, но оно есть совершенно своеобразное единство. Сознаніе — не мысль, даже не сумма мыслей: оно находится позади и выше ихъ; напротивъ мысль существуетъ только въ сознаніи; она—только состояніе сознанія; съ сознаніемъ стоитъ и падаетъ мысль—и всякое другое духовное явленіе. Гдѣ въ строеніи мозга находится нѣчто похожее на это? Какъ изъ множества отдѣльныхъ физиологическихъ процессовъ могло развиться это господствующее надъ всѣмъ единство самосознанія?

Этотъ огромной важности неоспоримый фактъ единаго я—сознанія есть твердая крѣпость, отъ которой съ позоромъ отступаетъ всякій материализмъ. Чѣмъ болѣе чело-вѣкъ вдумывается въ себя самого, чѣмъ глубже онъ уразумѣваетъ и постигаетъ себя самого, чѣмъ богаче и шире становится его внутренней опытъ, чѣмъ больше въ глубинѣ своей собственной души онъ строитъ самостоятельный міръ, кратко—чѣмъ болѣе становится онъ личностью, тѣмъ болѣе то заносчивое научное направленіе становится непонятнымъ для него заблужденіемъ.

Но все предшествующее пространное изслѣдованіе этого вопроса въ сущности излишне. Для всякаго, кто способенъ къ глубокому теоретическому изслѣдованію предмета, все ученіе материализма сразу является научной невозможностью. Материализмъ исходитъ изъ предположенія, что матерія, субстанція есть единственно реальное, непосредственно данное, тогда какъ міръ духовный для него, прежде всего для Геккеля, есть гипотетическая величина, Это согласно съ наивнымъ воззрѣніемъ: чтò можно видѣть и осязать, то не подлежитъ сомнѣнію; невидимое же и неосязаемое — сомнительно. Весь этотъ взглядъ свидѣ-

тельствуетъ о крайней умственной поверхностности и бессмысленности. Онъ возможенъ только до тѣхъ поръ, пока еще имѣютъ безусловное довѣріе къ показанію вѣшнихъ чувствъ. Неужели вѣшнія чувства никогда не вводятъ насъ въ обманъ? Даютъ ли они намъ вполнѣ вѣрное изображеніе дѣйствительнаго міра? Я уже раскрылъ, что мы не воспринимаемъ чувствами копій вѣшняго міра. Наши представленія о предметахъ суть только символы дѣйствительнаго точно такъ, какъ слово есть символъ мысли! Что же такое поэтому субстанція? Позвать ее мы никогда не можемъ; мы наталкиваемся только на силы; субстанція же есть не что иное, какъ простая гипотеза: мы предполагаемъ, что силы соединены съ веществомъ; но въ этомъ мы не увѣрены. Напротивъ непосредственно данное намъ въ воспріятіи есть нѣчто духовное, душевное. Наши представленія суть нѣчто для насъ непосредственно извѣстное. «Весь міръ есть наше представленіе, и только не совсѣмъ надежнымъ путемъ мышленія приходимъ мы вообще къ мысли о существованіи вѣшняго міра и того, изъ чего онъ устроенъ,—матеріи» (Гейнце). Такимъ образомъ матеріализмъ хочетъ объяснить извѣстное изъ неизвѣстнаго, когда онъ хочетъ отъ матеріи перейти къ духовному міру. Правильнымъ слѣдуетъ признать обратный путь. Для насъ непосредственно данное есть духъ, который Геккелемъ считается гипотетическимъ; матерія, напротивъ, есть и останется простою гипотезою. Неоспоримо то, что матеріализмъ навсегда осужденъ наукою.—Такой же приговоръ надъ нимъ произноситъ извѣстный философъ Лотце въ слѣдующихъ словахъ: «Изъ всѣхъ заблужденій человѣческаго духа мнѣ всегда казалось самымъ страннымъ то, что онъ могъ дойти до сомнѣнія въ своемъ собственномъ существѣ, которое онъ однакожъ знаетъ изъ непосредственнаго опыта, или то, что онъ обратно привимааетъ его къ себѣ въ видѣ произведенія вѣшной природы, которую мы знаемъ только изъ вторыхъ рукъ, только при посредствѣ сущности того именно духа, который мы отрицали».

Сказанное выше я кратко выражаю такъ: духъ чело-вѣка не можетъ быть объясненъ изъ матеріи; онъ—міръ самостоятельный. Хотя онъ зависимъ во многихъ отноше-ніяхъ, но его истинная сущность свободна отъ законовъ природы; онъ повинуется законамъ своей собственной природы; къ внѣшнему міру онъ относится всегда активно, всегда творчески; внѣшній міръ доставляетъ ему только строительный матеріалъ, изъ котораго онъ созидаетъ себѣ свой собственный міръ. Онъ есть въ собственномъ смыслѣ реальное, непосредственно намъ данное, единственно дѣй-ствительное; матерія есть очень ненадежная гипотеза. Этимъ устраняется вопросъ о научномъ противорѣчїи между матеріализмомъ и христіанствомъ.

Откуда же происходитъ тогда духъ? Долженъ же онъ имѣть свою причину; этого требуетъ законъ причинности. Изъ міра матеріальнаго онъ не можетъ произойти, это—несомнѣнный результатъ психологическаго изслѣдованія нашихъ дней. При опредѣленныхъ свойствахъ матеріи вдругъ появляется духъ, какъ нѣчто совершенно новое—изъ какихъ глубинъ происходитъ онъ?

Здравый человѣческій разумъ ожидаетъ, что на этотъ вопросъ данъ будетъ слѣдующій отвѣтъ: изъ другой дѣй-ствительности, изъ внѣмірнаго, съ нимъ однороднаго цар-ства! Но большинство психологовъ объ этомъ другого мнѣнія: они проповѣдуютъ такъ называемый *психофизи-ческій параллелизмъ*. Онъ ведетъ свое начало главнымъ образомъ отъ Спинозы и Лейбница. Его основная мысль заключается въ слѣдующемъ: въ дѣйствительности суще-ствуютъ два ряда явленій, которыя никогда не удаляются другъ отъ друга, но и никогда и не пересѣкаютъ другъ друга, слѣдовательно параллельны между собою. Каждому физическому явленію въ точности соотвѣтствуетъ явленіе психическое; но никогда одно не бываетъ причиной дру-гого; тутъ имѣетъ мѣсто только временная смежность. Поэтому каждый рядъ явленій замкнутъ самъ въ себѣ: на

одной сторонѣ происходить въ неразрывной связи духовныя явленія, а на другой сторонѣ столь же нерасторжимую цѣпь составляютъ соотвѣтствующія имъ физическія явленія. Паульсенъ старается наглядно объяснить это слѣдующимъ примѣромъ: «Человѣкъ идетъ по улицѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что его называютъ по имени; онъ оборачивается и идетъ къ тому, кто его позвалъ. Завзятый физиологъ построилъ бы весь этотъ процессъ чисто механически. Онъ показалъ бы, какъ физическое дѣйствіе звуковыхъ волнъ на слуховой органъ возбудило опредѣленный нервный процессъ въ слуховомъ нервѣ, какъ этотъ процессъ дошелъ до центральнаго органа, какъ здѣсь вызвалъ онъ опредѣленные физическіе процессы, приведшіе наконецъ къ иннервации извѣстныхъ группъ двигательныхъ нервовъ, какъ послѣдовали поворотъ и движеніе тѣла въ ту сторону, откуда донеслись звуковыя волны. Всѣ эти явленія сливаются въ одинъ непрерывный физическій процессъ. Рядомъ съ нимъ происходилъ другой процессъ, о которомъ физиологъ, какъ такой, ничего не знаетъ и не можетъ знать, но о которомъ онъ знаетъ, какъ человѣкъ мыслящій и дающій отчетъ въ своихъ воспріятіяхъ,—знаетъ, что слуховыя ощущенія вызываютъ представленія и чувствованія; тотъ, кого позвали, услышалъ свое имя, обернулся, чтобъ узнать, кто и зачѣмъ его звалъ, увидѣлъ своего стараго знакомаго и пошелъ къ нему, чтобы поздороваться съ нимъ. Эти явленія происходятъ рядомъ съ физическимъ процессомъ, не одаывая на него воздѣйствія; воспріятіе и представленіе не представляютъ изъ себя звеньевъ цѣпи физическихъ причинъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто координація этихъ двухъ рядовъ (явленій), во нѣтъ смѣшенія между ихъ членами». — Какъ были объяснены явленія, приведенныя въ примѣрѣ, такъ должны быть объясняемы и явленія въ дѣйствительности: «даже самыя сложныя движенія живыхъ тѣлъ, даже самыя трудныя художественныя дѣйствія людей надобно объяснять, какъ физическія отправленія, чисто физически»; даже самыя глубо-

кіе сознательные процессы должны находить свои параллели въ мозговыхъ процессахъ. «Настоящій физиологъ и автора «Критики чистаго разума» по его тѣлесной природѣ демонстрировалъ бы намъ какъ механизмъ». Но и наоборотъ: для всякаго физическаго процесса мы должны предполагать соотвѣтствующій ему психическій, происходящій параллельно ему; потому что психофизическій параллелизмъ имѣетъ силу закона для всѣхъ явленій. Это находится въ рѣзкомъ противорѣчii съ обычнымъ нашимъ взглядомъ, по которому «сознательные процессы суть явленія, сопутствующія мозговымъ процессамъ; тѣла животныхъ суть единственные носители душевной жизни; всѣ остальные тѣла суть не болѣе, какъ тѣла». Въ противоположность этому утверждаютъ: «непрерывному ряду физическихъ причинъ соотвѣтствуетъ столь же непрерывный рядъ причинъ психическихъ»; въ такомъ случаѣ необходимо мыслить всѣ тѣла имѣющими душу. Это извѣстное ученіе о томъ, что все имѣетъ душу (Allbeseelung, панпсихизмъ).

Вѣроятно вы задаете себѣ вопросъ: для чего придумана вся эта странная теорія? Но она встрѣтила благосклонный пріемъ со стороны очень многихъ ученыхъ, потому что она, повидимому, больше всего удовлетворяетъ какъ естественно-научному, такъ и философскому мышленію: *естественно-научному мышленію*—потому, что въ ней всѣ процессы тѣлеснаго міра дѣйствительно объясняются изъ чисто физическихъ причинъ; нигдѣ не допускается воздѣйствіе духовныхъ силъ; въ неразрывномъ строѣ физическіе процессы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Законъ сохраненія матеріи и силы вполнѣ соблюдается: предположеніе о преобразованіи движенія въ мышленіе оказывается ненужнымъ—для большинства мыслителей, держащихся физической точки зрѣнія, это было бы уничтоженіемъ энергіи—и точно также оказывается излишнимъ и предположеніе о преобразованіи мышленія въ движеніе—это было бы для нихъ возникновеніемъ абсолютно новой энергіи.

Такимъ образомъ теорія психофизическаго параллелизма одобряется потому, что она поддерживаетъ значеніе великихъ принциповъ—принципа замкнутости всякой физической причинности и принципа сохраненія энергіи. — Но она удовлетворяетъ и *философскому мышленію*: она охраняетъ самостоятельность и автономію духа; потому что по ней какъ физическіе процессы не суть слѣдствія процессовъ психическихъ, такъ и психическіе процессы не бываютъ слѣдствіями физическихъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшаетъ трудные вопросы: какъ возможно, что столь неоднородные предметы, какъ духъ и тѣло, дѣйствуютъ другъ на друга? Откуда вообще происходитъ духъ? Что касается перваго вопроса, то теперь на него получается слѣдующій отвѣтъ: духъ и тѣло дѣйствуютъ другъ на друга только повидимому; на самомъ же дѣлѣ дѣйствуетъ только духовное на духовное и тѣлесное на тѣлесное; ошибочное представленіе объ этомъ очень легко объясняется изъ постоянного параллелизма между обоими рядами процессовъ.—На другой вопросъ получается, повидимому, столь же удовлетворительный отвѣтъ: психическое съ самаго начала связано съ физическимъ, какъ бы скрыто въ немъ, такъ что оно можетъ проявлять себя во всякое время, когда находятся налицо необходимыя для этого матеріальныя и органическія условія. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи духа устраняется: ему принадлежитъ такая же давность, какъ и физическому міру. Напротивъ, если отвергнуть предположеніе о томъ, что все имѣетъ душу, то придется выбирать одно изъ двухъ мнѣній: или духовное развивается изъ тѣлеснаго, или оно происходитъ отъ трансцендентной, съ нимъ однородной силы. Первое, какъ доказано, невозможно. «Механическая причина производитъ чисто механическое дѣйствіе», говоритъ Дюбуа Реймонъ. Слѣдовательно духовные процессы, совершающіеся параллельно съ матеріальными процессами въ мозгу, не имѣютъ достаточнаго основанія, удовлетворяющаго требованіямъ нашего разума». Такимъ образомъ осталась

только вторая возможность. Но мнѣніе о вліяніи сверхъестественнаго фактора на ходъ міровой жизни многими признается ненаучнымъ. Выходомъ изъ этого затрудненія служитъ теорія психофизическаго параллелизма съ неизбѣжнымъ выводомъ изъ нея—признаніемъ души во всемъ. Отсюда становится понятнымъ, почему эта теорія поддерживается большинствомъ ученыхъ психологовъ нашего времени—и конечно самымъ виднымъ между ними В. Вундтомъ—только какъ эмпирическая рабочая гипотеза, но не какъ метафизическое ученіе!

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Синодикъ Ростовской Толгской церкви Іоанна Милостиваго.

Въ Ростовѣ Ярославской губерніи на Ивановской улицѣ находится небольшая одноглавая, каменная церковь во имя Толгской Пресвятой Богородицы, съ придѣломъ во имя св. Власія и Іоанна Предтечи. Она построена вмѣсто бывшей Власьевской деревянной въ 1761 г. при знаменитомъ Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи Мацѣевичѣ.

За лѣвымъ клиросомъ почиваютъ подъ серебряной ракой мощи св. Іоанна Власатаго ¹⁾).

Происхожденіе и родина его неизвѣстны. Преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, предполагаетъ, что Іоаннъ былъ знатнаго рода и человѣкъ образованный (зналъ латинскій языкъ). По обстоятельствамъ того времени, весьма вѣроятно, онъ скрылся изъ Москвы отъ ужасовъ царя Ивана Грознаго и въ тиши и неизвѣстности служилъ Господу. Онъ, живя въ Ростовѣ, не имѣлъ ни дома, ни пристанища, но иногда приходилъ для краткаго отдыха къ одной благочестивой старушкѣ вдовѣ и къ своему духовнику Всѣхсвятскому священнику Петру. Онъ скончался 3 сентября 1582 г. и погребенъ означеннымъ священникомъ и вдовою за городскимъ ровомъ при деревянной церкви св. Власія за алтаремъ. Погребеніе его было ознаменовано страшною бурей, молніей и громомъ. Черезъ нѣсколько времени благочестивые люди стали стѣбаться къ могилѣ блаженнаго Іоанна и брали изъ нея

¹⁾ Память его празднуется 3 сентября и 12 поября.

земли; многіе по вѣрѣ своей получали исцѣленіе и потому прозвали его «милостивымъ». Въ числѣ исцѣлявшихся былъ Ростовскій митрополитъ Кириллъ (1605 г.), лишившійся въ старости употребленія ноги и руки, а потому оставившій уже престолъ свой. Послѣ усердной молитвы надъ гробницей Іоанна престарѣлый святитель, принесенный въ церковь на рукахъ, получилъ внезапное облегченіе отъ своего недуга, такъ что могъ уже самъ итти домой, и впослѣдствіи не только отправлялъ богослуженіе, но и снова управлялъ епархіей во время плѣна знаменитаго своего преемника, Филарета Романова. При ракъ св. Іоанна находится его большой кипарисный крестъ и его же Псалтирь на латинскомъ языкѣ, написанная очень искусно готическими буквами на пергаментѣ.

На этой рукописи при началѣ Псалтири имѣется свояручная запись святителя Дмитрія, митрополита Ростовскаго: «Въ лѣто бытія міра 7090, отъ Рождества Христова 1582 сентября въ 3 день, въ царство великаго государя, царя и великаго князя Іоанна Васильевича, въ богоспааемомъ градѣ Ростовѣ преставися угодникъ Божій Іоаннъ Власатый и погребенъ въ церкви св. священномученика Власія, что въ Заровіи; отъ гроба его подаются исцѣленія больнымъ, съ вѣрою приходящимъ; прозванъ же бысть отъ народа «Милостивымъ», ради получаемыхъ отъ него исцѣленій. Въ лѣто 1702, въ царствованіе великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Россіи, въ недѣлю вторую великаго поста, марта въ 1 день приде въ Ростовъ преосвященный епископъ Дмитрій и пріялъ престолъ митрополіи Ростовской и Ярославской».

«Отъ времени преставленія блаженнаго Іоанна Власатаго и Милостиваго даже доселѣ баше на гробъ его книжица сія, зѣло ветха, Псалтирь Давыдовъ на латинскомъ діалектѣ, юже той угодникъ Божій, моляся къ Богу, чтяше. И видѣвъ ю ветху и распадающуюся, преосвященный митрополитъ Дмитрій повелѣ ю вновь переплести и, обно-

вивъ, паки на гробъ блаженнаго Іоанна положи, да лежитъ неотъемлемо въ послѣдняя лѣта».

Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ двухъ священныхъ предметовъ, въ церкви ничего древняго не сохранилось, даже въ архивѣ нѣтъ никакихъ старыхъ рукописей и бумагъ. Все истреблено или расхищено.

Недавно намъ пришлось видѣть синодикъ этой церкви, находящійся уже въ частныхъ рукахъ.

Синодикъ XVIII вѣка, на 64 лл. Первые 39 лл. заключаютъ изображенія, гравированныя и изданныя въ 1702 г. Леонтіемъ Бунинымъ, знаменщикомъ серебряной палаты. Такъ какъ объ этомъ изданіи довольно подробно говорится въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Ровинскаго, то я перехожу къ слѣдующимъ листамъ, написаннымъ прекраснымъ крупнымъ полууставомъ XVIII вѣка.

Сначала идетъ помянникъ царей и великихъ князей съ Іоанна Грознаго, кончая Петромъ II. Святѣйшаго патріарха Филарета Никитича. Государынь: Екатерины, Анны, Елизаветы, Евдокіи Лукіановны, Маріи Ильиничны, Агаеіи Симеоновны, Марѳы Матвѣевны, Наталіи Кирилловны, Прасковіи Ѳеодоровны, монахини Елены, великія старицы Марѳы Іоанновны. Благовѣрныхъ царевичей: Алексія Алексіевича, Алексія Петровича.

Цесаревенъ: Анны Петровны, Наталіи Петровны. Благовѣрныхъ государынь цесаревенъ и великихъ княженъ; начинается съ Татіаны Михайловны и кончается Анной Петровной; всѣхъ именъ четырнадцать.

Святѣйшихъ патріарховъ Московскихъ; начинается съ Іова, кончается Адріаномъ (10 именъ).

Архіереевъ Ростовскихъ; начинается съ Ѳеодора, кончается Димитріемъ (60 именъ). Здѣсь замѣчательно то, что въ числѣ Ростовскихъ епископовъ помѣщенъ Ѳома, который признается сомнительнымъ. Изъ послѣднихъ владыкъ упоминается казненный Петромъ I въ Москвѣ на Красной площади по дѣлу Алексѣя Петровича Досіоеей и ссыльный Георгій Дашковъ, имена которыхъ зачеркнуты во всѣхъ уцѣлѣвшихъ ростовскихъ синодикахъ.

Съ 44 л. идутъ роды. Родъ помѣщика Ивана Петровича Невѣжина ¹⁾.

Въ числѣ прочихъ занесены роды бояръ Перетчиныхъ, князей Урусовыхъ, княгини Александры Яковлевны Грузинской, князя Захара Меликова, Мельгуновыхъ, графини Апраксиной, генерала Николая Ивановича Чарскаго, генерала Опочинина и Кисловскаго, генерала Лешкова, помѣщика Михаила Ивановича Зиновьева, Муравьевыхъ, кн. Юсуповыхъ, княгини Настасіи Никитичны Шелеметевой (?) ²⁾, Татищева, Фоминцева, кн. Черкасова, Шубина, кн. Бѣлосельскихъ, графини Брюсовой и т. д.

Очевидно, память блаженнаго Іоанна Милостиваго въ XVIII вѣкѣ особенно почиталась, а со времени открытія мощей святителя Дмитрія и переложенія ихъ въ новую раку, въ присутствіи императрицы Екатерины II въ 1763 г., многія придворныя и титулованныя лица дѣлали вклады въ Толгскую церковь и записывали свои роды въ приходскій синодикъ.

Ан. Тимовъ.

¹⁾ Это одинъ изъ потомковъ московскаго типографа времени Грознаго—Андроника Тимоеевича Невѣжи, правнукъ котораго, Анисимъ Дементьевичъ, былъ дьякомъ Помѣстнаго приказа.

²⁾ Сверхъ спорописью „Стрѣшневыхъ“.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

(Къ 50-лѣтію со дня его кончины. † 1860 г. 23 сентября).

З А Р Я.

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночью и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу,
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ Онъ далъ въ сопутницы денницу.
Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догорая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы—
Смѣшеніе пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

(1826).

ИЗЪ СААДИ.

(На кусокъ янтара).

Червь ядовитый скрывался въ землѣ:
Черныя думы таились во мглѣ.
Червь, изгибаяся, землю сквернилъ:
Грѣхъ ненавистный мнѣ душу тягчилъ.
Червь ядовитый облить янтаремъ:
Весело взоры почиютъ на немъ.
Къ Небу подъемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.
Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать,
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

(1830).

Д А В И Д Ъ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни лать съ Саулова плеча;
Но духомъ Божиимъ осѣненный
Онъ въ поле бралъ камень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты—когда на битву съ ложью
Возстанеть правда думъ святыхъ—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость лать земныхъ.

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостень шоломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

(1844).

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ.

О, Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушонъ былъ плѣнь могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: «встань!» душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ
Тебѣ—сіянью Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!

(1852).

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ.

Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.

Братья, оставимъ работу дневную,

Въ пѣсню сольемъ голоса:

«Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою,

«Тихо сіяетъ струей золотою

«Западный край».

«Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,

«Путь нашъ во мракъ: Ты, свѣтъ невечерній,

«Насъ осіяй!»

«Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,

«Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,

«Въ тяжелой борьбѣ»,

«Всюду сіяніе солнца святого,

«Божія мудрость, и сила, и слово...

«Слава Тебѣ!»

(1852).

Н О Ч Ъ.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонять,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,—
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!..
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горять,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

(1854).

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Изъ воротъ Иерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
«Ты идешь во имя Бога,
«Ты идешь въ свой царскій домъ!
«Честь тебѣ, нашъ царь смиренный,
«Честь тебѣ, Давидовъ сынъ!»

Такъ, внезапно вдохновенный,
Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Шеголь воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ усмѣшкой злой:
«Эго-ль царь вашъ, слабый, блѣдный,
«Рыбаками окружень?
«Для чего онъ въ ризѣ бѣдной,
«И зачѣмъ не мчитъ онъ,
«Силу Божью обличая,
«Весь одѣянь черной мглой,
«Пламенѣя и сверкая
«Надъ трепещущей землей?..»

И вѣка пошли чредою,
И Давидовъ сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье

Цѣпь любовной тишины,
Миръ живить, какъ дуновение
Наступающей весны.
И въ трудахъ борьбы великой
Имъ согрѣты сердца
Узнають шаги владыки,
Слышать сладкій зовъ отца.
Но въ своемъ невѣрьи твердый,
Неисцѣльно ослѣпленъ,
Все, какъ прежде, книжникъ гордый
Говорить: «Да гдѣ же онъ?
«И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
«Историческаго дня
«Онъ проходитъ такъ смиренно,
«Такъ незримо для меня,
«А нейдетъ, какъ буря злая,
«Весь одѣянъ черной мглой,
«Пламенѣя и сверкая
«Надъ трепещущей землей?..»

(1858).

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ въ терпѣннн,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заняло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

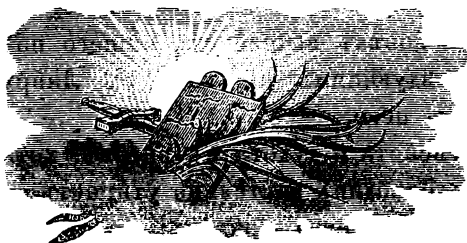
(1859).

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталь:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталь.
Пѣвучіе серебряные громы
Сказали вѣсть святого торжества,
И, слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.

Все тотъ же гласъ ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поеть,—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямая колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятя
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

(1849).

У ТРОИЦЫ-СЕРГІЯ НА ПРАЗДНИКЪ.

(Къ 25-му сентября).

Пріятно провести хотя одинъ день въ душной и шумной столицы. И особенно душа чувствуетъ и испытываетъ отдыхъ отъ всевозможныхъ житейскихъ трудовъ и тревоженій въ святомъ мѣстѣ. Чтобы отдохнуть душою, мы и поѣхали въ Троице-Сергіеву Лавру, намѣреваясь провести тамъ день, посвященный имени великаго печальника земли русской, преподобнаго отца нашего Сергія.

Теперь мы хотимъ подѣлиться съ читателями пріятными впечатлѣніями, вынесенными оттуда.

Вѣрные сыны православной Россіи, а въ особенности москвичи, съ великимъ благоговѣніемъ чтутъ своего покровителя. Потому на праздникахъ, посвященныхъ памяти его, всегда бываетъ очень много народу.

Нашъ поѣздъ несется отъ Москвы въ «Сергіево». Душно и жарко въ вагонѣ.

Вотъ и Хотьковъ монастырь. Нѣсколько куполовъ и бѣлыхъ монастырскихъ построекъ показались изъ-за лѣса. Пассажиры крестятся при видѣ монастыря и тихо произносятъ: «Кириллъ и Марія — родители преподобнаго Сергія».

Нѣсколько человѣкъ вышло изъ нашего поѣзда, намѣреваясь со слѣдующимъ пріѣхать въ Лавру; а больше того взшло въ него.

Страшная тѣснота и духота въ вагонѣ, хоть задохнись. Вотъ тучный господинъ постоянно утираетъ съ лица потъ, который льется съ него градомъ; толстая барыня то и дѣло машетъ себѣ въ лицо платкомъ.

Зато въ этой повъздкѣ не страдаетъ наше ухо: здѣсь нѣтъ безобразной ругани, до которой такъ охочъ русскій человѣкъ. Здѣсь всякій старается держать себя поскромнѣе и повѣжливѣе, и нерѣдко самъ потѣснится и дастъ мѣсто другому пассажиру: непрелично же грубіянить: вѣдутъ вѣдь всѣ на богомолье.

Еще то пріятно видѣть и слышать, что здѣсь царствуетъ любовь и уваженіе. Тутъ и франтъ, и нарядная дама, и рабочій, одѣтый во что Богъ послалъ, и деревенская бабушка въ паневѣ — всѣ сидятъ рядомъ. Несмотря на такое различіе людей, — никто никого не презираетъ и не боится, и нерѣдко слышится неподдѣльное «братъ».

Повъздъ нашъ съ обычнымъ покачиваніемъ съ боку на бокъ несется по ровнымъ и гладкимъ рельсамъ; колеса что-то заботливо и однообразно, для насъ непонятное, повторяютъ: ту-ру-ру, ту-ру-ру.

Пассажиры негромко разговариваютъ о разныхъ мелочахъ жизни. Всего больше слышны рассказы о томъ, кто когда бывалъ у Троицы, что тамъ видалъ, и какой-нибудь незначительный случай, происшедшій съ нимъ: какъ-то на повъздъ опоздалъ или съ дорожки сбился, ходя по монастырямъ, и тому подобнѣе.

Хотя такіе рассказы и неинтересны для многихъ, но и они заполняли свободное время.

— Вотъ теперъ и «Сергіево» близко, проговорилъ чернобородый мужчина съ видомъ знатока дороги.

Открытыя окна вагона наполнились любопытными зрителями: всѣмъ хотѣлось поскорѣй увидать Лавру.

Повъздъ нашъ то влеталъ въ глубокую выемку, откуда виднѣлись ровные скаты ея, поросшіе травой, да гдѣ-то въ вышинѣ лѣсомъ, верхушки котораго съ трудомъ могъ достать глазъ пассажира, — то вдругъ очутится на высокой насыпи, откуда открывается величественная панорама на окружающую мѣстность: безконечныя поля, зеленые луга и деревни.

— Вотъ природа, полная жизни! А у насъ въ Москвѣ

что? пыль, духота, жара; здѣсь же раздолье, прямо рай! слышится между пассажирами.

По сторонамъ дороги, медленно шагая, идутъ богомольцы: тоже хотѣть почтить Преподобнаго: провести день его праздника во святой обители.

Вдали мелькнула золотая шапка Лаврской колокольни. Эту красавицу русскаго зодчества времянь Елизаветы далеко видно со всѣхъ сторонъ. Она, какъ бы привѣрливо кивая увѣнчанной главою, манить всѣхъ къ себѣ.

Вотъ паровозъ загудѣлъ продолжительно. Подходить! Остановился.

Черезъ нѣсколько секундъ вся платформа наполнилась народомъ. Многіе заботливо суетились, а большинство неспѣшно направилось къ Лаврѣ.

— Не угодно ли доведу... Сколько васъ?... Садитесь... А вотъ пара и лошади хорошія: пожалуйте, баринь! Купчиха, недорого возьму — такъ предлагаютъ посадскіе извозчики пріѣзжимъ гостямъ свои услуги. Нѣкоторые ѣдутъ.

— Недалеко: пѣшкомъ дойдемъ; кабая прекрасная погода... И растянется на цѣлую версту вереница богомольцевъ.

Но тутъ они опять попадають къ «доброжелателямъ» и на каждомъ шагу слышать:

Номерочекъ не потребуется? Недорого... пожалуйте остановиться. Вотъ чистые номера!.. Многіе останавливаются въ Лаврскихъ гостиницахъ, а большинство среднихъ посетителей въ частныхъ номерахъ, такъ какъ цѣны тамъ сравнительно недороги: за 30 копѣекъ даютъ довольно чистый номеръ, да еще съ самоваромъ.

Но гдѣ бы кто ни остановился, всякій спѣшить побывать въ соборѣ у Преподобнаго.

Со страхомъ, радостію и съ какимъ-то мирнымъ торжествомъ вы вступаете во святія врата Лавры. Тутъ первымъ долгомъ вашимъ глазамъ представляется вся жизнь и труды Преподобнаго Аввы, изображенные по стѣнамъ святыхъ вратъ.

Вотъ онъ, малютка, стоитъ въ купели, видитъ старца-ангела, погребаетъ родителей, трудится надъ сооруженіемъ пустынныхъ жилищъ для подвижниковъ, священнодѣйствуетъ, благословляетъ Дмитрія Донского на брань и т. п. А надъ вашею главою изображено самое важное событіе изъ жизни угодника Божія: явленіе Божіей Матери.

Затѣмъ взоръ вашъ невольно падаетъ на пушки, лежащія у самыхъ вашихъ ногъ. При видѣ ихъ возстаютъ въ сознаніи вашемъ ужасы смутнаго времени и славныя заслуги Лавры въ годину бѣдствія дорогого отечества.

Дальше идете по асфальтовой дорожкѣ, и предъ вами вырастаетъ во весь ростъ Успенскій соборъ. Но васъ не останавливаетъ это грандіозное зданіе. Вы идете вглубь монастыря. Вдали, почти затерявшись среди построекъ монастырскихъ, открывается изъ-за церкви Св. Духа и виденъ сквозь густую рощу тополей и липъ небольшой Троицкій соборъ. Тутъ все ваше вниманіе обращается на него. Малый размѣръ, старинная архитектура повѣствуетъ о его далекомъ прошломъ...

Съ чувствомъ благоговѣнія входите въ соборъ. Тутъ каждый уголокъ кажется вамъ далекимъ отъ всего земного. Вотъ еще на паперти появилась икона «Всѣхъ Скорбящихъ Радости». Она какъ бы говоритъ: здѣсь можно обрѣсти радость; тутъ ея для всѣхъ достаточно. А изъ самаго храма доносится тихое и неспѣшное пѣніе: Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ!

Вотъ и самый храмъ. Входите въ него. Вашъ взоръ первымъ долгомъ падаетъ на предметъ, къ которому вы долго стремились—на раку Преподобнаго.

Серебрянная сѣнь, многочисленныя лампы, возженные усердіемъ посѣтителей, икона «Посѣщеніе» въ драгоценной ризѣ, отдѣленная отъ полу одной ступенькой рака, а въ ней нетлѣнныя мощи преподобнаго Сергія—самое дорогое сокровище, не только для его обители, но и для Богомольца—все это надолго приковываетъ ваше внима-

ніе. Масса богомольцевъ всякаго званія и состоянія съ преклоненными колѣнами стоитъ предъ мощами Святого.

И вы тоже чувствуете въ вашей душѣ потребность въ молитвѣ и благоговѣнно опускаетесь на колѣни... Вездѣ тишина... только гробовой іеромонахъ неспѣшно и внятно читаетъ молитву, и отзовутся на молитву іеромонаха послушники: «Ублажаемъ ты, Преподобне отче Сергіе!»

И въ этотъ таинственный моментъ невольно у васъ потечетъ слеза. А это слеза — удивленія и молитвы. Вы чувствуете облегченіе въ душѣ и съ радостію и страхомъ подходите приложиться къ покрову, который на мощахъ Преподобнаго.

И долго, долго не хочется вамъ оставить соборъ: тутъ много всего, что можетъ питать вашъ умъ, религіозное чувство и даже любопытство.

Вотъ алтарь, гдѣ цѣлыя пять столѣтій совершается божественная служба, и приносится безкровная жертва за всѣхъ христіанъ. Стѣны свода и храма остаются свидѣтелями и какъ бы повѣствователями безчисленныхъ первонныхъ торжествъ. А сколько разъ этотъ храмъ оглашался церковными пѣснопѣвіями! Сколько тутъ произнесено молитвъ! Сколько эти стѣны видѣли въ вѣдрахъ своихъ посѣтителей съ благоговѣнно настроеннымъ чувствомъ! Тамъ молились цѣлыя сонмы подвижниковъ, учениковъ преподобнаго Сергія; множество святителей, положившихъ всѣ свои силы на благо церкви Христовой.

Въ этомъ храмѣ бывали и молились всѣ наши вѣвнецности, начиная отъ сѣдой старины великими князьями и кончая Всероссійскими Императорами. Этотъ храмъ остается живымъ памятникомъ возрожденія, укрѣпленія и славы Россіи.

Иконостасъ, обдѣланный въ серебро и украшенный дорогими камнями щедрою рукою благочестивыхъ поклонниковъ, также говоритъ вамъ о старинѣ и незабывливомъ искусствѣ минувшихъ вѣковъ. Тутъ тоже свои рѣдкости и драгоцѣнности. Вотъ образъ Живоначальной

Троицы работы лучшаго мастера XVII вѣка; икона складень, бывшая во многихъ военныхъ походахъ, и множество другихъ достопримѣчательностей.

Направляетесь посѣтить и другого авву, Никона. Выходите южными воротами изъ Троицкаго собора. Святая сѣни... Сколько здѣсь воспоминаній! Тутъ были произнесены сладкія слова Покровительницы обители сей къ своему угоднику: «Неотступна буду отъ мѣста сего, и не имать оскудѣти обитель твоя». И обѣщаніе до сего дня остается неизмѣннымъ: обитель, видимо, не лишилась покровительства Заступницы Усердной и никогда не оскудѣвала.

Налѣво, рядомъ съ преподобнымъ Сергіемъ, отдѣленный храмовою стѣною, лежитъ преподобный Никонъ, свидѣтель подвиговъ Сергія и преемникъ игуменства. Направо отъ сѣней, въ такъ называемой Серапіоновской палатѣ, лежитъ святитель Серапіонъ, Іоасафъ и преподобный Діонисій архимандритъ. Съ именемъ Діонисія невольно переносится мысль ко времени лихолѣтья на Руси; также возстаетъ въ памяти замѣчательная осада Лавры и геройская защита ея. Видимый знакъ осады—пробоина на церковныхъ воротахъ, въ которыя только что вы вошли. Да, здѣсь, въ этомъ храмѣ и тогда молились, а вражескія ядра со свистомъ влетали въ него.

Вотъ мы на дворѣ монастыря. Предъ нами знаменитая ризница. (Къ сожалѣнію, только теперь туда не пускаютъ посѣтителей, по причинѣ переписи). А тамъ для любителей искусства и старины много найдется занимательнаго и интереснаго.

Вотъ предъ вами старинной архитектуры покои, выдавшіе въ себѣ многихъ высокихъ посѣтителей; недавно здѣсь засѣдали отцы иноки, разсуждая о вопросахъ современнаго монашества. А тамъ виднѣется сѣдая стѣна, съ которой палили изъ пушекъ въ поляковъ во время осады.

Рядомъ съ покоями красуется трапезная церковь, которая многообразнымъ сочетаніемъ красокъ производитъ

пріятное впечатлѣніе. Рядомъ съ трапезной — небольшая церковка въ воспоминаніе явленія Божіей Матери преподобному Сергію. Въ этой церкви лежитъ свидѣтель чуднаго явленія — преподобный Михай.

Тутъ же недалеко находится церковь Сошествія Святаго Духа. А въ придѣлѣ ея во имя Филарета Милостиваго лежитъ великій Филаретъ, митрополитъ Московскій. Недалеко отъ Филарета — другой великій мужъ, Максимъ Грекъ.

Въ этомъ же храмѣ покоится и апостоль Сибиріи Иннокентій, митрополитъ Московскій.

А сколько погребено въ нѣдрахъ Лавры людей всякаго званія! Множество дорогихъ памятниковъ остаются нѣмыми свидѣтелями погребенныхъ знаменитостей. Вотъ маленькая «усыпальница Годуновыхъ», скрывающая прахъ человѣка, который испыталъ на себѣ всѣ превратности земного счастья... Вотъ предъ нами возстаетъ колокольня во всей красотѣ, словно стройная и легкая колонна. А тамъ вдали, чуть чуть видное сквозь густыя деревья, громадное старинное зданіе — Московская духовная Академія. Сколько тамъ образовано и выпущено на свѣтъ Божій людей для воздѣлыванія нивы Христовой!

Среди двора монастырскаго высится памятникъ —obeliskъ, въ честь славныхъ дѣлъ Лавры, а рядомъ съ нимъ красивый фонтанъ, устроенный въ видѣ золотого креста. Тутъ же недалеко часовня съ чудесно-возникшимъ источникомъ холодной воды.

Во дворѣ монастыря вездѣ, на каждой лужайкѣ, около храмовъ и колокольни толпится народъ; кто отдыхаетъ отъ дневного путешествія, благодаря прекрасной погодѣ, подъ открытымъ небомъ; кто утоляетъ свой голодъ скромною пищею — хлѣбомъ съ водою, которая течетъ изъ фонтана.

Отраднѣе всего наблюдать здѣсь между людьми, собранными изъ разныхъ мѣстъ, братство и единство. Думается, что всѣ они давно мнѣ знакомы и между собою родные.

Но вотъ на колокольнѣ раздался ударъ въ «Царя» и какъ бы замеръ въ вышинѣ, за нимъ другой, третій... и воздухъ наполнился медленными и равномерными звуками благовѣста.

Народъ толпами потянулся по церквамъ: въ этотъ день почти во всѣхъ многочисленныхъ храмахъ совершается всеобщее бдѣніе.

Мы пошли въ Троицкій соборъ. Тамъ уже все наготовѣ: свѣчи у иконъ горятъ, разостланы вездѣ дорогіе ковры и т. п. Народъ наполнилъ весь небольшой соборъ, терпѣливо ожидая начала всеобщей.

На колокольнѣ зазвонили «во-вся». Слышно пѣніе. Поютъ тропарь преподобному Сергію. Пѣніе становится все ближе и слышнѣе и, наконецъ, въ самомъ соборѣ. Мальчики пѣвчіе отчетливо выговариваютъ слова: «Отъ юности воспріялъ еси Христа въ души твоей, преподобне»... За мальчиками идутъ тенора, а за тѣми басы; дальше діаконы, иподіаконы — всѣ въ драгоцѣнныхъ стихаряхъ; за діаконами архидіаконъ и цѣлые сонмы іеромонаховъ и архимандритовъ въ длинныхъ мантияхъ; и, какъ бы замыкающая величественное шествіе, идутъ съ посохами въ рукахъ въ святительскихъ мантияхъ архіереи, во главѣ съ Владыкою Митрополитомъ.

Происходитъ обычное архипастырское благословеніе съ амвона, и начинается всеобщая, которая и совершается со всею торжественностью.

Лаврскій хоръ прекрасно исполняетъ «Благослови», «Блаженъ мужъ» и съ канонархомъ стихиры Преподобному, которыя и заканчиваетъ догматикомъ; его пропѣли древнимъ обиходнымъ распѣвомъ. Мелодичный басъ громгласно и умѣло прочиталъ пареміи Преподобнаго.

Послѣ обычныхъ ектеній всѣ пѣвчіе и священнослужители вышли на паперть на литію, гдѣ исполнили литійную стихиру Святому стариннымъ распѣвомъ, а на «и нынѣ» стихиру храма пропѣли лаврскимъ распѣвомъ.

Чтобы понять, что такое лаврскій распѣвъ этой сти-

хиры, необходимо самому прослушать ее. Это своего рода чудо, и потому объяснить его на словах невозможно. Тутъ никакая музыкальная теорія не годится: она только свяжетъ напѣвъ своими законами, и потому отнимется вся прелесть его. Пусть лучшіе композиторы переложатъ стихиру на ноты, и пропоютъ выдающіеся пѣвцы — такой красоты никогда не получится. Она только возможна въ Лаврѣ и у лаврскихъ пѣвчихъ.

Передъ «Хвалите» одинъ изъ старцевъ прочиталъ житіе Преподобнаго—виновника торжества. Похвальный обычай! Вездѣ достоинъ подражанія, а въ особенности въ обителяхъ.

Запѣли «Хвалите имя Господне», и духовенство, во главѣ съ Владыкою Митрополитомъ, медленно вышло изъ алтаря и установилось въ два ряда посреди собора. Величественная и вмѣстѣ трогательная картина. Духовенство съ возженными свѣчами въ рукахъ громогласно пропѣло величаніе Преподобному.

Во время канона всѣ присутствующіе въ храмѣ прикладывались къ святымъ мощамъ угодника Божія.

Замѣчательны по напѣву ирмосы канона. Они исполняются стариннымъ распѣвомъ по Аароновскому обиходу. Былъ въ Лаврѣ архимандритъ Ааронъ († 1893 г.), знатокъ древнихъ распѣвовъ; онъ-то и составилъ свой обиходъ, взявъ мелодію со стариннаго. Хотя голоса идутъ въ унисонъ, но зато они напоминаютъ напѣвъ давнопрошедшихъ временъ русской церковной музыки.

Несмотря на продолжительность всенощной, особенной усталости не чувствуется. Множество горящихъ свѣчъ, торжественное архіерейское богослуженіе, хорошее пѣніе и внятное чтеніе значительно облегчаютъ трудъ простоять четыре часа.

Но вотъ и всенощная кончилась. Мы выходимъ изъ собора и направляемся въ гостиницу.

Пріятно чувствуется на душѣ послѣ такого продолжительнаго, но неутомительнаго стоянія. Думается, что еще бы

долго, долго сталъ стоять при такихъ пріятныхъ обстоятельствахъ. Въ эти минуты требовательная душа чувствуетъ удовлетвореніе; чувствуется какая-то радость и теплота въ сердцѣ. И міръ со своимъ шумомъ, гамомъ и жизненной обыденщиной гдѣ-то далеко, далеко остался за монастырской оградой...

Когда мы вышли изъ собора, толпы богомольцевъ уже заполнили дорожку, которая ведетъ за монастырь. Богомольцы медленно двигаются на отдыхъ ночной, разговаривая тихонько между собою; разговоръ совершенно невозможно понять, такъ какъ производится звонъ «во-вся».

Наконецъ мы въ гостиницѣ. Изъ окна «Старой», которая фасадомъ выходитъ на площадь, долго еще видно, какъ человѣческія тѣни скользятъ отъ лаврскихъ воротъ по направленію къ гостиницамъ.

Особенно пріятно теперь наблюдать звонъ. Совершенная темнота, тишина; въ звонѣ можно уловить и подслушать безчисленные отгѣнки. Отчетливо слышны всѣ замысловатые переливы мелкихъ колокольчиковъ; то выдѣляется баритонный звукъ «Годунова»; а тутъ еще силится все перекричать «Корвоухій», уже поплатившійся ушами за свою ревность не по разуму; но болѣе всѣхъ старается густою октавою поддержать своихъ товарищескихъ твердачей «Царь». Онъ рѣдко, но многозначительно поухивается и властно сдерживаетъ порывъ малышей...

Я мысленно переживалъ духовные восторги недавняго богослуженія,—на душѣ у меня становилось тепло и пріятно, и я чувствовалъ какую-то неземную радость. Думается, всѣхъ бы обнялъ; что намъ ненавидѣть другъ друга? Вѣдь Христось за всѣхъ умеръ... При такихъ чувствахъ я заснулъ крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ.

Густая октава равномерными звуками, посылаемыми на землю старымъ «Царемъ», для возвѣщенія славы Божіей, разбудила меня. Встаю легко. На дворѣ совершенно свѣтло. Утро Сергіева дня! Чудное утро!

Раннее лѣтнее солнце уже залило Лавру своимъ живи-

тельнымъ свѣтомъ. Вдали поднимался къ небу легкій сѣренькій туманъ. Исполинь—золотая глава Успенскаго собора гордо смотрѣла на посадскую площадь; такая же корона красавицы колокольни посылала первый привѣтъ пробудившемуся посадѣ, отражая яркій лучъ солнышка. На площади видны въ праздничныхъ нарядахъ вереницы богомольцевъ, спѣшащихъ взойти въ соборъ.

Послѣ небольшихъ сборовъ и мы направились въ соборъ. Туда пробраться стоитъ не малаго труда: народу вездѣ много. Входимъ сѣверными вратами. На амвонѣ предъ царскими вратами стоитъ Владыка митрополитъ—Входную читаетъ.

Владыка, въ сопровожденіи архидіакона, приложился къ мѣстнымъ иконамъ и къ мощамъ преподобнаго; потомъ, обратившись къ народу, съ амвона благословилъ паству. Бѣлоснѣжный кlobукъ его съ брилліантовымъ крестомъ какъ-то особенно выдѣлялся изъ сонма черныхъ.

Началось облаченіе Владыки. А соборъ наполнялся радостными звуками: «Да возрадуется душа твоя о Господѣ». Чудныя минуты! Христіане! какъ мы счастливы, что нашъ церковный чинъ способенъ вселить столько радостей въ наше сердце!

Литургія совершается торжественнѣйшимъ образомъ. Всѣхъ впечатлѣній я не стану передавать; да у меня и умѣнья не хватитъ пересказать ихъ.

Скажу только одно, что невыразимо пріятно было на душѣ, когда я участвовалъ при такомъ величественномъ богослуженіи.

Я сознавалъ, что представляю изъ себя члена великаго тѣла Христова—Церкви. А Церковь во главѣ со своимъ владыкою возноситъ молитву виновнику торжества, нетлѣнныя останки котораго лежатъ предъ нашими глазами; молится тому, къ которому сейчасъ милліоны сердець устремлены со всѣхъ концовъ необъятной Россіи. И мы вѣруемъ, что преподобный Сергій слышитъ наши сердечныя воздыханія и молить о насъ Бога...

При концѣ литургіи Владыка сказалъ своей паствѣ глубоко-назидательное слово. Онъ повѣдалъ о болѣе выдающихся событіяхъ изъ жизни Святого и убѣждалъ слѣдовать по стопамъ его, а въ немощахъ обращаться съ молитвою къ угоднику Божію.

Послѣ обѣда мы вмѣстѣ съ многими богомольцами пошли посѣтить и другія недалеція обители, которыя, подобно отросткамъ многоплоднаго дерева, разрослись на доброй почвѣ, утучненной трудами и молитвами своего игумена.

Недалеко отъ Лавры находятся слѣдующіе монастыри: верстахъ въ 2—3-хъ Киновія Боголюбской Б. М., Геосиманскій скитъ, Пещерное отдѣленіе скита, или монастырь Черниговской Б. М., Виѣанскій монастырь; въ 8-ми верстахъ отъ Лавры пустынный монастырь св. Параклита (Утѣшителя); въ 10 верстахъ Хотьковъ женскій монастырь; въ 20 верстахъ Зосимова пустынь; въ 35-ти верстахъ Махрищскій монастырь преподобнаго Стефана.

Богомольцы считаютъ долгомъ посѣтить ближайшіе монастыри и путь избираютъ такой. Изъ Лавры направляются въ Киновію, къ Черниговской, въ Скитъ, въ Виѣанію — и обратно въ Лавру. Тѣмъ же путемъ и мы проходили.

Сначала путь лежитъ по улицѣ посада, а потомъ сворачиваетъ налѣво и идетъ по лугу.

Сергіевскій посадъ вполне заслуживаетъ названіе города. Онъ имѣетъ болѣе 30.000 жителей; множество хорошихъ каменныхъ домовъ; свои торговые ряды, магазины которыхъ свободно могутъ замѣнить московскіе средняго купечества.

Въ посадѣ очень развита кустарная промышленность; болѣе половины жителей занимаются работою дѣтскихъ игрушекъ, которыя въ огромномъ количествѣ развозятся по Россіи, такъ что посадъ называютъ столицею дѣтскихъ игрушекъ.

Другія кустарныя производства находятся тоже въ хо-

рошемъ состояніи. Нѣсколько иконописныхъ, столярныхъ, золотарныхъ и переплетныхъ мастерскихъ стоятъ не ниже московскихъ. Въ самомъ посадѣ находится шелковая фабрика, чугуно-литейный заводъ и типографія. Многіе жители содержатъ номера для прїѣзжающихъ богомольцевъ. Вообще, благодаря большому притоку богомольцевъ, посадъ представляетъ изъ себя довольно живой городъ.

Если осуществится идея провести электрическую ж. д. изъ Москвы, то онъ еще больше оживетъ, какъ пригородъ Москвы.

Въ настоящее время чрезъ посадъ идетъ Сѣверная ж. д. Разстояніе отъ Москвы 66 верстъ.

Пройдя отъ Лавры по Александровской улицѣ съ версту, мы повернули налѣво и очутились на луговой дорожкѣ.

Предъ нашими глазами предстала вся красота природы: вдали видѣлась свѣтлая поверхность огромнаго пруда, который весело отражалъ на своей зыби искры яркаго солнышка. Прудъ окаймляетъ зеленѣющей лѣсъ, поверхъ котораго красиво выдѣляются нѣсколько церковныхъ главъ и колоколенъ. Сходимъ въ нижній храмъ. Полумракъ,—своды довольно низко. У правой стѣны за клиросомъ лежитъ надгробіе. Выше надгробія на стѣнѣ укрѣплено нѣсколько иконъ, а предъ ними горятъ лампы. Тихое мерцаніе огоньковъ производитъ пріятное впечатлѣніе.

— «Здѣсь лежитъ схимонахъ Филиппъ, основатель здѣшней обители», — не дожидаясь вопроса объясняетъ сѣдой монахъ.—А вотъ его посохъ вѣсомъ въ 29 фун. и вериги.

Нѣкоторые изъ богомольцевъ, приподнимая посохъ, говорятъ: «какой онъ тяжелый!» А многіе и вериги старца надѣваютъ на себя.

Замѣтимъ вкратцѣ, кто былъ схимонахъ Филиппъ.

Онъ, по происхожденію крестьянинъ, Владимірской губерніи, жилъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Былъ женатъ и имѣлъ трехъ сыновей. Потомъ оставилъ домъ и пошелъ юродствовать по окрестностямъ. Народъ

его полюбилъ, какъ блаженнаго, и считалъ его за святаго. Долгое время Филиппушка юродствовалъ въ Москвѣ.

По благословенію митрополита Филарета онъ поступилъ въ Лавру въ число братіи. А когда былъ основанъ Геосиманскій скитъ, Филиппушка перешелъ туда. Но, стремясь къ уединенію, онъ поселился на другомъ берегу пруда и, испросивъ благословеніе у намѣстника Лавры Антонія выкопать погребокъ, сталъ жить въ немъ. Погребокъ сталъ быстро расширяться, и со временемъ изъ него-то и образовались пещеры при Геосиманскомъ скитѣ, тѣ, что находятся въ монастырѣ у Черниговской Божіей Матери. Въ пещеры къ Филиппушкѣ стали приходить многіе ревнители подвиговъ. Въ числѣ пришедшихъ были и его три сына. Два изъ нихъ скончались схимниками, а одинъ и теперь живъ и пользуется уваженіемъ народа. Еще при жизни Филиппушка перешелъ на другое мѣсто съ полверсты отъ пещеръ и тутъ основалъ монастырекъ Киновію. Въ настоящее время Киновія служитъ для Лавры кладбищемъ, а живетъ, главнымъ образомъ, доходами отъ богомольцевъ, идущихъ къ Черниговской.

Когда мы вышли изъ нижняго храма, въ верхнемъ шла вечерня. (Въ Киновіи, какъ и у Черниговской, вечерня бываетъ въ два часа пополудни). Нѣсколько человекъ стояло около кельи, гдѣ живетъ сынъ Филиппушки іеросхимонахъ Василій, желая получить благословеніе отъ старца схимника. Мы тоже подошли и, получивъ благословеніе, направились къ Черниговской.

Народу и здѣсь было очень много. Мы взошли въ соборъ,—тамъ шла вечерня. Храмъ устроенъ надъ пещерами и очень свѣтелъ и удобенъ, такъ что, гдѣ бы вы ни стояли за богослуженіемъ, вездѣ слышно и служащихъ видно.

Самая чудотворная икона Черниговской Божіей Матери находится въ нижнемъ пещерномъ храмѣ во имя св. Архистратига Михаила. Въ нижнемъ храмѣ царитъ вѣчный полумракъ, такъ какъ дневной свѣтъ совершенно не достигаеть туда, а освѣщается храмъ только лампадами и

свѣчами, горящими въ изобиліи предъ чудотворнымъ образомъ.

Небольшой подземный храмъ, всегдашній полумракъ, какъ бы сумерки или скорѣе же утро, всепрощающій ликъ Заступницы Усердной невольно приводятъ посѣтителя въ молитвенное настроеніе. Богомольцы, посѣщающіе Лавру, священнымъ долгомъ считаютъ и у Черниговской помолиться. Доказательствомъ ихъ усердія служатъ множество лампадъ и свѣчъ, горящихъ предъ ликомъ Богоматери.

Выходимъ изъ подземнаго храма. Около св. воротъ стоитъ вереница народу. Намъ объяснили, что хотятъ по пещерамъ итти. Мы тоже взяли по свѣчкѣ и стали въ рядъ.

— Теперь пойдѣмъ по пещерамъ; «отъ меня не отставайте», проговорилъ монахъ высокаго росту, съ сѣдой бородою и со строгимъ выраженіемъ лица. Монахъ зажегъ довольно толстую свѣчку, которая у него была укрѣплена на крючкѣ. Мы всѣ зажгли свои свѣчи отъ монаховой и стали спускаться въ пещеры. Впереди совершенная темнота, стѣны холодныя и сырыя, вездѣ пахнетъ сыростью и обдаетъ холодомъ. Аршина три вышины и полтора ширины, вотъ все и пространство пещерныхъ коридоровъ.

Впереди насъ идетъ монахъ, а позади много народу. Идемъ молча, какъ бы боимся нарушить гробовое молчаніе поземелья.

Монахъ подошелъ къ желѣзной двери, которую со скрипомъ отворилъ и взошелъ,—мы послѣдовали за нимъ. Слышно пѣніе: здѣсь пещеры проходятъ возлѣ алтара Архистратига Михаила, и потому слышно пѣніе молебновъ у чудотворной иконы. Монахъ останавливается и, благодаря высокому росту, заботливо осматриваетъ всѣхъ, боясь какъ бы кто не остался на дорогѣ.

— Здѣсь часовня Иверской Божіей Матери, обращается монахъ ко всѣмъ. Когда еще не было церкви, въ эту часовню старцы собирались на молитву. Такъ какъ у стар-

пѣвъ не было церкви, то и литургія не совершалась, а службу они справляли по особому уставу: пѣли двѣнадцать псалмовъ съ припѣвомъ: «аллилуія». Въ нашемъ монастырѣ и до сего времени удержался этотъ обычай: во время, свободное отъ праздниковъ, поются двѣнадцать псалмовъ съ припѣвомъ: «аллилуія».

— Вотъ изображеніе тѣхъ старцевъ, которые копали пещеры, посвящаетъ монахъ, указуя на изображенія старцевъ, написанныхъ въ углу часовни.

— А здѣсь похороненъ о. Варнава. Это икона Иверской Божіей Матери. Отецъ Варнава особенно почиталъ эту икону; онъ ежедневно ходилъ сюда молиться предъ этимъ образомъ.

Мы съ любовію разсматривали часовенку. Она небольшая. Мраморный иконостасъ. Посрединѣ большая икона Иверская, по бокамъ пр. Сергій и Никонъ. Направо возлѣ стѣны черный камень-памятникъ, обнесенный мѣдной решеткой. На камнѣ лежитъ подсвѣчникъ-каноница и на подсвѣчникѣ множество свѣчъ горить. Надъ памятникомъ виситъ нѣсколько лампадъ.

— Идите за мной, сказалъ монахъ. И мы опять направились въ дальнѣйшія пещеры. Тутъ мы были въ церкви Антонія и Θεодосія Кіевопечерскихъ, гдѣ замѣчательно паникадило, устроенное по образцу находящагося въ соборѣ св. Марка въ Венеціи. Иконостасъ въ церкви мраморный; живопись по стѣнамъ изображаетъ жизнь Антонія и Θεодосія печерскихъ.

Идемъ еще дальше. Опять лѣстница внизъ. Осторожно спускаемся, держась за перила.

Когда всѣ спустились, монахъ опять заговорилъ: «здѣсь колодезь, который подвижники выкопали своими руками». И тотчасъ же, опустивъ небольшое ведро, вытянулъ его полнымъ чистой воды. Она очень холодная и пріятная. Всѣ молча пили воду, какъ бы боясь нарушить тишину подземелья,—только ковшки гремѣли, и стукъ ихъ отражался какъ-то особенно сильно; становилось даже жутко.

Всѣ напились; монахъ перевернулъ ведро: вода блеснула и, вылившись изъ ведра, зашумѣла въ колодцѣ.

Мы стали подниматься по лѣстницѣ. Опять потянулись коридоры.

— Здѣсь была колокольня, — ударяя по колоколу, объясняетъ монахъ. Пронзительный звукъ небольшого колокольчика нарушилъ мертвую тишину подземнаго міра и гдѣ-то замеръ вдали.

— А здѣсь кельи пещерниковъ.

Тутъ уже настоящій лабиринтъ всевозможныхъ закоулковъ и келеекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ малы и тѣсны, что съ трудомъ можно двумъ человѣкамъ разойтись. Въ нѣкоторыхъ келейкахъ на стѣнахъ укрѣплены мѣдные складни и кресты, на которыхъ съ трудомъ можно разобрать изображеніе и надпись. Кое-гдѣ стоитъ очень старый столъ и что-то вродѣ стула, служившіе келейною мебелью.

Долго мы кружились по этимъ безконечнымъ катакомбамъ. Старушки со слезами на глазахъ и оханьемъ прикладывались ко всему, что могло возбудить ихъ религіозное чувство.

— А что, батюшка, вездѣ тутъ жили?

— Да, вездѣ жили. Вотъ въ этой келейкѣ жилъ схимонахъ, а тамъ другіе подвижники.

— И трудно имъ было здѣсь жить!

— Да, трудовъ много; но въ будущей жизни ихъ Господь вознаградитъ за труды.

— А мы что живемъ? Во грѣхахъ всѣ, да и помолиться-то некогда.

— И васъ Богъ проститъ; не дѣлайте зла никому и молитесь Богу и Божіей Матери и какимъ знаете Святымъ, хотя утромъ и вечеромъ.... Теперь пойдете къ выходу!

— Тутъ одинъ ни за что не выйдешь, замѣчаетъ кто-то. Ну и пещеры!

Впереди насъ показался дневной свѣтъ. Поднявшись на

нѣсколько ступенекъ, мы очутились опять у святыхъ воротъ.

Во время нашего хожденія по пещерамъ опять набралась толпа желающихъ итти по нашимъ слѣдамъ.

За вратами стучали извозчики, а изъ храма доносились звуки пѣснопѣній, когда мы выходили изъ монастыря.

Отъ Черниговской пошли въ Геосиманскій скитъ. Тутъ недалеко, нѣсколько шаговъ. Дорожка сначала идетъ между густыхъ акацій, а потомъ по плотинѣ черезъ прудъ.

Около входа въ скитъ толпилось нѣсколько дамъ; онѣ просили привратника, чтобы впустилъ ихъ хотя только посмотрѣть скитъ. Но привратникъ не позволилъ имъ даже и этого, ссылаясь на правило скита, воспрещающее входъ въ него женскому полу.

Дамы принуждены были оставить намѣреніе и итти въ Виенанію по другой дорожкѣ, которую имъ привратникъ показалъ, а мы взошли во врата скита и поднялись довольно отлогой лѣстницѣ.

Скитъ, казалось, весь утопалъ въ зелени. Тутъ возвышаются въ изобиліи вѣковѣчныя ели и сосны, широко раскидываютъ свои мохнатыя сучья огромныя кедры, и заслоняютъ солнце великаны тополи и липы. Дорожки кажутся какими-то таинственными ходами, которые ревниво оберегаются густою акаціею.

Вскорѣ показалась голубая глава на церкви.—Мы шли по направленію къ ней, минуя нѣсколько маленькихъ корпусовъ.

Подходя къ церкви, замѣтили, что около паперти находится монахъ, очевидно путеводитель, и изъявили желаніе осмотрѣть достопримѣчательности скита. Монахъ, указавъ на входъ во храмъ, сказалъ: «Туда пожалуйте».

Мы взошли на довольно приподнятую паперть, на стѣнахъ которой виситъ множество бумажныхъ картинъ, преимущественно духовнаго содержанія. Какія-то старинныя рукописи, задѣланныя въ черныя рамки, виды многихъ

монастырей, осада Лавры поляками, нѣсколько портретовъ духовныхъ лицъ и какой-то таинственный кругъ съ изображеніемъ рая и ада. На передней стѣнѣ паперти висить нѣсколько старинныхъ иконъ, и передъ каждой изъ нихъ горятъ лампадки.

Когда мы разсматривали картины на паперти, монахъ-путеводитель взошелъ по лѣстницѣ, отперъ дверь и пригласилъ насъ слѣдовать за собою. — Небольшой деревянный храмъ весь предсталъ нашему взору. Вездѣ чувствуется простота; золота, серебра и другихъ блестящихъ предметовъ совершенно нѣтъ въ немъ. Иконостасъ сдѣланъ изъ кипариса и оставленъ въ натуральномъ видѣ, даже и лакомъ не покрытъ. Царскія врата очень старинной работы, совершенно глухія. Иконы на дверяхъ строго византійскаго стиля. Почему-то символы евангелистовъ не такъ расположены, какъ обыкновенно теперь пишутъ: у евангелиста Іоанна написанъ крылатый левъ Марка, а у послѣдняго орелъ Іоанновъ. Въ иконостасѣ всѣ иконы темнаго письма. Стѣны и потолокъ обдѣланы кедровыми, певговыми и кипарисовыми досками, которыя укрѣплены подъ косымъ угломъ, такъ что стѣны и потолокъ кажутся волнообразными. По стѣнамъ развѣшено множество иконъ разныхъ размѣровъ. Паникадила и подсвѣчники сдѣланы очень искусно изъ дерева: это труды братіи скита. Передъ мѣстными иконами стоятъ большія каменные чаши, наполненныя воскомъ, въ который залито нѣсколько фитилей, зажигаемыхъ во время богослуженія.

— Церковь во имя Успенія Божіей Матери, началъ объяснять путеводитель, построена преподобнымъ Діонисіемъ архимандритомъ и Аврааміемъ Палицынымъ. Ей уже скоро будетъ 300 лѣтъ. Церковь первоначально была построена въ селѣ Подсосенѣ, въ семи верстахъ отъ скита; по ветхости ее хотѣли сломать. Но въ это время была уже мысль у митрополита Филарета устроить близъ Лавры скитъ. Филаретъ съ помощію благотворителей купилъ храмъ въ селѣ и перевезъ на это мѣсто. Это было въ

1844 году. Этотъ годъ и есть годъ основанія нашей обители.

— Здѣсь части мощей разныхъ угодниковъ Божіихъ. — Мы приложились къ мощамъ.

— Икона Распятіе, присланная въ благословеніе Новой Геесиманіи патриархомъ Антиохійскимъ Іереміею; камень, взятый изъ пещеры, гдѣ было погребено тѣло Богоматери; корень дерева изъ Геесиманскаго Сада, гдѣ молился Іисусъ Христосъ предъ своими страданіями, — всѣ эти предметы несказанно дороги для христіанина. Но путешеводитель намъ указалъ на нѣчто такое, что превосходить всякое описаніе.

— Здѣсь хранятся капли крови Спасителя.

Вотъ происхожденіе этой святыни. Въ городѣ Лидѣ (въ Малой Азіи) жилъ одинъ благочестивый христіанинъ. Онъ имѣлъ у себя икону Спасителя. По какому-то случаю христіанинъ выѣхалъ изъ дома, и тамъ поселился одинъ еврей. Во время пиршества случайно одинъ изъ гостей, тоже еврей, замѣтилъ на стѣнѣ икону Христову; гости стали спрашивать хозяина, зачѣмъ онъ у себя держитъ икону Христа? Хозяинъ говорилъ, что онъ никогда не замѣчалъ иконы; и стали всѣ смѣяться надъ ней. Они проявили всю наглость надъ иконою, какъ бы надъ самимъ Христомъ. Подражая своимъ отцамъ, плевали на нее, заушали, къ стѣнѣ приколотили, и одинъ даже, за неимѣніемъ копья, ножомъ ударилъ. Изъ сухой иконы потекла кровь и вода, какъ древле изъ ребра Христова. Евреи пришли въ ужась, и многіе крестились.

Вотъ капли этой крови и находятся въ сосудцѣ, — закончилъ монахъ.

— Вотъ икона Іорданской Б. М. Она привезена изъ Палестины; долгое время находилась въ кельи Іоанна Дамаскина, что въ Лаврѣ свят. Саввы Освященнаго.

Икона очень стариннаго письма.

Въ шкафѣ хранятся предметы преподобнаго Діонисія архимандрита. Деревянный, выкрашенный красною крас-

кою, потиръ, крашевиная риза и еще нѣсколько предметовъ. Вверху на стѣнѣ виситъ икона преподобнаго, написанная съ келейнаго портрета.

Тутъ же въ другомъ шкафѣ хранятся вещи и облаченія митрополита Филарета: архіерейская мантия, бѣлый митрополичій клобукъ, митра, четки, сагошь и т. под.

Изъ перкви въ окно видны покои митрополита. Въ покоехъ та же простота, какъ и въ храмѣ: стѣны и полъ деревянные, некрашеные; по сторонамъ стоитъ нѣсколько столиковъ и стульевъ, отличающихся тою же простотою; въ глубинѣ покоевъ помѣщенъ живописный, въ натуральную величину, портретъ великаго основателя сей обители, владыки Филарета.

Въ задней части храма на стѣнѣ виситъ схема патріарха Никона. На другой стѣнѣ — картина и мантия преподобнаго Серафима Саровскаго. До прославленія преподобнаго эта картина стояла въ числѣ стоящихъ на паперти. Она (картина) написана если не при жизни Святого, то все же вскорѣ послѣ кончины. Святой Серафимъ изображенъ во весь ростъ, сгорбленъ, съ палочкой въ правой рукѣ и съ четками въ лѣвой, одѣтъ въ полушубокъ, съ шапкою на головѣ и въ «котахъ». Теперь вокругъ головы написано сіяніе.

Рядомъ съ иконою въ длинномъ деревянномъ футлярѣ виситъ мантия преподобнаго. Эта мантия тѣмъ замѣчательна, что преподобный былъ одѣтъ, по преданію, въ эту мантию, когда было явленіе Царицы Небесной ему въ день Благовѣщенія.

Какъ икону, такъ и мантию въ скитъ пожертвовалъ на мѣстникъ Антоній, а ему преподобный Серафимъ лично передалъ, потому что они были знакомы и даже послѣдній предсказалъ первому быть настоятелемъ великой лавры. Архимандритъ Антоній былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту Филарету и принималъ самое дѣятельное участіе въ устроеніи Геосиманскаго скита.

Изъ деревяннаго храма мы пошли осматривать кладби-

щенскій храмъ и самое кладбище, находящееся въ восточной части скита. На кладбищѣ храмъ каменный во славу Воскресенія Христова. Тамъ очень оригинально устроены иконостасъ: колонны сдѣланы наподобіе пальмовыхъ деревьевъ, и между ними укрѣплены иконы. На стѣнахъ написаны картины подъ руководствомъ самого Филарета; на одной—видѣніе пророкомъ Іезекилемъ мертвыхъ костей, а на другой—воскресеніе мертвыхъ въ моментъ смерти Іисуса Христа.

Рядомъ съ церковью находится и братское кладбище. Вовсе непосѣщаемое мірянами кладбище хранитъ глубокое молчаніе. Осѣняемое деревьями великанами оно соблюдаетъ всегдашнюю тишину, которую нарушить развѣ только птичка—неизмѣнный посѣтитель обители мертвыхъ.

Путеводитель указалъ намъ на могилы нѣкоторыхъ выдающихся старцевъ, какъ-то: іеросхимонаха Александрозатворника, іеромонаховъ Александра и Далмата, пользовавшихся при жизни особымъ уваженіемъ отъ братіи; духовниковъ: Аѳанасія, Іасона и Исидора, которыхъ уважала не только братія, но и многочисленные міряне.

Съ кладбища мы пошли въ каменный храмъ, гдѣ ежедневно бываютъ всѣ службы. Тамъ должна была начаться вечерня. На колокольнѣ часы стали бить четверти; нѣсколько колокольчиковъ отчетливо выговаривали: «Кто ты можешь избѣжати, смертный часъ!» Послѣ четырехкратнаго повторенія такой музыки часовой колоколь ударилъ пять разъ, и начался благовѣстъ къ вечернѣ.

По всѣмъ дорожкамъ по направленію къ церкви шли монахи. Нѣкоторые старцы, чуть-чуть передвигая ноги, тоже стремились на общую молитву.

Когда мы взошли въ храмъ, тамъ уже началась вечерня. Храмъ двухъэтажный; верхній престолъ во имя преподобныхъ Сергія и Никона Радонежскихъ, а нижній Филарета Милостиваго. Среди пола сдѣлано большое отверстіе,—потому богослуженіе слышно отовсюду.

Вскорѣ запѣли стихиры. Пѣніе столбовое, очень громогласное. Поютъ стихиры на «подобны», что рѣдко теперь гдѣ можно встрѣтить.

Вскорѣ мы должны были оставить храмъ, такъ какъ намѣревались побывать еще въ Виѳаніи.

Въ нижнемъ храмѣ хранятся двѣ рѣдкости: схимы преподобнаго Сергія и Митрофана Воронежскаго. Обѣ очень хорошо сохранились, несмотря на то, что схимѣ препод. Сергія уже 500 лѣтъ.

С. Опаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ТЕОФАНА

къ редактору журнала „Душеполезное Чтеніе“
Протоіерю В. П. Нечаеву (впослѣдствіи Еп. Виссаріону)
1872—1892 г.

5 сент 82 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Посылаю вамъ погрѣшности, оглавленіе и два письма новыхъ для перепечатанія.—Оказались одинаковыми:

19-е и 66-е,

20-е и 65-е...

19-е остается, а вмѣсто 66-го новое прилагается.

Вмѣсто 20—новое, а 65-е остается.

Устройте, пожалуйста, перепечатаніе.

Я всячески разсчитывалъ, чтобъ новые пришли по мѣрѣ старыхъ; но думается, что они немного меньше... Растянуть какъ-нибудь. Я нарочно надѣлалъ побольше отдѣленій.

Въ случаѣ, чего не чается, они окажутся больше первыхъ, то печатать безъ отдѣленій, или еще какую хитрость употребить... Потрудитесь, Господа ради.

Перепечатать придется три осьмушки... Племянникъ тогда уплатить.

Въ тючекъ вложены двѣ книженки.—Аѳонцы перепечатали нѣкоторыя проповѣди. Слова о пути ко спасенію—говорены въ Тамбовѣ, когда я былъ архіерей—съ иглочки.

Итакъ, скоро кончится печатаніе моего... Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобъ это случилось; но ничего нѣтъ.—Развѣ вотъ что: не найдете ли возможнымъ печатать: *Слова Аввы Исаіи отшельника*.

Я прежде переводилъ ихъ съ латинскаго, — и они въ этомъ переводѣ помѣщены въ Добротолубіи русскомъ, т.-е. и оптинцы издавали ихъ, все съ латинскаго.

Приступая тогда къ переводу, я просилъ о. Арсенія пошукать на Аѳонѣ, нѣтъ ли сихъ словъ на греческомъ. Не нашлось тогда. А потомъ нашлось, и старцы списали ихъ для своей библіотеки. Узнавъ объ этомъ, я просилъ ихъ прислать. Прислали... Сличивъ прежній переводъ съ латинскимъ, съ этимъ подлинникомъ, я нашелъ нужнымъ сдѣлать новый переводъ... И се онъ конченъ надняхъ...

Латинскій переводъ очень воленъ и во многихъ мѣстахъ не тѣ мысли предлагаетъ.

Настоящій Авва Исаія.. въ новомъ семъ переводѣ.

Такъ вотъ, если хотите печатать, я пришлю...

Ихъ десять тетрадей...

Поздравляю съ новымъ владыкою! Я его не крѣпко знаю. Но видно, что онъ дѣлецъ.

Благослови васъ Господи!

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

19 декабря 84 г.

Милость Божія буди съ вами!

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей!

Получилъ вашу книжку. Приношу искреннюю благодарность. Даруй Господи *Душеполезному Читенію* справиться и пятидесятилѣтіе своего на вашихъ рукахъ пребыванія. Для жаждущихъ назидательнаго чтенія только есть, что ваше изданіе. Прочіе журналы всѣ бросились въ ученость... И иной разъ цѣлые номера наполнены изслѣдованіями,

можетъ быть, и нужными для кого-либо, но совсѣмъ не для всѣхъ,—не для души, не для сердца... Иные же и съ порядочнымъ нравемъ.

Мое писательство совсѣмъ пресѣклось. Ни охоты писать, ни предмета разбудительнаго не попадается. Такъ кое что, не стоющее вниманія. Когда вздумается что, ужъ я не пропущу *Душеполезнаго Читенія*.

Моя евангельская исторія — въ Синодъ попала. Этого можно было ожидать, ибо текстъ исторіи весь евангельскій—мой только заголовки. Но Николай Васильевичъ Елагинъ меня настрашалъ, что Синодъ не разрѣшитъ, потому будто, что считаетъ неудобнымъ жизнь Христа Спасителя составлять словами евангелистовъ, такъ какъ при этомъ, свѣдя воедино сказанія, приходится иногда насиловать текстъ.—Вотъ посмотримъ, какъ рѣшатъ. Ожидаю скорого рѣшенія... Обѣщаль не задержать.

Если не разрѣшатъ, такъ и быть. А если разрѣшатъ, подыщите пожалуйста корректора—папу.—И растолкуйте ему, что грѣхъ, если оный хоть одну ошибку допустить, ибо въ исторіи все священный текстъ.

Желаю вамъ преуспѣвать.

Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ, и все семейство ваше.

Прошу молитвъ.

Съ праздниками поздравляю и съ новымъ годомъ.

Вашъ богомѡлецъ

Еп. Теофанъ.

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ¹⁾.

Съ большимъ трепетомъ приступаю къ описанію духовно-музыкальныхъ произведеній незабвеннаго Григорія Федоровича. Вѣдь недостаточно сказать, что это произведение хорошо, а то еще лучше или слабѣе; хотѣлось бы въ словахъ выразить впечатлѣніе, которое производитъ то или другое произведение на слушателя. Поставленная задача трудна еще и тѣмъ, что музыка считается языкомъ чувства, а здѣсь приходится словомъ выразить впечатлѣніе отъ музыки.

Съ другой стороны, хотя наша духовно-музыкальная литература довольно-таки богата хоровыми произведеніями, но исторія этихъ произведеній заходитъ очень не глубоко.

Совсѣмъ другое дѣло исторія мелодіи. Что же касается исторіи хоровой духовно-музыкальной литературы, то она начинается всего съ XIX-го вѣка, и всѣ творцы этой литературы, а тѣмъ болѣе ихъ произведенія по времени исполненія—почти наши современники; это: Сарти, Галуппи, Давыдовъ, Бортияевскій, Турчаниновъ, Львовъ, Бахметьевъ, Ломакинъ, Глинка и Чайковскій да неизданныя: Ведель, Дегтеревъ и Березовскій. Далѣе идутъ совсѣмъ близкіе къ нашему времени композиторы: Римскій-Корсаковъ, Азѣвевъ, Архангельскій, Гречаниновъ, Кастаньскій и проч. — По-

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую книжку *Душеп. Чтенія* за 1910 г.

этому приходится выдѣлять произведенія Львовскаго изъ массы произведеній указанныхъ русскихъ композиторовъ.

Весьма интересно было бы взглянуть на его произведенія и съ общемузыкальной точки зрѣнія; но у составителя мало знакомства съ духовно-музыкальною литературою запада въ расцвѣтъ этого творчества, а именно во времена Палестрины, Аллегри, Монтеверди, С. Баха.

Итакъ, приступая къ характеристикѣ произведеній Львовскаго, не могу не скорбѣть, что не обладаю, насколько бы желалъ, тою шириною взгляда, какова могла бы получиться при полномъ знакомствѣ съ духовно-музыкальною литературою запада всѣхъ эпохъ. Думаю, что для этой характеристики недостаточно знанія и одной исключительно духовно-музыкальной литературы, а нужно и знаніе всей музыкальной литературы не русской.

Съ другой стороны нельзя не указать и на то, что знатокъ свѣтской музыкальной литературы, хотя и воспитанный на духовно-музыкальной, только не православной литературѣ,—тоже не можетъ дать вѣрной оцѣнки нашей духовно-музыкальной литературы, такъ какъ для этого нужно знать русскую церковную и церковно-музыкальную жизнь. Нужно умѣніе находить важное и прекрасное и въ несложныхъ русскихъ духовно-музыкальныхъ формахъ.

Разборъ же произведеній будетъ удобнѣе сдѣлать въ томъ порядкѣ, въ какомъ они значатся по каталогу 1900 года. № 1-й. *Благослови душе моя Господа* (Греческаго распѣва).

Гр. О. переложено 6 произведеній греческаго распѣва, а потому здѣсь умѣстнымъ будетъ сказать о характерѣ этого распѣва. Григорій Федоровичъ, живя въ Бессарабіи и проводя довольно часто лѣтнее время на югѣ, имѣлъ возможность слышать подлинное греческое пѣніе и въ бесѣдѣ съ близкими не разъ самъ изображалъ, какъ исполняется это пѣніе двумя голосами, изъ которыхъ одинъ, забравши возможно болѣе воздуха въ легкія, тянетъ одну ноту кварту или квинту, а другой голосъ какъ бы извиался около этого средняго звука.

При положеніи греческаго распѣва на 4 голоса, перелазателямъ невольно приходилось отдавать эту выдержанную ноту тому или другому голосу: часто альту и басу. Другіе напѣвы даютъ большій просторъ движеніямъ всѣхъ 4-хъ голосовъ, почему греческій распѣвъ нѣкоторымъ изъ исполнителей кажется неинтереснымъ и монотоннымъ, такъ какъ приходится часто пѣть на одной нотѣ. Подобное сужденіе по большей части зависитъ отъ того, что пѣвцы не хотятъ ничего знать дальше своей ноты, а потому и не въ состояніи оцѣнить пѣснопѣвіе, такъ какъ не приучены слушать во время пѣнія другіе голоса и наслаждаться сочетаніями и мелодіями другихъ голосовъ ¹⁾.

По уставу всеобщаго пѣнія предначинательному псалму предшествуетъ пѣніе «Приидите поклонимся», каковое исполняется по большей части довольно нескладно, обычно въ алтарѣ священнослужителями; но во многихъ храмахъ это исполняется и на клиросѣ, почему у Гр. Θ. эти, какъ бы простыя, рѣченія и положены на 4 голоса, но какъ положены? Эти 4 приступа и приглашеніе молящихся поклониться Христу представляютъ цѣлое музыкальное сочиненіе. Первая фраза поется тихо, и только долгота ноты и измѣненіе положенія аккорда отбѣиваетъ слово «Богу». Слѣдующее рѣченіе на словахъ «нашему Богу» усиливаетъ впечатлѣніе и призывъ особенно въ партіяхъ тенора и дисканта, на что и указываетъ поставленное декресцендо. Въ третьемъ призывѣ на той же выдержанной нотѣ баса, верхніе три голоса имѣютъ еще большую вы-

¹⁾ Не могу не привести здѣсь проекта, предложеннаго мнѣ на Кіевскихъ курсахъ однимъ изъ страстныхъ, повидимому, поклонниковъ древняго церковнаго пѣнія, который, принеся съ собою обиходъ, заявилъ, что гармонизація древнихъ мелодій очень проста и удобна: стоитъ только къ каждой нотѣ мелодіи подыскать соотвѣтствующій аккордъ. Есть и между нашими перелазателями послѣдователи этой системы. Есть и лица, злоупотребляющія органнымъ пунктомъ въ переложеніяхъ; но Гр. Θ. сумѣлъ найти въ этомъ отношеніи золотую середину, и у него то или другое примѣненіе аккордовъ и органаго пункта находится въ зависимости отъ текста и развитія мелодіи пѣснопѣвія.

разительность. Призывъ оканчивается ферматой. Это очень умѣстно для того, чтобы приготовить слухъ къ послѣднему, четвертому, самому выразительному призыву, раздѣленному на двѣ части. Первая окончивается на аккордѣ ля; вторая часть «и припадемъ Ему» должна изображать не припаденіе къ ногамъ, но припаденіе по отрѣшеніи отъ земной суеты; и замѣчательными аккордами изображено это припаденіе, съ повышеніями голоса у дисбанта, алта и тенора.

Вслѣдъ за симъ начинается пѣніе псалма, долженствующаго представить въ душѣ молящагося величественную и ненаглядную картину сотворенія міра и представить величіе Божіе во всемъ его великолѣпніи; это великолѣпіе отодвигаетъ на дальній планъ брешное людское существованіе и заставляетъ невольно припасть Богу. Въ переложеніи Гр. О. это величіе проявляется не вдругъ, а въ удивительной послѣдовательности и соотвѣтствіи со словами текста. Первые двѣ строки «Благослови, душе моя. Господа, благословенъ еси Господи» представляютъ какъ бы вступленіе и написаны довольно просто. Третье обращеніе «Благослови, душе моя, Господа» есть настоящее обращеніе къ душѣ своей, и это «душе» поется уже тихо, по указанію композитора. Какъ умѣстны здѣсь аккорды 6-й ступени и далѣе 4-й. Эти два аккорда представляютъ что-то мистическое. Въ это время молящійся какъ бы получаетъ способность къ воображенію творенія и возможность окинуть его мысленнымъ взоромъ. Слѣдующая строка: «Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло». Даже и безъ гармонизаціи эту строку можно причислить къ самымъ живописующимъ текстъ мелодіямъ по ея выразительности. Возгласъ «Господи Боже мой» просто поразителенъ, а восторгъ его трудно поддается словесному описанію; но Гр. О. былъ настолько мастеръ музыкально-пѣвческаго дѣла и восторженный христіанинъ, и настолько вдохновленъ былъ текстомъ и мелодіей, что гармонизація этой дивной строки оказалась еще выше данной мелодіи.

Какъ умѣстно здѣсь поставлено F и кресцено при постоянномъ нарощеніи въ мелодіи и гармоніи восторженнаго чувства! Затѣмъ воззваніе «Господи Боже мой», поразительное по реализму въ основной мелодіи у дисканта, замѣчательно и во всѣхъ остальныхъ трехъ голосахъ, особенно у тенора и альты на «Боже мой».

Далѣе постепенное движеніе баса по ступенямъ и всего хора вообще вверхъ съ высшей точкой на словѣ «еси» постепеннымъ кресцено отъ F всего хора. Уже по самой нарастающей хоровой силѣ это мѣсто рельефно выражаетъ величіе Создателя, но Гр. Θ. кажется въ первый разъ въ церковной музыкѣ приводитъ здѣсь и, по всей вѣроятности, подъ наитіемъ вдохновенія, особый видъ украшений: переплетеніе задержаній и синкопъ во всѣхъ почти голосахъ, замѣтно выдѣляющихся уже и по однимъ контрапунктическимъ движеніямъ своимъ.

Чтобы выразить такъ просто, такъ понятно и вмѣстѣ съ тѣмъ рельефно простыми средствами восторгъ передъ Создателемъ и созданіемъ, мало однихъ теоретическихъ знаній, нуженъ христіанскій духъ, нужно самому чувствовать то, что изображаетъ текстъ и что передать чувству другихъ¹⁾. Какъ кстати поставлено здѣсь > на послѣднемъ слогѣ слова «зѣло». Это >, особенно при повтореніи на этомъ слогѣ одного и того же аккорда фа, какъ бы подтверждаетъ все видѣнное и прочувствованное. Подобное повтореніе одного и того же аккорда есть одна изъ особенностей этого пѣснопѣнія и переложенія. Оно поражаетъ слушателя уже на первыхъ порахъ особенно потому, что прочіе переложители по общепринятому шаблону писать на предпослѣднемъ слогѣ аккордъ 5-й ступени, измѣняли согласно этому и конецъ мелодіи. Григорій Θε-

¹⁾ Что мѣшаетъ пониманію подобныхъ мѣстъ и произведеній? Отсутствие общаго и музыкальнаго развитія регентовъ. Привычка пѣвцовъ заучивать каждую пьесу и мелодію съ голоса и на память, вообще отсутствие нотной грамоты, а трудность одолѣнія мелодіи заслоняетъ самую мелодію.

доровичъ почти первый сталъ относиться къ данной мелодіи, какъ къ святынь и считалъ за грѣхъ измѣнять ее.

Далѣе слѣдуютъ припѣвы «Благословенъ еси Господи», написанные въ болѣе умѣренной гармонизаціи. Эти припѣвы, какъ и «Дивна дѣла твоя Господи», слѣдовало бы возглашать гармонически всему храму, но до этого мы еще не скоро, къ прискорбію, доживемъ.

Особенно рельефно выразилось творчество Львовскаго на словахъ: «На горахъ стануть воды» и «Посредѣ горъ пройдутъ воды». Первый изъ этихъ стиховъ построенъ, какъ того и требуетъ смыслъ словъ, на болѣе высокихъ нотахъ у баса; второй на низкихъ. До Львовскаго и современныхъ ему перелагателей движеніе баса было очень однообразное: квартами, октавами да квинтами. Подобные ходы мало давали простору и другимъ голосамъ, да и сами надоедали и пѣвцамъ, и слушателямъ. Григорій Федоровичъ даетъ басу такую же свободу движенія, какъ и дисканту. Такимъ образомъ, мелодія баса бываетъ иногда выразительнѣе основной мелодіи; мало того, при такомъ способѣ есть полная возможность вывести и теноровую, и альтовую партіи изъ ихъ узкихъ рамокъ, не дающихъ имъ уходить вверхъ и внизъ болѣе, чѣмъ на двѣ-три ноты. Это свободное движеніе баса особенно удачно примѣнено въ указанныхъ фразахъ и далѣе при «Дивна дѣла твоя Господи». Особенно поражаетъ въ приведенныхъ двухъ фразахъ фригійская каденція на словахъ «стануть», каковая можетъ быть смѣло названа Львовскою, такъ какъ онъ ее примѣняетъ—и всегда къ дѣлу и къ мѣсту—и во многихъ другихъ мѣстахъ своихъ переложеній. Здѣсь же эти аккорды на словахъ «стануть» прямо вдохновенны. Они положительно иллюстрируютъ остановившіяся воды въ горныхъ озерахъ. Далѣе, въ будущемъ народѣ, а теперь хоръ съ восторгомъ на F восклицаетъ: «Дивна дѣла твоя Господи!» Здѣсь масса новаго въ ходѣ cadaго голоса и общей гармонизаціи. Особенно у альты и баса свободныя движенія, которыя даютъ возможность къ какой угодно выразительности.

Не менѣ вдохновенно написано и «посредѣ горь» при той же мелодіи у верхняго голоса, но здѣсь басъ поетъ тихо и низкія ноты. Какъ въ основной мелодіи, такъ еще болѣе въ гармонизаціи какою ивогда большую роль, какъ это ни невѣроятно, играетъ только одна нотка! Въ приведенныхъ двухъ реченіяхъ эта нотка и есть у альты: въ первомъ случаѣ онъ на словѣ «стануть» поетъ въ концѣ соль, ми, ми, а во второмъ — соль, фа, ми, ми. Какъ къ мѣсту это фа и какъ оно подчеркиваетъ слово «пройдуть»; вотъ такъ и представляетъ ручеекъ, пробивающійся съ горь. Строки: «Вся премудростію сотворилъ еси» и «Слава ти Господи, сотворившему вся», несмотря на мелодію, повторяющуюся уже нѣсколько разъ, все же заставляетъ обратить на себя вниманіе многими особенностями, наприкладъ, высокія ноты у баса, униссонъ хора на словѣ «сотворилъ». Весьма удачно и умѣстно окончаніе при замедленіи и успокоеніи всего хора и подчеркиваніе альты и тенора величія всего сотвореннаго на послѣднихъ аккордахъ.

Можно смѣло сказать, что это вдохновенное переложеніе не только ставитъ Григорія Федоровича на ряду съ лучшими духовными композиторами, но позволяетъ заключить, что этимъ переложеніемъ, какъ и послѣдующими, онъ создаетъ особую школу переложеній, создаетъ массу подражателей, которымъ въ одномъ только разобранномъ переложеніи есть чему дивиться и поучиться. До Львовскаго предначинательный псаломъ исполнялся по переложенію Львова тоже греческаго распѣва, написанному, хотя и очень гармонично и эффектно, но безъ сохраненія подлинной мелодіи и довольно однообразно, вообще въ духѣ переложенія времени Львова. Въ настоящее время является между нашими регентами уже не мало лицъ, которые въ состояніи сравнить, понять и оцѣнить духовно-музыкальное произведеніе; и преимущество, конечно, отдается переложенію Львовскаго, которое уже одно могло бы создать неувядающую память о немъ.

А. Карасевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Въ 1915 году имѣеть исполниться трехсотлѣтіе со времени основанія Кіевской духовной Академіи. Предполагается ознаменовать приближающійся трехсотлѣтній юбилей Академіи, между прочимъ, *изданіемъ полной исторіи Кіевской духовной Академіи со времени преобразования ея въ 1819 году и до настоящаго времени, а также и полнаго біографическаго словаря бывшихъ воспитанниковъ Академіи за это время.*

Желательно, чтобы въ распоряженіи составителя исторіи Кіевской духовной Академіи были, кромѣ официальныхъ архивныхъ документовъ, еще всѣ, по возможности, матеріалы, необходимые для всесторонняго освѣщенія и для полной характеристики внутренней жизни Академіи за время существованія ея съ 1819 года.

Поэтому Кіевская духовная Академія нынѣ еще разъ (впервые это было сдѣлано въ концѣ 1901 года) обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ Академіи (съ 1819 года), ихъ родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ, равно какъ и ко всѣмъ вообще почитателямъ Кіевской духовной Академіи и любителямъ духовнаго просвѣщенія о *доставленіи всѣхъ матеріаловъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ исторіи Кіевской духовной Академіи какъ за все время ея существованія, такъ и въ особенности за время съ 1819 года.*

Желательно, въ частности, полученіе такихъ матеріаловъ, какъ, напр., письма бывшихъ учениковъ Академіи, переписка другихъ лицъ съ ними, записи лекцій бывшихъ профессоровъ Академіи, студенческія сочиненія бывшихъ воспитанниковъ Академіи, автобіографическія записки ихъ, воспоминавія, дневники ихъ, сочиненія рукописныя и печатныя (старыя, рѣдкія), проповѣдническіе сборники, ру-

кописные журналы, которые по временамъ (напр., въ 1850-хъ годахъ) издавались студентами Академіи, планы и снимки старыхъ зданій Академіи, фотографическія карточки группъ и отдѣльныхъ лицъ изъ числа бывшихъ профессоровъ и студентовъ Академіи и т. п.

Желательно, чтобы старѣйшіе изъ нынѣ здравствующихъ воспитанниковъ Академіи нарочито записали свои воспоминавія о годахъ своего академическаго образованія и доставили ихъ.

Желательно, наконецъ, получить отъ каждаго изъ бывшихъ воспитанниковъ Академіи краткое сообщеніе біографическихъ свѣдѣній о самомъ себѣ по программѣ особыхъ вопросныхъ листковъ, которые высылаются всѣмъ желающимъ, а отъ всѣхъ вообще, сочувствующихъ предпринятымъ Кіевскою духовною Академіею историческимъ работамъ, хотя бы простое сообщеніе о томъ, гдѣ или у кого можно найти, или же получить подобные вышеозначеннымъ матеріалы.

Кіевская духовная Академія будетъ благодарна всѣмъ за всякое сообщеніе или указаніе, какъ бы, повидимому, оно мало ни было.

Всѣ такія сообщенія, равно какъ и самые матеріалы просятъ адресовать на имя Кіевской духовной Академіи (Кіевъ), притомъ точно обозначать, передаются ли эти матеріалы въ собственность Академіи, для храненія ихъ въ бібліотекѣ, или же они должны быть возвращены. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ всѣ имѣющіе быть доставленными матеріалы, по минованіи въ нихъ нужды, будутъ возвращены ихъ собственникамъ.

За болѣе подробными разъясненіями и справками по данному объявленію можно обращаться непосредственно къ ординарному профессору Кіевской духовной Академіи по кафедрѣ исторіи русской церкви, протоіерею Θεодору Ивановичу Титову (Кіевъ, Андреевскій спускъ, д. 21, кв. 1).

Кіевъ. 1910 года, 25 марта.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

А. С. Хомяковъ.

50 лѣтъ тому назадъ Москва хоронила Алексѣя Степановича Хомякова. Имя Хомякова было хорошо извѣстно и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; это былъ разносторонне и глубокообразованный человекъ съ удивительно цѣльнымъ міросозерцаніемъ, которому онъ оставался вѣрнымъ всю жизнь. Родившись въ Москвѣ 1 мая 1804 года, въ ней же онъ получилъ и свое первоначальное образованіе, при чемъ, по собственному признанію, матери своей Маріи Алексѣевнѣ, урожденной Кирѣевской, былъ обязанъ своимъ направленіемъ и своей неуклонностью въ этомъ направленіи. Мать воспитала его въ строгой преданности основамъ православной церкви и національнымъ началамъ жизни.

Алексѣй Степановичъ жила въ Петербургѣ и за границую, принималъ участіе въ походѣ противъ турокъ, занимался хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, въ Рязанской и Тульской губерніяхъ,— но всегда его тянуло въ Москву: только тамъ онъ чувствовалъ себя на родинѣ. Здѣсь въ тридцатые годы складывается теорія славянофильства; важнѣйшая роль принадлежала Хомякову. Подъ вліяніемъ Хомякова къ славянофильскимъ взглядамъ перешелъ Кирѣевскій; начинается совмѣстная работа надъ славянофильской доктриной; собирается кружокъ изъ Д. А. Валужева, А. Н. Попова, К. С. Аксакова, Ю. О. Самарина. Въ началѣ сороковыхъ годовъ славянофильская доктрина получаетъ выработанный и стройный видъ; краеугольнымъ камнемъ системы было православіе. Въ духовной жизни каждаго православно-церковное ученіе и общеніе съ церковью должно быть направляющимъ и руководящимъ центромъ, это — «высшій идеалъ, къ которому можетъ

только стремиться върующій разумъ, конечный край высшей мысли, руководительная звѣзда, которая горитъ на высотѣ неба, и, отражаясь въ сердцахъ, освѣщаетъ разуму его путь къ истинѣ».

Вѣръ подчинены всѣ сферы мышленія и дѣятельности человѣческой. Истина хранится только въ вѣрученіи православной церкви, но въ церкви, не застывшей въ обрядовой жизни, а непрерывно живой. Наивысшая форма религіознаго сознанія—православіе; оно живо соборнымъ началомъ, началомъ непрерывнаго единенія вѣрующихъ. «Правительству—неограниченная власть государственная, народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа; правительству—право дѣйствія и слѣдовательно закона, народу—право мнѣнія и слѣдовательно слова». Таковы общія положенія славянофильства. Ихъ развитію и обоснованію посвящаетъ Хомяковъ цѣлыя страницы въ своихъ статьяхъ философскаго, богословскаго, историческаго характера. Особенно занимали его вопросы объ отношеніи вѣры къ знанію и о положеніи православія среди другихъ исповѣданій. Свои философскія воззрѣнія Хомяковъ не успѣлъ выразить съ достаточной полнотой. Онъ успѣлъ только установить одно понятіе Сущаго, которое онъ опредѣляетъ какъ Разумную Волю или какъ Вселенскій Разумъ. Заслугу Хомякова составляетъ выясненіе вопроса объ общинѣ. Онъ видѣлъ въ общинѣ единственно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе, изъ котораго могъ развиться цѣлый гражданскій міръ. Крестьянскій вопросъ интересовалъ Хомякова въ теченіе всей его жизни; онъ стоялъ за полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа во всей Россіи. Перу Хомякова принадлежатъ и поэтическія произведенія, драмы и мелкія стихотворенія.

Стихотворенія А. С. Хомякова вышли въ Москвѣ въ 1888 г.; въ 1900 году въ Москвѣ же вышло полное собраніе его сочиненій въ 8-ми томахъ. Наибольше обширнымъ трудомъ, посвященнымъ А. С. Хомякову, является трудъ кievскаго профессора Завитневича.

Обладая огромной эрудиціей, особенно въ сферѣ церковной исторіи и богословія, и необыкновенными діалектическими способностями, Хомяковъ былъ самымъ опаснымъ противникомъ западниковъ, но и они не могли не отдать должнаго его таланту и способностямъ. «Умъ сильный, подвижной, богатый средствами..., богатый памятью

и быстрымъ соображеніемъ... Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ; возраженія его... всегда ослѣпляли и сбивали съ толку». Таковъ отзывъ о Хомяковѣ одного изъ вождей западниковъ, А. И. Герцена.

Въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ есть литературные мостки; тамъ погребено много русскихъ литераторовъ. Въ Москвѣ есть свои литературные мостки въ Даниловомъ монастырѣ: тамъ погребены Гоголь, Языковъ, Самаринъ; тамъ нашелъ мѣсто вѣчнаго успокоенія и Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

II. II-й.

Человѣкъ и обезьяна.

Чтобы доказать происхожденіе человѣка отъ обезьяны, естествоиспытатели прибѣгали между прочимъ къ сравнительному методу, при помощи котораго надѣялись выяснитъ, что нѣкоторые «рудиментарные» органы обезьяны и человѣка, отличаясь значительнымъ сходствомъ, вслѣдствіе постепеннаго и прогрессивнаго развитія, современнымъ потеряли для человѣка всякое значеніе. Но для доказательства такой мысли зачѣмъ было прибѣгать къ подобнымъ сравненіямъ? Не лучше ли было ограничиться кое-чѣмъ болѣе простымъ и нагляднымъ? Не трудно видѣть, что, слѣдуя логикѣ дарвинистовъ, собственно не встрѣчается никакой надобности слишкомъ настаивать на сходствѣ или тожествѣ однихъ такъ называемыхъ рудиментарныхъ органовъ, изученіе которыхъ доступно только специалистамъ, но можно было бы просто указать на то, что вполне общеизвѣстно, и на этомъ основаніи заняться доказательствомъ тожества по происхожденію человѣка и обезьяны. Такъ, напримѣръ, у человѣка есть глаза, и у каждой обезьяны есть глаза; у человѣка есть руки и ноги, и у каждой обезьяны есть руки и ноги. Сходство несомнѣнное и оно было бы доказательствомъ, вполне достаточнымъ, близости не только между человѣкомъ и обезьяной, но и между многочисленными другими животными, существующими на землѣ. Зачѣмъ тутъ еще «рудимен-

тарные» органы? Зачѣмъ прогрессъ и постепенность развитія?

Любопытно, что при настоящемъ состояніи нашихъ научныхъ свѣдѣній объ отдаленныхъ періодахъ жизни человѣчества,—свѣдѣній, которыя вообще нельзя назвать особенно полными и вполнѣ точными, постоянно высказываются мнѣнія только о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, но никакъ не наоборотъ. Человѣкъ могъ когда-то произойти отъ обезьяны; но обезьяна никогда не происходила и не могла произойти отъ человѣка. Почему же? Развѣ этого не могло случиться вслѣдствіе вырожденія? Почему возможно только одно предположеніе, а не другое? Оба эти предположенія, конечно, одинаково невѣроятны, противны наблюденію и здравому смыслу и даже нелѣпы. Однако это—фактъ, что научная тенденція постоянно клонится только къ униженію человѣка путемъ доказательствъ его происхожденія отъ животныхъ, а не наоборотъ.

Ко всѣмъ подобнымъ изысканіямъ, поэтому, не примѣшиваются ли въ дѣйствительности религіозные мотивы отрицательнаго свойства, неуклонное стремленіе подорвать показанія Библии относительно происхожденія человѣка? Вотъ онъ каковъ этотъ вѣнецъ творенія, которому свойственны мысль о Богѣ и нравственная природа, — онъ есть не что иное, какъ прогрессивная обезьяна, когда-то и почему-то «оторвавшаяся» отъ своего первоначальнаго «ствола» и затѣмъ все больше и больше уходящая отъ него по пути развитія.

Трудно также понять, почему все это было и могло быть только въ давнопрошедшія времена и почему подобнаго совсѣмъ не наблюдается теперь. Казалось бы, что для прогресса обезьянъ теперь именно и наступило самое благопріятное время. У всѣхъ обезьянъ искусственно и даже безъ боли могли бы быть уничтожены хвосты. Затѣмъ всѣхъ обезьянъ можно было бы нарядить въ партикулярное платье, и такъ какъ педагогическіе приемы теперь сильно усовершенствованы, то любую обезьяну можно было бы обучать, скажемъ, хотя бы элементарному счисленію, грамотѣ, и, если не поэзіи и риторикѣ, то по крайней мѣрѣ музыкѣ. Кажется, въ этомъ направленіи уже и производились нѣкоторые опыты. И однако, несмотря на всѣ благопріятныя условія, наша современная обезьяна нисколько не измѣнилась и не измѣняется ни по своему духовному развитію, ни по организаци. Если,

слѣдовательно, развитіе обезьяны и преобразование ея въ человѣка и были возможны, то только въ самые отдаленные періоды міровой жизни, когда еще и помину не было ни о какой наукѣ и просвѣщеніи. Таковъ выставлемый современной наукой историческій парадоксъ.

Всѣмъ неспеціалистамъ въ обезьянологіи ученые естествоиспытатели могутъ, конечно, указывать на ошибочность сужденій и даже на полное непониманіе всего этого дѣла. Но, съ другой стороны, сами эти естествоиспытатели совершенно ли свободны отъ того невѣжества и непониманія, какія обыкновенно приписываются ими людямъ, не имѣвшимъ почему-либо возможности постигнуть всѣхъ естественно-историческихъ тайнъ? Попытаемся сказать объ этомъ послѣднемъ предметѣ нѣсколько словъ.

Во Франціи недавно были найдены два скелета, и эти находки надѣлали очень много шума. По поводу ихъ предложены были новыя гипотезы о происхожденіи древнѣйшихъ породъ или расъ человѣчества, появилось не мало научныхъ работъ, и свѣдѣніями о новыхъ открытіяхъ были заполнены газетные столбцы. Одинъ ископаемый скелетъ былъ найденъ въ нижнемъ гротѣ Мустье во Франціи, а другой—въ небольшомъ гротѣ Comb Capelle, около Монферрана. Судя по описаніямъ, найдены были просто скелеты человѣкообразныхъ обезьянъ, относящіеся къ древней эпохѣ «палеолитическаго» періода, какимъ-то образомъ попавшіе во Францію. Но обрадовавшись этимъ находкамъ, ученые предположили, что это не обезьяны, а непременно «антропоморфическіе приматы», т. е. люди, особенно близко сходные съ своей родоначальницей, обезьяной. Изъ всего этого получилась страшная чепуха и невообразимая путаница. Если найденныя ископаемыя дѣйствительно обезьяны, то, понятно, и разсуждать о нихъ слѣдовало бы какъ о таковыхъ. Совсѣмъ иное получается, если мы, найдя обезьянъ, постараемся тотчасъ же причислить ихъ къ своимъ предкамъ. Если я нашелъ мѣдь и говорю, что это—мѣдь, то это будетъ суцая правда, и моя находка едва ли можетъ послужить предметомъ какихъ-либо особенныхъ и трудныхъ научныхъ изслѣдованій. Но если я нашелъ мѣдь, а говорю, что это—золото, и, не оставляя своей ошибки, буду вести всѣ дальнѣйшія научныя изслѣдованія, постоянно принимая мѣдь за золото, то на свои изслѣдованія только напрасно потрачу время и трудъ. Въ этомъ случаѣ можно написать цѣлые

томы и въ концѣ концовъ все таки не придти ни къ какому положительному результату. Нѣчто подобное и случилось съ вновь найденными французскими скелетами. Научное ослѣпленіе здѣсь выразилось прежде всего въ томъ, что для ученыхъ перестали быть убѣдительными даже ихъ собственныя слова и они совершенно сдѣлались неспособны взглянуть на дѣло прямо. «Мустьерскій скелетъ, по изслѣдованію профессора Кляча, представляетъ значительное сходство съ скелетомъ гориллы». Вотъ показаніе. Стало быть это и есть горилла,—таково заключеніе, которое сдѣлалъ бы каждый непредубѣжденный человѣкъ. И однако самъ же профессоръ Клячъ такое заключеніе отрицаетъ, можетъ быть потому, что поднимать много шуму изъ ничего въ противномъ случаѣ не пришлось бы. Во всякомъ случаѣ, основываясь на собственныхъ словахъ профессора Кляча, мы могли бы помедлить отождествленіемъ найденной гориллы съ человѣкомъ и свои рѣчи о томъ, что теорія о происхожденіи человечества отъ гориллы нашла новое и блестящее подтвержденіе въ новомъ открытіи, считать по меньшей мѣрѣ преждевременными. Но можетъ быть другой найденный нами скелетъ болѣе отвѣтитъ поставленнымъ нами предъ собою задачамъ? Тоже, кажется, нѣтъ. Хотя монферранскій (ориньякскій) скелетъ отличается сравнительно болѣе тонкими и длинными частями конечностей и проч. и выказываетъ сравнительно съ мустьерскимъ скелетомъ «совершенно иной типъ», однако и монферранскій скелетъ «во многомъ приближается», «какъ по формѣ длинныхъ костей конечностей, такъ и по нѣкоторымъ признакамъ черепа»... къ орангу, или орангутангу. Совершенно ясно, что и второй скелетъ также, можетъ быть, обезьянй.

И однако вотъ какіе дѣлаются отсюда выводы. «Древнѣйшій неандертальскій (такъ названный по скелетамъ, найденнымъ въ пещерахъ Спи, въ Бельгіи и др.) человѣкъ былъ ближе по своей организаціи къ африканской формѣ, гориллѣ, тогда какъ ориньякскій, наоборотъ, ближе къ азиатской, къ орангу». Послѣ этого нисколько не удивительно, если, знакомясь съ дальнѣйшими разсужденіями ученыхъ по поводу сдѣланныхъ открытій, мы усматриваемъ въ ихъ словахъ крупныя и даже взаимно отрицающія самихъ себя противорѣчія. Такъ, одинъ ученый, разсуждая объ одной «формѣ» обезьяны, говоритъ, что «это по всѣмъ вѣроятіямъ не только прародичъ всѣхъ высшихъ

обезьянъ, но возможно, что и всѣхъ людей (Hominidae), а другой «не производить древнѣйшихъ людей отъ антропоморфическихъ приматовъ» и «видить въ послѣднихъ» только «неудавшіеся опыты на пути къ человѣку, опустившіеся и заглохшія вѣтви первичнаго человѣчества»...

Читая все это и подобное, никакъ не отвяжешься отъ мысли, что въ эпоху «палеолитическаго» періода, очень отъ насъ отдаленную, должно быть и въ самомъ дѣлѣ происходили очень многія и очень великія чудеса...

Свящ. М. Ѡ—скій.

Къ 50 лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Заштатный протоіерей о. Ардашевъ вноситъ въ московскую губернскую земскую управу проектъ объ ознаменованіи 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости открытіемъ въ Москвѣ на общеземскія средства ремесленной академіи исключительно для лицъ крестьянскаго сословія. По мысли проекта, цѣлью такого учрежденія должно быть надѣленіе крестьянской молодежи практическими знаніями тѣхъ ремеслъ, необходимость которыхъ подсказывается условіями сельскаго быта. Другими словами, академія не должна отрывать своихъ питомцевъ отъ деревни и обращать въ городской пролетаріатъ.

Если это предложеніе будетъ принято земствами, о. Ардашевъ обѣщаетъ предоставить въ распоряженіе будущей академіи свой домъ въ Уланскомъ переулкѣ, въ которомъ сейчасъ около 50 квартиръ. (*Р. Утро*, № 188).

ПРИ РЕДАКЦІИ
„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

МОЖНО ПРОБРЪТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына, редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІИ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой. Т. III. вып. 1. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ пер. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміи, Іезекіиля, Давіиля, Іоиля, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исая. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 19) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеанизмъ, новаціанство, догматизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Исслѣдованіе Д. Касицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца Іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца Іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Теофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврической. Ц. 1 р. съ пересылк.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1890—1889 гг. по 15 к. за каждое десятилѣтіе

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Во время листопада.

Осень. Пошли по небу свинцовыя тучи, одна другую перегоняя, одна другую закрывая; толпятся, бьются межъ собой, дробятся и снова сливаются въ густую и мрачную массу, и быстро мчатся вдаль. — Дождь, какъ чрезъ мелкую сѣтку, не прерываясь падаетъ по цѣлымъ днямъ, — капли его катятся всюду точно нудныя слезы неутѣшнаго никому ненужныя, а всѣмъ бѣльныя, горькія и тоскливыя. — Рветъ во всѣ стороны вѣтеръ, холодомъ и сыростью все пронизываетъ и воетъ жалобно и дико, какъ голодный звѣрь. — На дворѣ темно и хмуро, и днемъ какъ въ сумеркахъ. И долго не проглянетъ теперь солнышко на небѣ. — «Дождь и мгла холоднымъ дымомъ лѣсъ туманять. Онъ, точно теремъ безъ призора, весь потемнѣлъ и полинялъ: сентябрь, кружась по чашамъ бора, съ него мѣстами крышу снялъ, а входъ сырой листвою усыпалъ». Буйный вихрь теперь остальное сорвалъ и развѣялъ въ прахъ, — лишилъ онъ лѣсъ его красоты, его гордости, его радости. Затуманился лѣсъ грустью темною, поникъ непокрытой головой и, качая ея подъ порывами вѣтра, смотритъ печально, какъ кружится его листва между кустовъ и по полянамъ и падаетъ густымъ слоємъ на землю. Зазимокъ ночью выпалъ, и хотъ растаялъ, но кругомъ уже повѣяло морозомъ. Все, что еще такъ недавно зеленѣло, цвѣло, благоухало, — теперь поблекло, потемнѣло, неприятно отзывается сыростью гнилой.

Раскрывшись для радостей весны, забываемъ мы объ осени. Некогда объ ней подумать. Кругомъ такъ пышно и богато все, такъ чудно, жизнерадостно, такъ все бодрить и молодить: вотъ въ мягкихъ муравахъ мы жить торопимся и чувствовать спѣшимъ. Нынѣ прошло отлично, а завтра? на завтра ждемъ лучшаго: много плановъ, расчетовъ и думъ въ головѣ, много на сердцѣ грезъ. Спѣшимъ, хватаемся за дѣла, торопимся покончить съ этимъ, чтобы завтра приняться за то. И спорится все въ рукахъ: веселятъ дѣла. Отъ «росы небесной и тука земного» растеть довольствомъ человѣкъ и радуется. Весь отдался этой радости и удовольству, погрузился въ нихъ и забылся въ упоеніи ими. Забылся! Но вдругъ повѣяло осенью. Холодъ и слякоть. И начался листопадъ. Одно скосило градомъ, то сняло пожаромъ, тамъ обездолилъ сильный, здѣсь раздѣлъ и обидѣлъ злодѣй, — тутъ встрѣтило несчастье или болѣзнь, тамъ разстроили и огорчили непорядокъ и безчестность. Скорбить и плачетъ человѣкъ. А что ни день, то новое огорченіе. Согнулась спина, какъ будто тяжесть тучъ свинцовыхъ осѣла на плечи. И, печально кивая головой, не замѣчаетъ онъ, какъ по щекамъ его непрерывной струей катится слеза, — онъ видитъ лишь одно: желтѣютъ листья счастья, опадаютъ отъ вѣтокъ своихъ и падаютъ въ прахъ. Чье сердце вчужѣ не сожмется отъ этой картины горя?

Но переведемъ взоръ на природу и послушаемъ ее. — «Смотрить мѣсяцъ ненастный, какъ сыплотся желтые листья, какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-зыбкомъ саду. На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья. «Пронеси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту жуткую ночь! И за что такъ нещадно насъ мучить холодная осень? Не за то-ль, что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ, забывая въ дни счастья про черныя ночи ненастья, — забывая роковую расплату за радость весны и любви!» — Съ неземною печалью глядитъ затуманенный мѣсяцъ и посылаетъ онъ вѣтеръ съ отвѣтомъ. Голосъ вѣтра проносится

въ черныхъ кустахъ: достигайте въ несчастіи радости мукъ безпредѣльныхъ,—приготовьтесь къ великому мукой великихъ потерь!»

Вотъ и внушеніе тѣмъ, кто сѣтуетъ въ минуты скорби.— Достигайте, приготовляйтесь! вотъ для чего дана радость весны, радость разцвѣта силъ. Постигни Бога въ радости, уврѣпи вѣру въ Него въ благословеніяхъ,—тогда на дни скорби сохранишь свое сердце и волю твердыми, защищенными отъ колебаній слабости. Чистая радость земли есть предвкусеніе радости неба. Не страшна осень съ ея непогодю тому, у кого приготовленъ прочный кровъ,— не боится холода и вѣтра, у кого запасено тепло. Не дрогнетъ предъ бурей бѣдъ и то сердце, надъ которымъ распростертъ покровъ небесный.

За то насъ нещадно и мучаетъ «холодная осень», что самодовольно и надменно мы упиваемся улыбкой небесъ, забывая, что это даръ, который надо заслужить. Извращая радость, мы лишаемъ ее присущей ей силы, а она въ наказаніе покидаетъ насъ на руки нашей слабости въ тяжелыя минуты испытанія и скорби. Радость—великая вдохновляющая сила: съ ней нѣтъ затрудненій, преградъ, нѣтъ непосильнаго, невозможнаго. Она умѣетъ растворять въ себѣ печаль и слезы: она свѣточъ земли, вѣстникъ неба и свидѣтель рая. Умѣй ее беречь и пользоваться ею не только въ благополучіи, но и въ скорби.

Приготовляйтесь къ великому путемъ великихъ скорбей! Нѣкогда препод. Пимень, идя въ Египеть, увидѣлъ женщину, которая сидѣла на могилѣ и горько плакала. Онъ сказалъ при этомъ: если бы явились удовольствія всего міра, то и они не отрѣшили бы души ея отъ скорби,—слезами она крѣпитъ въ любви къ тому, кого оплакиваетъ; вся душа ея погрузилась въ скорбь, и это наполняетъ жизнь ея и дѣлается радостію жизни. Такъ и христіанинъ. Чѣмъ наполнить онъ долженъ жизнь, что дѣлать для радости сердца? А вотъ послушай: Авраамъ, когда пришелъ въ землю обѣтованную, купилъ себѣ мѣсто для

погребенія,—и чрезъ гробницу наслѣдовалъ землю (Быт., гл. 23). Эта гробница—мѣсто плача и рыданія. Плачьте! кромѣ сего нѣтъ другого пути (Древній Патерикъ, стр. 46).— Здѣсь два примѣра и оба говорятъ объ одномъ. Люди, погружившіеся въ мірскую суету, сами того не замѣчая, ищутъ радости и успокоенія въ слезахъ. Слезы любви такъ же близки сердцу, какъ самая любовь. А искатели дѣйствительной, неизмѣнной и прочной радости принимаютъ сознательно путь скорби и слезъ. «Любовь и скорбь—одно и то же, но этой скорбью кто скорбѣлъ, тому всѣхъ благъ она дороже. Кто крестъ однажды взялся несть, тотъ распинаемъ будетъ вѣчно, — но такъ какъ счастье въ жертвѣ есть, онъ будетъ счастливъ безконечно». — Къ веснѣ готовится природа осенью и зимой, — и намъ великій даръ Божій—радость—дается не даромъ. Нелегокъ и длиненъ путь сюда, онъ требуетъ твердой рѣшимости и неослабной энергіи. Гордымъ, лѣнивымъ, сластолюбивымъ нѣтъ мѣста въ обители чистой небесной радости.— Нѣсколько братьевъ монастыря, небрежныхъ къ подвижническому труду, пришли къ св. Феликсу и просили разсѣять ихъ скорбь словомъ назиданія. Старецъ на ихъ просьбу промолчалъ. Когда же они стали сильно упрашивать, то онъ сказалъ: вы хотите слышать слово, нѣтъ нынѣ слова! Вы знаете, что плачь есть путь, указанный Писаніемъ и отцами нашими. И прежде, когда братья исполняли то, что имъ старцы говорили,—тогда Богъ наставлялъ старцевъ, какъ сказать слово. А нынѣ только спрашиваютъ, а не дѣлаютъ того, что слышать,—потому Богъ отнялъ у старцевъ благодать слова,—они не находятъ, чтѣ говорить, потому что нѣтъ исполняющаго слова ихъ (Тамъ же, стр. 50). Поняли головой спрашивавшіе, понявъ, кому и въ чемъ упрекъ заключенъ въ словахъ святого.—Не такой же ли упрекъ здѣсь и тѣмъ изъ насъ, кто много говоритъ о величій силъ природы, зоветъ жить только по велѣніямъ ея, но кто въ то же время проходитъ мимо нравственныхъ внушеній отъ голоса природы?

Достигайте въ несчастіи радости мукъ. Радости мукъ? Возможно ли это? — Да, разорви сковавшій тебя кругъ обольщеній, прорвись туда, гдѣ царить таинственная, исполненная силы духа жизнь, — отбрось отъ себя крикливо-красочные доспѣхи, которые условно принято называть драгоценностями, и увидишь, какое роскошное убранство даютъ радости духа. Но гдѣ все это? — Все близъ тебя, только ты бѣжишь отъ него. — Каждый, напр., изъ насъ любить свой домъ, жену, дѣтей, любить природу, ясное небо, душистый лѣсъ, благоухающій садъ, — каждый переживалъ такіе моменты, когда невольно вырывались слова: ахъ, какъ хороша жизнь! — Но пусть онъ представить нѣчто лучшее, чѣмъ все, что онъ знаетъ, болѣе близкое и дорогое, безконечно доброе и безпредѣльно-радостное. И тогда такъ близко подойдетъ къ нему Кто-то, родной, ласковый. И восторгъ охватитъ его душу. Онъ почувствуетъ, что передъ нимъ Тотъ, Кто — источникъ всякой радости, красоты, добра и жизни. Почувствуетъ, какимъ былъ онъ одинокимъ прежде, и не захочетъ разстаться съ Нимъ. Ничего ему не надо: ни награды, ни поощряющихъ условностей, — одно будетъ дороже всего: хоть края бѣлоснѣжныхъ ризъ Его коснуться, дышать около Него, принимать лучи радости, идущіе отъ Него. — И что стѣитъ тогда отказаться отъ личнаго, когда душа нашла Бога? «Какое дѣло до себя и до другихъ, и до вселенной тому, кто слѣдовалъ любя, куда звалъ голосъ сокровенный!» Слава Богу за все! съ этими словами умиралъ св. Златоустъ среди тяжкихъ испытаній. Мука ради Бога была радостью. И каждый, какъ бы листопадъ житейскій ни безобразилъ условія жизни, найдетъ въ себѣ силу для такой муки, если сумѣлъ и смогъ стать онъ подъ небесный покровъ.

* * *

Покорно чахнетъ лѣсъ, опустѣвшій и больной. Въ кустахъ сваялася трава, и, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя, чернѣетъ мокрая листва. Какъ на землѣ стало мрачно и

бѣдно. Самое небо—непривѣтливо и холодно-блѣдно. Все застываетъ и медленно мертвѣетъ.

Такова и осень жизни. — Упадаютъ силы, остываетъ кровь. Нѣтъ ужъ прежней живости и подвижности. Глазами окидываешь большой кругъ, намѣчаешь въ немъ дѣла. Въ душѣ еще горитъ огонь какъ будто прежней силы. А приступилъ къ дѣлу, и половины того не сдѣлаешь въ намѣченное время. Не спорится. Быстро устаются. Требуются большіе промежутки времени для отдыха. По-напрягъ силы, принудилъ себя, и совсѣмъ плохо сдѣлалъ: отъ изнеможенія и крайней усталости болѣзнь нажилъ. — Было время, жилъ человекъ, какъ въ саду гулялъ: все способно было радовать, давать довольство. А если чего и не хватало, все покрывалось безпечностью молодости. Бессонныя ночи, утомительный трудъ, холодно, вѣтрено, вредно, излишне,—все это такіе предметы, на которые совсѣмъ не обращалось вниманіе: молодость все переносила незамѣтно, какъ бы шутя. — Пришла осень. Все вредно съ каждой малостью считайся, туча болѣзней. А каждый новый день при этомъ несетъ убыль силъ. Куда ни посмотришь, одна картина: все въ прошломъ! И темною грустью вѣетъ на душу. Былъ молодъ, сѣтуетъ, напр., богато, устроившійся старикъ,—голодалъ тогда: ѣсть нечего было, а аппетитъ и зубы были такъ крѣпки, что, казалось, все бы поѣлъ, что встрѣтишь бывало въ витринѣ со съѣстнымъ. Теперь вотъ все есть, чего бы ни захотѣлось, но нечѣмъ ѣсть. Печальна старость.—Такъ сѣтуетъ старикъ.

Природа говорить не такъ.

Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвою, а полъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ.

Радость и гибель ея

Служить неглѣнному и неизмѣнному,

Вѣчной красѣ Бытія.

Природа не знаетъ смерти: тамъ только измѣненіе бытія. Въ природѣ нѣтъ ничего лишняго, ненужнаго: и прѣлая листва нужна,—подъ ней прячется и прозябаетъ растительная сила, чтобы проявить себя, когда придетъ время. Въ природѣ нѣтъ ничего безобразнаго: все назначено служить красотѣ и цѣлесообразности. По виду какъ будто одно безславіе, тлѣніе, перегной, а въ дѣйствительности—сокъ животворныхъ корней. Повидимому, все гибнетъ, разрушается, замираетъ, а въ сущности здѣсь-то и создается начало новой жизни. Такъ въ природѣ вещественной.

Не у всякаго человѣка и въ душѣ тоской отзывается осень жизни. Геронтъ, восьмидесятилѣтній старикъ, сидѣлъ у воротъ своего дома. Глаза его останавливались то на высокихъ горахъ, покрытыхъ осеннимъ туманомъ, то на игравшихъ предъ нимъ рѣзвыхъ внучатахъ. — Къ старику подходитъ молодой человѣкъ и удивляется, какъ онъ могъ сохранить до послѣднихъ лѣтъ жизни бодрость, силу и веселое настроеніе. — Старикъ отвѣчалъ. Какъ и все хорошее, это даръ неба, но и здѣсь надо кое-что дѣлать, чтобы заслужить его. Съ этими словами старикъ всталъ, повелъ гостя мило благоустроеннаго дома въ садъ, гдѣ было множество деревьевъ, усыпанныхъ зрѣлыми плодами. Тебя такъ же удивляетъ и то, что я теперь радуюсь плодамъ этихъ деревьевъ? Но я самъ посадилъ ихъ въ мои молодые годы. Вотъ и это — мои плоды! съ глазами, полными ласки, любви и счастья, указалъ онъ на внучатъ. Здѣсь тайна моей веселой и бодрой старости!

Обычнымъ путемъ жизненной борьбы и труда воспиталъ человѣкъ въ себѣ душу, покорную Провидѣнію. Природа давала ему дѣтей, и онъ ихъ не бѣжалъ. Онъ воспиталъ благонравными дѣтей, воспитываетъ внучатъ,—честно исполнилъ долгъ гражданина передъ обществомъ, сохранилъ незапятнаннымъ имя и чистою совѣсть. И радуется на закатѣ дней своихъ въ сознаніи: исполнилъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ, грѣшному. Этой радостью и скрашивается старость. Онъ замираетъ, неда-

лекъ, можетъ быть, послѣдній вздохъ, но онъ живетъ полною жизнью: въ дѣтяхъ своихъ переживаетъ пору зрѣлыхъ силъ, а во внукахъ живетъ отрочествомъ. И въ старости молодъ тотъ, кто живетъ, не разставаясь съ покровомъ небеснымъ.

И послѣ смерти живъ честный труженикъ добра и правды. Смерть есть только начало роста того, что посѣяно при жизни,—она—«побѣговъ и травъ прозябаніе». Умерли святители Гермогенъ, Филиппъ, умерло множество другихъ подвижниковъ добра. Да развѣ они умерли? Они похоронены, ихъ тѣло только опущено въ погребальную усыпальницу. Но ихъ жизнь не умерла. Они видимы для насъ дѣломъ своимъ. И на отдѣльныхъ людей, и на цѣлое общество въ ихъ лучшихъ порывахъ продолжаютъ дѣйствовать ихъ живые примѣры. Сначала о нихъ повѣствуютъ очевидцы, потомъ живетъ о нихъ преданіе, затѣмъ наступаетъ для нихъ исторія, и перѣдко ихъ образъ, много говорящій уму и сердцу, запечатлѣвается для будущихъ поколѣній въ мраморъ и бронзу. Такъ и должно быть. Все минется, одна правда остается. Минуютъ вельможные и сильные, въ утѣху себѣ жившіе: съ шумомъ погибаетъ память ихъ. Пышно и парадно провожаютъ богача, каждый день пировавшаго свѣтло,—вся слава его до могилы: съ послѣднимъ кускомъ земли, брошеннымъ на крышку гроба его, минуетъ онъ, забытъ, оставленъ. А праведникъ не умираетъ. Онъ—слуга Христовъ, искренній человѣколюбецъ, слуга долга не по обязанности, а по внутреннему велѣнію своей совѣсти, слуга безтрепетный, вѣрующій въ правоту своего дѣла. Скольکو бы ни смѣнилось поколѣній, его образъ съ силою запечатлѣвается въ сердца тѣхъ, кто слышитъ о немъ и узнаетъ его. Онъ всегда на высотѣ и на глазахъ у всѣхъ, какъ укоръ малодушнымъ и утѣшеніе алчущимъ и жаждущимъ правды.

Стань подъ покровъ небесный, и тогда шумъ листопада и картины тлѣнія не угнетать, а бодрить будутъ душу.

Поздней осенью.

«Природа—не бездушный ликъ: въ ней есть душа, въ ней есть языкъ».

Лишая все живое жизнерадостности, тоску нагоняетъ глухая осень. И пусть бы только тоску. Но она съ ея влыми вѣтрами и всепроникающей сыростью — источникъ всякихъ болѣзней. Она съ ея укороченнымъ днемъ и гнилой слякотью отнимаетъ руки у тружениковъ. Она все разрушаетъ, безобразитъ и гноитъ. И не будь весны, была бы ужасна осень. Весна даетъ смыслъ осени и скрашиваетъ ее, весна воскрешаетъ природу, восстанавливаетъ въ правахъ для жизнедѣятельности. Это дѣлаетъ лучъ солнца весенняго, его тепло, его всеоживляющая сила. Такъ небо нужно для земли!

То же явленіе и въ жизни людей, въ дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица и въ жизни души его. Какъ бы ни тяжелы были условія жизни, какъ бы ни безпросвѣтны были «непогодъ и безвременье», не ужаснется предъ ними душа, если съ нею Богъ, если не чужда ей Заступница небесная.

Тяжелыя, свинцовыя тучи нависли надъ русской землей въ концѣ шестнадцатаго и началѣ семнадцатаго вѣка. Русь страдала отъ междоусобствія и самозванцевъ. Жажда власти, искательство почестей и славы, легкое обогащеніе заставили людей забыть совѣсть и долгъ,—ласкательство и продажность дѣлались всеобщей болѣзнию, забитость однихъ и дерзость другихъ возрасли до крайнихъ предѣловъ. Совнѣ давили притязанія поляковъ: русская царская корона давно плѣнила польскаго царевича. И

среди русских людей нашлись такіе, которые изъ своихъ корыстныхъ видовъ желали возглавить Русь полякомъ. Продажныя души все такъ устроили, что поляки завладѣли Москвой.—Когда вѣсть объ этомъ обошла русскую землю, глубокой скорбью отозвалась она на сердцахъ людей. Нѣтъ внутренняго согласія и единенія, нѣтъ союзниковъ-сосѣдей, нѣтъ достаточнаго и настоящаго вооруженія. А врагъ смѣлъ, силенъ и вооруженъ. Нѣтъ защиты, нѣтъ спасенія! Но такъ только казалось. Главная и могучая сила жива была въ людяхъ: она только заглохла въ лѣнливыхъ и безпечныхъ душахъ. Эта сила была въ религиозной вѣрѣ народной и въ любви народа къ родинѣ. За вѣру православную, за Русь родную! подняли кличъ болѣе энергичные граждане. Встрепенулось сердце народное. Вспомнили люди Бога, и горе раскрыло имъ глаза, какъ глубоко виновны они передъ Нимъ и передъ родиною. Забыты мелкіе споры и распри, отошли на второй планъ мелкіе счеты. И начала собираться со всѣхъ концовъ страны рать защитниковъ. Казань прислала свои дружины съ опытнымъ вождемъ, а предводителемъ была Казанская икона Божіей Матери. Всѣ отряды, доселѣ разрозненные, объединяются подъ единымъ руководствомъ Взыбранной Боеводы. Народъ и войско, подавленные общимъ отечественнымъ бѣдствіемъ и пробужденные въ лучшихъ своихъ чувствахъ любви къ Богу и родинѣ, благоговѣнно преклоняють колѣна предъ пречистымъ образомъ Богородицы и, невозвратну надежду имуще, молятся Заступницѣ усердной. Многіе наложили на себя постъ.—Такъ удрученная тяжестью лихолѣтья земля обратилась къ Небу. — И не осталось Небо безотвѣтнымъ. Преподобный Сергій въ видѣніи архіепископу Арсенію, томившемуся тогда въ плѣну у поляковъ, возвѣщаетъ радость: по молитвамъ Богородицы и московскихъ Святителей Господь низложитъ враговъ. Это скоро стало извѣстно всѣмъ. Воины, подвѣрженные молитвой и ободренные видѣніемъ, съ воодушевленіемъ пошли на приступъ

и очистили Москву. Гетманъ Хоткевичъ бѣжалъ отъ Москвы съ своими войнами, и запершіеся въ Кремль также скоро принуждены были послѣдовать его примѣру. Съ 1612 года и чтить 22 октября русскій народъ «Заступницу усердную».

Въ этомъ празднованіи намъ очень нужно напоминаніе.—Пробужденіе вѣры въ Бога, подъемъ духа религіознаго и оживленіе надежды на помощь небесную, — вотъ что особенно неотложно нашему времени. Развѣ менѣе мрачны, чѣмъ четыреста лѣтъ тому назадъ, тѣ тучи, что нависаютъ надъ нашей внутренней и вѣшной жизнью? Нѣтъ самозванства на тронѣ, но сколько его въ духѣ народномъ? Не стоитъ у кремлевскихъ воротъ вражеская рать, но ужасы недавняго пораженія и тяготы его у всѣхъ на глазахъ, точнѣе: на горбахъ,—да кромѣ того повсюду у «мирныхъ» сосѣдей такое напряженіе силъ боевыхъ, что едва ли кто поручится за... завтрашній день. Наша продажность, предательство, лицемеріе и лукавство далеко опередили предковъ. Не съ дубиной и кистенемъ залегаетъ нынѣ злодѣй въ лѣсу или во рву въ непроглядную ночь,— а изящный, вылощенный, просвѣщенный, а иногда вельможный, онъ преступною сѣтью ловить богатство, власть, почетъ и наслажденіе открыто, у всѣхъ на глазахъ, сатанински хитро и тонко замаскировываясь въ порядочность и честность. Страдали наши предки отъ непросвѣщенности, отъ темноты духовной, а у насъ страданія отъ нынѣшней просвѣщенности, которая не научаетъ страху Божію и честной жизни. Тяжела нравственная дикость въ темной крестьянской средѣ, ея жадность, лѣнь, пьянство,— но что все это предъ просвѣщенной преступностью? Кого не смущали страшныя думы хотя бы только по поводу послѣднихъ преступленій. Кто составляетъ подложные документы, чтобы завладѣть милліоннымъ состояніемъ, кто продаетъ родину врагамъ, продаетъ ея секретныя планы, ея природныя богатства, кто обираетъ довѣрчивыхъ бѣдняковъ и обворовываетъ сиротъ, кто крадетъ хлѣбъ и

одежду солдатъ?—Просвѣщенные. Кто подмѣниваетъ драгоцѣнности, торгуетъ знаками отличій, помогаетъ уклоняться отъ несенія долга службы военной? Просвѣщенные. Почему бездарность и тупоуміе подняли голову и такъ часто появляются на престолахъ высокихъ и пажитяхъ тучныхъ? При «просвѣщенномъ» содѣйствіи силъ невысокаго нравственнаго разбора... Такъ просвѣщеніе безъ Божьей правды обращаетъ жизнь въ тяжелую, гнетущую осень. И все это: нравственная гниль, распущенность, кровожадность, плотоядность, продажность, развѣ не грозные признаки общаго разложенія, духовнаго вымиранія и приближенія суровой и грозной «зимы» для общества? — Не пора ли учесть себя и спросить: откуда возьмемъ мы силу, чтобы мужественно встрѣтить эту зиму и пережить ее. Нестроенія земли, неподдающіяся земнымъ силамъ, не зываютъ ли о Силѣ Высшей?

* * *

Грозна суровая и разрушающая сила осени. Безсильно все предъ ней: лѣсъ и нива, лугъ, вода, воздухъ и самъ человѣкъ. На все она неумолимо твердо кладетъ свою тяжелую печать. И все покорно несетъ эту печать. — Уже отсюда ясно, какъ точны законы природы и неизмѣнны. Эта точность и неизмѣнность ихъ смутила людей: они стали обожествлять природу на подобіе древнихъ язычниковъ. Только язычество нынѣ утонченное. Я и природа! такъ сказалъ себѣ человѣкъ, опредѣляя вселенную. Богъ отринуть, забыть. Предъ человѣкомъ одна природа съ ея богатствомъ, силами и вѣдѣніями. Ее (природу) онъ изучаетъ, силами ея повелѣваетъ и преклоняется предъ вѣдѣніями ея. Въ представленіи людей она стала какъ бы самобытной, самосильной. И ушелъ человѣкъ весь въ материальную заботу, на службу себѣ одному.

Такое отношеніе къ природѣ развязало руки злонамѣренности и злоупотребленіямъ и сдѣлало то, что все низменное, присущее нашей тѣлесной организаціи, въ сво-

ихъ дурныхъ проявленіяхъ находятъ оправданіе въ побужденіяхъ и внушеніяхъ природы и природныхъ инстинктовъ. «Противъ природы не пойдешь!» заявляетъ спокойно уличенный распутникъ. «Пить и ѣсть и мнѣ надо!» говоритъ убѣжденно тунеядецъ и воръ. «Слабъ отъ природы!» оправдывается лѣнивонецъ. «Такова натура моя!» извиняетъ себя иной гражданинъ въ грубости и дикости. «Нутро требуетъ!» хрипитъ пьяница. И нѣтъ такой слабости, потворство которой не пряталось бы за требованія природы. Больше того: самыя извращенія природы у насъ стараются оправдать требованіями природы. Человѣкъ беззащитно насилуетъ, обкрадываетъ, издѣвается надъ природой, рассчитывая на ея безотвѣтность, — онъ дерзко занесъ свою грязную руку на природу и хочетъ, чтобы она безропотно служила всѣмъ его прихотямъ до скверныхъ влючительно. — Что же природа? — Она долго терпитъ. Но потомъ вдругъ накладываетъ свою карающую руку, какъ осень на листву и цвѣты, — и тогда она грозна и сурова, и все безсильно передъ ней. Преждевременное старчество, скоропостижная смерть, ранняя инвалидность, расположенность къ заболѣваніямъ, или случаи: помѣшался, застрѣлился, опился, замерзъ, удавился и пр., все это явленія, большею частію доказывающія истину: чѣмъ грѣшилъ, тѣмъ и наказанъ. — Не хотѣли люди понять природу и прозрѣть въ ней Бога, стихіямъ наперекоръ захотѣли создать изъ жизни вѣчную весну утѣхъ и радостей, — и очутились подъ безпросвѣтной непогодью поздней осени, испортили, обезцѣнили, обезславили жизнь свою.

Не такъ у тѣхъ, для которыхъ не природа—Богъ, а въ природѣ Богъ. Они почитаютъ себя отвѣтственными не передъ природой, а передъ Богомъ, и велѣнія природы уравниваютъ внушеніями духа. Жизнь такихъ являетъ собою живое отрицаніе тѣхъ растлѣвающихъ волю сомнѣній и самомяній, которыя такъ часто обезображиваютъ нашу жизнь, сводя все къ матеріальнымъ условіямъ злобы дня. Имъ говорятъ: не забывайте требованій природы;

нельзя же слѣдовать во всемъ ученію Христа: оно выше-естественно, оно непримѣнимо къ практической жизни.— это — идеаль, чтобы смотрѣть на него и, пожалуй, приближаться къ нему. — А они, не боясь быть въ «смѣш-ныхъ чудакахъ», не считаются съ этой дѣйствительностью. Для нихъ христіанскій идеаль—есть маякъ, освѣщающій жизненный путь.—Таковъ былъ, напр., «святой докторъ»,— такъ называлъ народъ О. П. Гааза. Онъ посвятилъ себя всецѣло добру и милосердію и показалъ, какъ слѣдуетъ итти по этому пути. Онъ глубоко понималъ слова Христа: «если не умереть, то не оживетъ», и доказалъ своей непрерывной и неустанной дѣятельностью, что, отказываясь отъ личнаго счастья и умирая для спокойствія и удобствъ, человѣкъ съ чистою душой оживаетъ для иной, тоже земной, но болѣе широкой жизни, и въ ней находитъ себѣ удовлетвореніе и исходъ своимъ силамъ. — У насъ часто, видя людскія немощи и страданія, смотреть назадъ и близоруко ищутъ причину,—а, отыскавъ, успокоиваются на этомъ. Но онъ (Гаазъ) смотрѣлъ и впередъ, его интересовали не причины только несчастія, но и послѣдствія. И съ ними онъ боролся всѣми силами души своей и энергіи, умѣя утѣшать озлобленныхъ и обездоленныхъ и вызывать въ ихъ сердца примиреніе съ Богомъ и покорность волѣ Его.—Ему приходилось дѣйствовать въ очень тяжелыя времена при господствѣ насилія и неуваженія къ человѣческому достоинству. Но онъ не отвернулся отъ этихъ условій,—онъ помнилъ совѣтъ Апостола: не участвуйте въ дѣлахъ тьмы, но обличайте. И вся жизнь его была однимъ непреклоннымъ и осязательнымъ обличеніемъ. — Что можетъ сдѣлать одинъ противъ среды, когда извѣстно, что одинъ въ полѣ не воинъ? скажутъ практическіе мудрецы. Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ всей своей личностью: и одинъ въ полѣ воинъ. То мѣсто, гдѣ жилъ и работалъ «святой докторъ», гдѣ онъ сѣялъ въ потѣ лица сѣмена своей любви къ людямъ, развѣ не свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ не одинъ, что на

призывъ его личности пришли другіе, продолжали, укрѣпляли и расширяли его дѣло (изъ словъ Кони).— Былъ ли онъ ненавистникъ природы? Нѣтъ, вотъ именно глубокая любовь къ природѣ, проникновеніе въ силы ея, животворяныя и карающія, величіе ея и раскрывали предъ нимъ живого и вѣчнаго Бога, всемогущаго Отца и грознаго Судью. Вѣра въ Него, вѣра въ святость Божьяго дѣла и была оживляющей и вдохновляющей силой, поддерживающей въ подвигѣ, который и понинѣ всѣмъ представляется удивительнымъ. Вся жизнь его представляетъ изъ себя скорбный путь труда, огорченій и лишеній, то, что мы называемъ осеннимъ ненастьемъ. Онъ терпѣливо выносилъ это ненастье, радуясь близкой веснѣ, надѣясь на нее, ожидая ее.

* * *

Поздняя осень, мрачная и тусклая. День поздно начинается и рано кончается. Три часа съ половиной до полудня, да столько же послѣ полудня, вотъ и все, что даетъ солнечный лучъ. Ночь безконечно-длинна. Но чѣмъ ближе время къ веснѣ, тѣмъ короче ночь, тѣмъ длиннѣе день.

Это—точный образъ нашей духовной жизни: чѣмъ ближе къ Богу, тѣмъ сильнѣе душа, — чѣмъ самонадѣяннѣе человекъ и дальше отъ небесной защиты, тѣмъ слабѣе и болѣзненнѣе духовно.

Объяснимъ это на молитвенномъ подвигѣ. Для молитвы св. отцы избрали ночное время. Когда молва житейская уснетъ, когда ненарушимая тишина ночи дастъ сосредоточиться, умъ дѣлается свѣтлѣе и чище, мысль возвышеннѣе, и сердце теплѣе къ Богу. Тогда молитва легко, какъ на крыльяхъ ангельскихъ, несется на небо въ невозмутимомъ спокойствіи и чистотѣ духа.—Какъ исполняется келейная, домашняя молитва, это — опытъ личный, только самому молящемуся извѣстный, а потому о немъ и трудно говорить. Но церковь установила общую молитву и между другими назначила молитву всенѣщную. По мысли церкви эта молитва должна продолжаться всю ночь.

Всю ночь молиться! съ нескрываемымъ ужасомъ встрѣ-
тять васъ возгласы нынѣшнихъ христіанъ. Это выше на-
шихъ силъ, во-первыхъ; во-вторыхъ, и Богъ не требуетъ
такихъ трудовъ, Онъ сказалъ: «если хочешь», третье,—
и не полезно такое изнуреніе себя, такъ какъ отъ чрез-
мѣрной напряженности пропадаетъ теплота и чистота мо-
литвы, и появляется слабость духа, раздражительность.—
Подъ дѣйствіемъ этихъ доводовъ и сокращается всенощ-
ное моленіе до одного часа. Да и этотъ часъ выстаива-
ется не безъ сѣтованій,—говорять давно о сокращеніи
его въ минуты.

При такомъ положеніи дѣла цѣлень голосъ опыта мно-
гихъ.

Возможно ли пробывать въ церкви на молитвѣ отъ 8 до
14 часовъ безъ отдыха? ставить вопросъ святогорець,—и
вотъ какой даетъ отвѣтъ. Неоспоримо, трудно это дѣло,
но только съ нашей стороны, а не со стороны благодати
Божіей, сила которой всегда совершается въ немощи.—
Бдѣнія у насъ (на Аѳонѣ) начинаются съ закатомъ солнца.
Всѣ собираются до звона или въ самомъ началѣ его. Воз-
станите! произносить діаконь, и въ одно мгновеніе всѣ
на ногахъ. Начинается служба. Псаломъ «Благослови, душе
моя, Господа» поется ровно часъ съ четвертью. Отсюда
легко видѣть, каково должно быть все бдѣніе. Это невы-
носимо! завопите вы, — но здѣсь тысячи изможденныхъ
иноковъ легко и съ особымъ удовольствіемъ выносятъ
цѣлонощныя бдѣнія. Я (говоритъ святогорець о себѣ) самъ
много разъ выносилъ этотъ подвигъ наравнѣ съ здѣшнею
братією. И вотъ что замѣчательно. Бываетъ иногда, послѣ
обѣда спимъ, къ вечеру хорошо подкрѣпляемся ужиномъ,
и, судя по силамъ и состоянію духа, думаемъ: сегодня
легко мы выстоимъ бдѣніе. На дѣлѣ бываетъ совсѣмъ не
такъ. Какъ только понадѣешься на себя и на свои силы,
то какъ будто накроетъ тебя что: тягость бываетъ невы-
носимая, дремота чрезвычайная, бьешься, какъ рыба объ
ледь, и невольно погружаешься въ мимолетную забывчи-

вость во время службы. Но когда «почему»-либо днем мало и тревожно отдохнется, да когда постный день, и не положено ужина, тѣло такъ изнемогаетъ до бдѣнія еще, что думаешь въ себѣ: каково-то бдѣніе наше будетъ? насъ и теперъ хотъ въ лубки связывай. Что же на повѣрку? Очень часто въ подобныхъ случаяхъ какая-то тайная сила поддерживаеъ духъ, сердце играетъ райскимъ весельемъ, и бдѣніе такъ незамѣтно проходитъ, что по окончаніи службы еще жаждется молитвы и подвига. При помощи Божіей и кажущееся невозможнымъ дѣлается выносимымъ. — А что касается того, что отъ продолжительности молитвы будто теряется ангельская чистота ея, то это—просто предлогъ лѣнноты и безпечности. Кто намъ скажетъ, когда наша молитва чиста и имѣетъ силу. Какіе признаки этого?—Христось сказалъ только «стучите», имѣйте усиліе и настойчивость. Наше дѣло имѣть только чистоту намѣреній, а каково самое дѣло, это знаетъ и оцѣнитъ только Богъ. Если бы я и ослабѣлъ во время молитвеннаго бдѣнія, это не унижаетъ подвига: Богъ видитъ мою немощь, — и послѣ испытаній въ свое время дастъ ангельскую нерасхищенность ума, — только не отставайте и «стучите» (Святогорца т. I, пис. 7, стр. 69). — Въмѣсто молитвы поставьте правду, честность, долгъ, трудъ, ну, словомъ, подвигъ добродѣтельный,—и обо всемъ опытъ скажетъ тѣми же словами: чѣмъ ближе къ Богу, тѣмъ сильчѣе челоуѣкъ духомъ своимъ.

Жизнь природы и жизнь челоуѣка, съ какой бы стороны мы ихъ ни разсматривали, говорятъ одно: тѣло безъ духа мертво, земля безъ неба—не жилица, челоуѣкъ безъ Бога—прахъ.

Вотъ, душа, жизнь и смерть предложены тебѣ,—благословеніе и проклятіе: избирай! (Втор. 30, 19).

Свящ. Н. Орловъ.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ

ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Дары духовные».

(Къ 5-му октября—дню памяти преподобныхъ отецъ нашихъ: Даміана, пресвитера и цѣлебника Печерскаго, Іереміи и Матѳея прозорливыхъ).

Преподобный Даміанъ подвизался въ Печерскомъ монастырѣ во время игуменства преподобнаго Феодосія, равноангельному житію сего великаго угодника Божія со всякою ревностью подражая,—отличаясь смиреніемъ, послушаніемъ, кротостью, неустанно подвизаясь въ молитвѣ и прилежномъ чтеніи святыхъ книгъ. Постомъ, бдѣніемъ, непрестанною молитвою небесныя дарованія пріялъ сей блаженный мужъ, дара исцѣленій отъ Господа сподобившись. Когда кто болящій, взрослый или ребенокъ, прибывалъ или приносимъ въ монастырь бывалъ, то преподобный Феодосій направлялъ такового къ блаженному Даміану. Сей же со смиреніемъ, считая себя недостойнымъ, надъ болящими молитвы творилъ, помазывая вмѣстѣ съ тѣмъ и освященнымъ елеемъ, и благодатію Божіею всѣ исцѣлялись и отходили изъ Печерской обители здоровыми. И за таковыя подвиги, соединенныя съ многолѣтними трудами иноческаго житія, сей блаженный мужъ сподобился истинно-христіанской кончины: съ миромъ, въ чаяніи жизни будущаго вѣка, предавая душу свою въ рудѣ Господни, просвѣтился лицомъ, являя радостное души отъ тѣла разлученіе. И радостное сіе упованіе не посрамило вѣрнаго раба Божія, его же святыми молитвами да сподо-

бимся и мы общниками быти царствія небеснаго, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. О сей жизни безконечной во все житіе свое земное непрестанно помышляли и другіе два нынѣ воспоминаемые преподобные—Іеремія и Матѣей прозорливые. Современникъ крещенія Россійской земли—св. Іеремія тогда же и самъ банею святого крещенія просвѣщенъ былъ, а во дни преподобныхъ Антонія и Θεодосія пришелъ въ Печерскую обитель, гдѣ и воспріялъ великій ангельскій образъ, въ немже богоугодно подвизался, ревнуя подражателемъ быти житія святыхъ отецъ. И за сіе ревностное стремленіе, за премногую добродѣтель, воспитанную многолѣтнимъ пребываніемъ въ подвигахъ монашескаго житія, данъ ему былъ отъ Бога даръ предсказывать будущее и провидѣть помыслы человѣческіе. Если въ комъ видѣлъ худые помыслы, то обличалъ его тайно и увѣщевалъ беречься діавола. А если кому предсказывалъ чтѣ, доброе или худое, то непремѣнно сбывалось. Многихъ прозрѣніемъ своимъ пользовавъ, въ старости глубокой отошелъ сей преподобный къ древнимъ пророкамъ, на открытое уже лицезрѣніе тайнъ Самого ветхаго деньми Бога, Ему же подобаеть всякая слава во вѣки вѣковъ. Сему нелѣпностному прославленію имени Божія посвятилъ всю жизнь свою и преподобный Матѣей, также жившій во дни первоначальниковъ Печерскихъ. За великіе свои подвиги сей блаженный мужъ пріялъ отъ Бога дарованіе прозрѣвать утаенныя козни діавола и открывалъ ихъ спасающимся, на душевную тѣхъ пользу. Въ особенности прилежалъ старецъ молитвѣ церковной, неустанно посѣщая службы Божіи и нелѣпностно пребывая до конца таковыхъ,—братіи примѣръ подавая. Также и неисходному въ келліи пребыванію поучалъ, ибо только неразвлекаемое мірскими вещами дѣланіе можетъ спасти инока отъ духовнаго расслабленія. Назовемъ вкратцѣ нѣкоторыя дивныя дѣла блаженнаго Матѣея. Однажды, во время утреди, увидѣлъ бѣса, во образѣ воина обходившаго пою-

пую братію и имѣвшаго въ рукахъ какіе-то липкіе цвѣты, которые бросалъ на поющихъ, и если къ кому цвѣтокъ прилѣплялся, тотъ вскорѣ, подѣ какимъ-либо предлогомъ, оставлялъ церковь, шелъ въ келлію и ложился спать. Къ кому цвѣтокъ не приставалъ, тотъ бодренно стоялъ всю утреню и только по окончаніи ея шелъ въ келлію. Повѣдалъ сіе старецъ братіи, и остерегались всѣ выходить изъ храма. Другой разъ провидѣлъ преподобный отсутствіе одного инока изъ обители: видя послѣ утрени шествіе бѣсовъ, спросилъ ихъ блаженный, куда они идутъ; тѣ отвѣчали, что за Михаиломъ Тоболковичемъ. Уразумѣлъ старецъ, что навѣрное отлучился изъ монастыря Михаилъ. Повѣдалъ прозорливецъ о семъ игумену, который, призвавъ Михаила, сдѣлалъ тому отеческое наставленіе. Также и многихъ другихъ дивныхъ видѣній на пользу братіи сподобился блаженный сей старецъ Матеей, и всѣ сіи дары благодатные ниспосланы были за чистое и непорочное житіе угодника Божія, который нынѣ, предстоя престолу Владычню, молится о насъ, да избавимся навѣтовъ вражнихъ и жизнь вѣчную получимъ о Христвъ Исусѣ Господѣ нашемъ. Къ сему стремились всю жизнь воспоминаемые нами угодники Божіи Даміанъ, Іеремія и Матеей, и Господь еще на землѣ сей сподобилъ ихъ особыхъ благодатныхъ даровъ, ихже, конечно, въ разной мѣрѣ, въ разныхъ видахъ, коемуждо по его потребѣ, сподобляются и всѣ вѣрные рабы Божіи, иноки и міряне. Св. Церковь недаромъ за литургіей, по освященіи св. даровъ, молится, «яко да Человѣколюбець Богъ возниспослетъ намъ Божественную благодать и даръ святаго Духа». Главнѣйшіе дары Духа святаго, какъ извѣстно, слѣдующіе: духъ страха Божія, духъ познанія, духъ силы, духъ совѣта, духъ разумнія, духъ мудрости, духъ Господень, или даръ благочестія и вдохновенія въ высшей степени. И се — главнѣйшіе дары. А сколько разновидностей, сколько многоразличныхъ проявленій силы Божіей! Не въ нашихъ задачахъ подробно излагать о дарахъ

Духа святаго. Одно только скажемъ, что «благодать Божія необходима человѣку для всей его дѣятельности. Безъ благодати онъ не можетъ ни помыслить, ни пожелать, ни сдѣлать ничего спасительнаго»¹⁾. А св. Макарій Великій говоритъ: «какъ тѣло безъ души мертво и не можетъ ничего дѣлать, такъ безъ небесной души, безъ Духа Божія, и душа мертва для царствія, и безъ Духа святаго не можетъ дѣлать того, что Божіе»²⁾. Обратимъ вниманіе, что изъ даровъ Духа святаго на первомъ мѣстѣ стоитъ—духъ страха Божія. И се—исходная точка, се—начало спасенія, се—рѣшительный поворотъ отъ мрака грѣховнаго къ свѣту заповѣдей Христовыхъ. Страхъ Божій недаромъ называется *началомъ премудрости*. Посему и св. Церковь, во святой псалтири, призываетъ: *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ*. И сей страхъ—великій даръ Господень, отъ коего проистекаютъ и прочіе дары святаго Духа, ими же просвѣщаемы и освѣщаемы добръ текутъ тѣ, кто не по имени только христіане. Сего да сподобимся и мы молитвами святыхъ благодатныхъ молитвенниковъ—Даміана, Іереміи и Матѳея, къ нимже, устами св. Церкви, изъ глубины души воззовемъ: *Христовыхъ повелѣній свѣтомъ сердца свои просвѣтивши, страстный мракъ прогнасте: тѣмъ же Троицы селеніе бысте, тричисленній отцы, Даміане, Іереміе съ Матѳеемъ, отъ неяже благодать приѣмши, недужныя исцѣлявши, будущая возвыщавши, и ангеломъ сопричастницы суще, молитесь Христу Богу даровати намъ причастіе святыхъ*³⁾.

¹⁾ Платопъ, архіеп. Костромской. Сокращенное изложеніе вѣры. Москва, 1879, стр. 122.

²⁾ Добротолубіе, изд. 1883, т. I-й, стр. 202.

³⁾ Тропарь преподобнымъ Даміану, Іереміи и Матѳею.

«Благая часть».

(Къ 14-му октября — дню памяти преподобнаго отца нашего Николая Святоши, князя Черниговскаго).

Не въ многихъ словахъ изображено будетъ нами житіе воспоминаемаго нынѣ преподобнаго Николая Святоши, князя Черниговскаго, и не въ подробностяхъ тутъ главное дѣло. Главная цѣль наша — остановиться вниманіемъ на томъ крутомъ поворотѣ жизненнаго пути сего блаженнаго мужа, когда онъ, подобно древнему Индійскому царевичу Іоасафу, оставилъ славу и богатство, честь и власть княженія своего земного, мимотекущаго, царствія ради небеснаго, вѣчнаго, и, придя въ Печерскій монастырь, облекся во святой иноческій образъ и просіялъ свѣтлостью житія своего настолькоъ, что просвѣтился свѣтъ его добрыхъ дѣлъ предъ человеки, и прославили тѣ Отца нашего небеснаго. Преподобный правильно разсудилъ, что только на небеси — царствіе не мимоходящее, но вѣчно пребывающее, исполненное неизреченныхъ вѣчныхъ благъ, яже уготовалъ Богъ любящимъ Его. Посему, вся красная міра сего въ уметы вмѣнивъ, предалъ себя во всецѣлое послушаніе иноческое. Это было въ 1107 году. Сей истинный послушникъ съ крайнимъ смиреніемъ трудился на братской поварнѣ: рубилъ дрова, часто носилъ воду съ крутого берега на своихъ плечахъ и вообще все необходимое при варкѣ пищи нелѣзностно исполнялъ. Когда же братья его, Изяславъ и Владиміръ, желали, чтобы онъ былъ устраненъ отъ такого унижительнаго, по ихъ мнѣнію, дѣла, то преподобный со слезами просилъ оставить его еще на братію поработать и такимъ образомъ, со всякимъ прилежаніемъ и благоговѣніемъ, потрудился на поварнѣ три года. Затѣмъ, какъ уже испытанный, представленъ былъ блюсти врата монастырскія и въ этой должности пробылъ также три года, никуда не отходя, кромѣ церкви. Послѣ же сего со всякимъ усердіемъ слу-

жилъ на братской трапезѣ. И наконецъ, какъ благочинно прошедшій степени иноческаго послушанія, по настоянію игумена и всей братіи, водворился въ келліи, чтобы въ тишинѣ своему спасенію внимать. Онъ и тутъ не остался празденъ, — своими руками развелъ около своей келліи садъ, и никогда никто его не видѣлъ безъ дѣла: всегда имѣлъ какое-нибудь рукодѣліе, а на устахъ молитву Іисусову—Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! Проводя жизнь строгаго постника, вкушая только монастырскую пищу, преподобный все, что случалось ему, какъ бывшему князю, получать отъ своихъ родныхъ, — все раздавалъ бѣднымъ и на церковное строеніе. Неисходно пребывая въ монастырѣ и совершенно святое, соотвѣтственное имени, житіе стяжавъ, послѣ многолѣтнихъ подвиговъ, сей блаженный князь Николай Святоша въ 1143 году 14 октября позванъ былъ на вѣчный покой—преставился отъ сего временнаго житія въ животъ вѣчный, ко всѣхъ святыхъ святѣйшему Князю смиренія, Іисусу, Ему же нелѣпно послужилъ, подражая евангельской Маріи, о которой Самъ Господь нашъ изрекъ: *Марія же благуя часть избра.* Какая же это благая часть? Та самая, о которой Спаситель говорилъ богатому юношѣ: *аще хочещи совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене.* Юноша не послушался,—отгиде, скорбя: черезчуръ сильны въ немъ были мірскія привязанности. Марія же, предоставивъ земное дѣланіе многопопечительной Марѣѣ, внимала словамъ божественнаго Учителя, *сѣдши при ногу Іисусову*, — «единое на потребу» ставя выше всего мірскаго. И *сіе*—обязательно для всѣхъ. Степени же, конечно, *различны*. Иныя, подобно св. Николаю Святошѣ, всю свою жизнь всецѣло посвящаютъ Христу, всякое житейское попеченіе отложивъ, отрѣшившись отъ міра; но не всѣмъ сіе дано: только *могий вмѣстити, да вмѣститъ*. Другіе же, и таковыхъ большинство, живутъ въ міру, но никто не долженъ забывать попеченія о «единомъ

на потребу», удѣляя этому наиважнѣйшему христіанскому дѣлу первое мѣсто. Блаженъ сподобившійся на землѣ житія иноческаго, равноангельнаго! Но да не смущается и твое сердце, добрый мірянинъ! Вспомни, что нѣкогда нѣкоторые мірскіе люди спрашивали преподобнаго Іоанна Лѣствичника, говоря: «какъ мы, живя съ женами и оплетаясь мірскими попеченіями, можемъ подражать житію монашескому?» Преподобный отвѣчалъ имъ: «все доброе, что только можете дѣлать, дѣлайте: никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни передъ кѣмъ не возноситесь, ни къ кому не имѣйте ненависти, не оставляйте церковныхъ собраній, къ нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части и сохраняйте вѣрность женамъ вашимъ. — Если такъ будете поступать, то недалеко будете отъ царствія небснаго»¹⁾. Это и есть то, что сказано богатому юношѣ и въ лицѣ его всѣмъ намъ: *аще хочещи внити въ животъ, соблюди заповѣди*. Если же ты, христіанинъ, жаждешь высшаго совершенства, оставь *все* и гради вслѣдъ за Господомъ. Избирай, что по духу твоему, по наклонностямъ твоимъ, болѣе для тебя подходяще, но помни, что тотъ и другой пути благословлены Господомъ, и что благую часть избираютъ не только отрѣшившіеся отъ міра, но и мірскіе люди, рѣшившіеся самоотверженно жить во Христвѣ, т.-е. постоянно имѣть предъ мысленными очами законъ Христовъ. Итакъ, *благая часть*—есть слѣдованіе за Христомъ, во всякомъ званіи и состояніи возможное, но о, какъ трудно отвергнуться себя, взять крестъ свой и итти за Господомъ - Крестоносцемъ! Се — узкій путь, но только вѣдъ симъ путемъ возможно внити въ царствіе небснае! Помощникъ намъ на семъ пути Самъ Подвигоположникъ Христовъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ Себѣ призывающій, — *приидите ко Мнѣ... и Азъ упокою вы*. И се воистину *благая часть*—откликнуться на

¹⁾ Лѣствица, слово 1-е.

зовъ Христовъ, слушаться сего гласа Божія. Сподоби же насъ, Господи, сей *части благой*, да я души наши въ жизни вѣчной *во блажихъ водворятся!* Преподобне отче Николае, не остави насъ молитвеннымъ твоимъ заступленіемъ! Взирая на скончаніе жительства твоего, потщимся подражать вѣрѣ твоей.

«Приснопамятный <писатель>—истинный сынъ отечества».

(Къ 27-му октября—дню памяти преподобнаго отца нашего Нестора, лѣтописца Печерскаго).

Воспоминаемый нынѣ блаженный отецъ нашъ Несторъ, имѣя всего 17 лѣтъ отъ роду, пришелъ въ Печерскій монастырь во времена преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія и, подражая житію святыхъ первоначальниковъ печерскихъ, подвизался во всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ — чистотѣ тѣлесной и душевной, вольной нищетѣ, глубокомъ смиреніи, безпрекословномъ послушаніи, вѣркомъ пощеніи, молитвѣ непрестанной, бдѣніи неусыпномъ. И такимъ образомъ въ цвѣтущей юности явилъ совершенныя добродѣтели, свойственныя созрѣвшимъ въ жизни духовной. Постриженіе же иноческое воспріялъ уже по отшествіи ко Господу великихъ основателей иноческаго житія въ Россіи,—отъ руки преподобнаго Стефана, игумена Печерскаго, и тогда же возведенъ былъ на степень діакона, послѣ чего усугубилъ свои подвиги. Какъ инокъ подвижнической чистой и святой жизни, участвовалъ въ обрѣтеніи св. мощей преподобнаго Θεодосія и въ перенесеніи ихъ изъ пещеры въ церковь. Но при всѣхъ духовныхъ занятіяхъ, подвигахъ и добродѣтеляхъ, преподобный находилъ еще время заниматься составленіемъ лѣтописныхъ сказаній о началѣ и первомъ строеніи Россійскаго государства и о насажденіи иноческаго житія въ Россіи, — и дѣлу этому посвящалъ всѣ свои досуги. И за сіи достохвальныя и многополезныя письменныя труды память его поистинѣ съ похвалами.

Трудами этими преподобный Несторъ показалъ, что и подъ мантиею иноческаю въ немъ не переставало биться сердце истинно-вѣрнаго сына Россіи, любящаго свою родину и радѣющаго о ея благѣ. Лѣтописными сказаніями своими преподобный *сотворилъ* великое дѣло для науки и, изображая дѣла минувшія, *научилъ* многому русскихъ людей, почему и великой награды отъ Господа достоинъ явился: *иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъся въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. 5, 19)! Итакъ, преподобный сочеталъ въ себѣ подвиги истинно иноческаго житія съ занятіями лѣтописными, съ служеніемъ родной наукѣ, что есть и служеніе родинѣ. Вотъ и намъ примѣръ—воздавать Божіе — Богови, а кесарево — кесареви, т.-е. стараться совмѣщать любовь ко Господу, служеніе Ему, съ любовью къ отечеству, — съ занятіями наукою и другими трудами на пользу, славу и честь родной земли. Всѣ истинные рабы Божіи, работая отъ всей души и отъ всего помышленія Господу, всегда являлись и являются истинными сынами отечества. Итакъ, инокъ ли кто, мірянинъ ли,—пѣдвизаясь о Господѣ, памятуй, что ты сынъ своего отечества, служить которому обязанъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Какъ все сіе совмѣстить, какъ расположить свою жизнь, какъ распределить свои занятія и труды, — все сіе укажется Самимъ Господомъ, къ Которому въ молитвѣ прилежно надлежитъ притекать, и Онъ Самъ, Всеблагій, или чрезъ богодуховенныхъ старцевъ и духовниковъ, и вообще духовно-опытныхъ рабовъ Божіихъ, или другими путями, научить насъ творить волю Свою. Памятуя сіе, потщимся бодренно итти указаннымъ намъ отъ Господа путемъ, причемъ никогда не забудемъ, что во всякомъ званіи, во всякомъ состояніи не только возможно, но и должно соединять любовь ко Господу—первую и бѣольшую заповѣдь съ другою, подобною ей,—любовью къ ближнему—къ отечеству. Да поможетъ намъ въ семъ *приснопамятный* «писатель» — истинный сынъ отечества, преподобный Несторъ!

«Благословенная простота».

(Къ 31-му октября—дню памяти преподобныхъ отецъ нашихъ Спиридона и Никодима, просфорниковъ Печерскихъ).

Не мудрость вѣка сего умудряетъ насъ во спасеніе и приближаетъ ко Господу, *но буая міра избра Богъ, да премудрѣя посрамитъ* (1 Кор. 1, 27). Блаженны, ихже избралъ Господь; блаженны «въ простотѣ и чистотѣ» «благодатією Божією живущіе въ мірѣ» (2 Кор. 1, 12); блаженны—ибо *Богъ узрятъ* не только въ блаженной вѣчности, но еще здѣсь на землѣ ощущаютъ его вездѣприсутствіе и духовными очами выву видятъ лице Отца нашего, иже на небесѣхъ. Такъ и воспоминаемый нынѣ блаженный Спиридонъ, по происхожденію сельскій житель, ненаученный премудрости книжной, невѣжда былъ словомъ, но не разумомъ духовнымъ и не дѣлами богоугодными. Имѣя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, который есть начало премудрости, сей блаженный мужъ уже не въ молодыхъ годахъ пришелъ въ Печерскій монастырь и началъ учиться чтенію книгъ. Псалтирь всю выучилъ наизусть и, трудясь во спасеніе души своей, ежедневно прочитывалъ богодуховенную эту книгу всю, отъ начала до конца. Какъ мужу смиренному и трудолюбивому, въ молитвѣ и постѣ всегда пребывающему, ему дано было богопріятное послушаніе—ввѣрено печеніе просфоръ. Блаженный Спиридонъ, усердно подвизаясь въ этомъ послушаніи, не измѣнилъ своего подвига духовнаго. Что бы ни приходилось ему дѣлать, — дрова ли рубить, или тѣсто мѣсить,—онъ непрестанно имѣлъ во устахъ своихъ псалмы Давида и обязательно ежедневно продолжалъ прочитывать всю псалтирь. Однажды загорѣлась крыша помѣщенія, гдѣ производилось печеніе просфоръ. Тогда блаженный, взявъ мантию свою, закрылъ ею устье печи, изъ которой выходилъ пламень, и затѣмъ бросился къ колодцу за водой,

которую привнесъ въ власяницѣ, завязавъ ея рукава. И при помощи этой воды огонь былъ потушенъ, причеиъ мантия не сгорѣла, и ничего изъ власяницы не пролилось. Споспѣшникомъ въ семь дѣлъ блаженному былъ вѣвій братъ, именемъ Никодимъ, во всемъ съ нимъ единомысленный и единоправный, — въ молитвѣ и дѣлѣ ручномъ. Оба добръ и богоугодно послужили дѣлу печенія просфоръ въ теченіе тридцати лѣтъ, чисто и непорочно совершая свое дѣло. За то, по христіанской кончинѣ, и насыщаются нынѣ славы Божіей, ихже святыми молитвами да насытимся достойно и мы—благодати и славы Іисуса Христа. Что же нужно для стяжанія сей благодати? Разные для сего пути, но основа для всѣхъ одна—чистое и непорочное житіе въ страхъ Божіемъ. Мы видѣли, какъ благословенная простота, въ соединеніи съ твердою и искреннею вѣрою, содѣлала изъ блаженныхъ Спиридона и Никодима «сосуды благодати Божіей». И *всѣхъ сихъ* сподобились блаженные за свое немудрое дѣланіе, которое они творили во славу Божію, смиренно работая Господу во вся дни живота своего, довольствуясь при этомъ скромной долей и уподобляясь въ вѣрѣ своей дѣтямъ, о чемъ Спаситель изрекъ: *аще не обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Мѣ. 18, 3). Имѣемъ къ сему много примѣровъ, начиная со святыхъ апостоловъ, изъ неученыхъ простецовъ содѣлавшихся великими учителями вселенной. Такъ, не знанія, не мудрость земная, не общественное положеніе, не родъ занятій—дѣлають насъ праведными предъ Господомъ, а ниспосылается намъ сія божественная благодать, сія мудрость небесная за смиренное, отъ сердца, дѣланіе своего дѣла, съ твердымъ въ молитвѣ на Бога упованіемъ. «Работающіе Господу», говоритъ святитель Теофанъ Вышенскій, «внѣшно невидны, нерѣдко презираемы и гонимы, но внутренно всегда зрѣють въ совершенствахъ духовныхъ, которыя въ другомъ мірѣ возсіяють въ нихъ, какъ солнце, и дадутъ имъ соотвѣтственное себя мѣсто и блаженство. Работающіе міру

внѣшно видимы, блестящи, нерѣдко всевластны,—но внутренно снѣдаются тугою, муками сердца и жгучими заботами. Ни минуты не имѣя покоя здѣсь, переходятъ они и туда на безотрадное вѣчное мученіе, котораго описать нельзя.—Такова судьба здѣсь и участь тамъ—живущихъ по духу Христову и по духу міра!> ¹⁾). Избирай же, христианинъ, что благопотребнѣе, — слава ли небесная, вѣчная, или слава земная, скоропреходящая. И если хочешь достигнуть первой, — вселиться въ обители, которыя уготованы въ дому Отца небеснаго, то смирись и възгрѣй въ себѣ, въ простотѣ сердца, дѣтскую вѣру, и сія *благословенная простота* приведетъ тебя туда, идѣже всѣ святіи упокоиваются. Споспѣшниками въ семъ да будутъ тебѣ блаженные простецы, преподобные Спиридонъ и Никодимъ.

А. З.

¹⁾ Преосв. Теофанъ. Слова къ Владимірской паствѣ, изд. 1869 г., стр. 199.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Сонъ въ болѣзни — благой признакъ выздоровленія. *«Аще успе, оживетъ»*... Такъ и въ болѣзни грѣховной требуется для насъ своего рода сонъ—смерть, чтобы оживить насъ и восстановить нашу растлѣнную, истомленную болѣзнями грѣха жизнь и природу.

* * *

«Оставь мертвымъ погребсти своихъ мертвецовъ!» Здѣсь мертвыми Господь назвалъ еще живыхъ, которые были, однако, живы лишь *повидимому*, тѣлесно, а душою—уже мертвы, безжизненны. Такихъ мертвецовъ доселѣ множество среди живыхъ. Много чудесъ и воскресенія такихъ—зидительною силою благодати Божіей, чрезъ покаяніе и подвиги благочестія.

* * *

Помилуй меня, Господи, помилуй меня! такъ долженъ звать ты, какъ человекъ, надъ которымъ занесенъ смертельный ударъ. О, да, моли громче о пощаду. Моли со слезами, рыданіями. Хватай правосудную десницу, чтобы покрыть ее жалость возбуждающими поцѣлуями, чтобы она пощадила тебя, ибо до послѣдняго момента ждетъ она твоего исправленія, раскаянія и умиленія.

* * *

Даже забота о благолѣпіи храма Божія, какъ забота о *временномъ*—должна стоять ниже другихъ—прямыхъ, высшихъ внутреннихъ заботъ о душѣ и небесномъ. Все временное, земное потеряетъ нѣкогда для насъ свое значеніе, душа освободится отъ всѣхъ земныхъ заботъ. И горе будетъ ей, если это освобожденіе явится и ея опустѣніемъ, если за исключеніемъ земныхъ заботъ не останется въ ней заботъ о ней самой, высшихъ интересовъ и заботъ о ея собственной жизни.

* * *

Изъ одного и того же вещества сколь различныя могутъ быть сдѣланы вещи: изъ глины—и сосудъ для благоуханія и сосудъ для низкаго употребленія; изъ золота—и дѣйствительно полезная цѣнная вещь, и какая-нибудь пустячная бездѣлушка, которая лишь будетъ служить на пагубу, оболъщеніе и соблазнъ. Такъ и изъ души, которая можетъ быть и золотомъ, и глиною по способностямъ и направленію жизни, образовать можно и сосудъ въ честь, и сосудъ не въ честь.

* * *

Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ. Здоровый духъ—это высшее нѣчто, чѣмъ простая жизнерадостность. Это есть гармонія всѣхъ его свойствъ и способностей, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимають: способность познавать Бога, любить Его, совершенствоваться до уподобленія Ему, однимъ словомъ—вѣра и благочестіе—вотъ основныя условія и существенные признаки здороваго духа.

* * *

Жизнь—война. Врагъ нашъ—діаволь. Воюетъ онъ съ нами, не покладая рукъ, иногда не самъ, а или чрезъ ближнихъ нашихъ, или чрезъ насъ самихъ, или, наконецъ,—чрезъ всевозможныя затрудненія жизни, испытанія, искушенія и страданія. Будь въ этой войнѣ, какъ и въ

обыкновенной, весь всегда на сторожѣ, во всеоружіи воинскихъ доспѣховъ—поста, молитвы, цѣломудрія, разсудительности и т. п.

* * *

Какая величественная, могущественная депутація предстоитъ Господу и ходатайствуетъ за насъ въ молитвѣ: *«молитвенники Тебѣ приношу вся святыя...»* во главѣ съ Честнѣйшею всѣхъ созданий Матерію Божіею, Которой—въ чемъ можетъ отказать Сынъ, если Она попроситъ? О, поспѣшимъ и мы умолить Ее о всемъ, въ чемъ Она намъ не откажетъ никогда—о прощеніи нашихъ грѣховъ и о примиреніи съ Небеснымъ Судіею.

* * *

«Не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыя Царствіе Божіе...» Итакъ, для чего же еще заботы о дѣтяхъ? То Царство небесное, котораго такъ жаждутъ всѣ, которое составляетъ цѣль всѣхъ нашихъ лучшихъ желаній, для котораго люди полагаютъ столько трудовъ, подвиговъ, терпѣнія,—дано дѣтямъ бѣзъ всякихъ усилій съ ихъ стороны. Для чего же еще заботы объ ихъ воспитаніи, образованіи? Величайшая задача образованія, грамотности, обученія, воспитанія—та, что они даютъ дѣтямъ возможность сохранить право на Царство небесное. Грамотность, просвѣщая умъ, углубляетъ сердце, укрѣпляетъ волю, и грамотный становится лучше, способенѣе постигнуть душою блага Царства небеснаго.

* * *

Каждое утро, подобно Давиду, избивай *вся грѣшныя твоей земли (души)—помыслы*, да истребишь отъ сего града Господня *вся дѣлающія беззаконія*,—все тебя смущающее, сквернящее, развращающее, растлѣвающее, подводящее подъ великую отвѣтственность предъ Царемъ небеснымъ, Который далъ тебѣ въ охраненіе и управленіе величайшій Свой градъ и обитель—душу твою.

* * *

«Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона...» Ублажи.. сдѣлай блаженнымъ, счастливымъ отъ Твоего благоволенія, въ чувствѣ его, въ ощущеніи его сладости. Сіонъ этотъ—исстинно есть наша душа. Ублажи же, Господи, нашъ Сіонъ благоволеніемъ Твоимъ, осчастливь наши души чувствомъ сладкой увѣренности, что Ты не отступилъ отъ Твоего Сіона благоволеніемъ и милостію Твоею, что мы дороги Тебѣ такъ же точно, какъ былъ дорогъ древній Сіонъ, пока онъ шелъ по стопамъ заповѣдей Твоихъ, зналъ, какъ своего Царя, только Тебя и не ходилъ въ слѣдъ боговъ иныхъ...

* * *

«Имъ не знаете себе, яко Иисусъ Христосъ въ васъ есть»... (2 Кор. 13, 5). Дерзающіе на грѣхъ, на безчестіе, на всякое постыдное слово, чувство или дѣло! Ужели вы не знаете? Какъ не подумаете, не устрашитесь, не устыдитесь? Иисусъ Христосъ въ васъ, а вы склоняетесь на Его изгнаніе! Онъ въ васъ, а вы Его гоните! Онъ вопрошаетъ васъ, кого вамъ нужно — Его или Варавву, а вы съ распинателями кричите: не Его, а Варавву разбойника. Онъ ждетъ, что хоть обѣщавшіеся быть вѣрными Ему не предадутъ Его, а вы вновь повторяете Іуду, Петра и другихъ, отрекшихся отъ Него. О, они не вѣдали еще какъ слѣдуетъ, что творили, а вы—вы вѣдь знаете, Кого распинаете, Кого предаете!

* * *

«Разрѣшиися клятва, и печаль преста... (Богор. Окт. Понед. гл. 5, кан. 2 п. 1). Гдѣ нѣтъ проклятія, тамъ нѣтъ и печали. Печаль тамъ, гдѣ проклятіе. Гдѣ грѣхъ, тамъ и печали, ибо грѣхъ—проклятіе. Печаль тамъ, гдѣ грѣхи, гдѣ отступленіе отъ Бога, источника вѣчной неизъяснимой радости и блаженства. У человѣка была нѣкогда особая, неисцѣльная, неутолимая, безпредѣльная печаль отъ

особой неисцѣльной неутолимо-безпредѣльной грѣховности и проклятости предъ чистѣйшимъ Существомъ—Богомъ. Эта печаль, вмѣстѣ съ такою грѣховностію и проклятостію, сняты съ насъ Владычицею міра—послуженіемъ Ея воплощенію Сына Божія, Господа Иисуса Христа, Спасителя міра. Слава Тебѣ, дивная Спасительница наша!

* * *

Кто окончательно сразилъ Петра въ его вѣрности Христу? *«едина отъ рабынь архіереовыхъ (Марк. 14, 66).»* О, какъ мы слабы и жалки въ своемъ упованіи на свои силы!

* * *

Какъ многіе изъ насъ напоминаютъ и повторяютъ своею жизнію и поступками евангельскаго лицемѣра, только *думающаго* о себѣ, что онъ любитъ Бога, а дѣлами своими показывающаго совсѣмъ другое: *«отъиде скорбя...»* Не въ этомъ ли разладѣ жизни и вѣры, слова и дѣла, убѣжденій и практики весь трагизмъ современной жизни, все ея несчастіе и проклятіе? Не въ этомъ ли и главная бѣда и причина страданій Церкви Христовой за послѣднее время? Не потому ли она стала ненавистною столь многимъ, что люди, считающіе и называющіе себя принадлежащими къ ней, живутъ хуже язычниковъ, между тѣмъ какъ истинная христіанская жизнь должна бы, наоборотъ, всѣхъ влечь въ Церковь. Посему и то, что разочарованные жизнію современныхъ недостойныхъ христіанъ обращаютъ свою ненависть на саму Церковь, какъ будто это она учитъ людей нечестію и порокамъ.

* * *

Искренно прости обидчикамъ: они—истинно твои благодѣтели, уготовляющіе тебѣ небесный вѣнецъ неповиннаго мученичества. Посему и сказано: *«благословите кленущія вы, благословите, а не клените».*

* * *

Что невозможно вѣрѣ Твоей, Господи? *«Вся возможна вѣрующему.»* О, если бы вооружиться этимъ крѣпкимъ, побѣдоноснымъ, неодолимымъ оружіемъ на все, борющееся насъ и удаляющее отъ источника всякаго довольства и блаженства—Господа!

* * *

Какъ любящей матери—и одинъ день тяжело не повидать и не поласкать дѣтей, и какъ этимъ дѣтямъ—и одинъ день тяжело бываетъ не повидать и не принять ласки отъ любимой матери, такъ вѣрующіе чада Церкви ежедневно призываются слышать въ храмѣ Божіемъ пѣснопѣнія и хвалы Божіей Матери. Въ этихъ пѣснопѣніяхъ Божія Матерь ласкаетъ насъ, Своихъ благодатныхъ дѣтей, столько же, сколько мы ласкаемъ Ее, нашу благодатную Мать.

А. I.

У ТРОИЦЫ-СЕРГІЯ НА ПРАЗДНИКЪ ¹⁾.

(Къ 25-му сентября).

Вскорѣ изъ-за плакучихъ березъ показалась Виѳанія. Первымъ долгомъ на пути попадаетъ Виѳанская духовная семинарія. А отъ семинаріи до монастыря уже нѣсколько шаговъ.

Входимъ въ монастырскій храмъ. Здѣсь поражаетъ и вмѣстѣ удивляетъ то, что на мѣстѣ алтаря возвышается величественная гора. Цѣлые утесы, украшенные темно-зеленымъ мхомъ, различныя тропическія растенія распустили широкіе листья, птички и звѣрки находятъ себѣ пріютъ въ растеніяхъ на горѣ! Чудная гора! На высочайшей скалѣ въ центрѣ горы стоитъ преобразившійся Христосъ, а ниже — Его апостолы, отъ страха повергшіеся на землю. Безъ объясненій можно догадаться, что это гора Өаворъ. Наверху помѣщается алтарь съ престоломъ въ честь и славу Преображенія Господня.

По лѣстницѣ поднимаемся на Өаворъ. Кругомъ возлѣ стѣнъ церковныхъ устроены хоры. Если смотрѣть съ хоръ внизъ, то получается полная иллюзія, что вы находитесь на горѣ, гдѣ-то высоко, въ обществѣ небожителей, потому что хоры подходятъ подъ самый сводъ, а на сводѣ написана картина всѣхъ святыхъ.

Здѣсь же, на хорахъ, есть нѣсколько замѣчательныхъ иконъ. Господь вседержитель, Іоаннъ Предтеча и Димитрій Ростовскій. Всѣ вырѣзаны изъ слоновой кости: работа

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Душен. Чтенія* за 1910 г.

поразительно тонкая. Небольшая икона «Поклоненіе волхвовъ»—даръ императора Павла Петровича—рельефно вырѣзана на слоновой кости,—работы, достойной царя. Еще иконка Маріи Магдалины, написанная на камнѣ — даръ Маріи Θεодоровны, супруги Павла Петровича — замѣчательная живопись!

Спускаемся внизъ ко гробу преподобнаго Сергія. На лѣвой сторонѣ храма, около передней стѣны стоитъ гробъ великаго Сергія. Гробъ—дубовая колода, обдѣланная въ металлическую раку. Въ одномъ боку раки сдѣлано отверстие, закрываемое маленькою дверцей, которую открываютъ, и богомольцы, склонясь на колѣна, прикладываются къ иконѣ Преподобнаго, лежащей въ самомъ гробѣ.

Внутренность колоды темнаго цвѣта, но сохранилась совершенно въ цѣлости, несмотря на то, что пролежала въ землѣ тридцать лѣтъ.

Шагахъ въ 3—4 отъ гроба аввы Сергія находится другая достопримѣчательность—могила Платона, митрополита Московскаго. Подъ самой горою «Ѡаворомъ» въ темномъ и маленькомъ помѣщеніи, подъ низкими сводами лежитъ великій витія славныхъ временъ Екатерины Великой. Мѣдное надгробіе, покрытое парчевою пеленою, на надгробіи крестъ, символъ надежды христіанъ и въ загробномъ мірѣ; у головы святителя — подсвѣчникъ, на которомъ въ изобиліи горятъ жертвы посвятителей, надъ самымъ надгробіемъ картина — митр. Платонъ во гробѣ; нѣсколько иконъ и крестъ съ рѣзнымъ распятіемъ, бывшіе келейными иконами святителя; по стѣнамъ въ футлярахъ—облаченія и богослужебныя принадлежности владыки Платона: саккосъ, омофоръ, архіерейская мантия, дикирии и трикирии и т. п.,—вотъ мѣсто вѣчнаго упокоенія владыки.

Поклонившись гробу владыки Платона, проходимъ въ придѣлъ праведнаго Лазаря. Церковка небольшая,—напоминаетъ пещеру. Вѣроятно, придѣлъ и устроенъ въ воспоминаніе того, что праведный Лазарь четверодневный былъ погребенъ въ Виваніи, въ пещерѣ.

Изъ придѣла праведнаго Лазаря опять выходимъ въ центральную часть храма. Здѣсь въ мѣдномъ ковчегѣ хранятся многіе части святыхъ мощей и между прочимъ св. апостоловъ Петра и Павла. Полюбовавшись еще на чудную гору, мы пошли осмотрѣть покои митрополита Платона,—они находятся въ сосѣдствѣ съ другимъ соборомъ.

Около самаго зданія покоевъ сооруженъ обелискъ въ память посѣщенія сей обители императоромъ Павломъ Петровичемъ. Тутъ же на стѣнѣ виситъ картина: видъ Визанскаго монастыря, а на фонѣ картины озаренная свѣтлымъ ореоломъ латинская буква *P*. На самомъ краю крыши зданія укрѣпленъ щитъ голубого цвѣта съ золотыми инициалами митрополита Платона и съ атрибутами его духовнаго сана: посохомъ, дигиріями и трикиріями.

Когда мы взшли на лѣстницу, на площадкѣ уже стояло нѣсколько человѣкъ, желающихъ осмотрѣть жилище Платона. Ожидать намъ пришлось недолго. Дверь отворилась, и изъ покоевъ вышло нѣсколько человѣкъ посѣтителей. На приглашеніе монаха мы взшли въ помѣщеніе.

Покои состоятъ изъ трехъ довольно свѣтлыхъ комнатъ; стѣны оклеены простыми обоями, потолокъ отбѣленъ по штукатуркѣ.

Монахъ объяснилъ намъ всѣ болѣе важные предметы. Вотъ перечень ихъ, на сколько моя память сохранила.

При входѣ въ покои, налѣво за стеклянную дверь находится крестовая церковь митрополита. Она устроена на подобіе ветхозавѣтной скиини: иконостаса нѣтъ, а вмѣсто него укрѣплена на солеѣ вызолоченная рѣшетка, вышиною не больше аршина. Отъ самаго потолка и до полу спущенъ занавѣсъ, шириною во весь алтарь; онъ-то и служить загражденіемъ вмѣсто иконостаса. Храмовой праздникъ здѣсь бываетъ 16 августа.

На стѣнахъ покоевъ развѣшано много портретовъ— Павла Петровича, Екатерины Великой, Петра Великаго, митрополита Платона и множества другихъ извѣстныхъ

дѣятелей. Нѣсколько картинъ заграничныхъ и русскихъ художниковъ. Замѣчательныя изъ нихъ: блаженный Іеронимъ очиниваетъ перо, апостоль Петръ, Мадонна съ младенцемъ, утро Воскресенія Христова, митроп. Платонъ среди учениковъ пѣвчихъ, между которыми одинъ турокъ, взятый въ плѣнъ (русская). Между картинами есть нѣсколько хорошихъ картинъ китайской работы. Есть статуя китайскаго бога Будды, сдѣланная изъ слоновой кости. Спальная кровать, кушетка, кресло и нѣсколько ветхихъ занавѣсей—все китайской работы.

Замѣчательной работы кѣтъ съ иконою Воскресенія Христова — даръ французскаго короля Людовика XIII-го; черепаховый столъ, обдѣланный перламутромъ — даръ князя Потемкина; много чайной посуды, подаренной во время юбилеевъ и именинъ Платона. На стѣнахъ висятъ нѣсколько рескриптовъ и грамотъ отъ Высочайшихъ особъ, данныхъ на имя владыки. Въ углахъ главнаго зала подъ самымъ потолкомъ укрѣплены черныя орлы, въ память того, что здѣсь императоръ Павелъ Петровичъ изволилъ вкушать трапезу.

Когда мы кончили обзоръ достопримѣчательностей въ Виеннѣ и вышли изъ монастыря, былъ уже въ исходѣ восьмой часъ вечера; такъ какъ мы, въ продолженіи цѣлаго дня ходя по монастырю, порядкомъ устали, то отъ Виеннѣ на вокзалъ наняли извозчика.

Вскорѣ Виенна скрылась отъ насъ за лѣсъ. По правую сторону дороги видѣлись засѣянные поля. Тихій вѣтерокъ волновалъ спѣющую рожь; заходящее солнышко золотило ее. Вдали лазурное небо сливалось съ темносиной каймой лѣса.

Съ лѣвой стороны дороги стояли плакучія гиганты-березы, опустивши свои длинныя, нѣжныя вѣтви; онѣ какъ бы что-то думали или припоминали про своего хозяина Платона, котораго они часто видѣли у себя подъ тѣнью. Вдали, подъ горою, серебристый прудъ отражалъ послѣдніе лучи солнца. Впереди насъ, поверхъ лѣса, вид-

нѣлась, словно золотая звѣздочка, глава Черниговской колокольни, и оттуда разливался по всему лѣсу звонъ къ полунощницѣ.

Вскорѣ мы очутились опять около Лавры. Проѣзжая мимо нея, отдали ей послѣдній привѣтъ — перекрестились и на вечернемъ поѣздѣ уѣхали въ Москву, переживая на пути всѣ впечатлѣнія столь пріятной поѣздки.

Степанъ Опаринъ.

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

Мирится ли эта теорія съ христіанскою вѣрой въ Бога? Въ томъ видѣ, какъ она понимается большинствомъ, она, безъ сомнѣнія, мирится; потому что въ принципѣ она усваиваетъ духу свои особенныя свойства и свои особенныя законы, такъ что нѣкоторые изъ ея представителей, какъ Лейбницъ и Фехнеръ, находили возможнымъ—выводить изъ нея даже безсмертіе души. Но съ усвоеніемъ духу особенныхъ свойствъ въ принципѣ неразлучно признаніе бытія Бога, Который есть духъ. Изъ фактическаго согласія между тѣломъ и душою Лейбницъ выводитъ заключеніе о необходимости бытія Бога, Который предъуставилъ эту гармонію; потому что это согласіе необъяснимо при помощи физическаго вліянія. Отношеніе Бога къ обоямъ рядамъ явленій можно представлять себѣ различно: или Онъ является Творцомъ обоихъ параллельныхъ рядовъ явленій,—такъ Лейбницъ сравниваетъ Его съ мастеромъ, устроившимъ двое часовъ, обладающихъ до такой степени вѣрнымъ ходомъ, что они всегда идутъ совершенно равномерно; или Богъ мыслится, какъ у Спинозы, въ видѣ имманентной причины всѣхъ вещей, такъ что оба ряда явленій находятся въ Богѣ, Который—все во всемъ; или же наконецъ предполагаютъ, что Богъ есть вѣчный Коррелятъ этого занимающаго громадное пространство міра, который, какъ всеобщее сознаніе, заключаетъ въ себѣ всякое индивидуальное сознаніе. Всѣ

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душп. Чт.* 1910 г.

эти мнѣнія считались удобопримиримыми съ вѣрой въ Бога, подобно тому, какъ и Вундтъ считалъ возможнымъ согласованіе своего философскаго міровоззрѣнія съ религиознымъ, причемъ прежде всего онъ имѣеть въ виду христіанство. — Но нельзя отрицать того, что этотъ Богъ имѣеть другія свойства, чѣмъ Богъ и Отецъ Иисуса Христа. Вся эта теорія скорѣе приводитъ къ пантеизму, чѣмъ къ личному Богу: для Спинозы Богъ тождественъ съ субстанціей. Воззрѣніе Лейбница заключаетъ въ себѣ больше точекъ соприкосновенія съ представленіемъ объ истинно личномъ Богѣ, какъ и самъ Лейбницъ былъ благочестивымъ христіаниномъ. Но нельзя отрицать того, что даже и его теорія находится въ разногласіи съ вѣрой въ дѣйствительно личное отношеніе между Богомъ и человѣкомъ, какъ и личное вліяніе Бога на ходъ міровой жизни, по видимому, исключается его ученіемъ о «предустановленной гармоніи» между представленіями и движеніями, между тѣломъ и душой. Резюмирую сказанное: если матеріализмъ принципиально непримиримъ съ христіанской вѣрой, то этого нельзя сказать о психофизическомъ параллелизмѣ, хотя нельзя отрицать и того, что примиреніе этихъ двухъ воззрѣній соединено съ затрудненіями.

Но психофизическій параллелизмъ въ послѣднее именно время подвергается все болѣе и болѣе сильнымъ нападеніямъ психологовъ и естествоиспытателей и притомъ по научнымъ основаніямъ—въ особенности со стороны профессора Л. Буссе. Взамѣнъ его, по видимому, болѣе и болѣе выдвигается ученіе о психофизическомъ взаимодействіи. Сколько я могу судить объ этомъ, выставлемыя противъ параллелизма возраженія неопровержимы. Впрочемъ вы сами потрудитесь взвѣсить главныя возраженія противъ него.

Прежде всего это ученіе въ значительной мѣрѣ противорѣчитъ тому, что мы узнаемъ изъ непосредственнаго *внутренняго* опыта. По опыту мы знаемъ, что находится отношеніе правильной зависимости между психическими и

физическими процессами. «Рука сгибается, потому что я хочу этого». Параллелизм считает это заблуждением; тут имѣетъ мѣсто не отношеніе между причиной и слѣдствиемъ, но отношеніе смежности. «Рука сгибается *не потому что я хочу, но когда я хочу*». — Противъ этого возстаетъ непосредственное сознание и заявляетъ: это совершенно невѣрно! Впрочемъ и ни одинъ параллелистъ не въ состояніи быть неизмѣнно вѣрнымъ своей собственной теоріи, потому что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи удержаться отъ употребленія выражений, умѣстныхъ только въ томъ случаѣ, если бы существовало взаимодействие. Это неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ неестественно и искусственно все это ихъ построение. — Это впечатлѣніе становится еще сильнѣе подъ вліяніемъ слѣдующаго наблюденія: та причинность, которую оспариваетъ параллелизмъ, служитъ образцомъ всякой причинности. Во внѣшнемъ мірѣ мы замѣчаемъ только послѣдовательность состояній. Только въ нашемъ собственномъ сознаніи мы составляемъ понятіе о дѣйствительной причинности: здѣсь одно состояніе *слѣдуетъ* за другимъ, потому что одно *производитъ* другое. Почти всѣ мыслители согласны между собою относительно того, что понятіе причинности всецѣло произошло только вслѣдствіе перенесенія внутренней причинности на внѣшній міръ. И вотъ теперь изъ-за принципа причинности параллелизмомъ оспаривается *та самая причинность*, которая служитъ образцомъ всякой причинности!

Параллелизмъ находится въ противорѣчій какъ съ внутреннимъ опытомъ, такъ и съ опытомъ *внѣшнимъ*. Чтобы не впасть въ матеріализмъ, онъ вынужденъ былъ допустить чудовищное предположеніе, что все, даже неорганический міръ, обладаетъ душой! Противъ этого протестуетъ обычное пониманіе дѣйствительности и въ особенности взглядъ нашихъ естествоиспытателей. Оствальдъ и Дюбуа Реймонъ согласны въ томъ, что *entia non sunt creanda sine necessitate*. «Для чего предполагать сознаніе тамъ,

гдѣ достаточно одной механики? Явленія неорганическаго міра вполнѣ удовлетворительно могутъ быть объяснены при помощи обыкновенныхъ понятій объ энергіи — для чего же приписывать имъ душу? По опыту мы знаемъ, что существуетъ противоположность между камнемъ и человѣкомъ; параллелизмъ не можетъ оцѣнить какъ сѣдуетъ этого факта, потому что онъ не въ состояніи указать никакого принципиальнаго различія между душою камня и душою человѣка. Такимъ образомъ и здѣсь непосредственный опытъ говоритъ противъ этой теоріи!

Параллелизмъ какъ вынужденъ былъ допустить существованіе души во всѣхъ чисто физическихъ предметахъ, такъ и наоборотъ онъ долженъ былъ указать для всего психическаго соотвѣтствующія физическія параллели. Но это не удается ему; потому что 1) въ дѣйствительности мы находимъ, что душевные процессы вовсе не такъ тѣсно связаны съ процессами мозговыми, какъ это утверждаютъ. Въ особенности любятъ указывать на «локализацию» душевныхъ процессовъ въ частяхъ мозга. Но значеніе этого факта, какъ доказательства въ пользу параллелизма, совершенно уничтожается другимъ фактомъ: различныя части мозга очень часто фунціонируютъ однѣ вмѣсто другихъ; при ослабленіи послѣдствій шока ¹⁾ отправления, совершавшіяся въ поврежденной части мозга, душа переноситъ въ другую его часть. Гдѣ же здѣсь параллелизмъ? Далѣе точнѣйшія изслѣдованія все болѣе приводятъ къ выводу, что умственное значеніе людей вовсе не зависитъ отъ величины и даже строенія мозга. Обыкновенные люди нерѣдко имѣютъ необыкновенно развитой мозгъ, а у гениальныхъ людей мозгъ бываетъ среднихъ размѣровъ. И

¹⁾ *Шокъ*—технической терминъ англійскаго происхожденія, означаетъ состояніе общей подавленности нервныхъ функцій, дыханія, сердцебіенія, развивающіяся острымъ образомъ въ зависимости отъ сотрясенія тѣла, нерѣдко переходяція непосредственно въ смерть. Шокъ развивается послѣ сильныхъ ушибовъ весьма различныхъ частей тѣла, напр., послѣ удара осколкомъ бомбы или пушечнымъ ядромъ въ любое мѣсто. Энци. Слов. Брок. и Ефр., полутомъ 78, стр. 766. *Прим. перев.*

какъ часто мы видимъ, что умъ даже въ самой глубокой старости бываетъ способенъ къ совершенію весьма трудныхъ работъ, между тѣмъ какъ мозгъ вслѣдствіе старости уже подвергся перерожденію! Вспомнимъ здѣсь о Гёте или Бисмаркѣ, Момсенѣ или Менцелѣ. Ржавчинъ подвергается только инструментъ, но самый духъ не старѣетъ.—2) Если приведенные факты свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи между физическими и психическими явленіями; то другіе факты показываютъ, что на сторонѣ психическаго часто остается такая разность, въ сравненіи съ которой физическая параллель оказывается слишкомъ ничтожной. Я напоминаю здѣсь о телеграммѣ, приводимой Буссе для поясненія сказаннаго: вмѣсто «Фрицъ пріѣхалъ» (*angekommen*) родители получаютъ телеграмму: «Фрицъ погибъ» (*umgekommen*). Здѣсь измѣнены только двѣ буквы; получаемое отъ нихъ физическое раздраженіе почти одинаково, — но послѣдствія той и другой телеграммы могли быть различными до противоположности: больной отецъ отъ радости могъ выздороветь или вслѣдствіе испуга умереть отъ разрыва сердца! Это противоположное дѣйствіе телеграммы на тѣло объясняется не физической ничтожной перемѣной буквъ, но измѣненіемъ смысла, слѣдовательно духовнымъ. Особенно вспомнимъ здѣсь объ извѣстныхъ фактахъ внушенія и гипноза: прилѣпляютъ кому-нибудь къ рукѣ кусокъ липкой бумаги отъ почтовыхъ марокъ и дѣлаютъ ему внушеніе, что это — испанская мушка — и вотъ вздуваются на рукѣ пузыри. Къ другому прикасаются карандашомъ и внушаютъ ему, что это раскаленное желѣзо — и появляются большія раны какъ отъ обжога. Такіе факты ¹⁾ заставляютъ предполагать, что

¹⁾ О другихъ фактахъ того же рода см. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефр. 12-й полут. 1892 г., стр. 690 и 691, ст. *Внушеніе*; и Большая Энциклоп., т. 6-й, стр. 728, ст. *Гипнотизмъ*. Здѣсь между прочимъ говорится: „При помощи внушенія можно сдѣлать невидимыми лица и предметы,—вызвать слѣпоту одного или обоихъ глазъ, нечувствительность опредѣленнаго участка кожи, чувство голода, жажды, хорошее настроеніе, печаль, радость, рвоту“ и пр. *Прим. перс.*

существуетъ психофизическое взаимодействіе: не физическое средство, но психическое вліяніе произвело пузыри и раны какъ отъ обжога—чисто физическій результатъ.—

3) Если въ сейчасъ упомянутыхъ случаяхъ недостаетъ равнопѣнной параллели, такъ что психическій остатокъ не имѣетъ физическаго эквивалента, то для факта самосознанія вообще и совсѣмъ нѣтъ физическаго параллельнаго звена. Самосознаніе есть не сознаніе о чемъ-нибудь иномъ, но сознаніе о сознаніи. Съ этимъ фактомъ самосознанія защитники параллелизма очевидно не въ состояніи справиться. Признаютъ духовные процессы, но совсѣмъ отрицаютъ существованіе духа; признаютъ душевныя явленія, но не признаютъ души. Вслѣдствіе этого вмѣсто личной духовной жизни появляется міръ объективныхъ духовныхъ благъ. «Связь психическихъ событій, говоритъ Вундтъ,—вотъ что мы называемъ единствомъ сознанія». Но это нисколько не соотвѣтствуетъ тому, что мы переживаемъ въ душѣ. Мы — не цѣпь только душевныхъ событій, но рядомъ съ этими событіями и надъ ними стоитъ объединяющее ихъ «я», единая сущность души. Въ томъ и состоитъ большая заслуга Нитше, что онъ ставшему матеріалистическимъ образованному человѣчеству снова съ большою силою говорилъ о высшемъ значеніи духовнаго міра. «Творящее, обладающее волею, развивающееся «я» — вотъ мѣрка и цѣнность всего». «Около творцовъ, изобрѣтателей новыхъ цѣнностей вращается міръ». «Ты—новая ли сила и новое ли право?» «Первое ли движеніе? Само ли собою вращающееся колесо? Можешь ли ты заставить звѣзды, чтобы онѣ вращались вокругъ тебя? Можешь ли ты сдѣлать, чтобы твоя воля была выше тебя, какъ законъ?» Весь этотъ міръ творческой личности, слѣдовательно самый непосредственный и самый прочный фактъ нашего внутренняго опыта не мирится съ теоріей психофизическаго параллелизма; поэтому онъ разрушаетъ ее.

Далѣе несостоятельность параллелизма обнаруживаютъ

вытекающія изъ него *слѣдствія*; потому что онъ необходимо приводитъ къ *автоматизму*. По теоріи параллелизма всѣ тѣлесные процессы могутъ быть объяснены чисто механически изъ себя самихъ; вмѣшательство духовныхъ силъ рѣшительно исключается. Всякое растеніе, всякое животное, всякій человекъ слѣдовательно должны были бы имѣть такія же свойства и совершать такія же движенія, даже и въ томъ случаѣ, если бы совсѣмъ не было ни мышленія, ни чувствованія, ни хотѣнія. «Вся такъ называемая всемірная исторія отъ Адама, Кадма или Девкалиона до новѣйшихъ политическихъ событій настоящаго времени была бы тогда только чисто физиологическимъ, совершающимся съ механическою необходимостью процессомъ; на всѣ желанія, чувствованія, мысли, дѣйствія, на всѣ намѣренія, планы, соображенія, разочарованія, на всѣ усилія, успѣхи, ошибки и научныя открытія тогда надобно было бы смотрѣть, какъ на ничтожное сопутствующее явленіе, какъ на смежную случайность этихъ мозговыхъ состояній, слѣдующихъ другъ за другомъ съ строгой необходимостью сообразно съ матеріальными законами природы; вслѣдствіе полнѣйшей своей несамостоятельности они не имѣли бы ни малѣйшаго вліянія на ходъ совершающихся событій; при этомъ обычно понимаемое взаимодѣйствіе между человѣческими личностями было бы замѣнено матеріальнымъ взаимодѣйствіемъ безчисленныхъ мозговъ, дѣйствующихъ другъ на друга чрезъ колебанія эѳира, чрезъ волны воздуха, толчки и удары». Это слова стразбургскаго профессора Либмана. Точно такъ же рассуждаетъ объ этомъ и берлинскій профессоръ Штумпфъ: «по этой теоріи, говоритъ онъ, жизнь каждаго изъ этихъ двухъ міровъ проходитъ такъ, какъ если бы другого совсѣмъ не было. Въ частности психическій міръ не оказываетъ никакого вліянія на жизнь и развитіе физическаго. Организмы живутъ и дѣйствуютъ, люди основываютъ государства, пишутъ поэмы, созываютъ конгрессы,—движимые чисто физическими силами, какъ будто совсѣмъ нѣтъ

ни мышленія, ни чувствованія, ни воли». Но ни одинъ человекъ и на минуту не можетъ повѣрить этому. Слѣдствія, вытекающія изъ теоріи параллелистовъ чудовищны; они-то и обнаруживаютъ ея невозможность.

Наконецъ болѣе внимательное разсмотрѣніе ея показываетъ, что она должна рушиться главнымъ образомъ отъ своихъ *внутреннихъ противорѣчій*. Она предоставляетъ каждому ряду явленій — и физическихъ и психическихъ — свою свободу и самостоятельность, — и при всемъ томъ насильственно держитъ ихъ оба совсѣмъ рядомъ въ полнѣйшемъ параллелизмѣ. Это возможно только тогда, когда одинъ рядъ приспосабливается къ другому; но это уничтожаетъ ихъ самостоятельность, потому что по принципиальному предположенію, отъ котораго исходятъ, физическія и психическія событія принадлежатъ къ двумъ различнымъ классамъ. Такимъ образомъ въ сущности истинную дѣйствительность и слѣдовательно руководящую роль можно приписать только *одному* ряду явленій — или духовному, или матеріальному. И дѣйствительно параллелизмъ очень часто приводитъ къ чистому идеализму, но еще чаще къ чистому матеріализму. Но этимъ онъ губитъ самъ себя. — Нисколько не помогаетъ ему и то, когда вмѣстѣ съ Спинозой и Фехнеромъ смотрятъ на оба ряда событій какъ на двѣ стороны чего-то реального третьяго. Фехнеръ объясняетъ это на примѣрѣ кривой линіи: «она съ одной стороны вогнута, а съ другой — выпукла, и такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ совершенно различна. Но выпуклость и вогнутость ея во всѣхъ точкахъ находятся въ точномъ соотвѣтствіи между собою». Но это сравненіе здѣсь не пригодно, потому что тутъ нѣтъ самаго важнаго: линія намъ извѣстна, а первобытіе, которое съ нею сравнивается, неизвѣстно. При этомъ на послѣдокъ начинаютъ утверждать: два есть одно и одно — два; «это чисто волшебная таблица умноженія», какъ говоритъ Буссе. «Это — единство, особенность котораго состоитъ въ томъ, что оно никогда не бываетъ единствомъ, но всегда — двойственностью».

Изъ всего этого открываегся, что психофизическій параллелизмъ неосуществимъ. Онъ противорѣчитъ опыту и рушится отъ странности вытекающихъ изъ него слѣдствій; онъ полонъ внутренними противорѣчіями и потому невозможенъ; особенность физическихъ и психическихъ явленій, признаваемыхъ совершенно разнородными, онъ хочетъ сберечь тѣмъ, что сдѣпляетъ тѣ и другія между собою. Послѣдній результатъ этого—или чистый идеализмъ, или возвратъ къ матеріализму, котораго хотѣли избѣжать.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ¹⁾.

№ 2-й «*Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ*». 1-я каанисма—1-й псаломъ (Мелодія частію заимствована изъ соч. арх. Теофана) полож. Гр. Львовскимъ.

Приведенный заголовокъ списанъ съ подлинной рукописи Львовскаго. Въ печатномъ заголовкѣ имени арх. Теофана не упоминается, по всей вѣроятности, потому, что отъ сочиненія Теофана очень мало осталось въ этомъ произведеніи, въ которомъ Львовскій проводитъ другіе пути для церковной музыки и, такимъ образомъ, обрывки мелодій Теофана совсѣмъ ступшеваются въ подавляющемъ обиліи новаго творчества.

Положеніе псалмовъ на музыку дѣло очень рискованное и почти совсѣмъ невозможное. Едва ли у кого изъ серьезныхъ мыслителей христіанъ поднимется рука затушевать своею музыкою вдохновенныя творенія царя и пророка Давида, а создать въ своей музыкѣ что-либо достойное поэтическаго текста псалмовъ, которые и безъ музыки есть самая лучшая музыка для христіанина, чрезвычайно трудно. Заниматься же тасканіемъ этого священнаго текста по разнымъ музыкальнымъ хитросплетеніямъ—дѣло не особенно похвальное. Приведенный псаломъ, едва ли не единственный во всей нашей духовно-музыкальной литературѣ, представляетъ поразительное исключеніе. Только вдохно-

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую книжку *Духовн. Читенія* за 1910 г.

веніе христіанина, проникнутое всецѣло простотою и важноію текста, могло создать для этого псалма подобающую мелодію, а замѣчательная фразировка и гармонизація довершили это дѣло, и такимъ образомъ, текстъ и музыка составили какъ бы одно недѣлимое цѣлое.

Весь характеръ музыки—серьезный, творческій. Каждая мысль псалма доносится къ намъ какъ бы черезъ тьму времянь и многихъ вѣковъ и доказываетъ непоколебимость идеала настоящаго твердаго мужа. Какъ хорошъ и рельефенъ обликъ христіанина и какъ многіе изъ христіанъ стараются направить свою жизнь по уставамъ этого псалма, представляющаго какъ бы сводъ законовъ, изъ которыхъ черпаются и будутъ черпаться всѣ законы для созданія духовнаго образа человѣка.

Не даромъ этотъ псаломъ и выбралъ Григорій Ѳеодоровичъ и гармонизировалъ съ такою любовію, съ такимъ мастерствомъ каждую мысль, каждое слово.

Псаломъ положенъ такъ, что хоръ не поетъ, а какъ будто устами царя Давида говоритъ текстъ отчетливо, съ правильною интонаціей, разстановками и удареніями, и каждое слово и каждое окончаніе какъ бы подчеркиваетъ, придавая должную выразительность особенно важнымъ словамъ.

Первые три стиха представляютъ собою все же болѣе простое выраженіе, съ выясненіемъ словъ «не иде», «нечестивыхъ» и еще болѣе рельефно: «не сѣде». «Но въ законѣ Господни воля Его»—фраза уже болѣе важная, а потому и музыка начинаетъ принимать болѣе смѣлый характеръ. Далѣе: «и въ законѣ Его поучится день и ночь» у баса замѣчательно выразительная мелодія. Окончаніе этого стиха въ одномъ аккордѣ на двухъ гласныхъ, какъ и въ «благослови душе», опять какъ бы подтверждаетъ вѣрность сказаннаго. Далѣе царь Давидъ восторгается исполненнымъ законъ и послѣдователями этого закона, сравнивая чевѣка съ дровомъ, насажденнымъ при исходящихъ водахъ. «И будетъ яко древо» въ музыкѣ очень во-

сторженно выражено во всѣхъ голосахъ. Слова же «при исходищахъ водъ» критики Гр. Θ. признаютъ самыми интересными и выражающими въ альтовой партіи настоящее качаніе деревьевъ на берегу ручья. Далѣе идетъ разсказъ, довольно простой, о принесеніи плода древомъ и подчеркивается очень рельефно альтомъ и басомъ, что «листь его не упадетъ», и, наконецъ, самая общая награда такого мужа: «И вся, елика аще творить, успѣетъ»—поражаетъ своимъ величіемъ съ возгласами у баса, дисканта и тенора. Здѣсь поставлено фермато, и три *фа*: альта, дисканта и баса показываютъ, что одна рѣчь уже окончена, но теноровое *ля* какъ бы напоминаетъ, что есть еще и продолженіе. Слѣдующая фраза: «Не тако нечестивіи не тако»—прямо поражаетъ всякаго даже мало внимательнаго къ музыкѣ человѣка. Дискантъ и теноръ поютъ одну ноту *ре* въ октаву. Басъ, какъ древній пророкъ, возвѣщаетъ въ очень выразительной мелодіи, сопровождающейся терціей альта, что совсѣмъ не то будетъ съ нечестивыми. По рельефности, вразумительности и силѣ выраженія въ нашей духовной музыкѣ едва ли можно подыскать подобное же мѣсто.

Далѣе: «но яко прахъ»—въ музыкѣ и выраженъ прахъ. «Его же возметаеть вѣтръ»—выражено дуновение вѣтра въ низкихъ нотахъ всего хора и въ волнующейся мелодіи баса, которая сопровождается альтомъ, идетъ внизъ и кончается кратко секстаккордъ. Послѣ этого поставлено фермато на четвертной паузѣ. Затѣмъ идетъ угрожающая, пророческая фраза: «Сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ»; выражена въ музыкѣ твердо, непоколебимо, особенно на словахъ—«не воскреснутъ» и «на судъ». Здѣсь Львовскимъ приведена одна изъ его каденцій, которую онъ всегда приберегаетъ для патетическихъ мѣстъ. Далѣе тихо и грустно «ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ». Законодательный характеръ всего текста особенно ясно выраженъ въ словахъ: «яко вѣсть Господь путь праведныхъ». Здѣсь весь хоръ говоритъ половинными нота-

ми и какъ бы движеніями руки подтверждаетъ на каждомъ удареніи непреложность сказаннаго. Просмотрѣвъ все сказанное о музыкѣ этого псалма, видимъ, что главные моменты въ этой музыкѣ слѣдующіе: «И будетъ яко древо». «Не тако нечестивіи» и «Сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ». Не менѣе поразительно и окончаніе «и путь нечестивыхъ погибнетъ». Прослушавши эту фразу, становится какъ то страшно этого заключенія для нечестивыхъ. Хоръ поетъ на низкихъ нотахъ и на 8 слогахъ, при замѣчательномъ веденіи голосовъ всѣхъ партій, кромѣ альты, у котораго только двѣ ноты *do* и *re*, воспроизводитъ пять аккордовъ; но всего поразительнѣе, что псаломъ кончается во всѣхъ голосахъ на одной нотѣ *re*. Инициатива примѣненія подобнаго рода окончаній принадлежитъ всецѣло Львовскому. Такое же окончаніе, если не всего пѣснопѣнія, то части его, мы видимъ въ лучшихъ его произведеніяхъ: а) «Со святыми упокой» — «Аможе вси человекѣи пойдемъ». б) «Да молчитъ всяка плоть человекѣча» — «приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ». Всѣ эти три мѣста поразительны по важности; а потому Львовскій не могъ найти здѣсь лучшаго примѣненія для усиленія впечатлѣнія, какъ подчеркиваніе одной ноты всего хора. Слушатель во все время пѣнія псалма ощущаетъ мощь всего хора, и вотъ въ концѣ, когда на предпоследнихъ словахъ о томъ, «что путь нечестивыхъ погибнетъ» при *r.* и замедленномъ темпѣ, при частыхъ переходахъ изъ аккорда въ аккордъ, весь хоръ сошелся на одной нотѣ, ощущаетъ какой-то смутный трепеть отъ этого, необычнаго для хора, одного звука. Эта послѣдняя нота псалма, на которой обыкновенно ставится фермато, не тянется долго, а прерывается черезъ два удара. Вся музыка псалма отъ начала до конца доказываетъ, что Львовскій понималъ, какъ никто, текстъ священнаго писанія, вдумываясь въ каждое слово, въ каждое выраженіе, и къ нашему счастью, умѣлъ это пониманіе передать намъ не въ переводѣ на русскомъ языкѣ, а въ музыкѣ.

Изъ всѣхъ произведеній Григорія Ѳеодоровича псаломъ «Блаженъ мужъ», помимо художественной и эстетической выразительности, можно признать и самымъ доступнымъ для каждаго хора, что доказано и практикою его исполненія, какъ за всеобщей, такъ и послѣ причащаемаго стиха. Такая доступность очень полезна и въ томъ смыслѣ, что невольно заставляетъ исполнителей обратить вниманіе и на слѣдующія произведенія Гр. Ѳ., болѣе сложныя; заставить регента обратить поболѣе вниманія на потную грамоту для дальнѣйшаго исполненія болѣе сложныхъ произведеній. При исполненіи этого псалма представляется мнѣ обликъ самого Григорія Ѳеодоровича. Какъ онъ самъ, своею личною жизнію воспроизводилъ идеаль, начертанный царемъ Давидомъ! Хотя, какъ пишетъ Гр. Ѳ., мелодія псалма отчасти заимствована изъ соч. арх. Ѳеофана, но въ этомъ псалмѣ не менѣе важную, а пожалуй и главную роль, играетъ мелодія и выразительность партіи баса, такъ что мелодія дисканта отходить почти на второй планъ; мало того, теноровая мелодія тоже почти равна мелодіи дисканта, есть очень мелодичныя выраженія у альты, несмотря на тѣсныя рамки движеній этого голоса.

Мелодія баса здѣсь настолько самостоятельна, рельефна и выразительна, что ее смѣло можетъ исполнить одинъ басъ—причетникъ, такъ какъ она не представляетъ собою обычныхъ квартовыхъ и квинтовыхъ ходовъ. Подобныхъ партій баса изъ хорового произведенія, отличающихся вышеприведенными достоинствами, едва ли много можно подыскать въ нашей духовно-музыкальной литературѣ.

№ 3-й «*Два днесъ*». Болгарскаго распѣва. Переложеніе.
Соль мажоръ.

Вотъ пѣснопѣніе, переложеніе котораго можетъ быть вызвано исключительно любовью перелагателя къ древнему пѣнію и перелагаемой мелодіи, такъ какъ исполняется это пѣснопѣніе всего нѣсколько разъ въ праздникъ Рождества

Христова, и кромѣ того, подобное произведеніе уже есть въ переложеніи Бортиянскаго, которое по своей простотѣ и доступности исполняется почти повсемѣстно.

«Дѣва днесь» въ переложеніи Бортиянскаго только четырьмя начальными аккордами да тремя средними каждой строки напоминаетъ стиль древней мелодіи болгарскаго распѣва, прочее же все присочинено. Кромѣ того, всѣ пять текстовыхъ строкъ пѣснопѣнія исполняются весьма однообразно въ одной и той же мелодической строкѣ, гармонизованной аккордами, 1, 4 и 5 ступеней.

Совсѣмъ другое видимъ мы у Львовскаго. Во время его управленія хорами, выступаютъ въ жизнь типы разныхъ хоровъ, а не только одного типа смѣшаннаго хора, который только одинъ царилъ и для котораго только и писались духовно-музыкальныя произведенія во времена Бортиянскаго, Львова и Бахметьева. Весьма странно, что даже Турчаниновымъ не сдѣлано ни одного переложенія древнихъ напѣвовъ для однородныхъ голосовъ, между тѣмъ примѣненіе этихъ переложеній могло бы найти массу мѣстъ: достаточно упомянуть о хорахъ женскихъ и мужскихъ монастырей.

Львовскій и современные ему перелагатели уже оцѣнили по достоинству типы однородныхъ хоровъ, а отсюда и красоту однихъ мужскихъ или однихъ дѣтскихъ (женскихъ) голосовъ въ хорѣ, не въ качествѣ солистовъ, какъ это было у Бортиянскаго и Львова, а какъ выдѣленіе на извѣстное время однороднаго хора, мужского или дѣтскаго, изъ смѣшаннаго. Въ приведенномъ переложеніи Гр. Ѳ. мы и встрѣчаемся со всѣми типами хорowego пѣнія.

Первая строка, повѣствованіе о рожденіи Пресущественнаго, исполняется всѣмъ хоромъ. Вторая, изображая землю и вертепъ, болѣе низкими голосами, безъ дискантовъ; главная мелодія у 2-го тенора. «Неприступному приносить» — выражаетъ страхъ и трепетъ. Третья: «Ангели съ пастырьми славословятъ» — написана такъ: дисканты и альты исполняютъ ангельское пѣніе, а тенора по всей

вѣроятности пастырей. Четвертая: «Волсви же со звѣздою путешествуютъ» исполняется четырехголоснымъ хоромъ изъ однихъ басовъ. Этотъ пріемъ примѣняется въ переложеніяхъ древнихъ напѣвовъ въ первый разъ, а что подобный родъ пѣнія на однихъ басахъ имѣеть своеобразную красоту, доказывается пѣніемъ причта въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Какъ умѣстенъ этотъ пріемъ въ приведенной строкѣ и какъ много вложено жизни и оригинальности въ гармонизаціи этой строки!.. Въ пятой строкѣ полный хоръ заключаетъ: «Нась бо ради родися отроча-младо превѣчный Богъ». Въ этой строкѣ исполнители, подѣ влияніемъ прослушаннаго хора изъ однихъ басовъ, поневолѣ вступать торжественно, и эту торжественность въ особенности выразить басовая партія, мелодія которой очень выразительна, и въ патетическомъ мѣстѣ «родися» Львовскій прибѣгаетъ къ своей излюбленной каденціи. «Отроча младо превѣчный Богъ» начинается *pp.* и слово «превѣчный» подчеркивается у альты очень мелодичной группой нотъ: соль, ми, ля, соль, фа. Просмотрѣвши это переложение съ его выразительною и пѣвучею мелодіей при обработкѣ такого мастера, какъ Львовскій, и примѣненіи простыхъ, но выразительныхъ, строго церковныхъ эффектовъ, нельзя не высказать глубокаго сожалѣнія о томъ, что еще долго придется ждать того времени, когда вкусъ нашихъ регентовъ разовьется до пониманія красотъ подобныхъ мелодій и переложеній.

№ 4-й. «Трисвятое». Греко-славянскаго напѣва.

Судя по бумагамъ и рукописямъ, это произведеніе вмѣстѣ съ Херувимской того же напѣва ¹⁾ принадлежитъ къ самымъ раннимъ (и любимымъ) произведеніямъ Львовскаго. Произведенія эти несложны по техникѣ, требуютъ проникновенія въ него отъ регента и выразительности испол-

¹⁾ Не появилась еще въ печати.

ненія пѣвчихъ. Характеръ его умилительный, но такъ какъ подобный стиль русскіе пѣвцы привыкли видѣть и исполнять въ минорѣ, то много надо вниманія для оцѣнки перваго исполненія этого произведенія: при слѣдующихъ исполненіяхъ оно будетъ уже роднымъ и удобопонятнымъ. Великое дѣло соединить въ голосѣ мелодію со священнымъ текстомъ и не только выразить молитвенное настроеніе, но и вызвать его у другихъ.

№ 5-й. «*Херувимская пѣснь*». Греческаго распѣва.

Источникъ главной мелодіи не указанъ, и въ заголовкѣ сказано: не переложено, а положено Гр. Львовскимъ; слѣдовательно, это произведеніе скорѣе можно отнести къ сочиненіямъ Львовскаго. Эта Херувимская пѣснь относится къ самымъ раннимъ произведеніямъ Львовскаго и самымъ любимымъ, что видно изъ нѣсколькихъ рукописей на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Въ первый разъ это произведеніе появилось въ распространенномъ въ концѣ 80-хъ годовъ журналѣ «*Звѣзда*» ¹⁾ и конечно обратило на себя всеобщее вниманіе выдающихся регентовъ того времени, а благодаря появленію въ журналѣ, сдѣлалось болѣе популярнымъ ²⁾.

На обложкѣ перваго изданія приводятся произведенія Львовскаго, 23 заголовка, предполагаемыхъ къ печати для смѣшаннаго хора и 8 для мужскихъ голосовъ, но цѣна обозначена только у трехъ номеровъ, а именно: «Благослови душе моя Господа», т.-е. № 1, «Блаженіи», посвященное памяти императора Александра II, и описы-

¹⁾ Дозволено Дух. Цензур. Ком. 20 апрѣля 1888 г. и въ томъ же мѣсяцѣ напечатано.

²⁾ Крайне жаль, что подобный родъ популяризаціи духовно-музыкальныхъ произведеній мало практикуется; подобнымъ образомъ могло бы поступить Духовное вѣдомство, покупая у авторовъ (въ особенности начинающихъ) право на печатаніе приложенийъ хотя бы къ «*Церковнымъ вѣдомостямъ*» выдающихся произведеній. Это самый вѣрный путь къ вытѣсненію банальности въ церковной музыкѣ и виждренію истиннаго пѣнія.

ваемая Херувимская пѣснь. Изъ этого видно, что всѣ лучшія произведенія Григорія Ѳедоровича задуманы, переложены и предназначены къ печати въ началѣ 80 хъ годовъ ¹⁾).

При разсматриваніи «Херувимской пѣсни» № 1 нужно имѣть въ виду положеніе, высказанное о греческомъ пѣвнѣи. Оцѣнка приводимой Херувимской пѣсни и должна сообразоваться съ указанными положеніями. Общій тонъ этого произведенія свѣтлый. Фактура представляетъ очень хорошо сплетенный слуховой узоръ, который тянется безъ конца, открывая все новые и усложненные рисунки.

Въ первой части особенно поражаетъ запѣвъ баса на *pp.* ²⁾. Во второмъ тактѣ вступаютъ дискантъ и альтъ, причемъ альтъ ведетъ мелодію съ басомъ. Въ третьемъ—теноръ повторяетъ мелодію альта, который уже спустился на терцію отъ мелодіи перваго такта. При этомъ дискантъ, альтъ и басъ съ октавою ³⁾ поютъ четыре «ре» въ трехъ октавахъ; такимъ образомъ получается въ концѣ шесть голосовъ, оканчивающихъ 1-ю часть на аккордѣ «ре», но часть не окончена: теноръ дѣлаетъ нотами *ре, ми, ре, до* переходъ къ слѣдующей 2-й части, въ которой особенно умѣстно на словахъ «трисвятую» (а далѣе въ «Яко да царя»: «Ангельскими невидимо») выражено ангельское пѣніе однороднымъ дѣтскимъ хоромъ въ сопровожденіи тенора. Здѣсь поразительно просто, но остроумно и оригинально веденіе голосовъ у 1-го и 2-го альта. Особенно же эффектно и оригинально мѣсто на словахъ «по-

¹⁾ На этой же обложкѣ припечатано разрѣшеніе къ печатанію и употребленію въ церковномъ богослуженіи, отъ 28-го октября 1881 г. и разрѣшеніе С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета отъ 29 апрѣля 1887 года. Цензоръ архимандритъ Григорій.

До 80-хъ годовъ духовно-музыкальныя произведенія разрѣшались однимъ Директоромъ Придворной Капеллы.

²⁾ Трудно достигнуть того, чтобы наши басы вѣли *пianissimo* на высшихъ нотахъ, но нужно къ этому стремиться.

³⁾ Обычное названіе низкой басовой партіи.

печеніе» въ послѣднихъ трехъ тактахъ при переходѣ изъ аккорда «соль» въ аккордъ «до». Также интересно «аминь». Вся Херувимская пѣснь поражаетъ своею цѣльностью и захватывающимъ темпераментомъ. Прибавить къ ней или убавить или перенести что-либо положительно нельзя, такъ какъ всякая нотка на своемъ мѣстѣ. Хотя и много въ ней потоковъ и видна кое-гдѣ пестрота, но все это продумано. Уже въ этой Херувимской пѣснѣ Львовскій показалъ себя настоящимъ контрапунктистомъ ¹⁾.

№ 6. Причастны дневни.

Эти переложенія относятся къ самымъ раннимъ изданіямъ и находятся въ числѣ первыхъ 14-ти номеровъ, разрѣшенныхъ Балакиревымъ въ 1887 году. Къ лучшимъ изъ 8-ми номеровъ, по моему мнѣнію, относятся №№ 1, 3 и 4 и въ особенности 8-й.

Правильная и вѣрная оцѣнка этихъ переложеній возможна только для того регента, хоръ котораго сознательно

¹⁾ Пѣніе этой Херувимской пѣснѣ требуетъ тонкаго исполненія, особенно если хоръ притомъ же не очень массивенъ. Надо, чтобы каждая партія вела свои мелодіи отчетливо, безъ запинокъ или исканія, какъ взять ту или другую ноту, вообще увѣренно. Надо каждой партіи слѣдить за тѣмъ, съ кѣмъ она находится въ параллельномъ движеніи.

Отзывъ критика объ этой Херувимской, пожалуй, не сойдется съ отзывомъ пѣвца, особенно баса. Басу приходится тянуть по большей части *ми, соль, ми, ре*; а между тѣмъ кому не извѣстно, что малообразованный басъ желаетъ, чтобы только его было слышно въ пѣсѣ, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ пѣть скачками—квинтами и квартами, исполненіемъ которыхъ онъ невольно обращаетъ на себя особое вниманіе. Но что же дѣлать, надо имѣть побольше образованія, чтобы смотрѣть на хоровое произведеніе не какъ на средство показать свой отдѣльный голосъ. Надо нашихъ басовъ приучить слушать и другія партіи во время пѣнія и находить въ этомъ для себя художественное наслажденіе. Впрочемъ, въ большинствѣ произведеній Львовскаго басовая мелодія господствуетъ; она была у него любимой.

Исполненіе этой Херувимской малымъ хоромъ и начинающимъ едва ли желательно.

уже внѣвъ въ сущность древнихъ напѣвовъ и переложеній, и пѣвцы хора получили возможность исполнять выразительно текстовыя изрѣченія на мелодіяхъ древнихъ напѣвовъ, а подобная способность пріобрѣтается, помимо общей порядочности и религіозности хористовъ, исполненіемъ большого количества древнихъ напѣвовъ, иначе получится только простое сольфеджированіе написанныхъ нотъ и безразличное произношеніе словъ, а это ужъ нельзя назвать пѣніемъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Хору надо проникнуться красотой древнихъ мелодій и сумѣть на нихъ выразить понимаемый и чувствуемый во время пѣнія вдохновенный текстъ. При такомъ взглядѣ на церковное пѣніе и приведенные *причастныя дневніи* получаютъ въ хору особенную окраску и правильную оцѣнку. Древніе слагатели мелодій для причастныхъ стиховъ выбирали, по всей вѣроятности, тѣ мелодіи или напѣвы, которые болѣе всего соотвѣтствовали духу того или другого текста. Гр. Θ. при переложеніи, сохранивъ неизмѣняемыми эти мелодіи, далъ такую же соотвѣтствующую духу каждаго текста гармонизацію. Особенно это у древнихъ творцовъ и Львовскаго ясно выразилось въ № 8 ¹⁾).

Признаніе важности переложеній съ древнихъ напѣвовъ и отдаваніе имъ преимущества передъ оригинальными, чуждыми церковности, зависятъ не отъ самихъ переложеній, а отъ общаго музыкальнаго образованія общества, а главное—управителей хоровъ.

1) Воскресное причастное «*Хвалите Господа съ небесъ*» отличается особенною продуманностью. Первая строка начинается безъ баса; вторая всѣмъ хоромъ; третья исполняется однимъ мужскимъ хоромъ, и заключительная— всѣмъ хоромъ; то же и въ «*аллилуія*».

¹⁾ Невольно напрашивается разница взгляда на церковное пѣніе у многихъ композиторовъ. Это видно изъ того, что по придворному распѣву всѣ причастныя поются на одинъ мотивъ, похожій на „*Радуйтеся праведніи*“.

Мелодія этого причастного стиха приводится и въ Херувимской пѣсни № 4, о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Гармонизація этой Херувимской пѣсни создана въ полный расцвѣтъ творчества Гр. О., и изъ сопоставленія обѣихъ пьесъ видно, что Гр. О. не были установлены шаблонныя правила и приемы для той или другой мелодіи или одинаковыя мелодическія послѣдованія въ различныхъ пѣснопѣніяхъ; онъ писалъ подъ вліяніемъ того или другого настроенія, талантъ его съ развитіемъ техники постепенно развивался на протяженіи 1884 — 1894 года, только десяти лѣтъ, конечно, подготовленныхъ всею предыдущею жизнью и дѣятельностью.

2) Въ понедѣльникъ: *«Твориай ангелы своя души»*. Гармонизація этого произведенія представляется какъ бы прозрачною, и мелодіи другихъ голосовъ можно сравнить съ пареніемъ небесныхъ духовъ свѣтлыхъ, воздушныхъ, но въ то же время мощныхъ, и осязательно, какъ пламень.

Согласно этому и исполненіе этого произведенія должно быть легкое, воздушное, а этого всегда можно достигнуть пѣніемъ въ полголоса, не отдѣляя каждую ноту.

3) Во вторникъ: *«Въ память вѣчную будетъ праведникъ»*. Это переложеніе замѣчательно выражаетъ слова текста и почти на каждомъ тактѣ подтверждаетъ, скрѣпля какъ бы печатью, непреложность того, что праведникъ останется въ память вѣчную всѣмъ языкамъ и не убоится никакой клеветы. Особенно это рельефно у баса въ словахъ *«будетъ праведникъ»*, которыя басъ какъ бы молоткомъ выколачиваетъ на одной нотѣ, при медленномъ пѣніи словъ *«праведникъ»* прочими голосами. Далѣе очень образно выражено слово *«вѣчную»* въ довольно высокихъ нотахъ дисканта при прозрачномъ аккордѣ, въ которомъ басъ секундами въ девять нотъ, какъ бы представляетъ шествіе праведника отъ мрака древняго міра къ современному. Не менѣе поразительно по замыслу и по исполненію выраженіе текста мелодіей баса *«отъ слуха зла не*

убойтся». Здѣсь двѣ кварты си—фа, соль—ре и затѣмъ ре, ми, фа, до, си, ля, си, фа, ми являются собою рельефныя подтвержденія текста, и мелодія баса, кончая на нотѣ *ми* въ секст-аккордѣ, этою нотою и обращаетъ на себя особое вниманіе. Въ «аллилуія», при той же мелодіи у дисканта, басъ уже болѣе подвиженъ, и приведенныя высокія ноты исполняются октавою ниже.

4) Въ среду: «*Чашу спасенія прииму*» представляетъ собою въ первомъ предложеніи восторженно умиленное настроеніе, какимъ обыкновенно проникнуты обращенія къ Пресвятой Богородицѣ, и искреннее торжество во 2-й части «*имя Господне призову*». Въ этомъ переложеніи уже являются тѣ будущія оригинальныя движенія баса, которыя можно назвать Львовскими, напริมѣръ: ми, соль, си, ми, или соединеніе аккордовъ ля и до; или ля (нижнее), ми, си, ля, соль, ми, ля. Красиво также окончаніе, особенно въ мелодіи альты. Для болѣе правильнаго и привычнаго исполненія этого, и подобныхъ, произведенія, необходимо мелодію каждаго голоса пропѣть сначала самому регенту. Это не будетъ, конечно, изученіе произведенія съ голоса, такъ какъ пѣніе подобныхъ переложеній немислимо безъ свободнаго чтенія нотъ; а должно имѣть цѣлю выразить своимъ голосомъ не рядъ нотъ, а именно ту мелодію, которая находится въ каждой строкѣ.

5) Въ четвертокъ: «*Во всю землю изыде вѣщанія ихъ*» — фа мажоръ. Мелодія этого причастнаго стиха менѣе прочихъ выражаетъ слова текста, а потому и довольно трудно было украсить ее подходящею къ тексту гармозаціей, но и здѣсь все, что возможно, сдѣлано Львовскимъ.

6) Въ пятокъ: «*Спасеніе содѣлалъ еси*» — фа миноръ. Это умиленно-торжественное съ радостными просвѣтленіями переложеніе гармонизовано уже болѣе самобытно и разнообразно, но порывы творчества Львовскаго болѣе выразились въ Херувимской пѣсни № 2-й на ту же мелодію, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

7) Въ субботу: *Радуйтеся праведни о Господь*—си ♭ мажоръ. Это произведеніе написано именно въ радостно-торжественномъ тонѣ, чему особенно способствуетъ удвоеніе во многихъ мѣстахъ мелодіи, находящейся въ дискантѣ, теноромъ.

8) Заупокой: *Блажени, яже избралъ*—фа миноръ. Трудно сказать, которое изъ заупокойныхъ причастныхъ написано Гр. Ө. раньше—на смерть ли Императора Александра II, или это, помѣщенное въ числѣ другихъ причастныхъ. По всей вѣроятности—послѣднее. Хотя оно и появилось въ печати позднѣе, но зачатки его уже вырисовывались въ Херувимской пѣсни для однороднаго хора, написанной въ началѣ композиторской дѣятельности Львовскаго.

Разбираемое произведеніе принадлежит по силѣ творчества и оригинальности движенія во всѣхъ голосахъ къ самымъ выдающимся произведеніямъ Львовскаго. Здѣсь нельзя не указать на то, что на мелодію «Блажени» въ церковномъ обиходѣ есть еще Херувимская пѣсня и «Да молчить всяка плоть чловѣча». Насколько интересна эта мелодія видно изъ того, что ее брали для гармонизаціи почти всѣ выдающіеся церковные композиторы: Турчаниновъ, Азѣвъ, Архангельскій, Балакиревъ.

Но ни у кого изъ нихъ эта мелодія не достигла такой красоты гармонизаціи, какъ у Львовскаго въ приводимомъ переложеніи, а въ особенности въ «Да молчить»¹⁾.

До Львовскаго верхомъ вдохновенія и изящества считалось «Да молчить» Турчанинова, но въ переложеніяхъ Львовскаго сказано послѣднее слово на эту мелодію.

Въ переложеніяхъ Львовскаго прежде всего слѣдуетъ отмѣтить постепенное нарастаніе оригинальности творчества. Первая часть «Блажени, яже избралъ» положено очень просто, какъ будто и у другихъ; но и въ ней уже есть два замѣчательныхъ мѣста: у альты и тенора на

¹⁾ Подробный разборъ въ своемъ мѣстѣ.

второмъ «блажени». Вторая часть «Блажени» при той же мелодіи уже болѣе самобытна и разнообразна. Какъ умилительна и выразительна мелодія тенора на второмъ «блажени», вызывающая въ концѣ такта альты изъ его какъ бы однообразной ноты фа.

Эти двѣ осмыхъ нельзя надумать, сидя за клавиатурой, а они есть прямо достояніе творческаго настроенія. Въ общемъ отъ этой второй части вѣтъ давней стариной и какъ бы тѣмъ міромъ, въ которомъ находятся «блаженніи, умирающіи о Господѣ». Но что особенно захватывающе интересно въ этой части, такъ это мелодія баса, который, какъ бы съ дуновеніемъ вѣтра, приноситъ это блаженное настроеніе и подчеркиваетъ его въ концѣ мощными нотами.

Избраніе блаженныхъ было для нихъ не безъ страданій и мученій; но вотъ они на лонѣ Авраама; и строки «и пріялъ еси Господи» уже являютъ въ мелодію и въ гармонию торжество и сладость нахожденія около Бога любви. Особенно это торжество звучитъ въ мелодіи баса и тенора, который въ концѣ съ восторгомъ выпѣваетъ самое великое слово «Господи». Послѣ него дискантъ остается одинъ и еще съ особеннымъ умиленіемъ заканчиваетъ мелодію на этомъ словѣ, какъ бы не желая съ нимъ разстаться. Далѣе «и память ихъ въ родъ и родъ» имѣетъ печальный характеръ, живописуя, что память эта досталась не безъ мученій за вѣру и Христа.

Здѣсь особенно интересно окончаніе у тенора, который задерживая ноту *си* и говоря послѣ всего хора слово «и родъ» напоминаетъ діакона, поднявшаго амфоръ для указанія, насколько важно это изрѣченіе.

Хотя «аллилуія» проводится на той же мелодіи, но сколько здѣсь у Львовскаго разнообразія въ движеніи голосовъ и оригинальности въ гармонизаціи! Выдѣленіе отдѣльныхъ мелодій и переплетеніе ихъ, какое только можетъ быть у Львовскаго, дѣлаетъ это «аллилуія», повторяющееся десять разъ, какъ бы побѣднымъ гимномъ, въ

которомъ торжество побѣды заявляютъ то тотъ, то другой голосъ. Особенно интересна мелодія алта, а далѣе ходы въ два тенора. Затѣмъ необычное въ главной мелодіи движеніе дисканта на кварту, придающее этому мѣсту особую гармонію. Интересны также переходы въ окончаніи къ слѣдующей строкѣ. Сначала у баса и двухъ теноровъ, какъ порывы вѣтра, затѣмъ у тенора и, наконецъ, у дисканта на словѣ «Господи». Этотъ переходъ дисканта долженъ быть исполненъ очень внимательно и осторожно, такъ какъ отсюда уже одинъ шагъ до впечатлѣнія серьезной русской пѣсни, особенно при переходѣ съ *си* на *фа*.

Разобранное произведеніе является, по моему мнѣнію, образчикомъ творчества въ русскомъ стилѣ церковнаго пѣнія, а потому такъ и понятно русскимъ исполнителямъ. Въ немъ выражена и печаль русской музы, и мощь русской гармоніи.

Заканчивая обзоръ причастныхъ стиховъ, нельзя не высказать искренняго пожеланія, чтобы пѣніе ихъ въ приведенной гармонизаціи, или другой, вошло во всеобщее употребленіе, хотя бы по важности и умѣстности текста.

№ 7. «Блаженіи, яже избралъ».

(Сочин., посвященное памяти Императора Александра II).

Дѣятельность Григорія Ѳедоровича Львовскаго, его молодость и лучшія силы протекли въ царствованіе Императора Александра II. Достославное царствованіе, освобожденіе крестьянъ и другія гуманныя реформы не могли не отразиться на чуткой и любящей душѣ Гр. Ѳ., и вотъ мы имѣемъ одинъ изъ неувыдаемыхъ вѣнковъ на памятникъ столь любимаго монарха-мученика ¹⁾. Хотя мелодія

¹⁾ Не мало было композиторовъ того времени, ближе стоящихъ ко Двору, но только Гр. Ѳ. озарила идея почтить Императора и заявить современникамъ и потомству въ причастномъ заупокойномъ стихѣ, воплію по содержанію подходящемъ монарху-мученику, свое творче-

и общая конструкція этого причастнаго стиха навѣяна вышеуказанною обиходною мелодіей, но какъ много личнаго творчества внесено въ это произведеніе Гр. Θ. и именно подъ потрясающимъ вліяніемъ 1 го марта, и при воспоминаніи всего славнаго царствованія Императора, которому и посвящено это произведеніе. Въ этомъ произведеніи чувствуются и слезы массъ народа, и вопль терзаемой невознаградивой утратой души. Особенно характерно соединеніе двухъ тоновъ фа и до миноръ, какъ самыхъ подходящихъ для выраженія грусти по умершимъ¹⁾. Объ этомъ произведеніи былъ отзывъ въ одномъ изъ журналовъ. Изъ переписки Гр. Θ. съ Л. С. Радченко, видимъ по этому поводу слѣдующее: «Что же касается вашего мнѣнія, что о моемъ «Блажени яже» сказано мало и сдержанно, то сѣтовать не слѣдуетъ: я очень доволенъ сказаннымъ, иначе было бы похоже на рекламу, чего я вовсе не желаю». Отзывъ сдѣланъ однимъ изъ профессоровъ С.-Петербургской Духовой Академіи, человѣкомъ солиднымъ и не любящимъ пересола.

Сохранился отрывокъ изъ письма, писаннаго кому-то Гр. Θ. «Подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ 1-го марта 1881 года написалъ я причастный стихъ «Блажени, яже избралъ», посвященный священн...»²⁾.

Для описанія же музыки на текстъ: «и память ихъ въ родъ и родъ» не хватаетъ словъ. Басъ (иногда съ альтомъ) все время твердитъ одно и то же и на одной нотѣ фа, а теноръ съ дискантомъ то попеременно, то вмѣстѣ, то торжественно, то со слезами повторяютъ выразитель-

ство печатно. Это было первое печатное произведеніе Гр. Θ., выдвинувшее его изъ среды С.-Петербургскихъ регентовъ и давшее толчокъ къ послѣдующимъ созданіямъ и изданіямъ своихъ произведеній. Приведенное произведеніе дозволено цензурою 28 мая 1881 года.

1) Херувимская пѣснь № 5 Турчанинова, исполняемая часто при погребеніи и „Со святыми упокой“.

2) За это произведеніе Гр. Θ. получилъ отъ Великаго князя Михаила Николаевича перстень съ аметистами.

ное по мелодіи слово, и, наконецъ, постепенно усиливаясь, весь хоръ торжественно останавливается на аккордѣ фа мажоръ съ высокою нотою ля у дисканта. Эти массивные звуки, постепенно усиливаясь, разрастаются и, переходя въ аккордъ съ высокими нотами, живописуютъ память не только нашего рода, но говорятъ и о тѣхъ отдаленныхъ поколѣніяхъ рода человѣческаго, которыя будутъ пѣть и прославлять тѣхъ, кого избралъ и пріялъ Господь, а это ли не подходитъ къ Царю-освободителю, Царю-мученику? Торжество памяти окончилось, но грусть, особенно при свѣжей могилѣ, при томъ сознаніи, что утрачена такая свѣтлая душа, не оставляетъ слушателя, и композиторъ заключаетъ свои строки, какъ вздохъ, съ фа на ре бемоль, съ очень выразительными задержаніями у дисканта. Особенно интересна у тенора заключительная плачущая терція. Но вотъ раздается «Аллилуія, и слушатель опять стремится горѣ, и въ концѣ концовъ остается облегченнымъ въ виду проясненнаго чувства въ память вѣчную отходящаго усопшаго.

По отношенію къ музыкѣ въ «аллилуія» очень интересно задержаніе алта и тенора на выдержанныхъ нотахъ *до* и *фа* у баса и дисканта, похожее на тихія рыданія, постепенно ослабѣвающія. Очень выразителенъ у тенора послѣдній вздохъ на «аллилуія» си, фа, соль, ля. «Блажени» и «аллилуія» оканчиваются, какъ у западныхъ классиковъ, въ мажорѣ съ терціей у тенора.

№ 8. «Нынѣ отпушаеши».

Сочиненіе.

Вотъ пѣснопѣніе, въ которомъ пророчески излилось умиленіе передъ Создателемъ въ лицѣ Божественнаго Младенца и восторгъ въ ожиданіи будущей славы людей черезъ Христа. Сочинено это произведеніе Гр. Ѳ. на склонѣ лѣтъ, а потому оно такъ сердечно и вылилось, хотя въ простыхъ, но замѣчательно соответствующихъ тексту формахъ и мелодіяхъ.

Первая рѣчь очень рельефно звучитъ въ партіи баса; кромѣ того здѣсь каждое слово вдохновенно по музыкѣ: «отпускаеши» очень замѣчательное слово, и въ ходахъ альты и тенора это замѣчательно подчеркнута; далѣе: «раба Твоего» подчеркнута басовою нотою, затѣмъ слово «Владыко», какъ самое великое и служащее центромъ обращенія, весьма выразительно по нотамъ всѣхъ голосовъ. Далѣе альтъ съ теноромъ очень умиленно вспоминаютъ «по глаголу Твоему» и на рр. «съ миромъ». Умиленіе это доходитъ до высшей точки, особенно у альты. Слѣдующая фраза: «Яко видѣста очи мои спасеніе Твое» написана въ радостномъ тонѣ, но при «спасеніе Твое» и «еже еси уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей» радость мѣняется воспоминаніемъ величайшей жертвы, которою уготовано спасеніе.

Особенно умилительна и располагающа къ выразительности мелодія тенора и альты «уготовалъ». Затѣмъ, торжественное «свѣтъ» въ своемъ аккордѣ *до* мажоръ. Аккорды на слова «и славу людей Твоихъ» написаны для семи голосовъ и весьма торжественны. Но что всего поразительнѣе и интереснѣе,—такъ это окончаніе, къ которому могъ такъ продуманно-творчески перейти только Гр. Ѳ. Вся послѣдняя фраза идетъ въ мажорѣ и разрастается мелодически на словахъ «Израиля» въ альтѣ и басѣ при аккордѣ *ля*, *соль* и *до*; затѣмъ *р*. Пѣвецъ какъ бы вспоминаетъ что-то, затихаетъ на аккордѣ *ре*, переходитъ въ аккордъ *ля* и заканчиваетъ пѣснопѣніе въ минорѣ. Не хотѣлъ ли композиторъ подобнымъ окончаніемъ выразить воспоминаніе старца Симеона о предстоящей смерти и сожалѣніе о томъ, что ему не придется все же быть свидѣтелемъ этой славы, которую онъ пророчески предвидѣлъ.

Это произведеніе можно назвать вдохновенною картиною для слухового зрѣнія; и да наступаетъ скорѣе то время, когда народныя массы будутъ въ состояніи понимать эти картины въ звуковыхъ краскахъ и порывахъ.

№ 9. *«Да исправится молитва моя».*

Сочиненіе. Ми минорь.

Это произведеніе отличается простотою и доступностью для исполненія и довольно выразительно, но значительно уступает по вдохновенію переложенію съ древняго распѣва на тотъ же текстъ.

№ 10. *Нынѣ силы небесныя.*

Въ столичномъ Петербургскомъ музыкальномъ мірѣ это произведеніе, кажется, ранѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ завоевало себѣ симпатіи. При упоминаніи о Львовскомъ, какъ композиторѣ, это произведеніе ставится, какъ образецъ его лучшихъ произведеній. По всей вѣроятности, это произведеніе было поставлено въ духовномъ концертѣ конца 80-хъ годовъ. Въ настоящее время такое же отношеніе наблюдается къ «Господи помилуй» на Воздвиженіе Креста,—благодаря исполненію этого произведенія въ Вънѣ хоромъ Московскаго Синодальнаго училища.

Изъ сказаннаго видно, что оцѣнку значенія того или другого композитора критика дѣлаетъ не на основаніи изученія всѣхъ его произведеній, а только тѣхъ, которыя попали въ духовные концерты.

Приводимое произведеніе отличается торжественностію характера, какъ это и должно быть, когда Силы небесныя съ нами служатъ и когда входитъ Царь славы въ пріносимой тайной жертвѣ. Это произведеніе, въ исполненіи подобающимъ хоромъ, напоминаетъ собою картину широкаго размаха подъ сводами величественнаго храма, гдѣ сонмъ ангеловъ воспѣваетъ вѣчную славу.—Особенно художественно выражено это на словахъ: «Се бо входитъ Царь славы». Нельзя не отмѣтить и здѣсь особенную способность Гр. Ѳ.—проникновенія въ текстъ сочиненія и въ каждое его отдѣльное слово, что доказывается какъ аккордами и мелодіями того или другаго выраженія, такъ и разстановкою знаковъ выраженія. Гр. Ѳ. отлично зналъ

привычки хора и наклонности отдѣльныхъ партій и пѣвцовъ этого хора. Поставивши въ требуемомъ мѣстѣ рр., онъ хорошо зналъ, что хоръ скоро потеряетъ изъ вида это рр.; а потому черезъ три такта онъ опять въ важномъ и нужномъ мѣстѣ ставитъ рр. Въ «Нынѣ силы небесныя» мы видимъ обиліе знаковъ выраженія, изъ чего и можемъ заключить, что исполненіе этого произведенія очень занимало композитора, и ему хотѣлось, чтобы и хоръ сумѣлъ выразить именно то, что желалъ композиторъ. Нѣкоторыя духовно-музыкальныя произведенія могутъ исполняться безъ особенныхъ напоминаній о выразительности, но такія, какъ приводимое, по своему торжественному характеру достойны вниманія и со стороны знаковъ препиванія, доходящихъ здѣсь до ррр. ¹⁾.

№ 12. «Слава въ вышнихъ Богу».

Стихира на Рождество Христово. Обиходное. Ля мажоръ.

Если дѣлать сравненіе между духовно-музыкальными произведеніями Львовскаго, то приведенное «Слава въ вышнихъ Богу» должно отнести къ самымъ лучшимъ, самымъ вдохновеннымъ и богатымъ по музыкальной фантазіи и разработкѣ.

Хотя обиходная мелодія и дана дисканту, но въ этомъ произведеніи каждая изъ остальныхъ партій представляетъ замѣчательную мелодію и можетъ быть пропѣта каждымъ голосомъ самостоятельно,—настолько интересна и разнообразна въ этомъ произведеніи контрапунктическая разработка. Вотъ почему въ этомъ произведеніи каждая партія такъ увлекается своею мелодіей. Какъ выразительна и интересна здѣсь подвижность альты, осо-

¹⁾ Особенно осторожно надо здѣсь обращаться съ высокими нотами басу. Покойникъ часто возмущался пѣніемъ нашими басами высокихъ нотъ и шутя говорилъ, что басы не могутъ хладнокровно видѣть ни одной высокой ноты, а только ее завидятъ, такъ и брсятся, какъ гончія за зайцемъ.

бенно въ заключительныхъ словахъ: «Слава въ вышнихъ Богу»!

Все это надо слышать или видѣть на нотахъ: трудно выразить словами. Что же касается тенора, то до подобныхъ движеній, какъ здѣсь, не доходилъ ни одинъ композиторъ. Мелодія и движенія голоса въ тенорѣ отъ начала до конца поражаютъ своею смѣлостью и выразительностью, и хотя онѣ находятся въ полной зависимости отъ основной мелодіи, но этой зависимости какъ бы не существуетъ.

Басовая партія поражаетъ своимъ спокойнымъ величіемъ, хотя во все время пѣснопѣнія находится въ движеніи,—не квинтами или квартами, но самымъ разнообразномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣвцамъ этой партіи, привыкшимъ къ обыкновенному движенію баса (кварты и квинты) и заучивающимъ свои партіи съ голоса, надо много умѣнья и вниманія, чтобы не испортить дѣло.

Нельзя обойти молчаніемъ двухъ мѣстъ на словѣ «Младенца», которое въ виду важности этого слова въ пѣснопѣнии Львовскій такъ поразительно подчеркнул, давши еще самостоятельную мелодію первому басу.

Не менѣе поражаетъ ходъ баса въ заключительномъ «Слава въ вышнихъ Богу», особенно по сравненію съ гармонизаціей того же мѣста въ 1 части.

Въ этомъ, поистинѣ, вдохновенномъ произведеніи мелодическая оригинальность и смѣлость ходовъ во всѣхъ голосахъ настолько поразительны, что трудно отдать преимущество какой-либо партіи. Главное же достоинство переложения заключается еще въ томъ, что эти оригинальности и смѣлые ходы не нарушаютъ общаго единства пѣснопѣнія и церковности стиля.

О томъ, что въ переложеніяхъ Львовскаго особенно красиво движеніе альты, писано многими. Это движеніе съ большою рельефностью вырисовано въ заключительной части приведеннаго пѣснопѣнія. Здѣсь альтъ на 16-ти тактахъ имѣетъ всего 4 половины и 1 цѣлую ноту, все же

остальное время онъ движется четвертями при очень выразительной мелодіи.

Особенно поражаютъ три послѣдніе такта передъ концомъ. Не менѣе интересны и выразительны они и у тенора.

Въ черновыхъ бумагахъ Львовскаго есть то же пѣснопѣніе, положенное для мужского хора, и хотя въ немъ и замѣчается стиль Львовскаго, но все же оно менѣе интересно, чѣмъ приводимое. Это даетъ право заключить, что приводимое «Слава въ вышнихъ Богу» написано отдѣльно, въ порывѣ особеннаго творчества.

№ 13. *Блаженъ мужъ.*

Стихъ изъ 1-й каѳизмы.

Въ этомъ пѣснопѣніи главная мелодія находится у альты и все время вращается на трехъ нотахъ ре, ми, фа, что представляетъ узкія рамки для перелагателя; но все же произведеніе не лишено церковнаго стиля и очень доступно для начинающихъ хоровъ. Написано оно въ духѣ переложеній Львова, Турчанинова и взято издателемъ изъ тетради, предназначенной Львовскимъ для печати не долго до смерти, и находившейся у переписчика.

№ 14. *Архангельскій гласъ* (Обих. стр. 63).

Кіевскаго распѣва. Для трехъ дѣтскихъ голосовъ.

Лицамъ, знакомымъ съ дивнымъ произведеніемъ Бортыянского на тотъ же текстъ, приводимое переложеніе, конечно, покажется слабымъ, но все же оно не лишено своей прелести, во-первыхъ уже потому, что здѣсь древняя мелодія осталась неизмѣнной. Хотя это произведеніе и помѣчено Кіевскимъ распѣвомъ, но скорѣе это распѣвъ знаменный и именно 5-го гласа, особенно во второй части. Въ церковномъ обиходѣ въ числѣ прочихъ величавій знаменнаго распѣва приводятся тѣ же мелодическія строки, что и въ отдѣлѣ величавій Кіевскаго распѣва.

№ 15. *Покаянія отверзи ми двери.*

Для смѣшаннаго хора. Взято также изъ вышеуказанной тетради.

Это пѣснопѣніе, судя по нѣсколькимъ (6) черновымъ редакціямъ и бѣловымъ перепискамъ, очень занимало Гр. О. Судя по многочисленнымъ редакціямъ, Гр. О. не особенно былъ доволенъ этимъ переложеніемъ, что и доказывается тѣмъ, что оно поздно попало въ печать. Несмотря на указанное, въ этомъ переложеніи есть уже много самобытнаго, и оно не ниже переложеній прочихъ композиторовъ.

№ 16. *Съ нами Богъ.*

Знаменнаго распѣва.

Переложеніе Гр. О. этого произведенія относится къ концу 1891 года и написано по просьбѣ составителя. Считаю не лишнимъ привести здѣсь и переписку по поводу «Съ нами Богъ» и слѣдующаго затѣмъ N тропаря «Днесъ спасеніе» и «Воскресъ изъ гроба».

Изъ моего письма отъ 15-го октября 1891 г.

«Теперь позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, не найдете ли вы возможнымъ въ часы вдохновенія переложить «Съ нами Богъ» знамен. расп., если это не переложено вами уже ранѣе, и прислать, чтобы выучить къ Рождеству Христову, т. е., переложить одинъ стихъ: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ» изъ полного обихода. Жду съ нетерпѣніемъ и печатающихся вашихъ переложеній. Кромѣ сего я желалъ бы имѣть въ вашемъ переложеніи «Воскресъ изъ гроба». Мы иногда поемъ вмѣсто причастаннаго стиха «Днесъ спасеніе» Турчанинова, а «Воскресъ изъ гроба» я желалъ-бы имѣть въ вашемъ переложеніи.

Изъ письма Гр. О.:

«Вмѣстѣ съ симъ присылаю гармонизованные мною, согласно вашему желанію, тропари: «Днесъ спасеніе міру бысть» и «Воскресъ изъ гроба». Хотя о первомъ вы меня

и не просили, но такъ какъ оба тропаря одного характера, то мнѣ думается, что лучше будетъ, если тотъ и другой будутъ исполняться въ одномъ и томъ же стилѣ. Буду сердечно радъ, если и этимъ моимъ посильнымъ трудомъ вы будете довольны, какъ и другими.

Изъ моего письма:

«Извините, что отложилъ въ конецъ письма мою благодарность за присылку вашихъ вдохновенныхъ произведений. Буду пѣть вмѣсто причастного стиха.

Особенно мнѣ нравится мажорный характеръ многихъ мѣстъ, вполне соотвѣтствующій воскресенію, а также ходы у баса и дисканта.

Изъ моего письма:

«Сегодня получилъ «съ нами Богъ». Похвалы этому переложенію прочитайте въ моихъ прежнихъ письмахъ вамъ. Боюсь надоѣсть съ ними.

Въ нашей практикѣ пѣнія поется только одинъ стихъ и нѣсколько разъ припѣвъ: «Яко съ нами Богъ», а стихи читаетъ дьячекъ. Испрашиваю вашего разрѣшенія на измѣненіе слѣдующихъ мѣстъ — впрочемъ вами приведенныхъ въ другихъ редакціяхъ.

Изъ письма Гр. Θ.:

«Что же касается измѣненія въ гармонизаціи въ «Съ нами Богъ» *разумѣйте языцы*, то я не согласенъ на измѣненіе въ предлагаемомъ вами видѣ, потому что *слабо выражается обращеніе къ убѣжденію языковъ*, что ¹⁾ «Съ нами Богъ!» другое дѣло въ исполн. словъ: «того освятимъ». Въ окончаніи можно и слѣдуетъ, потому что въ стиховъ не поете, а потому и требуется полная каденція, какъ и значится въ послѣднемъ: Яко съ нами Богъ».

Изъ подчеркнутыхъ словъ видно, насколько Гр. Θ. строго и обдуманно относился къ тексту перелагаемыхъ пѣснопѣній.

¹⁾ Курсивъ составителя.

Все переложеніе написано въ торжественно угрожающемъ и ликующемъ стилѣ. Особенно же умилительный стихъ «Господа нашего освятимъ»; а далѣе «и той будетъ намъ въ страхъ»,—представляетъ уже мощный страхъ Божій.

При взглядѣ на это произведеніе невольно приходится опять повторить тѣ условія пѣнія, которыя уже приводились ранѣе. Если пѣвцы каждой партіи будутъ только выпѣвать и выкрикивать каждый свои ноты, то отъ этого пѣнія получится только голосовой шумъ.

Произведенія, подобныя этому, могутъ исполняться только такими пѣвцами, которые могутъ проникнуться текстомъ пѣснопѣнія; такіе пѣвцы должны какъ бы предлагать слушателямъ особенности смысла каждаго стиха, а тѣмъ болѣе въ такой радостный праздникъ, какъ Рождество Христово.

№ 17. Тропари: «Днесъ спасеніе» и «Воскресъ изъ гроба»
Знаменнаго распѣва.

О времени и причинахъ появленія этого переложенія только что сказано, тамъ же приведены и особенности.

№ 18. Херувимская пѣснь № 2.

Разрѣшена въ 1887 г. (у Турчанинова это переложеніе находится подъ № 6). Фа миноръ.

Это переложеніе стильно и доступно для каждаго хора. Къ особенностямъ этого переложенія надо отнести смѣну умилительныхъ аккордовъ въ фа миноръ свѣтлыми и широкими аккордами си мажоръ. Слова: «Трисвятую пѣснь» и «Ангельскими невидимо» исполняется безъ басовъ. Но болѣе всего поражаетъ въ этой Херувимской пѣсни выразительная мелодія тенора.

№ 19. Херувимская пѣснь № 3.

Разрѣшенная въ 1893 г. (у Турчанинова та же мелодія въ № 3). Си миноръ.

Объективное опредѣленіе достоинства духовно-музыкальнаго произведенія и его преимущества передъ другими

пѣснопѣніями на тотъ же текстъ того или другого автора дѣло весьма трудное, такъ какъ у составителя нѣтъ подъ руками, а главное и въ печати, критической оцѣнки другихъ критиковъ, кромѣ Лисицына, который сказалъ объ этой Херувимской слѣдующее: «стиль строгій, и обиходная мелодія сохранена, какъ святыня».

Оцѣнка духовно-музыкальнаго произведенія, такимъ образомъ, является дѣломъ вкуса и субъективнаго, даже временнаго, настроенія. Составитель при оцѣнкѣ произведеній Гр. Ѳ. Львовскаго имѣлъ въ виду, помимо своихъ впечатлѣній, тѣ впечатлѣнія, которыя производило то или другое произведеніе, то или другое мѣсто произведенія на тысячи слушателей курсовъ, между которыми было не мало знатоковъ и истинныхъ любителей пѣнія и регентовъ, развившихъ свой вкусъ на самомъ разнородномъ репертуарѣ.

При оцѣнкѣ приводимой «Херувимской пѣсни» составитель позволяетъ себѣ, во избѣжаніе однообразія оцѣнки, привести здѣсь мнѣніе извѣстнаго любителя, знатока и распространителя церковнаго пѣнія А. Д. Городцова, который при свиданіи въ Перми сказалъ, что изъ всѣхъ «Херувимскихъ пѣсней» Львовскаго ему нравится болѣе всего именно № 3.

Дѣйствительно, въ этой «Херувимской пѣсни», несмотря на нѣкоторую неплавность ея мелодіи и мѣняющуюся ритмику, очень много оригинальныхъ гармоническихъ сочетаній, и вся она написана такъ сказать въ духѣ русскаго церковнаго пѣнія и исполненія. Часть «Трисвятую пѣснь» исполняется безъ басовъ. Часть «Всякое нынѣ» — однимъ мужскихъ хоромъ, что невольно васъ переноситъ подъ своды мужского монастыря, и этой минутѣ очень соответствуетъ какъ мелодія, такъ и гармонія съ терцевымъ слѣдованіемъ въ верхнихъ голосахъ.

№ 20. *Милость мира.*

(На лит. Златоуста) Ре мажоръ. Сочиненіе разр. 1887 г.

Къ пѣснопѣніямъ литургіи, болѣе всего интересующимъ прихожанъ вообще и любителей церковнаго пѣнія въ осо-

бенности, принадлежать: Херувимская пѣснь, Милость мира и причастный стихъ. Въ виду этого въ духовно музыкальной литературѣ на текстъ указанныхъ пѣснопѣний и написана масса произведеній. У А. А. Архангельскаго написано 10 номеровъ «Милость мира». Есть много ненапечатанныхъ, приписываемыхъ Дегтереву и другимъ. При сравненіи духовно-музыкальныхъ произведеній на текстъ «Милость мира» нельзя не поставить на первомъ мѣстѣ «Милость мира» священ. Виноградова по своей выразительности, соотвѣтствію между музыкою и текстомъ, что болѣе всего можно выразить священнослужителю. Свящ. М. Лисицынъ называетъ это «Милость мира» ординарнымъ. Подобная оцѣнка едва ли вѣрна. Скорѣе это произведеніе, ввиду давности, доступности и красоты, можно назвать запѣтымъ. Съ своей стороны, я бы назвалъ его классическимъ.

Вторымъ «Милость мира» по своей красотѣ, художественности и соотвѣтствію тексту, вполне можно поставить приводимое «Милость мира» Львовскаго.

Вступленіе очень торжественное и мощное, какъ и должно быть при словахъ «Милость» и «хваления». Отвѣтъ священнослужителю «И со духомъ твоимъ» рр—скромный и какъ бы въ скобкахъ. «Имамы ко Господу» выражаетъ болѣе, чѣмъ у другихъ композиторовъ, стремленіе «горé». Весь хоръ останавливается при фермато на доминантѣ си миноръ съ стремящеюся «горé» нотою фа у дисканта. Очень выразительна здѣсь музыкальная фраза и у баса.

«Достойно и праведно есть» опять торжественно и съ замѣчательнымъ подчеркиваніемъ первыхъ двухъ словъ. «Покланятся Отцу и Сыну и Святому Духу», при піано въ минорѣ, очень вѣрно изображаетъ умильную и должную молитву. Далѣе слова «Тройцѣ единосущней и нераздѣльной» при *f* въ духѣ «Достойно и праведно». Эта часть кончается на субдоминантѣ, что очень оригинально. Нельзя не поразиться и здѣсь продуманностью

текста. На слогъ: «дѣльней» — у баса *соль*, твердое единство; дискантъ, составляя въ началѣ терцевое положеніе аккорда *соль*, переходитъ въ основной; альтъ изъ октавы переходитъ въ квинту, теноръ изъ квинты въ терцію, и все же они не сдвинули баса и не вышли всѣ изъ единства аккорда *соль*. Такъ изображена Львовскимъ «нераздѣльность».

Начало «Святъ, святъ» написано въ ликующемъ стилѣ, но безъ высокихъ нотъ у дисканта, какъ это есть у Виногридова, что торжественно и не такъ опасно для пѣвцовъ. Послѣ третьяго «святъ» басъ подчеркиваетъ слова «Господь Саваоѣ».

Далѣе отъ *f*, поставленнаго въ началѣ «Святъ», идетъ *ресцендо*, и постепенно движущаяся мелодія у альты и дисканта и возвышающаяся у баса составляетъ какъ бы приближающійся раскатъ громового удара. На словѣ «небо» этотъ ударъ достигаетъ своей высшей точки и на словахъ «и земля» этотъ раскатъ удаляется. Болѣе всего здѣсь поражаетъ тѣмъ, что все дано въ мѣру и подготовлено, и сглажено въ концѣ. На словахъ «и земля» альтъ повторяетъ мелодію баса. Далѣе басъ возвѣщаетъ мелодіей изъ нотъ *ля, си, ля, соль* — «славу», а затѣмъ теноръ фразой, пропѣтой равнѣ басомъ и альтомъ, иллюстрируетъ слово «въ вышнихъ».

При «благословенъ грядый» поражаетъ умиленіемъ картина встрѣчи Спасителя, а затѣмъ торжественное «Осанна» народа, предшествующаго и «вслѣдъ грядущаго», съ выдѣленіемъ альтовъ, какъ младенцевъ, и басовъ, какъ доминирующихъ. Все «Осанна» кончается и замираетъ на высокихъ аккордахъ *ре*, съ высокою нотою *ре* у баса и *соль* и *фа* у тенора.

Два слова: 1-е *аминь* и 2-е *аминь* казалось бы могли быть положены на музыку очень обыкновенно, какъ это и есть у многихъ композиторовъ, но не то у Львовскаго. Его «аминь» есть продуманное «аминь» послѣ самаго важнаго въ жизни христіанина возгласа изъ алтаря. Первое

«аминь» поется тихо, и по переменяющемуся движению во всѣхъ голосахъ очень гармонично. Второе «аминь» выражаетъ скорбный плачь христіанской души, вспоминающей великую жертву.

Это такъ чувствуется въ движеніи первыхъ и вторыхъ дискантовъ, въ задержаніи второго дисканта, въ низверженіи второго тенора долу; но главная тема у тенора, подтверждающаго отдаленность событія. Замѣчательнъ конечный аккордъ *си* въ основномъ положеніи, утверждающій истину сказаннаго изъ алтара.

«Тебе поемъ» написано въ неразрывномъ отъ начала до конца умиленномъ восхваленіи, благодареніи и молитвѣ. Въ этомъ дивномъ «Тебе поемъ» невольнъ чувствуетъ два хора: одинъ небесный, а другой земной, что очень рельефно изображено и музыкою.

«Тебе поемъ, Тебе благословимъ» начинается однимъ мужскимъ хоромъ. Это хоръ земной, и только теноръ стремится въ высь свою доминантную нотю фа; за нимъ усиленно стремится колѣнопреклоненный первый басъ съ своею выразительною мелодіей. 2-й теноръ и 2-й басъ представляютъ основу—землю. Далѣе наступаетъ благодарность неба и земли всего смѣшаннаго хора, съ очень выразительною мелодіей у дисканта и тенора.

Вопросъ, какое же слово въ этомъ «Тебе поемъ» подчеркнуть, оттъннить, на которомъ остановить все вниманіе, разрѣшенъ вѣрнѣе всего Львовскимъ. Конечно, это слово «Господи». И это слово очень выразительно изображено во всѣхъ голосахъ хора, особенно у баса, и этому слову посвящено три такта.

Далѣе приступаетъ къ возношенію молитвы земной хоръ съ начинающимъ басомъ. Какъ выразительна, умилительна и именно молитвенна мелодія 1-го и 2-го тенора! Въ задержаніи второго тенора на нотѣ *до* нельзя не почувствовать сокрушеннаго сердца. Какъ чудно умильно «Боже нашъ» въ терцевомъ слѣдованіи теноровъ! Весьма замѣчательнъ здѣсь и альтъ, который какъ бы восклоняетъ

ся колѣнопреклоненный отъ земли и, выразивъ чувство молитвы, опять падаетъ долу. То же дѣлаетъ далѣе и 2-й теноръ. Послѣ земного хора на «и молимтиса» опять вступаютъ небесный на высокихъ нотахъ 1 и 2 дискантовъ. Этотъ хоръ подхватываетъ земной хоръ теноровъ, которые вскорѣ раздѣляются на двѣ партіи. Здѣсь получается уже хоръ въ семь голосовъ. Получается масса, сила, мощь, непрестанное взываніе ко Творцу въ міровой молитвѣ. Чтобы доказать, насколько вдохновенно это выражено у Львовскаго, достаточно пропѣть партіи 2-го дисканта и обоихъ теноровъ на слова «Боже нашъ».

Далѣе слѣдуетъ «Боже нашъ» pp. и окончательное «и молимтиса» въ болѣе смиренномъ и трепетномъ настроеніи уже одного земного хора на низкомъ регистрѣ съ доминирующею нотою си у баса и 1 тенора и движеніями у альты и 2 тенора.

Молитва кончается аккордомъ квинтового положенія, давая знать, что молитва никогда не должна кончатся: вслѣдъ за этимъ вѣдъ и начинается другое восхваленіе Божіей Матери.

Это «Милость мира» одно изъ лучшихъ вдохновеній Гр. Ѳ. Требуется большого хора, не говоря уже о томъ, что пѣть его надо разумно. «Милость мира» до «Тебе поемъ», судя по малому числу черновиговъ, была написана, по всей вѣроятности, раньше и скоро. Надъ «Тебе поемъ» было не мало подготовительной работы, работы чрезвычайно характерной для творчества Львовскаго, что доказывается множествомъ черновиговъ.

А. Карасевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Св. Косма и Даміанъ, какъ покровители учащихся.

(Къ 17-му октября).

Существуетъ обычай, очень древній и распространенный: передъ опредѣленіемъ дѣтей въ школу для изученія грамоты приводить ихъ въ церковь и тамъ молиться св. безсребренникамъ Космъ и Даміану. Нѣкоторые же изъ родителей даже начало ученья приурочиваютъ ко дню памяти св. Космы и Даміана. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ въ своей книгѣ «Изъ Пережитого» извѣстный ученый Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Вотъ, что онъ пишетъ: «По предавію, какъ подобало, 1-го іюля, въ день Космы и Даміана, посадили меня за азбуку...—Почему дни Космы и Даміана, іюльскій и ноябрьскій, признаны въ народѣ законными къ началу ученья, недоумѣваю до сихъ поръ. Мальчикомъ, не знаю съ чьихъ словъ, я рассуждалъ, что правильнѣе бы начинать ученье 1-го декабря, въ день пророка Наума, потому что онъ наставляетъ на „умъ“ ¹⁾. Объ этомъ же обычаѣ упоминаетъ въ своей статьѣ: «Обученіе чтенію и письму» и г. Лавровскій ²⁾, изслѣдователь нашей старины. Спрашивается, на чемъ основывается подобный обычай, и почему св. Косма и Даміанъ считаются покровителями учащихся?»

¹⁾ „Изъ пережитого“. ч. I, стр. 91.

²⁾ Историч. хрест. В. Покровскаго, вып. X.

Прежде чѣмъ приводить тѣ или другія данныя для выясненія этого вопроса, мы считаемъ положительно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о святыхъ угодникахъ Космѣ и Даміанѣ. Св. Церковь празднуетъ память ихъ три раза въ годъ: 1-го іюля, 17-го октября и 1-го ноября. Но это не одни и тѣ же святые, а совершенно различные. Какъ видно изъ жизнеописанія, празднуемые 1-го іюля св. угодники родились въ Римѣ и обладали даромъ исцѣленія. Они многихъ обратили въ христіанство и наконецъ были побиты камнями однимъ врачомъ, отъ котораго они научились врачебному искусству. Св. Косма и Даміанъ, празднуемые св. Церковью 17-го октября, были также мученики, но происходили изъ Аравитской страны. Въ царствованіе Діоклитіана и Максиміана игемонъ Лисій принуждалъ ихъ принести идольскую жертву. Когда же они отказались, то онъ повелѣлъ ихъ бить, а затѣмъ бросить ихъ въ морскую пучину, изъ которой освободилъ ихъ ангелъ Господень. Наконецъ они были усѣчены мечомъ. Что касается святыхъ Космы и Даміана, празднуемыхъ 1-го ноября, то они были родомъ изъ Азіи. Отецъ ихъ былъ язычникъ, а мать христіанка. За свою святую жизнь они получили отъ Бога даръ исцѣленій и мирно окончили свою земную жизнь. Мощи ихъ были положены въ Фереманѣ (Месопотамія). Въ народномъ сознаніи однако эти три святые двоицы слились нераздѣльно, чему способствовали, конечно, многія общія черты изъ житій этихъ святыхъ, напр: врачебное искусство, которое было извѣстно святымъ (17-го окт. и 1-го іюл.), даръ исцѣленій, которыя безмездно совершали угодники, за что и названы они безсребренниками (1-го іюл. и 1-го нояб.), наконецъ мученическая кончина святыхъ (17 окт. и 1-го іюл.).

Но въ жизнеописаніяхъ этихъ святыхъ нигдѣ не говорится о томъ, чтобы эти угодники имѣли какое-либо особое отношеніе къ учащимся, считались ихъ покровителями. Не встрѣчается указаній на это и въ произведеніяхъ нашей народной поэзіи, а также и въ сказаніяхъ апокри-

фическихъ. Только въ нашихъ азбуковникахъ, или древне-русскихъ толковыхъ словаряхъ, составляющихъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ древней русской письменности, читаемъ такія строки: «есть обычай многимъ (учащимся) совершати любезная св. безсребренникомъ Космъ и Даміану и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать»¹⁾. Вѣроятно, на этомъ основаніи г. Лавровскій въ вышеупомянутой нами статьѣ: «Обученіе чтенію и письму» и пишетъ, что предки наши, избравши благопріятный день, отправлялись со своими дѣтьми въ церковь, служили молебень св. Космъ и Даміану, или даже святому дня, и потомъ сажали ихъ за столъ, на которомъ лежала азбука. Такимъ образомъ, свидѣтельства азбуковниковъ показываютъ намъ, что обычай предъ обученіемъ грамотъ молиться св. Космъ и Даміану ведетъ свое начало отъ древности. Самъ г. Лавровскій объясняетъ происхожденіе его аналогіей съ греческими школьными обычаями, гдѣ св. безсребренники Косма и Даміанъ почитались, какъ патроны учащихся²⁾. Извѣстно, какъ сильно было вліяніе Византіи на древнюю русскую письменность. Это объясняется тѣмъ, что христіанскую вѣру мы приняли отъ грековъ, изъ Византіи, а потому на первыхъ порахъ и письменность наша должна была подчиниться Византійскому вліянію. Это греческое, или византійское, вліяніе на нашу словесность держалось въ теченіе всего древняго періода. Насколько оно было сильно, это можно видѣть уже изъ того, что у насъ въ древній періодъ появлялись даже тѣ самые виды литературныхъ произведеній, какіе были господствующими въ Византіи. Такъ, сборники, бывшіе любимую формою византійской письменности, нашли и у насъ широкое распространеніе. Далѣе, произведенія историческія, такъ

¹⁾ Историч. хрест. г. Покровскаго, вып. X. ст. г. Мордовцева „Школьное воспитаніе въ XVII стол.“

²⁾ См. ст. г. Мордовцева „Школьное воспитаніе въ XVII стол.“

называемыя хроники и хронографы, пользовавшіяся большою извѣстностью въ византійской литературѣ, были очень популярны и у насъ. Что же удивительнаго послѣ этого, если изъ Греціи къ намъ проникли и нѣкоторые школьные обычаи и въ томъ числѣ обычай считать св. Косму и Даміана покровителями учащихся.

И. Ромашиковъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Патріаршая письменность въ отношеніи къ письменности южно-русскихъ ученыхъ XVI и XVII вв.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но мы не можемъ не признать того, что письменность русскихъ патріарховъ, несмотря на свои несомнѣнные достоинства, не обратила на себя вниманія ученыхъ изслѣдователей, и только нѣкоторыя ихъ произведенія, касающіяся главнымъ образомъ нашего русскаго раскола, пріобрѣли сравнительно большую извѣстность и имѣли гораздо большее значеніе въ странѣ, чѣмъ всѣ другія ихъ работы съ болѣе общимъ въроучительнымъ и нравоучительнымъ содержаніемъ. Трудно разгадать причину, по которой изслѣдователи нашей русской старины почти не касались разсматриваемыхъ нами литературныхъ памятниковъ, если не поставитъ этого явленія въ болѣе или менѣе близкую связь съ вполне сочувственнымъ отношеніемъ нашихъ изслѣдователей старины къ южно-русской учености XVI и XVII вв. и къ южно-русскимъ ученымъ. И въ самомъ дѣлѣ, построенная по другимъ совершенно неизвѣстнымъ у насъ на сѣверѣ образцамъ, украшенная очень разнообразными оборотами мысли и самыми прихотливыми формами выраженія, южно-русская письменность естественно должна была обратить на себя общее вниманіе и привлечь къ себѣ живыя сим-

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую книжку *Душеп. Чит.* за 1910 г.

патіи очень многихъ изслѣдователей. Преосвященный Филаретъ Черниговскій, говоря въ IV т. своей Исторіи о южно-русскомъ просвѣщеніи и южно-русскихъ ученыхъ, выражаетъ почти благоговѣніе предъ этой новой ученостию, совершенно неизвѣстною на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ, предъ новыми литературными приѣмами, новыми формами мысли и слова, новыми взглядами на вещи. Лаврентій Зизаній (XVI в.), Іоанникій Голятовскій (XVII в.), Лазарь Барановичъ (XVII в.)—это его маленькіе кумиры, предъ которыми онъ довѣрчиво склоняется, безъ всякой иногда критики, безъ подробнаго разсмотрѣнія ихъ пасторской и литературной дѣятельности ¹²⁰⁾. Галаховъ, не сказавшій о письменности русскихъ патріарховъ ни одного почти слова, очень тщательно изучалъ письменность западныхъ ученыхъ и съ большой похвалой отзывался «о самой рѣчи» южно-русскихъ духовныхъ писателей, построенной по болѣе совершеннымъ западнымъ образцамъ и формамъ. «Въ ней, говоритъ онъ, нельзя не видѣть движенія и жизни при всей ея неровности, происходящей отъ смѣшенія разнородныхъ тоновъ—возвышеннаго и обыкновеннаго, благороднаго и тривіальнаго, и отъ быстрыхъ часто неожиданныхъ переходовъ изъ одного строя въ другой прямо противоположный. Въ ней меньше пуризма и больше разнообразія, меньше исключительности и больше простора. Если она не отличается глубиною мысли, то, по крайней мѣрѣ, выигрываетъ въ широтѣ содержанія» ¹²¹⁾.

¹²⁰⁾ Церк. Ист. Филарета Черниговскаго, т. IV. Между тѣмъ, говоря о Дмитріи Ростовскомъ, онъ благодаритъ благодѣтельныя обстоятельства, спасшія его отъ западной гнилой схоластики и давшія намъ дѣятеля съ сильнымъ и трезвымъ умомъ, безъ всякихъ вліяній на него южно-русской школьной учености. Церковная Исторія Филарета, т. IV, стр. 115. Въ устахъ преосвященнаго автора Церк. Ист. такой отзывъ о схоластической учености представляется намъ совершенно неожиданнымъ, послѣ безусловныхъ почти похвалъ его южно-русскимъ ученымъ; но, взятый внѣ связи съ предшествующими мыслями, онъ представляется только весьма справедливымъ для добросовѣстнаго историка.

¹²¹⁾ Галаховъ, Ист. Русс. Слов., 177 стр.

Но столько же справедливо и то, что было высказано на этот предмет другимъ изъ нашихъ русскихъ ученыхъ, также очень интересовавшимся памятниками нашей древней письменности. «Мы привыкли цѣнить, говорить оны, только то развитіе, въ которомъ видятся стремленія общечеловѣческія, въ которомъ жизнь вырабатывается на основаніи добываемыхъ истинъ и познаній, въ которомъ понятія освобождаются отъ ложныхъ представлений и зарождаются идеалы, отличающіеся отъ прежнихъ бѣльшимъ человѣческимъ достоинствомъ. Въ этомъ только мы видимъ настоящее стремленіе къ образованію; это представляетъ намъ ту мѣру, по которой мы даемъ оцѣнку фактамъ, одни считая за важные, другіе за менѣ важные, а третьи и совсѣмъ не имѣющіе значенія»¹²²). Примѣнивъ эту точку зрѣнія къ схоластической письменности вообще, и въ частности къ письменности южно-русскихъ ученыхъ, мы едва ли найдемъ въ ней тѣ достоинства, какихъ требуетъ отъ каждаго литературнаго труда эта болѣе трезвая и серьезная критика. Мы знаемъ, какъ мало помогла схоластика нашему общечеловѣческому развитію, и какъ ограниченно было для всѣхъ ея научное и чисто практическое значеніе. Риторическія познанія, навыкъ вести споръ, умѣнье объяснять догматы вѣры при помощи силлогизмовъ и другихъ умозаключеній, чѣмъ по преимуществу владѣли наши южно-русскіе ученые,—все это было, конечно, очень важно само по себѣ и очень существенно, но все это представляло болѣе внѣшность, форму, а не самую мысль. Тѣ свѣдѣнія и познанія, которыя сообщались въ схоластическихъ сочиненіяхъ, давали самую незначительную пищу любознательному уму; они только опутывали сознательный и трезвый взглядъ на вещи множествомъ самыхъ невѣроятныхъ, а иногда даже и нелѣпыхъ рассказовъ изъ области

¹²²) Стоюнинъ, О преподаваніи русс. слов. южно-русс. пропов. въ XVI и XVII вв., стр. 16—27 и дал.

астрономіи, исторіи, зоологіи и т. п. наукъ, съ которыми и сами авторы были почти незнакомы ¹²³).

По этому поводу не безъ основанія, можетъ быть, замѣчаетъ одинъ изъ историковъ нашей русской литературы, что Москва, нехотѣвшая принять ученыхъ толкованій Лаврентія Зизанія, какъ противныхъ буквальному смыслу Библии, нисколько не теряетъ въ нашихъ глазахъ и не кажется намъ оттого еще невѣжественнѣе. «У тебя, говорили Лаврентію, писано о кругахъ небесныхъ, зодіакъ, солнечномъ затменіи, громѣ, молніи и т. п. Развѣ это правда, что облака, надувшись, сходятся, ударяются, и оттого бываетъ будто громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? И звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными, звѣрями! Мы вѣруемъ, что написалъ Моисей: «и сотвори Богъ два свѣтила..., а животными и звѣрями не называлъ ихъ Моисей» ¹²⁴). Цѣлый рядъ грубыхъ, баснословныхъ рассказовъ изъ священной, церковной и гражданской исторіи, сообщаемыхъ нашими южно-русскими учеными, скорѣе могъ вредить религіозному развитію общества, чѣмъ споспѣшествовать ему, и Теофанъ Прокоповичъ имѣлъ, вѣроятно, достаточно основаній, чтобы сказать съ желчью о письменности подобнаго характера: «что это, безсмертный Боже, за грубость относительно священныхъ догматовъ, что за страсть и охота лгать!» ¹²⁵).

Защитники южно-русской учености стараются сгладить, по мѣрѣ возможности, тѣ слабыя стороны, какія встрѣ-

¹²³) Иоанникій Голятовскій передаетъ, напр., слѣдующія астрономическія свѣдѣнія: „По ученію философовъ и астрологовъ, говоритъ онъ, всѣхъ небесъ одиннадцать: на первомъ, ближайшемъ къ намъ, луна, подъ вліяніемъ которой возрастаетъ человѣкъ, становясь изъ ребенка совершеннымъ мужемъ... На второмъ небѣ планета Меркурій; родившійся подъ нею бываетъ ораторомъ знаменитымъ... Солнце, пребывающее на четвертомъ небѣ, вліяетъ на разумъ и чувства человѣческія и т. п. Стоюнинъ о препод. русс. слов. южно-русс. пропов. въ XVI и XVII вв., стр. 47 и 48. .

¹²⁴) Ibidem., стр. 189, 190.

¹²⁵) Изъ рукоп. риторики Теофана Прокоповича, lib. VI, стр. 4.

чаются въ письменности южно-русскихъ ученыхъ: ихъ крайній схоластицизмъ они объясняютъ естественнымъ вліяніемъ на южную Русь западныхъ и преимущественно католическихъ образцовъ, составленныхъ по застарѣлымъ схоластическимъ руководствамъ; плохое знаніе ими историческихъ и естественныхъ наукъ оправдываютъ тѣмъ, что разработка этихъ наукъ не входила въ кругъ ихъ специальныхъ изслѣдованій и что они неизбежно должны были пользоваться уже готовымъ на этотъ предметъ матеріаломъ. Но, какъ бы ни основательны были подобныя взгляды и сужденія, мы все же скорѣе согласны стать на сторону простой, безыскусственной письменности писателей сѣверной Россіи, въ которой безъ всякихъ схоластическихъ прикрасъ излагается живая истина, не оторванная отъ обыденныхъ нуждъ, стремленій и понятій цѣлаго народа, но выражающая его заветныя мысли, его стремленія и радости, его любовь къ Богу и людямъ. А такими именно чертами запечатлѣна и наша патріаршая письменность. Здѣсь, вмѣсто астрологическихъ разсужденій о мірахъ небесныхъ или о томъ, какъ Христосъ Спаситель постепенно возносился съ низшаго неба на высшее, и какъ каждый разъ голосъ Бога Отца возвѣщаль Ему: «Сыне, взыди выше», пока наконецъ Господь вознесся до крайняго неба, эмпирейскаго, и возсѣлъ одесную Бога Отца ¹²⁶), здѣсь, вмѣсто подобныхъ схоластическихъ умствованій, предлагаются самыя простыя правила жизни и дѣятельности христіанской, безъ соблюденія которыхъ нельзя благочестиво жить человѣку и благочестиво дѣйствовать, безъ которыхъ нравственная жизнь русскаго народа, подвергавшаяся иногда самымъ неблагопріятнымъ на нее вліяніямъ, могла сойти на самую низшую ступень нравственнаго разложенія ¹²⁷). Въ сочиненіяхъ русскихъ

¹²⁶) Огородовъ Маріи Богородицы, стр. 99—101. Южно-русс. проп. въ XVI и XVII вв.

¹²⁷) Галаховъ, Ист. русс. литер., стр. 217. Сюда нужно отнести государственное потрясеніе при самозванцахъ и слишкомъ бурный по-

патріарховъ, очень небогатыхъ научными приѣмами изслѣдованія и изысканно литературной обработкой составляющаго ихъ содержанія матеріала, повсюду чувствуется простая, непринужденно пастырская рѣчь, простое изложеніе самыхъ жизненныхъ понятій, какія прежде всего необходимо было усвоить тому христіанскому обществу, среди котораго жили и дѣйствовали патріархи. Нѣтъ нужды, что письменность русскихъ патріарховъ, какъ и вообще сѣверныхъ церковныхъ писателей, небогата разработкою основныхъ вопросовъ христіанскаго вѣроученія; за то она очень богата правилами чистой христіанской нравственности. Въ ней ярко отразилась вся жизнь, всѣ общественныя нестроенія того времени, въ которое жили и писали свои поученія наши русскіе первосвятители. Какъ попечительные отцы своихъ духовныхъ дѣтей, они внимательно слѣдили за всѣми перемѣнами въ нравственномъ развитіи и настроеніи общества и поддерживали это общество въ минуты его нравственныхъ колебаній, а иногда и полной во всемъ неустойчивости ¹²⁸).

Весьма значительная часть письменности русскихъ патріарховъ направлена къ обличенію въ современномъ патріархамъ обществѣ разныхъ общественныхъ язвъ и пороковъ, за которые, по словамъ патріарховъ, Господь жестоко каралъ народъ свой. Такъ, въ одномъ изъ своихъ поученій, именно въ поученіи о нашествіи супостатовъ, патріархъ Іоакимъ такъ краснорѣчиво обличаетъ современное ему общество: «О, великаго юродства! О, неслыханнаго бѣснованія нашего!.. Когда бяху въ насъ толика безстыдная любодѣянія, піанства, убійства, грабленія, лихоиманія, кривосудія, татьбы, неправды, неправоклятвія, порабощенія сиротъ и вдовиць, удержанія мзды

токъ пронесшихся по Россіи новыхъ взглядовъ и понятій, которые не могли быть вдругъ отчетливо поняты и усвоены русскимъ народомъ.

¹²⁸) Поученіе патр. Іоакима въ нашествіе варваръ. См. Рукоп. Соф. Библ., № 1405; Дух. Зав. Іоакима въ Ист. Петра Великаго, Устрялова.

наемничи, составленія неправедныхъ писаній, растлвнїя рабынѣ на блудъ, нуждею влекомыхъ, прїобидвнїя св. обителей и церквей, продаванїя въ вѣчное порабощенїе православныхъ христанѣ, аки безсловесный скотъ, ради своего прибытка; отъ иновѣрныхъ языкъ велїю укоризну и поносъ тѣмъ себѣ прїобрѣтаемъ. Православнымъ христаномъ повсюду велїи налоги творяще и безмѣрными податями отягчавающе, ни въ чемъ же отраду имъ творяще, ниже взиманїй умаляюще, но всякимъ немилосердіемъ ожесточени, вящая и неудобноносимая бремена, тяжкія работы и даванїе пенезей на выи ихъ полагаемъ чрезъ многїя слезы и бїйства тирански, безъ всякаго щаденїя и милости вземлюще, ихъ же вопль и рыданїе проникаетъ небеса и предъ небеснаго судїю восходитъ¹²⁹⁾.

За этимъ печальнымъ изображенїемъ нравственнаго состоянїя русскаго общества въ XVII вѣкѣ, патріархъ рисуетъ картину готовящейся казни на непокорный Богу народъ и снова взываетъ къ нему объ исправленїи: «Се уже собра и спекуляторовъ правосудїя своего пребожественнаго, множае власъ главныхъ, и тїи вси уже уготоваша оковы вязанїя, ужы и заклѣпы на связанїе рукъ и ногъ нашихъ: тїи вси изостриша мечи своя на усѣченіе главъ нашихъ, токмо ожидаютъ овыхъ словесъ божественныхъ: «Возьмите, вяжите и убїйте, что убо зѣло близъ приходитъ: возьмемъ на себе вретїще святаго покаянїя, заповѣдаемъ тѣлесѣмъ нашимъ постъ, яко же ниневитяне, уклонимся вси до молитвы отъ мала и до велика и возопїимъ къ Нему съ плачемъ глаголюще: «Отче! согрѣшихомъ на небо и предъ Тобою»¹³⁰⁾.

Въ такихъ же чертахъ описываетъ нравственное состоянїе общества и патріархъ Іосифъ. Въ поученїяхъ сво-

¹²⁹⁾ Рук. Соф. Библ., № 1504. Поученїе патріарха Іоакима, возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатовъ, стр. 10 и 11.

¹³⁰⁾ Рук. Соф. Библ., № 1504; поученїе патріарха Іоакима въ шествїе варваръ, стр. 18 и 19.

ихъ онъ подробно перечисляетъ тѣ грѣхи и пороки, которые были господствующими въ современномъ ему обществѣ и которые были причиною многихъ общественныхъ бѣдствій; старается указать источникъ, изъ котораго они происходили ¹³¹⁾, и заключаетъ свое поученіе сильными обличительными словами ветхозавѣтныхъ пророковъ, въ которыхъ слышится глубоко безнадежная скорбь русскаго святителя: «О, лють мнѣ, душе! яко погиге боязливый отъ земли и исправляющаго въ человекѣхъ нѣсть: кождо другу своему зазлетъ, на злобу руцѣ ихъ уготвляють ¹³²⁾; судіи емлють, князи грабятъ и изъядаютъ, сильные сокрушаютъ немощнаго, заступающаго нѣсть; кійждо другу глаголетъ мирное, а въ сердцѣ злая помышлетъ. О, лють, лють! Отмщенія твоя нынѣ придоша; не уповайте на други, не надѣйтесь на старѣйшины; врази бо мужу домашніе его» (Михея 7, ст. 2—7).

Вотъ въ какомъ духѣ и направленіи писали свои сочиненія русскіе патріархи. Не больше ли заключается въ этомъ пищи для сердца и ума, чѣмъ въ какихъ-либо разсужденіяхъ южно-русскихъ ученыхъ о томъ, напр., какъ во время бѣгства Христа Спасителя въ Египеть одно дерево преклонилось предъ Нимъ до земли, а другое—финиковое, наклоняясь, предлагало путникамъ свои плоды; что львы и змѣи выходили изъ кустовъ воздать поклонъ Христу Спасителю; что множество мелкихъ птицъ пѣли предъ Нимъ человѣческимъ голосомъ: витай, Царю! и проч., и проч. ¹³³⁾. Сравните, далѣе, съ приведенной нами выпиской изъ сочиненій русскихъ патріарховъ то мѣсто знаменитаго южно-русскаго проповѣдника, А. Радвильов-

¹³¹⁾ Поученіе патріарха Іосифа ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, стр. 23. Патріархъ разумѣетъ здѣсь главнымъ образомъ вліяніе западныхъ народовъ на нравы и обычаи современнаго ему общества.

¹³²⁾ Въ Библии нѣсколько иначе читается это мѣсто: „Кійждо ближняго своего озлобляетъ озлобленіемъ, на зло руки своя уготвляють; князь просить, и судія мирная словеса глаголетъ“.

¹³³⁾ Южно-русс. пропов. въ XVI и XVII вв., стр. 30.

скаго, гдѣ онъ говорить о птицахъ Сарацинской земли, называемыхъ сороактесами, которыя, когда придетъ страстная недѣля, не поютъ, не ѣдятъ до Воскресенія Христа; но висятъ на деревьяхъ, какъ мертвыя, распростерши крылья на подобіе креста ¹³⁴); о единорогѣ, имѣющемъ свойство, коснувшись рогомъ воды, изгонять ея вредоносность ¹³⁵); о слонахъ, привѣтствующихъ восходъ солнца нѣкоторымъ рычаніемъ и поклонами и проч., и проч. ¹³⁶). Но возвратимся еще разъ къ предмету нашего изслѣдованія, къ письменности русскихъ патріарховъ.

Правила христіанской жизни и дѣятельности, предлагаемыя патріархомъ Адрианомъ въ его «Поченіи о должностяхъ каждаго чина», касаются всѣхъ сторонъ общественной и частной жизни современнаго патріарху общества. Въ его словахъ чувствуется такъ много непосредственно живой правды, что кажется, будто сама жизнь говоритъ устами русскаго святителя и даетъ его перу то или другое направленіе. Конечно, предлагаемыя патріархомъ правила христіанской жизни и дѣятельности не могутъ вполне удовлетворить современнаго намъ изслѣдователя русской религіозной мысли и жизни. Въ сочиненіяхъ этого патрі-

¹³⁴) Ibidem., стр. 43. Огородокъ, стр. 1015.

¹³⁵) Ibidem., стр. 451.

¹³⁶) Ibidem., стр. 929. „Пишутъ мудрые, говоритъ Антоній Радвиловскій, что у Дирдовъ, горныхъ Индовъ, находится нѣкоторая возвышенная равнина на 3000 поприщъ въ окружности; а подъ тою равниною золотыя горы, а золото выгребаютъ муравьи величиною не меньше лисицы. Сосѣдніе люди, прѣзжая, потихоньку собираютъ кусочки золота, но не могутъ дѣлать этого явво, потому что муравьи стерегутъ золото и, замѣтивши похитителей, преслѣдуютъ ихъ и убиваютъ. Чтобы помочь этой бѣдѣ, люди разбрасываютъ кусочки мяса и, когда муравьи разбредутся на добычу, люди безопасно собираютъ и уносятъ золото. Южно-русс. пропов. въ XVI и XVII вв., стр. 45. Огородокъ, стр. 863 и 864. Нѣкоторые рассказываютъ (слова того же автора), что въ Британіи на берегахъ одной рѣки растутъ такія деревья, листья которыхъ, опускаясь въ воду, немедленно превращаются въ птицъ и улетаютъ въ невѣдомыя страны. Огородокъ, стр. 837.

арха встрѣчаются иногда очень наивныя страницы даже для того времени, въ какое онѣ были написаны. Но зато въ предлагаемыхъ патріархомъ нравственныхъ правилахъ нѣтъ ни строго аскетическаго пуризма, непримиримаго съ условіями общественной жизни XVII вѣка, ни мелкихъ казуистическихъ частностей, какими такъ богаты даже прославленныя сочиненія нашихъ южно-русскихъ ученыхъ и писателей. Возьмемъ хотя бы поученіе Адріана «о должностяхъ каждаго чина» и выпишемъ изъ него нѣсколько отрывковъ для возможно полнаго ознакомленія съ характеромъ этого сочиненія: «Всѣмъ православнымъ христіаномъ, говоритъ патріархъ, жити подобаетъ благочестиво, по отцепреданнымъ св. восточныя церкви догматомъ, въ чистотѣ и трезвости заповѣди Божія хранить... Всякаго чина сущимъ православнымъ христіаномъ царя православнаго почитать, любити и бояться его... Пищу и одежду и прочія потребы стяжавати отъ своихъ трудовъ или руководѣій, или отъ иныхъ каковыхъ пріобрѣтений праведныхъ, отъ нихъ же и даръ Богу приносить и милостыню творити по силѣ: милуй бо нища въ заемъ даетъ Богу» ¹³⁷)... Князьямъ и боярамъ и всѣмъ судіямъ земнымъ заповѣдуетъ патріархъ праведно судить подсудимыхъ и защищать тѣхъ, которыхъ обижаютъ; въ судѣ не щадить ни богатыхъ, ни убогихъ и не страшиться предъ сильными: творяй неправеднаго праведна, проклятъ есть, говоритъ святитель. Онъ заповѣдуетъ, далѣе, не ослѣплять мздой очей своихъ, такъ какъ любящіе мзду и дары—сообщники суть татемъ и разбойникамъ ¹³⁸). Военачальниковъ и градоначальниковъ онъ проситъ не считать своихъ подчиненныхъ порабощенными, но имѣть ко всѣмъ любовь, никого не обижать, не брать лишнихъ оброковъ, а виновныхъ наказывать съ разсмотрѣніемъ, «яко отецъ дѣтей» ¹³⁹).

¹³⁷) Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 245 и 246.

¹³⁸) Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 246.

¹³⁹) Ibidem., стр. 247.

Столько же простые и безхитростныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень мудрыя правила предлагаетъ святитель отцамъ семействъ о воспитаніи дѣтей въ страхѣ Божіемъ ¹⁴⁰⁾ и господамъ—о кроткомъ обращеніи съ рабами: «Господіе, говоритъ онъ, имѣйте рабы и рабыня своя во всякомъ довольствѣ, призирающе на нужды ихъ благообразно-трительно... Страху Господню научайте я, обаче не жестокостію, но кротостію и любезностію. И подданные вамъ земледѣльцы безмѣрными оброки и великими податями и трудами не отягчайте и налоговъ излишнихъ на нихъ не налагайте, якоже нѣдцы ненаказаніи творятъ жестоко-сердно» ¹⁴¹⁾. Въ такомъ духѣ продолжаетъ патріархъ свои наставленія и въ дальнѣйшихъ главахъ своего довольно обширнаго поученія. Прочитайте, наконецъ, тѣ страницы изъ поученій патріарховъ Іова и Іосифа, въ которыхъ они излагаютъ права и обязанности пастырей церкви, обѣты иноковъ ¹⁴²⁾ и обличаютъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ за несоблюденіе добровольно принятыхъ ими на себя обязанностей ¹⁴³⁾, и затѣмъ еще разъ сравните литера-

¹⁴⁰⁾ „Родители, дѣти своя воспитывайте не въ своевольствѣ ихъ, но въ наказаніи и въ чистотѣ тѣлеснѣй и наученіи божественнаго писанія. Самовольства же имъ отъ юности не давайте, но склоняйте вью ихъ, мягку еще сущу, да нѣкогда, ожесточавше, не покорятся вамъ Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 253.

¹⁴¹⁾ Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 253 на оборотѣ.

¹⁴²⁾ Рук. Соф. Библ., № 1475, стр. 147—151. *Христ. Чит.*, 1869 г., № 11, стр. 891—893. То же у патріарха Іосифа въ поученіи архіереомъ и священноинокамъ, и мірскимъ іереомъ. Рук. Соф. Библ., № 1503, стр. 244.

¹⁴³⁾ О, горе вамъ, вожеве слѣпніи (изъ посланія Іова къ грузинскому митрополиту Николѣ), яко затворяете царствіе Божіе предъ человѣки, ни сами входяще, ни иному даете впити. Внемлите, пастушескіе старѣйшины: подражайте святымъ отцамъ, не почивайте, учаще порученныя вамъ люди... Не скрывайте бисера Господня въ пьянствѣ. *Христ. Чит.* 1869 г., № 11, стр. 891 и 892. Красно есть воинину и мнозей хвалы достойно, пишетъ патріархъ Іовъ, еже видѣти мужа въ міру отрицающася міра и иже въ немъ красныхъ; кульно же и проклято,

турные труды русских патріарховъ съ письменностію южно-русскихъ ученыхъ, въ которой Іоаннъ Богословъ не иначе восхваляется, какъ по десяти предикаментамъ, которыми все опредѣляется и объемлетъ ¹⁴⁴), въ которой Пресвятая Дѣва уподобляется небу, дому Соломонову, радугѣ, морю, граду твердому, вратамъ, замку, жезлу Моисееву, зеркалу ¹⁴⁵) и лиліи. (Огородокъ, стр. 416—634); Іисусъ Христосъ уподобляется льву, кокоши, рошѣ масличной, цвѣтку и камню (Вѣнецъ Христовъ. Огородокъ, стр. 890. Ключъ, стр. 127). Іоаннъ Предтеча—со-

еже видѣти мниха, санъ въ мірѣ пріемлюща и мірская творяща, и богатства беруща. Отъ царя и отъ вельможи власти ищутъ, и отъ бояръ и отъ гостей имѣніе, а отъ меньшихъ чти и поклоненія. И таковое вида, поганіи поношаютъ и укоряютъ. Рук. Соф. Библ., № 1475, стр. 131 и 132. *Христ. Чт.* за ноябрь 1869 г., стр. 879.

¹⁴⁴) „Апостола Іоанна, говоритъ проповѣдникъ, какъ философа, любящаго мудрость, буду я сегодня хвалить изъ философіи“. Есть у философовъ, говоритъ онъ, десять предикаментовъ, которыми все опредѣляется и объемлетъ: 1) substantia (истинность), 2) quantitas (количество), 3) qualitas (яковость), 4) relatio (отношеніе), 5) actio (дѣйствіе), 6) passio (терпѣніе), 7) quando (когда), 8) ubi (гдѣ), 9) situs (положеніе), 10) habitus (видъ—одежда). По предикаменту 9 онъ такъ восхваляетъ великаго апостола: „предикаментъ девятый-situs означаетъ положеніе, когда кто-либо лежитъ или сидитъ, или стоитъ. Можемъ апостола Іоанна хвалить и отъ положенія (хвалите!), ибо части тѣла его имѣли различное положеніе. Когда апостоль Іоаннъ въ откровеніи, увидавъ Христа, палъ на землю предъ ногами Христовыми, то всѣ члены его были распростерты. Когда ап. Іоаннъ молился Богу, то всѣ члены тѣла его имѣли другое высшее положеніе. А когда ап. Іоаннъ, стоя и глядя на небо, диктовалъ евангеліе ученику своему Прохору, то члены тѣла его имѣли еще иное, еще высшее положеніе“. Южно-русск. пропов. XVI и XVII вв. Ключъ, л. 461.

¹⁴⁵) Зеркало состоитъ изъ ртуты и стекла,—такъ и Пресвятая Дѣва являетъ въ себѣ дѣвственность и смиреніе; 2) въ зеркалѣ отражается художникъ, создавшій его, такъ и Господь Богъ изображается въ непорочной Маріи; 3) зеркало бываетъ украшено дорогою оправой, такъ и Пресвятая Дѣва облечена въ благолѣпіе; зеркало, будучи мало, отражаетъ въ себѣ великія вещи, то же должно сказать и о Маріи—зеркалѣ божества и т. п. Огородокъ, стр. 617—623.

ловью ¹⁴⁶⁾, Іоаннъ Богословъ—печати, апостолъ Андрей—карбункулу, св. Николай—солнцу, св. Савва—розѣ и лиліи, св. Антоній—муравью, три святителя—сардію, топазію и смарагду; крестъ Христовъ—мечу и рогу и т. п. ¹⁴⁷⁾).

Всѣ риторическія пособія и руководства, какими пользовались воспитанники Кіевской коллегіи, были одного характера съ «Ключемъ Разумнiя» и конечно насильственно стѣсняли всякую свободную и живую мысль, замыкая ее въ опредѣленныя литературныя формы и выраженія. Приступая къ литературному труду, южно-русскій писатель уже напередъ зналъ тотъ путь, которымъ онъ обязанъ былъ итти къ предположенной имъ цѣли, не уклоняясь ни на шагъ отъ старыхъ литературныхъ формъ схоластической письменности. Въ руководствахъ къ преподаванію словесности, которыми пользовались всѣ южно-русскіе ученые, предлагались правила на самые частные случаи въ развитіи, направленіи и построеніи мыслей (каузистика). Воспитанники обязаны были затверживать слова и обороты, сообщающіе рѣчи красоту. Въ ряду ихъ первенствовали термины мнѳологическіе, какъ высшее убранство рѣчи. Руководства снабжены были особымъ спискомъ словъ, служащихъ для похвалы или порицанія... Литературный матеріалъ распредѣлялся по отдѣламъ: въ одномъ были помѣщены историческіе примѣры, въ дру-

¹⁴⁶⁾ Соловей созданъ для того, чтобы прекрасно пѣть, говоритъ авторъ Огородка, Антоній Радивилевскій,—Іоаннъ Предтеча родился для того, чтобы возглашать славу Христа Господа; 2) голосъ соловья очень пріятенъ и громокъ, то же можно сказать и о проповѣди Іоанна Предтечи; 3) соловей, по словамъ Плинія, имѣть очень много „духу“ и очень мало тѣла, таковъ же и Іоаннъ Предтеча; 4) по словамъ натуралистовъ, соловей въ началѣ весны такъ увлекается пѣніемъ, что почти не ѣстъ, Іоаннъ Предтеча, явившись при началѣ благодати, проповѣдывалъ съ великимъ усердіемъ и много постился; 5) соловей перемѣняетъ свой голосъ, смотря по различію часовъ, точно такъ же была разнообразна проповѣдь Іоанна Предтечи и т. п. Огородокъ, стр. 489—499.

¹⁴⁷⁾ Южно-русс. Пропов. въ XVI и XVII вв.

гомъ — изреченія ученыхъ, въ третьемъ — символическія изображенія, надписи и проч. Все это ученикъ усваивалъ большею частію механически и при случаѣ употреблялъ, гдѣ и когда это было удобно.

Вліяніе образцовъ, которыми пользовались югозападные ученые, не отрезвляло ихъ отъ увлеченія схоластическими приемами, такъ какъ вліяніе это шло къ нимъ съ латинскаго запада, гдѣ схоластическая проповѣдь возникла еще въ XIII вѣкѣ. Поэтому Теофанъ Прокоповичъ поступалъ весьма разумно, когда совѣтовалъ своимъ современникамъ, между прочимъ, изучать творенія Златоуста, какъ наилучшее руководство къ сложенію чистѣйшихъ и яснѣйшихъ поученій, а «казнодѣишковь легкомысленныхъ (казнодѣи—дѣлающіе казанія, поученія, проповѣди), каковы наипаче польскіе бывають, не читать». Да и трудно въ самомъ дѣлѣ войти въ то состояніе, въ какомъ находились многіе изъ южно-русскихъ писателей во время своихъ литературныхъ мудрствованій, трудно угадать и ту строго опредѣленную цѣль, какую они могли имѣть, задаваясь разрѣшеніемъ большею частію казуистически сложныхъ, а иногда и совершенно неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, содержаніе и литературныя формы письменности того и другого характера могутъ говорить въ нѣкоторой мѣрѣ уже сами за себя и давать вполне достаточный матеріалъ для сужденія о литературной производительности писателей двухъ совершенно не похожихъ одно на другое направленій. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ нельзя не видѣть того, что наша патріаршая письменность, значительно уступая письменности южно-русскихъ ученыхъ въ отношеніи своего содержанія и своихъ внѣшне литературныхъ формъ, во многомъ превосходитъ ее своей крайней безыскусственностію и простотою, столько соотвѣтствовавшими и духу того времени, и тѣмъ требованіямъ, съ какими могли обращаться тогда православные русскіе люди къ своимъ первосвященникамъ.

А. Красевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ.

I.

Вторая половина XVII вѣка была замѣчательной эпохой въ жизни Велико-Россійской церкви. Съ одной стороны мы видимъ реформы въ церковной обрядности, коренныя исправленія богослужебныхъ книгъ, производимыя патриархомъ Никономъ,—большіе московскіе соборы 1666 и 1667 г., съ участіемъ восточныхъ патриарховъ, утверждавшихъ своимъ авторитетомъ эти церковныя реформы; съ другой стороны—послышался бурный протестъ противъ этихъ новшествъ въ русской церкви, протестъ сперва глухой, какъ подземный гулъ влокачущаго вулкана,—потомъ яростно разразилась гроза... Въ церкви произошелъ расколъ. Недовольство реформами Никона приняло ужасныя размѣры. Множество членовъ нашей церкви отделились и ушли изъ нея... И это печальное раздѣленіе продолжается до сихъ поръ.

Отколовшіеся обвинили ее во введеніи всякихъ ересей, въ искаженіи вѣры Христовой, подпаденіи подъ власть антихриста и потерѣ самой благодати.

Несмотря на то, что и церковныя, и гражданскія власти принимали противъ раскольниковъ самыя энергичныя мѣры <до градскихъ казней> и <тѣлесныхъ озлобленій> включительно, расколъ не уничтожался. Раскольники тогда увидѣли себя въ положеніи мучениковъ за вѣру и еще ревностнѣе стали защищать до-Никоновскіе церковныя обряды и старыя книги или, какъ они выражались, <древ-

нее благочестіе), малѣйшее отклоненіе отъ котораго— ересь.

Во главѣ этой общины стоитъ протопопъ Аввакумъ. Уже одно это имя вызываетъ представленіе о старообрядчествѣ, о борьбѣ съ Никономъ, — представленіе чего-то горячаго, страстнаго, или, какъ выражался о немъ одинъ старообрядческій писатель, «огнепальной ревности».

Аввакумъ—передовой вождь раскола, положившій свою жизнь за него. Всѣ другіе расколо-вожди блѣднѣютъ предъ его мощной фигурой, стоятъ позади него. Онъ—душа старообрядческой общины и, какъ таковой, является носителемъ ея идеаловъ, типическимъ представителемъ ея убѣжденій, ея вдохновителемъ. «То, что въ другихъ умѣрлялось разными практическими соображеніями и не выступало наружу, въ Аввакумѣ являлось во всей своей наготѣ и, развиваясь до послѣдней крайности, выразилось въ самыхъ выпуклыхъ чертахъ.

Поэтому, знакомство съ такою личностью даетъ намъ понятіе о старообрядческой общинѣ, о ея силѣ и нравственныхъ свойствахъ, о ея социальномъ положеніи съ ея отношеніемъ къ церкви и государству»¹⁾.

Но чтобы понять, откуда могли явиться подобныя личности, на чемъ онѣ воспитались, чтобы, не жадѣя проливать свою кровь, не дорожа нисколько жизнью, такъ стоять за церковную старину,—чтобы понять это, необходимо бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на то, чѣмъ жило общество XVII вѣка, какія были его чаянія и идеалы.

Къ серединѣ XVII вѣка на Руси ясно обозначились два теченія умственной жизни: первое—строго-консервативное, второе—подпавшее вліянію вѣяній культурнаго запада.

Давно уже на Руси слагалось мнѣніе о томъ, что Русь царство исключительное, особенное и не таково, какъ про-

¹⁾ Ивановск. Прот. Аввак. Правосл. собесѣдникъ 1869 г., ч. 2., стр. 19—20.

чія. Политическіе успѣхи съ внѣшними врагами, счастливое окончаніе смуты внутри Россіи, окончательно закрѣпили эту мысль въ умахъ націоналистовъ. Но такъ какъ наши предки особенно были проникнуты любовью къ своей вѣрѣ и церкви, то это возвышеніе московскаго царства, конечно, не могло быть иначе, какъ «милостію Божіею». Съ иконами они ходили на битвы съ врагами, съ иконами отбивали Москву отъ Ляховъ; съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ избрали на царство Михаила Ѳедоровича Романова. Народъ тѣсно сжился съ своей вѣрою, она проникла всю его жизнь, отъ колыбели до гроба.

Но, при малоразвитости, при недостаткѣ просвѣщенія и образованія, русскій народъ не могъ проникнуть глубоко въ сущность христіанства: онъ, по преимуществу, остановилъ свое вниманіе на внѣшней сторонѣ религіи. Отсюда, церковные обряды, священныя книги, иконы, вся церковно-богослужебная обстановка были обвѣяны духомъ любви русскаго народа. Онъ переносилъ эту церковность въ свои дома, украшалъ ихъ иконами, совершалъ дома церковныя службы, читалъ священныя книги. Домострой Сильвестра заповѣдуетъ отводить особую комнату—модельню, или красный (передній) уголь, зажигать предъ иконами свѣчи, совершать кажденіе, занавѣшивать ихъ послѣ молитвы, обтирать пыль. Заповѣдуются вмѣстѣ съ тѣмъ отправлять дома церковныя службы: утреню, вечерню, повечерницу, акаѳисты и т. п., собирая всю семью, чадъ и домочадцевъ. Поэтому церковную обрядность русскій челоуѣкъ всасывалъ съ молокомъ матери, она проникала всю его плоть и кровь. За обряды держались обѣими руками, всякое измѣненіе ихъ больно отдавалось въ душѣ. Отсюда въ XV вѣкѣ были жаркіе споры «о пресвятыя аллилуіи» — сугубить ли ее или трегубить, и о хожденіи вокругъ храма «посолонь» или противъ солнца. Какъ известно, соборъ 1551 г. не только утвердилъ, но и оградилъ акаѳею многіе церковные обряды, въ томъ числѣ и двугубую аллилуію.

Смотря на Византію, откуда Русь приняла христіанство, наши предки видѣли, что она пала подъ власть «Турскаго Магмета». Гдѣ причина этого? Не наказанія ли это отъ Бога? Отвѣтъ былъ утвердительный. Еще задолго до этого «по тысящи лѣтъхъ» отъ Рождества Христова отдѣлилась отъ греческой, отъ истинной апостольской, откуда пришла къ намъ вѣра, церковь римская. Она «пала прелестью аполинаріевою» и приняла всякіе еретическіе догматы и новшества.

Тамъ служили на опрѣсновахъ, неправильно исповѣдывали «символь вѣры», ввели органы и всякіе безнравственные обычаи, вродѣ брадобритія и т. п. «Римъ всѣхъ ересей пріятилице и источникъ всякаго нечестія, латынское мудрованіе богомерзкое» говоритъ знаменитый представитель старообрядчества.

Но, къ ужасу русскихъ людей, «льстивые греки» пошли на компромиссы съ «латинами», результатомъ которыхъ была «флорентійская унія».

Теперь свѣтъ благочестія грековъ померкъ въ очахъ древне-русскаго народа. Это, по его мнѣнію, было не что иное, какъ новое отступничество. Поэтому, когда палъ Константинополь подъ наплывомъ мусульманъ, русскіе націоналисты увидѣли въ этомъ грозный бичъ Божій за незаконное «братанье съ еретическимъ Римомъ: «и о томъ дѣти подумайте», писалъ въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ къ Новгородцамъ, — «царствующій градъ Константинополь непоколебимо стоялъ, доколѣ, какъ солнце, сіяло въ немъ благочестіе; а какъ покинулъ истину, да соединился съ латиной, такъ и впалъ въ руки поганыхъ»¹⁾). Какое ужъ тамъ православіе, когда и дружба съ латинами, и подданство поганому султану? «Но эта свѣтъ отступленія простиралась все дальше и дальше. Въ 1596 г. это отступленіе совершилось уже въ Россіи. Подъ вліяніемъ запада, притѣсняемая поляками и іезуитами Малороссія вступила

¹⁾ Акт. Историч. т. I-й, № 280.

въ унию съ католиками. «Гречане и Малые Россіи потеряли вѣру», изрекли тогда о нихъ на Москвѣ; «и крѣпости добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь прельстила, и своимъ нравомъ работаютъ, и постоянства въ нихъ не объявилоса, и благочестія ни мало»¹⁾.

Итакъ, по взглядамъ тогдашней бѣльшей части русскаго общества, правая вѣра осталась только на Руси. Нѣкогда Византія приняла на себя величіе древняго Рима. Теперь этотъ второй Римъ палъ, его мѣсто заступилъ третій Римъ—Москва. «Два Рима падоша, третій стоитъ, а четвертому не быть». «Иного же отступленія уже нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть,—последняя Русь здѣ».

Сознаніе своего православія и превосходства надъ потерявшими вѣру греками для русскаго народа подтверждалось самими же выходцами изъ Византіи, которые довольно часто появлялись въ Россіи—или для торговли, или для собиранія милостыни, чѣмъ особенно занималось греческое духовенство. Греки торговцы часто обманывали простодушныхъ русачковъ, продавая имъ стекло за драгоценныя камни и жемчугъ, а духовныя лица, приходившіе на Русь за подаваніемъ, часто оказывались самозванцами. «Корыстолюбивые греки», писалъ Крыжаничъ, «подъ сѣнью благочестія волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды и совершаютъ многіе поступки противъ святыхъ правилъ,—черезъ что падаетъ церковный порядокъ. Всякія святыни они обращаютъ въ товаръ и готовы продать намъ тысячу разъ Христа, коего Іуда продалъ лишь одинъ разъ»²⁾.

Замѣчательно то, что сами восточные патріархи поддерживали это высокое мнѣніе о себѣ русскихъ людей, какъ единыхъ представителей и носителей православія. Такъ, напримѣръ, патріархъ Іеремія говоритъ царю Фе-

¹⁾ Матер. по Истор. Раск., т. I-й, стр. 149—160.

²⁾ Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русск. общества въ XVII в. Слб., 1898 г. стр. 23—24.

одору Ивановичу: «Понеже убо ветхій Римъ падеся, аполлинаріевою ересью, второй же Римъ, иже есть Константинополь, агарянски внуцы, отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, твое же, о благочестивый царю, великое російское царство, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превызде, и вся благочестивыя въ твое царствіе въ едино собрашеса, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешься во всей вселеннѣй, во всѣхъ христіанѣхъ»¹⁾).

Почти то же выражалъ и Теофанъ, патріархъ Іерусалимскій. «На востокѣ въ Палестинѣ», говорилъ онъ, «видѣлъ отъ поганныхъ агарянъ святымъ Божиимъ церквамъ запустѣніе и православнымъ христіанамъ святаго греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшенія ниоткуда нѣсть; точію слухъ благочестиваго христіанскаго російскаго царя, яко той единъ на вселенней владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы, прочіи вси, аще нѣцыи и именемъ христіанъ нарицаются, но далече отъ истины отпадоша и горше окаянныхъ турокъ въ православнѣй вѣрѣ гонители быша»²⁾. То мнѣніе, что вѣщшее православіе—на Руси, и что церковь Русская во всемъ «совершенство пріять»,—истекаетъ изъ того же вышеизложеннаго представленія. Отсюда понятна замѣнутость русскаго общества, боязнь иноземцевъ еретиковъ, подозрительность ко всему чужестранному.

Но рядомъ съ этимъ теченіемъ русской умственной жизни начиналось другое, именно вліяніе этихъ столь страшныхъ для тогдашней Руси иноземцевъ.

Подъ вліяніемъ различныхъ столкновеній съ еретическимъ западомъ, русскіе увидали превосходство иноземцевъ надъ ними во многихъ отношеніяхъ. Явилось стремленіе сблизиться съ западомъ, при чемъ главную роль посредниковъ играли нѣмцы и поляки. Часть русскаго общества

¹⁾ Собран. госуд. грамотъ. и договор., т. II. Мѣск., 1819 г., стр. 97, № 59.

²⁾ Доп. къ Акт. Истор., Спб., 1846. т. II, № 76.

выбилась изъ своей колеи прежней жизни, отрѣшилась отъ замкнутости и презрѣнія къ чужеземцамъ. Стали все чаще и рѣзче проявляться всякія новшества на иностранный манеръ. «Въ Москвѣ появилось много иноземцевъ», существовала даже большая «нѣмецкая слобода». «Кромѣ нѣмцевъ», говоритъ проф. Кизеветтеръ, «Москва была переполнена поляками. Польское вліяніе рѣшительно господствовало, замѣтно отражаясь на общественныхъ правахъ и умственныхъ интересахъ и самого русскаго народа»¹⁾.

Появились иностранные экипажи, лакеи въ ливреяхъ, сіяли зеркала въ домахъ, и кресла замѣнили старинныя лавки. Русскіе франты одѣвались въ иностранные костюмы; посягнули на неприкосновенное и изстари чтимое украшеніе человѣческаго лица, стали брить бороду. Появились въ домахъ даже иконы фряжскаго письма, на которыя, впрочемъ, патриархъ Никонъ воздвигъ суровое гоненіе. Въмѣстѣ съ культурой вѣдшей, стало проникать къ намъ и умственное вліяніе запада. Впрочемъ, просвѣщеніе свое Русь, страшно опасаясь нѣмцевъ латынниковъ, заимствовала изъ Кіева. Поднимались рѣчи объ устройствѣ въ Россіи школы. Пока же, по приглашенію царя Алексѣя Михайловича, пріѣхали кіевскіе ученые: Арсеній Сатановскій, Епифаній Славинецкій, Дамаскинъ Птицкій. Бояринъ Ртищевъ основалъ даже свое училище, близъ дороги изъ Москвы въ Кіевъ, при церкви св. Андрея Стратилата. Здѣсь выстроилъ онъ монастырь Спасо-Преображенія и поселилъ 30 монаховъ изъ Кіевско-Печерской Лавры.

Пріѣзжіе монахи преподавали «новыя науки»: философію, риторикку и латинскій языкъ. Ртищевъ любилъ ученыхъ мужей и иногда проводилъ съ ними цѣлыя ночи безъ сна въ «любезномъ собесѣдованіи». Они успѣшно вели дѣло обученія русскаго юношества.

Самъ царь покровительствовалъ этому новому движенію.

¹⁾ Кизеветтеръ. Прот. Аввакумъ, 1904 г., стр. 5.

Онъ не только выписалъ ученыхъ мужей, но и воспитаніе сына своего Федора Алексѣевича поручилъ кievскому ученому Симеону Полоцкому.

Даже въ домѣ у царя завелись новинки. Такъ тронъ государевъ былъ передѣланъ на польскій образецъ, равно какъ при дворѣ завелись «комедійныя дѣйства». Но какъ первое строго національное и церковное направленіе приводило къ крайней замкнутости и застою, такъ новое теченіе приводило къ другой крайности. Весьма многіе русскіе люди, увлекшись западнымъ вліяніемъ, всецѣло и даже рабски подчинились ему, кинулись изъ одной крайности въ другую, изъ огня да въ полымя. Стало проскальзывать явное презрѣніе ко всему русскому. Такъ, на примѣръ, князь Иванъ Хворостининъ не позволялъ даже своимъ людямъ ходить въ церковь ¹⁾).

Наплывшіе въ Москву иностранцы строили козни и ставили сѣти въ торговлѣ и промышленности простодушнымъ русакамъ. Но особенно важно то, что иноземцы часто насмѣхались надъ «святое святыхъ» русскаго народа, его религіей, вѣрой православной, и не стѣснялись пропагандировать свои религіозныя мнѣнія. Олеарій сообщаетъ о полковницѣ Лесли: въ противность русской вѣрѣ, полковница заставляла подвластныхъ ей русскихъ крестьянокъ ѣсть въ постные дни мясо, отвлекала ихъ отъ церкви, не давала имъ въ своихъ дворахъ оставаться даже столько времени, чтобы положить надлежащее число поклоновъ предъ иконами ихъ, а, что всего ужаснѣе, однажды схватила она со стѣны икону, бросила въ топившуюся печку и сожгла ²⁾). Въ 1638 г. причты 11-ти московскихъ церквей жаловались правительству, что «нѣмцы русскихъ людей у себя во дворахъ держать, и всякое оскверненіе русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмцевъ бываетъ» ³⁾). Теперь

1) Бороздинъ. Прот. Аввакумъ, стр. 38—43.

2) Ibid, стр. 45.

3) Ibid.

понятно, что къ этому новому теченію русской жизни не всѣ могли отнестись сочувственно. Оно захватило далеко не всю націю. Новыя вѣянія запада отчасти привились въ высшихъ сферахъ общества, но не проникли народной массы.

Даже люди высшаго круга и то не всѣ одобрительно смотрѣли на эти новшества, которыя шли въ разрѣзъ съ старозавѣтными идеалами древней Руси. Иноземное вліяніе было оскорбительно для русскаго національно-церковнаго сознанія.

«Нѣмцы» презрительно относились къ старой вѣрѣ, а въ представленіи нашихъ предковъ наша самобытность отождествлялась съ православіемъ. Поэтому большая часть общества отнеслась подозрительно къ этимъ нововведеніямъ. Школу Ртищева стали считать за проповѣдницу ересей, и послышался шопоть по угламъ: «кто по латыни научится, тотъ праваго пути совратится».

Послышались голоса въ защиту русской самобытности.

«Въ каждой странѣ», писалъ патр. Іосифъ въ окружномъ посланіи къ духовенству и мірянамъ, — «не приходитъ чужой законъ изъ другой страны, но каждая своего обычая законъ держить». Ордынъ Напокинъ говоритъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ: ихъ платье не по насъ, и наше не по нихъ»¹⁾.

Сердце ревнителей старины судорожно сжималось еще отъ нѣкоторыхъ эсхатологическихъ чаяній, которыя тогда носились въ атмосферѣ старинныхъ понятій. Въ весьма уважаемой стародумами книгѣ «о вѣрѣ»; предсказывалось о кончинѣ міра, иже имать быти во восьмомъ вѣцѣ, (т.-е. въ восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра). Приближался 1666 г., особенно страшный для русскихъ книжниковъ, такъ какъ онъ состоялъ изъ Апокалипсическихъ чиселъ: на тысячу лѣтъ связанъ сатана, — да число антихриста 666; въ той же книгѣ «о вѣрѣ» встрѣчаемъ предостереженіе: «по тысяцѣ лѣтъ отъ воплощенія сына Божія

¹⁾ Ibid, стр. 46.

Римъ отпаде отъ восточныя церкви; въ 595 лѣто по тысящѣ жителіе Малой Россіи къ римскому костелу приступили. Се второе оторваніе христіанъ отъ церкви. Оберегая сіе, пишемъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да что бы отъ прежнихъ винъ зло нѣкакое и намъ не пострадати).

Понятно, какъ страшны были всякія измѣненія и новшества русскимъ консерваторамъ. Начались раздраженные идейные споры, «весь воздухъ Москвы былъ пропитанъ атмосферой идейной борьбы противоположныхъ міросозерцаній»¹⁾. Ясно какъ Божій день, до какой ожесточенной борьбы должны были дойти русскіе люди, когда эти новыя вѣянія, это увлеченіе реформой, коснулось самой великой драгоцѣнности древне-русской души — церковной области. Касаться этой области съ цѣлью измѣненій, по мнѣнію людей стариннаго образа мыслей, было святотатствомъ, наводило ужасъ на преданныхъ обрядовому церковному благочестію. Малѣйшее измѣненіе даже въ обрядъ или буквѣ богослуженія—уже ведетъ къ ереси. Поэтому реформа въ богослуженіи и исправленіе церковныхъ книгъ вызвала такое ожесточенное противодѣйствіе со стороны ревнителей старины. Аввакумъ былъ именно человекомъ такого стараго уклада жизни, преданный родной старинѣ до фанатизма, самый лучший выразитель консервативно-церковной жизни русскаго народа. Съ необыкновеннымъ мужествомъ и самоотверженіемъ защищалъ онъ «древнее благочестіе», и вся его жизнь была сплошная борьба за эти свои, хотя и неосновательныя, убѣжденія, окончившаяся для него смертью на кострѣ. «Съ страстнымъ темпераментомъ, съ огненнымъ словомъ, съ непреклонной волей — Аввакумъ былъ прирожденнымъ общественнымъ вождемъ. Судьбѣ было угодно поставить его въ ряды поборниковъ старины, и онъ повелъ это дѣло со всѣмъ пыломъ своей одаренной натуры»²⁾.

¹⁾ Кизев. Прот. Аввак., стр. 9.

²⁾ Киз. Прот. Аввак., стр. 14.

II.

Родился Аввакумъ въ глуши нижегородскихъ предѣловъ, въ селѣ Григоровѣ за рѣкою Кудмой. Отецъ его Петръ былъ священникъ «прилежавшій питія хмѣльнаго», но мать его Марія была постница и молитвенница, — всегда учившая Аввакума страху Божию и потомъ сама принявшая иночество съ именемъ Марены.

Такъ уже съ младенчества Аввакумъ росъ между двухъ противоположныхъ по характеру родителей. Несомнѣнно, между послѣдними происходили тяжелыя сцены, производившія глубокое впечатлѣніе на живую, чуткую и страстно-восприимчивую душу мальчика. Здѣсь можно видѣть зародыши того пессимизма и аскетизма, которые въ теченіе его несладкой жизни развивались все болѣе и болѣе, увѣряя его, что истинное счастье только въ мірѣ загробномъ. Малѣйшій толчекъ могъ навсегда укрѣпить эту настроенность Аввакума.

Однажды ему пришлось видѣть, какъ у сосѣда пала скотина. Это впечатлѣніе такъ удручающе и потрясающе подѣйствовало на мальчика, что онъ ночью вскопчилъ съ постели и со слезами молился о душѣ своей, «поминая смерть, яко и мнѣ умрети». (Жит. стр. 9, т. I-й).

Съ тѣхъ поръ Аввакумъ до конца жизни не оставлялъ ночной молитвы.

Вскорѣ Аввакума посѣтило испытаніе. — Отецъ его умеръ, онъ остался сиротой: «отъ своихъ соплеменниковъ во изгнаніи быхомъ».

Въ такой суровой обстановкѣ выросъ Аввакумъ. Мать вздумала его женить, и религіозный юноша молился «Пресвятѣй Богородицѣ, да дастъ жену, помощницу ко спасенію». (Матеріал. V. 10).

Замѣчательнѣ здѣсь высказанный Аввакумомъ взглядъ, чего онъ искалъ въ женитьбѣ. Въ женѣ онъ желалъ видѣть ни кого другого, а «помощницу ко спасенію». И эта

мечта его осуществилась. Онъ женился на бѣдной сиротѣ, дочери кузнеца того села, Анастасіи Марковнѣ, дѣвушкѣ набожной, «безпрестанно обыкшей ходити въ церковь» и давно уже горячо любившей Аввакума. Она какъ нельзя лучше выполнила свою миссію, всю жизнь была самоотверженной помощницей мужа въ его борьбѣ «за благочестіе», поддерживала и воодушевляла его въ трудныя минуты испытаній. Мать Аввакума вскорѣ умерла «въ подвизѣ велицѣ», и онъ «отъ изгнанія переселился въ другое мѣсто».

Теперь Аввакумъ вступаетъ на поприще церковно-общественнаго служенія. 21-го года онъ былъ поставленъ діакономъ въ селѣ Лапотницы, черезъ два года въ священника, а черезъ восемь лѣтъ былъ возведенъ въ санъ протопопа.

Но прежде чѣмъ говорить объ общественной дѣятельности будущаго расколо-вождя, необходимо охарактеризовать его, выяснитъ его взгляды и убѣжденія, которые онъ проповѣдывалъ и за которые такъ упорно боролся до послѣдней капли крови. Тяжелыя жизненныя невзгоды закаляли душу Аввакума и вырабатывали въ немъ желѣзную волю, стойкость въ несчастіяхъ, а всосанная съ молокомъ матери религіозность влекла его неудержимо ко всему церковному, возбуждая въру въ загробный міръ и презрѣніе къ временной жизни.

«Дни человѣка на землѣ (писалъ онъ впоследствии Морозовой) яко дни плача. Воспомини, егда ты родилася, не выиграла, но заплакала, отъ утробы матерни. И всякій младенецъ тако творить, прознаменуя плачевное свое житіе» ¹⁾. «Вѣрите настоящему сему, говорилъ онъ другимъ: «не быша ли прежде васъ сильніи царіи и князи, богатіи и убозіи, маліи и велицы? Гдѣ они? Се видимъ пожертвы быша, всѣхъ положи смерть, всѣхъ увяди, всѣхъ истина! Воистину бывъ, яко не бывъ. Возари на гробъ и

¹⁾ Пославіе (первое) боярынѣ Морозовой. Мат. V, 172.

виждь: гдѣ юность? гдѣ очи красніи и зракъ нашъ? Вся изаше, яко сѣно, и яко цвѣтъ отцвѣте, и яко трава посѣчана бысть. Гной, черви, смрадъ лють, блудящая плоть бѣдная лежитъ, таже прахъ и безъ вѣсти бысть» ¹⁾. Не льстися: яко искра огня угасаетъ, толь скоро душа отъ тѣла отлучается».

За то Аввакумъ предался всей душой религіи, понимая ее, какъ дитя своего вѣка, какъ сынъ простого народа, въ смыслъ обрядовѣрія.

Онъ былъ весьма начитанъ, зналъ не только священное писаніе, но и творенія отцовъ церкви.

Въ своихъ сочиненіяхъ онъ цитировалъ: Василія Великаго, Златоуста, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника и друг., часто на память. Ему были извѣстны также любимые въ древней Руси религіозные сборники—Измарагдъ, Маргаритъ, Хронографъ, Азбуковникъ и т. п. Старинныя церковныя книги возбуждали въ Аввакумѣ глубокое уваженіе, какъ книги добрыя,—«и я», говорилъ онъ, «всѣхъ приѣмлю и чествуя лобызаю» ²⁾. «Держися книгъ Филаретовыхъ и Іосифовыхъ, увѣщаль онъ впоследствии: тутъ правость чиста и неблазвенна» ³⁾.

«Церковь бо созда Христось, писалъ Аввакумъ Плещееву, святу и крѣпку сицѣ, непреклонну и недвижиму, яко не токмо уста еретическія, но самая врата ада не одолѣють ей, по словеси Господню, въ ней бо Христось живетъ и въ ней царствуетъ, и не даетъ ей погрѣшити ни мало что не токмо въ вѣрѣ и догматахъ вѣры, но ни малѣйшей цертицѣ божественныхъ церковныхъ догматъ, канонѣвъ и пѣсней» ⁴⁾.

Еще лучше выясняется этотъ взглядъ Аввакума на непогрѣшимость старозавѣтныхъ книгъ изъ споровъ, ко-

¹⁾ Посланіе къ неизвѣстнымъ обличительное за любострастіе. Мат. V, 252^о—253.

²⁾ Посланіе священнику Стефану. Мат. V, 215.

³⁾ Послан. къ неизвѣстн. лицу. Мат. V, 223.

⁴⁾ Бороздинъ. Прот. Аввакумъ, стр. 131.

торые оны вель съ противниками. Такъ, въ одной псалтири была случайная опечатка въ 104 пс.: вмѣсто «вниде израиль въ Египетъ. и возрасти люди своя зѣло» — напечатали: «возврати люди своя зѣло». За эту опечатку въ свое время Аввакумъ больше года бранился съ дьякономъ Ѳедоромъ: «ты де старыя книги хулишь и переправливать мя вѣлишь; «не мудрая та рѣчь и не богословная, замѣчаетъ по этому поводу дьяконъ Ѳедоръ, да и о той у него велики толки были». Послѣ отъ иныхъ псалтирей позналъ, яко право глаголахъ ему. Азъ ему ту опись исправилъ»¹⁾. Еще характернѣе другой примѣръ. «Что то поможетъ вамъ другъ вашъ антихристъ, его же жадаете поюще», писалъ Аввакумъ къ принявшимъ новыя книги, — «слухомъ бо услышахъ, Господи, и убояхся: до мене бо идеши, меня ища заблуждшаго. Нѣтъ су не такъ Дамаскинъ поеть во ирмосѣ семь: до мене бо прииде, меня ища заблуждшаго. А во иныхъ печатѣхъ: до мене бо приходитъ, меня ища заблуждшаго. И то хорошо: оба прихода — и первый приходъ, и второе пришествіе знаменуетъ Христова. А ты, собака, поешь: идеши, антихриста ждешь»²⁾. Даже измѣненіе словъ: во имя на во ѳиме и вѣкомъ на вѣковъ не дозволяется. «Въ старыхъ «аминъ», а въ новыхъ аминь»³⁾. «Малое бо сіе слово великую ересь содѣваетъ».

Не менѣе уважительно и фанатично относился Аввакумъ и къ церковнымъ обрядамъ. «Уставъ во церкви, писалъ оны Борису съ братіей, отъ святыхъ отецъ со святымъ Духомъ устроенъ: кто мы! — хотимъ быти разумнѣе Параклита? прелагаемъ по своему чину! Какъ напечатано, такъ и творить подобаетъ. Не прелагаемъ предѣлы, иже отцы положиша»⁴⁾... «Аще и несмысленъ

¹⁾ Матеріалы по исторіи Раскола т. VIII, стр. 235—236.

²⁾ Сказаніе о дняхъ поста и мясогстія. Мат. V, 309.

³⁾ Посланіе неизвѣстнымъ. Христіанск. Чтен. 1888 г., ч. 1-я, стр. 759. Бороздинъ. Источники первоначальн. исторіи Раскола.

⁴⁾ Мат. по истор. Раск., т. VIII, 89—90.

гораздо, неученый человекъ, за то знаю вся, что въ Церкви отъ святыхъ отецъ преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, якоже пріяхъ; не предлагаю предѣлъ вѣчныхъ. До насъ положено: лежи оно тагъ во вѣки вѣкомъ! Не буди еретикъ не токмо надъ жертвой Христовой и надъ крестомъ, но и целены не шевели» ¹⁾. Отсюда его заповѣдь «церковнаго правила пѣнія отнюдь не поколебати» ²⁾.

Посему Аввакумъ училъ, какъ молиться, сколько и когда класть поклоновъ, какъ изображать на себѣ крестное знаменіе; писалъ о дняхъ поста и мясоестія и т. п. упражненія обрядового благочестія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный русскимъ древнимъ аскетическимъ воззрѣніямъ на жизнь, Аввакумъ строго защищалъ аскетическія подвиги и добродѣтели.

«Дѣтей своихъ учите, Бога для, неослабно страху Божию, играть не велите» ³⁾.

«Разумѣй, слушателю, всему глава: Бога бойся и, вставая и ложася, трепещи, на умѣ держи Его—Свѣта. Какъ станешь Бога бояться, такъ все будешь разумѣть и безъ книгъ премудръ будешь. Древніе мужи не письмены, но отъ твари поразумѣша Бога» ⁴⁾.

Поэтому надо усердно читать слово Божіе, изучать законъ Господній, равно нужно и «книгамъ прилежать, писаніе бо можетъ тя умудрити». Точно также Аввакумъ заповѣдывалъ: усердныя молитвы, правила изможденія плоти бдѣніями и постами, воздыханія покаянія и сокрушенныя слезы.

«Перестань ты медокъ попивать, писалъ онъ боярынь Морозовой: намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же! Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня?...

¹⁾ Мат. т. V, стр. 89.

²⁾ Мат. VIII, 90.

³⁾ Ibid. стр. 84.

⁴⁾ Ibid. стр. 62.

Единъ честенъ тотъ, кто ночью встаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить» ¹⁾).

«Нощію вставай,—не людямъ себя приказуй будить, но сама воспрями отъ сна безъ лѣности и припади, и поклонися сотворившему тя. А въ вечеру мѣру помни сидѣть» ²⁾).

«Добро есть, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, благодатию извѣщати и утверждати сердце, не брашны. Понеже объясливый тяжекъ на вся благая; подвигу прилежати тонкими чувствами полезно: тогда и совѣсть легка и восперена, а объяденіе и многосоніе пакость добродѣтелямъ и зъло неполезна» ³⁾).

Вотъ отчего такъ строго заповѣдуетъ Аввакумъ соблюдать посты. «Аще можеша, писалъ онъ о великомъ постѣ, отъ недѣли до субботы и всѣ 5 дней, наченши съ понедѣльника, рядомъ постися и яждь поединожды сухояденіемъ; аще ли ни, и ты среду и пятокъ неослабно держи для распятаго, пребывая въ постѣ и молитвѣ, и колѣнопреклоненіи, и въ трудѣхъ... и отъ женъ міряне въ воздержаніи!.. а въ пятидесятницу... и въ среду и пятокъ рыбку съ масломъ вкушаемъ съ воздержаніемъ» ⁴⁾).

Самые праздники должно проводить скромно и тихо, безъ всякаго безчинства—«не піанствомъ и козлогласованіи, и праздными бесѣдами, но по преданію воскресному почитай честно. Въ прочіе жъ дни прилежи трудомъ и рукодѣліемъ, яко же речеса. Аще возможно, и по вся дни ходи въ церковь. Аще ли ни, и ты у иконъ дома правильно держи, елико возможно, а отнюдь безъ правила не буди: тужить душа, лишаема молитвы» ⁵⁾).

(Однѣ изъ важнѣйшихъ добродѣтелей у него—смиреніе и покорность, которыхъ онъ безусловно требовалъ отъ подчиненныхъ и младшихъ.

¹⁾ Послан. 1-е къ бояр. Морозовой. Мат. V, 171.

²⁾ Ibid.

³⁾ Мат. по Истор. Раск. т. VIII, 63.

⁴⁾ Сказаніе о дняхъ поста и мясоостія. Мат. V, стр. 303—304.

⁵⁾ Ibid. стр. 305.

Такъ онъ училъ боярыню Анисию быть смиренной: молоть рожь въ жерновахъ, печь хлѣбъ на сестеръ, или варить щи, да по сестрамъ разносить... «Не моги на начальницу воздохнуть, аще ти и не въ силу труда»¹⁾.

Но въ суровомъ Аввакумѣ было много и сердечности. Среди его строгихъ аскетическихъ обрядовыхъ требованій есть и чисто нравственныя предписанія любви, въ его характерѣ проглядываютъ нерѣдко и мягкія добродушныя черты. Своихъ послѣдователей онъ училъ. «Господь любви хоцетъ, а діаволь ненависти учить. Господь въ миръ привлачить, а діаволь на убійства учить. Того ради Господь землю общу сотворилъ, равно всѣмъ свѣтитъ день, солнце сіяетъ равно, чтобъ другъ друга любя жили, яко во единомушномъ дому, совмѣстно, и единомушно Бога хвала; мы же не тако: но яко псы и яко котки другъ на друга ворчимъ и прыщимъ яко козлы»²⁾...

Люди вмѣстѣ съ тѣмъ должны не забывать и заповѣдь Божию о милосердіи... «Ну—су, добрые люди, милуйте нищихъ, да и сами помиловани будете отъ Христа Бога, понеже писано: блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ»³⁾.

У Аввакума эта милость иногда проявлялась и на дѣлѣ. Такъ онъ очень былъ снисходителенъ къ кающимся, вѣрилъ въ исправленіе человѣка, въ возрожденіе его духовныхъ силъ. «Единъ Богъ безъ грѣха и безъ извратъ, говорилъ онъ, а человѣчество немощно, падаетъ яко глина и возстаетъ яко ангель... Богъ проститъ всѣхъ смалодушествующихъ и паки возвратихся на первое достояніе»... «Разговаривайте братіи (посланіе написано женѣ и дѣтямъ, когда нѣкоторые изъ дѣтей его пали «въ никоніанство»),—не сѣтуйте де о паденіи своемъ выше мѣры,—проститъ васъ!» «Да и батюшка де (т.-е. самъ

¹⁾ Посланіе къ инокинямъ Меланіи и Анисіи съ сестрами. Мат. т. V, стр. 166.

²⁾ Мат. V, 329.

³⁾ Ibid. стр. 388.

Аввакумъ) прощаетъ и разрѣшаетъ, даетъ прощеніе въ сей вѣкъ и будущій! Впередъ не падайте; задняя забывающе, на передняя простирающесе, живите»¹⁾.)—Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ Морозовой, онъ повѣряетъ ей семейную неприятность. Въ домѣ Аввакума родила работница—дѣвушка. Ходили слухи, что виной здѣсь Прокопій, сынъ Аввакума. «Прокопій», говоритъ Аввакумъ, «божется и запирается. Въ лѣтахъ дѣтина: не диво ему и привалять! Да сіе мнѣ скорбно, яко покаенія не могу получить!»²⁾.) Съ этой снисходительностью къ людямъ кающимся и покорнымъ у Аввакума было въ душѣ даже и непамятозлобіе.

«Полно тово плачевнаго дѣла вспоминать», говорилъ онъ, прерывая печальную повѣсть о своихъ невзгодахъ житейскихъ³⁾.) «Богъ ихъ простить», писалъ онъ о царѣ и боярахъ, «я своего мученія на нихъ не спрашиваю, ни въ будущій вѣкъ. Молитися о нихъ подобаетъ мнѣ, о живыхъ и о преставльшихся. Діаволь между нами разсѣченіе положилъ; а они всегда добры до меня... «И всѣ бояра тѣ до насъ добры. Одинъ діаволь лихъ»⁴⁾.)

Среди его сочиненій и наставленій встрѣчаются иногда повелѣнія быть кроткимъ и съ любовью относиться къ врагамъ. «Много Христу досады бысть отъ беззаконныхъ жидовъ; Онъ же моляшесе Отпу Своему о спасеніи, научая насъ, да яже и мы о вразѣхъ своихъ такоже творимъ, и не творимъ зла ко искреннимъ своимъ, но терпимъ вся находящая намъ съ любовію; зря на Христа, то же творимъ, за помощію Его»⁵⁾.)

«О Христовѣ дѣлѣ говори кротко и привѣтно», пишетъ онъ въ посланіи ко всѣмъ вѣрнымъ; «даже слово твое да будетъ сладко, а не терпко. Аще и разгорится духъ ог-

¹⁾ Ibid. стр. 161 и 165.

²⁾ Мат. V, 176.

³⁾ Ibid. стр. 25.

⁴⁾ Ibid. стр. 60.

⁵⁾ Бесѣда на ис. 41. Мат. т. 8-й, стр. 21.

немъ божественнымъ, слово къ человѣку говори, а умомъ ярость износи на діавола. А кающагося во всяко время прощай и вся твори, не человѣкомъ показуясь, но Богови. Также и молимся за противнаго, яко и Самъ Господь о Іерусалимѣ плакаше» 1)...

«Еще и незлобіе», продолжаетъ онъ, «во время гоненія подобаеъ голубино... Христіанину (какъ и голубю, если его лишитъ дѣтей) безгнѣвно подобаеъ жити, аще и жену и дѣтей отымуть, не гнѣватися, а о имѣнїи и слова не говори. Пускай діаволь еметъ: онъ владыка вѣку сему. Христось сохрavitъ же въ нечестивыхъ рукахъ» 2).

Порой у Аввакума появляется нѣжность, ласковость.—Замѣчательное мѣсто встрѣчаемъ мы въ письмѣ къ Морозовой, гдѣ онъ съ любовью вспоминаетъ объ ея умершемъ мальчикѣ. «Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная,—твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ приклонися и отыде въ вѣчныя блаженства со ангелы ликовствовати, и съ лики праведныхъ предстоитъ святѣй Троицѣ. Уже кому не печется о суетной многострадальной плоти, и тебѣ уже неково чотками стегать, и не на ково поглядѣть, какъ на лошаdkѣ поѣдетъ, и по головкѣ неково погладить,—помнишь ли? какъ бывало! Миленькой мой государь! Впослѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ ево. Да пускай,—Богу надобно такъ! и ты небольно о немъ кручинься: хорошо право Христось изволилъ. Явно разумѣешь, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно!» 3).

Это чувство нѣжности переходитъ иногда у Аввакума и ко всей природѣ: «Богу вся надобно», говорилъ онъ,—«и скотинка, и птичка въ славу Его, пречистаго Владыки, еще же и человѣка ради!» 4).

1) Мат. т. V, стр. 241.

2) Ibid. стр. 242.

3) Ibid. стр. 193—194.

4) Ibid. стр. 42.

Впрочемъ, эти черты добродушія и мягкости блѣднѣютъ въ сравненіи съ его суровыми и ригористическими требованіями.

Остается кратко сказать о литературномъ талантѣ Аввакума. Даръ слова у него былъ прекрасный; рѣчи звучали убѣжденіемъ, вдохновеніемъ, порой страстностью и энтузіазмомъ. Въ писаніяхъ Аввакума слогъ своеобразно-живописный и легкій. Его рѣчь, образная и ясная, понятна для самаго простаго слушателя. Въ сочиненіяхъ Аввакумъ постоянно примѣнялся къ читателямъ или слушателямъ, къ умственному ихъ кругозору. Оттого проповѣди и сочиненія Аввакума были такъ привлекательны для его современниковъ. «Въ то время, какъ въ произведеніяхъ ученыхъ противниковъ Аввакума, пишетъ Мякотинъ, преобладала сухая, книжная форма изложенія, подавляющая массой риторическихъ оборотовъ, нерѣдко совершенно почти затемняющихъ смыслъ даннаго мѣста; въ то время какъ они не могли обойтись безъ громаднаго количества иностранныхъ словъ,—языкъ Аввакума блестя своей простотой и удобопонятностью; лишь изрѣдка встрѣчаются въ немъ иностранныя слова, и вездѣ, не исключая и сочиненій догматическаго характера, онъ отличался замѣчательной жизненностью и энергіей»¹⁾. Надо, впрочемъ, сказать, что порой Аввакумъ доводилъ эту простоту до грубости и цинизма, но все же его сочиненія носили въ себѣ обаятельный характеръ для его современниковъ.

Самую лучшую характеристику этихъ литературныхъ особенностей Аввакума представляютъ его толкованія на св. Писаніе. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этихъ произведеній: «Змія же», читаемъ мы у него въ объясненіи о грѣхопаденіи прародителей, «отклоняся отъ Адама, прииде къ Евѣ,—ноги у нея и крылья были, хорошей звѣрь, красной была, докамѣсть не своровала.

¹⁾ Мякотинъ. Прот. Аввакумъ (біографич. очеркъ). Спб. 1894 г. стр. 126.

И рече Евѣ тѣ же глаголы, что и Адаму.

Она же, послушавъ змию, приступи ко древу, вземъ грезнь и озоба его и Адаму даде: понеже древо красно видѣннѣе и добро въ свѣдѣ,—смоковъ красная, ягоды сладкія, слова межю собою льстивыя! Онѣ упиваются, а діаволь въ то время смѣется.

Увы невоздержанія! увы небреженія заповѣди Господня! Оттолѣ и до днесъ въ слабоумныхъ человѣкахъ такъ же лесь творится. Подчиваютъ другъ друга зеліемъ нерас-твореннымъ, сирѣчь зеленымъ виномъ процѣженнымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а опослѣ и посмѣ-хають другъ друга, упившагося до пьяна! Слово въ слово, что въ раю было при діаволѣ и при Адамѣ.

Паки Бытія. И вкусиста Адамъ же и Ева отъ древа, отъ негоже Богъ заповѣда, и обважистася. О миленькія! Приодѣти стало некому! Ввелъ діаволь въ бѣду, а самъ и въ сторону! Лукавый хозяинъ накормилъ, да и съ двора спихнулъ: пьяный валяется на улицѣ ограбленъ,—никто не помплетъ!

Паки Библия. Адамъ же и Ева сшиста себѣ листвіе смоковнишное отъ древа, отъ него же вкусиста, и при-крыста срамоту свою, и скрыстася подъ древо возлегоста. Проспалися бѣдныя съ похмѣлья, ано и самимъ себя со-ромъ: борода и усъ въ блевотинѣ, а отъ г... въ моты-лѣхъ; со здоровныхъ чашъ кругомъ голова идетъ и на плечахъ не держится! А инъ отца честнова сынъ, пропився на кабакъ, подъ рогожею на печи валяется! Увы тогдаш-нева Адамова безумія и нынѣшнихъ адамленковъ!

Паки Бытія..... И паки рече Господь: что сотворилъ еси? Онъ же отвѣща: жена, юже ми даде... (просто рещи: на што де мнѣ такую дуру сдѣлалъ!) Самъ неправъ, да на Бога же пѣняетъ! и вынѣ похмѣльные тоже шпыняя говорятъ: на што Богъ и сотворилъ хмѣль—еть! Весь про-пился и ѣсть нечего! Да меня же избили всево! А иной говоритъ: Богъ де судить ево,—до пьяна упоилъ! Правится бѣдной,—будто отъ неволи такъ здѣлалось! А безпре-

станно желаетъ тово. На людей переводять, а сами ищуть тово. Что Адамъ переводить на Еву. А самъ гдѣ былъ? Чѣмъ было рещи: согрѣшихъ, Господи, прости мя: ино стыдно простится. Чему быть? Честной человекъ,—соромъ поклониться! Своровавъ, сверхъ перваго грѣха другой грѣхъ надо бѣ еще сдѣлать,—поправиться!

Бытія. И рече: жена, юже ми даде.

И Господь рече къ Евѣ: Ева, что се сотворила еси? Она же отвѣща: змія мя прельсти.

Дѣло кругомъ пошло, другъ на друга переводять: а всѣ заодно своровали¹⁾.

Не менѣе интересное въ этомъ отношеніи мѣсто есть и въ бесѣдѣ о наятыхъ дѣлателяхъ. Здѣсь между прочимъ толкуется и евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ. Когда доходитъ до мѣста, гдѣ говорится, какъ богачъ изъ ада просить, чтобъ Авраамъ послалъ Лазаря, хотя бы только омочить уста его, Аввакумъ замѣчаетъ: «Возьми,—пойдетъ Лазарь въ огонь къ тебѣ съ водою! Каковъ самъ былъ милостивъ: вотъ твоему празднеству отданіе! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянной! Я не Авраамъ,— и не стану чадомъ звать: собака ты! За что Христа не слушала, нищихъ не миловала? Полно, милостивая душа Авраамъ-отъ милянкой,—чадомъ зоветь, да разговариваетъ быть - то съ добрымъ человекъкомъ. Плюнулъ бы ему въ рожу ту и въ брюхо то-то толстое пхнулъ бы ногою²⁾!

Теперь можно судить, что за человекъ былъ Аввакумъ, какъ въ немъ реализировались вѣянія старины; ясно также, въ какомъ духѣ долженъ былъ дѣйствовать Аввакумъ на поприщѣ общественно-церковнаго служенія.

С. Голощановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Списание и Собрание о Божествѣ и твари, и како созда Богъ человекъ. Мат., V, 325—326.

²⁾ Ibid., стр. 387.

ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ ¹⁾.

1. *Понятіе о догматахъ.*

Догмать (*δόγμα*), въ противоположность *δόξα*—молвъ, слуху, неустановившемуся мнѣнію,—означаетъ положеніе, опредѣленіе, твердо установившееся, обязательное. Этотъ терминъ впервые возникъ въ философской области, означая собою авторитетное положеніе философа или философъ, признаваемое за истину имъ самимъ и его послѣдователями,—то, что теперь извѣстно подъ именемъ основного принципа к. л. философской школы, философскаго идеала школы. Затѣмъ этотъ терминъ встрѣчается въ области гражданской, означая распоряженіе верховной власти, имѣющее силу обязательнаго закона для всѣхъ. Въ евангеліи Луки наиримѣрь, читаемъ: «въ тѣ дни вышло повелѣніе (*δόγμα*) отъ кесаря Августа сдѣлать перепись по всей землѣ» (2, 1). Наконецъ, этотъ терминъ сталъ употребляться въ религіозной области въ смыслѣ коренныхъ положеній вѣры, религіи, наиримѣрь, у Цицерона и Отцовъ Церкви (Григорій Нисскій) по отношенію къ основоположеніямъ языческихъ религій. Въ Священномъ Писаніи разсматриваемый терминъ примѣняется по отношенію къ откровеннымъ религіямъ—ветхозавѣтной и новозавѣтной. Въ посланіи къ Ефесянамъ (2, 15) читаемъ: «Христось законъ заповѣдей упразднилъ ученіемъ (*δόγμασι*)», а въ посланіи къ Колоссянамъ: «истре-

¹⁾ Изъ уроковъ по Догматикѣ въ Виѣанской духовной семинаріи.

билъ ученіемъ (*δόγμασι*) бывшее о насъ рукописаніе» (2, 14). По одному толкованію здѣсь подъ догматами разумѣются истины или, точнѣе, идеалы христіанскаго ученія, замѣнившіе ветхозавѣтный законъ Моисеевъ. На первичной ступени развитія человѣчество можетъ воспринимать и сознать правду Божию въ видѣ закона заповѣдей-повелѣній, правилъ и запрещеній,—почему у людей преобладаетъ законническая (номистическая) праведность. Новозавѣтная правда Божія выражена не въ законѣ заповѣдей, а въ качествѣ идеаловъ, какъ потребностей богоподобной природы человѣка, которыя влекутъ его къ исполненію и осуществленію правды Божіей и доставляютъ ему внутреннее удовлетвореніе и блаженство. Значитъ, христіанскіе догматы суть идеалы, сопровождаемые ощущеніями внутренняго блаженства. По другому толкованію въ отмѣченныхъ мѣстахъ посланій подъ догматами разумѣются постановленія ветхозавѣтнаго закона: законъ заповѣдей, изложенный въ догматахъ, т. е. дробныхъ постановленіяхъ принудительнаго характера (ср. Кол. 2, 20)—Христось упразднилъ.

Съ несомнѣнностью по отношенію къ христіанской религіи слово «догматъ» употреблено въ книгѣ Дѣяній, гдѣ такъ названы опредѣленія, уставы Іерусалимскаго апостольскаго собора (16, 4). Обращаетъ на себя вниманіе формула опредѣленій соборныхъ: «изволися Святому Духу и намъ» (Дн. 15, 28). Христіанскій догматъ есть истина, получающая свой авторитетъ для вѣрующихъ не только отъ Духа Св., отъ откровенія, но и отъ сознанія Церкви, выраженнаго на соборѣ («намъ»). Только вселенская Церковь, какъ «столпъ и утвержденіе истины» (1 Тим. 3, 15) въ силу своей непогрѣшимости, сообщаетъ догмату въ сознаніи вѣрующихъ твердость и ручательство его Божественнаго достоинства. Это съ одной стороны. Съ другой стороны добавка «намъ» показываетъ, что христіанскіе догматы не суть ничто внѣшнее, формальное по отношенію къ принимающимъ ихъ, а состав-

ляютъ внутреннее достояніе самихъ людей: сами люди проводятъ открытія Богомъ истины черезъ свое сознаніе, прилагаютъ всѣ свои духовныя силы для раскрытія и уясненія ихъ, а также для опытнаго переживанія ихъ. Въ этомъ смыслѣ догматъ есть истина богочеловѣческая. Значитъ, мало исповѣдывать формулы догматовъ, но нужно сблизить, сроднить съ содержаніемъ ихъ весь духъ свой, пережить догматъ, какъ мысль и чувство своего духа, имѣть глубокое убѣжденіе въ его истинности и божественности.

Итакъ, извѣстная истина вѣры, хотя она заключается въ откровеніи, можетъ взойти на степень неоспоримаго и обязательнаго для всѣхъ догмата, только при условіи признанія за нею догматическаго значенія вселенскою Церковью. Церковь, разумѣется, не создаетъ догматовъ, а извлекаетъ ихъ изъ Откровенія, возводитъ ихъ на степень непререкаемыхъ и общеобязательныхъ истинъ. Нужно, поэтому, отличать догматъ отъ богословскаго мнѣнія. Последнее можетъ заключать въ себѣ истину, согласоваться съ откровеніемъ; однако въ какой бы степени оно ни было истинно и отъ какого бы высокаго по умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ лица ни исходило, оно, какъ результатъ единичнаго человѣческаго мышленія, не должно быть разсматриваемо, какъ обязательная истина.

Такіе признаки—богооткровенность, церковность, общеобязательность—извлекаемъ мы изъ анализа формулы опредѣленій апостольскаго собора, но ими не исчерпывается теперешнее понятіе о догматахъ. Опредѣленія апостольскаго собора касались церковной дисциплины и въ послѣдствіи стали носить названіе каноновъ. Догматы относятся къ области вѣроучительной, суть истины теоретическаго, созерцательнаго характера, касающіяся ученія о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку. Впервые въ такомъ смыслѣ слово догматъ встрѣчается у св. Кирилла Іерусалимскаго, также у Григорія Нисскаго въ частомъ сочетаніи *δόγμα τῆς πίστεως*, у Златоуста, ко-

торый различаетъ между догматами вѣры и правилами дѣятельности. На вселенскихъ соборахъ догматами назывались истины, относящіяся собственно къ области христіанскаго вѣроученія, истины умозрительныя.

Обобщая все сказанное, мы приходимъ къ такому опредѣленію догматовъ: догматы суть теоретическія, или умозрительныя, созерцательныя, Богооткровенныя истины, опредѣляемыя и преподаваемыя Церковью, какъ непререкаемыя и обязательныя для всѣхъ вѣрующихъ нормы или правила вѣры. Систематическимъ изученіемъ и научнымъ изученіемъ и освѣщеніемъ догматовъ занимается наука Догматическаго Богословія.

2. Особенность Догматики, какъ науки.

Подобно всякой наукѣ, догматика имѣетъ свои характерныя особенности. Она не есть только наука о вѣрѣ или истинахъ вѣры, но познаніе ихъ въ вѣрѣ или изъ вѣры. Тогда какъ философія, на примѣръ, исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій ставитъ сомнѣніе во всемъ, догматика отправляется отъ вѣры. Философія, составляющая предметъ вѣры, есть внутреннее противорѣчіе, такъ же, какъ и догматика, созданная путемъ размышленія. Допуская, что возможно научное познаніе христіанской истины безъ вѣры, мы должны, однако, сказать, что такое философствованіе о христіанствѣ, даже если бы оно совпало съ опредѣленіями Церкви, еще не можетъ быть названо догматикой. Догматическое познаніе неотдѣлимо отъ личнаго отношенія къ христіанской истинѣ. Здѣсь разумѣется не простая любовь, симпатія, какую можетъ имѣть всякій ученый и философъ къ предмету своихъ занятій и изслѣдованій. Здѣсь разумѣется личное переживаніе христіанскихъ истинъ, усвоеніе ихъ не только познающимъ умомъ, но и вѣрующимъ сердцемъ,—значить, цѣлостнымъ духомъ. Ясно, что приобрѣтеніе такого познанія всецѣло обуславливается нравственнымъ состояніемъ человѣка. Основнымъ условіемъ здѣсь является правильное устрое-

ніе познающаго духа, внутреннее стремленіе къ нравственной высотѣ и цѣльности. Для иллюстраціи этой мысли остановимся на анализѣ извѣстнаго изреченія Якоби, противопологавшаго вѣру знанію. Онъ, какъ извѣстно, заявилъ о себѣ: «по вѣрѣ я христіанинъ, а по уму язычникъ», т.-е. онъ противопоставилъ свою вѣру своему же собственному разуму. Фактически Якоби, конечно, былъ правъ, потому что вѣра и разумъ въ сознаніи Якоби несомнѣнно боролись между собою. Но почему? Потому, что онъ считалъ за вѣру собственно простое исповѣданіе вѣры и потому онъ противопоставалъ своему разуму въ сущности не свою вѣру, а чужую, которую онъ желалъ принять, но на самомъ дѣлѣ не усвоилъ. Если бы онъ усвоилъ ее себѣ, то онъ имѣлъ бы ее, а если бы онъ имѣлъ ее, то имѣлъ бы ее разумно, потому что вѣрить вопреки своему собственному разуму никогда невозможно. Значитъ, психологически Якоби былъ совершенно неправъ въ своемъ заявленіи, потому что въ дѣйствительности его разумъ боролся не съ вѣрою, а только съ исповѣданіемъ принятой вѣры, боролся съ чужой вѣрой, а вовсе не съ его же собственной вѣрой. Вѣрующій человекъ изъ полноты своей вѣры стремится осмыслить содержаніе ея, не съ тѣмъ, чтобы провѣрить истинность ея доводами логики и данными разума, отыскать, такъ сказать, виѣшнюю опору для своей вѣры, а съ тѣмъ, чтобы приблизить догматы къ человѣческому разуму, потому что человекъ не можетъ жить иначе, какъ цѣлостною жизнію своего духа. Разумное усвоеніе догматовъ требуется самою «живою вѣрою», такъ какъ невозможно предположить, чтобы вѣрующій не мыслилъ о предметѣ своей вѣры и не зналъ, чему онъ вѣруетъ. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Апостолъ: «вѣрою разумѣваемъ» (Евр. 11, 3). Христіанское богопознаніе есть синтезъ вѣры и разума, и всѣ христіане должны возрастать въ познаніи и разумѣніи Божеств. Откровенія, достигая единства вѣры и познанія (Ефес. 4, 13, 16). Поэтому пусть многіе съ самыхъ древнихъ вре-

мень противопоставляли понятія науки и вѣры, догматика, какъ наука, всегда совершала и будетъ совершать свою работу для тѣхъ, кто живетъ и мыслить въ духѣ христіанства.

3. Научное изложеніе догматовъ.

Иногда разсудочное изученіе и научное изложеніе догматовъ отвергаются, потому что это будто бы убиваетъ благочестивыя задатки религіозной жизни, порождаетъ равнодушіе къ вѣрѣ и даже отрицаніе ея. Единственнымъ средствомъ богопознанія признается путь внутренняго религіознаго опыта, когда человѣкъ ощутительно познаетъ Божественную истину.

Въ подобныхъ сужденіяхъ правильна только общая мысль, что въ религіи вѣру теоретическую, такъ сказать головную, не слѣдуетъ отдѣлять отъ вѣры опытной, дѣятельной. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ нельзя философствовать о Божественныхъ предметахъ, а достаточно только ощущать и чувствовать ихъ? Это все равно, что сказать: достаточно ощущать солнце и наслаждаться его свѣтомъ и теплотою, зачѣмъ еще нужны физическія и астрономическія теоріи солнца и солнечной системы? Разумѣется, онѣ не нужны для тѣхъ, кто не имѣетъ научнаго интереса... Если человѣкъ обладаетъ способностью и потребностью мышленія, то онъ по необходимости долженъ мыслить о предметахъ своей вѣры, результатомъ чего является наука «богословіе». Таковъ же складъ человѣческаго духа, по которому мысль человѣка воспринимаетъ внутреннія ощущенія, перерабатываетъ ихъ по своимъ законамъ и предлагаетъ въ рядѣ отвлеченныхъ положеній. И эти положенія для людей, провинутыхъ жизнью церковной, должны быть близки сердцу и внятно говорить ему. Вѣра христіанская, конечно, должна быть согрѣта и насыщена чувствомъ, но съ другой стороны должна быть упорядочена мыслию или идеей о Богѣ, что входитъ въ кругъ теоретическаго ученія о Богѣ.

Есть другое заблужденіе по вопросу о научномъ изложеніи догматовъ. Иногда требуютъ такой же логической доказательности и научной наглядности для догматовъ, что и для другихъ предметовъ человѣческаго знанія.

Но на это отвѣтимъ словами В. С. Соловьева: «Было бы очень печально, если бы истины вѣры были сразу очевидны для всякаго. Тогда онѣ собственно и не были бы истинами вѣры. Богъ, спасеніе души, всеобщее воскресеніе совершенно достовѣрны, но ихъ достовѣрность не есть принудительная для всякаго ума очевидность, принадлежащая положеніямъ математическимъ съ одной стороны и прямо наблюдаемымъ фактамъ съ другой. Очевиднымъ бываетъ только маловажное въ жизни. Математическія истины имѣютъ всеобщее значеніе, но онѣ нравственно безразличны. Всегда и вездѣ дважды пять составляетъ десять, но отъ этого никому не тепло и не холодно. Съ другой стороны факты, прямо наблюдаемые, могутъ быть болѣе интересны, но за то они лишены всеобщаго значенія, они ограничены и мимолетны. Я вижу, что сейчасъ въ Москвѣ ясный солнечный день. Это фактъ очевидный и не лишенный нѣкотораго интереса, но его никакъ нельзя удержать и превратить въ истину, неизмѣнную всегда и вездѣ,—фактъ достовѣренъ только здѣсь и сейчасъ. Подобнымъ образомъ и всякая другая очевидность сама по себѣ или формальна, какъ математика, или случайна, какъ сегодняшній свѣтлый день въ Москвѣ. А все то, въ чемъ всеобщность и внутренняя необходимость соединяются съ жизненною важною,—всѣ такіе предметы лишены прямой очевидности и осязательности для ума и внѣшняго чувства».

Предметы эмпирическаго познанія всегда находятся внѣ нашего «я», и познаніе ихъ, какъ предметовъ, находящихся внѣ нашего «я», составляетъ объективность этого познанія. Поэтому научное познаніе отличается очевидностью и наглядностью. Но предметы познанія религіознаго или нравственнаго — Богъ, добро, прекрасное — не

представляются при всей своей реальности, не подлежат высшему объективному наблюдению. Богъ открывается лишь сердцу благочестиваго человѣка, добро живетъ въ сознаниі лишь добраго человѣка, прекрасное открывается въ творческой дѣятельности художника. А это значить, что предметъ подобнаго рода познаній открывается лишь въ субъективной дѣятельности человѣка. Бога можно по Апостолу осязати въ своей душѣ (Дн. 17, 27). Атрофируйте это ощущеніе, и вы погасите источникъ духовной жизни и познанія. Поэтому органомъ познанія въ религіи является собственно не разумъ, а вѣра. Отличительный же характеръ вѣры въ томъ заключается, что она прежде всего добродѣтель, заслуга. Что было бы нравственно цѣннаго въ вѣрѣ, если бы она направлялась только на очевидное и наглядное? Тутъ нужно помнить слова св. Василія Великаго: «если мы будемъ измѣрять все своимъ разумѣніемъ и предполагать, что непостижимое для разсудка вовсе не существуетъ, то погибнетъ награда вѣры, награда упованія. Чѣмъ сдѣлаемся достойными тѣхъ блаженствъ, которыя уготованы намъ подъ условіемъ вѣры въ невидимое, если вѣримъ только тому, что очевидно для разсудка?»—Итакъ, догматическія истины, по самому характеру своему, не всѣ и не во всемъ своемъ содержаніи могутъ быть прозрачными для разума. Тѣмъ не менѣе роль разума и въ догматикѣ значительна и почтенна. Онъ можетъ уяснить право на постановку отдѣльныхъ догматическихъ положеній въ религіозномъ сознаниі человѣка или подыскать соотвѣтствующіе мотивы для принятія ихъ. Углубляясь въ смыслъ богооткровеннаго ученія, разумъ можетъ раскрывать неисчерпаемое богатство его содержанія, взаимную связь догматическихъ понятій, показывать отношеніе догматовъ къ современнымъ научнымъ понятіямъ и воззрѣніямъ, вводитъ въ уразумѣніе того, какимъ потребностямъ и запросамъ человѣческаго духа отвѣчаютъ тѣ или другія догматическія истины. Не говоримъ уже о томъ, что безъ участія разума легко могутъ

примѣшиваться къ вѣрѣ заблужденія, предразсудки, суевѣрія, или самая правая вѣра будетъ легкомысленна и зыбка, тогда какъ при надлежащемъ участіи разума можетъ быть свободна отъ этихъ недостатковъ. Отцы Церкви, при всей своей глубокой вѣрѣ въ Откровеніе, приписывали большое значеніе разуму въ познаніи Откровенія. «Умъ есть вѣчто прекрасное, говоритъ Василій Великій, и въ немъ имѣемъ то, что дѣлаетъ насъ созданными по образу Творца... Дано намъ судилище ума для уразумѣнія истины. Но есть источная истина — Богъ нашъ. Почему уму первоначально должно познать Бога нашего... Судилище ума прекрасно, дано для полезной цѣли—для познанія Бога; впрочемъ, дѣятельность его простирается до такой мѣры, сколько сіе вмѣстимо уму». Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ — ограниченности ума—заключается причина, почему разумъ долженъ быть плѣненъ въ послушаніе вѣрѣ. (2 Кор. 10, 5). Но это требованіе не есть ли въ сущности самоотреченіе отъ разума? Нѣтъ. Плѣненіе разума въ послушаніе вѣрѣ можетъ быть случайнымъ, слѣпымъ, рабскимъ, подневольнымъ, но оно же можетъ быть и предусмотрѣннымъ, сознательнымъ и свободнымъ. Оно можетъ вытекать изъ сознанія превосходства вѣры, какъ средства при усвоеніи Откровенія, предъ разумомъ. Здѣсь высшая степень послушанія есть высшая степень его сознательности.

4. Разборъ антидогматизма.

Догматы вѣры, по христіанскому сознанію, имѣютъ первостепенное и жизненное значеніе въ христіанской религіи. Они опредѣляютъ міровоззрѣніе христіанина, т.-е. идеалы и цѣли его жизни; потому что они проливаютъ свѣтъ на всѣ существенные вопросы бытія и жизни и на главнѣйшій изъ нихъ—вопросъ о спасеніи. «Азъ есмь путь и истина, и животь»,—говорилъ Христось о Себѣ,—«никтоже прійдетъ ко Отцу, токмо мною» (Іоан. 14, 6).

Непосредственные ученики Господа Христа исповѣдали: «Господи, глаголы живота вѣчнаго имаша» (Іоан. 6, 68). Таково же было всегдашнее убѣжденіе Церкви. Но въ жизни и наукѣ есть направленіе, отрицающее значеніе и важность догматовъ для христіанской религіи. Оно извѣстно подъ именемъ антидогматизма. Онъ выросъ на протестантской почвѣ (Георгъ Калликстъ, ум. 1656 г., піетисты—Шпенеръ мистики 18 в.), а научнымъ обоснованіемъ обязанъ Канту и Шлейермахеру. Кантъ сводилъ всю религію къ нравственности и поэтому относился отрицательно въ догматамъ. А Шлейермахеръ сущность религіи видѣлъ въ чувствѣ и рассуждалъ такъ. Чувства субъективны, текучи и измѣнчивы, потому что зависятъ отъ ощущеній. Догматы, какъ неизмѣняемые правила вѣры, убиваютъ религіозное чувство и вносятъ въ религію холодность, мертвенность. Значитъ, они и не нужны. Новѣйшими антидогматистами являются Ричль и Гарнакъ, поставляющіе сущность религіи въ благочестивомъ христіанскомъ настроеніи.

Противъ Канта скажемъ, что въ религіи теоретическое и нравственное ученіе всегда тѣсно связаны. Безъ разрѣшенія вопроса: «что такое Богъ, и какія Его свойства», нельзя рѣшить вопроса «чего Онъ хочетъ, и какія Его требованія». Высота нравственнаго ученія соотвѣтствуетъ высотѣ теоретическаго ученія о Богѣ. Христіанская нравственность проповѣдуетъ о любви къ врагамъ. Эта заповѣдь понятна только при сопоставленіи съ теоретическимъ представленіемъ о Богѣ любви. То, конечно, несомнѣнно, что догматъ является постулатомъ (требованіемъ) нравственнаго чувства, но не въ смыслѣ лишь объясненія нравственнаго правила, а въ смыслѣ совпаденія съ нравственными стремленіями души человѣческой.—Св. Григорій Нисскій, рассуждая о взаимоотношеніи догматовъ и заповѣдей—нравственныхъ правилъ—приходитъ къ убѣжденію, что «догматъ важнѣе и выше, чѣмъ заповѣдь». Онъ отдавалъ преимущество догматамъ предъ мо-

рально, какъ объективнымъ основаніямъ обѣщаннаго Христомъ спасенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ основаніямъ и морали. Истинность догматовъ служить ручательствомъ истинности обѣщанія, а истинность обѣщанія служитъ оправданіемъ неуклонныхъ стремленій къ достиженію обѣщаннаго, т. е. создаетъ разумный смыслъ человѣческой жизни. Слѣдовательно, разумно стремиться къ достиженію христіанскаго спасенія можно только подъ условіемъ признанія объективныхъ основаній этого спасенія, иначе догматовъ.

Мнѣніе, что можно быть хорошимъ христіаниномъ безъ знанія христіанскихъ догматовъ, есть, собственно говоря, лишь частное примѣненіе къ христіанской нравственности того неправильнаго воззрѣнія, которымъ отрицается вообще руководительное значеніе идей въ дѣятельности человѣка, и двигательная сила воли переносится исключительно на чувство. Но это—несомнѣнная односторонность. На самомъ дѣлѣ идея сама въ себѣ заключаетъ уже двигательную силу, непосредственно влияетъ на волю. Разработка этого положенія представляетъ собою заслугу новѣйшей психологіи, которая въ лицѣ французскихъ мыслителей Фуллѣ и Гюйо выдвинула ученіе о такъ называемыхъ идеяхъ-силахъ. Въ виду этого умъ и активность уже не представляются раздѣленными пропастью. Въ концѣ концовъ поведеніе человѣка является плодомъ его общаго теоретическаго міровоззрѣнія, составную часть котораго составляетъ представленіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку.

Переходя къ Шлейермахеру, мы видимъ, что онъ отстаиваетъ свободу и неопредѣляемость религіознаго чувства. Но характеръ и направленіе чувствъ и отношеній къ окружающимъ насъ лицамъ опредѣляется тѣми или другими представленіями о нихъ. «Въ то время какъ, говоритъ одинъ психологъ, чувства животныхъ носятъ стереотипный (однообразный) характеръ, человѣческія чувства отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Сущест-

вѣнѣйшую роль въ этомъ играетъ связь чувства съ познаніемъ... Глубина, проникаемость и ясность чувства зависятъ отъ озаренія его умомъ и анализомъ (Сикорскій. Всеобщая психологія). Вообще, психологія собрала много фактическихъ доказательствъ опредѣляемости чувства представленіями. Если вы хотите возбудить въ человѣкѣ извѣстное душевное волненіе, вы должны видѣрить въ его сознаніе соотвѣтствующее представленіе или цѣлую сложную группу представленій. Гипнотизеръ, внушающій усыпленному мысль, что къ его стулу подползаетъ ядовитая змѣя, вызываетъ вмѣстѣ съ этимъ въ его душѣ и чувство ужаса: объ этомъ говорятъ выраженіе лица и жесты послѣдняго. Чтобы сообщить своему читателю желаемое настроеніе, поэтъ не имѣетъ никакого другого средства кромѣ искуснаго подбора представленій. Наоборотъ, чтобы погасить чувство, достаточно удалить изъ сознанія тѣ образы, которые служатъ для него точкою опоры. Отсюда ничто такъ скоро не заживляетъ сердечныхъ ранъ, какъ путешествіе съ его постоянно новыми впечатлѣніями. Овладѣть чувствомъ мы можемъ, только пользуясь своею властію надъ теченіемъ представленій. Въслѣдствіе этого у аскетовъ, напримѣръ, борьба съ чувствами сводится къ борьбѣ съ помыслами.—Изъ этого очерка о значеніи представленій и вліяніи ихъ на жизнь чувства вообще можно заключать о важности теоретическихъ представленій о Богѣ для религіознаго чувства и непсихологичности отрицанія догматовъ.

Иногда современные антидогматисты нѣсколько видовзмѣняютъ свою точку зрѣнія, возражая не противъ догматовъ вообще, а наличныхъ церковныхъ догматовъ. Тѣ догматы, заявлялось, напримѣръ, на недавнихъ преніяхъ религіозно философскихъ собраній (1903 г.) въ Петербургѣ, тѣ догматы, которые въ первые вѣка христіанства являлись полными жизни, теперь потеряли свою жизненность. Почему же то, что тогда жгло, теперь сушить? Почему оговъ догматовъ пересталъ теперь животворить? Не озна-

часть ли это, что теперь догматы стали кандалами, убивающими религиозную мысль и религиозную дѣятельность?

Но это было бы похоже на правду, если бы съ нашей стороны признавалось, что христіанство есть, такъ сказать, окончателно перемытый рудничныи песоки, изъ котораго извлечено нашимъ сознаниемъ все золото, вся истина. Дѣло нужно представлять такъ. Когда отцы Никейскаго собора, по нуждѣ времени, установили, наприимѣръ, истину Божества Исуса Христа, то этотъ догматъ для общаго сознаниа собравшейся въ Никей Церкви былъ ясенъ, какъ живая истина. Соборъ, записывая истину, переживалъ въ эту минуту и внутреннюю идею самой формулы. Но, конечно, эта истина могла сдѣлаться достояниемъ каждаго послѣдующаго христіанина только при известномъ условіи съ его стороны, не просто путемъ исповѣданія ея, а путемъ *живого и дѣйствейнаго обращенія со Христомъ въ Церкви*. Значить, въ тотъ моментъ, когда установлена догма, путь религиознаго развитія не окончился, и жизнь не замерла. Предметъ вѣры очевиденъ и ясенъ, потому что имъ живутъ, и лишь до тѣхъ поръ, пока имъ живутъ. Онъ отдаляется, дѣлается смутнымъ и даже совсѣмъ исчезаетъ, какъ только мы перестанемъ жить имъ.—Однако, отцы Церкви отстаиваютъ догму, какъ неизмѣняемую, не даютъ права замѣнять старую догматику новою?—продолжаютъ возражать намъ. Да, но это потому, что она въ сознании ихъ не нѣмая схема, какъ, наприимѣръ, геометрической треугольникъ. По ихъ взгляду, въ догмѣ—сама жизнь, догматы представляютъ отвѣтъ на жизненные запросы ума и сердца. Защищать такую истину значить защищать собственную жизнь, смыслъ, радость жизни. Нужно, наприимѣръ, припомнить, сколько небесныхъ благословеній и радостей лишились христіане съ подмѣною понятія *εὐσέβειος* понятіемъ *εὐσεβείος*. Понятно отсюда стремленіе охранить чистоту и неизмѣнность перваго термина.

Но теперь, говорятъ, буква догматовъ изжила. Такъ ли?

Однажды толпа слѣпыхъ пришла къ храму Аммона, чтобы услышать бога, говорящаго въ храмѣ. Пришли, сѣли на ступеняхъ храма и стали слушать. Увы... голоса не было, и они рѣшили, что богъ ушелъ изъ храма. А дѣло было проще. Они сидѣли у запертыхъ дверей и не слышали голоса внутри. Не похожи ли мы на такихъ слѣпыхъ. Мы—около догмы, только у дверей храма и какъ часто мы говоримъ: не слышно намъ голоса Божія. Догматы стали для насъ мертвой, убивающей буквой.. Если такъ, то, значить, нужно вернуться къ древнему мистическому переживанію ихъ, не ограничиваясь школьнымъ изученіемъ ихъ догматовъ или простымъ знакомствомъ съ ними, а не отрицать догматы.

5. *О развитіи догматовъ.*

Вопросъ о развитіи догматовъ не разъ подвергался обсужденію въ нашей богословской литературѣ, но интересъ къ нему опредѣлялся большею частію чисто полемическими цѣлями. Мысль о развитіи догматовъ отстаивала римско-католическая церковь, полагая развитіе въ правѣ создавать новые догматы. Такимъ путемъ возникли тамъ догматы о непогрѣшимости папы, главенствѣ его въ церкви и т. п. Нѣкоторые наши отечественные мыслители, какъ, напримѣръ, Вл. С. Соловьевъ, также отстаивали мысль объ эволюціонномъ развитіи всей нашей догматики изъ одного первоdogмата—о Богочеловѣчествѣ Христа. Догматическое развитіе Церкви точкою отправленія своего имѣло minimum догматическаго сознанія, которое все болѣе расширялось, дѣлалось сложнѣе и богаче содержаніемъ. Въ самое послѣднее время вопросъ о догматическомъ развитіи былъ подвергнутъ новому пересмотру и обсужденію на Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ (1903 году), и не только уже съ полемическими цѣлями. Этотъ общій вопросъ былъ раздѣленъ на слѣдующіе два вопроса: возможны ли въ Церкви новые догматы, и нужны ли эти новыя догматы? Одними изъ членовъ этихъ собра-

нѣй оба вопроса рѣшены были отрицательно. Когда говорить о догматическомъ развитіи или религиозномъ творчествѣ Церкви, то имѣютъ въ виду или количественное приумноженіе догматовъ, или постепенное постиженіе заключенной въ догматахъ тайны. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ догматическое развитіе невозможно. Догматъ тождественъ съ Откровеніемъ. Это—то же самое Откровеніе, только переведенное на другой языкъ. Спрашивать поэтому, возможны ли новые догматы, помимо данныхъ, значитъ спрашивать: возможно ли количественное приращеніе самаго Откровенія? Разсудочное отношеніе къ догматамъ не имѣетъ значенія для самаго содержанія догматовъ, такъ какъ догматическое содержаніе есть тайна, абсолютно недоступная для человѣческаго разума, и оно всегда останется таинственнымъ, какъ бы ни была совершенна догмат. формула. Догматическое развитіе падаетъ поэтому лишь на форму, способъ выраженія ихъ. Развитіе можетъ происходить лишь въ нашемъ умственномъ аппаратѣ и заключается только въ измѣненіи формъ нашего познаванія догматовъ.

Такая формулировка отвѣтовъ на поставленные вопросы вызвала возраженія. Оппоненты указывали, что понятіе Откровенія съ одной стороны и догмата съ другой не покрываютъ другъ друга безъ остатка. Несомнѣнно, догматы суть истины Богооткровенныя; однако, изъ этихъ истинъ только тѣ имѣютъ догматическое значеніе, которыя опредѣлены Церковью въ извѣстный историческій моментъ, когда возникла и созрѣла историческая живая потребность формулировать ту или другую истину, точнѣе придавъ ей словесное выраженіе, возможно опредѣленное, не допускающее перетолковываній. Если догматы то же, что и Откровеніе, тогда непонятна дѣятельность Церкви, какъ Божественнаго учрежденія, въ процессѣ историческаго творчества. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, тогда Церковь? Появленіе догматовъ было процессомъ внутренняго разрастанія Церкви, а не рядомъ внѣшнихъ наслоеній. Были ли ереси

или не было ихъ, все равно догматическое развитіе должно быть, потому что божественная жизнь, данная міру въ Церкви, обращена не только къ чувству и волѣ человѣка, но и разуму его.—Съ другой стороны: настаивать на совершенной непостижимости Откровенія значить отрицать самое понятіе Откровенія. Если Откровеніе есть Откровеніе абсолютнаго, то оно должно быть безконечно глубокимъ по содержанію и, разумѣется, во всемъ объемѣ не можетъ быть достигнуто. Но какой смыслъ имѣло бы Откровеніе, если бы оно давало только непостижимое? Это не было бы Откровеніемъ, оно не приносило бы свѣтъ человѣческому разуму. Отношеніе конечнаго разума къ абсолютному въ Откровеніи нужно понимать въ смыслѣ постояннаго углубленія въ содержаніе Откровенія. Этотъ процессъ религіознаго познанія безконеченъ, вслѣдствіе безконечности содержанія Откровенія: но Откровеніе дано для человѣческаго разума. «Христіанская истина такъ же широка, глубока и неизслѣдима, справедливо замѣчаетъ Янышевъ, какъ неизслѣдимы глубины ума Божія, виновника этой истины... Вселенская Церковь, обладая всею истинною всегда, не можетъ однакоже сказать, чтобы уже успѣла уяснить и опредѣлить ее для сознанія вѣрующихъ всесторонне и навсегда». При мысли объ абсолютной непостижимости догмата все догматическое творчество періода вселенскихъ соборовъ ставовится безцѣльнымъ и ненужнымъ. Для чего тратить усилія на выработку догматическихъ формулъ, если онѣ въ сущности безразличны для самаго содержанія догматическихъ истинъ? И вся послѣдующая исторія Церкви съ точки зрѣнія религіозной является совершенно ненужной. Все Откровеніе раскрыто, всѣ догматы установлены, и намъ остается повторять одно и то же. Нельзя допустить, чтобы творческая работа Церкви въ области догматики закончилась.

Что же сказать о сущности этихъ преній?—Не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать Откровеніе съ догматами. Такое смѣшеніе вызывается неточнымъ понятіемъ о догматѣ:

догматъ, вѣдь, образуется отъ встрѣчи разума съ вѣрой, самосознанія Церкви съ Откровеніемъ. Догматами увеличивается содержаніе религіознаго сознанія вѣрующихъ, но не Откровенія. Догматами улучшается наше разумѣніе истинъ Откровенія, но не увеличивается число истинъ вѣры. Догматомъ ничего существенно новаго не прибавляется къ Откровенію, и Церковь не новую истину даетъ въ догматѣ. Обогащается новымъ содержаніемъ не Откровеніе, а церковное вѣроученіе. Но, съ другой стороны, никакъ нельзя строить исторіи догматовъ на принципѣ эволюціи, какъ, на примѣръ, это сдѣлано извѣстнымъ историкомъ Гарнакомъ. Совершенно справедливо замѣчено однимъ нашимъ критикомъ (А. П. Лебедевымъ): «церковная исторія имѣетъ свою точку отправления не минимумъ развитія, а полноту религіозныхъ идей (Божественное Откровеніе во Христѣ), и къ ней особенно непримѣнимъ методъ гражданской исторіи». Такой несвойственный христіанству характеръ принимаетъ догматическое развитіе въ теоріи В. Соловьева вслѣдствіе неудачной мысли его объ идеѣ Богочеловѣчества, какъ «перводогматъ» христіанства, изъ котораго эволюціонно произошли всѣ другіе догматы.—При сужденіи о раскрытіи догматовъ руководящее значеніе имѣетъ слѣдующее разъясненіе св. Викентія Лиринскаго: «можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: итакъ, въ церкви Христовой не должно быть никакого преспѣванія религіи? Всековечно, должно быть, и притомъ величайшее... Только преспѣваніе это должно быть дѣйствительно преспѣваніемъ, а не перемѣною вѣры.. Пусть возрастаетъ и до самой высшей степени преспѣваетъ съ теченіемъ лѣтъ и вѣковъ пониманіе, разумѣніе, мудрость, какъ каждаго христіанина, такъ и всѣхъ вмѣстѣ, — какъ одного человѣка, такъ и всей Церкви, но только—въ томъ же родѣ, т. е. въ одномъ и томъ же догматѣ, въ одномъ и томъ же смыслѣ, въ одномъ и томъ же предметѣ пониманія. Религія, дѣло души, пусть уподобляется въ этомъ отношеніи тѣламъ. Съ прираще-

ніемъ лѣтъ тѣла раскрываютъ и развиваютъ члены свои, однако остаются тѣмъ же, чѣмъ были. Цвѣтущая пора дѣтства и зрѣлый возрастъ, старческій, между собою весьма различны, однако стариками дѣлаются тѣ же самые, которые прежде были дѣтьми, такъ что хотя ростъ и наружность одного и того же человѣка измѣняется, тѣмъ не менѣе природа его остается неизмѣнна, личность его остается одна и та же... На нивѣ церковной предки наши посѣяли въ древности сѣмена пшеницы-вѣры... А такъ какъ конецъ и начало не должны быть взаимно противорѣчивы, то будетъ законно и послѣдовательно, если отъ возрастанія пшеничнаго посѣва мы пожнемъ плодъ, плодъ догматической пшеницы... Такому закону преспѣванія необходимо должно слѣдовать и догматическое ученіе христіанской религіи, т. е. пусть оно съ годами укрѣпляется, со временемъ расширяется, съ вѣкомъ возвышается, но остается нерушимымъ и неповрежденнымъ, цѣлымъ и совершеннымъ... безъ всякой утраты въ своемъ содержаніи, безъ всякаго измѣненія своихъ опредѣленій». Критеріемъ неизмѣнности и непоколебимости догмата служить, по мнѣнію св. Викентія, «преданіе вселенской Церкви», которое есть «разумъ» и «чувство» Церкви. Такой взглядъ Викентія на значеніе преданія для догматовъ является отраженіемъ общаго отпамъ Церкви воззрѣнія на преданіе. «Истинное познаніе, по словамъ, на примѣръ, св. Иринея, есть ученіе апостоловъ и изначальное устройство Церкви по всему міру». Или: «большее или меньшее знаніе нѣкоторыхъ состоитъ не въ измѣненіи самого содержанія, а въ томъ, чтобы тщательно изслѣдовать мысль сказаннаго въ притчахъ и соглашаться съ содержаніемъ вѣры».

Ив. Николинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Святая Лавра! Снова посѣщаю
Святынѣ твоихъ завѣтныхъ мѣста,
И каждый разъ сильнѣй во мнѣ отрада,
Годъ отъ году таинственный она.

* * *

Пойду въ соборъ и съ жгучими слезами
Склонюся ницъ предъ ракою святой;
Какъ дрогнетъ сердце, все припоминая,
Что скрыто здѣсь подъ сѣнью вѣковой!

* * *

Здѣсь, знаю, здѣсь, живетъ душа Россіи,
Родной земли та чуткая душа,
Которою одной жива отчизна:
Умри она, угаснетъ и страна!

* * *

Любовь къ Творцу до самоотреченья,
Къ отечеству до смерти живота,
Любовь къ народу всѣмъ великимъ смысломъ,
Вотъ намъ завѣтъ отъ Лавры навсегда!

Н. Румянцевъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Упадокъ духовной публицистики.

Въ № 36 *«Церковнаго Вѣстника»* за текущей годъ подъ такимъ заглавіемъ помѣщена статья неизвѣстнаго автора, гдѣ проводятся пессимистическіе взгляды на положеніе нашей русской современной духовной публицистики. Факты, указываемые авторомъ, дѣйствительно наводятъ на нѣкоторыя невеселыя размышленія. «Кто слѣдитъ за повременной духовной печатью, говоритъ онъ, отъ взора тѣхъ, навѣрно, не укрылось постепенное все большее измельчаніе и литературное оскуднѣніе нашихъ періодическихъ духовныхъ изданій». Духовная довременная печать «захирѣла оттого, что надъ ней нависъ тяжелый гнетъ всяческихъ административныхъ давленій, начиная отъ суровой цензуры и кончая многочисленными внушеніями, предостереженіями и прещеніями, обрушивающимися на изданія при малѣйшей попыткѣ ихъ заговорить болѣе живымъ языкомъ». «Духовная печать, за единичными исключеніями, лишена дарованныхъ вообще печати нашимъ законодательствомъ привилегій и является связанной по рукамъ и по ногамъ предъ лицомъ свѣтской прессы». «Духовные литераторы находятся какъ бы между Сциллой и Харибдой». «Многіе изъ нихъ предпочитаютъ совсѣмъ замолчать и оставить литературную работу». «Изданія чахнутъ».

Прочитывая эту статью въ *«Церк. Вѣстникѣ»*, намъ отрадно видѣть, что ея авторъ, въ дальнѣйшей своей рѣчи, проводитъ тѣ же мысли, какія высказывались и у насъ на страницахъ нашего журнала, въ недавніе годы. Положеніе духовной печати не полезно для самой же Церкви. «Обезличенная духовная пресса» является причиною многихъ «отрицательныхъ явленій». «Общество, видя безцвѣтность духовной мысли и слова и не вникая въ основанія

этого явленія, проявляется полнымъ пренебреженіемъ къ духовной литературѣ и вообще представителямъ духовнаго міра». Такия «тяжелыя условія, въ какиихъ находится духовная печать, убивая жизненность послѣдней, подтачиваютъ собственно и церковное зданіе». «Стремиться къ полному обезличенію» независимаго печатнаго слова «значить идти въ разрѣзъ съ интересами самой церкви».

Къ сожалѣнію, авторъ статьи «*Церковнаго Вѣстника*» ограничивается лишь общими замѣчаніями объ этомъ важномъ предметѣ и не указываетъ какиихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ, которыя были бы способны вывести нашу духовную печать на путь процвѣтанія. Намъ кажется, что мѣры эти по самому своему существу должны быть радикальными въ смыслѣ уничтоженія, и притомъ немедленнаго, всякихъ стѣсненій, которыя вѣли и ведутъ къ упадку нашу духовную печать. Изъ такиихъ радикальныхъ мѣръ—прежде всего уничтоженіе духовно-цензурныхъ комитетовъ и подчиненіе духовной печати, если таковое уже совсѣмъ необходимо, общимъ учрежденіямъ, вѣдающимъ и свѣтскую литературу. Ничто такъ не вредитъ церкви, духовной наукѣ и духовной печати, какъ ихъ обособленность и кастовый характеръ. Все это поддерживается такими учрежденіями, какъ цензурные комитеты, которые преимущественно и являются органами всевозможныхъ давленій и стѣсненій. Что это не голословность, видно изъ того, что усиленіе власти цензурныхъ комитетовъ какъ разъ и совпадало съ началомъ упадка духовной литературы. Въ Москвѣ, напримѣръ, издавались когда-то духовныя журналы «*Православное Обозрѣніе*» и «*Чтенія въ Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія*». Эти изданія были подцензурныя, но цензура сосредоточивалась тогда въ рукахъ преподавателей Московской духовной академіи и Виѣанской духовной семинаріи. Мы не знаемъ, получали ли и сколько получали академическіе цензоры за свой нѣлегкій трудъ. Знаемъ только, по личному знакомству съ нѣкоторыми изъ цензоровъ, что они смотрѣли на дѣло довольно легко и пропускали въ печать то, чего, вѣроятно, теперь совсѣмъ бы не пропустили. Фактъ тотъ, что именно въ это время и «шли» указанныя выше духовныя журналы и не только «шли», но и пользовались значительнымъ расположеніемъ читающей публики. Но какъ только цензурный комитетъ переведенъ былъ въ Москву, цензорамъ назначено было значительное жалованье (800 р.

каждому цензору), и цензура перешла въ руки лицъ, которымъ не были близки къ сердцу интересы духовной литературы, то «*Православное Обозрѣніе*» почти одновременно съ этимъ прекратило свое существованіе, а вслѣдъ за нимъ и «*Чтенія въ Обществѣ Любителей Дух. Просвѣщенія*». Причины совершенно ясны. Цензура начала подводить эти журналы подъ одинъ уровень съ другими духовными изданіями, для которыхъ былъ установленъ «режимъ», а читателямъ это не понравилось и они перестали указанные журналы выписывать. Все это сдѣлалось какъ то само собою, но все таки сдѣлалось... Попытки къ замѣнѣ и возстановленію указанныхъ журналовъ, но уже въ иномъ, соотвѣтствовавшемъ новымъ, искусственно созданнымъ и распространяемымъ, теченіямъ духа, были неудачны. Не только свѣтская публика совсѣмъ не интересуется духовными журналами, но и духовная интересуется мало. Редакторы начали чувствовать надъ собой гнѣть даже въ то время, когда литературныя ножницы лежали въ спокойномъ положеніи. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій было то, что въ настоящее время процвѣтаютъ только тѣ органы духовной печати, которые пользуются обязательной подпиской.

Усиленіе цензуры было причиною и другихъ золъ. Это, правда, относится не къ дѣятельности членовъ различныхъ цензурныхъ комитетовъ, а къ области нѣсколько иной. Многолѣтнее урѣзываніе и сокращеніе богословской науки имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что не только общій, но и частный уровень науки и богословскихъ сочиненій у насъ понизился. Это правда, что и прежнимъ временамъ можно было дѣлать подобный упрекъ, и онъ дѣйствительно дѣлался. «Вотъ посмотрите, говорилъ мнѣ покойный прот. Д. Ѡ. Касицынъ, *какъ они пишутъ!*» *Какъ они пишутъ*,—это могутъ знать и знаютъ теперь, конечно, всѣ редакторы. И редакторы, и авторы всѣ боятся, какъ бы не проговориться. Общее положеніе дѣлъ какъ-то губительно дѣйствуетъ на мысль, и многіе, очень многіе не только не вмѣняютъ себѣ въ достоинство какихъ-либо литературныхъ заслугъ, но и прямо уклоняются отъ всякой литературы, прекрасно сознавая, что заниматься литературой—это значитъ только нажать себѣ разныя непріятности. Понятно, что способность къ литературной работѣ является только вслѣдствіе упорнаго труда, посвященнаго этому дѣлу, и безъ труда не можетъ существо-

вать ни методовъ, ни даже умѣнья связнаго и грамотнаго изложенія.

Съ точки зрѣнія *comme il faut* ничего нельзя сказать противъ многихъ современныхъ духовныхъ писателей; но именно потому ихъ произведенія и невѣроятно скучны и бесполезны. Все это отталкиваетъ читающую публику отъ богословской литературы и, какъ совершенно справедливо говоритъ авторъ статьи въ *«Церковномъ Вѣстникѣ»*, порождаетъ «сѣтованія о духовномъ оскудѣннн духовенства», размышленія «надъ убожествомъ духовной мысли и литературы» и истолковываніе его «въ смыслѣ, для церкви вовсе неблагопріятномъ».

Свящ. М. Θ—скій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Иисуса Навина, Судей, Царствъ, Іова* и *Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Ненужная суровость.

Кто искренно въ Бога вѣруетъ, кому истины вѣры близки и дороги, тотъ — естественно — желаетъ и ищетъ торжества исповѣдуемой истины. Больно ему видѣть, когда другіе ее не понимаютъ и не принимаютъ, — скорбитъ его сердце, когда онъ слышитъ превратное толкованіе или извращенное представленіе о тайнахъ вѣры, имъ исповѣдуемой, — на части разрывается душа, когда раздаются ругательства или насмѣшки надъ тѣмъ, что для него составляетъ святое святыхъ. Все это такъ и должно быть: здѣсь говорить ревность по Богъ.

Но бываетъ нерѣдко, когда изъ побужденій высшихъ — служить Божьему дѣлу — выходитъ совершенно обратное, совершаются дѣла, закономъ Бога осуждаемыя. Горячность овладѣваетъ человѣкомъ, и онъ, самъ того не замѣчая, забываетъ завѣщанная Христомъ любовь и милосердіе и проявляетъ несдержанность, а иной разъ грубость и жестокость.

Прислушайтесь къ рѣчамъ по религіознымъ вопросамъ между лицами разныхъ «упованій». Присмотритесь, какія отношенія существуютъ у насъ между лицами разныхъ исповѣданій. Сколько здѣсь увидите и услышите взаимнаго раздраженія и рѣзкости, сколько несправедливыхъ нареканій, упрековъ и перетолковываній, — сколько зла среди людей изъ-за разности вѣрованій. И это зло портитъ и безъ того надломленную жизнь. Религіозная жизнь дѣ-

лается причиной гоненія однихъ другими, а особенно гоненія слабыхъ со стороны богатыхъ, знатныхъ и сильныхъ.—Въ западныхъ губерніяхъ, напримѣръ, у насъ доселѣ въ презрѣніи у многихъ «хлопская вѣра, которую быдло исповѣдуетъ»; православная вѣра, исповѣдуемая простымъ народомъ, попирается мѣстными магнатами и ихъ приверженцами, принадлежащими къ инославію.—Наши заводы и фабрики то и дѣло даютъ рѣзкіе образцы, возмутительные примѣры преслѣдованія честныхъ труженниковъ за ихъ вѣру.—И среди православныхъ портятся взаимныя отношенія на почвѣ узкаго пониманія христіанства. Часто можно встрѣтить человѣка, который по всей видимости можетъ и долженъ быть названъ человѣкомъ правой вѣры: исповѣданіе его точное и полное, какъ дано оно и сохраняется церковью, — отъ буквы исповѣданія, даже отъ буквы церковнаго устава онъ старается не отступать. Но живетъ человѣкъ старыми традиціями, иногда очень невысокаго качества, совершенно безучастно относится къ новымъ запросамъ и текущимъ осложненіямъ церковно-общественной жизни,—нимало не вникаетъ въ свою душу, въ существо вѣры и требованія духовнаго самосовершенствованія. — Какъ такіе относятся къ другимъ, въ которыхъ замѣчаютъ уклоненія въ вольность изслѣдованія и слова?—Греческая міеологія передаетъ, что въ окрестностяхъ Элевзиса былъ разбойникъ Прокрустъ. Оня былъ жестокъ. Пойманныхъ имъ онъ укладывалъ на кровать, и если она оказывалась коротка, то отрубалъ своему плѣннику ноги вровень съ кроватью, а если была длинна, то члены тѣла вытягивались такъ, чтобы человѣкъ закрывалъ всю кровать. — Нерѣдко такую мѣрку прилагаютъ и у насъ въ вопросахъ религіозныхъ и доходятъ до фанатизма, не давая себѣ труда подумать, православно-ли то, что они дѣлаютъ...

Православный человѣкъ съ сокрушеніемъ взираетъ на себя и съ кротостью относится къ другимъ. Ища для себя въ церкви правильнаго устроенія души по Богу, истин-

наго обновленія и возрожденія, дѣйствительнаго приобщенія Христу, онъ стремится разумно, глубоко и проникновенно относиться къ людямъ, чуждымъ христіанства, и тѣмъ болѣе къ людямъ, исповѣдующимъ Христа, но несогласнымъ съ нимъ въ путяхъ слѣдованія Ему. Если предъ нимъ и окажется противникъ, онъ оцѣниваетъ противника съ большой точностью и серіозностью, взвѣшиваетъ всѣ его положительныя достоинства. Но много ли такихъ?—Трудно, хлопотливо вникать въ религіозно-нравственное содержаніе челоуѣка, еще труднѣе — пополнять недостающее и исправлять ложное. Гораздо легче вдвинуть чужую душу въ рамки исповѣдной формулы и къ ней примѣрять людей: подходит къ мѣркѣ,—нашъ,—а то, что не подходит, остается отбросить. И отбрасываютъ...

Вырастая въ такомъ настроеніи и порядкѣ, мы утрачиваемъ способность видѣть положительное и цѣнное въ другихъ людяхъ. Не все, напримѣръ, дурно у католиковъ и протестантовъ, есть много добраго у англичанъ. По примѣру и слову святоотеческому—даже у язычниковъ можно заимствовать доброе. Это—одна сторона. Съ другой стороны, мы теряемъ способность своими убѣжденіями дѣйствовать на иномыслящихъ: мы нерѣдко вступаемъ въ борьбу съ противниками нашими, стоя съ ними на разной почвѣ, а потому обрекаемъ себя на взаимное непониманіе. Съ старообрядцемъ, фарисейски-упрямо преданнымъ буквѣ, нельзя говорить иначе, какъ съ старопечатнымъ уставомъ въ рукахъ, и ничѣмъ его такъ не приблизишь къ себѣ, какъ истовой уставностью. Безъ этого, что ни говори, какъ ни доказывай несостоятельность его угла зрѣнія, онъ холодно ко всему отнесется и махнетъ на васъ рукой съ обычными словами: философія пустая!—Сектанту мистіку сколько ни говори о догматахъ и съ догматической стороны, онъ останется глухъ... А между тѣмъ у тѣхъ и другихъ среди тьмы ихъ заблужденія и изувѣрства есть блестики истины и добра, которыя близки и дѣроги православнымъ, которыя кромѣ того часто

забываются ими. Истовость въ отправленіи молитвъ, постовъ, богослуженія,—или мистическая сторона вѣры развѣ не въ загонѣ у насъ? — И къ людямъ науки, ищущимъ или шатающимся въ вѣрѣ, иной разъ такое же отношеніе, какъ «измѣреніе кубическаго тѣла плоскостью». — Сами, угловато настроенные, мы, въ прямой ущербъ интересамъ своимъ и интересамъ другихъ, не умѣемъ или не хотимъ найти общее мѣсто, гдѣ обѣ стороны могли бы легко понять одна другую. Это и было бы пунктомъ соединенія, завязью: утолщи, укрѣпи эту завязь, и то, что готово было оторваться и упасть, какъ надломленная лоза, можетъ быть наполнится жизненными соками и срастется съ своимъ деревомъ. А этого у насъ нѣтъ. Черезъ взаимное непониманіе раздробленность и разрозненность церковнаго общества увеличиваются, — ненужная суровость вносить въ общество озлобленность и ожесточенность, — раздирается риза Господня, — падаетъ духъ церковности, слабѣютъ моральныя силы общества. — Много у насъ словъ о соединеніи и возрожденіи висить въ воздухѣ, — но мало пользы отъ нихъ: сердце людей невыносливо и ревниво до суровости, душа лѣнива и близорука до преступнаго.

* * *

Въ такой моментъ не только благовременно, но необходимо внять примѣру и голосу вселенскаго учителя, св. Златоуста (память 13 ноября). — Не воспроизводя на этотъ разъ событій изъ жизни святителя (житіе его прочтеть всякій съ большою пользою для души), вспомнимъ то правило, которымъ онъ руководился въ своей дѣятельности. Его (правило) онъ настоятельно внушалъ не только подчиненнымъ ему пастырямъ, но и пасомымъ. Вотъ оно: «Оставь жестокость. Приди къ тому, кто заблудился, скажи по братски какую-либо похвалу, сложивъ ее изъ тѣхъ достоинствъ, какія въ немъ. Такою похвалою смягчи опухоль его раны, представь виновность всего рода челоуѣческаго, проси прощенія, что ты принимаешь на себя

дѣло, которое выше силъ твоихъ. Тогда предложи совѣтъ, высказывая его не повелительно, а по братски. Когда такимъ образомъ предупредишь и успокоишь горячность и смягчишь боль, тогда наноси ему ударъ обличенія не слишкомъ сильный, не слишкомъ слабый, чтобы въ первомъ случаѣ онъ не отскочилъ отъ тебя, а во второмъ, чтобы не остался невнимательнымъ» (т. 10 й, ч. I, стр. 452).

Основная причина къ такой осторожности и снисходительности въ отношеніи къ заблуждающимся—та, что всѣ мы—люди слабые, всѣ немощны, опутаны грѣхомъ. Ты, какъ бы такъ говорить святитель, ты идешь, чтобы вразумить, обличить, помочь исправиться своему брату, окаменѣвающему въ заблужденіи,—задача великая, но и трудная, дѣло святое, но кропотливое и длительное,—запасись терпѣніемъ, какъ врачъ у постели больного,—войди въ положеніе его, терпѣливо снизойди къ слабостямъ его, какъ врачъ остается невозмутимо-спокойнымъ при крикахъ больного, подвергнутаго болѣзненной операціи. Бойся грознаго слова или слова осужденія, помня, что и самъ ты—не ангель.

На этой послѣдней мысли св. Златоустъ особенно настаиваетъ. Онъ говорить: «Всегда, не только нынѣ, но и въ древности Богъ устраивалъ такъ, что тѣмъ, кому Онъ благоволилъ вѣрять церковь и народъ, Онъ позволялъ подвергаться грѣхамъ, дабы отъ своихъ паденій дѣлались челоувѣколюбивыми. Всѣ связаны грѣхомъ. Не вѣрено священство ангелу: такъ какъ онъ безгрѣшенъ,—онъ, встрѣтивъ какого-либо прелюбодѣя и воспламеняясь гнѣвомъ на него, умертвилъ бы его, не будучи самъ причастенъ къ такой страсти. Но власть вѣрена челоувѣку, чтобы онъ, сознавая свои прегрѣшенія, былъ снисходителемъ къ грѣшникамъ и не раздражался гнѣвомъ, чтобы церковь не оскудѣвала чрезъ такой образъ дѣйствій. А что это дѣйствительно такъ, вотъ наглядный примѣръ. — Апостолу Петру вѣрены были ключи неба (Мѡ.—14, 19). Апостолъ былъ иногда строгъ. Божествен-

ная благодать и попустила ему впасть въ грѣхъ, чтобы въ томъ, чѣмъ онъ самъ страдалъ, былъ снисходителенъ къ другимъ... Кому попускается впасть въ грѣхъ? Верховному изъ апостоловъ, непоколебимому основанію, несокрушимому камню, первому въ церкви, необуреваемой пристани. И отъ кого? Смутила вѣру его и заставила отречься отъ Христа женщина, рабыня-привратница, отверженная всѣми плѣнница. Это одинъ примѣръ. Вспомнимъ теперь земного ангела и небеснаго человѣка, пророка Ілію. Онъ управлялъ небесною колесницей, былъ повелителемъ водъ, языкъ котораго былъ ключемъ небесъ. И онъ былъ такъ строгъ къ грѣшникамъ, что нѣкогда молился, чтобы Богъ не давалъ дождя. «Живъ Господь, говоритъ онъ, пусть не будетъ дождя на землѣ, развѣ по слову моему» (3 Цар. 17, 1.). Ілія не молится, не проситъ, а изрекаетъ слово кары и заключаетъ небо. Знаю, говоритъ онъ, что Владыка послушаетъ меня, потому что дѣлаю это я по ревности. О, дивныя дѣла! Видишь ли Господа, побѣждаемаго благоизволеніемъ раба?..—Видѣлъ Ілія много непристойныхъ дѣлъ. Ночь обнимала всю вселенную, всѣ погрязли во злѣ; добродѣтель преслѣдовалась, порокъ процвѣталъ, земля дѣлалась нечистою, небо унижалось,—густѣйшій мракъ объялъ людей: видѣли Творца, а кланялись тварямъ. Одинъ Ілія обладалъ свѣтильникомъ добродѣтели, но свѣтъ его никому не приносилъ пользы, такъ какъ люди находились въ безчувственномъ состояніи. Ілія терзался, сѣтовалъ, говорилъ рѣчи, но никто не слушалъ,—увѣщавалъ, а никто не переставалъ грѣшить. И пророкъ говорить: да не будетъ дождя! Слово произнесено. Воздухъ измѣнился, небо стало мѣднымъ,—слово пророка пало какъ огонь въ нѣдра земли, и все стало засыхать, пустѣть, исчезать. И былъ плачь дѣтей, рыданіе матерей и великое отчаяніе: все умирало. Все погибло отъ гнѣва, нисшедшаго свыше, а Ілія не заботился ни о чемъ, потому что онъ былъ переполненъ ревностью. Что дѣлаешь ты, Ілія? Пусть согрѣшали юноши,—зачѣмъ

же наказываются дѣти? Пусть согрѣшили люди,—зачѣмъ же вмѣстѣ съ ними умираютъ животныя? Ты не имѣешь ни жены, ни дѣтей, ты не обращаешь на погибающихъ вниманія... А между тѣмъ, что говоритъ Богъ?—Иди въ Сарепту!—Это сдѣлалъ Богъ съ особымъ намѣреніемъ. Богъ повелѣваетъ пройти огромное пространство земли, чтобы пророкъ видѣлъ постигшія землю бѣдствія и обратился къ владыкѣ съ молитвою о дарованіи дождя. Однако, не смягчился пророкъ, такъ какъ переполненъ былъ ревностью.—Прошло три съ половиною года. Совершилось жертвоприношеніе на Кармилѣ, гдѣ по молитвѣ пророка Богъ послалъ съ неба огонь. По повелѣнію пророка предаются смерти жрецы Ваала. Но вотъ что далѣе. Смерть жрецовъ вызываетъ гнѣвъ со стороны Іезавели: она рѣшила убить пророка. Ілія, узнавъ объ этомъ, обратился въ бѣгство. Бѣжалъ сорокъ дней... Что съ тобою, пророкъ? Ты заключилъ небо, остановилъ дождь, явилъ власть надъ воздухомъ, свелъ огонь съ неба, заклалъ жрецовъ, сдѣлалъ гумномъ домъ вдовицы. Столько сдѣлалъ ты, и не перенесъ слова одной женщины! Гдѣ та твердость, по которой ты не хотѣлъ молить Господа, чтобы Онъ послалъ дождь на землю? Онъ ясными знаками говорилъ тебѣ: помолись Мнѣ. Я знаю происходящее бѣдствіе и хочу умилосердиться, но не желаю послать дождь противъ твоего рѣшенія. О, человѣколюбіе Владыки, побѣждаемое благоволеніемъ къ рабу! Такъ пророкъ оказался впавшимъ въ грѣхъ. Говорю «въ грѣхъ», не осуждая праведника, но желая показать спасительный урокъ. Бѣжалъ пророкъ сорокъ дней... Такъ, когда дѣйствовалъ Богъ, то падали пари, начальники и народъ,—а когда Богъ отступилъ, то и женщина показала страшную. Богъ отступилъ, и человѣческая природа была посрамлена... Видишь ли, какъ пророку попущено впасть въ малый грѣхъ, чтобы потомъ облечься въ цѣлую одежду человѣколюбія. Попускаетъ Богъ малый грѣхъ столпамъ, оплотамъ и твердынямъ для того, чтобы въ случаѣ собственной безгрѣшности не отлу-

чили всѣхъ отъ церкви... Это говоримъ не для осужденія праведниковъ, но желая подготовить вашъ путь ко спасенію» (т. 2-й, изъ сл. 39, стр. 772).

Нужно ли что прибавлять къ этому мощному слову благодатствованныхъ устъ! Въ нашу смутную пору скороспѣлыхъ проектовъ и поспѣшныхъ рѣшеній, чтобы трезво вырѣшить путь къ борьбѣ съ всеобщей церковной раздробленностью, златоустое слово это надо читать, перечитывать и наизусть знать, какъ непремѣнное правило и всегдашнее руководство для жизни всѣмъ и каждому въ христіанскомъ обществѣ съ верхняго края до нижняго.

Святитель Златоустый и мученикъ Христовъ! Твоими молитвами просвѣти и оживи дикую пустыню нашихъ душъ, умягчи и умили сердце наше злое, чтобы не жезлъ и палица были орудіями нашими, а явленная тобою мощная кротость и непобѣдимая сила правды, любви и всепрощенія!..

Необходимое рвеніе.

Міръ во злѣ лежитъ. Борьба съ этимъ зломъ, искорененіе его въ себѣ и въ другихъ для торжества духа надъ матеріей, для торжества правды и добра въ мірѣ—прямое назначеніе дѣятельности человѣка: въ мірѣ вступаетъ человекъ, чтобы стать выше міра.

«Въ храмѣ Божіемъ ясно Дѣва является» и даетъ дивный примѣръ посвященія себя жизни премірной,—посвященія себя Божьему дѣлу на землѣ.

На тотъ же подвигъ посвящаетъ себя и всякій христіанинъ. Вступаетъ онъ въ жизнь. Предъ нимъ раскрывается широкая дѣятельность и личная, и общественная. Онъ вводится въ ограду церкви Божіей,—церкви святой, призывающей его жить свято. Знаетъ онъ, что міръ во злѣ лежитъ, что природная, плотская жизнь есть жизнь ложная и злая. Это знали еще брамины и буддисты, индійскіе мудрецы, жившіе и до христіанской эпохи, знали это и греческіе философы. Но недостаточно знать и осуждать дурную жизнь, недостаточно только мыслить и желать болѣе возвышенной жизни,—надо на дѣлѣ показать, что эта жизнь есть, чтобы на дѣлѣ была видна побѣда духа надъ матеріальной природой. И эта побѣда необычная. Когда двѣ матеріальныя силы борются за существованіе, то побѣжденная поглощается или истребляется побѣдившей. Духовное же начало, побѣждая природу, не уничтожаетъ ее, а восстанавливаетъ въ новомъ и лучшемъ образѣ,—человекъ пересоздаетъ себя по образу и подобию живого Бога, изъ плотского и природнаго дѣлается духовнымъ и божественнымъ. «Это не твореніе изъ ничего,

а претвореніе матеріи въ духъ, плотской жизни въ божественную». Жить такъ—и значить жить свято.—Христіанинъ вводится въ ограду церкви соборной, призывающей въ чувствѣ любви и въ духѣ евангельскихъ завѣтовъ жить общей жизнью съ другими, — вводится въ ограду церкви апостольской, призывающей взять на себя по мѣрѣ силъ своихъ апостольское служеніе.—Всѣ мы въ одно тѣло однимъ Духомъ крестились, говоритъ апостоль, — іудеи и эллины, рабы и свободные, всѣ напоены однимъ Духомъ. Тѣло одно, но имѣетъ много членовъ. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ ненадобна, а также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе, — и которые намъ кажутся менѣе благородными, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія. Неблагообразные члены наши болѣе благообразно покрываются, а благообразные не имѣютъ въ этомъ нужды. Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣе совершенномъ бѣльшее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ. Поэтому страдаетъ ли одинъ, страдаютъ всѣ члены. И вы (христіане)—тѣло Христово, а порознь члены. (1 Кор. 12, 12—27).

Братство, близкое общеніе, служеніе другъ другу, забота и трудъ на благо всей церкви, на созданіе тѣла Христова,—вотъ завѣтъ апостола принявшимъ крещеніе во имя Христово. Единымъ сердцемъ жить, едиными устами хвалу Богу возносить—призваны христіане.

Какъ же принять и выполнять нами этотъ призывъ?

Вы пошли не по пути Андрея Первозваннаго, а по пути Искаріота! нѣсколько лѣтъ тому назадъ упрекалъ общество аскетъ—мірянинъ (В. Соловьевъ). — Такіе же голоса отовсюду слышатся и понынѣ. «Въ церкви ли вы? Внутренній, неслышный, но страшный голосъ давно уже не сказалъ ли вамъ слово отлученія? Вы ушли отъ жизни, завѣщанной христіанствомъ, бросивъ все на произволъ судьбы. Вы заперли свои теплыя квартиры отъ холода и вѣтра и отъ людей; равнодушные, трусливые, жал-

іе,—вы погрузились въ мертвый покой смерти, рабски подчинясь велѣніямъ стихій міра. Вы не вѣруете сами и другимъ не помогаете вѣровать, что надъ земной необходимостью стоятъ высшіе законы правды и долга. Куда дѣвали вы великую заповѣдь Христа: кто хочетъ быть первымъ, пусть будетъ всѣмъ слуга? Умоютъ ли нынѣ высшіе ноги низшимъ, не тамъ, гдѣ это мертвый обрядъ, а въ жизни, гдѣ это должно быть живой правдой?.. А низшіе? Во что, напримѣръ, обратили они современный приходъ? Чужіе, ненужные другъ другу люди собираются въ разукрашенной церкви, гдѣ безжизненно повторяются или театрално исполняются молитвы, которыя нѣкогда были созданы религіознымъ вдохновеніемъ вѣрующихъ. На одномъ клиросѣ — безучастный хоръ, на другомъ—безучастный причетникъ,—а предъ алтаремъ люди, другъ другу чужіе, по привычкѣ ходящіе въ церковь (ходящіе только въ церковь, да и то по праздникамъ!) съ тѣмъ, чтобы дома жить хуже язычниковъ. Нѣтъ общей жизни: всякъ живетъ для себя». (Письма ко всѣмъ С—го).

Минуя острое и колкое въ сказанномъ, во многомъ приходится съ краскою стыда и со скорбью въ сердцѣ сознаться, упрекъ признать дѣйствительнымъ и справедливымъ. Духовная обособленность, религіозное уединеніе, трусливая или лѣнивая самозамкнутость,—вотъ болѣзненная особенность религіозной жизни нашихъ дней. Это такое же уклоненіе въ крайность, какъ ненужная суровость и строгость, но болѣе вредное.

* * *

При такомъ строѣ церковно-общественная жизнь быстро идетъ къ упадку, падаетъ нравственность, растетъ распутство. Сектанство и иновѣріе пользуются моментомъ общей раздробленности и безсилія, дерзко вторгаются въ ограду церкви и грабятъ душу народа.

Сама жизнь взываетъ къ намъ объ апостольствѣ,—тѣмъ болѣе, что исканіе Бога живо въ народной душѣ, жажда

вѣры не совсѣмъ еще утрачена ею. Многіе выносятъ тяжелыя мученія, стоя на распутіи между вѣрой и невѣріемъ, спуская въ безсиліи руки въ борьбѣ съ искушеніемъ. Своимъ внутреннимъ распадомъ, своею безпомощностью они взываютъ къ тѣмъ, кто сильнѣе ихъ, кто тверже ихъ. «Мнѣ жутко и страшно отъ моего невѣрія! Гдѣ мнѣ взять вѣру, безъ которой, вижу я, что вся нравственность—дуль!»—вотъ вопли мятущейся души. Мы, отторгнутые отъ обще-церковной жизни, слышимъ эти вопли и... какъ бы не слышимъ. Никто къ мятущейся душѣ не подходитъ, а спѣшить всякъ, вздохнувъ отъ тоски надтреснутаго вопля, уйти въ глубь себя, стараясь поплотнѣе закрыться кто плащомъ своей вѣры, кто толщей своей лѣности и неподвижности. Гибнетъ человѣкъ на вьюгѣ и морозѣ, а мы прачемся отъ него съ своимъ тепломъ религіозной вѣры.

Великая сила—дать пережить другимъ радость любви ко Христу, когда въ душѣ загорается подлинный небесный свѣтъ и открывается ей вѣчная красота. Не приходилось ли кому въ ненастную погоду разводить костеръ въ лѣсу? Съ большимъ трудомъ воспламенили вы нѣсколько сучковъ, подкладываете хворостъ, — вы хотите обогрѣться, а васъ обдаетъ вѣдкимъ дымомъ и отгоняетъ подальше отъ костра; не радуется убогій огонь. Надъ нимъ смѣется и окружающій кустарникъ. Сырыя, обильно смоченныя дождемъ вѣтви и листва наклонились надъ нимъ, лѣниво покачиваются подъ порывами вѣтра, словно киваютъ печально головой, смотря на слабыя потуги огня. Но проходитъ время. Дымъ уменьшился, хворостъ веселѣе потрескиваетъ, и вы уже грѣете руки надъ пробивающимися языками огня. Еще немного, и около костра тепло, даже жарко. А вѣтки и листва, что недавно ехидно смѣялись? Вѣтки обсохли и отпрянули вверхъ. Имъ тепло, имъ дѣлается даже жарко. А огонь усиливается. Еще нѣсколько минутъ, и вѣтки затрещали и воспламенились.—Огонь вѣры, пламенѣющій въ сердцѣ, такъ же силенъ

дать почувствовать другому тепло вѣры, пережить важный моментъ, когда измученная въ поискахъ, озлобленная въ спорахъ, изнуренная и высушенная въ отвлеченностяхъ душа вдругъ ощутитъ Бога близъ себя, въ одно мгновеніе, какъ въ блескѣ молніи, прозрѣетъ и узнаетъ своего Отца, и хотъ на секунду просіяетъ. Важенъ тѣмъ такой моментъ, что понятенъ сталъ душѣ Богъ, и безъ доказательствъ, безъ словъ понятна истина. Пусть—это моментъ, зародышъ, но первый шагъ къ вѣрѣ сдѣланъ: отъ тоски невѣрія душа уже на шагъ стала дальше.—Такъ можно внести свѣтлую струю вѣры въ душу ближняго, принявъ его въ радость и свѣтъ своего Святого Святыхъ.

Въ томъ и апостольство каждаго христіанина, чтобы онъ въ своемъ кругу, въ той полосѣ дѣлъ и людей, среди которыхъ проходитъ его жизнь, проявилъ свою вѣру столько же высотой и чистотой правилъ жизни, сколько и пламеннымъ чувствомъ радости общенія съ Богомъ,—чтобы онъ, работая надъ собой и для себя, работалъ въ то же время и для другихъ, — чтобы не закрывался онъ отъ людей, не бѣжалъ отъ нихъ какъ отъ зачумленныхъ, опасныхъ или ненужныхъ, даже не дожидался, когда подойдутъ къ нему, а самъ шелъ къ людямъ, и, читая въ сердцахъ ихъ страницы злобы и порока, огнемъ своей вѣры и любви согрѣвалъ эти сердца и влекъ къ покаянію у подножія Креста.

Наряду съ проявленіемъ чувствъ нужно и сильное слово объ истинѣ Христовой, которое бы раскрывало хитрости лжи и обличало ее.—Тяжелъ и труденъ этотъ путь. Предъ вами выступаютъ упорные, закоснѣвшіе въ своемъ заблужденіи и смущаемые ими. Предъ одними истина вступаетъ въ борьбу съ ложью, съ которой люди сроднились, которую полюбили, или даже въ которой родились и выросли. Другіе требуютъ вниманія къ себѣ, чтобы узнать и точно опредѣлить, въ чемъ болѣзнь ихъ души и откуда опасность. Даже апостолы совершали это дѣло со слезами, какъ въ томъ сознается ап. Павелъ:—

Въ послѣднее свое благовѣстническое путешествіе онъ призываетъ къ себѣ ефесскихъ пресвитеровъ и обращается къ нимъ со словами: Все время, какъ я былъ съ вами, работалъ со всякимъ смиренномудріемъ и многими слезами среди искушеній отъ злоумышленій іудеевъ, — я не пропускалъ ничего полезнаго, о чемъ вамъ не проповѣдывалъ бы и о чемъ не училъ бы всенародно и по домамъ. Иду въ Іерусалимъ, — узы и скорбь ждутъ меня, но я не дорожу жизнью, лишь бы съ радостью совершить служеніе, которое я принялъ. Вы не увидите уже лица моего. По отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждого изъ васъ. Показалъ я вамъ, что, такъ трудясь, надо поддерживать слабыхъ (Дѣян. 20, 17). — Это предсмертный голосъ апостола, голосъ всего его апостольскаго опыта. Великій сосудъ благодати слезами поливалъ сѣмя своего благовѣстническаго слова: намъ ли ждать болѣе легкихъ путей! Кому «намъ»?

Апостольское слово обращено къ пресвитерамъ ефесскимъ, а въ лицѣ ихъ ко всей церкви. Онъ предупреждаетъ, что предстоить большая опасность отъ «лютыхъ волковъ», опасность всей церкви, — и всѣмъ завѣщаетъ: бодрствуйте! По одиночкѣ лова, врагъ можетъ многихъ погубить, — но не страшень врагъ, когда церковь ограждаетъ себя единеніемъ членовъ и взаимопомощью. Всѣ члены церкви безъ исключенія призываются служить общему дѣлу, низшіе и высшіе, всѣ по роду своему, по силѣ, по дарованіямъ. Что это дѣйствительно такъ, то свидѣтельствуется св. Златоустъ, говоря: Не говорите мнѣ о высшемъ и низшемъ: здѣсь (въ церкви) нѣтъ высшихъ и низшихъ. Не раздѣляйтесь, имѣйте попеченіе другъ о другѣ и все случаемое считайте общимъ. Посмотрите: когда въ пятую вонзается заноза, все тѣло чувствуетъ боль и тревожится. Спина сгибается, — желудокъ и бедра сжимаются, руки, какъ оруженосцы и слуги, простираются

впередь, голова наклоняется, и глаза съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ, какъ вынимается заноза. Что ниже пяты и выше головы? и, однако, послѣдняя наклоняется къ первой. Такъ и вы... (т. 10-й, ч. I, бес. 31).

* * *

Вся жизнь человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ призвана служить созиданію тѣла Христова, созиданію царства Божія.—Міръ во злѣ лежитъ, и «благая вѣсть» Христова не можетъ быть ясна для тѣхъ, кто чувствуетъ себя хорошо въ этомъ мірѣ: для такихъ людей и проповѣдь Христа была нѣмымъ словомъ, они не видѣли зла, отъ котораго пришелъ спасти міръ Христосъ, такъ какъ сами они были отъ міра и совсѣмъ одержимы міровымъ зломъ. Поэтому предъ христіаниномъ открывается неравная борьба. Забитая, загнанная, осмѣянная міромъ правда вступаетъ въ борьбу съ цѣлой ратью укоренившихся привычекъ, съ тьмой хитрости и лукаваго потворства страстямъ и поустительства порокамъ. Святъ и воздѣлывать здѣсь приходится на камнѣ и на почвѣ, заросшей сорной травой. Поле громадное, и глазомъ не окинешь. Сколько рабочихъ силъ здѣсь надо, сколько настойчивости въ трудѣ, терпѣннн и выдержанности духа!.. И при глубокой вѣрѣ, при твердой надеждѣ на помощь Божію—не безъ смущеній путь.—Упало сердце отъ горестныхъ чувствъ и думъ у св. Исидора, когда узналъ онъ о новомъ безчинствѣ своего сына по духу Зосимы... По мірскому взгляду надо было оставить безчинника, бросить его безнадежнаго и неисправимаго, но... на кого же его бросить, на чьи руки оставить?—А можетъ быть, не все еще потеряно? Садится Исидоръ и пишетъ: Узналъ я, что ты, которому должно было прибѣгнуть къ покаянію, продолжаешь прежніе подвиги, предаешься тѣмъ же сквернамъ, непрестанно усиливаясь прежнее помрачить новымъ. Заплакалъ я и сказалъ себѣ: Для чего ты, Исидоръ, трудишь себя напрасно, сѣя на голыхъ камняхъ,—для чего хочешь оказать

пользу тому, кто не хочет себѣ этой пользы? Перестань трудиться попусту, мыть еѳіопа, бороздить огонь, варить камни... Но, какъ скоро насытился я такими упреками самому себѣ, снова возникла добрая надежда,—она побуждаетъ снова писать тебѣ. Разсмотри, какъ далеко простерся ты во злѣ, постарайся прибѣгнуть къ покаянію... (Исид. Пелус. т. 2, пос. 157, стр. 125).—Упало сердце, произошло замѣшательство въ душѣ. Но вспомнилъ труженикъ Христовъ, что для заблудшей овцы пастырь оставилъ девяносто девять другихъ, пошелъ за нею и, нашедши, несъ ее, а не гналъ,—вспомнилъ, что распутный сынъ удостоился большаго попеченія, нежели ведшій себя честно,—что разбойникъ былъ увѣнчанъ и прославленъ прежде апостоловъ,—вспомнилъ, и ясно стало ему, что никого нельзя называть безнадежнымъ, и тѣ, кого обычно называютъ такъ, только затяжно больные. Это сознаніе вызвало жалость къ заблуждающемуся, пробудило усердіе къ подвигу.

Такъ трудно дѣло борьбы съ порочностью. Къ этому дѣлу и призваны не единичныя лица и силы, а все общество христіанское. На этой мысли особенно сильно настаиваютъ апостолы въ своихъ посланіяхъ, доказывая, что всѣхъ больныхъ духомъ, пораженныхъ грѣхами, смердящихъ слабостями Христось оставилъ на руки церкви. Кому не памятны слова ап. Іакова: Исповѣдуйте другъ другу согрѣшенія и молитесь другъ за друга, чтобы вамъ исцѣлѣть,—или слова ап. Павла, обращенныя въ свое время къ римлянамъ: Должны мы, сильные, немощи немощныхъ носить, а не себѣ угождать; къ галатамъ: Если впадеть человѣкъ въ какое-либо прегрѣшеніе, вы, духовные, исправляйте такового духомъ кротости,—другъ друга тяготы носите; къ солуньямъ: Вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, заступайте немощныхъ, долготерпите ко всѣмъ.

Для выполненія указаннаго апостольскимъ словомъ служенія обще-церковному дѣлу нуженъ высокій подъемъ

энергіи вѣрующей души, нуженъ сильный пламень вѣры въ каждомъ данномъ случаѣ. И нельзя думать, чтобы это дѣло выполнили только нѣкоторые или избранныя лица. Исторія показала, что они многое могутъ дать, совершить многое, великое и славное, но далеко не все, къ чему нуждается церковь. Во многихъ случаяхъ трудъ ихъ не имѣеть желательнаго успѣха, голосъ ихъ только скользитъ по поверхности души слушателей, охладѣвшей и очерствѣвшей для духовныхъ интересовъ, общественные пороки не уменьшаются, а множатся. Нужно, чтобы большой и малый, сильный и слабый вышли изъ своей замкнутости, оставили свой уютный, но эгоистическій и преступный покой, раскрыли предъ своимъ сознаниемъ тѣ язвы, что разъѣдаютъ общественную жизнь, совместно оплакали свое паденіе и общими силами выработали путь къ исправленію. Это создало бы атмосферу тяготѣнія къ живой вѣрѣ, къ правдѣ, къ честности. Церковь соборна: въ членахъ церкви и необходимо оживить сознание религіознаго сродства, которое бы внушало взаимное довѣріе и объединяло людей въ одинъ живой организмъ. Пусть каждый членъ церкви принесетъ на общее строительство, что можетъ. Не въ состояніи создать большое, послужи малымъ. Не можешь, не умѣешь строить стѣны, выдѣлывать камень, крыть крышу, убѣждать, объяснять, руководить,—носи готовый кирпичъ, помоги физическимъ трудомъ, поддержи ближняго матеріально, какъ и сколько можешь. Не наказъ и предписаніе нужны здѣсь, а общесвязующая сила—любовь и взаимное довѣріе.—Духъ единенія, какъ основа соборности, живъ въ народной душѣ, хотя мѣстами искривленъ и затемненъ силою обстоятельствъ. Многіе тяготятся и скорбятъ раздробленностью церковной, безправіемъ и обособенностью каждой отдѣльной личности въ общемъ дѣлѣ церковномъ и ищутъ выхода своимъ запросамъ духа внѣ церкви: уходить въ сектанство. Много разъ общество слышало голосъ уходящихъ: Здѣсь я не частный проситель въ приемной, а дѣйстви-

тельный членъ «своей церкви», голосъ котораго слышенъ наравнѣ съ другими! — Кому не приходилось слышать восторженныхъ отзывовъ, напр., объ общемъ пѣніи въ сектантскихъ собраніяхъ. Поешь вмѣстѣ со всѣми и чувствуешь, что и тебѣ Богъ—отецъ наравнѣ съ другими,—общая волна голосовъ захватываетъ тебя и уноситъ тебя далеко—далеко отъ земной суеты! То же—о благотворительности, о борьбѣ съ пьянствомъ и другими пороками...—На эти голоса давно пора обратить вниманіе: въ нихъ напоминаеіе намъ о томъ, что забыто нами. Нами, т. е. всѣмъ обществомъ православныхъ и, главнымъ образомъ, болѣе сильными, твердыми и крѣпкими членами церкви, равно какъ и тѣми, кто ближе другихъ поставленъ къ церковному дѣлу.

При всякихъ напоминаіяхъ мы умѣемъ отговариваться. Не отговаривайся: отговорками можно заполнить бумагу, испестрить столбцы газетъ, отвести глаза «наблюдателей», запутать безхитростнаго,—но не обманешь жизнь съ ея неумолимо-настоячими запросами, не заполнишь пустоты въ народномъ сердцѣ, не оправдаешься передъ совѣстью и Богомъ.—Воспрянь во весь ростъ христіанскаго самосознанія. Когда самъ человекъ носить въ себѣ дыханіе жизни Христовой, то дѣйственно и слово, и дѣло его, дышація вдохновеніемъ. Воспрянь, и это послужитъ подкрѣпленію слабыхъ, тронетъ и двинетъ лѣнливыхъ, вызоветъ соревнованіе другихъ,—а это и значить созидать «соборную силу». О, какъ она нужна теперь нашей православной Россіи!..

Возгрѣвай же въ себѣ рвеніе къ славѣ церкви Христовой!—закончимъ словами св. Златоуста,—безъ причины любви, но не попускай ненависти безъ причины. Не говори ни о комъ: какое мнѣ до него дѣло. Въдь это равно словамъ Каина: развѣ я сторожъ брату моему. Когда у тебя страдаетъ какой-либо изъ членовъ, почему ты не говоришь: какая мнѣ до него нужда. Ты принимаешь всѣ мѣры врачеванія, чтобы, если онѣ не будутъ имѣть успѣха, не

обвинять себя въ томъ, что не принялъ необходимыхъ мѣръ противъ болѣзни. Заботимся о своемъ тѣлѣ, какъ же не позаботиться о тѣлѣ церкви, которое есть тѣло Христово? Не ужасно ли видѣть тѣло Его покрытымъ язвами и оставаться равнодушнымъ! (т. 10, ч. I, бес. 44).

Свящ. Н. Орловъ.

ВОСПИТАНІЕ, КАКЪ ПОДВИГЪ ¹⁾.

Можетъ ли труженикъ земли среди добрыхъ всходовъ оставаться равнодушнымъ къ будущему урожаю? Можетъ ли трудящійся на нивѣ школьной среди этихъ живыхъ и разумныхъ всходовъ остановить свою мысль только на настоящемъ моментѣ? Не забываетъ ли она, часто помимо нашей воли, впередъ, пытаясь прозрѣть грядущее? И здѣсь—на этой и на классной каедрѣ—постоянно и настойчиво вторгается въ душу вопросъ: что имъ грядущее готовить, или, вѣрнѣе, что они дадутъ, чѣмъ они будутъ для грядущаго? Увидимъ ли мы или услышимъ о пышномъ расцвѣтѣ, обильномъ урожаѣ или окажемся свидѣтелями грустнаго увяданія этихъ всходовъ, обращенія доброй пшеницы въ негодныя плевелы. Увы! опытъ жизни вовсе не исключаетъ и послѣдней возможности. Не случайное, мимолетное настроеніе, а именно опытъ жизни, текущей жизни, способенъ рисовать предъ нами эти двѣ, до противоположности различныя, картины: картину настоящаго и будущаго. Въ настоящемъ предъ нами—дѣти... поэзія и лучшее украшеніе нашей жизни, — высокія въ своей душевной чистотѣ и добрыхъ свѣтлыхъ порывахъ, которыхъ рожденіе, въ отдаленныя, впрочемъ, времена, ожидалось и сопровождалось горячею молитвою вѣры и слезами умиленія. Дѣти... которыхъ табъ любилъ Спаси-

¹⁾ Слово, сказанное за литургією въ день торжественнаго акта Императорскаго Московскаго Коммерческаго училища—5-го сентября 1910 г.

тель нашъ, и подражаніе которымъ въ ихъ душевныхъ качествахъ и для взрослыхъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ наслѣдованія царства Божія (Мѣ. XVIII, 3). Дѣти.. вѣдь это неизмѣримо высокое и святое имя... оно не менѣе высоко, не менѣе свято, чѣмъ и имя существа, родившаго ихъ. Если воспоминаніе о матери и ея ласкахъ вскрывало благородныя, человѣческія чувства въ самыхъ преступныхъ, закоренѣлыхъ сердцахъ, то вѣдь и соприкосновеніе съ дѣтьми способно часто измѣнять человѣка до неузнаваемости. Наполеонъ, этотъ грозный, вѣчно угрюмый себялюбецъ, ни въ комъ изъ окружающихъ не находившій и не искавшій сочувствія и поддержки, становился совершенно инымъ въ дѣтской своего сына; то, чего лишила его вся жизнь, давалъ ему одинъ ребенокъ!

Но не проходитъ часто и одного десятка лѣтъ, и предъ нами выступаетъ иная картина,—съ совершенно инымъ фономъ, инымъ содержаніемъ. Я сравнилъ бы эту картину съ извѣстнымъ всѣмъ намъ произведеніемъ знаменитаго русскаго художника, безвременно погибшаго въ послѣднюю войну. Вы помните это поле, густо усѣянное мертвыми тѣлами... Кошунственно оскверненныя, истерзанныя врагомъ въ беспорядкѣ разбросаны они... потухшіе глаза... бессильно опущенныя руки... Кто сталъ бы отрицать, что того же самсго не наблюдаемъ мы теперь постоянно и въ области духа? Кто не наблюдалъ этого преждевременнаго оскверненія, потери дѣтской чистоты,—этого слишкомъ ранняго увяданія! И здѣсь, въ этой области, мы видимъ и потухшіе глаза, и бессильно опущенныя руки, и другіе признаки духовной смерти. И у насъ, бессильныхъ предъ этой правдой, болѣзненнымъ стономъ вырывается вопросъ, подобный вопросу евангельскихъ рабовъ: «Господи! не доброе ли сѣмя мы сѣяли на полѣ твоемъ? откуда же плевелы?» (Мѣ. XIII, 27). «Врагъ чловѣкъ сдѣлалъ это» — былъ отвѣтъ Господина, удовлетворившій рабовъ. Но можетъ ли такой отвѣтъ успокоить насъ, когда въ глубинѣ своей совѣсти мы отчетливо сознаемъ, какъ справедливы

въ отношеніи къ намъ другія евангельскія слова: «и враги человѣку—домашніе его» (Мѣ. X, 36). Я говорю про великое — едва ли не самое великое въ нашей жизни — дѣло воспитанія и про наше отношеніе къ этому дѣлу. «Дѣло воспитанія»!.. не являются ли теперь для многихъ чуждыми эти слова, когда и самое рожденіе дѣтей встрѣчается теперь не какъ благословеніе неба, не съ слезами радости, а съ искривленною улыбкою недовольства и неразумными словами ропота. Вотъ почему мы съ легкимъ сердцемъ готовы возложить всецѣло дѣло воспитанія отъ самой колыбели на чужія плечи, какъ будто трудъ наемника способенъ когда-нибудь замѣнить ласку матери или благоразумное руководство отца. Въ лучшемъ случаѣ, принимая этотъ трудъ на себя, мы всеми мѣрами стараемся облегчить его для себя; мы страшно боимся сдѣлать изъ него подлинный и дѣйствительно достойный подвигъ жизни и вовсе не желаемъ, чтобы имъ нарушалось обычное грѣховное, исполненное себялюбія, теченіе нашей жизни. И въ этихъ цѣляхъ мы прибѣгаемъ къ излюбленному съ давнихъ поръ, обычному средству—учить и воспитывать словами, но не дѣломъ, не живымъ примѣромъ своей жизни. А между тѣмъ, кому же не извѣстно, что устойчивое направленіе воли въ сторону добра, любовь къ добру, производится ощущеніемъ дѣйствительнаго добра, когда оно открывается въ насъ какъ дѣйствительная сила? Сердце—источникъ духовной жизни; но исправить сердце однимъ ученіемъ нельзя: имъ не дается живое расположеніе къ добру. Какъ бы ни были краснорѣчивы и убѣдительно наши сужденія—при такихъ условіяхъ они останутся безплодными: сердце не слушаетъ логики. Все это хорошо запечатлѣно въ старинномъ и всемъ извѣстномъ изреченіи: «слова учать, примѣры влекутъ», побуждаютъ, заставляютъ дѣлать. Это положеніе настолько для всѣхъ очевидно и несомнѣнно, что вскрывать его жизненную правду было бы просто странно. Мы указали бы на одно. Всемъ извѣстно, что христіанство—великая возрождающая сила

въ исторіи человѣчества; этого никто не отрицаетъ. Но почему оно является таковымъ? Потому что за христіанствомъ, за Христовымъ ученіемъ—стоитъ живая Личность Христа, явившаго міру всю силу, все величіе и красоту добра. Какой бы слѣдъ остался въ сердцахъ людей отъ Его заповѣди о любви и самоотверженіи, если бы не было крестнаго подвига Христова, исполненнаго величайшей любви и самоотверженія! И дѣло воспитанія, чтобы быть дѣйствительно плодотворнымъ, должно являться для насъ подвигомъ, исполненнымъ самоотверженія. Воспитывая, мы должны неустанно и сами воспитываться, т.-е. стремиться искоренить изъ строя и обихода своей внутренней и вѣншей жизни все то, что способно исказить или затемнить тѣ свѣтлые и высокіе идеалы, къ которымъ мы такъ усердно призываемъ воспитываемыхъ. Только въ такомъ случаѣ мы смогли бы изгнать изъ области воспитанія другой великій грѣхъ, называемый ложью, который губитъ и опустошаетъ дѣтскую душу, какъ ржавчина губитъ стебель и колосья растенія. Мучительный нервѣдко и для насъ, этотъ грѣхъ особенно часто имѣетъ мѣсто въ области воспитанія религіознаго, гдѣ онъ принимаетъ и самыя уродливыя формы. У меня до сихъ поръ ужасомъ звучитъ заявленіе одной матери, которая говорила—и безъ большого смущенія, что она «бѣгаетъ на исповѣдь (это ея выраженіе) только ради своего сына». Какое свято-татственное оскорбленіе таинства и какое грубое непониманіе дѣтской души, до болѣзненности чуткой ко всему, что дѣлаютъ взрослые, особенно въ сферѣ религіозной! Я хорошо, впрочемъ, сознаю, что здѣсь можно встрѣтиться съ резоннымъ на первый взглядъ заявленіемъ, которое выразилось бы въ такой приблизительно формѣ: «да, мы сознаемъ, какъ это ужасно, мы сами мучимся этимъ; но что же дѣлать, если нѣтъ у насъ глубокой и искренней вѣры? Намъ тяжело эго, мы желали бы вѣрить, чтобы быть чуждыми этого мучительнаго раздвоенія, но одолѣваютъ насъ сомнѣнія. Неужели должны мы слабость

нашу дѣлать очевидною для дѣтскаго взора? Не лучше ли носить ее въ себѣ, чтобы не лишиться дѣтскаго довѣрія и не заронить въ дѣтскую душу зерна сомнѣнія?» Мы лично не сумѣли бы иначе отвѣтить въ данномъ случаѣ, какъ рѣшительнымъ заявленіемъ: «нѣтъ, мы не должны бояться выносить наружу нашу слабость, наши мучительныя сомнѣнія, нашу борьбу душевную. Будемъ правдивы! Довѣріе дѣтей подрывается прежде всего и больше всего нашею неискренностью, неправдивостью. Если только искренни мы въ нашей слабости, въ нашихъ сомнѣніяхъ; если мы тяготимся ими и жаждемъ вѣры,—дѣти скорѣе поймутъ и больше полюбятъ насъ въ нашей слабости, въ нашихъ страданіяхъ, чѣмъ въ нашей неправдѣ; я ужь, конечно, въ такой обстановкѣ сокровище вѣры скорѣе раскроется въ сердцахъ дѣтей нашихъ, чѣмъ въ обстановкѣ показной и лживой религіозности. И сомнѣнія, если они серьезны и искренни, не страшны: глубокая вѣра всегда проходила черезъ горнило сомнѣнія. Не забудемъ, что и у многихъ учениковъ Христовыхъ ихъ вѣра въ Божественнаго Учителя, запечатлѣнная кровью ихъ, прошла черезъ сомнѣніе. И Христосъ не осудилъ и не отвергъ—ни Тому въ его упорномъ сомнѣніи, ни отца бѣсноватаго отрока въ его душевномъ разладѣ, вырвавшемъ изъ груди его крикъ: «вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію». (Марк. IX, 24).

Можетъ быть, болѣе искренними и прямолинейными являются тѣ изъ насъ, которые, безъ всякихъ мученій и раздвоеній, рѣшительно и прочно утвердились въ отрицательномъ отношеніи къ вопросу о религіозномъ воспитаніи, отвергая его значеніе и цѣнность въ дѣлѣ развитія человѣческой личности? Это—не новое явленіе, и выношено оно не на родимой нашей почвѣ, но болѣе настойчиво теперь заявляющее о себѣ и даже сильнѣе иногда у насъ, чѣмъ тамъ, гдѣ оно въ первый разъ сложилось. И я чувствую, что поэтому можетъ быть больше всего и настойчивѣе всего слѣдовало бы говорить объ этомъ; и только боязнь

обременить Ваше вниманіе заставляетъ меня отказаться отъ этой мысли,—а оправданіемъ для меня является то обстоятельство, что вопросъ о значеніи и цѣнности религіознаго воспитанія былъ уже предметомъ нашей бесѣды въ такой же точно обстановкѣ въ одинъ изъ предшествующихъ годовъ. Но я не откажусь отъ мысли привести здѣсь предъ Вами одну справку, которая, по моему мнѣнію, имѣетъ извѣстное значеніе и цѣну для даннаго вопроса. Всѣмъ, собравшимся сюда, извѣстно, что нынѣ въ нашей школѣ двоякое торжество: къ обычному ежегодному торжеству нынѣ присоединяется здѣсь чествованіе памяти знаменитаго русскаго историка—С. М. Соловьева, родившагося и воспитавшагося вотъ здѣсь, въ этомъ домѣ ¹⁾. Сейчасъ будетъ подробно раскрыто, въ чемъ заключались заслуги и значеніе этого человѣка. И при различныхъ, можетъ быть, взглядахъ на его ученую дѣятельность, для всѣхъ, конечно, безспорно, что по своему нравственному облику это былъ человѣкъ—высокой духовной мощи на всѣхъ поприщахъ его служенія. На какой почвѣ, на какой основѣ выросла и раскрылась эта духовная мощь? Я не рѣшаю этого вопроса и не знаю, какъ рѣшаютъ его другіе. Я обращаю только вниманіе на тѣ официальные данныя изъ жизни знаменитаго историка, которыя старательно извлечены изъ училищнаго архива къ этому дню и изъ которыхъ совершенно очевидно, что онъ воспитанъ былъ въ глубокой преданности церкви православной и устойчиво сохранялъ эту преданность и впослѣдствіи. Въ церковной вѣдомости о бывшихъ у исповѣди и св. причастія въ 1848 г. записано, что, будучи уже экстраординарнымъ профессоромъ московскаго уни-

¹⁾ Въ этотъ день на зданіи училища, на средства Московскаго Городскаго Управленія, поставлена была мраморная доска съ надписью: „Историкъ Сергій Михайловичъ Соловьевъ родился здѣсь 6-го мая 1820 года“.

верситета, С. М. Соловьевъ былъ у исповѣди и св. причастія въ этой церкви. Я думаю, что это достойно вниманія всѣхъ, кто желалъ бы опредѣлить свое отношеніе къ вопросу о цѣнности и значеніи религіознаго воспитанія для нашихъ дѣтей.

Законоучитель, священникъ І. Артоболевскій.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника ипока).

«*Не движи Учитель!*...» Такъ останавливаютъ и насъ грѣхи наши въ устремленіи къ Учителю и Спасителю нашему въ Его милосердыхъ порывахъ помочь намъ, притти къ намъ для исцѣленія и спасенія нашего. Но мы—не будемъ опаздывать, не будемъ и унывать до отчаянія. Господь всегда можетъ и готовъ помочь намъ. И самые отчаянные люди не отвергаются Имъ и не отходить безъ помощи, если только просятъ усердно.

* * *

Любящіе одинъ другого люди не могутъ другъ на друга нарадоваться: думаютъ только о любимомъ, больше ни о комъ и ни о чемъ. О, даруй, Господи, и мнѣ Тебя возлюбить больше и глубже всего земного и небеснаго.

* * *

«*Держись совѣта сердца твоего, ибо нѣтъ никого для тебя вѣрнѣе его. Душа чловѣка иногда болѣе скажетъ, нежели семь наблюдателей... Но при всемъ этомъ молись Всевышнему, чтобы Онъ управилъ путь твой въ истинѣ*...» (Сир. 37, 17—19). Чтобы безопасно слѣдовать этому мудрому совѣту, кромѣ послѣдней оговорки премудраго, надо, чтобы сердце наше не было испорчено и наклонено ко злу болѣе, чѣмъ къ добру. Только сердце чистое, доброе, богобоязненное—безошибочный и надежный совѣтникъ нашъ.

* * *

«*Вотъ Я пошлю множество рыболовъ, говоритъ Господь, и будутъ ловить ихъ (Израильтянь)*». Это дивное пророчество, съ такою поразительною ясностію указывающее на св. Апостоловъ, уловившихъ въ сѣти спасительнаго Евангельскаго ученія не только Израиля, но и всю вселенную, читаемъ у св. пророка Исаи 16 гл. 16 ст.,— слѣдовательно, за 700 лѣтъ до его исполненія. Сколь дивенъ Ты, Господи, въ словѣ Твоемъ!

* * *

Притчу о милосердомъ самарянинѣ спасительно понимать и такъ: впадшій въ разбойники—это—Самъ Господь нашъ, Коего мы, исходящаго изъ Іерусалима небеснаго въ нашъ буйно-страстный Іерихонъ, избиваемъ, ранимъ, терзаемъ, кровавимъ неблагодарностію и измѣнами. Самаряниномъ милосердымъ въ такомъ случаѣ явится всякій тотъ, кто сжалится надъ истерзаннымъ Страдальцемъ Іисусомъ и возліетъ на Его раны елей добрыхъ дѣлъ и усладитъ Его, истомленнаго въ нашихъ поискахъ—слезами покаянія и исправленіемъ жизни грѣховной.

* * *

«*Иди по Мнѣ!*» — говоритъ Господь рыбалямъ. И тѣ, оставляя все, тотчасъ же идутъ. Вотъ истинная любовь ко Господу. «*Гряди по Мнѣ!*» — говоритъ Онъ и юношѣ богатому. И тотъ — «*откуда скорбѣ!*» Вотъ любовь не истинная, лицемерная. Господи! сохрани меня отъ нея.

* * *

Еще когда мы были грѣшны (= враги Господу), Господь пришелъ и умеръ за насъ. Теперь ли, когда мы примилены съ Нимъ и оправданы кровію Его,—стали дороги Ему, какъ цѣна крови Его,—теперь ли не спасемся Имъ отъ гяѣва? Теперь ли, когда мы не враги, а драгоценнѣйшія Ему дѣти любви Его до смерти крестной,—теперь

ли Онъ не пожалѣетъ насъ (Римл. 5, 8—9)? Только бы мы-то себя жалѣли.

* * *

«Еще же невѣрующимъ имъ отъ радости...» (Лук. 24, 41). Невѣріе отъ радости показываетъ силу радости, избытокъ увѣренности въ дѣйствительности происходящаго невѣроятнаго. Невѣріе отъ радости — это состояніе высшаго на землѣ счастья, переживаніе неземного блаженства.

* * *

Одна мать горячо молилась о выздоровленіи своей больной дочери,—молилась настойчиво, до отчаянія. Дочь выздоровѣла, но черезъ годъ застрѣлилась. Опять горе матери. Въ отчаяніи она уже говорила: «лучше бы эта дочь умерла тогда отъ болѣзни и не выздоравливала. Зачѣмъ я тогда настойчиво о ней молилась?» Отсюда урокъ: предавайся всецѣло въ волю Божию въ твоихъ скорбяхъ и несчастіяхъ и не проси у Бога настойчиво исполненія твоихъ желаній, не учи Его тому, какъ строить твою судьбу.

* * *

Какъ больно можно уязвить и поистинѣ — *убить* словомъ, отравить всю жизнь, сдѣлать свѣтъ Божій немилымъ, постылымъ. Недаромъ столь деликатно-осторожны были въ употребленіи слова подвижники христіанскіе. Одинъ старецъ шелъ со своимъ послушникомъ и проводникомъ черезъ пустыню. Проводникъ заблудился и самъ. Надвигалась ночь. Тогда старецъ просить послушника: не подадимъ, братъ, виду, что мы огорчены неудачею, не смутимъ брата нашего. И сами стали просить, чтобы заночевать на пути. А утромъ скоро выбрались и на дорогу. Вотъ истинно-благородное отношеніе къ промахамъ ближняго.

* * *

Великое горе, великую достойную горькихъ слезъ скорбь ношу я въ себѣ: это—помраченную, разбитую, испорченную грѣхомъ душу мою. Но Ты, Владычице, свѣте помраченныя моя души, буди мнѣ утѣшеніе и исцѣленіе отъ сей и всякой другой скорби моей.

* *
* *

«Хвалите Господа... *огнь, градъ, снѣгъ, духъ бурень... творящій волю Его*»... Бездушныя твари преимуществуютъ предъ разумными созданіями Божиими въ томъ, что безпрекословно и точно выполняютъ волю Божию. Какой стыдъ и посрамленіе человѣку, съ его неблагодарными и постоянными уклоненіями отъ своего высокаго назначенія!

* *
* *

Тяжелы скорби и страданія, но изъ нихъ Святые умѣли извлекать удивительныя искры радости въ Богѣ и пользы душевной, умѣли этимъ неудобноносимымъ бременемъ разжечь свою любовь къ Богу въ цѣлое пламя, очищавшее ихъ душу какъ злато въ горнилѣ.

* *
* *

Люблю ли я Господа? Люблю ли я Божию Матерь? Охъ, если бы любилъ хотя мало, многого бы не дѣлалъ такого, что сейчасъ дѣлаю, отъ многого бы воздерживался и, наоборотъ — во многому бы ревновалъ и усердствовалъ такъ, какъ теперь не ревную и не усердствую. Но—о, достойныя высшаго вождѣленія и любви Существа и Сокровища наши! Если и вижу Васъ скорбь терпящими отъ моей недостаточной любви и усердія, то—Кто же и веселящіе меня, какъ не Вы, приемиющіе скорбь отъ меня? (2 Кор. II, 2).

* *
* *

Мы убиваемъ другихъ постоянно рѣзкими словами и грубымъ обращеніемъ—и хотимъ, чтобы Господь изли-

валь на насъ блага Свои. Не кощунствомъ ли было бы съ Его стороны—повергать бисеръ Свой передъ нами, «свиніями»?

* * *

Чтобы Господь могъ насъ увидѣть въ нуждахъ нашихъ и милосердовать о насъ, намъ надо Ему *показать* себя—вѣрою и добрыми дѣлами, — не потому, чтобы Онъ не видѣлъ насъ Самъ, ибо Онъ Сердцевѣдецъ, но потому, что «очи Его на праведныя»: къ праведнымъ обращенъ взоръ Его милосердый.

* * *

«Во *Святыхъ святая, святая* и непорочная *Святыхъ* Духомъ вводится и *святыхъ* ангеломъ питается, сущи *святѣйшій* храмъ *святаго* Бога нашего, всяческая *освятившаго* входомъ Ея...» (стихира Введенію). О, Ты, чистѣйшая Святыня Господня! Освяти и меня грѣшнаго святынею Твоею.

* * *

«*Радуйся, лѣствице небесная, еюже сниде Богъ!..*» Это есть вмѣстѣ и лѣствица, насъ возводящая на небо. Такова Матерь Божія, низведшая Сына Божія на землю, чтобы возвести насъ на небо. О, дивная лѣствица, не отъ земли только могущая возводить насъ, но отъ самыхъ далекихъ глубинъ бездны адовой.

* * *

«*Сытость Твоихъ похвалъ, Дѣво, благодетельнымъ вѣрнымъ отнюдь не бываетъ...*» (кан. гл. 3, нед. п. 9). Чѣмъ больше хвалить кто Божию Матерь, тѣмъ больше и больше хвалить хочется. Какое-то неизгъяснимо-сладостное блаженство вливается въ душу тихую струею вмѣстѣ съ звуками чуднаго имени Благодатной и сотни, и тысячи

разъ заставляеть повторять это блаженство новыми и новыми хвалами и воздыханіями къ присноблаженной Дѣвѣ, источающей и намъ неоскудѣвающее блаженство.

* * *

«Источивый изъ камне древле непокоривымъ воду жажды исцѣленія, отъ невлажныхъ моя душа, Боже, умиленія каплю, измывающую мя, источи» (кан. 3 гл., втор. 4 п.). Неестественно—камню источить воду, а источилъ. Трудно нашимъ окаменѣлымъ душамъ источить слезы умиленія, а источить могутъ. Стѣбитъ только Господу, источившему нѣкогда воду и изъ камня, повелѣтъ источить ее и каменной душѣ. Господи Чудотворче! Повели, повели, да и моя окаянная кремень-душа источить Тебѣ слезъ источники, въ утоленіе Твоей Божественной жажды моего очищенія.

* * *

«Кто затыкаетъ ухо свое отъ вопля бѣднаго, тотъ и самъ будетъ вопить и не будетъ услышанъ...» (Притч. Сол. 21. 13). Вопль — самыя усердныя молитвы въ самомъ отчаянномъ положеніи иногда не пріемлются Богомъ по очень простой, ускользящей отъ насъ причинѣ—потому, что мы сами презирали вопль ближняго. Справедливо это, а для насъ нестерпимо, неприятно и непонятно. Мы становимся втупикъ предъ молчаніемъ Божества и не можемъ спокойно примириться съ тѣмъ, что на столь отчаянные вопли наши Господь отвѣчаетъ молчаніемъ, иногда угрожая даже нашей вѣрѣ въ Промыслъ Божій и бытіе. А причина этого такъ проста, и такъ мало права мы имѣемъ на нее жаловаться.

* * *

«Кого мя глаголете быти?..» спрашивалъ Господь учениковъ. И когда тѣ устами Петра исповѣдуютъ Его: «Ты еси Христосъ!»—Онъ запрещаетъ имъ, «да никомуже глаголетъ о Немъ» (Марк. 8, 29—30). Какъ же это такъ?

Почему? Не посылалъ ли Онъ ихъ прежде съ проповѣдію *«приблизися царствіе Божіе?»* Не для того ли и Самъ творилъ всѣ дѣла и чудеса, чтобы узнали въ Немъ Сына Божія? И вдругъ—запрещаетъ? Почему? Очевидно, потому, что они и въ этомъ исповѣданіи еще мыслили много не-надлежащаго, человѣческаго, были преисполнены мыслей о Христѣ, какъ земномъ царѣ, пришедшемъ дать Израилю блестящее земное царство и славу. Это и обнаружилось немедленно же, какъ только Онъ намекнулъ имъ на Свои страданія, и устами того же Петра, начавшаго Ему *«претити»*. Вотъ почему и Господь *«воззрѣвъ на ученики Своя, запрети Петрови, глаголя: иди за Мною, сатано, яко не мыслиши яже суть Божія, но яже человѣческа...»*

* * *

«Сего ради Богъ на землю сниде, да насъ на небеса возведетъ...» Когда сильный вѣтеръ или ураганъ пройдетъ по землѣ, бываетъ сильное нарушеніе равновѣсія всей атмосферы, для восстановленія котораго нижніе слои поднимаются вверхъ на мѣсто опустившихся сверху внизъ. Нѣчто подобное произведено сошествіемъ Господа на землю. Этимъ крайнимъ нарушеніемъ равновѣсія неба и земли человѣкъ поднять до высотъ небесныхъ и сталъ тѣмъ, чѣмъ и свиспешій на его мѣсто Богъ. *«Человѣкомъ бываетъ Богъ, да Богомъ Адама содѣлаетъ (стихъ Богород.)»*.

* * *

Господи! Одна Ты моя истинная любовь! Одно Ты мое истинное утѣшеніе! Какъ я долженъ беречь Тебя! Какъ долженъ прислушиваться къ твоимъ желаніямъ, Твоей волѣ о мя! Какъ долженъ стараться ни въ чемъ не нарушать этой Твоей воли, мой желанный, мой неоцѣненный! Нѣкогда я для любимаго мною человѣка готовъ былъ исполнить все самое *невозможное*. Почему теперь не по-

стараюсь сдѣлать для Тебя, Господа моего истиннаго, только хотя бы возможное? О, Господи! Помоги мнѣ въ моемъ несчастіи, что не дѣлаю всего ради любви къ Тебѣ.

* * *

«Художествомъ рыбарь, втрою же ученикъ, яко глубину, испытую сердца вѣрныхъ, удицу ниспущаетъ слова и уловляетъ насъ (кан. ап. Андрею)». Какая дивная красота мысли и слова! Какая глубокая поэзія! И сколько такихъ перловъ, такихъ драгоценныхъ жемчужинъ чело-вѣческаго искусства разсыпано въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, къ сожалѣнію—такъ мало изучаемыхъ и понимаемыхъ!

А. І.

ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ ¹⁾.

6. Символы и символическія книги.

Всѣ христіанскіе догматы даны въ Божественномъ Откровеніи. Значить, источниками христіанскаго вѣроученія являются св. Писаніе и св. Преданіе. Но такъ какъ догматы въ то же время служатъ выраженіемъ голоса вселенской Церкви, то она предлагаетъ изложеніе откровенныхъ истинъ въ символахъ или сокращенныхъ образцахъ вѣры, какъ плодъ своей догматизирующей дѣятельности. Таковъ, прежде всего, Никео-цареградскій символъ вѣры. Таковы, далѣе, опредѣленія послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ, напримѣръ, 4-го—о двухъ естествахъ въ Исусѣ Христѣ, 6-го—о двухъ воляхъ въ Исусѣ Христѣ и девяти помѣстныхъ, поскольку они рассмотрѣны и приняты на 6-мъ вселенскомъ соборѣ. Еще нужно отмѣтить символъ св. Григорія Чудотворца, еп. Неокесарійскаго (3-го вѣка), написанный имъ по особому откровенію Божию и заключающій въ себѣ опредѣленное и точное ученіе о лицахъ св. Троицы. Этотъ символъ былъ одобренъ вселенскою Церковью на 6-мъ вселенскомъ соборѣ. Наконецъ, символъ св., извѣстный подъ именемъ св. Афанасія Алекс., гдѣ излагается ученіе объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ Исусѣ Христѣ. Но этотъ символъ не принадлежитъ Афанасію, потому что онъ направленъ противъ лжеученій несторіанскаго и монофизитскаго.

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Душев. Чтенія* за 1910 г.

Отъ символовъ, имѣющихъ вселенское значеніе, нужно отличать болѣе подробныя изложенія вѣры, такъ называемыя символическія книги, имѣющія помѣстное значеніе въ частной церкви. Въ греко-россійской церкви символическія книги суть слѣдующія: 1) Православное исповѣданіе католической и апостольской церкви восточной, составленное по благословенію Кіевского митрополита Петра Могилы. Оно было разсмотрѣно и принято сначала на соборахъ кievскомъ (1640 г.) и яскомъ (1643 г.), а затѣмъ одобрено всѣми четырьмя восточными патріархами. 2) Посланіе патріарховъ православно-католическія церкви о православной вѣрѣ, составленное патріархомъ іерусалимскимъ Досифеемъ и разсмотрѣнное на соборѣ іерусалимскомъ въ 1672-мъ году. Въ 1723 г. оно было послано великобританскимъ христіанамъ, какъ истинное изложеніе православной вѣры, а въ 1838-мъ г. оно было издано св. синодомъ на русскомъ языкѣ. 3) Пространный христіанскій катехизисъ православныя католическія восточныя церкви, имѣющій символическое значеніе только въ русской церкви.

7. *Исторія догматики.*

Православное Догматическое Богословіе, какъ наука, развивалось постепенно. Въ исторіи ея постепеннаго развитія можно различить три періода: первый періодъ объимаетъ собою первые семь вѣковъ христіанства до появленія «Точнаго изложенія православной вѣры» св. Іоанна Дамаскина, второй — отъ Іоанна Дамаскина до митрополита Кіевского Петра Могилы, періодъ третій — съ половины 17-го в. до нашихъ дней.

Въ первый періодъ выработанъ былъ научный методъ изслѣдованія догматовъ вѣры. Этому способствовалъ переходъ въ нѣдра Церкви Христовой ученыхъ язычниковъ, появленіе враговъ христіанства въ лицѣ языческихъ мудрецовъ и появленіе еретиковъ, которые отстаивали свои заблужденія при помощи науки. Климентъ Алекс. и осс-

бенно Оригенъ первые обнаружили попытку противопоставить еретическому гносису истины христіанской вѣры въ формѣ системы научнаго знанія. Такимъ опытомъ со стороны Климента было сочиненіе *στρώματα* (ковры или ткань). Выше «Стромать» стоитъ опытъ систематическаго изложенія догматовъ, представленный Оригеномъ въ сочиненіи *περὶ ἀρχῶν* (о началахъ), во многомъ уже приближающійся къ требованіямъ науки. Въ эпоху вселенскихъ соборовъ также появились опыты совокупнаго изложенія догматовъ въ нѣкоторой системѣ. Сюда относятся: «Катехизическія поученія» св. Кирилла Іерусалимскаго—огласительныя, сказанныя готовящимся къ крещенію, и тайноводственныя, сказанныя новопросвѣщеннымъ. «Большое катехизическое слово» св. Григорія Нисскаго, содержащее въ себѣ богословско-философскую защиту и положительное раскрытіе догматовъ: о св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о крещеніи, евхаристіи и послѣдней участи человѣка. «Сокращенное изложеніе божественныхъ догматовъ» блажен. Феодорита. «О градѣ Божіемъ» блаж. Августина.

Второй періодъ открывается появленіемъ въ половинѣ 8-го в. «Точнаго изложенія православной вѣры» св. Іоанна Дамаскина, которое составляетъ прямо эпоху въ исторіи догматики. Это произведеніе есть въ строгомъ смыслѣ научная догматическая система. Исполненный ревностію объ истинномъ благочестіи, глубоко изучивъ слово Божіе и творенія свв. отцовъ, искусный въ философіи, особенно въ діалектикѣ Аристотеля, Дамаскинъ мысль, содержащуюся въ догматѣ, всегда обосновываетъ на св. писаніи, освѣщаетъ ее обильнымъ свѣтомъ церковнаго преданія и не пренебрегаетъ въ то же время никакими данными, представляемыми современною ему наукою, чтобы приблизить ее къ разуму человѣческому. Но что особенно придаетъ важность и цѣну системѣ Дамаскина, это—ея строгая вѣрность духу древней вселенской Церкви. Его мысль есть мысль древней вселенской Церкви. Въ этомъ

отношеніи трудъ св. Дамаскина можно назвать догматической древне-церковной и древне-отеческой. Послѣ него на востокѣ не появлялось опытовъ догматической системы, которые бы представляли достойное подражаніе системѣ Дамаскина. Западъ же и вовсе уклонился отъ идеала Дамаскина. Тамъ утвердилась схоластика, и идеаломъ принять былъ тишъ богословія *Томы Аквината*. Его богословіе стоять подѣ замѣтнымъ вліяніемъ философіи Аристотеля.

Въ третьемъ періодѣ разработка догматической науки перешла къ намъ въ Россію. Въ 17-мъ в. Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою въ Кіевѣ была основана коллегія, переименованная впоследствии въ академію. Въ томъ же 17-мъ в. открыта была духовная школа въ Москвѣ, скоро ставшая также высшимъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія (академіей). Введенное въ кругъ наукъ, изучаемыхъ въ духовныхъ школахъ, на первыхъ порахъ Догматическое Богословіе преподавалось въ схоластическомъ духѣ. *Евфимъ Прокоповичъ*, положившій начало Догматикѣ, какъ систематической наукѣ, на Руси, уже значительно отрѣшается отъ стѣснительной схоластики. Съ половины 18-го в. стремленіе къ освобожденію отъ западной схоластики и вступленію на самостоятельный путь обнаружилось еще сильнѣе. Теперь появляются системы богословія уже не на латинскомъ языкѣ, а на русскомъ, безъ схоластическаго формализма, напримѣръ, митр. моск. *Платона*—«Православное ученіе или сокращенная христіанская богословія». Къ утвержденію догматическаго богословія на этомъ новомъ пути направлены были впоследствии уставъ академій и семинарій 1814 г. Изъ оригинальныхъ системъ нужно отмѣтить «Догматическое Богословіе» еп. *Антонія*, «Православно-Догматическое Богословіе» митроп. моск. *Макарія*, «Православное Догматическое Богословіе» архіепископа черниговскаго *Филарета*, «Опытъ православнаго Догматическаго Богословія съ историческимъ изложеніемъ догматовъ» еп.

Сильвестра, ректора Кіевской духовной академіи. Болѣе или менѣе цѣльныя системы представляютъ собою «Премудрость и благодѣть Божія въ судьбахъ міра и человѣка» прот. Ѡ. А. Голубинскаго, «Любовь Божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви божественной» проф. Бѣляева и «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи» протоіерея Свѣтлова.

8. Истина бытія Божія.

Идея Бога необходимо возникаетъ у каждаго человѣка, такъ какъ она является составной частью его самосознанія и объясняетъ ему его же самого въ качествѣ свободно-разумной личности. Богъ—высочайшее имя, съ которымъ соединяются всѣ чистыя и свѣтлыя упованія человѣчества. Къ Нему человѣкъ тяготеетъ и стремится всею своею душою. «Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Жаждетъ душа моя къ Богу» (Псал. 41, 2—3) — восклицала нѣкогда псалмопѣвецъ. Насколько человѣкъ чувствуетъ, ощущаетъ въ себѣ свою собственную жизнь, настолько не можетъ не ощущать присутствія и близости къ себѣ Бога. «Сотворилъ есть, говоритъ о Богѣ ап. Павелъ, отъ единыя крове весь языкъ человѣчь... взыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко не далече отъ единого кое-гождо насъ суща. О немъ бо живемъ, движемся и есмы» (Дѣян. 17, 26—28). Такъ у человѣка зарождается и вырастаетъ вѣра въ Бога.

Съ постепеннымъ своимъ развитіемъ человѣкъ чувствуетъ нужду въ оправданіи своей вѣры въ дѣйствительное существованіе Бога. Для необразованной массы людей это оправданіе заключается въ простой всеобщности религіозной вѣры. Если всѣ люди вѣруютъ въ Бога, то, значитъ, и правда, что Богъ существуетъ. Образованные и развитые люди строятъ научныя доказательства бытія Божія. Но извѣстно, что эти доказательства прямой своей

цѣли не достигаютъ. Въ лучшемъ случаѣ они оправдываютъ только потребность вѣры въ Бога, а вовсе не доказываютъ истинности этой вѣры или, иначе, дѣйствительнаго существованія Бога. Поэтому мы встрѣчаемся въ исторіи человѣчества съ теоретическимъ атеизмомъ. Новѣйшій атеизмъ, или, какъ онъ называетъ себя, позитивизмъ, при отрицаніи Бога выходитъ изъ общаго отрицанія субстанцій. Субстанцій не существуетъ: нѣтъ ни тѣла, ни духа. Въ мірѣ есть только факты и законы, т.-е. событія и ихъ отношенія. Мы воспринимаемъ только цвѣта, звуки, сопротивленія, движенія, внутреннія наши состоянія, — словомъ факты, но не субстанции.—Но можетъ ли идея субстанции такъ легко быть изъята изъ нашей мысли? Безъ нея фактъ былъ бы совершенно непонятенъ. Явленіе не можетъ быть понято иначе, какъ только дѣйствіе, производимое или испытываемое существами, или какъ взаимодействие субстанцій. Пусть попытаются понять, что такое былъ бы фактъ, если бы не было существъ, и явленіе, если бы не было существованій. Говорятъ, что мы воспринимаемъ только цвѣта, звуки, сопротивленія, движенія. Но, безъ сомнѣнія, цвѣтъ, звукъ, сопротивленіе, движеніе— все это самыя непонятныя абстракціи, если только не подразумѣвать подъ этими словами чего-нибудь, что обращено, звучить, сопротивляется, если не имѣть въ виду отношенія между извѣстною внѣшнею вещью и нашимъ «я», т.-е. отношенія двухъ силъ, двухъ существованій. Говорятъ, что вся наша душевная жизнь сводится къ простой смѣнѣ внутреннихъ явленій—мыслей и ощущеній. Но развѣ среди этой постоянной измѣнчивости и смѣны внутреннихъ явленій я не ощущаю нѣчто единое, постоянное, устойчивое, что сообщаетъ связь этимъ внутреннимъ явленіямъ? Есть, слѣдовательно, нѣчто другое, кромѣ фактовъ, субстанціальное «я», обуславливающее всѣ наши внутренніе процессы. Значитъ, субстанции существуютъ.

Другого рода новѣйшій атеизмъ прямо не отрицаетъ субстанцій, но утверждаетъ, что сущности пребываютъ

только въ мысли. Богъ есть не что иное, какъ идеаль, который существуетъ въ мысли человѣка и только чрезъ нее. Истинный Богъ пребываетъ не гдѣ-либо въ далекомъ небѣ, а лишь въ умѣ человѣка, который Его понимаетъ.— Но такой Богъ, очевидно, является отвлеченнымъ построениемъ ума, Богомъ субъективнымъ, подобно всякой отвлеченной идеѣ. Такимъ безличнымъ божествомъ можетъ удовлетвориться пантеизмъ, но извѣстно, что пантеизмъ есть въ сущности тотъ же атеизмъ. Между тѣмъ религиозное чувство требуетъ Бога, съ Которымъ оно можетъ вступить въ «личное» отношеніе. А послѣднее возможно, если Богъ стоитъ внѣ человѣка и надъ міромъ, какъ отдѣльное Существо, самостоятельное и независимое отъ человѣка. Эта независимость Бога отъ нашихъ мыслительныхъ построеній и говорить за Его объективность и реальность.

Мы видимъ, что новѣйшія направленія философской мысли не могутъ вести къ отрицанію истины бытія Божія. И это опять-таки потому, что дѣйствительность существованія Божія не есть выводъ изъ логическихъ построеній нашего разсудка. Истина бытія Божія дана въ нашемъ внутреннемъ нравственно-религиозномъ опытѣ, въ переживаніяхъ нашего сердца. Есть Богъ въ насъ—значитъ, Онъ есть. Это ощущеніе нашего внутренняго единства съ Богомъ, воспримчивость или вѣра въ бытіе Его возвышается по мѣрѣ нравственнаго очищенія и просвѣтленія нашего сердца. По обѣтованію Христову—«чистіи сердцемъ Бога узрять» (Мат. 5, 8). По слову Іоанна Богослова, «всякъ любяй... знаетъ Бога, а не любяй не позна Бога» (1 Іоан. 4, 7—8). Также говоритъ Ап. Павелъ: «аще кто любитъ Бога, сей познанъ бысть отъ Него (тому дано знаніе отъ Него)» (1 Кор. 8, 3).

По объясненію св. Григорія Богослова, «къ Чистому должно прикасаться одно чистое и Ему подобное». Для такихъ людей, сохранившихъ въ себѣ религиозную воспримчивость, искренно ищущихъ истины и способныхъ къ

ней, и разсудочныя доказательства бытія Божія могутъ быть полезными. При искреннемъ исканіи Бога эти доказательства усиливають религіозное чувство, оживляютъ его въ насъ, располагаютъ къ вѣрѣ. Значить, они сохраняютъ свое значеніе при наличности внутренняго нравственно-религіознаго опыта. Если этотъ путь внутренняго опыта или жизни во Христѣ открытъ лишь для истинныхъ христіанъ и закрытъ для атеистовъ, то остается для нихъ еще путь историческаго опыта или свидѣтельства о Богѣ, даннаго жизнью Христа, воплотившагося Бога. Есть Богъ, потому что дѣйствительно существуетъ Господь Иисусъ Христосъ.

Итакъ, есть несомнѣнныя доказательства бытія Божія, но нѣтъ доказательствъ небытія Его.

9. Характеръ познанія о Богѣ.

Характеръ нашего познанія о Богѣ въ св. Писаніи опредѣляется, съ одной стороны, представленіемъ о непостижимости Его существа, а съ другой — ученіемъ объ относительномъ познаніи Его чрезъ откровенія въ мірѣ и человѣку. О непостижимости существа Божія слово Божіе говоритъ: «Богъ никтоже видѣ нигдѣже или, съ греч. никогда» (Іоан. 1, 18). «Богъ во свѣтѣ живетъ неприступнемъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ» (1 Тим. 6, 16). «Во свѣтѣ неприступнѣмъ», т.-е., такого рода области бытія, куда не въ силахъ проникнуть разумъ, какъ глазъ не въ состояніи проникнуть во внутреннюю область солнечнаго свѣта. Поэтому, какъ говорилъ Спаситель, «никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ» (Мат. 11, 27). Но, съ другой стороны, по свидѣтельству того же писанія, Богъ «далъ есть намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго» (1 Иоан. 5, 20), и въ этомъ познаніи Бога заключается жизнь для души, высшее ея благо: «се есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Иисусъ Христа», —

говорилъ Спаситель въ Своей первосвященнической молитвѣ (Іоан. 17, 3).

Такое ученіе о богопознаніи, при непостижимости Его сущности, нѣкоторыми, какъ напримѣръ Толстымъ, упрекается во внутреннемъ противорѣчii. Но отсутствіе его прекрасно выяснилъ еще св. Василій Великій, который говоритъ: слово «знать» многозначительно... «Ибо кто утверждаетъ, что не знаетъ сущности, тотъ еще не покаявается, что не знаетъ Бога. Здѣсь такое же лжеумствованіе, какъ если бы сказать: знаешь ли ты Тимоѳея? Если Тимоѳея знаешь, то знаешь, поэтому, и его естество... Но я знаю Тимоѳея и не знаю его, конечно, не въ одномъ и томъ же отношеніи и не по томъ же самому. Знаю въ отношеніи къ чертамъ лица и прочимъ отличительнымъ свойствамъ его, но не знаю по отношенію къ сущности». И это потому, какъ выяснилъ Григорій Богословъ, что нашъ разумъ не есть источникъ Богопознанія, а только органъ пониманія предметовъ божественныхъ; значить, онъ можетъ познавать Бога на столько, на сколько откровеніе сообщаетъ ему объ этомъ.

Въ богословско-философскомъ раскрытіи вопроса о Богопознаніи замѣчаются двѣ крайности: ученіе о полной познаваемости Бога и ученіе о совершенной непознаваемости Его. Первое воззрѣніе принадлежало гностикамъ, Аэцію и Евномію — еретикамъ 4-го в., послѣдователямъ Арія. Они усвоили ту «теорію именъ», по которой — кто знаетъ имя, тотъ знаетъ и сущность. Въ новѣйшее время ученіе о совершенной познаваемости Бога было повторено пантеистами (Спиноза, Гегель), а также вообще рационалистами, которые утверждаютъ, что отъ разума ничто не изъято и ничто не скрыто. — Это воззрѣніе упускаетъ изъ виду ограниченность разума. Наше знаніе и въ отношеніи къ вещамъ конечнымъ ограничивается ихъ внѣшнею стороною и мало проникаетъ въ ихъ сущность, — тѣмъ болѣе ограничено оно въ познаніи Существа Безконечнаго.

Другое возрѣніе о совершенной непознаваемости Бога поддерживалось въ древности Маркіономъ, Аріемъ, раздѣлялось всегда вообще скептиками, а въ позднѣйшее время выразилось въ двухъ философскихъ направленіяхъ—позитивизмъ и агностицизмъ.—Но агностическая точка зрѣнія въ гносеологическомъ отношеніи совершенно не вѣрна. Ею предполагается, что религіозное знаніе не можетъ быть эмпирическимъ, потому что построено не на опытной основѣ. При этомъ опускается изъ виду, что, кромѣ опыта внѣшняго, есть опытъ внутренней, религіозный, отрицать который, въ виду облака свидѣтелей, можно только по предвзятости ¹⁾.

Православная Церковь, избѣгая указанныхъ крайностей, допускаетъ возможность познанія о Богѣ, которое, однакожь, не можетъ быть приравнено къ полному знанію, какое мы имѣемъ, напримѣръ, относительно внѣшняго міра. Мы познаемъ Бога отчасти, какъ отраженіе въ зеркалѣ, въ которомъ мы видимъ одну лишь сторону предмета, обращенную къ намъ, а объ остальныхъ должны догадываться. «Видимъ убо нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи... отчасти бо разумѣваемъ» (1 Корин. 13, 9—12). Такой родъ познанія Церкви, вслѣдъ за св. Писаніемъ, опредѣляетъ особымъ терминомъ «вѣра». «Вѣрую бо ходимъ, а не видѣніемъ» (2 Кор. 5, 7). Съ чисто психологической точки зрѣнія религіозная вѣра есть принятіе вѣроятнаго за несомнѣнное, увѣренность по субъективно-достаточнымъ основаніямъ. «Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ» (Евр. 11, 1). Въ вѣрѣ истина непосредственно воспринимается человѣческимъ духомъ. Тогда какъ знаніе посредствуется наблюденіемъ, внѣшними воспріятіями и раціональными соображеніями,

¹⁾ Необходимость расширенія опыта, со включеніемъ въ него опыта религіознаго, мистическаго, сознается въ новѣйшей философіи; см. весьма интересную книгу Джемса „Многообразіе религіознаго опыта“, въ которой отстаиваются права поруганнаго эмпириками и позитивистами религіознаго опыта.

въ вѣрѣ недостатокъ рациональныхъ основаній восполняется свидѣтельствомъ всего существа человѣческаго, которое видитъ въ догматахъ божественный отвѣтъ на человѣческіе запросы и потому требуетъ признанія предметовъ вѣры реальными. Именно въ этомъ практическомъ моментѣ вѣры лежитъ основаніе ея вмѣняемости. Знаніе носить необходимый характеръ. Съ тою же неизбежностью, съ которою камень падаетъ на землю, человѣчeskій рассудокъ подчиняется логическимъ законамъ и въ силу ихъ приходитъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ. Отсюда преобладающей чертой знанія является пассивность и зависимость или отъ воздѣйствія внѣшняго міра, или отъ логическихъ законовъ мышленія. Въ вѣрѣ человѣчeskій духъ переступаетъ за предѣлы данной, наличной дѣйствительности, утверждаетъ существованіе такихъ предметовъ, которые не вынуждаютъ у него признанія, онъ свободно признаетъ ихъ. Вѣра есть подвигъ духа, обличающаго вещи невидимыя. Какъ свободный подвигъ духа, вѣра имѣетъ нравственное достоинство и заслугу: блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе, — говорилъ Христосъ Ѳомѣ по своемъ воскресеніи во время явленія ученикамъ (Іоан. 20, 29). Поэтому, если у кого изъ глубины его нравственной личности не прибавляется ничего къ тѣмъ теоретическимъ основаніямъ, которыя существуютъ, на примѣръ, относительно бытія Божія, то существованіе Бога для такого человѣка является недоказуемымъ. Онъ живетъ такъ, какъ будто не было Бога, или прямо не вѣруетъ въ Него. Совершенство вѣры зависитъ отъ степени моральности человѣка. Человѣкъ, обладающій чистою возвышенною душою, всѣмъ существомъ своимъ влечется къ личному Богу, такъ какъ чувствуетъ свое внутреннее сродство съ Нимъ и сознаетъ, что Богъ есть именно такое Существо, которое необходимо для оправданія его жизни. Онъ вѣруетъ въ Бога. Только нужно помнить при этомъ, что подъ вѣрой въ данномъ случаѣ разумѣется не унаслѣдованный отъ предковъ образъ представленій и понятій о Богѣ и

не разсудочное только принятіе христіанской истины. Вѣра понимается, какъ «живая увѣренность въ бытіи Бога, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ и сердечное принятіе откровеннаго слова Его о спасеніи рода человѣческаго» (Катих. Филарета).

Итакъ, первымъ условіемъ богопознанія является нравственная чистота сердца, восприимлемость откровенія о Богѣ не только умомъ, но и волею. «Аще кто волю Его творить, сей вѣсть о ученіи Моемъ, отъ Бога ли есть, или Азь отъ Себе глаголю», говорилъ Христосъ (Іоан. 7, 17). «Всякъ согрѣшай, училъ апостоль любви, не видѣ Его, ни позна Его» (1 Іоан. 3, 6). Напротивъ: «о семъ разумѣемъ, яко познаемъ Его, аще заповѣди Его соблюдаемъ» (1 Іоан. 2, 3).

Вторымъ необходимымъ условіемъ богопознанія является молитва. Апостоль указываетъ вѣрующимъ на то, что «не престаемъ о васъ молящися и просяще, да исполнитея въ разумѣ воли Его (познаніемъ воли Его) во всякой премудрости и разумѣ духовнемъ» (Кол. 1, 9. ср. Ефес. 1, 16—17). «Прежде всего молись, читаемъ у Іустина философа, чтобы открылись тебѣ двери свѣта, ибо этихъ вещей никому нельзя видѣть или понять, если Богъ и Христосъ Его не дадутъ разумѣнія».—Связь молитвы съ первымъ условіемъ—нравственной чистотой—понятна, потому что молитва приподнимаетъ духъ нашъ надъ всѣмъ плотскимъ и чувственнымъ и вводитъ въ общеніе съ Богомъ.

10. Общее понятіе о Богѣ.

Существо Бога необъемлемо. Опредѣлить Бога, какъ Онъ есть, нельзя. Тѣмъ не менѣе каждый человѣкъ имѣетъ общее понятіе о Богѣ. Таково ужъ свойство нашего ума, что онъ выводитъ частныя понятія изъ общей идеи, общаго понятія. Это есть формальное требованіе ума, по которому мы о каждомъ предметѣ спрашиваемъ прежде всего, что онъ есть, а потомъ уже опредѣляемъ отношеніе его къ другимъ предметамъ. И Церковь не отвергаетъ

этого необходимаго требованія нашего ума, позволяеть ставить вопросъ, что такое Богъ по Своему существу.— Есть весьма распространенное возраженіе, что опредѣлять Бога, указывать опредѣленные свойства въ Немъ—значить ограничивать Его. Но опредѣленіе предмета и ограниченіе его—два совершенно различныхъ дѣла. Опредѣлить предметъ значить указать самыя существенныя и отличительнѣйшіе его признаки. Чѣмъ полнѣе бытіе, тѣмъ болѣе оно имѣеть опредѣляющихъ признаковъ, свойствъ и качествъ. Ограниченность существъ и предметовъ зависитъ не отъ того, что каждый изъ нихъ имѣеть свои отличительныя признаки, и что мы можемъ находить и указывать ихъ, а отъ того, въ чемъ именно состоятъ эти особенности, и откуда онѣ произошли: получены ли онѣ совнѣ, или составляютъ нѣчто самобытное въ предметѣ.

При составленіи общаго понятія о Богѣ возможны два крайнія направленія мысли, которыя замѣтны въ древней Церкви. Одно направленіе—идеалистическое, которое остерегается при мысли о Богѣ представлять Его по аналогіи съ человѣкомъ тварнымъ, опасается смѣшать Его съ тварью, а такъ какъ всѣ наши слова носятъ чувственный характеръ и приложимы только къ конечному, утверждаетъ, что нельзя употреблять словъ и опредѣленій по отношенію къ Богу. Мы можемъ составить понятіе о Богѣ только отрицательное, по противоположенію всему существующему. Богъ есть Существо, непостижимое умомъ и неизреченное языкомъ. Афанасій Великій говорилъ, что Бога и существомъ назвать нельзя, потому что и тварь называется существомъ. Богъ есть *ὑπερῶς ὅτις*, т. е. выше всякаго существа.—Противъ идеалистическаго возрѣвія объ отрицательномъ опредѣленіи Бога возражалъ Григорій Богословъ. Онъ говорилъ, что опредѣлять Бога отрицательно—то же самое, что на вопросъ, сколько составить дважды пять, отвѣчать отрицательно: не два, не три, не четыре, не двадцать и т. д. и не давать положительнаго отвѣта. Отрицательное опредѣленіе Бога неудовлетвори-

тельно ни для ума, ни для сердца человѣка. Религіозная потребность постулируетъ положительное опредѣленіе Бога, хотя бы аналогическое. Поэтому противъ идеалистическаго возстало новое направленіе — антропоморфическое. Оно пользовалось аналогіями изъ міра и человѣческой природы для описанія и опредѣленія Бога, не боялось приписывать Ему свойства и качества, которыя принадлежать человѣку, но эти свойства и качества оно мыслило въ Богѣ въ высшей степени, нежели въ человѣкѣ. Тертуліанъ училъ, что Бога можно назвать даже тѣломъ, — впрочемъ, въ томъ смыслѣ, что Богъ есть Существо реальное, дѣйствительная сущность. Крайность Тертуліана была отвергнута, но это — вѣрная мысль, что въ свойствахъ человѣка можно находить аналогію для составленія понятія о Богѣ. Другого пути для познанія о Богѣ нѣтъ. Высшее опредѣленіе Бога, которое доступно для человѣка, есть понятіе о Немъ, какъ о Духѣ. Оно дано въ священн. писаніи: «Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться», говорилъ Христосъ въ бесѣдѣ съ самарянякою (Іоан. 4, 24). Богъ есть Духъ, т.-е. существо живое, личное, имѣющее внутреннюю жизнь, обладающее разумомъ и свободой. Ученіе о Богѣ, какъ живомъ личномъ Существовѣ, коренится въ самой идеѣ о Богѣ. Мертвому существу невозможно молиться. Религія есть союзъ между Богомъ и человѣкомъ, а союзъ возможенъ между личными существами. Начало для ученія о духовности Бога было дано въ в. з., но понятіе Духа тамъ не было выяснено. Понятія о Духѣ, какъ особой природѣ, тамъ не было: оно сливалось съ представленіемъ жизни премірной, святой, возвышающейся надъ чувственнымъ міромъ. Богъ святой (съ евр. кадошъ) Израилевъ, т.-е. выдѣленный изъ всего существующаго. Въ этомъ-то смыслѣ и присоединяется къ Богу понятіе Духа: «не можетъ Духъ Мой пребывать въ людяхъ, потому что они — плоть». Ученіе о Богѣ живомъ, духовномъ раскрывалось въ ветхомъ завѣтѣ путемъ сравненія Бога съ міромъ, причемъ показывалось, что Богъ — выше всего

существующаго. Тѣмъ не менѣ Его можно представить въ образѣ челоуѣка. По ветхому завѣту антропоморфизмъ не ведетъ къ отождествленію природы Божеской съ челоуѣческой. Послѣдняя берется лишь какъ средство для выясненія понятія о Богѣ. Но ветхо-завѣтный челоуѣкъ бралъ аналогіи изъ физической природы челоуѣка. Въ новомъ завѣтѣ аналогія заимствуется изъ другой стороны природы челоуѣческой—духовной. Св. Писаніе удостовѣряетъ насъ, что аналогическій путь Богопознанія изъ духовной природы челоуѣка правильный: Богъ сотворилъ челоуѣка по Своему образу и подобію, а Сынъ Божій сдѣлался челоуѣкомъ. Съ нравственной точки зрѣнія понятіе о Богѣ, какъ Духѣ, высоко, потому что при представленіи Бога Духомъ челоуѣкъ поднимается нравственно выше, выходя изъ того побужденія, что цѣль жизни его—духовная, а потому и вся жизнь его должна быть направляема къ духоуно-нравственному совершенству. Но только при аналогическомъ способѣ составленія понятія о Богѣ нужно постоянно имѣть въ виду абсолютную возвышенность Бога надъ всѣмъ ограниченнымъ бытіемъ. Только проникнутый этимъ сознаніемъ челоуѣкъ можетъ отчасти приблизиться къ истинѣ въ своемъ Богопознаніи.

Ив. Николинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРИСТИАНСТВО и НАУКА ¹⁾.

Въ душѣ своей можетъ быть вы давно уже задаете себѣ вопросъ: почему такъ упорно противятся простой и неотступно напрашивающейся мысли о томъ, что духовное и тѣлесное находятся во взаимодействіи? Я сейчасъ уважу вамъ главную причину этого: съ принятіемъ *психофизическаго взаимодействия* допускается возможность чуда, какъ и признаются въ этомъ Вундтъ и Паульсенъ. И вотъ для устранения этого, прибѣгаютъ къ величайшимъ несообразностямъ.

Впрочемъ, что касается чудеснаго въ смыслѣ недоступнаго для пониманія, то самъ параллелизмъ требуетъ отъ насъ еще бѣльшаго. «Психофизическій параллелизмъ, говоритъ Буссе, дѣлитъ міръ на два міра, существующихъ другъ около друга безъ всякой связи между собою, и чудо ихъ сплошнаго параллельнаго движенія старается объяснить еще бѣльшимъ чудомъ ихъ таинственнаго тождества. Чтобъ сохранить обособленность физической причинной цѣпи, онъ жертвуетъ для этого универсальной міровой связью и міровую причинную связь разсѣкаетъ надвое въ безчисленныхъ точкахъ... Такимъ образомъ онъ изгоняетъ бѣса при помощи веельзевула».

Противъ ученія о взаимодействіи дѣлаютъ два возраженія: оно, говорятъ, противорѣчитъ принципу неразрывности естественной причинности и принципу сохранения энергіи. Что касается перваго принципа, то онъ, и по

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душен.* Чт. 1910 г.

мнѣнію Вундта и Паульсена, не есть ни логически необходимый принципъ, ни фактъ опыта; для Вундта онъ есть только «регулятивная идея». Только въ области неорганической природы доказана его вѣроятность. Требованіе же, чтобъ онъ и въ органической области имѣлъ постоянное значеніе, есть не болѣе, какъ *petitio principii*: это надобно изслѣдовать, а не предполагать! Желанія, чаянія и излюбленныя представленія даже естествоиспытателей не должны оказывать никакого вліянія на научное изслѣдованіе.

То же самое надобно сказать и о принципѣ сохраненія энергіи. И онъ не есть законъ, но принципъ изслѣдованія; потому что онъ — не выводъ изъ суммы добытыхъ опытомъ фактовъ, но, даже по мнѣнію Паульсена, только предположеніе, хотя и опирающееся на факты. Оттого можно и должно задать вопросъ, имѣетъ ли онъ значеніе и при воздѣйствіи тѣла на душу и души на тѣло. Изслѣдованіе этого вопроса въ настоящее время только что началось. Оствальдъ утверждаетъ ¹⁾, что механическая энергія преобразуется въ сознаніе, въ духовную «энергію»; но это противорѣчитъ опыту: душа вовсе не есть какая-либо энергія, подобная другимъ. Иные пытаются объяснить воздѣйствіе безъ преобразованія энергіи — и дѣлаютъ это, не опираясь на опытъ. Наконецъ предполагаютъ, что физическая энергія при воздѣйствіи тѣла на душу исчезаетъ, не вознаграждаясь одинаковымъ количествомъ физической энергіи: причина должна пожертвовать собою, чтобы произвести дѣйствіе.

Какъ бы то ни было, но факты говорятъ рѣшительно противъ параллелизма, и за взаимодействіе. Хотя для насъ остается совершенной загадкой, *какъ* возможно это взаимодействіе; но самый фактъ взаимодействія отъ этого нисколько не подвергается сомнѣнію. Впрочемъ для людей,

¹⁾ *Оствальдъ*. Философія природы, пер. Давыдова, 1903; лекція 19, Сознаніе, стр. 281 ил.

обладающихъ болѣе глубокимъ знаніемъ, взаимное воздѣйствіе физическаго и психическаго вовсе не до такой степени не мыслимо, (какъ кажется); потому что для нихъ матерія въ концѣ концовъ есть нѣчто духовное, какъ это раскрыто было выше; поэтому взаимное вліяніе духа на тѣло и тѣла на духъ не возбуждаетъ противъ себя никакого принципиальнаго сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ и самый стойкій матеріалистъ и самый убѣжденный параллелистъ въ практической жизни отрицаютъ свою теорію и должны отрицать ее, какъ говоритъ объ этомъ профессоръ Либманъ: «въ теоріи мы не болѣе, какъ слѣпыя машины; но на практикѣ мы должны вести себя такъ, какъ будто мы имѣемъ неизмѣримо бѣльшее значеніе». Теоріи разрушаются фактами.

Нашимъ изслѣдованіемъ установлены слѣдующіе два факта: 1) духъ не можетъ происходить изъ матеріи; онъ самостоятеленъ въ себѣ; 2) духъ оказываетъ вліяніе на тѣло, а чрезъ него и на окружающій его міръ, но и самъ подчиненъ вліянію послѣдняго. Сейчасъ же видно, что оба эти вывода въ высшей степени *благоприятны для вѣры въ Бога*; потому что если духъ не можетъ происходить изъ матеріи,—то откуда онъ происходитъ? Этотъ вопросъ въ свою очередь распадается на слѣдующіе два вопроса: откуда происходитъ первое ощущеніе? и откуда происходитъ самосознаніе, человѣческая личность? Эта послѣдняя точно также не можетъ быть выведена изъ множества психическихъ процессовъ, какъ и первое ощущеніе изъ матеріи. На оба эти вопроса возможенъ только одинъ отвѣтъ: душа и духъ находятъ свое достаточное основаніе только въ трансцендентной духовной дѣйствительности.

И не для объясненія происхожденія только перваго человѣка мы должны допустить творческій актъ; потому что и во всякой личности мы находимъ что-нибудь новое. У гениальнаго человѣка это слишкомъ очевидно, замѣтно даже для непроницательныхъ людей. Гѣге есть не высшее

только проявленіе (Summatio) уже существовавшихъ духовныхъ силъ прошедшаго; онъ есть нѣчто новое и даль міру нѣчто новое. Онъ былъ «творецъ новыхъ цѣнностей». Но что справедливо по отношенію къ гению, то при ближайшемъ разсмотрѣніи можетъ быть сказано и о каждой личности. Ни одинъ человекъ не можетъ быть объясненъ всецѣло, безъ остатка изъ «окружающей среды». Всякій ребенокъ носить въ себѣ тайну; въ немъ всегда есть нѣчто, не подходящее подъ общую мѣрку. Это знаетъ всякій истинный педагогъ. Индивидуальность нельзя ни подвергать научному анализу, ни исчислять математически, ни подводить подъ твердыя формулы; въ нее можно проникнуть только чрезъ непосредственное созерцаніе (intuitiv). Безъ этой особенной чуткости совсѣмъ невозможно пониманіе индивидуальности. Эту неповторяемость и своеобразность какъ историческихъ событій, такъ и всякой личной жизни разъяснилъ философъ Виндельбандъ въ своей знаменитой рѣчи «Объ исторіи и естествовѣдѣніи» прежде всего при помощи указанія на ужасъ представленія о двойникѣ: «Какъ низко упала бы въ цѣлѣ жизнь человѣческая, если бы она могла существовать сколько возможно дольше и повторяться сколько возможно чаще! какъ страшно было бы думать, что я, неизмѣнно тотъ же самый, буду переживать и терпѣть непремѣнно еще разъ то же самое, что и прежде, буду имѣть тѣ же самыя стремленія и борьбу, ту же любовь и ненависть, тѣ же мысли и желанія, и что вотъ наступитъ кончина міра, и опять возвратится жизнь въ условіяхъ времени, а я опять и опять буду играть одну и ту же роль на той же самой сценѣ! Всѣ наши понятія о цѣнности предмета имѣютъ свою опору въ его единственности и несравненности... «Она не первая», говорится въ одномъ изъ самыхъ страшныхъ мѣстъ Фауста ¹⁾... И что вѣрно по отношенію къ индивидуальной человѣче-

¹⁾ Гете. Фаустъ, перев. въ прозѣ П. Вейнберга, 1904, стр. 162. Прим. перев.

ской жизни, то совершенно правильно можетъ быть сказано о цѣломъ историческомъ процессѣ; онъ имѣетъ цѣнность только въ томъ случаѣ, когда бываетъ одинъ разъ». Не возможно устоять противъ увлекательной силы этихъ доказательствъ. Каждая личность—нѣчто новое, единственное и своеобразное! Откуда она происходитъ? На это существуетъ только одинъ отвѣтъ: она указываетъ на таинственную, трансцендентную первооснову, на духовную дѣйствительность, находящуюся превыше видимаго міра, на живого Бога. Всякое человѣческое дитя имѣетъ въ себѣ нѣчто, происходящее изъ вѣчности. Всякая человѣческая душа — творческая мысль и творческое дѣло премірнаго Бога!

Какъ вопросъ о возникновеніи личности приводитъ къ Богу, такъ и вопросъ—о послѣдней ея *цпми*. «Человѣческая личность можетъ устоять противъ давленія виѣшняго міра только тогда, когда находитъ опору для себя въ личномъ общеніи съ личнымъ Богомъ. Нитше дѣлалъ попытку—найти опору для человѣческой личности въ ней самой, въ силѣ ея собственнаго упорнаго сопротивленія. Но что онъ съ своимъ требованіемъ «воли могущества» (*Wille zur Macht*) потерпѣлъ полную неудачу, это видно какъ изъ его собственной жизни, такъ и изъ признаній его поклонниковъ. Своеобразная цѣнность личности не могла найти для себя опору и защиту ни въ атеизмѣ Будды, ни въ пантеизмѣ современныхъ мыслителей; въ концѣ концовъ ей предстоитъ погруженіе въ нирвану, или во все. Но чѣмъ болѣе мы становимся личностью, чѣмъ драгоценнѣе становится для насъ наша собственная личная жизнь, тѣмъ настойчивѣе бываетъ требованіе, тѣмъ напряженнѣе стремленіе къ спасенію нашего личнаго міра отъ разрушительнаго давленія законовъ матеріи, т.-е. стремленіе къ личному безсмертію. Тоска по вѣчности есть неискоренимое естественное стремленіе личности, достигшей полнаго самосознанія. Но естественныя стремленія не вводятъ насъ въ обманъ; они указываютъ

на возможность ихъ удовлетворенія. Но такое удовлетвореніе можетъ быть найдено только въ личномъ общеніи съ личнымъ Богомъ. Въ Немъ находится прочное основаніе для построенія и укрѣпленія нашего личнаго міра. Только Богъ можетъ быть источникомъ и послѣдней цѣлью нашей личности.

Но вѣдь существуетъ ли личный Богъ? Древній псалмопѣвецъ говоритъ: *Устроившій ухо ужели можетъ не слышать? Образовавшій глазъ ужели можетъ не видѣть?* (Пс. 93, 9). Никто не станетъ спорить противъ правильности этого умозаключенія. Я продолжаю: Сотворившій личность можетъ ли не быть самъ личностью? Высочайшій можетъ ли самъ не имѣть высшаго свойства, которое Онъ даровалъ своимъ тварямъ? Кто служитъ основаніемъ человѣческой личности, Тому самому подобаетъ быть личностью! Существуетъ личный Богъ. Онъ только и можетъ быть какъ Творцомъ, такъ и Спасителемъ нашего личнаго міра.

Теперь обратимъ вниманіе и на *второй* фактъ: духъ дѣйствуетъ на тѣло, и чрезъ него на природу. Механическая закономерность неорганическаго міра этимъ вовсе не уничтожается; въ ней сильно заинтересована и вѣра; потому что неимѣющій законовъ міръ было бы трудно примирить съ вѣрой въ личнаго Творца вселенной. Только тамъ, гдѣ физическій міръ встрѣчается съ міромъ духовнымъ, наступаетъ «разрывъ въ физической причинной связи». Человѣческая личность, подчиняя силы природы на служеніе себѣ и воздѣйствуя на нихъ улучшающимъ образомъ, создаетъ себѣ свой собственный міръ: царство культуры, въ особенности міръ искусства. Но это возможно только потому, что міръ природы есть міръ закономерности. Изслѣдуя законы природы, духъ пріобрѣтаетъ силу—господствовать надъ ними и возвышаться до свободы надъ природой.

Фактъ взаимодѣйствія между духомъ и матеріею имѣетъ большое значеніе для вѣры и по другой причинѣ; если

личность человѣка можетъ оказывать на жизнь природы усовершенствующее вліяніе, то не остается ни малѣйшаго научнаго препятствія допустить личное воздѣйствіе на нее личнаго Бога. Вундтъ призналъ эту мысль безусловно правильною: «если существуетъ, говоритъ онъ, взаимодѣйствіе между духомъ и тѣломъ, то открывается полная возможность для совершенія *чуда*». Такъ же судить объ этомъ Паульсенъ, говоря: «если одно только намѣреніе можетъ привести въ движеніе молекулу мозга, то оно точно также можетъ передвинуть горы или вывести луну изъ ея орбиты; одно столько же понятно или непонятно, какъ и другое». Если факты заставляютъ допустить психофизическое взаимодѣйствіе; то нѣтъ болѣе никакого научнаго основанія — отрицать въ принципѣ возможность чуда.

Дѣлаются, какъ извѣстно, и другія возраженія противъ чуда. Здѣсь я остановлюсь ненадолго только на одномъ изъ нихъ. Говорятъ, будто чудо недостойно Бога, потому что указываетъ на необходимость произвести поправку въ твореніи. Это было бы справедливо, если бы у Бога была цѣль—создать механизмъ. Но если послѣднею цѣлью Бога было имѣть личное общеніе съ человѣческими личностями, то Ему нужно было открыть Себя такъ, чтобъ присные Его узнали, что они имѣютъ дѣло не съ механизмомъ только вселенной, но что за нимъ находится личный Богъ. Мы имѣемъ всѣ основанія въ пользу той мысли, что Богъ вступаетъ въ общеніе съ личными существами (*es Gott aus das Personliche ankommt*). Въ своей знаменитой рѣчи Виндельбандъ утверждаетъ: «всеобщая закономерность существующаго служитъ прочной рамкой для нашей міровой картины; внутри этой рамки осуществляется живой союзъ драгоценныхъ для человѣчества индивидуальных образований (*lebendige Zusammenhang der fürs Menschentum wertvollen Einzelgestaltungen*)». Слѣдовательно и на его взглядъ механическій міръ есть только средство для міра личнаго. Если же Богъ есть лич-

ность, то мы должны приписать Ему точно такую же оцѣнку вещей. Тогда міръ, управляемый механическими законами, есть только орудіе въ рукахъ Творца. Но никто не станетъ порицать работника за то, что онъ дѣлаетъ измѣненія въ своемъ орудіи, если это необходимо для достиженія имъ своей цѣли.

IV.

Лицо Иисуса Христа.

Если въ наше время рѣшаются на попытку — изобразить личность Иисуса Христа; то должны быть готовы услышать вопросъ: да существовалъ ли въ дѣйствительности Иисусъ изъ Назарета? Въ послѣднее время этотъ фактъ опять оспаривался на примѣръ недавно умершимъ Бременскимъ пасторомъ Калтгофомъ. По его мнѣнію, Иисусъ «вовсе не историческая личность, а только олицетворенная идея, трансцендентный принципъ церкви». Какъ ни чудовищно съ научной точки зрѣнія это мнѣніе, все же оно кое-гдѣ было принято съ довѣріемъ, или вызвало тревогу. Поэтому прежде всего намъ слѣдуетъ дать отвѣтъ на вопросъ: Иисусъ Христосъ есть ли дѣйствительно *историческій образъ* (Gestalt), или же *созданіе фантазіи* первенствующей церкви?

Не подлежитъ сомнѣнію, что наличность историческихъ фактовъ совершенно исключаетъ возможность послѣдняго предположенія. Хотя во внѣ библейскихъ источникахъ о личности І. Христа мы находимъ только краткія, всѣмъ извѣстныя упоминанія, принадлежащія Тациту, Светонію и Плинію, но за то библейскіе источники, рассматриваемые съ чисто исторической точки зрѣнія, обладаютъ полной достовѣрностью. Въ огнѣ непримѣрно глубокой и строгой, даже придирчивой критики обнаружилась несомнѣнная подлинность по меньшей мѣрѣ четырехъ посланій

апостола Павла ¹⁾. Немного сообщается въ нихъ о земной жизни Іисуса; но этого вполне достаточно для того, чтобы поставить историческое существованіе Іисуса Христа выше всякихъ сомнѣній, потому что они написаны были несомнѣнно около 25 года послѣ смерти Христа, слѣдовательно въ то время, когда должны были находиться въ живыхъ еще тысячи очевидцевъ событій изъ жизни Спасителя ²⁾; ап. Павелъ не могъ бы требовать вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, если бы онъ зналъ, что на это онъ во всякое время можетъ получить отвѣтъ: «этого Іисуса никогда не было въ дѣйствительности!» — И старѣйшія евангелія написаны приблизительно одно поколѣніе спустя послѣ распятія Іисуса Христа и слѣдовательно въ то время, когда возможенъ былъ контроль со стороны очевидцевъ евангельскихъ событій; они никакъ не могутъ быть отнесены къ разряду вымысловъ позднѣйшихъ временъ. — Правда, Геккель въ 17 главѣ своего сочиненія «Міровыя загадки» утверждаетъ, что на Никейскомъ соборѣ въ 325 году тѣ евангелія были составлены посредствомъ извлеченія ихъ содержанія изъ кучи противорѣчивыхъ и подложныхъ рукописей, очутившихся на престолѣ храма. Эти бессмысленныя слова заимствованы Геккелемъ изъ совершенно ненаучнаго пасквиля, составленнаго сумасброднымъ англійскимъ «теологомъ» Саладиномъ (Стюартомъ Россомъ). Церковный историкъ Лусъ (въ своемъ сочиненіи «Анти-Геккель») далъ на эти слова рѣзкую, но

¹⁾ Ферд. Бауръ изъ вѣхъ посланій апост. Павла признаетъ несомнѣнно подлинными только четыре посланія—къ Галатамъ, Римлянамъ и два посланія къ Коринѣянамъ. См. 67-й полут. Энци. Сл. Брокгаузъ и Ефр., стр. 314, „Тюбингенская школа“. *Прим. пер.*

²⁾ По изслѣдованію *Герике* посл. къ Галат. написано между 55 и 58 гг. по Р. Хр.; 1 посл. къ Кор. написано около 57 г., а вскорѣ за нимъ написано и 2 Кор.; не позднѣе 58 г. ап. Павелъ отправилъ изъ Коринѣа свое посланіе къ Рим. См. Введеніе въ ново-зав. книги Св. Писанія *Герике*, перев. архим. Михаила М. 1869, 2 полов., стр. 17, 20, 23, 31. *Прим. пер.*

вполнѣ заслуженную отповѣдь; четверичное число евангелій уже около 185 г. по Р. Х. столь-же мало подлежало сомнѣнію, какъ четверичное число странъ свѣта. Но даже и Геккель не осмѣливается серьезно утверждать, что Иисусъ никогда не былъ въ дѣйствительности. При наличномъ содержаніи сюда относящихся источниковъ это является исторической невозможностью. Поэтому нѣтъ ни одного истиннаго историка, который сомнѣвался бы въ историческомъ существованіи Иисуса. На это способенъ только совсѣмъ незнакомый съ дѣйствительной жизнью доктринеръ, который вмѣсто того, чтобы съ уваженіемъ относиться къ историческимъ фактамъ, «сочиняетъ исторію, сидя за своимъ письменнымъ столомъ». Такимъ образомъ, Калтгофъ принадлежитъ къ числу «догматистовъ» матеріализма, утверждающихъ, что ходъ историческихъ событій нисколько не зависитъ отъ вліянія личностей. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ матеріалистическаго міровоззрѣнія наука въ принципѣ отвергла и это матеріалистическое построение исторіи. Наукою непоколебимо твердо установлено, что Иисусъ жилъ дѣйствительно.

Но здѣсь возникаетъ гораздо болѣе трудный вопросъ: евангелія изображаютъ ли намъ Иисуса точно такимъ, каковъ Онъ былъ въ дѣйствительности, или въ нихъ къ истиннѣ примѣшаны и поэтическіе вымыслы? Многократно утверждали послѣднее. Источники—и притомъ всѣ евангелія безъ исключенія—рисуютъ намъ образъ Христа, въ которомъ рядомъ съ чисто человѣческими чертами находится много и сверхъестественнаго: Иисусъ совершаетъ чудо за чудомъ; въ особенности же Онъ прямо показываетъ неизмѣримо высокое самосознаніе; Онъ утверждаетъ, что Ему все предано Отцомъ Его небеснымъ и что Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Этотъ образъ кажется невѣроятнымъ для современнаго человѣка, склоннаго—все сверхъестественное относить къ области басенъ. Вслѣдствіе этого именно, Эдуардъ Гартманъ и говоритъ о «болѣзненно преувеличенномъ самочувствіи» у Иисуса. Если

для Іудеевъ Онъ былъ богохульникомъ, то для современныхъ людей—Онъ «сумасбродный мечтатель».—Даже многіе богословы соблазняются сверхъестественными чертами библейскаго Христова образа; но съ другой стороны у нихъ недостаетъ рѣшимости — совершенно отречься отъ Іисуса, какъ фантаста мечтателя; потому что въ ихъ душу слишкомъ глубоко запади впечатлѣнія отъ Его великой, святой личности. Ближайшимъ выходомъ изъ этого раздвоенія служить мнѣніе, что Іисусъ былъ просто человѣкъ и никогда не называлъ Себя ниспедшимъ съ неба Сыномъ Божиимъ; все сверхъестественное привнесено въ Его простой образъ повѣстическимъ творчествомъ церковной догматики. Главной заслугой современной теологіи считаютъ то, что она освободила образъ Іисуса отъ всѣхъ мистическихъ придатковъ и такъ его очистила отъ прикрасъ преданія, что мы теперь знаемъ Его такимъ, какимъ Онъ былъ въ дѣйствительности: въ Его всецѣло обыкновенной (schlichten) человѣчности и нравственной высотѣ. Вотъ въ этомъ только видѣ, какъ истинно историческомъ, и слѣдуетъ, говорятъ, проповѣдывать Христа. Въ немъ современное сознаніе уже не можетъ находить повода къ соблазну; напротивъ, въ своей обыкновенной человѣчности онъ только и можетъ проявить свое полное могущество, какъ недостижимый, вѣчно обязательный идеальный образъ истинной нравственности.

Въ этомъ именно смыслъ и понялъ свою задачу *Френсенъ*. Въ своемъ романѣ «Хиллигендей» онъ «изобразилъ жизнь Спасителя сообразно съ нѣмецкими изслѣдованіями». Здѣсь, въ образъ Іисуса, до основанія уничтожено все сверхъестественное, такъ что поистинѣ въ немъ не осталось уже никакого, даже и человѣческаго величія. Христось, по изображенію Френсена, до жалости маленькій человѣкъ: это — поверхностный и непредусмотрительный, мечтательный, эксцентричный, не обладающій ни ясными мыслями, ни отчетливыми образами, слабый, туда и сюда колеблющійся характеръ. Не обладая самостоятельностью

и рѣшительностью, Онъ дѣйствуетъ постоянно только подъ вліяніемъ окружающихъ его людей и отношеній: Онъ лишень всякаго умственнаго и нравственнаго величія. Онъ не обладаетъ ни цѣльностью, ни чистотой, ни силой характера... У всякаго мыслящаго человѣка здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ этотъ слабый человекъ могъ пріобрѣсти столь огромное всемірно-историческое значеніе? Опираясь на своихъ учителей, Френсенъ возвѣщаетъ намъ, что это заслуга Апостола Павла. Этотъ «великій, сильный, почти чудный мужъ» сначала гонитъ учениковъ Распятаго, потому что онъ съ пламенной ревностью ждетъ пришествія небснаго Мессіи, потомъ во время припадка эпилепсіи ему вообразилось, что онъ созерцаетъ Иисуса въ небсной славѣ Мессіи. Такимъ образомъ въ его воспламененномъ воображеніи то и другое сливается въ одинъ образъ: «добраго пастыря» (guten Heidemann) Иисуса, «ни единымъ словомъ, ни единымъ дѣломъ не возвышавшагося надъ обычнымъ уровнемъ человека», онъ облакаетъ въ блестящую царскую мантию своего божественнаго мессіанскаго образа,—и весь отрядъ сопровождавшихъ его очевидцевъ просто увлеченъ былъ его разсказомъ. Этотъ фантастическій нарядъ, надѣтый Павломъ на обыкновеннаго человѣка—Иисуса, Френсенъ теперь съ него и снимаетъ. Теперь ни для одного современнаго сознанія этотъ образъ уже не можетъ быть болѣе предметомъ сомнѣнія и соблазна. Френсенъ ожидаетъ, что начертанный имъ образъ Христа будетъ принятъ всѣми съ радостнымъ сочувствіемъ и произведетъ весьма сильное вліяніе на весь народъ: «онъ послужитъ основаніемъ для возрожденія нѣмцевъ».

Спрашивается: возможно ли итти по этому пути Френсена? Можно ли образъ Христовъ, начертанный «новѣйшей» теологіей, поставить на мѣсто библейскаго? Даже совсѣмъ оставляя безъ вниманія послѣдній существенный результатъ этого шага, необходимо отказаться отъ этого пути, какъ невозможнаго въ научномъ отношеніи; потому

что при настоящемъ состояніи научнаго изученія этого предмета, положеніе этого дѣла вовсе не такъ просто, какъ можетъ показаться это человѣку, мало освѣдомленному въ этомъ предметѣ. Всякій изучившій сюда относящуюся литературу знаетъ, что даже и такіе изслѣдователи, которые въ принципѣ согласны между собою, однакожь въ весьма важныхъ пунктахъ расходятся между собою; я напому здѣсь о противоположности между Вреде и Іоанномъ Вейсѣ. По этому-то <такого новѣйшаго образа Христа> еще нѣтъ въ дѣйствительности; существуютъ только различныя изображенія Его, начертанныя новѣйшими изслѣдователями. Но кому изъ нихъ нужно слѣдовать? кто изъ нихъ вѣренъ истинѣ? Уже и по этой причинѣ съ научной точки зрѣнія должна быть признана невыполнимой затѣя—<новѣйшій образъ Христа> поставить на мѣсто библейскаго.

Напротивъ, все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что, несмотря на всѣ разности въ частностяхъ, во всѣхъ евангеліяхъ Христосъ изображается совершенно одинаковыми чертами. Въ продолженіе десятилѣтій любили указывать на <историческаго Іисуса> трехъ первыхъ евангелистовъ, въ особенности Марка, въ противоположность <догматическому Христу> Іоанна. Но этотъ научный вымыселъ совсѣмъ отвергнуть даже въ лагерьѣ либеральныхъ богослововъ. Это составляетъ цѣнную заслугу Вреде и есть результатъ его сочиненія <Мессіанская тайна въ евангеліяхъ> ¹⁾. Іисусъ Синоптиковъ обнаруживаетъ такое же необычайно высокое самосознаніе, какъ Іисусъ Іоанна, съ тѣмъ только различіемъ, что тамъ вообще Онъ прикрываетъ его, какъ свою тайну, между тѣмъ какъ у Іо-

¹⁾ Вреде Вильямъ, евангелическій пасторъ, послѣдователь Ричля, Гарнака, Герм. Шульца, Эйхгорна, род. 10 мая 1859, † 1906 г. Главныя его сочиненія: Untersuchungen zum ersten aemensbriefe 1891; Das Messiasgeheimnis in den Evangelien 1901; Character и Tendenz des Iohannes evangeliums 1903; Paulus, 1905. *Прим. перев*

аяна оно ясно обнаруживается. Евангелія изображают намъ единый образъ Христа, напротивъ, «современной» теологіи еще не удалось начертать общепризнанный, не доступный для научныхъ возраженій образъ Иисуса ¹⁾. Такимъ образомъ и съ научной точки зрѣнія единственно правильнымъ можетъ быть признано слѣдующее: кто хочетъ познать личность Иисуса, тотъ долженъ обратиться къ Евангеліямъ, а не къ какому-нибудь «научному» образу Его.

При этомъ конечно нужно прежде всего обратить вниманіе на сверхъестественное. Но что же можетъ мѣшать этому? Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется догматизмомъ, когда къ личности І. Христа подходятъ съ напередъ составленнымъ предположеніемъ, что въ Немъ не можетъ быть ничего сверхчеловѣческаго. Это надобно изслѣдовать, а не предполагать. Возникаетъ вопросъ, есть ли возможность—изъ законченнаго изображенія единственной во всемірной исторіи Личности безъ затрудненія удалить сверхъестественныя черты, — не находятся ли онѣ въ неразрывной связи съ нею? Со времени Реймаруса ²⁾, фрагменты котораго изданы Лессингомъ въ 1774 году, употреблено было непомѣрное количество труда и усилій на то, чтобы создать чисто человѣчскій образъ Христа; но это не привело ни къ чему! Уже 12 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ положительнаго направленія богословъ *Кэллеръ* обнарудовалъ свое замѣчательное сочиненіе: «Такъ называемый историческій Иисусъ и библейско-историческій Хри-

¹⁾ Ср. Энци. Словарь Брокг. и Ефр., т. 74, стр. 704, ст. 2. *Прим. перев.*

²⁾ *Реймарусъ* (1694—1768) — нѣмецкій ученый, много писавшій по философіи и естественной исторіи; вліятельный представитель деизма. Для него единственнымъ божественнымъ чудомъ является твореніе; другія чудеса, по его ученію, противорѣчили бы божественной мудрости и совершенству. Упоминаемые здѣсь его „фрагменты“ носятъ заглавіе „Fragmente des Wolfenbüttelschen Ungenannten“. См. Энци. Слов. Брок. и Ефр. полут. 52, стр. 488—489. *Прим. перев.*

стость» и въ немъ подвергъ прямо-таки сокрушительной критикѣ «моду заниматься изображеніемъ жизни Іисуса» (Leben-Iesu-Bewegung). Теперь и въ лагерѣ критической теологіи Швейцерь пришелъ къ точно такимъ же результатамъ въ своемъ обстоятельномъ произведеніи: «Отъ Реймаруса до Вреде». И по его мнѣнію, вся теологія съ этими попытками «измѣрять І. Христа человѣческою мѣркою и объяснять человѣческою психологіей» находится на ложной дорогѣ; онъ протестуетъ «противъ умаленія личности Іисуса», какъ и противъ того, что «и до сихъ поръ все еще малюютъ новые искаженные портреты историческаго Іисуса». Оградно видѣтъ это согласіе въ чисто научномъ сужденіи у двухъ богослововъ, держащихся столь противоположныхъ направленій! Во всякомъ случаѣ на основаніи изслѣдованій настоящаго времени мы имѣемъ полное право сказать: изъ характера Іисуса, какъ Его изображаютъ намъ источники, удалить сверхъестественныя черты невозможно, не разрушая самого Его образа. Предварительно я покажу это на одномъ важномъ примѣрѣ. До сихъ поръ никому не удалось изъ историческихъ данныхъ изгладить слова и дѣла, свидѣтельствующія, что Іисусъ признавалъ Себя Мессіей. Но «раскрытіе и подтвержденіе Его мессіанства» (Келеръ) составляетъ главный предметъ рѣчи въ источникахъ. Отъ того-то самыя энергическія усилія, употребленныя Вреде для того, чтобъ доказать, что всѣ сверхъестественныя черты въ характерѣ Іисуса не могутъ быть признаны историческими,—не имѣли ни малѣйшаго успѣха ¹⁾. Это, по моему мнѣнію, неотразимо доказалъ Швейцерь. Вся исторія Іисуса Христа и первыхъ христіанъ превратилась бы въ совершенную загадку, если бы Іисусъ не признавалъ и не исповѣдывалъ Себя Мессіей. За что прежде всего Онъ былъ и распятъ, какъ не за исповѣданіе Себя Мессіей? И какъ объяснить то, что очевидцы Іисуса могли воишь повѣ-

¹⁾ Ср., тамъ же, стр. 705. *Прим. перев.*

рить Павлу и, подобно ему, увидѣть въ Иисусѣ Мессію? Ужъ не ради ли явленій воскресшаго? Но что человѣкъ могъ воскреснуть, это было почти общимъ вѣрованіемъ того времени; даже Иродъ вѣруеть, что въ Иисусѣ надобно видѣть воскресшаго Крестителя (Матѳ., 14, 2; Мр. 6, 16). Слѣдовательно одно воскресеніе еще не могло быть основаніемъ для вѣры въ Мессію. Предположеніе, что всѣ первенствующіе христіане всецѣло извратили «ученіе Христа» (*das Christenthum Christi*), есть историческая невозможность; поѣтому-то взглядъ Швейцера и нашель одобреніе у всѣхъ историковъ. Слѣд. необходимъ выводъ, что Иисусъ самъ признавалъ и исповѣдывалъ Себя Мессією. Относительно этого все болѣе и болѣе приходятъ къ согласію изслѣдователи критическаго направленія. Но тогда становится неизбѣжнымъ послѣдній выводъ: самосознаніе Иисуса стояло несравненно выше земной человѣческой мѣры. Уже Бруно Бауеръ ¹⁾ считаетъ «немыслимымъ, чтобъ между Іудеями появился человѣкъ и сталъ говорить: я—Мессія». Новѣйшія изслѣдованія подтвердили это мнѣніе: «мессіанской апокалиптикой, говоритъ Калтгофъ, имя Христа (Мессіи) было до такой степени возвеличено, что стало принадлежностью только героевъ, и усвоеніе его человѣческому индивидууму стало невозможнымъ». Если исторически не подлежитъ сомнѣнію, что Иисусъ признавалъ Себя Мессією, то необходимо Онъ долженъ былъ имѣть убѣжденіе въ томъ, что Онъ болѣе, чѣмъ просто естественный человѣкъ. Слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ изъ образа Его личности нельзя удалять сверхъестественныя черты, какъ историческія. Онъ восходятъ къ Самому Иисусу и потому не могутъ быть поэтическимъ вымысломъ первыхъ христіанъ. Поѣтому вопросъ здѣсь не въ томъ, заблуждались ли Его ученики, а въ томъ, заблуждался ли Самъ Иисусъ?

¹⁾ *Бруно-Бауеръ*—философъ гегеліанской школы и библейскій критикъ крайне радикальнаго направленія (1809—1882). О немъ и его сочиненіяхъ см. Энци. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 5, стр. 198.

Мнѣ думается, что этими предварительными замѣчаніями доказано, что намъ ничего другого не остается, какъ изображать характеристическія черты Иисуса Христа такъ, какъ онѣ изображены намъ въ библейскихъ источникахъ, если мы хотимъ итти впередъ дѣйствительно научнымъ путемъ. Какъ бы ни относились къ Его сверхъестественнымъ свойствамъ, но иного научнаго пути нѣтъ. И только тогда этотъ образъ рассматриваютъ въ его цѣлостности, можно ближе подойти къ вопросу: какъ надобно думать о Его сверхъестественности?

Что Иисусъ Христосъ есть Господь—это есть первоисповѣданіе членовъ первенствующей церкви. Не въ видѣ философа и изслѣдователя, не въ видѣ учителя и мудреца Онъ стоялъ передъ ихъ духовными очами, когда они вспоминали о Немъ, но въ видѣ царя, повелителя и властителя, не имѣющаго себѣ равнаго,—въ видѣ Господа господей и Царя царей. Этотъ образъ возникъ у нихъ не подъ впечатлѣніемъ только Его воскресенія изъ мертвыхъ; уже во время Его земной жизни Онъ былъ для нихъ Наставникомъ и Господомъ, какого никогда не было ни прежде Него, ни при Немъ, ни послѣ Него. Дайте возможность простымъ повѣствованіямъ, напримѣръ, евангелиста Марка дѣйствовать на вашу душу, и вы почувствуете, что здѣсь на насъ льется свѣтъ отъ Личности, обладающей несравненной силой и величіемъ, необычайной властью надъ людьми, надъ друзьями и врагами.

Это съ поразительной очевидностью открывается изъ отношенія къ Нему людей. Грубые, необразованные слуги не осмѣливаются наложить на Него руки: *никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ* (Іоан. 7, 46). Онъ выходитъ изъ мрака Геосиманскаго сада въ пространство, освѣщенное факелами—и предъ величіемъ и могуществомъ Безоружнаго отступаютъ назадъ вооруженные и падаютъ на землю (Іоан. 18, 5.6).—И это ис-

пытывали на себѣ не только простолюдины, но и знатные, и образованные люди. *Я недостойнъ, чтобъ Ты вошелъ подъ кровъ мой* (Матѣ. 8, 8), говорилъ въ смущеніи римскій сотникъ въ воротахъ Капернаума, когда очутился предъ лицомъ І. Христа. Даже гордые блюстители религіи чувствуютъ Его превосходство предъ ними; и книжники и фарисеи долго не находили въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы открыто вступить въ споръ съ Нимъ Самимъ; и никто изъ нихъ долго не могъ противостоятъ Ему: *и никто не могъ отвѣчать Ему ни слова; и съ того дня никто уже не смѣлъ спрашивать Его* (Матѣ. 22, 46). И кто не чувствуетъ,—хотя нигдѣ прямо объ этомъ и не говорится,—какъ во время суда надъ Нимъ всѣ Его судьи чувствовали въ своей душѣ смущеніе и неувѣренность—не только равнодушный ко всему и гордый римлянинъ Пилать, но и Каіафа, въ иныхъ случаяхъ столь находчивый и беспощадный? Связанный Іисусъ лишилъ своихъ судей внутренняго равновѣсія. Судьею былъ Онъ, а не они. Онъ господствовалъ надъ своими врагами.

Безпримѣрна Его власть надъ своими учениками. Какъ долго нужно было Ап. Павлу бороться за свой личный авторитетъ въ основанныхъ имъ церквахъ,—Іисусу же противиться никто не осмѣливается. Онъ призываетъ рыбаковъ отъ моря и Левія изъ его мытницы; единымъ повелѣніемъ: «слѣдуй за Мною» Онъ заставляетъ ихъ повиноваться Себѣ; они бросаютъ все, оставляютъ жену и дѣтей, семью и родину и слѣдуютъ за Нимъ. При этомъ ни на одно мгновеніе не оставляетъ ихъ глубочайшее, трепетное благоговѣніе передъ Нимъ; въ послѣднюю ночь предъ Его страданіями они не осмѣливаются даже съ вопросомъ обратиться къ Нему. Они чувствуютъ страхъ отъ Его рѣшимости (итти въ Іерусалимъ) и однакожь не могутъ удалиться отъ Него: *пойдемъ*, говорятъ, *и мы умремъ съ Нимъ* (Іоан. 11, 16).

Наконецъ, какъ велика Его власть надъ толпами народа! Тысячами онѣ бѣгутъ за Нимъ; ни на шагъ не

оставляют Его и идутъ съ Нимъ въ пустынные мѣста; онѣ забываютъ о домѣ и дѣтяхъ своихъ, о пищѣ и питьѣ; ихъ взоры прикованы къ Его устамъ; ибо Онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи (Матѣ. 7, 29). Правда въ неистовой ярости онѣ не разъ поднимали камни на смѣлаго Проповѣдника истинны (Іоан. 8, 59; 10, 31), разъ изгнали Его вонъ изъ родного города, чтобъ сбросить Его со скалы; но какъ только Онъ обнаружилъ предъ ними все могущество Своей личности,—смѣлость оставила ихъ: Онъ, *прошедши посреди ихъ, удалился* (Лук. 4, 28—30),—никто не осмѣлился и прикоснуться къ Нему. Даже въ Іерусалимѣ Онъ устремился навстрѣчу тысячамъ народа, говоря: написано: *домъ Мой домомъ молитвы наречется; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ* (Матѣ. 21, 12. 13; Марк. 11, 15; Іоан. 2, 3—17),—и отъ пламени Его святого гнѣва убѣжали продавцы и толпы покупателей. Въ томъ впечатлѣніи, какое Онъ производилъ на друзей и враговъ, на отдѣльныхъ людей и на толпы народа, отражается все могущество личности Іисуса; Онъ былъ Царь и Господь; поэтому-то и народъ хотѣлъ провозгласить Его царемъ.

Онъ господствовалъ надъ массами народа. Демагоги всѣхъ временъ могли достигать такой власти только посредствомъ лести и угожденія народной толпѣ, слѣдовательно при помощи внутренняго преклоненія передъ ней. Іисусъ Христосъ напротивъ и къ массамъ народа, и къ отдѣльнымъ личностямъ, надъ которыми онъ имѣлъ власть, относился совершенно *свободно и самостоятельно*. Не было между людьми никого, кто хоть когда-нибудь оказалъ на Него внутреннее вліяніе или далъ направленіе Его дѣятельности. *Что Мнѣ и тебѣ, жено?* (Іоан. 2, 4), говоритъ Онъ Своей Матери, и тѣмъ спокойно и энергично устраняетъ всякое вмѣшательство ея въ Его дѣятельность. Но несравненно суровѣе Онъ отвергаетъ благожелательный совѣтъ Петра—пожалѣть Себя, говоря: *отойди отъ Меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ; потому что ты думаешь*

не о томъ, что Божіе, но что человѣческое (Мѳ. 16, 22, 23). Даже Креститель своимъ исполненнымъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ вопросомъ: *Ты тотъ ли, который долженъ прійти, или ожидать намъ другого?* (Мѳ. 11, 3) не могъ возбудить въ Немъ поспѣшности. А когда восторженная толпа Его почитателей хотѣла возложить на Него царскій вѣнецъ, то Онъ удалился отъ нея (Іоан. 6, 15). Онъ ни Самъ не отступаетъ и никому другому не позволяетъ увлечь Себя съ однажды принятаго пути. Его самыя вѣрные друзья не имѣютъ никакой власти надъ Нимъ.

Такую же внутреннюю свободу обнаруживаетъ Онъ и въ Своихъ отношеніяхъ къ Своимъ врагамъ. Они сами засвидѣтельствовали о Немъ, говоря: *Ты не смотришь на лице человека* (Мѳ. 22, 16). Онъ не знаетъ никакого страха. Враговъ у него было много, слишкомъ много. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; Онъ велъ борьбу противъ всякой лжи и лицемерія, противъ всякаго грѣха и злобы людей, въ особенности же противъ лицемерія и злобы сильныхъ предводителей и развратителей народа. И они ненавидѣли Его всей злобой своего пламеннаго сердца. Но онъ не чувствовалъ страха предъ ними. Когда Онъ восходилъ во Іерусалимъ, Онъ зналъ, что тамъ ждетъ Его смерть, — однакоже Онъ рѣшился на этотъ шагъ и устоялъ въ своей рѣшимости съ непреклоннымъ мужествомъ и умеръ на крестѣ съ несокрушимымъ духомъ, не съ медленнымъ предсмертнымъ хрипѣніемъ, какъ хотѣлось бы Френсену, но съ громкимъ побѣднымъ кличемъ: *совершишася!* такъ что языческій сотникъ, стоявшій при крестѣ, думаетъ: ни одинъ человѣкъ такъ не умиралъ; *истинно человекъ сей былъ Сынъ Божій* (Мар. 15, 39).

Еще больше говорить въ пользу Его, какъ іудея, то, что онъ сохранилъ эту свою внутреннюю свободу и самостоятельность даже по отношенію къ авторитетамъ прошлаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что Онъ жилъ по Писанію и находился въ духовномъ общеніи съ великими людьми прошедшей исторіи Израиля; но и по отношенію къ нимъ

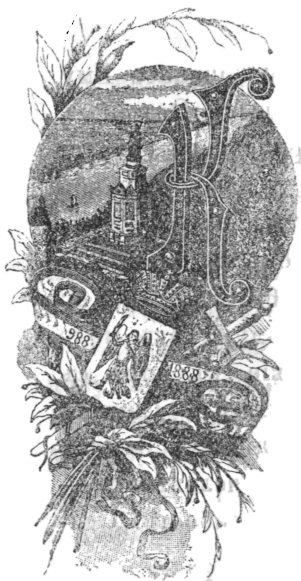
Онъ постоянно остается самимъ Собою. Онъ всегда исполнялъ законъ, такъ что никто не могъ указать Ему на дѣйствительное нарушеніе Имъ закона; но Онъ по отношенію къ нему держалъ Себя по царски свободно: *сынъ Человѣческой есть господинъ и субботы* (Марк. 2, 28). Преданіе не связывало Того, Кто въ нагорной проповѣди могъ противопоставить ему Свое могущественное: *а Я говорю вамъ* (Матѣ. 5. 21—44). Въ Его рукахъ все получаетъ совершенно новый видъ. Какъ, напримѣръ, измѣняется въ Его объясненіи представленіе пророковъ о Мессіи! Онъ всегда остается Самимъ Собою, всецѣло оригиналенъ и никогда не утрачиваетъ самостоятельности.

Поэтому-то попытка объяснить изъ «окружающей среды» Іисуса съ существеннѣйшими свойствами Его личности,—неизбѣжно должна оказаться безуспѣшной. Какими могли сдѣлаться люди подъ воздѣйствіемъ на нихъ наслѣдія прошлаго въ связи съ вліяніями настоящаго,—это мы видимъ на современникахъ Іисуса Христа. Политическое и духовное рабство было жребіемъ Іудеевъ. Въ левитизмъ и фарисеизмъ была задушена всякая свѣжая личная и нравственно-религіозная жизнь. Хотя прогремѣла въ пустынь проповѣдь Крестителя, но Іисусъ могъ получить отъ него не болѣе, какъ внѣшнее возбужденіе. Всякій почувствуетъ громадную разницу между Гласомъ вопіющаго въ пустынь и Сыномъ Человѣческимъ, если въ умъ своемъ поставитъ ихъ рядомъ. Іоаннъ былъ правъ, исповѣдавъ передъ всѣми: *я недостойнъ наклонившись развязать ремень обуви Его* (Мар. 1, 7; Лук. 37, 16). Іудея въ религіозно-нравственномъ отношеніи была мертвою, изсохшею страной! А объ родинѣ Его теперь только и слышно было: *изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?* (Іоан. 1, 46). Даже Его семейные, Его братья не вѣрятъ въ Него (Мар. 3, 21. 31). Немного лучше были въ этомъ отношеніи и Его избранные ученики; какъ Онъ долженъ былъ скорбѣть душою при видѣ ихъ духовной тупости: *столько времени Я съ вами, и ты не знаешь*

Меня (Иоан. 14, 9). Не было у Него ни равнаго Ему предшественника, ни помощника, на которыхъ Онъ могъ бы опереться въ Своей дѣятельности. При своемъ величїи Онъ былъ совсѣмъ одинокъ, опираясь только на Себя Самого и на свою собственную личную силу. Только разъ— въ Геесиманїи,—Онъ чувствовалъ потребность въ молитвенной поддержкѣ Своихъ учениковъ (Мѡ. 26, 38; Мр. 14, 34); но они оказались неспособными къ этому. Такъ мало было привычно для нихъ Его обращенїе къ нимъ съ просьбою о помощи. Всегда Онъ былъ всецѣло Самимъ Собою и только Самимъ Собою—въ глубочайшемъ смыслѣ одинокимъ! Иисусъ былъ самымъ одинокимъ человѣкомъ— и однакожъ Онъ никогда не обнаружилъ слабости. Одиночество не подавляетъ Его.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскїй.

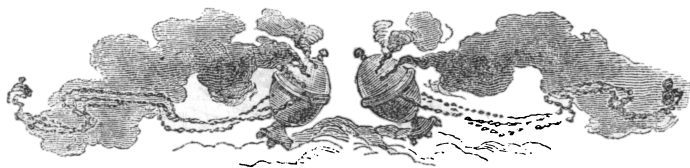
(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕСТЬЯНИНЪ - ХРИСТІАНИНЪ.

Снаружи неблестящъ смиренный нашъ мужикъ...
Но въ сѣлахъ родилось отъ этихъ-отъ крестьянъ
Не малое число великихъ христіанъ
И очень много тѣхъ, къмъ русскій край великъ!
Не презирай простой, сырой и сѣрой глины:
Изъ глины родились сафиры и рубины.

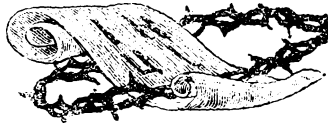
В. К. Недзвецкій.

De mortuis aut bene, aut nihil.

Усопшихъ не кляни! Неузавимъ ихъ духъ,
Небеснымъ онъ живетъ и къ гнѣву смертныхъ глухъ.
Усопшихъ вспоминай! Ихъ мысли и дѣянья
Старайся сохранить—потомству передать...
Не мы, — ...Пускай оно захочетъ награждать
Непонятыхъ людей за подвигъ и страданья.
Усопшихъ не забудь! Хоть умерли они,
Но полное любви твоё воспоминанье
Въ церквахъ... среди друзей, въ торжественные дни
Ихъ образъ воскресить живущимъ въ назиданье!

В. К. Недзвецкій.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Братъ! Какъ бы ни была тобою жизнь любима,
Но истина тебѣ становится ясна,
Что наша жажда жить во вѣкъ неутолима,—
Ей сколько ни давай, все держится она...
И жизнь тебѣ нужна, и смерть необходима!

В. К. Недзвецкій.

Ultimum refugium.

Промчались юные года,
Когда не чудилась бѣда,
И не вились надъ головой
Вопросы скорби міровой.
Теперь все измѣнилось вдругъ:
Болитъ душа, темно вокругъ,
И всѣ заказаны пути,
Какими думалось итти;
Свободна лишь дорога въ храмъ...
Настало время испытать,
Что можно на землѣ достать
Покой, забвенье только тамъ!

В. К. Недзвецкій.

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ¹⁾.

III.

Сдѣлавшись священникомъ, Аввакумъ со всѣмъ жаромъ предался своему дѣлу. По своему темпераменту онъ былъ человѣкомъ, ненавшимъ полумѣръ и неспособнымъ остановиться на подорогѣ—ведеть ли она къ добру или худу. Преданный всей душой русской старинной церковности, онъ явился ревностнымъ совершителемъ богослуженій. Вотъ отрывокъ изъ письма Аввакума къ Борису съ братіей, гдѣ онъ рассказываетъ о совершеніи имъ церковныхъ службъ.

«Егда вечерню съ повечерницею отпою, послѣ ужины правило начну: повечерницу, 14 каноновъ Ісусу и акаѳистъ съ кандаки екосы: *Воду прошедъ* и ангелу, и тропари каноновъ и молитвы: та же *Достойно*,—трисвятое и *Нескверную*, и еще трисвятое, и *Дажь намъ*, и рядомъ *Боже вѣчный* и всѣ молитвы спальные, и отпустить, и *Ослаби остави* вмѣсто прощенія, и *ненавидящихъ*; то же 30 поклоновъ за живыя и за мертвыя. *Благословлю*, да и распущу черемошь. Паки начинаю начало правила покловному: *Боже очисти* мя и молитвы, и, проговора *Върую*, и огонь погасимъ, да и я, и жена, и иные охотники ну же предъ Христомъ кланятися въ потембахъ тѣхъ: я 300 поклоновъ, 600 молитвъ Ісусовыхъ, да сто Богородицъ, а жена 200 поклоновъ, да 400 молитвъ, понеже ро-

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Читенія* 1910 г.

бятки у нее пищать... Довершилъ правило, прощенія проговора, да и спать взвалюсь—одинъ я спать. Когда обѣдню пою, тогда апасно сплю: самъ добуду огня, да книгу чту. Егда время приспѣеть заутрени, не сирашиваю пономаря: самъ пошелъ благовѣститъ. Пономарь прибѣжить. Отдавъ колоколь, пошедъ въ церковь, и пачну полунощницу: докамѣсть сходятся клирошана, а я и проговорю въ тѣ поры. Прощаются, ино Богъ проститъ; а который дуруетъ, тотъ на чепь добро пожаловать: не радувай уса—тово у меня. Таже заутрениа на всякъ день, съ каждениемъ по чиву и чтение 4 статей, и въ воскресный день 6 статей: по данной мнѣ благодати толкую чтучи. Въ рядовые дни заутрениа 4 часа, а въ поліелее 5 часовъ, а въ воскресенье все-нощное 10 часовъ. Послѣ заутрени причастное правило. Чась говорю самъ; а церковное пѣніе самъ же чту и пою,—единогласно и на рѣчь пою, противъ печати слово въ слово... И отпѣвъ обѣдею, чась поученіе чту. И послѣ обѣдни чась поученіе чту, сидя одинъ. А обѣдню, прости, плачучи служу, всякую рѣчь въ молитвахъ разумно говорилъ, а иную молитву и дважды проговорю; не спѣшилъ изъ церкви бѣжать,—послѣ всѣхъ волокусъ¹⁾.

Такой же неутомимый онъ былъ и въ дѣлѣ проповѣди. «Не почивая, азъ грѣшный прилежа во церквахъ и въ домѣхъ и на распутяхъ, по градомъ и селамъ... проповѣдуя и уча слову Божію»²⁾. «Мнѣ веть неколи плакать», писалъ онъ впоследствии изъ Пустозерской тюрьмы: «всегда играю съ человекѣи, таже со страстями и похотями бьюся окаянный. Въ нощи что посберу, а въ день разсыплю»³⁾.

Не менѣе онъ былъ строгъ къ себѣ въ нравственномъ отношеніи. Аввакумъ бичевалъ свою плоть за всякое проявленіе своей слабости. Однажды пришла къ нему на исповѣдь дѣвица, «обремененная многими грѣхами блудодѣ-

1) Мат. по Истор. Раск., т. 8, стр. 90—92.

2) Мат. V, 10.

3) Т. VIII, 88.

янія», и съ плачемъ ему покаялась. Слушая ея исповѣдь, Аввакумъ почувствовалъ, что онъ самъ «треокаянный врагъ разболѣлся», его охватила страстная похоть. Тогда онъ зажегъ на аналоѣ три свѣчи и держалъ надъ пламенемъ руку, пока угасло «злое разжженіе».—Придя домой, онъ плакался предъ образомъ Господнимъ, «яко и очи опухли, и молился прилежно, да отлучить его Богъ отъ дѣтей духовныхъ: понеже бремя тяжко, неудобно-носимо».

А вотъ и другой случай, не менѣе замѣчательный. Однажды, уже живя въ Москвѣ, по возвращеніи изъ ссылки въ Сибирь, Аввакумъ пришелъ домой страшно разстроенный послѣ споровъ и шума о вѣрѣ, въ школѣ Ртищева. Узнавъ, что его жена и работница поссорились, прибѣлъ ту и другую. Но когда Аввакумъ созналъ свою вину, то легъ посреди пола и велѣлъ всѣмъ своимъ чадамъ и домочадцамъ бить его, а самъ говорилъ: «иже мя не біеть, не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ». «Человѣкъ съ двадцать было народу у него въ домѣ, и всѣ били его».

Строгій къ себѣ до самобичеванія Аввакумъ требовалъ того же и отъ своихъ пасомыхъ. «Давидъ глаголетъ», писалъ онъ своимъ послѣдователямъ: «седмижды днемъ хвалихъ тя о судьбахъ правды твоея. Сирѣчь: въ суткахъ всякому подобаетъ вечерня, повечерница, правило, полунощница, утреня, часы, литургія. Да онъ же говоритъ: полунощи востахъ исповѣдаться о судьбахъ правды твоея. Сверхъ церковныхъ правилъ и намъ подобаетъ вставать ночью и плакаться о грѣсѣхъ»¹⁾...

«Люблю я правило nocturnum», говоритъ онъ Морозовой, и старое пѣніе. А буде обленитиши на nocturnum правило, тотъ день окаянной плоти и ѣсть не давай. Не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ея подавлять»²⁾.

Для побужденія къ исполненію нравственныхъ правилъ

¹⁾ Мат., т. V, стр. 319.

²⁾ Ibid., 171.

Аввакумъ не стѣснялся употреблять и болѣе радикальныя мѣры, въ родѣ тѣлесныхъ наказаній. Уже въ приведенномъ отрывкѣ о богослуженіи это выражается ясно: «ино Богъ проститъ, а который дуруетъ, тотъ на чепь добро пожаловать». Нерѣдко Аввакумъ вразумлялъ непокорныхъ четками, шелепомъ, сажалъ въ подвалъ и т. п.

Такъ воспитывалъ себя Аввакумъ среди суровой аскетической жизни, закалялъ свою душу и вырабатывалъ непреклонную волю, непривыкшую уступать никому и ничему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Аввакумъ заступался за слабыхъ и угнетенныхъ, входя въ конфликтъ съ властями того времени.

У какой-то вдовы начальникъ отнялъ дочь. Аввакумъ умолялъ его возвратить сироту матери. Но начальникъ поднялъ цѣлую бурю. Явившись съ толпой народа, онъ избилъ Аввакума у самой церкви, такъ что тотъ около полу-часа лежалъ безъ признаковъ жизни. Испугавшійся начальникъ отдалъ было дочь вдовѣ, но потомъ, должно быть, пожалѣлъ и снова страшно избилъ Аввакума, волоча его въ ризахъ по землѣ.

Въ другой разъ какой-то начальникъ прибѣжалъ въ домъ Аввакума, билъ его и кусалъ ему руку, пока ротъ наполнился кровью.

Вѣрный себѣ Аввакумъ завязалъ руку платкомъ и пошелъ къ вечернѣ. Начальникъ не унялся, хотѣлъ было застрѣлить Аввакума, но изъ обѣихъ пищалей получилась осѣчка. Видя, что этимъ не проймешь Аввакума, начальникъ отнялъ у него дворъ, а самого ограбивъ выгналъ безъ куска хлѣба на улицу. У Аввакума тогда только что родился младенецъ. «Азъ же взявъ клюшку, а мати некрещеннаго младенца, побрели, аможе Богъ поставитъ, и на пути крестили».

Такъ доплелись они до Москвы.

Въ Москвѣ Аввакума пріютилъ царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и протопопъ Казанскаго собора Иванъ Нероновъ.

Вѣроятно, эти лица знали Аввакума раньше, такъ какъ приходъ послѣдняго былъ въ патриаршей области, и Аввакуму, несомнѣнно, приходилось бывать въ Москвѣ. «Можетъ быть, Аввакумъ еще на родинѣ познакомился съ своими будущими друзьями.

Онъ могъ посѣщать Макаріевскій Желтоводскій монастырь, гдѣ познакомился съ Иларіономъ, потомъ архіепископомъ Рязанскимъ, съ священникомъ села Кирикова Ананіей (въ инокахъ Антоній), съ сыномъ его Иларіономъ, потомъ митрополитомъ суздальскимъ, женатымъ на Ксеніи, сестрѣ еп. Павла Коломенскаго. Ананія былъ духовникъ Ивана Неронова, который не малое время жилъ въ селѣ Лысковѣ.

Наконецъ въ 15 верстахъ отъ родины Аввакума находилось село Вельдеманово,—родина патриарха Никона¹⁾.

Эти высокіе покровители вполне были единомысленны съ Аввакумомъ и такіе же ревнители древняго благочестія.

Они познакомили его даже съ царемъ и выхлопотали ему грамоту, утверждающую его на прежнемъ мѣстѣ.

Аввакумъ вернулся назадъ, найдя на мѣстѣ своего дома одно печальное разореніе.

Но не долго былъ Аввакумъ въ Лапатацахъ.

Какъ-то разъ пришли въ это село скomorохи съ медвѣдями, бубнами и масками. «Ревнуя по Христу²⁾», разогналъ Аввакумъ скomorоховъ, маски и бубны поломалъ, а двухъ большихъ медвѣдей отнялъ и выпустилъ въ поле. Въ это время по Волгѣ плылъ бояринъ Шереметевъ на воеводство. Очевидно, народъ не преминулъ пожаловаться на самоуправство Аввакума. Шереметевъ позвалъ его къ себѣ на судно и много бранился, а подъ конецъ велѣлъ благословить своего сына Матѳея, который, подражая модѣ,

¹⁾ Бороздинъ. Прот. Аввак., стр. 3.

²⁾ *Примѣчаніе.* Подъ вліяніемъ Стефана Вонифатьева былъ въ 1648 году изданъ указъ, запрещающій водить медвѣдей, а также ходить скomorохамъ съ гуслими и волынками—и всякихъ бѣсовскихъ игрищъ не творить. Бороздин., стр. 6.

былъ обрить. Увидѣвъ на немъ «блудолюбивый образъ», Аввакумъ не далъ благословенія и даже «порицалъ отъ Писанія». Вспылившій Шереметевъ велѣлъ было бросить священника въ Волгу. Хотя это приказаніе и не было исполнено, но все же обличителя проводили съ судна побоями.

Черезъ нѣсколько времени снова какой-то представитель власти вооружился на Аввакума. Приѣхавъ съ людьми къ его двору, онъ стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей, такъ что Аввакумъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ изъ дому. Наконецъ ревностнаго Аввакума изгнали вторично. Опять Аввакумъ приволокся къ Москвѣ, и на этотъ разъ царь велѣлъ опредѣлить его въ протопопы въ Юріевецъ-Повольскій.

Но и тутъ былъ протопопъ недолго: всего 8 недѣль. Долгія службы, суровыя обличенія, строгія требованія и стремленія подчинить всѣхъ своей волѣ, ради благочестивой жизни, подняли противъ него весь городъ. Однажды до полуторы тысячъ человекъ—поповъ, мужиковъ и бабъ, съ рычагами собрались къ патріаршему приказу, гдѣ Аввакумъ разбиралъ духовныя дѣла. Протопопа вытащили, били батажьемъ и рычагами, топтали ногами, такъ что прибывшій воевода съ пушкарями едва отбилъ его у разъяренной толпы. Двое сутокъ охраняли пушкари его домъ, а народъ страшно волновался, особенно «бабы, которыхъ унималъ отъ блудни». Толпа ходила по городу и приступала къ дому съ криками: «Убить его, б... на сына, да и тѣло собакамъ кинуть».

«Люди слабые изнемогаютъ подъ ударами несчастій, люди сильные только укрѣпляются или ожесточаются ими и до послѣдней степени напрягаютъ свою энергію для борьбы съ преградами»¹⁾.

Аввакумъ не палъ духомъ, но, оправившись на третій день, снова бѣжалъ въ Москву. Однако, его друзья и самъ царь были недовольны его бѣгствомъ изъ Юрьевца.

¹⁾ Прав. Соб., 1869 г., ч. 2-я, стр. 31. Ивановскій. Прот. Аввакумъ.

«Туть опять кручина», рассказывает Аввакумъ въ своей автобіографіи, «а жена и дѣти, и домочадцы, чело-вѣкъ съ двадцать — въ Юрьевцѣ остались, — невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты. Туть паки горе!»

Впрочемъ, дѣло уладилось, и Аввакумъ остался въ Москвѣ. Онъ теперь сталъ помогать служить протопопу Казанскаго собора Ивану Неронову.

Затѣмъ прибыла въ Москву и семья Аввакума.

Теперь для Аввакума началась болѣе широкая и извѣстная дѣятельность. Означенные московскіе протопопы были ярые ревнители древняго благочестія, защитники русскихъ старозавѣтныхъ идеаловъ, неодобрительно смотрѣвшіе на новшества въ обществѣ, какъ признаки нравственнаго упадка. Недаромъ же Ивана Неронова его почитатели называли «вышестественнымъ, равноапостольнымъ, по церкви Христовой крѣпкимъ поборникомъ». Аввакумъ какъ нельзя лучше подходилъ къ нимъ. Около этихъ протопоповъ группируется теперь уже цѣлый кружокъ. Въ составъ его входили: костромской протопопъ Даниилъ, изгнанный за то же, что и Аввакумъ; муромскій протопопъ Лонгинъ, попы: Романскій Лазарь и Суздальскій Никита; къ нимъ присоединился и ученый діаконъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ. Во главѣ этого кружка стояли: царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и Иванъ Нероновъ.

Начались въ Казанскомъ соборѣ длинныя богослуженія, горячія проповѣди. Церковь часто не вмѣщала собравшагося народа.

Здѣсь же зазвучали суровыя, но возбуждающія проповѣди Аввакума. Самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ покровительствовалъ этому кружку. Ихъ авторитету подчинялся даже патріархъ Іосифъ. Аввакуму «такъ любо было у Казанской», что онъ отказался отъ предложеннаго ему было мѣста во дворцовомъ храмѣ у Спаса «за Золотой Рѣшоткой».

Тишайшій и любитель церковности царь Алексѣй Ми-

хайловичъ плѣнился религіозностью Аввакума, часто видѣлся съ нимъ и душевно бесѣдовалъ.

«Любляше бо царь», говоритъ Семень Денисовъ, «благоревностнаго Аввакума и почиташе его за доброе житіе его»¹⁾.

Его почитала также и царица, у которой служили два Аввакумовыхъ брата, а одинъ изъ нихъ, Герасимъ, былъ даже священникомъ въ дворцовой церкви.

Все это создавало видное положеніе для Аввакума.

Но расцвѣтъ дѣятельности этого кружка совпалъ съ знаменательной эпохой Русской церкви, именно съ исправленіемъ церковныхъ книгъ и обрядовъ патриархомъ Никономъ.

Въ 1652 г. скончался патриархъ Іосифъ, и на патриаршій престолъ былъ избранъ Никонъ «собинный другъ царя». Онъ до патриаршества былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Вонифатьева и даже сходилъ съ нимъ во взглядахъ. Но, достигнувъ власти патриарха, Никонъ окружилъ себя пышностью и недоступностью и безцеремонно-сурово расправлялся съ ослушниками его приказаній. Еще будучи митрополитомъ въ Новгородѣ, онъ усмирилъ мятежь, когда его избili до того, что онъ кашлялъ кровью и едва не умеръ. Это показало, «что онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые не могутъ ничѣмъ поступиться и готовы итти на всякія страданія за свое дѣло».

«Но въ то же время люди, ему подобные, бываютъ часто способны и на сильнѣйшій деспотизмъ. Новгородцы жаловались, что Никонъ чинилъ многія неистовства и смуту въ мірѣ великую» (Вороздинъ. Прот. Аввакумъ, стр. 49).

Высокомѣріе новаго патриарха весьма оскорбило его

¹⁾ Виноградъ Россійскій. Сост. Семень Денисовъ. Прилож. къ журн. „*Старобридецъ*“. 1906 г. Моск. № 17.

прежнихъ друзей изъ Вонифатьевского кружка, что они и высказали при удобномъ случаѣ ¹⁾.

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ усердно занялся церковной реформой. Въ богослужебныя книги тогда дѣйствительно вкралась масса ошибокъ и описокъ. Равно тѣмъ же страдали и обряды и во многомъ разнились отъ обрядовъ и молитвословій греческихъ восточныхъ церквей.

Пріѣзжавшіе тогда въ Москву греческіе іерархи указывали Никону на эти разности въ книгахъ и обрядахъ между церквами востока и Россіи. Никонъ рѣшилъ дѣло исправленія, которое велось и при прежнихъ патріархахъ, довести до конца. Но, какъ человѣкъ горячій и неуступчивый, Никонъ слишкомъ круто повернулъ дѣло. Любя греческіе обряды, онъ желалъ во всемъ съ ними быть единообразнымъ и въ основу исправленій положилъ чины и обряды церкви греческой и западно-русской. Прежніе справщики были удалены съ печатнаго двора, ихъ замѣнили знающіе греческій языкъ—Епифаній Славинецкій, архимандритъ Иверскаго Аѳонскаго монастыря Діонисій и друг. Близкое участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ Арсеній грекъ, человѣкъ подозрительной нравственности и еще болѣе подозрительной вѣры, которую онъ мѣнялъ, судя по тому, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Понятно, что всѣ эти новшества Никона возбуждали сильное порицаніе со стороны ревнителей древняго благочестія, почитателей старинныхъ книгъ, «каковыми великіе святыя благоугодиша Богу».—Это покровительство грекамъ, это довѣріе тѣмъ, которые «подъ властью мусульманъ потеряли православіе» — было непростительно въ очахъ ревнителей святой старожитности. Въ центрѣ ихъ, конечно, стояла мощная личность Аввакума, этого, по выраженію Соловьева, «протопопа богатыря» ²⁾.

¹⁾ См. объ этомъ дальше: слова Неронова по поводу разстриженія Никономъ попа Лонгина.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Сиб., 2 изд., книга 3-я, т. XI—XV, стр. 787.

Его богато-одаренная натура, его сила воли и необыкновенная ревность къ старинѣ и церковности возвышали его надъ всѣми его единомышленниками.

«Одно только лицо», говоритъ проф. Ивановскій, «равнялось съ нимъ по силѣ и природнымъ дарованіямъ,—это Никонъ, другой богатырь въ саккосѣ и патріаршей митрѣ»¹⁾.

Мы видимъ, насколько разошлись они въ отношеніи къ церковнымъ книгамъ и обрядамъ. Два богатыря сошлись, двѣ силы встрѣтились, готовился неминуемый бой, не на жизнь, а на смерть.

Скоро онъ дѣйствительно и начался.

Въ 1653 г. патріархъ разослалъ память (указъ), чтобы Великимъ постомъ, при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина, клали вмѣсто 17 земныхъ поклоновъ 4 большихъ и 12 малыхъ; равно бы и крестились 3-мя перстами, а не двуперстно, какъ было установлено на Стоглавомъ соборѣ. Не трудно понять, какое вызвалъ броженіе этотъ указъ въ Нероновскомъ кружкѣ. «Мы же задумались», рассказываетъ своимъ образнымъ языкомъ Аввакумъ, «сошедшия между собою: видимъ, яко зима хочетъ быти—сердце озябло, и ноги задрожали».

Григорій Нероновъ ушелъ даже въ Чудовъ монастырь, гдѣ молился цѣлую седмицу, «и тамъ ему отъ образа гласъ бысть, во время молитвы: Время приспѣ страданія! Подобаеть вамъ неослабно страдати!».

Между тѣмъ Аввакумъ съ Даниломъ составили «выписку» о крестномъ знаменіи и поклонахъ и подали царю. Это не могло пройти такъ протестовавшимъ.

Немного спустя, Никонъ велѣлъ разстричь попа Лонгина по ложному доносу, будто онъ похуляетъ иконы. Нероновъ горячо вступился за друга и высказалъ Никону все, что у него накипѣло на сердцѣ.

«Прежде», говорилъ онъ, «ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были,

¹⁾ *Прив. Соб.*, 1869 г., ч. II, стр. 20.

и на домъ ты къ протопопу Стефану прѣвзжалъ, и о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ и не прикословилъ нигдѣ... а нынѣ у тебя тѣ-же люди недостойны стали, и протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ?.. ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи ихъ пріемлешь. Нынѣ у тебя то и святые люди: гречани и изъ малыя Русіи».

Нероновъ жестоко поплатился за это. Патріархъ лишилъ его скуфыи и, послѣ заключенія въ Симоновомъ монастырѣ, сослалъ въ Вологду въ Спасо-Каменный монастырь. Точно также протопопа Данила разстригъ и отправилъ въ Астрахань.

Между тѣмъ Аввакумъ поссорился съ попами Казанскаго собора, которые не стали давать ему читать и рассердились за то, что онъ въ поученіяхъ «много лишняго говорилъ». Очевидно, порицалъ распоряженія патріарха и властей.

Тогда оскорбленный Аввакумъ ушелъ изъ собора и на дворѣ у Неронова, въ сушилѣ, сталъ служить по старому чину, говоря: «иное де время, и конюшня иныя церкве лучше».—Но Казанскіе попы, не стерпѣвъ того, что Аввакумъ отучилъ народъ отъ ихъ собора, донесли объ его дѣйствіяхъ патріарху.

И вотъ 13-го августа 1653 г., въ субботу, когда Аввакумъ собрался съ братією въ сушилѣ «побдѣти о Господѣ», явился вдругъ патріаршій бояринъ, Борисъ Нелединскій, со стрѣльцами.

Нелединскій книги топталъ, братію перехватили (человѣкъ до 40) и самого Аввакума били взапой, драли за волосы въ епитрахили и отвели въ патріаршій приказъ, гдѣ приковали на цѣпь. Отсюда утромъ отвезли его въ Андроньевъ монастырь и посадили на цѣпи въ погребѣ. Три дня сидѣлъ онъ тутъ безъ пищи;—«никто ко мнѣ не приходилъ», пишетъ онъ, «только мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно».

На третій день, когда Аввакумъ былъ особенно голоденъ, кто-то тайно принесъ ему поѣсть шей и хлѣба.

Этотъ таинственный посѣтитель показался Аввакуму не то ангеломъ, не то человѣкомъ.

На четвертый день протопопа вывели изъ погреба. Архимандритъ съ братіей увѣщавали его покориться патріарху... «а я отъ писанія его браню, да и лаю!»

Не убѣдивъ упрямаго протопопа, который теперь сознавалъ себя мученикомъ за вѣру, монахи отдали его подъ началъ чернецу, который на цѣпи волочилъ его въ церковь. «У церкви за волосы деруть и подъ бока толкають, за цѣпь трогаютъ и въ глаза плюють. Богъ ихъ проститъ и въ сей вѣкъ, и въ будущій! Не ихъ то дѣло, но самого лукаваго»—писалъ Аввакумъ.

Четыре недѣли сидѣлъ здѣсь протопопъ. Водили его и въ патріаршій приказъ, на допросъ о челобитной на Никона. При этомъ «архидіаконъ со мною стязався и, побрая меня матери, велѣлъ паки отвести въ Андроньевъ монастырь».

Наконецъ Никонъ рѣшилъ принять противъ упорнаго протопопа радикальныя мѣры. 15-го сентября Аввакума привезли на телѣгѣ къ соборной церкви и хотѣли разстригать. Но мягкосердечный государь, вполне предавшійся своему другу Никону, все же не порвалъ своей привязанности къ старинѣ и все еще любилъ въ душѣ ревностнаго протопопа. Ему жаль стало Аввакума, онъ сошелъ съ своего мѣста и, подойдя къ патріарху, упротилъ его не лишать Аввакума священства. Черезъ нѣсколько дней пришелъ указъ отправиться Аввакуму въ ссылку въ Тобольскъ.

IV.

Теперь для Аввакума начался новый періодъ въ его жизни. Прежде онъ былъ простымъ обличителемъ пороковъ—теперь онъ обличитель ересей. Его гонять и преслѣдуютъ за то, что онъ не согласился оставить старыя книги и древніе обряды, т.-е. «прежнее благочестіе», что,

какъ уже было замѣчено выше, отождествлялось съ самой вѣрой.

Значить, онъ мученикъ, онъ страдалецъ за старую вѣру, которую теперь извращаетъ Никонъ съ гречанами. Это возвышало Аввакума и въ его собственномъ сознаниі, и въ глазахъ его единомышленниковъ.

Бѣды еще больше закаляли Аввакума, еще сильнѣе заставляли его любить свои идеалы, служить имъ. Онъ всталъ теперь твердо и безповоротно на путь страданія «за древнее благочестіе» и его защиты.

Тяжко было странствованіе Аввакума. Пришлось ѣхать 13 недѣль. Протопопица дорогой родила, и ее больную везли въ телѣгѣ. Но эта ссылка протопопа послужила только къ распространенію раскола. Онъ всюду проповѣдовалъ о томъ, какъ патріархъ вводитъ новую вѣру и всякія ереси на Руси. Его слово было особенно убѣдительно, потому что народъ видѣлъ передъ собою человѣка, который, дѣйствительно, дѣломъ и словомъ проповѣдовалъ старую вѣру, страдалъ за нее. Гдѣ еще ничего не знали о московскихъ исправленіяхъ книгъ, теперь были предупреждены о вновь явившейся ереси.

Въ Тобольскѣ Аввакумъ встрѣтилъ сочувствіе со стороны тамошняго епископа Симеона, придерживавшагося старины. Онъ даже далъ протопопу мѣсто у одной церкви, что было чрезвычайно выгодно для пропаганды Аввакумомъ своихъ идей. Но скоро здѣсь у протопопа начались бурныя столкновенія съ мѣстными жителями. Однажды, во время отсутствія архіепископа, дьякъ послѣдняго, Иванъ Струна, напалъ на дьячка Аввакумовской церкви и «мучить напрасно похотѣлъ». Дьячекъ спасся бѣгствомъ въ церковь, гдѣ Аввакумъ пѣлъ вечерню. Струна съ толпой народа побѣжалъ и сюда и вцѣпилъ было дьячку въ бороду. Тогда Аввакумъ бросилъ пѣть вечерню, заперъ двери, не пустивъ прибѣжавшихъ людей со Струною, посадилъ послѣдняго на полъ и «за церковный мятежъ постегалъ его нарочито—таки». Принявъ покаяніе отъ Струны, от-

пустилъ его домой. Родные Струны подняли противъ Аввакума весь городъ, ночью ломились къ нему въ домъ и хотѣли утопить его. Цѣлый мѣсяцъ прятался Аввакумъ отъ своихъ раздраженныхъ враговъ. Наконецъ пріѣхалъ архіепископъ, нашелъ Аввакума правымъ, а Струну посадилъ на цѣпь.

Дьякъ какъ-то ушелъ съ цѣпи и донесъ воеводамъ на Аввакума «слово и дѣло государево». Тогда архіепископъ, посовѣтовавшись съ Аввакумомъ, избралъ другой родъ наказанія и въ недѣлю православія предалъ дьяка проклятю въ церкви. Узнавъ объ этомъ, боярскій сынъ Бекетовъ пришелъ въ церковь и бранился на архіепископа и Аввакума, но вдругъ умеръ скоропостижно, на дорогѣ изъ церкви.

Тогда архіепископъ съ Аввакумомъ приказали оставить его трупъ на улицѣ собакамъ три дня, «да граждане оплачутъ согрѣшеніе его». Только черезъ три дня владыка и Аввакумъ «честнѣ погребли тѣло его».

Ради приведенія къ благочестію и «крѣпости нравовъ» Аввакумъ и здѣсь употреблялъ иногда насилія и тѣлесныя наказанія.

Разъ явился къ нему пьяный монахъ и сталъ кричать: «учителю, дай мнѣ царство небесное».—Когда онъ порядочно понадоѣлъ протопопу, послѣдній позвалъ его въ домъ и спросилъ: «можешь ли пить чашу, которую я тебѣ поднесу?» Монахъ отвѣтилъ, что можетъ. Тогда Аввакумъ прочиталъ ему отходную, велѣлъ положить голову на столъ, а пономарь такъ-то хватилъ монаха толстымъ канатнымъ шелепомъ по шеѣ, что съ искателя царства небеснаго мигомъ соскочилъ хмель, и онъ сталъ просить пощады.

Тогда Аввакумъ, въ видѣ эпитеміи, велѣлъ положить ему полтора ста поклоновъ, при чемъ пономарь сзади оживалъ его шелепомъ. «Да ужъ насилу дышать сталъ»—говоритъ Аввакумъ,—«такъ то его употчивалъ пономарь. Вижу я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его

пустили отдохнуть и дверь не затворили. Бросился онъ изъ сѣней, да и черезъ заборъ, да и бѣгомъ». Съ тѣхъ поръ монахъ всегда кланялся протопопу въ землю, да и своего архимандрита и братію началъ почитать.

Но иногда такіа средства исправленія не достигали желанныхъ результатовъ.

Одинъ разъ протопопъ засталъ въ грѣхѣ прелюбодѣнія мужчину съ женщиной. Онъ сталъ ихъ обличать, а они отпираться отъ своего грѣха. «Такъ мнѣ горько: согрѣшаетъ, да еще не кается!» Не долго думая, протопопъ свелъ ихъ въ приказъ. Но воеводы только посмѣялись. Мужика постегали маленько, да и отпустили, а бабу къ нему же прислали.

Тутъ ужъ Аввакумъ расправился съ нею по своему; спрягалъ ее подъ полъ и дня три держалъ не ѣвши, пока она своимъ ревомъ не стала ему мѣшать въ nocturno правилѣ. Выпустилъ ее протопопъ и спросилъ: «хочешь ли вина и пива?»—«Не до вина стало», отвѣчала продрогшая баба: «дай кусочекъ хлѣба!» «Разумѣй, чадо: похотѣніе то блудное пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ и ума недостатокъ и къ Богу безстрашіе и презорство».

Потомъ далъ ей чотки и велѣлъ ей поклоны класть. До того укланялась, что упала, а Аввакумъ приказалъ еще повамарю угостить ее шелепомъ. «И плачу предъ Богомъ», говоритъ Аввакумъ, «да мучу. Помню, въ правилѣхъ написано: прелюбодѣй на Пасху безъ милости мучится. Начала много далъ, да и отпустилъ. Она и паки за тотъ же промыслъ, сосудъ сатанинъ!» замѣчаетъ съ сокрушеніемъ суровый нраво-исправитель.

Такъ жилъ и дѣйствовалъ въ Tobольскѣ Аввакумъ, и эта его ревность по вѣрѣ пріобрѣла ему много почитателей: у такихъ горячо - убѣжденныхъ людей «никогда не бываетъ недостатка ни въ жаркихъ поклонникахъ, ни въ заклятыхъ врагахъ» ¹⁾.

¹⁾ Кизеветтеръ. Прот. Аввакумъ, стр. 20.

Въ полуторогодовое пребываніе Аввакума въ Тобольскѣ «пять словъ государевыхъ» сказали на него. Вѣроятно, грозныя обличенія на ереси дошли до Москвы, и въ Тобольскѣ пришелъ указъ — отправиться Аввакуму въ ссылку на Лену.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и другое печальное извѣстіе дошло до него: оба брата его, бывшіе на верху у царицы, умерли во время свирѣпствовавшего тогда мора.

Едва доѣхалъ протопопъ до Еяпсейска, какъ пришелъ новый указъ, причислявшій Аввакума къ полку Аванасія Пашкова, который отправлялся на Амуръ въ «Дауры» для отысканія удобныхъ мѣстъ къ поселенію и постройкѣ на нихъ крѣпостей.

Начались опять скитанія Аввакума по сибирскимъ рѣкамъ на дошаникахъ.

Много пришлось вытерпѣть протопопу на этомъ длинномъ, ужасномъ пути.

Такъ изображаетъ Аввакумъ ту суровую природу, среди которой теперь ему пришлось ѣхать:

«О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ и поглядѣть—заломя голову!» На рѣкѣ Тунгускѣ Аввакумовъ дощаникъ во время бури едва было не затонулъ—насилу спаслись, а на другомъ дощаникѣ двухъ людей сорвало въ воду.

Чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ больше увеличивались бѣды. Запасы истощились, начался голодъ. Люди начали умирать голодной смертью. Скитаясь по полямъ и лѣсамъ, копали корни и собирали траву, а зимою питались сосновой корой... «а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости отъ волковъ, пораженныхъ звѣрей,—что волвъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ. А иное и самихъ озябшихъ ѣли волковъ и лисицъ и, что получимъ—всякую скверну... И самъ я, грѣшный, волею и неволею, причастенъ кобыльимъ и мертвечьимъ звѣринимъ и птичьимъ мясомъ».

Къ этимъ бѣдамъ присоединились еще притѣсненія отъ Пашкова.

Это былъ человѣкъ жестовій, необузданный, привыкшій чувствовать себя полновластнымъ хозяиномъ среди подчиненныхъ. «Суровъ человѣкъ», говорилъ о немъ Аввакумъ: «безпрестанно людей жжетъ и мучить, и бьетъ». «Нравомъ озорникъ великой», писалъ о Пашковѣ въ своей челобитной на него царю архіепископъ Тобольскій Симеонъ: «билъ попа (Іакова) на смерть своими руками, такъ что тотъ, послѣ этого, лежалъ при смерти недѣль шесть,—едва ожилъ... и я къ такому озорнику поповъ и діаконовъ посылать не смѣю»¹⁾).

Къ такому-то самодуру и попалъ въ руки Аввакумъ. Пашковъ не щадилъ людей, потчивалъ ихъ кнутами и гнулъ по своему. Упрямый и неугомонный протопопъ возставалъ противъ такихъ дѣйствій воеводы, обличая его поступки. Нашла коса на камень. Одинъ былъ непреклоненъ по своей внутренней силѣ духа, другой былъ — самодуръ, не терпящій возраженій.

«Десять лѣтъ», говоритъ Аввакумъ, «онъ меня мучилъ, или я его—не знаю: Богъ разберетъ въ день вѣка!»

Пашковъ началъ смирять непокорнаго протопопа, заставивъ его работать наравнѣ съ казаками. «Поѣсть было неколи, нежели спать. Лѣто цѣлое мучился. Отъ водяныя тяготы люди изгибали, а у меня ноги и животъ синь былъ... Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестовія,—огонь да встряска,—люди голодные: лишю стануть мучить,—ано и умереть! Охъ, времени тому!»

Особенно тяжелая сцена произошла на рѣкѣ Тунгузкѣ.

Однажды отрядъ Пашкова встрѣтился съ другими пловцами; въ числѣ послѣднихъ были двѣ вдовы,—одной 60 лѣтъ, а другой больше. Онѣ плыли въ монастырь для постриженія. Но Пашковъ сталъ ворчать и захотѣлъ ихъ выдать замужь.

¹⁾ Челобитная Симеона, архіеп. Сибирскаго и Тобольскаго, царю Алексѣю Михайловичу о злоупотребленіяхъ даурскаго воеводы Аванасія Пашкова. *Хр. Чит.* 1888 г., ч. 2, стр. 601.

Аввакумъ выступилъ съ обличеніемъ противъ Пашкова. «И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, вдовъ отпустить, онъ вздумалъ мучить меня осердясь». Кончилось дикой расправой. Пашковъ билъ Аввакума по щекамъ и головѣ, сбиль его съ ногъ, билъ чеканомъ по спинѣ и, раздѣвши, далъ по спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. Потомъ били его по бокамъ, сковали руки и ноги и засадили на воеводскій дощаникъ. Была осень,—всю дорогу на Аввакума лилъ дождь. Когда добрались до остановки, протопопа бинули въ тюрьму. «Сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной башнѣ: тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣетъ и безъ платья! Что собачка, въ соломяхъ лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было: а ихъ скуфьею билъ... Все на брюхѣ лежалъ: спина гнила, блохъ да вшей было много».

Однако, суровый и закаленный судьбою протопопъ не сдался. «Хотѣлъ на Пашкова кричать: прости! да сила Божія возбранила,—ведѣно терпѣть». Пашковъ отнялъ у Аввакума всю рухлядь, какая еще у него сохранилась, и отобралъ всѣ съѣстные запасы.

Пристроивъ ребятишекъ на двухъ клячъ, данныхъ ему Пашковымъ, Аввакумъ съ женою пошли пѣшкомъ за отрядомъ. «Страна варварская; иноземцы немирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми не поспѣемъ, голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредеть, бредеть, да и повалится,—скользко гораздо... На меня бѣдная пѣвняетъ, говоря: долго ли муки сія, протопопъ, будутъ? и я говорю: Марковна, до самыя смерти!—Она же, вздохня, отвѣчала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ».

Притѣсненія Пашкова дошли до того, что онъ не далъ ни мѣра, ни масла Аввакуму, когда у послѣдняго родилась дочь.

Иногда не позволялъ причащать умирающихъ людей. «Пречистыя тайны у меня отнялъ и держалъ у себя въ коробкѣ»¹⁾.

¹⁾ Мат. V, 60, 135.

Однажды сынъ Пашкова, Еремѣй, вздумалъ было заступиться за протопопа; взбѣшенный отецъ три раза стрѣлялъ въ него изъ пищаля, да всѣ раза получилась осьѣчка.

Стойкость Аввакума, его непреклонность и мужество иногда подчиняли ему даже упорнаго Пашкова. «Сѣлъ (однажды) Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумался и плакать сталъ; а самъ говоритъ: согрѣшилъ окажиной,—пролилъ кровь неповинну! напрасно протопопа билъ: за то меня наказуетъ Богъ! Чудно, чудно!.. «Я паки Свѣту - Богородицѣ докучать: Владычице, уйми дурака того! Такъ Она—надежда, уняла: сталъ по мнѣ тужить».

Но это были минутныя состоянія, а всегда Пашковъ былъ жестокъ до протопопа. За то жена и сноха воеводы весьма чтили строгаго ревнителя древне-православной вѣры и поддерживали его во время тягостной жизни въ Дауріи. Тяжелое положеніе подъ властью Пашкова роднило ихъ съ Аввакумомъ, онѣ сочувствовали ему, и тихонько отъ воеводы помогали.

«Иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько найдется,—четверть пуда и гривенку—другую, а иногда и полпудика накопить и передать,—а иногда у куровъ изъ корыта корму нагребеть. Дочь моя, бѣдная горемыка, Ографена, бродила въ тай къ ней подъ окно. И горе, и смѣхъ!—иногда ребенка погонять отъ окна, безъ вѣдома боярынина, а иногда многовѣко притащить».

Даже среди казаковъ распространилось уваженіе къ Аввакуму, такъ что и въ далекой суровой Сибири онъ сумѣлъ завоевать себѣ симпатіи среди окружавшихъ его.

И здѣсь звучала его проповѣдь о благочестіи и старой вѣрѣ.

Шесть лѣтъ жилъ онъ среди такихъ ужасныхъ невзгодъ, нисколько не поколебавшись въ своихъ убѣжденіяхъ и не поступившись ничѣмъ изъ своихъ идей.

Въ это время на Москвѣ произошли важныя перемѣны.

Своими строгими мѣрами и самостоятельностью, а также гордымъ обращеніемъ съ боярами, патріархъ Никонъ давно уже возбудилъ неудовольствіе не только среди духовенства и ревнителей старины, но и среди бояръ новаго направленія. Давно уже велись противъ него интриги, наговаривали на него царю. Государь дѣйствительно охладѣлъ къ своему собинному другу и даже пересталъ бывать за патріаршими службами и приглашать къ себѣ во дворецъ къ параднымъ обѣдамъ.

Патріархъ, окруженный доселѣ вниманіемъ и любовью царя, не стерпѣлъ такого оскорбительнаго къ себѣ отношенія.

11 іюля 1658 г. онъ въ Успенскомъ соборѣ отказался отъ патріаршества и удалился въ Воскресенскій монастырь, не смотря на всѣ увѣщанія народа и посланныхъ отъ царя бояръ.

Враги его, конечно, были очень рады. Но патріархъ былъ еще въ силѣ. Онъ какъ будто уже началъ итти на уступки и выразилъ желаніе вернуться обратно.

Его противники старались какъ можно больше обострить отношенія патріарха и царя. Благодаря ихъ проискамъ, теперь рѣшено было возвратить изъ ссылки самыхъ злѣйшихъ враговъ Никона, именно ревнителей старины, томившихся въ заточеніяхъ.

Такимъ-то образомъ, совершенно неожиданно, въ 1661 г. вдругъ въ Даурію пришли указы: одинъ указъ смѣнялъ съ воеводства Пашкова, другой вызывалъ изъ ссылки Аввакума въ Москву.

Воспрянулъ духомъ защитникъ древняго благочестія. Бодро двинулся онъ въ путь, надѣясь, что въ Москвѣ вернулись къ прежнему православію, бросили Никоновы затѣйки и соблазны.

Если снова зовутъ его вернуться, не возсіяла ли тамъ опять старая вѣра?

Теперь передъ радостнымъ взоромъ протопопа тотъ же путь ему уже не кажется такъ дикъ и ужасенъ, какъ на

пути въ ссылку. Пашковъ, собравъ вооруженныхъ людей, уѣхалъ впередъ.

Черезъ мѣсяцъ Аввакумъ собралъ всѣхъ, бывшихъ съ Пашковымъ, старыхъ, больныхъ и негодныхъ, всего 17 человекъ,—сѣли въ лодку и поплыли, поставя крестъ на носу.

Увѣзая, онъ выкупилъ у казаковъ наушника Пашкова Василя, который ябедничалъ воеводѣ на служилыхъ людей, искалъ даже смерти Аввакума и чуть было не посадилъ протопопу на колъ.

Если бы не Аввакумъ, его бы убили казаки послѣ отъѣзда Пашкова.

Но другого такого же приспѣшника пашковского казаки ни за что не хотѣли отдать. Со слезами прибѣжалъ онъ къ протопопу, прося защиты.

Аввакумъ спряталъ его на дно лодки, поверхъ накинулъ постель и велѣлъ протопопицѣ съ дочерью лечь на него.

Такъ и спасъ его отъ смерти.

Но недолго тѣшилъ себя надеждой возвращающійся изгнанникъ на возобновеніе древняго благочестія.

Приѣхавъ въ русскіе города, онъ увидѣлъ, что благочестіе «ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ»: по-прежнему служили по новымъ книгамъ, оставивъ старыя чины и обряды.

Радужныя мечты Аввакума разлетѣлись, — задумался протопопъ.

Бороться ли ему за старую вѣру, за которую онъ уже столько выстрадалъ, или же безмолвно остаться незамѣтнымъ?

Онъ не рѣшался вторично подвергнуть жену и дѣтей тѣмъ страшнымъ пыткамъ, которыя имъ пришлось вытерпѣть ради его горячей проповѣди.

Видя его задумчивость, протопопица стала его спрашивать о причинахъ грусти.

«Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ или молчать? Связали вы меня!»

Въ отвѣтъ жены выразились всѣ драгоценныя качества сердца русской женщины, вся возвышенность ея души, необыкновенное мужество и самоотверженность. «Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ ты съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе попрежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучить, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди, поди въ церковь, Петровичъ,—обличай блудную еретическую!»

За такой вдохновляющей отвѣтъ Аввакумъ «билъ челомъ женѣ своей» и, «отряши отъ себя печальную слѣпоту», началъ съ новымъ рвеніемъ проповѣдывать, уча всюду на пути, по городамъ и весямъ, обличая «со дерзновеніемъ ересь Никонову».

С. Голощановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧТО НАМЪ РОДНѢЕ?

(Андрей Бѣлый. „Серебряный Голубь“).

Едва ли не самымъ крупнымъ литературнымъ событіемъ нынѣшняго года нужно считать появленіе на книжномъ рынкѣ повѣсти Андрея Бѣлаго «Серебряный Голубь»¹⁾, печатавшейся ранѣе въ «Вѣсахъ». Андрей Бѣлый—псевдонимъ (имъ самимъ уже раскрытый²⁾) поэта и писателя символиста³⁾ Б. Бугаева, выступившаго на

¹⁾ Москва, 1910. Книгоиздательство „Скорпионъ“.

²⁾ Въ „Книгѣ о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія“ подъ редакц. М. Гофмана, издан. Вольфа, стр. 137-я.

³⁾ О символизмѣ въ послѣднее время очень много пишется, но, кажется, нигдѣ еще не дано его точнаго опредѣленія. Въ виду того, что символизмъ въ настоящее время наиболѣе модное направленіе въ искусствѣ вообще—и не только у насъ, но и вообще въ Европѣ, стараемся дать ему хоть сколько-нибудь возможное опредѣленіе.

Символистомъ вообще, и въ особенности въ поэзии и литературѣ, въ противоположность реализму или натурализму и въ отличіе отъ декадентства или модернизма, называется такое соотношеніе, такое средство между образомъ (символомъ) и изображаемою имъ идеею, при которомъ идея непосредственно не мыслится въ образѣ, такъ что необходимо нѣкоторое усиліе, чтобы найти это средство. Напримеръ, правосудіе изображается въ видѣ женщины съ завязанными глазами; здѣсь завязанные глаза—символь безпристрастія, которое собственно и составляетъ сущность правосудія. Или: символизмъ есть указаніе на высшій міръ, который лежитъ въ основѣ чувственнаго, видимаго міра, но непосредственно изслѣдователю или созерцателю не открывается, а требуетъ усилія для своего познанія; это—болѣе глубокая философская мысль, внутренняя и скрытая, въ отличіе отъ оче-

литературное поприще сравнительно недавно (онъ родился въ 1880 году), но нѣкоторою частью критики уже пре-

видной и всѣмъ понятной. Для примѣра приведемъ (въ сокращеніи) стихотвореніе одного изъ наиболѣе видныхъ современныхъ символистовъ—Александра Блока:

„Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ
 О всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
 О всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
 О всѣхъ забывшихъ радость свою...
 И всѣмъ казалось, что радость будетъ,
 Что въ тихой заводи всѣ корабли,
 Что на чужбинѣ усталые люди
 Свѣтлую жизнь себѣ обрѣли.
 И голосъ былъ сладокъ, и лучъ былъ тонокъ,
 И только высоко у Царскихъ Вратъ,
 Причастный Тайнамъ плакалъ ребенокъ.
 О томъ, что никто не придетъ назадъ.

Смыслъ этого стихотворенія такой: въ церкви молятся о морякахъ, ушедшихъ въ море (на войну съ японцами), и всѣ надѣются на ихъ благополучное возвращеніе; только ребенокъ, „причастный Тайнамъ“, т.-е. только что причащенный Св. Тайнъ, знаетъ поэтому тайну, которую не знаетъ никто изъ присутствующихъ въ церкви,—что никто изъ этихъ моряковъ не вернется назадъ,—и объ этомъ плачетъ.

Всѣ произведенія символистовъ отличаются поэтому крайнею фантастичностью, туманностью и умышленною неровностью, шероховатостью и, такъ сказать, изломанностью стиля (образчики этого мы увидимъ и въ разбираемой повѣсти), а стихотворенія, кромѣ того, и нарочитымъ несоблюденіемъ размѣра. Заглавія произведеній и сборниковъ стиховъ по большей части причудливыя, напримѣръ: „Въ безбрежности“, „Будемъ какъ солнце“, „Литургія красоты“, „Злыя чары“, „Зеленый Вертоградъ“ и т. п.—у Бальмонта; „Urbi et orbi“ (Городу и міру)—въ такой формѣ посылали свое благословеніе римскіе папы), „Земная Ось“, „Огненный Ангелъ“ и т. п.—у Валерія Брюсова; „Кубокъ метелей“, „Золото въ лазури“ и т. п. у А. Бѣлаго; „Алый Мечъ“, „Черное по бѣлому“ и т. п.—у Зинаиды Гиппиусъ; „Христосъ и антихристъ“, „Не миръ, но мечъ“ и т. п.—у Мережковского; „Религія будущаго“—у Минскаго; „Жало смерти“, „Побѣда смерти“, „Змій“, „Истѣвающія личины“, „Книга разлукъ“, „Пламенный Кругъ“ и т. п.—у Сологуба; „Кормчія звѣзды“, „Прозрачность“, „Сог ardens“

вознесеннаго до небесъ и прославленнаго гениемъ ¹⁾). Имъ написанъ уже цѣлый рядъ книгъ: четыре книги симфоній (въ стихахъ), нѣсколько сборниковъ стиховъ и нѣсколько сборниковъ статей, въ которыхъ онъ иногда самъ себѣ противорѣчить, какъ, напримѣръ, въ сборникѣ статей «О символизмѣ», вышедшемъ въ текущемъ году,—по поводу котораго одинъ изъ рецензентовъ замѣтилъ, что Андрею Бѣлому лучше было бы называться Темнымъ. Содержаніе его произведеній (въ особенности симфоній) по большей части крайне туманное и фантастическое, какъ и вообще у символистовъ, а стихъ бываетъ иногда до крайности причудливъ ²⁾.

(„Пылающее сердце“) и т. п.—у Вяч. Иванова; „Нечаянная Радость“ и т. п.—у Ал. Блока; „Яръ“, „Перунъ“, „Дикая Воля“ и т. п.—у С. Городецкаго; „Сѣти“ и т. п.—у Кузмина—и т. далѣе.

Символисты тщательно отгораживаются отъ декадентства (съ которымъ у нихъ будто бы нѣтъ ничего общаго), какъ искусства только для искусства, неимѣющаго реального основанія, но различіе это часто оказывается только лишь мнимымъ, и отличить символиста отъ декадента часто совсѣмъ нельзя.—Символизмъ бываетъ разныхъ родовъ: художественный, идейный, мистическій, социальный и т. д.

¹⁾ Напримѣръ у Эллиса—въ его книгѣ „Русскіе символисты: Бальмонтъ, Брюсовъ и Бѣлый“. Москва, 1910 г.

²⁾ Вотъ образецъ его стиха—изъ стихотворенія „Золотое Руно“.

...Земля отлетаетъ.
Вино
міровое
пылаетъ
пожаромъ
опять:
То—огненнымъ шаромъ
блистать
выплываетъ
руно
золотое
искрять.

А въ нѣкоторыхъ его симфоніяхъ даже одно слово раздѣляется на двѣ строки.

Какъ прославили геніальнымъ самого Андрея Бѣлаго, такъ успѣли прославить геніальною и новую его повѣсть. Чтò же представляетъ она?

По замыслу и плану автора, какъ видно изъ предисловія къ повѣсти, она представляетъ собою лишь первую часть задуманной имъ трилогіи (три литературныхъ произведенія, имѣющихъ между собою связь и проникнутыхъ общею мыслью) «Востокъ или западъ», и мысль этой трилогіи, повидимому, такая: опредѣлить и уяснить, куда идетъ Русь и въ особенности ея интеллигенція—на Востокъ или на Западъ, чего въ ней больше и чтò ей роднѣе, куда стремится она и куда и къ кому придетъ? Въ частности, содержаніе этой первой части трилогіи составляетъ эпизодъ изъ жизни сектантовъ—мистиковъ, которыхъ авторъ называетъ «голубями».—«Многіе—добавляетъ авторъ въ предисловіи—приняли секту «голубей» за хлыстовъ; согласенъ, что есть въ этой сектѣ признаки, родняшіе ее съ хлыстовствомъ: но хлыстовство, какъ одинъ изъ ферментовъ религіознаго броженія,—не адекватно существующимъ кристаллизованнымъ формамъ у хлыстовъ; оно—въ процессѣ развитія; и въ этомъ смыслѣ «голубей», изображенныхъ мною, какъ секты, не существуетъ; но они—возможны со всѣми своими безумными уклонами; въ этомъ смыслѣ «голуби» мои вполне реальны». Т.-е. хотя такой секты въ настоящее время и нѣтъ, но она вполне возможна и можетъ на самомъ дѣлѣ появиться въ хлыстовствѣ, которое еще не отлилось въ окончательныя формы и находится еще въ процессѣ развитія.

Дѣйствіе въ повѣсти происходитъ въ наши дни, въ селѣ Цѣлебѣевѣ и уѣздномъ городѣ Лиховѣ,—судя по выговору дѣйствующихъ лицъ изъ крестьянъ—гдѣ-нибудь въ востромской или вологодской губерніи, въ предѣлахъ одного уѣзда. Главное дѣйствующее лицо повѣсти—молодой филологъ Дарьяльскій, сынъ мелкаго чиновника, хотя баронесса Тодрабе-Граабенъ величаетъ его почему-то поповичемъ. Дарьяльскій—очень странная и неуравновѣшенная лич-

ность. Ученый филологъ, доселѣ не расстающійся съ Тибуллою и Марціаломъ, увлекавшійся позитивистомъ Контомъ и социалистами Лассалемъ и Марксомъ съ одной стороны и мистиками Беме и Сведенборгомъ съ другой, онъ—и въ святыхъ мѣстахъ, въ Дивѣвѣ, въ Оптиноѣ, и одновременно въ языческой старинѣ съ Тибуллою и Флаккомъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ и декадентскій поэтъ: онъ выпустилъ книжку стиховъ, гдѣ говорилось и о миррѣ устъ и о полелеѣ поздрей и о прочей чепухѣ. Пространно и мудро характеризуетъ его авторъ.—«Жизнью своею онъ странную сложилъ правду; она была высоко недѣпа и высоко невѣроятна: она заключалась вотъ въ чемъ: снилось ему, будто въ глубинѣ родного его народа бьется народу родная и еще жизненно не пережитая старинная старина—древняя Греція... Въ душѣ у него была вѣчная тяжесть, и оттого-то солнечный бытъ давно минувшихъ лѣтъ блаженной Греціи съ войнами, играми, искристыми мыслями былъ ему роднымъ... Новый онъ видѣлъ свѣтъ, свѣтъ еще и въ свершеніи въ жизни обрядовъ греко-російской церкви. Въ православіи... и въ понятіяхъ православнаго мужичка видѣлъ онъ новый свѣточъ въ мірѣ грядущаго грека... Онъ съ темными своими боролся нѣдрами, какъ вѣкогда съ гидрою Гераклъ... въ немъ жестокая совершалась борьба ветхаго звѣринаго образа съ новой, подобной звѣриной, уже нечеловѣческой здравостью; и онъ зналъ, что, разъ вступивъ на этой борьбы стезю, ему не идти обратно... Но себя самого онъ считалъ будущностью народа: въ навозъ, въ хаосъ, въ безобразіе жизни народа кинулъ онъ тайный призывъ, и по волчьему, въ лѣсную дебрь народа отошелъ тотъ призывъ: воемъ изъ лѣсу что то ему откликнулось... — Куда она летитъ моя душа,—куда? — спрашиваетъ себя Дарьяльскій.—Она летитъ на зовъ: какъ не летѣть ей, когда бездна ее призываетъ?.. И далѣе подробно и такъ же туманно говорится о злыхъ силахъ, угрожающихъ Дарьяльскому, и о роковой борьбѣ, его ожидающей. На людей

Дарьяльскій производитъ впечатлѣніе ломаки, хотя онъ и не ломается. Повидимому, атеистъ, онъ однако ходитъ въ церковь и дружитъ со священникомъ. Въ немъ еще не перекипѣла кровь, и онъ ведетъ беспорядочную жизнь, несмотря на то, что онъ—женихъ дѣвушки изъ хорошаго семейства и живетъ около своей невѣсты. Своею красивою наружностью ему удастся побѣдить сердце внучки баронессы Тодраде-Граабенъ красавицы Кати, въ которую онъ давно влюбленъ и за которую доселѣ долго и тщетно ухаживалъ: онъ считается уже женихомъ Кати и даже переселяется на жительство въ усадьбу баронессы (хотя сама баронесса его не любитъ), какъ вдругъ налетаетъ на него злая сила, увлекаетъ и вкружитъ его въ вихрь страсти и безумія и, наконецъ, губитъ. Эта злая сила является въ видѣ безобразной бабы Матрены, живущей у столяра Дмитрія Кудеярова.

Этотъ столяръ Кудеяровъ—другое главное лицо повѣсти. На видъ столяръ черезчуръ ужъ невзраченъ: хворый, блѣдный, колченогій, съ гадкою, мочальнаго цвѣта, бороденкой, и носъ, какъ у дятла, и все кашляетъ, и вдобавокъ, заика, и «не лицо у него—баранья обглоданная кость, и притомъ не лицо, а полъ-лица; лицо, положимъ, какъ лицо, а только все кажется, что половина лица; одна сторона тебѣ хитро подмигиваетъ, другая же все что-то высматриваетъ, чего-то боится все; другъ съ дружкой разговоры ведутъ: одна это «я вотъ ухъ какъ!» а другая: «ну-ка, ну-ка: что—взялъ?» А коли стать противъ носа, никакого не будетъ лица, а такъ что-то... разводы какіе-то все». Дарьяльскому же лицу столяра кажется смѣсью иконописи съ свинописью. Тѣмъ не менѣе этотъ невзрачный чловѣкъ имѣетъ надъ окружающими какую-то непостижимую силу, повидимому, гипнотическую; изъ него выходитъ даже электричество.—«Какъ на кого столяръ глянетъ, такъ, милый чловѣкъ, и будешь къ тому взгляду, какъ песь на цѣпи, привязанъ... Ужъ на кого глазъ направить столяръ—кончено—не выйдетъ тотъ изъ-

подъ власти его». Въ грязной избѣ столяра все кажется особеннымъ и необыкновеннымъ, и даже мебель, выдѣлываемая столяромъ, имѣетъ то свойство, что всякій, кто сядетъ на нее, задумается о правдѣ и о другихъ подобныхъ вещахъ. Вліяніе столяра испытываетъ потомъ на себѣ и Дарьяльскій. Этотъ столяръ Кудеяровъ основываетъ мистически-революціонную секту «голубей», хлыстовскаго характера, послѣдователи которой находятся преимущественно въ ближайшемъ къ Цѣлебѣву уѣздномъ городѣ Лиховѣ. Ближайшими помощниками ему въ этомъ дѣлѣ состоятъ — нищій Абрамъ, у котораго и палка съ оловяннымъ голубемъ, и мѣдникъ Сухоруковъ, который отчасти руководитъ и самимъ столяромъ, — убійца, отравитель и революціонеръ, изображающій изъ себя, несмотря на принадлежность къ сектѣ, атеиста и постоянно повторяющій, что онъ умнѣ себя человѣка не встрѣчалъ. Въ Лиховѣ ими совершена въ секту жена милліонера Еропѣгина, которая постепенно отравляетъ мужа порошкомъ, получаемымъ ею отъ мѣдника и столяра, и у которой въ домѣ, въ отсутствіе мужа, происходятъ радѣнія «голубей». Въ чемъ состоитъ ученіе «голубей», — изъ повѣсти, при ея ломаномъ языкѣ, мало видно: самъ авторъ говоритъ, что содержаніе этой секты было «столь неопредѣленно и странно, что понять ея смыслъ въ цѣломъ было нельзя, а чтѣ и было понятно, то дикимъ казалось и страшнымъ». Они вѣрили, что во время ихъ радѣній появляется среди нихъ бѣлый голубь:

«Свѣтель, охъ, свѣтель воздухъ холубой!

Въ воздухѣ томъ свѣтель духъ дорогой!» —

и ожидали «духа рожденье (въ образѣ человѣка-избавителя), восхолубленье (возголубленье) земли, да ослабженье (освобожденье) хрестьянскаго люда». Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ «голуби» сходились съ революціонерами и были «за слабоду», а главари ихъ рѣшили, что примкнуть «братьямъ голубьямъ къ забастовщикамъ пора давно, — пора съ сицилистами идти рука объ руку, не

отбываясь до сроку сицилистамъ и даже, наоборотъ, направляя гдѣ нужно самыхъ сицилистовъ этихъ—да-съ; потому что и сицилисты хотя правду видятъ, да только подь однимъ своимъ носомъ, а прочее все у сицилистовъ—дрянь». И вотъ, на деньги Еропѣвной «голуби» начинаютъ печатать прокламаціи, съ изображеніемъ креста и съ призывомъ къ возстанію противъ духовенства, властей и дворянъ—въ такомъ родѣ:

«Братія, исполнилось слово Писанія, ибо времена близки: звѣрство антихристово наложило печать на землю Божию; осѣяи себя крестомъ, народъ православный, ибо времена близки: подними мечъ на слугъ веельзевуловыхъ, отъ нихъ же дворяне первые суть; огнемъ пополающимъ пройди по землѣ русской; разумѣй и молись: рождается Духъ Святъ; жги усадьбы отчадія бѣсовскаго, ибо земля твоя, какъ и Духъ твой»...

Для своихъ цѣлей столяру нуженъ человѣкъ, и выборъ его почему-то падаетъ на Дарьяльскаго. Столяръ гипнотизируетъ живущую у него «духиню» бабу Матрену, и одного лишь взгляда, брошеннаго этою безобразною, безбровою, съ изрытымъ огненными оспинами лицомъ, на Дарьяльскаго въ церкви, достаточно для того, чтобы тотъ, бросивши и забывъ красавицу-невѣсту, ушелъ къ столяру и поселился у него, нанявшись къ нему въ работники; и тщетно баронесса и Катя стараются вернуть его. Нѣкоторое время Дарьяльскій находится подь гипнозомъ и полнымъ вліяніемъ столяра и Матрены, но потомъ начинаетъ приходить въ себя. Этому отчасти способствуетъ и пріѣхавшій для поправленія дѣлъ баронессы сынъ ея баронъ Граабенъ, сенаторъ-юристъ, уже старикъ, ярый западникъ, самъ чудакъ и потомокъ прославившихся своими чудачествами и дурачествами предковъ.—«Проснитесь» — уговариваетъ онъ Дарьяльскаго, — и хотя тотъ, повидимому, его не слушаетъ, однако начинаетъ сознавать, въ какую онъ попалъ трясину и какую зазорную и безобразную ведетъ жизнь, и хочетъ вернуться къ Катѣ.

Ему дѣлается страшно, тѣмъ болѣе, что къ столяру прѣзжаетъ мѣдникъ, и они о чемъ-то шушукуются, и онъ чувствуетъ, что эти люди его погубятъ, какъ погубили уже многихъ, и хочетъ уйти отъ столяра. Но уйти не такъ-то легко: столяръ и самъ видитъ, что ошибся въ Дарьяльскомъ и что тотъ не оправдалъ его надеждъ; и не нуженъ уже ему больше Дарьяльскій, но не въ интересахъ столяра отпустить его: онъ опасенъ: онъ можетъ выдать «голубей»,—поэтому его необходимо устранить. И мѣдникъ съ столяромъ заманиваютъ Дарьяльскаго въ Лиховъ, въ домъ Еропѣгиной, и тамъ, при помощи еропѣгинской дворни, сплошь состоящей изъ «голубей», и другихъ «голубей» душатъ его. Дикою и страшною сценой убійства «голубями» Дарьяльскаго и кончается повѣсть, но авторъ обѣщаетъ продолженіе ея въ остальныхъ двухъ частяхъ трилогіи.

Связ. Н. Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Святитель Иннокентій, первый епископъ Иркутскій ¹⁾.

(Его пребываніе въ славяно-греко-латинской Академіи).

Прошло ровно 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ Кіево-Печерскаго монастыря, изъ тѣсной монашеской кельи былъ вызванъ въ Москву трудолюбивый ученый инокъ Иннокентій. Стефанъ Яворскій, его учитель по Кіевской Академіи, заводя въ славяно-греко-латинской Академіи латинскія науки, предназначилъ своему ученику видное мѣсто учителя словесности. Какъ мѣсто - блюститель патриаршаго престола Стефанъ Яворскій пригласилъ Иннокентія изъ Кіева и предложилъ ему должность учителя словесности въ Академіи. Если въ то время кіевскіе ученые монахи вообще пользовались хорошей славой на Руси и у высшаго начальства, то Иннокентій, знакомый Яворскому еще по Кіевской Академіи, родственникъ знатныхъ людей въ Малороссіи и въ московскомъ малороссійскомъ приказѣ, былъ лично извѣстенъ ему, какъ человекъ вполне достойный предложеннаго ему мѣста учителя. Отдавшійся въ монастырской кельѣ изученію богословія Иннокентій на предложеніе Яворскаго отвѣтилъ согласіемъ. И въ этомъ согласіи нужно видѣть его отказъ отъ преж-

¹⁾ Статья писана въ память исполняющагося (26-го ноября 1910 г.— день памяти святителя) двухсотлѣтія со дня поступленія Иннокентія въ греко-латинскую Академію и посвящается Законодательному училищу.

няго взгляда на жизнь, цѣль которой онъ хотѣлъ видѣть въ удаченіи отъ міра и углубленіи въ самого себя. Вызовъ въ Москву былъ для Иннокентія указаніемъ Промысла, которому было угодно, чтобы инокъ очистился въ морѣ жизни и закалился для трудной борьбы съ мракомъ невѣжества и язычества.

Иннокентій Кульчицкій оставилъ Кіевъ, переселился въ Москву и смѣнилъ келью Кіево-Печерскаго монастыря на келью монастыря Заиконоспасскаго. Тѣсная, съ низкимъ потолкомъ, съ узкимъ, маленькимъ окномъ съ желѣзной витой рѣшеткой, со старымъ кирпичнымъ поломъ—она непривѣтливо встрѣтила молодого ученаго инока. Изъ ея окна былъ виденъ грязный дворъ, заваленный мусоромъ и заросшій репейникомъ, и нѣсколько корпусовъ Академіи. Отдѣльныя зданія ея соединялись крытыми, длинными, но очень узкими, шириною до двухъ аршинъ, коридорами, по которымъ учителя и учащіеся переходили изъ одного помѣщенія въ другое. Общежитія въ Академіи не было. Ея главный корпусъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Заиконоспасское духовное училище, сводчатые потолки котораго и маленькія окна нижняго этажа еще такъ недавно напоминали намъ о славной предшественницѣ нашего училища на поприщѣ просвѣщенія—о славяно-греко-латинской Академіи. Тогда, во времена Иннокентія, Академію отъ Никольской улицы отдѣляли не эти каменные громады, которыя теперь закрываютъ отъ училища теплые лучи яснаго солнышка, нѣтъ,—тогда вдоль Никольской улицы, начиная отъ Кремля, тянулся цѣлый рядъ небольшихъ деревянныхъ лавокъ, торговавшихъ иконами—«иконный рядъ». А за иконнымъ рядомъ подлѣ Академіи находился монастырь Спаса, который и составлялъ съ нею одно владѣніе. Ректоръ Академіи былъ въ то же время и настоятелемъ монастыря, а маленькія монастырскія кельи были жилищемъ учителей.

Существуетъ предположеніе, что Иннокентій, получивъ мѣсто учителя словесности въ Академіи, слушалъ въ выс-

шесть классовъ той же школы курсъ тѣхъ богословскихъ наукъ, которыхъ онъ не успѣлъ дослушать въ Кіевской Академіи, принявъ монашество и уйдя въ монастырь. Въ пользу такого предположенія говорятъ сохранившіяся до насъ его собственноручныя записи богословскихъ диспутовъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви, диспутовъ о добродѣтели и наказаніи, преподаваемыхъ въ высшихъ классахъ греко-латинской Академіи въ 1710—1711 годахъ ректоромъ ея Θεοφιλακτὸς Лопатинскимъ. Такимъ образомъ, Иннокентій въ первое время своего пребыванія въ Академіи, въ Москвѣ, былъ одновременно и ученикомъ, и учителемъ.

Что онъ усердно слушалъ Θεοφιλακτα, за это говорятъ записанныя имъ самимъ лекціи,—но онъ былъ и нехудымъ учителемъ словесности, потому что самъ интересовался этимъ предметомъ въ Кіевской Академіи. Иннокентій охотно изучалъ словесность, насколько она помогала ему въ составленіи проповѣдей, и теперь онъ нашелъ нужнымъ читать своимъ ученикамъ ту же самую словесность на латинскомъ языкѣ, каковую училъ самъ. Для этой цѣли въ тишинѣ кельи Заиконоспасскаго монастыря онъ переписалъ «*Flumen eloquentiae*», т.-е. цвѣтокъ краснорѣчія,—читанную ему словесность, снабдилъ ее кое-какими примѣчаніями и въ такомъ видѣ преподавалъ ученикамъ Академіи.

Въ свободное отъ учебныхъ занятій время за богослуженіемъ въ монастырскомъ храмѣ произносились поученія ректоромъ, префектомъ, учителями и учениками. Большинство проповѣдниковъ ограничивалось простой передачей или чтеніемъ поученій наиболѣе видныхъ ораторовъ того времени, какъ, напримѣръ, Стефана Яворскаго, Θεοφана Прокоповича, другіе же проповѣдники только отчасти пользовались ихъ поученіями. Тагъ или иначе, но во всякомъ случаѣ наставники Академіи были хорошо знакомы съ поученіями Яворскаго и Прокоповича. Иннокентій, какъ человѣкъ глубоко любившій проповѣдничество, не ограничивался только чтеніемъ въ храмѣ проповѣдей извѣстныхъ проповѣдниковъ. Нѣтъ, онъ служилъ

только образцами, по которымъ онъ составлялъ собственныя поученія,—но эти образцы такъ ему нравились, что онъ очень часто цѣликомъ переписывалъ себѣ для памяти.

При небольшомъ жалованьи, въ 100 или 150 руб. въ годъ, у Иннокентія не было возможности покупать рукописную книгу или нанимать переписчика,—поэтому онъ самъ исполнялъ эту неблагодарную работу и переписывалъ какъ цѣлыя книги, такъ и отдѣльныя статьи и поученія. Такъ, въ концѣ переписанной имъ самимъ словесности на оставшихся чистыми листахъ бумаги имъ же были списаны поученія преосвященнаго Стефана еп. Рязанскаго (Яворскаго), славнаго оратора того времени: «Слово на Соборъ Пресвятыя Богородицы и на утріе Рождества Христова» и особенно любимое Иннокентіемъ «Слово на поминовеніе усопшихъ».

Въ немъ онъ находилъ указаніе на свое прошлое и въ немъ читалъ свои тревожныя думы о будущемъ. «Родится младенецъ. Гадаютъ о немъ: будетъ ли онъ мужемъ совершеннымъ, маститымъ, богатымъ, храбрымъ, здоровымъ, честнымъ, сильнымъ, славнымъ, премудрымъ, властелиномъ? Будетъ ли онъ такимъ? Да, Богъ знаетъ, будетъ ли онъ такимъ, но за то всѣ знаютъ, что онъ умретъ»... И при этомъ неожиданномъ переходѣ къ мысли о смерти Иннокентій всегда уносился воспоминаніями въ то тяжелое кievское время, которое навсегда унесло у него много родныхъ и знакомыхъ и его самого привело къ черной скуфѣ и въ тѣсную мрачную келью кievскаго монастыря.

Одновременно со «Словомъ на поминовеніе усопшихъ» Иннокентій списалъ для себя и «Вѣнецъ Вѣры» Симеона Полоцкаго, важную богословскую книгу того времени на русскомъ языкѣ. Послѣ въ своихъ проповѣдяхъ онъ часто пользовался сравненіями и удачными мыслями изъ этой книги. Такъ, напримѣръ, въ поученіи въ недѣлю св. Пятидесятницы Иннокентій, заимствуя общую мысль изъ раз-

сужденія на слова Сумвола вѣры «Творца неба и земли» писалъ: «О, человѣкъ! Для тебя Богъ сотворилъ такой великій и дивный домъ на житіе твое,—весь этотъ видимый міръ для единого видимаго и смертнаго тѣла. Такіе дивные дары Божіи. Прекрасное солнечное небо, украшенное звѣздами—покровъ тебѣ, пресвѣтлое солнце—свѣтильникъ въ дому твоёмъ, а мѣсяцъ—мѣритель и показатель часовъ. Вѣтры грѣютъ и прохлаждаютъ тебя. Земля—подножіе ногамъ твоимъ и мать твоя: она носитъ тебя на рукахъ своихъ и изъ чрева своего производитъ всякую сладость. О, человѣкъ! Она даетъ тебѣ всѣ роскоши и сладости жизни—и не только хлѣбъ, но и все сладкое и желаемое душой и тѣломъ, всѣ радости свѣта: сладость всякая древесныхъ плодовъ и аромать цвѣтовъ благоуханныхъ, золото и серебро; домашніе и дикіе звѣри рождаются и служатъ тебѣ; изъ тѣхъ звѣрей одежды получаютъ и богатые, и нищіе. О, человѣкъ! И море—данникъ тебѣ: изъ своей глубины оно даетъ тебѣ рыбъ, а воздухъ посылаетъ тебѣ въ подарокъ всякую птицу. Какъ Царю земному, вся тварь работаетъ тебѣ» (Ркп. Иркутской семинаріи, стр. 35 об.).

Такимъ образомъ, у Иннокентія въ періодъ пребыванія его въ славяно-греко-латинской Академіи мало-по-малу составилаь небольшая бібліотека по проповѣдничеству, въ которую входили еще: «Учительное евангеліе» Транквиліона, «Ключъ разумнія» Голутовскаго, «Трубы словесъ» Лазаря Барановича, книги св. Писанія и нѣкоторыя другія книги, изданныя главнымъ образомъ около этого времени.

Въ качествѣ учителя словесности и проповѣдника Иннокентій заявилъ о себѣ, какъ о трудолюбивомъ ученомъ и вѣрномъ сынѣ Православной церкви и потому въ 1714 году былъ назначенъ префектомъ Академіи, на какую должность, по Духовному Регламенту, избирались люди «не весьма свирѣпые и не меланхолики, которыхъ ученіе и труды уже извѣстны».

Съ новымъ званіемъ префекта, или инспектора, семинаріи на Иннокентія возлагались и новыя болѣе сложныя обязанности.

Прежде всего онъ оставался учителемъ, но теперь онъ преподавалъ не словесность, а философію, метафизику и нравственное богословіе. Снова пришлось пріобрѣтать и самому переписывать лекціи по философіи изъ Теофана Прокоповича (1 ч. и 2 ч. 1707 г. и часть 3-я 1708 г.), по метафизикѣ (ч. 4-я) и этикѣ на латинскомъ языкѣ, по которымъ можно бы было преподавать въ Академіи. Если бы у Иннокентія было желаніе написать собственный курсъ читаемыхъ имъ наукъ или сдѣлать большія перемѣны и дополненія въ запискахъ, читанныхъ ему въ Кіевской Академіи и его предшественниками въ Московской, то для этого у него не хватило бы и времени, и силъ. Не было никакой возможности писать свои лекціи по этимъ наукамъ съ обширнымъ двухгодичнымъ курсомъ.

Вспомнимъ еще, что на Иннокентіи, какъ префектѣ, лежалъ весь надзоръ за учениками, за исправнымъ посѣщеніемъ Академіи учителями, за постановкой учебнаго дѣла въ классахъ на урокахъ; на немъ же лежала обязанность раздавать по третямъ жалованье учителямъ и ученикамъ. А если мы вспомнимъ еще о школьной жизни Академіи въ то далекое отъ насъ время, то увидимъ, что жизнь и труды префекта, честно относившагося къ своему дѣлу, должны были быть тяжелымъ бременемъ, которое подъ силу человѣку только крѣпкому духомъ.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ ученики шли въ Академію, какъ на солдатскую службу, и наборъ въ школы былъ похожъ на рекрутскій наборъ. Невѣжество духовенства, привычка къ праздности и несочувствіе отцовъ обученію дѣтей въ школахъ,—все это частью сознательно, а частью инстинктивно было воспринято учениками и выражалось во многихъ беспорядкахъ школьной жизни. Ученики очень часто убѣгали изъ Академіи и встрѣчались въ родной семьѣ не съ упрекомъ, а съ ласкою, съ искреннимъ со-

жалѣніемъ, что ихъ сыновей забрали въ тяжелое, немилое ученье. О бѣжавшихъ ученикахъ Иннокентію самому приходилось справляться въ родительскомъ домѣ, но отецъ и мать нерѣдко скрывали бѣглеца и съ ненавистью встрѣчали и провожали префекта. Если же родители заодно съ Иннокентіемъ желали, чтобы ихъ дѣти учились въ Академіи и наказывали убѣжавшихъ отъ занятій въ школѣ, то ихъ дѣти предпочитали совершенно не являться въ родительскій домъ и нерѣдко цѣлою гурьбою безъ дѣла бродили по Москвѣ и производили безпорядки. А, вѣдь, убѣгали изъ школы не мальчики, а люди лѣтъ по 20-ти, 25-ти и даже 35-ти, лѣтъ по 10—12 сидѣвшіе въ одномъ и томъ же классѣ Академіи. Сколько горя было у Иннокентія, когда учениковъ Академіи за безобразія вели на судъ въ Монастырскій приказъ! Сколько труда и настойчивости долженъ былъ употребить Иннокентій, чтобы его заботы не остались безплодными, чтобы тѣма невѣжества не казалась лѣнивымъ ученигамъ и питомцамъ его школы выше и дороже свѣта разума!

Узкимъ и длиннымъ коридоромъ обыкновенно возвращался Иннокентій изъ корпусовъ Академіи, усталый отъ трудовъ, въ свою келью префекта. Небогатая казенная обстановка, какая полагалась префекту, уютно была разставлена въ низкой кельѣ съ маленькими окнами и сводчатымъ потолкомъ. Въ углу висѣли двѣ иконы съ потемнѣвшими отъ времени ликами святыхъ, и тихо теплилась предъ ними лампада. Въ простѣнкѣ стоялъ раздвижной въ обѣ стороны столъ, и надъ нимъ висѣло большое зеркало, разбитое въ двухъ мѣстахъ. Большой дубовый столъ и маленькій раздвижной крашеный, комодъ съ тремя выдвигными ящиками и откидной доской, какой еще и теперь встрѣчается въ отдаленномъ захолустномъ селѣ въ домѣ престарѣлаго священника, и полдюжины простыхъ ветхихъ стульевъ—вотъ и все, что составляло казенную обстановку кельи префекта. Впрочемъ, архивная опись говоритъ намъ, что въ кельѣ были еще «дере-

вянные, незадорные часы», да «двѣ влюки,—изъ нихъ одна вся желѣзная».

То въ тихой кельѣ, то въ шумномъ классѣ, то подъ открытымъ небомъ, то подъ кровлею храма, то въ негостепріимномъ домѣ родителей ученика, то на квартирахъ великовозрастныхъ лѣвтяевъ текла неустанная дѣятельность Иннокентія Кульчицкаго.

Насколько тяжела и отвѣтственна была служба Иннокентія, можно видѣть даже изъ того, что со времени учрежденія должности префекта въ 1703 году до Иннокентія смѣнились не одинъ, не два, а пять префектовъ, тогда какъ онъ пробылъ на этомъ трудномъ посту болѣе пяти лѣтъ, пока, наконецъ, не былъ вызванъ Царскимъ указомъ 1719 года въ новую сѣверную столицу Россіи.

Вл. Соколовъ.

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ¹⁾.

№ 21. «Милость мира».

На литургіи Василя Великаго изъ обихода. Разр. 1887 г.

Въ черновыхъ бумагахъ сохранилась первая редакція «Милость мира» въ приготовленномъ, по всей вѣроятности, для печати видѣ. Голоса въ этой тетради написаны въ 4-хъ ключахъ, и оставлены двѣ строки для фортепіано. «Милость мира» въ этой редакціи была расписана на голоса и, по всей вѣроятности, исполнялась нѣсколько лѣтъ. Въ тетради сдѣланы затѣмъ поправки карандашомъ.

Вообще, видно желаніе написать проще, доступнѣе, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ чьего-либо властнаго замѣчанія. Затѣмъ художественное творчество беретъ перевѣсъ. Гр. Θ. пишетъ одно второе «и молимтися» на органномъ пунктѣ *ми*, которое открываетъ ему новыя красоты для всего переложенія и даетъ прежнюю смѣлость, которая временно покинула его.

«Милость мира» начинается реченіями весьма сходными по ритмигѣ и характеру съ реченіями придворнаго распѣва, каковыя взяты и Турчаниновымъ. Но у Львовскаго они изложены болѣе витіевато въ духѣ всего послѣдующаго переложенія.

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Душен.* Чт. за 1910 г.

Основная мелодія «Милость мира» состоитъ изъ одной строки «кантилены», состоящей изъ пяти частей, по которымъ прошелъ весь текстъ «Милость мира». Эта «кантилена» повторяется во всемъ произведеніи 6 разъ и еще частью въ двухъ «аминь». Мелодія эта весьма популярна между раскольниками, и они поютъ въ этой мелодии «Херувимскую пѣснь», да и каждый изъ нашихъ, даже и не особенно древнихъ причетниковъ, съ удовольствіемъ выпѣваетъ эту мелодію на литургіи Василия Великаго, такъ какъ она при всей своей красотѣ и пѣвучести очень легко усваивается на память.

Въ печати существуетъ, насколько мнѣ извѣстно, до 5 переложеній этого пѣснопѣнія. Каждое изъ нихъ хорошо въ своемъ родѣ, но такой шири и мощи, оригинальности движенія голосовъ, поразительности духовно-музыкальных эффектовъ, если такъ можно выразиться,—проникновенія въ текстъ, какъ у Львовскаго, едва ли можно въ нихъ встрѣтить. Это произведеніе является выдающимся даже и между другими переложеніями Львовскаго.

Нельзя не указать и въ этомъ произведеніи на постепенное нарастаніе творчества, объяснимое, впрочемъ, и самымъ слѣдованіемъ текста пѣснопѣнія.

«Достойно и праведно есть» положено въ спокойномъ тонѣ, мало витіевато (оно и безъ того, какъ начало, слушается съ интересомъ). Но и здѣсь слухъ, привыкшій къ ординарнымъ слѣдованіямъ 5 и 1 ступени, поражается ходомъ съ 5 же на 6-ю. Красивы здѣсь и переплетанія альты и тенора съ дискантомъ; отсутствіе вводнаго тона, при модуляціи въ *ля* миноръ, также очень оригинально и умѣстно и придаетъ переложенію русскій духъ,—народный стиль.

Въ «Святъ» уже больше развертывается творчество. Особенно интересны здѣсь ходы баса.

Далѣе очень образное мѣсто при «славы Твоя» на словъ «Твоя». Здѣсь Гр. Θ. употребилъ любимый оборотъ, которымъ онъ всегда пользуется къ мѣсту.

Присутствие въ басу болѣе высокихъ нотъ даетъ этой восхваляющей части пѣснопѣнія особенно торжественный характеръ, какой особенно увеличивается въ окончаніи, гдѣ басъ доходитъ въ красивой мелодіи до высокой ноты *ре*. Очень оригинально и окончаніе второго «аминь». Последние два такта просто поразительны во всѣхъ 4 голосахъ и особенно у альты.

«Въ Тебе поемъ» авторъ предлагаетъ медленный темпъ. Здѣсь уже встрѣчаются болѣе аккорды минорные. На словѣ «Господи» опять тѣ же аккорды, какъ и въ приведенномъ «аминь». «Тебе благодаримъ, Господи» повторяется два раза. Далѣе начинается самая патетическая часть и составляющая рѣдкій перлъ въ переложеніяхъ вообще. Двойное повтореніе «и молимтиса» приведено на органномъ пунктѣ баса въ 6 тактахъ. Мелодія дисканта, повторяемая уже болѣе 5 разъ, становится при этой гармонизаціи почти совсѣмъ другой, хотя въ ней не измѣнено ни одной ноты. Теноръ во все время какъ бы стенаетъ на нотѣ *до* и умильно молить въ одномъ движеніи вмѣстѣ съ альтомъ. Все это при *pp*, такъ удачно здѣсь поставленномъ. Партія же альты представляетъ собою что-то сверхъестественное, неземное. Она вращается все время только въ трехъ нотахъ *ми*, *фа*, *соль*; но что это за слѣдованія? Какъ они выражаютъ кающуюся и молящуюся душу! Подъ этими 6 тактами, думаю, подписался бы съ удовольствіемъ и Бахъ, и Бетховенъ. Второе «и молимтиса» при *f* и диминуэндо тоже очень поразительно по выразительности мелодіи альты и тенора. Третье «молимтиса» не менѣе интересно и вдохновенно, чѣмъ первое.

Особенно интересенъ здѣсь альтъ и басъ. Теноръ поражаетъ своею неотвязчивостью въ нотѣ *ми*. Въ «Боже нашъ» окончаніе «нашъ» при синкопахъ, задержаніи у альты, котораго сопровождаетъ теноръ; то же слѣдованіе у альты съ теноромъ въ окончаніи пятого «молимтиса». Далѣе поразительно 6-е «молимтиса» съ интересными

ходами баса, а также самый конец со слѣдованіемъ и баса, и альты.

Приводимое «Тебе поемъ» я предлагалъ проиграть на фисгармоніи многимъ изъ извѣстныхъ духовно-музыкальныхъ композиторовъ и знатоковъ пѣнія и съ наслажденіемъ читалъ на ихъ лицахъ подтвержденіе моего мнѣнія о тѣхъ или другихъ мѣстахъ переложенія.

Оканчивая обзоръ этого переложенія, чувствую, что сказалъ мало и не такъ образно, какъ этого требовало бы само произведеніе, а потому предоставляю продолжать описаніе «Тебе поемъ» другимъ поклонникамъ подобной музыки.

№ 22. *«О Тебѣ радуется».*

Греч. распѣва. Разрѣшена 1887 г.

Въ этомъ переложеніи своеобразно начало строки въ аккордѣ, дающее особенную выразительность басу. «Ангельскій соборъ» и «и младенецъ бысть» поетъ дѣтскій хоръ, а «человѣчскій родъ» и «прежде вѣкъ», послѣднее рр, поетъ мужской. Во всемъ переложеніи сохранена основная мелодія. Написано оно много плавнѣе, чѣмъ у Виноградова.

№ 23. *Задостойникъ Срѣтенію Господню.*

Разрѣшенъ 1887 г.

Начальная тема задостойника, кажется, была самою любимую у Гр. Ѳ., она встрѣчается во многихъ его произведеніяхъ и всегда сопровождается прекрасною гармонизаціею. Этою темою начиналась его Херувимская пѣснь *соль* миноръ для однороднаго хора, «Милосердія двери», «Вкусите и видите».

Первая часть задостойника Срѣтенію построена почти вся на органномъ пунктѣ. Особенно поражаетъ въ гармоніи слово «Дѣво» тенора съ удвоенною квинтою, а еще лучше и выразительнѣе альтовое «и спаси». Въ самомъ

ирмосѣ при неизмѣненной основной мелодіи у дисканта, баса просто поражаетъ своими выразительными ходами.

Но и помимо этихъ движеній баса, весь задостойникъ, сохраняя строгій церковный стиль, представляетъ выдающееся произведение, исполняющееся пѣвцами съ большою охотою и стараніемъ.

№ 24. Задостойникъ въ недѣлю Вайи. Богъ Господь.

Въ этомъ переложеніи, несмотря на довольно однообразную мелодію, все же виденъ Львовскій. Особенно поразительно у баса «Возвеличимъ Христа».

№ 25. Задостойникъ въ недѣлю 50 дн.

Знаменнаго распѣва.

Въ запѣвѣ «Апостоли сошествіе» замѣчательно наглядно выражено удивленіе апостоловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуты самыя замѣчательныя слова «Духъ Святыи». Дипамъ, не пѣвшимъ «Радуйся Царице» Турчанинова, этотъ задостойникъ покажется съ перваго раза очень замѣчательнымъ переложеніемъ; пѣвшимъ же довольно трудно будетъ при оцѣнкѣ отрѣшиться отъ ранѣе пѣтаго, тѣмъ болѣе, что здѣсь и мелодія, особенно въ началѣ, въ виду того, что она взята изъ обихода безъ измѣненія, совсѣмъ почти другая.

№ 26. Тропарь св. Кириллу и Меводію.

Сочиненіе Львовскаго.

Это произведение, по всей вѣроятности, написано ко дню 1000-лѣтняго юбилея первоучителей Словенскихъ. Слѣдовательно относится почти къ первымъ трудамъ. Хотя исполнять его при богослуженіи придется довольно рѣдко но оно очень интересно для истиннаго любителя пѣнія, какъ произведение, въ которомъ можно слѣдить за душевнымъ мышленіемъ автора во время творчества. Основная

мелодія есть или подражаніе древнему пѣнію, или взята изъ какого-либо стариннаго сборника.

Очень типично «словенскіе страны»: у баса такъ и вырисовываются эти страны въ разныхъ мѣстахъ Балканъ. Слово «Богомудрїи» довольно мудроно для исполненія. «Владыку всѣхъ молитѣ» подъ этимъ выразительнымъ обращеніемъ всего хора, и въ особенности баса, подписались бы, думаю, всѣ наши композиторы и знатоки русскаго духа въ мелодїяхъ и русскомъ хорѣ. Это мѣсто также одинъ изъ перловъ Львовскаго. Прекрасенъ также одинъ мужской хоръ—«Въ православїи и единомысліи».

По началу это какъ будто бы хоръ Сѣрова изъ «Рогвѣда». Онъ бы и былъ здѣсь кстати, но нѣтъ, тутъ Львовскій.

Чѣмъ же изобразить «единомысліе»? Конечно, одною нотой, въ которую Гр. Θ. и сводитъ весь этотъ отрывокъ мужского хора. Далѣе идетъ очень замысловатый и витіеватый конецъ. Затѣмъ припѣвы. Нельзя только согласиться съ тѣмъ, что въ «Моли Бога о насъ» дискантъ все время выпѣваетъ (чтобы не сказать выкрикиваетъ) одну и ту же высокую ноту *фа*.

№ 29. «Славно бо прославися». «Господа пойте». «Елицы во Христа креститесь». «Воскресни Боже».

Приведенныя переложенія не имѣютъ особенныхъ преимуществъ передъ рассмотрѣнными, но и мало чѣмъ уступаютъ среднимъ въ красотахъ переложенія.

«Елицы» (обычный распѣвъ) сходно по началу съ «О Тебѣ радуется». «Елицы» знаменнаго распѣва почти то же, что и обычнаго, но немного витіеватѣй.

«Воскресни Боже».—Здѣсь очень мелодичны и выразительны четыре послѣдніе такта съ ломаною мелодїей у дисканта и тенора въ предпослѣднемъ тактѣ.

Подъ этими NN свящ. Лисицынъ въ своемъ «Обзорѣ» совершенно вѣрно приписалъ, что эти NN суть одни изъ образцовъ величія Гр. Θ. и въ малыхъ вещахъ.

№ 28. *Непорочны.*

(Въ Великую субботу). Греческаго распѣва.

Указанное переложеніе послужило поводомъ къ началу моей переписки съ Гр. О. Часть переписки по поводу «Непорочень» считаю нужнымъ привести дословно.

Изъ письма Гр. О. «Такъ какъ вы настаиваете, то и посылаю просимые вами нѣсколько стиховъ изъ 17 каѳ. (перелож. мною лѣтъ 25 тому назадъ) и прошу имѣть только для себя, до времени, когда я пришлю вамъ въ болѣе отдѣланномъ видѣ».

Изъ моего письма (по поводу печатнаго переложенія «Непорочень»): «сейчасъ только окончилъ спѣвку, на которой въ заключеніе пропѣли ваши «Непорочень» въ Великую Субботу:—«Ужасея земля» и «Солнце, Спасе, скрыся». Гдѣ мнѣ взять словъ, чтобы ими выразить эти мѣста? Завидую вашему состоянію духа въ то время, когда полагали на 4 голоса эти фразы. Не думаю, чтобы эти строки были написаны хладнокровно. А должно быть, въ Петербургѣ еще не опѣнены ваши вдохновенныя переложенія, иначе тамошніе гг. регента поставили бы указанныя «Непорочны» въ концертъ».

Въ рукописяхъ Гр. О. сохранилось это переложеніе ¹⁾, которое, какъ видно изъ его письма, онъ составилъ лѣтъ 25 тому назадъ или въ 30-хъ годахъ своей жизни.

Въ этой рукописи «Роди вси» переложено во второй редакціи, присланной имъ и списанной съ первой въ поправленномъ видѣ.

Это «Роди вси», какъ и «и молимтися» изъ «Тебе поемъ» Василия Великаго, было написано на отдѣльномъ листкѣ и, слѣдовательно, явилось въ особую минуту вдохновенія и составляетъ неизгладимую страницу жизни Гр. О., доставившую ему высшее блаженство.

¹⁾ Вся тетрадь написана рукою Гр. О.

Какъ много говоритъ эта рукопись, написанная вся чернилами ¹⁾ и рукою самого Гр. Θ. Она доказываетъ, насколько Гр. Θ. любилъ обиходное пѣніе и понималъ красоты древней мелодіи, п. что, несмотря на все же прекрасное по музыкѣ переложеніе Турчанинова, онъ 35 лѣтъ тому назадъ не былъ доволенъ переложеніями Турчанинова, въ виду очень свободнаго обращенія послѣдняго со священною обиходною мелодіей. Въ этой рукописи, по многочисленнымъ поправкамъ, видно недовольство Гр. Θ. своимъ переложеніемъ; смутно онъ сознавалъ, какво должно быть переложеніе, но ему не хватало смѣлости, а можетъ быть, въ то время онъ не постигъ достаточно контрапункта ²⁾.

Во всѣхъ книгахъ нотнаго церковнаго обихода едва ли найдутся такія мелодически-музыкальныя и глубоко содержательныя по смыслу страницы, какъ «Непорочны» греческаго распѣва. Чтобы сдѣлать подобное заключеніе, надо видѣть, съ какою любовію и умиленіемъ пѣлись въ 50-хъ годахъ и теперь поются эти страницы истинными любителями церковнаго пѣнія какъ причетниками (по одной нотной церковной книгѣ) и импровизованными любителями церковнаго пѣнія, становящимися иногда на клирость только для пѣнія этихъ «непорочень», «утру глу-

¹⁾ Гр. Θ. писалъ свои сочиненія большею частію карандашомъ.

²⁾ Ко времени рукописи „Непорочень“ въ первой редакціи, судя по ветхости бумаги и цвѣту чернилъ, относятся еще слѣдующія рукописи:

1. „Аллилуія“ на вечерни великаго поста.
2. „Не отврати лица“ и „Даль еси достояніе“.
3. „Чертогъ Твой“.
4. Начало ирмосовъ „Божественнымъ покровень“.
5. „Да исправится молитва моя“ обиходное. Написана рукою Гр. Θ. на голоса.
6. „Плачу и рыдаю“ (4 рукописи) сочинено, навѣрное, во время болѣзни.
7. Догматики 6 и 7 гласовъ.
8. „Херувимская“ Кіево-Лаврскаго распѣва.
9. Херувимская пѣснь на „Хвалите Господа“.

боку» во Святую Великую субботу, — такъ и пѣвцами церковныхъ хоровъ въ переложеніи Турчанинова. Подтверженіемъ сказаннаго служить и то, что Гр. О. въ самые ранніе годы своего регентства приступилъ къ гармонизации «Непорочень» и трудился надъ нею почти всю свою жизнь, поправляя ту или другую строку, пока наконецъ въ 1893 году, за годъ до смерти, это переложеніе не явилось во всей своей красотѣ.

Стихиры «Непорочень» раздѣляются, какъ извѣстно, на три статьи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особенныя мелодіи. Гр. О. переложено по 5 стихирь изъ каждой статьи. Всѣхъ же стихирь въ потномъ обиходѣ 45. Въ стихирахъ 1-й статьи особенно мелодично написана партія тенора. Красивы также ходы альты.

Поразительно во всѣхъ голосахъ, а особенно въ басѣ, «Исусе Царю».

Вторая статья «Достойно есть величати Тя» еще интереснѣе по основной мелодіи. Здѣсь особенно знаменательна разстановка знаковъ выраженія, соответствующая значенію текста. Красива имитация тенора въ словахъ «Жизнодавца». Дискантъ одвѣми и тѣми же нотами съ теноромъ раздѣляетъ слово. Не менѣе интересенъ и запѣвъ; напр., «Руцѣ Твои» и окончаніе «Научуся заповѣдемъ Твоимъ».

Въ церковномъ, да и въ свѣтскомъ пѣвнѣи есть одна интересная особенность, на которую, кажется, не обращено еще должнаго вниманія.

Довольно часто приходится на одну и ту же мелодію пѣть стихи различнаго содержанія — и печальнаго, и угрожающаго, и даже радостнаго. Поющему и слушателю кажется, что и мелодія какъ будто измѣняется отъ текста; но это вѣдь только иллюзія, особенно въ одноголосномъ пѣвнѣи. При пѣвнѣи же церковномъ, гдѣ эту мелодію могутъ затушевать другія выразительныя мелодіи прочихъ партій, эта иллюзія не такъ ужъ поразительна. Въ виду указаннаго преобладанія текста, т.-е. мысли надъ чувствомъ, на переагатаелѣ лежитъ большая задача придать одной и

той же мелодіи при помощи прочихъ трехъ голосовъ тотъ смыслъ, какого требуетъ текстъ.

Начало мелодіи 2-й статьи очень удачно выражаетъ: «Ужасеся земля». Ту же мелодію на слова: «Уснулъ еси Христе» Львовскій начинаетъ тихо, а слово «Христе» пѣвнѣе, и мелодія, такимъ образомъ, какъ бы отходитъ уже на второй планъ, выдвигая великое слово «Христе», произносимое со страхомъ и трепетомъ. Но что это за чудное выраженіе въ мелодіи и гармонизаціи Львовскаго «и солнце, Спасе, скрыся»!

Наконецъ, мы подходимъ къ самому поэтическому мѣсту «Непорочень», приведенному уже въ началѣ—3-й статьѣ.

Начальная основная мелодія «Роди вси» по своей смѣлости, пѣвучести и оригинальности имѣетъ мало себѣ подобныхъ. Этой мелодіей возможно выразить любое чувство, любое настроеніе, конечно, человѣку религіозному. Львовскій къ этой мелодіи создалъ еще очень интересную мелодію баса. Мелодія альты и тенора также очень интересна и оригинальна, выразительна и пѣвуча. Эти четыре мелодіи представляютъ при пѣвнѣи что-то неизъяснимое и постоянно поражаютъ самихъ пѣвцовъ. На словахъ «пѣсни исходныя» въ гармонизаціи сдѣлано очень интересное измѣненіе. Вообще, вся эта третья статья поется и слушается съ непрерывнымъ интересомъ, не заслоняя при этомъ самаго главнаго — обращенія мыслию и духомъ къ Лежащему во гробѣ. Какъ выразительно въ этой мелодіи воспоминаніе снятія съ древа, обвитія плащавицею и самаго погребенія! Особенно это погребеніе хорошо выражено альтомъ, мелодіей баса и тенора при *pp*. По силѣ выразительности «Непорочны» Львовскаго должны стоять въ ряду лучшихъ его произведеній, и едва ли явится что-либо подобное этому переложенію въ будущемъ на этотъ же текстъ.

№ 32-й. *«Плотію уснувъ»* и *«Да воскреснетъ Богъ»* (изъ обихода). Переложение *солъ мажоръ*.

По присущей скромности Гр. О. не озаглавилъ этотъ № *«Христось Воскресе»*, а написалъ въ оглавленіи второй № *«Плотію уснувъ»*. Тогда какъ три №№ *«Христось Воскресе»* представляютъ глубокой интересъ уже по одному тому, что этотъ самый ликующій тропарь не имѣетъ для себя подобающей мелодіи, не говоря уже о неудовлетворительности существующей гармонизаціи этой мелодіи. Общеупотребительная начальная мелодія приведена въ № 2, но и начало № 1 заслуживаетъ особеннаго вниманія, и ужъ конечно эта мелодія, какъ прошедшая многіе вѣка, заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ существующія *«сочиненія»* на этотъ знаменательный и радостный кличъ христіанства. Всѣ три №№ *«Христось Воскресе»* отличаются мажорнымъ характеромъ. Поются они, конечно, въ сокращенномъ темпѣ, для чего должны быть выучены наизусть. Особенно интересенъ въ скоромъ пѣвнн послѣдній №, въ которомъ вторая часть напоминаетъ торопливое сообщеніе, похожее отчасти на перезвонъ колоколовъ. Крайне жаль, что изъ этой мелодіи сдѣлали шаблонный скорый говорокъ.

Всѣмъ любителямъ истоваго церковнаго пѣвнн эти три №№ *«Христось Воскресе»* очень по душѣ.

«Плотію уснувъ».

Хотя между русскимъ церковнымъ пѣвнемъ и между народною пѣснью въ самыхъ классическиххъ ея формахъ и существуетъ громадная разница, но все же нельзя не замѣтить въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ обоюднаго вліянія другъ на друга, если не въ мелодіи, то въ стилѣ исполненія. Нѣкоторыя изъ мелодій при гармонизаціи весьма ощутительно выражаютъ русскій духъ. Къ такимъ произведеніямъ нельзя не отнести и *«Плотію уснувъ»* Львовскаго, гдѣ онъ показалъ себя, какъ знатокъ русскаго пѣ-

нія и сумѣлъ при этомъ написать такую гармонизацію, которая, проявляя русскій стиль, все же не удалилась отъ своего главнаго: важности и церковности. Начальные слова «Плотію уснувъ» поются въ *до* мажорѣ тихо, плавно и протяжно съ сохраненіемъ каждой нотки основной мелодіи, и только басъ идетъ смѣлыми ходами. Поразительна гармонизація «яко мертвъ» при *пianissimo*, проходя аккорды: *фа, ре, ля*. Басъ нотами *фа, ре, ля*, очень рельефно заявляетъ «яко мертвъ». Эти три аккорда—перлы въ сочиненіяхъ Львовскаго.

Воззваніе «Царю и Господи» совершается пятью головами. Какъ это знаменательно и какъ восторженно и умирительно звучитъ въ семи голосахъ въ септакордахъ слово «Господи»! Здѣсь не забыта и украшающая нота *ми*. Это одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ въ переложеніяхъ Львовскаго. Далѣе «Тридневенъ воскресъ еси» поражаетъ своею мощью у баса и русскою мелодіею у тенора,—также одно изъ замѣчательныхъ вдохновеній. Затѣмъ, какъ не поражаться вдумчивою изобрѣтательностью гармонизатора; слова: «Адама» «воздвигъ» «отъ тли» поются на одну и ту же мелодію, но въ гармонизаціи масса интереса. Въ словѣ «Адама» выдѣляется альтъ, при чемъ басы раздѣляются на три голоса и на слогъ «ма» соединяются въ два; въ словѣ «воздвигъ» выдѣляется теноръ съ высокими нотами и 1-й басъ; въ словѣ «отъ тли» выдѣляется 1-й басъ; оканчивается слово въ басовой партіи въ три голоса. Во все время доминируетъ нота *соль*. Очень витіевата основная мелодія на словахъ «и упразднивъ смерть». Древній пѣснослагатель чувствовалъ, какъ важно это выраженіе въ стихирѣ и поэтому хотѣлъ отгнать его группою нотъ. Не менѣе продумалъ это выраженіе и Львовскій: въ своей гармонизаціи на словѣ «смерть» онъ какъ бы прикладываетъ печать къ этому упраздненію, особенно басомъ. «Пасха нетлѣнія» исполняется принятою многими гармонизаціею—безъ басовъ. Это очень красивое и свѣтлое, какъ самая пасха, мѣсто. «Міра спасеніе» за-

являетъ басъ въ очень подвижной и выразительной мелодіи. Такимъ образомъ, «Плотію уснувъ» является однимъ изъ интересныхъ пѣснопѣній, заслуживающихъ нашего вниманія и нашихъ регентовъ и любителей церковнаго пѣнія въ древнемъ русскомъ стилѣ. Это высказано и свящ. Лисицынымъ, который пишетъ, что подъ № 32 находятся рѣдкіе художественные образчики.

«Да воскреснетъ Богъ».

При обиходной мелодіи поражаетъ оригинальною гармонизаціей, не нарушающей (если пѣснопѣніе будетъ исполняться просто и почти наизусть) церковнаго стиля. Въ 1-й стихирѣ особенно интересны ходы баса при соединеніи аккордовъ 3 и 4 ступени. Во второй стихирѣ очень выразительны слова «да исчезнутъ», кончающіяся во всемъ хорѣ на одной нотѣ при *p*. Интересна во многихъ мѣстахъ стихирѣ выразительность отдѣльныхъ словъ: «Прійдите», «Красуйся ликуй»,—«Сей день»—«О пасха»—«Ремъ братіе». Стихира «Мироносицы жены» написана почти вся въ минорѣ, за исключеніемъ «И той провѣщавъ имъ, сиче глаголаше». Но всего интереснѣе и по основной мелодіи, и по гармонизаціи «Сей день» и «Пасха красная». Эта стихира и въ нотномъ церковномъ обиходѣ выдѣляется изъ всѣхъ стихиръ Пасхи особенною красотой и витѣватостію мелодіи. Видно, что слагатель этой мелодіи хотѣлъ отгвѣнить эту стихиру и вылить надъ нею всю душу радости и восторга пасхальнаго. Достоинно пораждѣлъ надъ этой мелодіей и Гр. Э. Львовскій. Весьма интересно во всѣхъ голосахъ вступленіе «Пасха красная»—особую выразительность придаютъ синкопы въ трехъ голосахъ. Очень мелодичны ходы тенора и альты въ третьемъ словѣ «Пасха»—тоже «всечестная». Но самымъ вдохновеннымъ мѣстомъ надо признать слово «Пасха» на мелодію «море» изъ догматика 5 гласа. Какъ чудень здѣсь теноръ и общая гармонія!

Поразительны восторженные слова «О, пасха» у дисканта, баса и альты. Не менѣе интересна мелодія тенора «ибо изъ гроба днесъ», иллюстрирующая поднятіе «изъ гроба днесъ».

Эта же мелодія тенора еще выразительнѣе и витіеватѣе повторяется и на словахъ «проповѣдите апостоломъ».

Еще интереснѣе его мелодія на словахъ «возсія Христось». Какъ чудень здѣсь альтъ на словѣ «Христось»!

Въ послѣдней стихирѣ на словахъ «и нынѣ» торжественно красивы слова «Воскресенія день» и особенно выразительны у тенора и баса. Замѣчательнъ призывъ баса «И другъ друга обьемемъ». Очень могуче, торжественно и оригинально по гармонизаціи начало «Христось воскресе изъ мертвыхъ».

№ 34. *Господи помилуй* на воздвиженіе Честнаго Креста.
Сочиненіе. «*Кресту Твоему*».

Какъ извѣстно на «Воздвиженіе Креста», на всеобщей, при архіерейскомъ богослуженіи происходитъ постепенное опусканіе архіереемъ креста до земли и воздвиженіе его кверху. Хоръ въ это время, изображая возгласы молящихся, повторяетъ, какъ на литіи, «Господи помилуй».

Въ бумагахъ Львовскаго сохранился и набросокъ, показывающій, что это «Господи помилуй» принадлежитъ къ самымъ раннимъ произведеніямъ Гр. Θ. До него, по всей вѣроятности, пѣли это «Господи помилуй» въ другомъ родѣ. Печатное изданіе довольно многимъ отличается отъ проекта, и кромѣ того въ немъ разставлены знаки выраженія, по которымъ при опусканіи креста хоръ постепенно стихаетъ, а при поднятіи усиливаетъ пѣніе, чему особенно способствуетъ и модуляція въ высшіе и низшіе строи, доходя до самаго низкаго у дисканта *до* и затѣмъ поднимаясь до 1-го *до*. Басъ спускается и поднимается секундами. Это «Господи помилуй» представляетъ эффектное и наглядное изображеніе Воздвиженія Креста и очень

умѣстно на праздниѣ Воздвиженія, когда послѣ «Беликаго славословія» прихожане находятся всецѣло въ молитвенномъ настроеніи и со страхомъ и трепетомъ повторяютъ за хоромъ «Господи помилуй». Изъ всѣхъ произведеній Львовскаго приводимое сочиненіе стало болѣе извѣстно читателямъ духовныхъ газетъ и журналовъ, благодаря исполненію этого «Господи помилуй» Московскимъ Синодальнымъ хоромъ въ Вѣнѣ. Чѣмъ руководствовались при этомъ составители программы, — рѣшить довольно трудно, но исполненіе произвело надлежащій эффектъ, и «Господи помилуй» было повторено и особенно заинтересовало австрійскихъ музыкантовъ ¹⁾).

Не знаю, исполнялъ ли тотъ же хоръ въ Вѣнѣ «Кресту Твоему», которое замѣчательно по идеѣ переложенія. Особенно интересно вступленіе удвоеннымъ хоромъ: «Кресту Твоему»,—слова же «Покланяемся, Владыко» по своей молитвенной моши не поддаются описанію. Это «Кресту Твоему» обычнаго распѣва—одинъ изъ лучшихъ перловъ въ драгоцѣнностяхъ Львовскаго.

№ 35. *Помилей* № 1. Знаменнаго распѣва. № 2. Кіевскаго распѣва. Разр. въ 1887 г.

Черновыхъ набросковъ въ бумагахъ покойнаго не оказалось. Эти два №№, какъ написанные въ первый періодъ творчества, во многомъ уступаютъ другимъ переложеніямъ, но во всякомъ случаѣ интересны для любителя древняго пѣнія. Особенно № 2.

№ 36. «*Нынѣ отпущаеши*». Кіевскаго распѣва.

На этомъ переложеніи воочію видна разница между перелагателями эпохи Львова и Львовскаго. Это «Нынѣ отпущаеши» есть и въ переложеніи Львова, написанномъ

¹⁾ Это „Господи помилуй“ ставилось нѣсколько разъ въ концертахъ А. А. Архангельскаго съ меньшимъ успѣхомъ.

очень красиво, благодаря основной мелодіи, но въ немъ нѣтъ продуманности текста, нѣтъ ни одного порыва творчества. Все написано какъ бы по ранѣ придуманному шаблону. Не то видимъ у Львовскаго. Первая фраза написана по обыкновенной манерѣ Львовскаго какъ бы просто, но и здѣсь уже виденъ особый мастеръ. Оканчивается фраза при *p* на одной нотѣ. Во второй фразѣ особенно красива и умилительна мелодія баса на словахъ «Твоему». Прекрасно и *pp* на словахъ «съ миромъ». «Яко видѣста очи мои» — торжественно-умильно у баса и тенора и оканчивается на излюбленномъ Львовскимъ аккордѣ. Прекрасны слова «Спасеніе Твое». Окончаніе слѣдующей фразы «предъ лицемъ всѣхъ людей» съ тою же каденціей, какъ и «очи мои». Особенно же поражаетъ здѣсь слово «языковъ» съ присущими только одному Львовскому ходами баса. «И славу людей твоихъ»... очень умилителенъ здѣсь теноръ. Окончаніе «Израиля» выразительно у баса. Вообще же это одно изъ лучшихъ вдохновеній Львовскаго.

№ 37. «Взбранной воеводѣ». Знамен. расп.

Появленію этого произведенія предшествовала слѣдующая наша переписка:

Изъ моего письма отъ 16 февраля 1892 г.:

«Хотя вы и сдѣлали мнѣ намекъ, чтобы вамъ не дѣлали какъ бы загазовъ переложеній, но мнѣ необходимо просить васъ о слѣдующемъ: для пятой недѣли поста мнѣ требуется «Взбранной воеводѣ», помѣщенное на стр. 71 имѣющагося у меня обихода. Два года я дерзалъ пѣть это въ своемъ переложеніи, но мнѣ весьма интересно видѣть ваше. Если можно, то пришлите хотя одну фразу: «Взбранной воеводѣ побѣдительная».

Изъ письма Львовскаго отъ 28 марта. «Заданный мнѣ вами урокъ, гармонизовать «Взбранной воеводѣ», по тѣмъ же причинамъ (масса работы по подготовкѣ хоровъ къ страстной недѣлѣ и св. Пасхѣ) не могъ исполнить, но

думаю, если сумѣю, пришлю вамъ къ празднику вмѣсто краснаго яичка».

Изъ моего письма отъ 5 апрѣля. «Благодарю за присланное «Взбранной». Во св. великую среду пѣлъ вторымъ теноромъ ваше «Да исправится» и на дѣлѣ почувствовалъ разницу религіознаго впечатлѣнія *между вашимъ переложеніемъ и музыкой Бортиянскаго* ¹⁾. Въ субботу пѣлъ ваши «Непорочны», которыя всѣмъ, особенно пѣвчимъ, очень понравились, и они пѣли съ наслажденіемъ, а также и задостойникъ на Вербное Воскресеніе. Сегодня поемъ ваше «Христось Воскресе», «Да воскреснетъ Богъ», «Плотію уснувъ».

Изъ письма Львовскаго отъ 20 апрѣля.—«Очень радъ, что «Взбранной Воеводѣ» вамъ понравилось, тѣмъ болѣе, что оно написано по вашему заказу. Но, при оцѣнкѣ моихъ трудовъ, просилъ бы васъ *избѣгать сравненія съ кѣмъ бы то ни было* ¹⁾.

Приводимое «Взбранной воеводѣ» произвело очень сильное впечатлѣніе на извѣстнаго знатока церковнаго пѣнія Урусова.

Считаю необходимымъ привести здѣсь еще отзывъ другого знатока церковнаго пѣнія — Степана Яковлевича Воробьева, бывшаго учителя Витебскаго духовнаго училища, съ которымъ у Гр. О. была довольно обширная и обоюдополезная переписка:

«Въ общемъ «Взбранной воеводѣ» представляетъ прекрасное переложеніе съ весьма эффектною и умилительною гармоніей,—напр., въ словѣ «яко» восхитительно волнообразное движеніе баса!»

Настоящимъ номеромъ кончаются всѣ сочиненія и переложенія для *смѣшаннаго* хора, напечатанныя при жизни покойнаго Гр. О. и изданныя имъ самимъ. Далѣе слѣдуютъ 7 №№, помѣченныхъ покойнымъ «для мужскихъ голосовъ» и одинъ № «для женскихъ и мужскихъ голосовъ».

¹⁾ Курсивъ составителя.

Въ числѣ этихъ 8 №№—№ 1 «Благослови душе» и «Нынѣ силы небесныя» представляютъ переложенія для однороднаго хора уже разобранные №№ 1—10 для смѣшаннаго, а потому и не требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія и оцѣнки, хотя нельзя не указать, что при исполненія тѣхъ же №№ однороднымъ хоромъ получается совсѣмъ другой, болѣе церковный стиль, переносящій молящагося подъ своды древнихъ монастырей съ ихъ древнимъ вдохновеннымъ пѣніемъ.

Гр. О. Львовскій и Д. Н. Соловьевъ одни изъ первыхъ начали издавать свои переложенія для однороднаго хора и этимъ подчеркнули громадное значеніе этого типа хоровъ и заставили обратить на него вниманіе.

Въ началѣ 80-хъ годовъ очень много говорилось и писалось о стилѣ церковнаго пѣнія, но было очень мало произведеній въ этомъ стилѣ, особенно для однороднаго хора; поэтому указанная произведенія и приняты были любителями подобнаго пѣнія съ восторгомъ.

№ 3. *Херувимская пѣснь*. (Большого знаменнаго распѣва).
Разрѣш. въ 1891 г.

Для болѣе правильной оцѣнки подобнаго распѣва и переложенія необходимо предварительно прослушать эту Херувимскую гдѣ либо въ монастырскомъ хорѣ, который исполняетъ столповое пѣніе, напимѣръ, хорѣ Геосиманскаго скита, находящагося около С. Троицкой лавры. Въ стилѣ этого пѣнія и исполненія написана и указанная Херувимская, потребовавшая отъ Гр. О. навѣрно очень много труда. Несмотря на довольно однообразную мелодію, вращающуюся почти въ 4-хъ нотахъ, въ это переложеніе все же внесено Гр. О. много разнообразія.

№ 4. *Херувимская пѣснь* (Древняго распѣва) Пол. Гр. Львовскимъ. Разр. ноября 11-го 1891 г.

Изъ указанныхъ 8 №№ для однороднаго хора на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить и причислить къ одному

изъ вдохновенныхъ произведеній Гр. О. именно эту Херувимскую пѣснь. Н. К. Нелидовъ въ своемъ обзорѣ произведеній Львовскаго совершенно справедливо называетъ эту Херувимскую блестящей импровизаціей на древній распѣвъ. По всей вѣроятности, въ тѣхъ же видахъ Гр. О. написалъ не «переложено», а «положено»,

Послѣ «Херувимской» умиляютъ «Объятія отча», «Нынѣ силы» и «Да исправится».

Херувимская пѣснь начинается съ любимаго Львовскимъ вступленія, которое встрѣчается и въ другихъ 3-хъ нумерахъ. Первая часть *pp* написана въ спокойномъ настроеніи. Здѣсь приведена старинная манера вступленія за одну партією трехъ партій. Вторая часть «и животворящей Тройцѣ» написана въ ликующемъ духѣ и очень напоминаетъ восторженное пѣніе отъ души хорошаго монастырскаго хора, когда онъ распоеется и за пѣніемъ позабываетъ все, кромѣ наслажденія религіознаго. Нарощеніе и безконечность экспрессіи здѣсь поразительны. Начинается эта часть *f*, затѣмъ мелодическая и гармоническая мощь все болѣе и болѣе разрастается, и вамъ кажется, что уже далѣе этого воодушевленію нельзя итти, а между тѣмъ въ «Тройцѣ» васъ ожидаетъ неописуемый восторгъ, который еще болѣе усиливается при переходѣ на слово «Трисвятую» и конецъ этой чудной кантилены, слово «пѣснь».

Далѣе повтореніе послѣ предварительнаго вступленія 1 тенора «припѣвающе» уже въ болѣе спокойномъ духѣ, но это только временно. Последнее «припѣвающе», по своей мелодичности во всѣхъ голосахъ, едва ли гдѣ можно встрѣтить. Особенно восторженны, хотя и высокія, ноты у 1-го тенора. Вся вторая часть—въ припѣваніи «Животворящей Тройцѣ трисвятой пѣсни», что какъ бы ставитъ самое пѣніе на очень возвышенный пьедесталъ, но вѣдь это все же дѣло житейское, а потому «всякое нынѣ житейское» начинается уже въ благоговѣніи, тихо, при

чудной мелодіи первой части, но украшенной такими бриллиантами, которые могъ поставить только Львовскій. Во всей этой части при встрѣчающихся, но не во всѣхъ голосахъ, мелодіяхъ изъ «и животворящей», нѣтъ ни одного *f*, что очень продуманно, и оканчивается «всякое нынѣ» чуднымъ замирающимъ и умирительнымъ піаниссимо.

«Аминь» очень интересно по выразительности альты. 12 тактовъ въ «Яко да Царя» тѣ же, что и въ «и животворящей» — *f*. «Ангельскими невидимо» *p* и оканчивается *pp*.

Все это написано въ торжественно-ликующемъ духѣ. Особенно два послѣднія «Аллилуія». Для однороднаго мужского или женскаго хора едва ли можно найти что-либо лучшее.

Эта дивная Херувимская пѣснь нашла уже себѣ должную оцѣнку и въ лучшихъ хорахъ московскихъ женскихъ монастырей Алексѣевскомъ и Страстномъ, гдѣ она исполняется при особенно торжественныхъ службахъ. Этой Херувимскою пѣснью восторгались при воодушевленномъ исполненіи (а воодушевленіе давалось самимъ произведеніемъ) слушатели веденныхъ мною регентскихъ курсовъ во многихъ городахъ Россіи.

№ 5. «Да исправится молитва моя».

Это пѣснопѣніе переноситъ почти каждаго любителя церковнаго пѣнія къ годамъ его дѣтства: многіе изъ читателей слышали эту мелодію еще до школьнаго возраста, во время говѣнія, изъ устъ городского или сельскаго причетника, когда онъ выходилъ на средину церкви и съ умиленіемъ выпѣвалъ эту витѣватую мелодію. По всей вѣроятности, это воспоминаніе дѣтства заставило переложить «Да исправится» и нашего гениа, М. И. Глинку.

Въ бумагахъ Гр. Θ. Львовскаго находится прежняя редакція этого пѣснопѣнія, заключающаяся въ трехъ отдѣльныхъ голосовыхъ партіяхъ, переписанныхъ самимъ

авторомъ, по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ его композиторской дѣятельности, въ 60-хъ годахъ.

Хотя это раннее «Да исправится» представляетъ нѣкоторыя измѣненія отъ напечатаннаго, но въ немъ уже видна вполне программа будущихъ переложений Львовскаго. Указанные листки очень поддержаны, а потому и свидѣтельствуютъ, что оно было любимымъ переложениемъ покойнаго, и что въ А. Невской Лаврѣ нерѣдко исполняли это «Да исправится».

Считаю не лишнимъ привести здѣсь отзывъ объ этомъ переложеніи К. Нелидова: «Авторъ сумѣлъ найти для своего переложенія не менѣе интересное голосованіе, чѣмъ у незабвеннаго М. И. Глинки. Благодаря умѣлому употребленію побочныхъ ступеней II, III, IV, VII гармонизація очень разнообразна и красива».

№ 6. «Нынѣ силы небесныя». См. № 10.

№ 8 «Облятія Отча». Стихира при постриженіи въ иноческій чинъ. *Ля миноръ* ¹⁾.

Это не переложеніе, а творческая переработка рукописи какого-нибудь монастыря, почему и сдѣлана надпись: положено Гр. Ө. Львовскимъ. Въ бумагахъ Гр. Ө. и есть эта рукопись, представляющая положенный напѣвъ на 3 голоса съ однообразнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же строкъ и безграмотнымъ распределеніемъ текста по этимъ строкамъ. Гр. Ө. пришлось потратить не мало труда, чтобы положить все это на четыре голоса и придать всему пѣснопѣвію характеръ строго церковнаго пѣснопѣнія. Мало того, въ положеніи Гр. Ө. мы встрѣчаемъ массу интереснаго разнообразія, и нѣкоторыя мѣста прямо-таки вдохновенны, напримѣръ, «да не презриши сердце»;—здѣсь въ первомъ басѣ весьма рельефно и вдохновенно изображень вспомогательной нотой вздохъ на слогъ «пре»,—это

¹⁾ Въ бумагахъ Гр. Ө. есть рукопись этого пѣснопѣвія, транспонированнаго въ *ре миноръ* для альтовъ, 1 и 2 теноровъ и баса.

же повторяется далѣе, и еще болѣе къ мѣсту, на словѣ «умиленіемъ». Только эти двѣ нотки даютъ право написать «положилъ». Особенно интересна гармонизація на слово «зову». Тутъ выраженъ вошь наболѣвшей истерзанной души, которая взываетъ о своихъ грѣхахъ. Въ подлинникѣ же это изображено простымъ аккордомъ *mi*. Гр. Θ. сдѣлалъ замѣчательную каденцію съ параллельными ходами второго тенора и 2-го баса. Особенно поражаетъ повторенное альтомъ «зову» съ очень умирительнымъ задержаніемъ. Слово «зову», т. е, его послѣдній слогъ, начинается *f*, далѣе слѣдуетъ *p* и наконецъ *pp* при фермато. Все это воззваніе съ умиленіемъ представляетъ рѣдко удающееся вдохновеніе. Съ большимъ религіознымъ чувствомъ поютъ здѣсь пѣвцы и слово «Господи». Очень интересно поставленное на 5-й нотѣ перваго голоса кресцендо и далѣе *p* для изображенія умирительнаго и въздыхающаго произнесенія самаго главнаго слова «Господи».

По числу разставленныхъ въ пѣснопѣвннхъ знаковъ выраженія видно, съ какою любовію относился къ этому своему положенію Гр. Θ. и насколько понималъ значеніе каждой строки, каждаго слова. Еще болѣе поражаетъ своимъ вдохновеніемъ окончаніе, текстъ котораго взятъ изъ Евангелія «согрѣшихъ на небо и предъ Тобою». Басъ во второмъ «согрѣшихъ» вачинаетъ съ нижняго *solm diez* и идетъ ступенями къ верхнимъ нотамъ, опускаясь и какъ бы преклоняясь на словѣ «предъ», а затѣмъ на словѣ «Тобою» взываетъ высокою нотою *si*.

Стремленіе горѣ выражено и въ прочихъ голосахъ: сначала движутся параллельно 4-мя нотами 1-й и 2-й теноръ, послѣ нихъ стремится кверху 1-й басъ. На словахъ «предъ Тобою» всѣ голоса на высокнхъ нотахъ весьма выразительно заканчиваютъ пѣснопѣвнне.

Общій характеръ и напѣвъ этого пѣснопѣвннхъ умирительный, переносящій, какъ и Херувимская пѣснь *solm минорг*, слушателя подѣ своды монастыря.

Пишущему эти строки очень часто приходилось видѣть слезы на глазахъ исполнителей и исполнительницъ; а инокини двухъ женскихъ обителей даже не могли и допѣть на спѣвкѣ въ первый разъ до конца это именно умилительное и глубокое по чувству пѣснопѣіе.

Еще разъ повторяю, что самыми вѣрными цѣнителями духовно-музыкальныхъ произведеній могутъ быть сами исполнители этихъ произведеній при первомъ исполненіи, если въ этихъ исполнителяхъ теплятся религіозныя чувства.

Изъ отзыва свящ. М. Лисицына: «чрезвычайно умилительное произведеніе и потрясающее до глубины сердца.— Напѣвъ монастырскій, аеонскій».

Степени 6 гласа. Знам. расп. (опытъ гармонизаціи древнихъ церковныхъ напѣвовъ) Москва. Въ синодальной типографіи, 1888 г.

Это передоженіе Гр. О. ранѣе прочихъ появилось въ печати, слѣдовательно, было однимъ изъ любимыхъ авторомъ и болѣе другихъ достойно печати.

Три молитвы ко Пресвятой Богородицѣ. 1. Милосердія дверн. 2. Никто же, притекаяй къ Тебѣ. 3. Утоли болѣзни.

Первое—сочиненіе. Второе заимствовано изъ напѣвовъ Александро-Невской Лавры. Третье подписано «сочиненіе», хотя основная тема взята у іеромонаха Виктора. Вотъ, что пишетъ по поводу этого сочиненія самъ Гр. О. къ Г. Радченко 30 октября 1886 года.

«Сейчасъ кончилъ передѣлку тропаря «Утоли болѣзни» для института изъ какого-то 3-хъ голоснаго сочиненія. Если выйдетъ на голосахъ удачно, то пришлю вамъ копію». 12 декабря 1886 г. «Посылаю вамъ тропарь «Утоли болѣзни многовоздыхающія души моя», который уснащался мною подъ давленіемъ своихъ воздыханій и вашихъ болѣзнующихъ писемъ; когда я сидѣлъ за фортепи-

ано, вы были со мной, рядом сидѣли, и оба мы въ тишинѣ ночной изливали свою скорбь предъ Утѣшительницею, моля разрѣшить и наши скорби».—«Хотя главная мысль въ музыкѣ этого тропаря и не моя (такъ какъ я получилъ какой-то безграмотный манускриптъ изъ Сергіевской пустыни ¹⁾), но форма и изложеніе вылились изъ собственной души и вышло нѣчто, выражающее состояніе нашихъ съ вами душъ. Буду сердечно радъ, если вы найдете въ этой молитвѣ выраженіе вашихъ чувствованій, въ чемъ не сомнѣваюсь, такъ какъ я слагалъ его вмѣстѣ съ вами».

Прибавлять къ этимъ словамъ самого автора едва ли что надо, кромѣ указаній на то, какъ относился Гр. Θ. къ своимъ произведеніямъ, что желалъ видѣть въ нихъ и чего ожидалъ отъ нихъ для другихъ. Всѣ три приведенныя молитвы написаны въ одномъ стилѣ, но «Утоли болѣзнь» болѣе другихъ поражаетъ своею творческою могью и умиленностью.

А. Карсеевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Очень можетъ быть, что и у васъ въ Полтавѣ таковой найдется.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

О юбилейныхъ годахъ для преподавателейъ духовно-учебныхъ заведеній.

Преподаватели духовно-учебныхъ заведеній въ настоящее время трудятся слишкомъ много, больше, чѣмъ это позволительно со стороны ихъ собственнаго здоровья и пользы учебно-воспитательнаго дѣла. Они переутомляются слишкомъ рано, черезъ нѣсколько лѣтъ службы уже становятся неврастениками, жалуются на пониженіе трудоспособности, чувствуютъ въ себѣ зародыши всевозможныхъ болѣзней. вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ преподаваніе съ годами становится не лучше, а хуже, утрачиваетъ первоначальную свѣжесть, становится шаблоннымъ и механическимъ. Можно было бы думать, что съ годами, когда преподаватель овладѣетъ своимъ предметомъ и специализируется въ немъ, онъ станетъ лучшимъ учителемъ. На самомъ дѣлѣ чаще бываетъ наоборотъ. Если молодые преподаватели иногда возбуждаютъ интересъ въ учащихся, приковываютъ къ себѣ своими объясненіями ихъ вниманіе, то съ учителями пожилыми это бываетъ рѣдко, а со старыми еще рѣже. А старость для преподавателя наступаетъ рано, значительно раньше, нежели для представителей другихъ профессій.

Виною въ этомъ является въ значительной степени матеріальная необезпеченность преподавателей, вынуждающая ихъ набирать огромное количество уроковъ по самымъ разнороднымъ предметамъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, просиживать вечера за подготовкой и тетрадками, вѣчно спѣшить, не знать ни отдыха, ни развлеченій. Нужно думать, что съ предполагаемымъ увеличеніемъ ихъ содержанія они получатъ возможность вести болѣе нормальный образъ жизни, позволяя себѣ больше от-

дыха и не изнемогая подъ ярмомъ непосильнаго труда. На-ряду съ этимъ я хотѣлъ бы указать еще одну мѣру, которая могла бы сдѣлать жизнь тружениковъ духовной школы болѣе сносною, болѣе легкою, поднять ихъ само-чувствіе и вслѣдствіе этого благотворно отразиться на ходѣ всего учебнаго дѣла.

Я имѣю въ виду льготныя, юбилейныя годы, которые можно было бы установить для преподавателей семинарій и училищъ чрезъ каждое пятилѣтіе. Въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ одинъ изъ профессоровъ въ теченіе года не читаетъ лекцій. Онъ командируется совѣтомъ за границу съ научною цѣлью. Въ дѣйствительности онъ, конечно, занимается тамъ не одною наукой. Профессора вообще пользуются этими годами для того, чтобы отдохнуть, попутешествовать, освѣжить душу новыми впечатлѣніями, закончить какой-нибудь ученый трудъ, подвести итоги своей работы. Въ тѣхъ же цѣляхъ могли бы даваться по крайней мѣрѣ полугодичныя отпуска и преподавателямъ средней духовной школы. Мечтать о вполнѣ свободныхъ годахъ, разумѣется, трудно. Это стало бы вызывать значительныя учебныя неудобства, которыхъ не знаетъ высшая школа. Но предоставить преподавателямъ право пользоваться черезъ каждое пятилѣтіе шестимѣсячными каникулами было бы можно безъ всякаго ущерба для дѣла. Если бы эти каникулы стали продолжаться съ четверга шестой недѣли поста и до 15 октября, то, собственно, отъ учебнаго времени было бы оторвано не особенно много—всего 3—3½ мѣсяца, а между тѣмъ для преподавателей этотъ свободный отъ занятій промежутокъ имѣлъ бы огромное значеніе.

1) Въ это время преподаватели могли бы хорошенько отдохнуть отъ своихъ немалыхъ трудовъ. Правда, и въ настоящее время существуютъ двухмѣсячныя каникулы, но они оказываются недостаточными для полного восстановленія силъ. Не нужно забывать, что поступленію на должность преподавателя предшествуетъ тяжелая четырнадцатилѣтняя учебная подготовка—въ училищѣ, семинаріи и академіи, гдѣ онъ долженъ былъ всегда итти въ числѣ лучшихъ, а въ самомъ концѣ работа надъ кандидатскимъ сочиненіемъ. Преподаватель, впервые вступая на кафедру, часто бываетъ уже усталымъ, хотя вслѣдствіе молодости и увлеченія новымъ дѣломъ и не сознаетъ этого. Затѣмъ напряженный умственный трудъ скоро даетъ

себя чувствовать. Къ концу года усталость доходить до того, что преподаватели, подобно ученикамъ, ждутъ—не дождутся окончанія экзаменовъ. За лѣто они отдыхаютъ и осенью выглядываютъ болѣе бодрыми и энергичными. Однакожь черезъ нѣсколько лѣтъ службы этого промежутка оказывается недостаточнымъ. Бодрости и свѣжести хватаетъ все на меньшіе и меньшіе сроки, переутомленіе начинаетъ сказываться уже не къ концу учебнаго года, а значительно раньше. Вотъ тутъ-то и могли бы помочь большія шестимѣсячныя каникулы, которыя для пятилѣтняго преподавательскаго труда имѣли бы такое же значеніе, какое теперь имѣютъ лѣтнія вакаціи для годичнаго.

2) За это время преподаватели могли бы расширить свой жизненный опытъ, обновить душу новыми впечатлѣніями, побывать въ различныхъ мѣстахъ Россіи, а можетъ, даже и за границей. Правда, и теперь нѣкоторые изъ нихъ путешествуютъ въ каникулярное время по Крыму, Кавказу, Волгѣ и т. д. Но, во-первыхъ, это дѣлаютъ далеко не всѣ и не всегда; во-вторыхъ, дѣлаютъ спѣшно, не успѣвая переваривать новыхъ впечатлѣній, сосредоточиваться надлежащимъ образомъ на видахъ природы, различныхъ достопримѣчательностяхъ и т. п. Къ тому же въ настоящее время преподаватели, особенно молодые, пользуются каникулами въ цѣляхъ все того же изученія преподаваемого ими предмета, составленія записокъ или работы надъ диссертацией. Другіе, не порвавшіе еще связи съ родной семьей, считаютъ своимъ долгомъ побывать на родинѣ, навѣстить родителей, повидаться съ братьями, сестрами, знакомыми. Для путешествія по Россіи не остается времени. А между тѣмъ перемѣна обстановки и полученіе новыхъ впечатлѣній необходимы не только для развлеченія и освѣженія души,—нѣтъ, они обогащаютъ ее новыми данными, новымъ содержаніемъ, даютъ матеріалъ для работы воображенія и мысли, сообщаютъ послѣдней юношескую свѣжесть, красочность и яркость. Они имѣютъ такое же значеніе для старѣющаго отъ однообразія ума, какое подкладка новаго горячаго матеріала или притокъ свѣжей струи кислорода для угасающаго костра. И бытъ можетъ, одною изъ причинъ продуктивности умственнаго труда писателей, профессоровъ, поэтовъ, выдающихся публицистовъ является та, что они, обладая значительными матеріальными средствами, имѣютъ возможность въ теченіе всей своей жизни получать новыя впечатлѣнія и,

такимъ образомъ, освѣжать мысль, не давая ей захирѣть и заплѣсневѣть. Путешествіе по новымъ мѣстамъ, знакомство съ новыми людьми, новыя впечатлѣнія—дадутъ возможность преподавателю вливать жизнь въ свои объясненія, ту жизнь, которая часто бываетъ замѣтна у молодыхъ учителей и которая обычно пропадаетъ у старыхъ, пережевывающихъ одно и то же содержаніе сознанія, не находящихъ тамъ красокъ для оживленія голыхъ схемъ преподаваемыхъ ими предметовъ.

3) Въ большія каникулы преподаватели, не желающіе путешествовать и не имѣющіе близкихъ родныхъ, въ общеніи съ которыми они хотѣли бы провести время, могли бы пополнить свое образованіе, на досугѣ заняться частными работами, проредактировать записки по преподаваемымъ ими предметамъ, подвести итоги своей учебно-педагогической дѣятельности за истекшій пятилѣтній періодъ. При настоящихъ условіяхъ для всего этого не хватаетъ времени. Сколько магистрантовъ Академіи имѣютъ искреннее намѣреніе писать магистерскую диссертацию и, однакожь, не выполняютъ его за недостаткомъ досуга. То же самое нужно сказать и о лицахъ, желающихъ составить учебникъ или написать какую-нибудь большую статью. Въ учебные мѣсяцы объ этомъ нечего и думать. Весь день и часть ночи заняты уроками, подготовкой къ нимъ, чтеніемъ тетрадокъ, присутствованіемъ на педагогическихъ собраніяхъ. Въ рѣдкіе свободные промежутки времени, падающіе преимущественно на воскресные и праздничные дни, удается иногда написать какую-нибудь маленькую замѣтку, набросать планъ извѣстнаго отдѣла учебника, извѣстной статьи, но планъ этотъ такъ и остается планомъ. Чтобы продолжить работу, нужно ждать еще недѣлю, а можетъ быть, и больше, вслѣдствіе чего связь мыслей разрывается. Въ столь краткіе промежутки времени нельзя сосредоточиться на предметѣ, втянуться въ работу. Естественно, что изъ нея ничего не выходитъ. Каникулы слишкомъ малы. Въ теченіе ихъ надобно заставить силами для занятій въ слѣдующемъ учебномъ году. Иное дѣло, если бы они продолжались шесть мѣсяцевъ: тогда можно было бы и хорошенько отдохнуть, и выполнить какую-нибудь значительную работу безъ вреда для здоровья.

Учителя семинаріи въ настоящее время лишены возможности читать, слѣдить за литературой своего предмета,

за наукой, искусствомъ, жизнью вообще. Одинъ знакомый мнѣ преподаватель въ академическіе годы перечиталъ всѣ выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы и просмотрѣлъ лучшіе русскіе журналы приблизительно за 15 лѣтъ. Только знакомство съ индивидуалистическимъ теченіемъ въ поэзіи, съ декадентствомъ, символизмомъ, неохристіанствомъ оный отложилъ до поступленія на мѣсто, имѣя твердое намѣреніе знакомиться тогда со всѣми литературными новинками. Однакожъ, фактически это оказалось неосуществимымъ. Въ своей записной книжкѣ оный постоянно помѣчаетъ тѣ произведенія, о которыхъ ему приходится слышать и которыя оный считаетъ необходимымъ прочесть, но помѣтки эти такъ и остаются незачеркнутыми, все увеличиваясь въ числѣ.

Въ большія шестимѣсячныя каникулы преподаватель, при желаніи, могъ бы перечитать все, что появилось выдающагося со времени окончанія имъ Академіи, могъ бы вторично ознакомиться съ классическими произведеніями русской и иностранной литературы, которыя можно и даже должно читать не только въ юношескомъ, но и зрѣломъ возрастѣ,—и не читать только, а изучать. Я зналъ чуть ли не наизусть всего Пушкина, когда былъ семинаристомъ; въ Академіи уже не удостоивалъ его своимъ вниманіемъ, считая чтеніе такихъ поэтовъ недостаточно серьезнымъ для студента высшаго учебнаго заведенія. Въ семинаріи Пушкинъ не особенно мнѣ нравился: я считалъ его писателемъ легковѣснымъ и отчасти соглашался съ Писаревымъ въ оцѣнкѣ его поэзіи. Недавно только, занимаясь преподаваніемъ словесности въ женской гимназіи, я уже по обязанности вновь перечиталъ всего Пушкина,—и открылъ въ его поэзіи незримые мною прежде міры. Я замѣтилъ въ ней такія красоты, которыя прежде мнѣ были недоступны, которыя можно постигать лишь въ извѣстномъ возрастѣ сквозь призму жизненнаго опыта и такихъ переживаній, которыя молодому человѣку еще недоступны. И теперь я временами открываю страницу изъ этого поэта, читаю какое нибудь произведеніе и испытываю высокое наслажденіе. Оно вызываетъ во мнѣ цѣлый рядъ мыслей и чувствованій, освѣщаетъ новымъ свѣтомъ мое настоящее и прошлое, заставляетъ глубже вдумываться въ жизнь и понимать людей. А между тѣмъ у насъ часто думаютъ, что не только Пушкина, а и вообще художественную литературу можно читать только въ юно-

пешкіе годы, что для человѣка зрѣлаго недостаточно солидно заниматься такими пустяками. За исключеніемъ преподавателя литературы, семинарскіе наставники едва ли по окончаніи Академіи перечитываютъ нашихъ классиковъ, хотя это и было бы очень и очень полезно для освѣженія и углубленія мысли, для выработки пониманія душевной жизни другихъ, для расширенія умственного кругозора, для того, чтобы путемъ общенія съ великими мыслителями и художниками слова поддерживать на должной высотѣ свой собственный умъ, свои интересы, свое міровоззрѣніе. Я увѣренъ, что если бы черезъ каждые пять лѣтъ преподаватели вновь перечитывали и продумывали Гомера, Шекспира, Шиллера, Байрона, Гете, Диккенса, Гюго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и проч., то они не могли бы такъ скоро опускаться, умственно изнашиваться и мыслить по шаблонамъ, какъ это бываетъ въ настоящее время.

4) Наконецъ, въ юбилейное полугодіе преподаватели могли бы возстановить свою связь съ прошлымъ, вновь пережить тѣ мгновенія, которыя относятся къ далекимъ годамъ дѣтства, насладиться въ полномъ смыслѣ этого слова общеніемъ съ природой и тѣми развлеченіями, которыя можно получать на ея лонѣ. Въ настоящее время преподаватели семинаріи не видятъ ни весны со всѣми ея красотоми: благоуханіемъ цвѣтовъ, пѣніемъ птицъ, всюду кричащею жизнью,—ни осени съ ея своеобразной поэзіей, золотистымъ багрянцемъ деревьевъ, пышнымъ увяданіемъ природы. Каникулы продолжаются съ 15-го іюня по 15-августа, обнимая собою лишь время зрѣлости природы. Ея пробужденіе и закатъ проходятъ внѣ поля зрѣнія тружениковъ духовной школы. Если учителя духовныхъ училищъ, живущіе въ уѣздныхъ городахъ, иногда утопающихъ въ зелени, и имѣющихъ много свободнаго времени, могутъ наслаждаться прелестями весны и осени: гулять, кататься на лодкѣ, устраивать прогулки, удить рыбу и даже охотиться, то у преподавателей семинаріи для этого нѣтъ времени. У нихъ заняты и утренніе, и вечерніе часы, а послѣ обѣда надобно соснуть, чтобы чувствовать себя болѣе или менѣе бодрымъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ губернскихъ городахъ настоящей весны и осени не бываетъ: здѣсь воздухъ отравленъ копотью и дымомъ заводовъ, расти-

тельность съ самаго своего появленія покрывается пылью, желтѣеть и производитъ какое-то жалкое впечатлѣнiе.

При большихъ каникулахъ преподаватель могъ бы уѣхать изъ города службы прямо къ Пасхѣ, встрѣтить этотъ великiй праздникъ на своей родинѣ, обновить тѣ святыя воспоминанiя, которыя связаны съ этимъ днемъ. Затѣмъ онъ могъ бы слѣдить за пробужденiемъ природы, могъ бы наслаждаться всѣми тѣми весенними удовольствiями, съ которыми онъ разстался еще въ юности, могъ бы, наконецъ, видѣть и насыпанiе природы. Въ такомъ случаѣ отдыхъ его былъ бы полнымъ. Онъ вернулся бы на службу съ свѣжими силами, бодрый и удовлетворенный.

Противъ проектируемаго мною увеличенiя преподавательскихъ каникулъ разъ въ пятилѣтiе могутъ возразить, что оно будетъ вредно для учебнаго дѣла. Съ этимъ я совершенно не согласенъ. Нужно быть слишкомъ мало знакомымъ съ психологiей, чтобы утверждать это. Я лично въ сентябрѣ, октябрѣ и половинѣ ноября мѣсяца дѣлаю болѣе половины всего, сдѣланнаго мною за годъ. Приблизительно то же говорятъ мнѣ и мои сослуживцы. Послѣ лѣтнихъ каникулъ чувствуешь себя свѣжо и бодро. Объясненiя уроковъ идутъ особенно хорошо, энергiя преподавателя поддерживаетъ такое же настроенiе и во всемъ классѣ. Къ концу трети уроки идутъ уже кое-какъ. Объясненiя не клеятся, ученики чувствуютъ настроенiе преподавателя и сами въ свою очередь становятся менѣе внимательными и усердными. Послѣ рождественскаго отдыха въ январѣ мѣсяцъ дѣло снова начинаетъ итти лучше, но не на долго. Постомъ, а тѣмъ болѣе въ концѣ года предъ экзаменами, еле-еле сидишь на каѳедрѣ: всѣ органы чувствъ устаютъ, тяжело, мучительно тяжело становится слѣдить за отвѣтами учениковъ, объясненiя приходится вытягивать изъ души словно клещами съ чувствомъ полуфизической боли. Помню 1905 годъ. У насъ, вслѣдствiе забастовки учащихся, пропало цѣлыхъ три мѣсяца, но, скажу по правдѣ, особеннаго ущерба для учебнаго года не было. Все существенное было пройдено, работа во второе полугодiе шла особенно интенсивно, преподаватели не уставали, и на экзаменахъ ученики отвѣчали не хуже, чѣмъ въ другiе годы.

Я думаю, что, благодаря пропуску преподавателемъ двухъ мѣсяцевъ (считая $\frac{1}{2}$ мѣсяца отъ конца пасхальныхъ каникулъ и до начала экзаменовъ и отъ 1-го сен-

тября по 15-ое октября,—въ экзаменное время отсутствіе наставника можетъ пройти совершенно незамѣченнымъ) рѣшительно никакого ущерба для дѣла не произойдетъ. И передъ тѣмъ и особенно послѣ того онъ станетъ работать съ такою энергіей, съ такою напряженностью, что съ лихвою вознаградитъ учениковъ за пропущенное время. Можно въ часъ вложить въ умы учащихся больше, чѣмъ въ недѣлю, можно такъ объяснить урокъ, что объясненіе вѣдрится въ душу и оставитъ тамъ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Но такія объясненія возможны только тогда, когда преподаватель бодръ, здоровъ, не переутомленъ. Наоборотъ, монотонное, нудное обученіе, составляющее муку для учителя, не можетъ быть продуктивнымъ по своимъ послѣдствіямъ и для учащихся.

Четырехмѣсячные отпуска, которые въ настоящее время можетъ брать всякій преподаватель, не въ состояніи замѣнить проектируемыхъ мною большихъ каникулъ. Во 1) таковыя даются лишь людямъ больнымъ. Могутъ, разумѣется, пользоваться имъ и здоровые подъ предлогомъ болѣзни, но это уже злоупотребленіе, на которое рѣдко кто согласится. Съ другой стороны нѣкоторыя болѣзни не поддаются точному діагнозу. Таковы: неврастенія, переутомленіе и различныя недомоганія психическаго и полупсихическаго характера, какъ, на примѣръ, душевная подавленность, апатія ко всему и т. п. А между тѣмъ это болѣзни вполне дѣйствительныя, дѣлающія невозможной умственную работу. Во 2) отпускъ можно брать раздѣла въ теченіе всей службы, а не каждое пятилѣтіе. Въ 3) едва ли можно получить его такъ, чтобы два мѣсяца приходились предъ лѣтними каникулами, а два послѣ, а между тѣмъ цѣнно въ смыслѣ отдыха и обновленія впечатлѣній именно это время. Въ 4) пользуясь отпускомъ, преподаватель не можетъ чувствовать себя вполне покойнымъ. Онъ будетъ знать, что это нѣчто сверхнормальное, исключительное, что онъ пользуется тѣмъ, чего лишены его сослуживцы, что отпускъ будетъ занесенъ въ формулярный списокъ и за него нужно будетъ прослужить лишнихъ четыре мѣсяца для полученія пенсіи, что, числясь больнымъ, онъ и держать себя долженъ именно какъ больной, а не какъ здоровый.

И. Левитовъ.

О раздѣленіи нѣкоторыхъ кафедръ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Въ цѣляхъ поднятія учебнаго дѣла въ семинаріяхъ слѣдовало бы учредить большее количество штатныхъ кафедръ, раздѣливъ между двумя наставниками тѣ предметы, которые въ настоящее время преподаются однимъ. Я имѣю въ виду главнымъ образомъ предметы богословскіе и философскіе. Учитель философіи, помимо этой науки, преподаетъ въ настоящее время психологію, логику и дидактику. Дѣйствительная связь между всѣми этими предметами совсѣмъ не такъ велика, какъ это представляется въ теоріи. Что общаго между ученіемъ Анаксагора и строеніемъ нервной системы, мозга, органовъ зрѣнія и слуха, или между субъективнымъ идеализмомъ Канта и методикой церковнаго пѣнія, преподаваемого въ начальной школѣ? А между тѣмъ всѣми этими разнородными предметами, изъ которыхъ каждый по своей сложности можетъ дать содержаніе самостоятельной наукѣ, долженъ заниматься одинъ и тотъ же преподаватель. Естественно, что онъ не можетъ поставить своего дѣла на надлежащую высоту. По нашему мнѣнію, всѣ эти четыре предмета слѣдовало бы раздѣлить между двумя наставниками, поручивъ одному преподаваніе начальныхъ основаній философіи и логики, другому психологіи и дидактики. Количество уроковъ по педагогикѣ можно было бы увеличить введеніемъ двухъ или трехъ часовъ въ V или VI-омъ классѣ для такъ называемой педагогической психологіи, получающей въ настоящее время право гражданства даже въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ и гимназіяхъ. А то собственно педагогика, какъ науки о воспитаніи въ широкомъ смыслѣ этого слова, основанной на психологическихъ даныхъ, теперь въ семинаріи не существуетъ. Есть лишь такъ называемая дидактика, являющаяся въ сущности простымъ наборомъ общихъ фразъ и сентенцій, и методика предметовъ, специально преподаваемыхъ въ церковной школѣ. Такимъ образомъ, даже епархіалки и гимназистки получаютъ болѣе солидную педагогическую подготовку нежели семинаристы.

Изъ другихъ предметовъ необходимо раздѣлить на двѣ кафедры: богословія основное, догматическое и нравствен-

ное. Каждая изъ этихъ наукъ настолько трудна и серьезна, требуетъ такой усиленной подготовки и такихъ знаній, что надлежащимъ образомъ преподавать ихъ всё одному лицу прямо-таки не по силамъ. Слѣдовало бы одному преподавателю поручить основное богословіе (увеличивъ количество уроковъ по этому предмету до четырехъ) и нравственное въ связи съ разборомъ социализма (при 3 урокахъ въ недѣлю), другому—догматическое и обличительное. Въ такомъ случаѣ у того и другого преподавателя было бы по семи уроковъ — столько же, сколько въ настоящее время имѣеть одинъ только учитель исторіи раскола.

Возраженіемъ противъ проектируемаго мною распредѣленія уроковъ не можетъ служить то, что христіанское нравственное богословіе основывается на богословіи догматическомъ, и что, слѣдовательно, читать эти двѣ науки разнымъ лицамъ было бы неудобно. Не надо забывать, что преподаватель нравственнаго богословія — лицо съ академическимъ образованіемъ. Было бы болѣе, чѣмъ странно, сомнѣваться въ знаніи имъ христіанской догматики. Съ другой стороны, нельзя думать, чтобы нравственное ученіе христіанства непосредственно вытекало изъ каждаго отдѣльнаго догмата; оно стоитъ въ связи лишь со всѣмъ вѣроученіемъ, со всѣмъ христіанскимъ міросозерцаніемъ. А послѣднее со стороны его содержанія и отношенія къ человѣческому разуму разсматривается именно въ богословіи основномъ. Наконецъ, замѣтимъ, что христіанское вѣро-и право-ученіе основывается на священномъ писаніи. А между тѣмъ изъясненіе слова Божія производится въ настоящее время не преподавателемъ богословія, а другими лицами. Тѣмъ болѣе не будетъ никакого неудобства въ раздѣленіи преподаванія трехъ богословскихъ дисциплинъ между двумя наставниками.

П. Левитовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Со слѣдующей, декабрьской, книжкой всѣмъ подписчикамъ будетъ разослано бесплатное приложение: **СВЯТИТЕЛЬ ДИМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ**. Сочиненіе Василія Нечаева (Епископа Виссаріона).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЬ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1911 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

Съ 1911 года журналъ *Душеполезное Чтеніе* вступаетъ, съ Божіей помощію, въ **пятьдесятъ второй** годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не измѣнялъ однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ, за время его столѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ, серьезныхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

Въ журналѣ постоянно затрогивались различныя богословскіе вопросы и обсуждались разные предметы, которымъ, по возможности, давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственную физиономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, былъ всегда самостоятеленъ и самобытенъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 51 годъ заслужилъ многочисленныя одобрительныя отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ выписывается во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о выслѣдъ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространены нашъ журналъ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1911 году, **пятьдесятъ вторымъ** году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ **Виссаріонѣ**, епископѣ Костромскомъ и Галичскомъ, и прот. **Д. Ѳ. Насицинѣ**, и главная цѣль его будетъ та же, кака я указана покойнымъ митрополитомъ **Филаретомъ** въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду,—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго* и *понятнаго* духовнаго чтенія“.

Въ изданныхъ доселѣ 612 книгахъ *Душеполезнаго Чтенія* уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присовокупить, что

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

- 1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) „Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и вѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Ееофана-Златворника**, іеросхимонаха о **Амвросіа** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣста и рассказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1911 году въ *Душеполезномъ Читеніи* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Въ 1911 году всѣ подписчики получаютъ бесплатное приложение:

Мысли на каждый день года

(ЯНВАРЬ—ІЮНЬ).

(Житія, размысленія, темы для проповѣдей, современность и проч.).

Сочиненіе Свящ. Н. Орлова.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святейшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Чтеніе* — *одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. За границу—**ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ **Михаиль Овейскій**.

Издательница **Ольга Касицына**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Исуса Навина, Судей, Царствъ, Іова и Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василя Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

„ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ“.

Сборникъ проповѣдей.

Священника *Н. Орлова*.

Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.

Можно получать: **Москва**, Лиховъ пер., Епархіальный домъ; и у автора—Шаболовка, д. Простякова, кв. 74. Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. **С.-Петербургъ**, магазинъ Тузова.

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ВЕОФАНА

къ редактору журнала „Душеполезное Чтеніе“

Протоіерею В. П. Нечаеву (впослѣдствіи Еп. Виссаріону)

1872—1892 г.

Милость Божія буди съ вами!

И священникъ, и діаконъ говорятъ: погибъ я!—Еще ни одинъ не погибъ, но погибнуть, если не покается. — Но вотъ они ужъ одну ногу занесли на путь покаянія. Пусть и другую переставляютъ, а потомъ и текутъ по сему пути... По милости Божіей имѣемъ удостовѣреніе, что текушіе такъ не попадутъ въ пагубу.

Для Господа Спасителя нашего нѣтъ ничего дороже, какъ слезы покаянія. Всѣхъ сокрушающихся Онъ принимаетъ и милуетъ.

Приметь и сихъ кающихся и въ томъ состояніи, какъ они есть. Чувства покаянія, породившіяся въ нихъ, суть дѣло Божіей благодати. Господь Самъ пришелъ къ сердцу ихъ и толкнулъ: будетъ валяться въ грѣхахъ, пора вставать. Зоветь Господь. А о зовомыхъ Апостолъ сказалъ: въ какомъ званіи призванъ, въ томъ и прибывай. У ап. Петра какой большой грѣхъ былъ?! Но Господь не сказалъ ему: выступи изъ апостольства и въ другомъ родѣ жизни спасенія ищи. Такъ и этимъ обоимъ нечего мѣнять состоянія, а надо перемѣнить только жизнь и строй сердечный и къ тому приложить какой-либо трудъ, какъ епитимію, и несть его усердно.

Плакать—одна нога на пути покаянія; другая—твердая рѣшимость не грѣшить болѣе, хоть смерть,—съ отвращеніемъ ко грѣху. Кто таковъ, тотъ уже приемлется Господомъ; и разрѣшеніе отца духовнаго возвращаетъ ему всю благодать. Епитимія потомъ закрѣпитъ только чувства и рѣшенія тѣ и обратитъ ихъ въ навѣкъ и постоянный строй.

Пусть такъ сдѣлаютъ,—и довольно. Какая епитимія?—Сами придумайте. Только чтобъ немножко чувствительна была. Не пить ничего хорошо, даже изъ винограднаго. Частичку у сна отнять, частичку у пищи. И милостыню усугубить.

Иерею же паче возревновать о спасеніи прихожанъ, неутомимо трудясь учить ихъ словомъ и примѣромъ.

Иерею легко стать на ноги, а діакону труднѣе.

Всяко грѣшное общеніе надо пресѣчь. Это условіе покаяннаго разрѣшенія и принятія Богомъ въ милость. Затѣмъ надо и совсѣмъ разойтись, т.-е. не жить вмѣстѣ и даже въ одномъ селѣ или городѣ. Быть имъ близко, ненадежно. Мало-мало и свихнется. Къ тому же онъ кается и готовъ принять добрыя рѣшенія,—а та? — Вотъ она и будетъ его подбивать. Такъ пусть разойдется. Надо эту жертву сдѣлать. Чувства покаянія теперь пришли. Это Божія милость. А послѣ придутъ ли, кто знаетъ? Когда же не придутъ, все будетъ валяться, а по смерти и въ геенну свалится. Дѣтей пусть руководитъ, какъ воспитать, и помогаетъ, если нужда.—Ужь то вѣрно, что съ грѣхомъ спасенія нѣтъ. Такъ нечего тутъ разблажаться. Жертва! Что же? Посластились,—и жертву пусть принесутъ. Пусть оба объ этомъ подумаютъ и придутъ къ добрымъ рѣшеніямъ.—Если та имѣетъ достатокъ на воспитаніе дѣтей, то ему можно и въ монастырь—безопаснѣе. Оттуда можетъ руководитъ воспитаніемъ дѣтей.

Благослови васъ Господи всѣхъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Теофанъ.

Ваше преосвященство,

Милостивѣйшій архипастырь!

Имѣю удовольствіе представить вамъ «Древніе иноческіе уставы» и покорно прошу принять оныя для вашей собственной бібліотеки. Можетъ быть, вздумаете когда и перелистать, хоть изъ любопытства. Видится ли въ сихъ уставахъ наше православное монашество?

Инвалидъ рассказываетъ, что онъ гвардеецъ такого-то полка, унтеръ и еще что-нибудь. По мундиру видно, что говоритъ правду, хоть мундиръ износился, съ прорѣхами и заплатами. — Въ общемъ и у насъ такое же монашество, какъ въ книгѣ. — Но кто станетъ присматриваться построже, будетъ только головою покачивать... то же, да не то же.

Отъ души желаю вамъ паче всего здоровья, а потомъ и добраго теченія дѣлъ, васъ занимающихъ.

Я всегда поминаю васъ въ грѣшныхъ моихъ молитвахъ. Прошу и васъ не забывать помянуть иногда меня.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь пребыть.

Вашимъ искреннимъ доброхотомъ.

Многогрѣшный *Еп. Теофанъ.*

7 декабря 92 г.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Безпросвѣтность.

Испытывалъ ли ты, что значить задыхаться и видѣть надъ собой не глубину небесъ, а звонкій сводъ тюрьмы, и плакать, и метаться, и рваться на просторъ? Испытывалъ ли ты, что значить съ жгучими слезами, остервенясь душой, пытаться оторвать изывшими руками желѣзною броней окованную дверь?—Я это испыталъ. И былъ моею тюрьмой весь міръ, огромный міръ, раскинутый кругомъ.

Часто въ тюрьму обращаемъ мы жизнь и весь, окружающій насъ, міръ. Куда ни погляди, вездѣ тоска и безпросвѣтность. Тоска отъ безпросвѣтности. Она гнететъ, мучаетъ и губить.

Проявляется она у разныхъ людей въ разныхъ видахъ, но слѣдствія всюду ужасны.—Такъ, для однихъ она создаетъ такую атмосферу, въ которой люди, отравляясь постепенно, тупѣютъ, опускаются до потери человѣческаго образа.

Въ мірѣ есть царь: этотъ царь беспощаденъ,—голодь—название ему. Въ землѣ заставляеть онъ рыться людей, въ морѣ судами онъ править, въ артели сгоняетъ народъ, ходитъ за плугомъ, стоитъ за плечами всякихъ рабочихъ,—всегдашній знакомый онъ вдовъ и сиротъ.—Съ того момента, какъ на свои ноги встаетъ человѣкъ, онъ узнаетъ своего властелина, и всю жизнь онъ проводитъ подъ страхомъ угрозы съ этой стороны. Надрываются люди подъ зноемъ, подъ холодомъ, съ вѣчно согнутой спиной, мерзнуть и мокнуть, болѣютъ, страдаютъ забытые, забитые, брошен-

ные. Вотъ, посмотри, стоитъ изможденъ лихорадкою высокорослый, больной землекопъ. Губы безкровныя, вѣки упавшія, язвы на тощихъ рукахъ. Ямою грудь, что на заступъ старательно изо-дня въ день налегала весь вѣкъ. Ты пригляди къ нему только внимательно, и поймешь, какъ трудно свой хлѣбъ добывалъ человѣкъ... Не разогнулъ онъ свою спину горбатую всю жизнь, и не разогнуть никогда. Ни-ко-гда!..—Много разъ онъ принимался бороться съ нуждой, — но всякій разъ былъ побитъ и больно побитъ. Не успѣетъ одну заплату пришить, глядитъ—кафтанъ въ другомъ мѣстѣ прорвался. Износились лапти, купить хотѣлъ новенькіе, а, глядь, провалилася крыша, сгорѣла скирда. Да столько бѣдъ набѣжитъ иной разъ, что въ десятокъ лѣтъ не оправиться. И ходить человѣкъ босой и рваный. Тянетъ лямку безъ просвѣта, пока не пробьетъ урочный часъ и заставитъ сказать: усни, моя доля суровая! И когда затѣмъ крѣпко закроется крышка сосновая, плотно сырою землею придавится, тогда... только однимъ человѣкомъ убавится: кому замѣтна такая убыль!—Все это видитъ безпросвѣтникъ и стонетъ, стонетъ и покорно сгибаетъ спину предъ безвыходностью. И въ лицѣ его, когда-то полною движенія и жизни, постепенно появляется выраженіе тупого терпѣнья и бессмысленный вѣчный испугъ.— Гдѣ нѣтъ этихъ картинъ и этого стона? Гдѣ народъ, тамъ и стонъ. Не только по полямъ, по дорогамъ, по тюрьмамъ, по острогамъ, не только у подѣзда судовъ и палатъ, но стонетъ человѣкъ отъ безпросвѣтной тяготы жизни въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ, свѣту Божьяго солнца не радъ, и тянетъ день за днемъ.

На тяжесть жизни отвѣчаютъ тупой покорностью натуры честныя, сильныя духомъ, выносливыя. У болѣе слабые гораздо хуже. Придавленные пресомъ тяжелаго труда, униженій, обидъ, огорченій, нужды, они не только тупѣютъ, но озвѣрѣваютъ, — сердце ихъ каменѣетъ, — жизнь ихъ дѣлается стремленіемъ служить однимъ низмен-

нымъ наклонностямъ, и совершенно утрачивается способность разбирать и различать средства. Отсюда прямой выходъ: какъ бы ни добыть, лишь бы сытымъ быть. И лишь только такой выводъ сдѣлавъ въ душѣ, человекъ быстро теряетъ все человѣческое, и жизнь его обращается въ сплошное разбойничество. Съ кѣмъ бы онъ ни столкнулся въ жизни, у него одна цѣль: обезпечить свою сытость на счетъ другого. А этотъ другой какъ бы не существуетъ для него; ограбленный, поруганный, избитый пусть живетъ, какъ знаетъ, пусть плачетъ, стонетъ, умираетъ: какое до этого дѣло? Ни капли сострадательности, жалости,—одна дикость и жестокость.—И что же въ сытости-то своей, если такая удается, доволенъ ли, радостенъ ли человекъ? Нѣтъ, онъ до мозга костей проникнутъ страшной враждой ко всѣмъ, ко всѣмъ горитъ онъ непримиримостью.— Не такъ давно всѣ были поражены судебнымъ обвинительнымъ актомъ преступника (Журавлевъ), совершившаго болѣе двухсотъ убійствъ, и столько грабежей, кражъ, насилій, поджоговъ, что подсчитать не оказалось возможности: у него самого все воспроизвести память отказалась. Чудовище, а не человекъ! гулко раздавалось въ публикѣ. Да, все человѣческое замерло въ этой душѣ. И чудовищемъ сдѣлала его безпросвѣтность...— И сколько всюду, если не такихъ точно, то подобныхъ несчастныхъ, жалкихъ въ своемъ остервенѣннѣи, убитыхъ нравственно, озлобленныхъ жизнью. Въ свое время они, можетъ быть, и рвались на просторъ, принимались «отворять желѣзною броней окованную дверь» въ ту область, гдѣ правда и честный трудъ,—но, побитые жизнью, упали и... заскрежетали на все зубами.

* * *

Другихъ гнететь окружающая неправда.—Мрачна моя тюрьма: лишь изрѣдка проглянетъ солнца лучъ въ щель окна и сводъ озолотить,—но я ужъ и не радъ ему: приемъ виднѣе станетъ могильный мракъ кругомъ и сырость

старыхъ плить.—Такъ часто говорятъ лучшіе люди, люди съ широкимъ кругозоромъ, съ искреннимъ тяготѣніемъ ко всему возвышенному, честному, идейному. И ихъ нерѣдко очень далеко уводитъ беспросвѣтность. Тяжелъ матеріальный гнетъ, но во много разъ страшнѣе тюрьма духовная,—тяжела она и въ служебной, и въ личной жизни.

Сколько нравственныхъ терзаній надо вывести честно-му и правдивому человѣку, чтобы выполнить служебный долгъ, на него возложенный, чтобы жить по внушенію болѣе возвышенныхъ требованій духа, — чтобы получить при этомъ лишь вполне законное пропитаніе.—Много говорятъ и пишутъ у насъ, что нужны ревностные дѣятели, что требуется энергія, инициатива, нужно святое воодушевленіе, нужна служба не за кусокъ хлѣба, не за страхъ, а за совѣсть. А что на дѣлѣ? Примѣры высшихъ и старѣйшихъ — къ великому соблазну и искушенію «маленькихъ» — свидѣтельствуютъ какъ разъ о противоположномъ. Выбираютъ ли, къ примѣру скажемъ, на дѣло людей, дѣйствительно къ нему подготовленныхъ, любящихъ это дѣло, людей ревностныхъ? При разныхъ назначеніяхъ и переводахъ (кому это неизвѣстно!) играютъ главную роль не личные качества и доказанныя достоинства, а болѣе всего умѣнье подойти къ власти имущимъ. «До хорошаго мѣстечка доползешь ужемъ» — давно сказанныя слова не забыты и повывѣ. Люди призванія не попадаютъ къ дѣлу, а выдвигаются чаще всего выскочки, умѣющіе кричать о себѣ и приспособляться. Если и случаются у дѣла ревностные работники, труженики по призванію, — то у насъ мало оцѣниваютъ ихъ. Всюду страшно развита «любовь къ благопокорливости, — и человѣку безъ этого качества служить трудно и даже невозможно, — а люди идеи какъ разъ чаще всего бываютъ независимаго характера, не способные угодничать и жертвовать своими убѣжденіями, и, естественно, отчисляются они въ разрядъ неудобныхъ»... Сколько они видятъ притѣсненій, обидъ, уколовъ, всякаго рода придирокъ и тормозовъ. Все это, если судить со стороны,

мелочь,—но мелочь эта превращается въ тучу мрачную, гнетущую, которая подавляетъ энергію, гаситъ духъ, охлаждаетъ сердце. А человѣкъ не ангелъ: онъ нуждается въ поддержкѣ, нуждается въ такой обстановкѣ, которая бы помогала, ободряла, поддерживала. И гложутъ благіе порывы, гложутъ идейныя рабочія силы. Развивается равнодушіе къ дѣлу, «казенное» отношеніе къ нему. Требования совѣсти и правды заглушаются голосомъ... «житейской мудрости». Бездарность торжествуетъ и, забравшись вверхъ, гордо и съ вызывающимъ самодовольствомъ озираетъ міръ... Это и въ свѣтской и несвѣтской службѣ.

Смотря на это вопіющее зло, какъ не скажешь: мрачна моя тюрьма! Душно! Безъ счастья и воли въ ней и день—сплошная ночь, и эта ночь безконечно длинна.

Мелькнетъ иной разъ свѣтлый лучъ надежды, блеснетъ и скроется. И еще тяжелѣй на душѣ. «Сырость старыхъ плитъ» становится виднѣе и ощутительнѣе: въ душѣ все застываетъ, холодѣетъ, мертвѣетъ. Могильный мракъ безнадежности выливается въ выкрикъ: что же дальше?

Не легче даетъ себя знать этотъ вопросъ и въ личной жизни. Надо жить! Вотъ она, роковая задача... Кто надъ ней не трудился, тоскуя и плача? Чья надъ ней не сложилась съ тоской голова? — И есть надъ чѣмъ. — Жизнь подобна цѣпи, въ которой не всѣ звенья одинаковы. Въ самое здоровое, цвѣтущее существованіе влетено не мало звеньевъ болѣзни, опасности, несчастій. Со дна каждого источника наслажденій неминуемо поднимается струя горечи. Звуки жизни при появленіи этой горечи умолкаютъ, какъ перестаютъ звучать струны, когда ихъ касается глушитель: онѣ звучатъ, но уже надтреснутымъ звукомъ. Возьмите счастливѣйшаго человѣка, одного изъ тѣхъ, кому завидуетъ свѣтъ, и вы убѣдитесь въ девяти случаяхъ изъ десяти, что въ глубинѣ души его нѣтъ удовлетворенности. «Ничего не имѣю возразить противъ теченія моей жизни, сознается одинъ изъ очень сильныхъ духомъ и жизнерадостныхъ людей (Гёте),—но по существу въ ней не было

ничего кромѣ горя и тяжести, и могу смѣло сказать, что въ теченіе всѣхъ семидесяти пяти лѣтъ моего существованія у меня не было и четырехъ недѣль настоящаго счастья. Жизнь подобна непрерывно скатывающемуся внизъ обломку скалы, который надо постоянно втаскивать наверхъ».—Всѣ жизненныя неудачи сопровождаются горечью униженія, горечью острой, утонченной, мучительной. Она омрачаетъ и тѣ немногія счастливыя минуты, какія удаются иногда. Да и могутъ ли быть прочнымъ благомъ такія вещи, которыя неизбѣжно съ теченіемъ времени обращаются въ прахъ, когда позади всѣхъ вещей скрывается призракъ всепожирающей смерти? «Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ, которыми онъ трудился подъ солнцемъ? И оглянувшись я, говоритъ Премудрый, на дѣла мои, и вотъ все суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ, изъ праха все произошло, и обращается въ прахъ» (Эккл. 1, 2). Сознаетъ человѣкъ, что въ природу его вложена потребность—жаждать жизни, неомраченной угрозой смерти,—хотѣть здоровья, несмѣняющагося болѣзнию, —искать добра, неразбиваемаго ударами зла. Но гдѣ все это? Всѣ исканія отравляются печальной дѣйствительностью. И доселѣ многими повторяются слова древности: «Жизнь ухаживаетъ за нами и откармливаетъ насъ для... смерти». Страшныя слова!.. Здѣсь наступаетъ время для вопросовъ: Зачѣмъ все это? Дальше что? И часто нѣтъ на нихъ отвѣта.

* * *

Все это не ново. И кажущейся безвыходности давно указанъ выходъ. Обратимся къ давности.

Глубокая тьма покрыла Виелеемъ, непроглядный мракъ окуталь всю землю. Спать счастливые, покоются довольные, отдыхаютъ усталые. Но чьи же это глухіе стоны раздаются по землѣ,—какъ будто изъ глубинъ земныхъ слышится подавленный вопль. Это стонуть безпросвѣтники. Безъ свѣта въ душѣ, безъ надежды въ сердцахъ тяжело имъ

и на солнечномъ свѣтѣ; но лишь только наступаетъ мракъ ночи, они совсѣмъ во власти тьмы. Стонуть рабы, лишенные всякихъ человѣческихъ правъ. Стонуть лучшіе люди, проснувшіеся сердцемъ своимъ для лучшихъ чувствъ любви и милосердіа къ ближнему,—стонуть они, непонятые современниками и осмѣянные толпой. Стонуть мудрые, но бессильные предъ вопросами премірными, и съ горечью сознаются: Знаю только то, что вичего не знаю.

Стонуть... Но смотрите, свѣтлая полоса прорѣзала тьму. Съ небесныхъ высотъ, какъ лучезарная звѣзда, нисходитъ ангель къ Виелеему и вслухъ всей земли говорить: Христось съ небесъ, встрѣчайте, Христось на землѣ, возноситесь! — Проснись, Виелеемъ, и уясни себѣ слова, изреченныя землѣ. Прекратите стонъ, сидящіе во тьмѣ. Вотъ, вслѣдъ за словами вѣстника неба является безчисленный сонмъ ангеловъ, возвѣщающій на землѣ миръ, въ людяхъ благоволеніе. — Трудно вамъ, насельники земли, отрѣшиться отъ гнета многовѣковой тьмы, трудно стряхнуть съ себя многослойную плѣсень дурныхъ привычекъ и старыхъ взглядовъ, — но усильтесь, войдите въ полосу свѣта, ангеломъ проведенную, и посмотрите, какъ при свѣтѣ небесномъ перерождаются люди. — Вотъ бѣднякъ. Онъ голоденъ, голъ и босъ,—сухая корка у него въ рукахъ, но онъ доволенъ и веселъ. Тамъ рабъ, цѣлый день работавшій на полѣ, видитъ вечеромъ одни попреки и надругательства,—и ни слова ропота. Тутъ вельможа и невольникъ братски бесѣдуютъ какъ равные. — А тамъ идутъ провозвѣстники Евангелія, одинокіе, безоружные. На нихъ сыплются камни, ихъ преслѣдуютъ презрѣніе и клевета, — ихъ влекутъ на допросы, имъ измышляются пытки. А они безстрашно дѣлаютъ свое дѣло: сѣютъ святое, доброе, вѣчное. Всѣ радостно славятъ Бога. Виелеемъ, ты знаешь тайну ихъ. Не тай правду, огласи ее вселенной. Ты прежде другихъ оглашенъ небесной истиной и видѣлъ, какъ стоны земные смѣнились небеснымъ гимномъ. Кто произвелъ эту перемѣну?—Виелеемъ и вся

христіанская исторія въ отвѣтъ: Христось на землѣ, воз-
воситесь!

Пойми это, другъ мой, — усталый, страдающій братъ. Кто бъ ты ни былъ, не падай душой. Пусть не-
правда и зло полновластно царять, пусть разбить и по-
руганъ святой идеаль. Вѣрь, настанетъ пора, и погибнетъ
Вааль. Трудись, покамѣсть служить руки, не трусь, не
сѣтуй, не лѣнись. Ты не одинъ: съ тобой Христось. Онъ
около тебя, приподнимись только повыше отъ земли. Ты
въ безсиліи стонешь и не замѣчаешь, что словами сѣто-
ванія горько осуждаешь себя самого, свою самонадѣян-
ность, — своими близорукими измышленіями создаешь себѣ
тьму и стопами сгущаешь ее въ безпросвѣтность, напо-
минаешь давно рассказанную исторію. — «Ночью идетъ че-
ловѣкъ по узкой тропѣ въ скалистой мѣстности. Посколь-
знулся и упалъ. Ему представилось, что онъ на краю
пропасти. Судорожно хватается онъ за ближайшіе пред-
меты, крѣпко сжимаетъ въ рукахъ вѣтву куста, повисъ
и держится. Это спасло его отъ паденія. Въ такомъ по-
ложеніи висѣлъ онъ нѣсколько часовъ. Руки его слабѣ-
ютъ. Онъ въ отчаяніи прощается съ жизнью. Руки ос-
лабли окончательно, опустились и онъ скользнулъ внизъ...
Но летѣть пришлось всего нѣсколько дюймовъ». — Въ та-
комъ положеніи часто бываемъ и всѣ мы, — выдерживаемъ
отчаянную борьбу, терзаемъ себя адскими муками, а спа-
сеніе тутъ, вблизи. Какъ мать-земля приняла того (раз-
сказомъ упомянутаго), такъ принимаетъ насъ десница
Предвѣчнаго, если всецѣло отдаемся Ему и отрекаемся
отъ гордой привычки — полагаться только на силы свои. —
Не ныть надо, не въ вопляхъ выливаться, а любить, вѣ-
рить и надѣяться. Христось — выходъ къ свѣту и самый
свѣтъ, — въ Немъ жизнь, въ Немъ и воздаяніе.

Господи, путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ невечерній,
Насъ осіяй!

Въ мглѣ полуночной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ,

Всюду (да будетъ) сіяніе солнца святого
Божія мудрость и сила, и слово...
Слава Тебѣ!

Свящ. Н. Орловъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«Плоть покорилъ еси *самодержцу* уму» (кан. св. прор. Науму). Наша природа есть какъ бы *монархія*. Управляемое—плоть, управляющее — духъ. Этотъ управляющій духъ, умъ—можетъ быть и самодержавнымъ повелителемъ подданной ему плоти, но можетъ быть и ея рабомъ, безпомощно слѣдующимъ ея слабостямъ вмѣсто того, чтобы господствовать надъ нею и хранить ее въ безопасности отъ ея внѣшнихъ враговъ, восхищающихъ отъ нея власть ея истиннаго самодержца и увлекающихъ ее на пути погибельные и дѣла неподобныя. Св. угодники наилучшимъ образомъ успѣвали въ томъ, что ихъ умъ былъ истиннымъ самодержцемъ плоти, удерживающимъ ее отъ ея увлеченій, слабостей и пагубныхъ проявленій.

* * *

«*Овца есмь словеснаго Твоего стада и къ Тебѣ приближаю, Пастырю доброму*»... Не надо Тебѣ искать меня. Вотъ я самъ ищу Тебя, самъ взываю: *взыщи меня заблудшаго, Спаситель мой, и помилуй меня!*

* * *

Господь Иисусъ стоитъ и нынѣ на судѣ у міра сего. Предатель Его—нашъ разумъ, который—вмѣсто того, чтобы быть Его ученикомъ,—идеть противъ Него. Синедрионъ—это современная мудрость и горделивая заносчивость суетныхъ наукъ, забывшихъ свое несовершенство и пол-

ное ничтожество безъ подчиненія высшему Разуму Божію. Распинатели и мучители Господа—страсти и похоти человѣческія. Все повторяется то же и такъ же, какъ было нѣкогда въ земной жизни Господа.

* * *

Господи! Какъ бы я ни былъ грѣшенъ; Твое милосердіе безконечно превосходитъ силу моего окаянства.—Это ли мое окаянство исчерпаетъ глубину Твою? Оно ли истощитъ бездну Твоего долготерпѣнія, благоволенія и спасающей силы?

* * *

«Днесь празднуетъ вселенная Аннино зачатіе, бывшее отъ Бога»... (стих. 9 Дек.). По человѣчески, Анна не имѣла никакой надежды стать матерью—и по естественной престарѣлости, и по природной неспособности. То же и Іоакимъ. Двойною пропастію и невозможностію отдалены были они и какъ бы совершенно освобождены отъ всякой надежды назвать себя отцомъ и матерью. И только Господь всемогущій могъ сдѣлать то, что эта усугубленная полная безнадежность уступила мѣсто другой невозможности—зачатію Препоблагословенной надежды душъ нашихъ. Конечно, и плодъ такого дивнаго божественно-дѣйственаго зачатія долженъ былъ явиться не обычнымъ плодомъ, а божественно-сроднымъ. Подобіе родителей, зачинающихъ дитя, отражается и на внѣшности, и на душевномъ обликѣ дѣтей. Естественно, что и на Пресвятой Дѣвѣ, зачатой не столько способностями человѣческими, сколько чудодѣйственной непосредственной волей Божіей, должна была лечь печать Существа Божественнаго, Чистѣйшаго, Непорочнѣйшаго. Такова и была Святѣйшая Святыхъ Дѣва Марія.

* * *

Человѣка можно знать по нѣсколькимъ, такъ сказать, сторонамъ или отличіямъ: по одеждѣ, по фамиліи, по по-

веденію, по голосу, по лицу, по душѣ, по характеру. Какъ мы знаемъ Спасителя? По голосу (во св. Евангеліи), по одеждѣ, по Божественному Имени и достоинству, по облику и т. п. знаемъ, пожалуй, хорошо. Но по душѣ, по духу Его—мало, мало знаемъ. Души Спасителя—кристально-чистой, святой, мы не знаемъ и дѣйствию ея не поддаемся, какъ бы слѣдовало, и не стараемся познавать и поддаваться, и вообще не понимаемъ ея и не стараемся понять и воплотить ея въ нашихъ дѣйствіяхъ. За то вредоноснымъ вліяніямъ душъ развратныхъ, нечестивыхъ у насъ полный просторъ и свобода.

* * *

Чтобы, восторгая плевелы, не исторгнуть съ ними заодно и чистую пшеницу, Господь оставляетъ расти «обое вкушъ до жатвы». Эта пшеница и плевелы—каждый изъ насъ, смотря по настроенію и поведенію. Мы иногда—плевелы, а когда и пшеница, и исторгнуть насъ за плевельныя дѣла значило бы—исторгнуть и пшеницу. Такъ въ насъ близки и одновременно совмѣстимы добро и зло, и съ нами такъ близки они въ ближнихъ нашихъ. Даже и тѣ, кто опредѣленно и явно стали плевелами, подвергаютъ опасности пшеницу своимъ исторгненіемъ. Потому-то и оставляется «обое до жатвы».

* * *

«Родить Сына, и наречеши имя Ему — Иисусъ»... Отъ Іосифа не отнимается право отца хотя бы въ нареченіи имени ожидаемаго Младенца, чтобы Господь былъ не только Сыномъ Божиимъ, но и истиннымъ сыномъ человѣческимъ, хотя и безъ того, что дѣлало бы Его слишкомъ человѣческимъ.

* * *

«Дерзай, востани, зоветъ тя»... говорили слѣпцу въ отвѣтъ на его зовъ: «Сыне Давидовъ, помилуй мя!» Такъ

зовуть и насъ скорби и страданія земныя: *«держай, востани, заветъ твѣ»* Господь твой, скорбями и страданіями приобщающій тебя къ Своей божественной, благодатной жизни.

* * *

Могу ли я сказать, что люблю Тебя, Владычице? Могу ли хотя сказать, что *хотѣлъ* бы любить Тебя? Но — если бы любилъ, если бы хотѣлъ любить истинно и жаждалъ Твоей любви,—о, сколь многого бы не допускалъ такого, что безбоязненно допускаю теперь! Какое усердіе показывалъ бы къ Тебѣ! Какъ часто, живо, умиленно думалъ бы всегда о Тебѣ, освящая памятію Твоею всякій шагъ и поступокъ своей жизни! Какъ бы любилъ бѣдныхъ и несчастныхъ, пребывая около нихъ всегда, какъ пребываешь Ты!

* * *

Видеємъ—наша душа. Вертепъ и ясли—наши сердца, это святое святыхъ нашей души, гдѣ возлежать надлежитъ Младенцу Христу. Бѣдны ясли, убогъ вертепъ. Что смиреннѣе ихъ? А удостоились же они стать величайшею честію Царя славы. Такъ и мое убогое, бѣдное сердце, моя убогая душа—да сподобится, Господи, Твоего благодатнаго посѣщенія и пребыванія!

* * *

«Возсіявый свѣтъ и просвѣтливый утро и показавый день, слава Тебѣ, слава Тебѣ, Иисусе Сыне Божій»... (кан. нед. по Рожд. п. 5 ирм.). Свѣтъ, утро, день—не обычные солнечные, а духовные, обилующіе свѣтомъ мудрости и благодатной красоты жизни, съ пришествіемъ Христа Спасителя, Обновителя нашей, угасшей и окоченѣвшей отъ недостатка духовнаго свѣта и тепла, жизни.

* * *

«Кровь и огонь, и куреніе дыма... яже провидѣ. Иоилъ: кровь — воплощеніе, огонь — Божество, куреніе же дыма — Духъ Святой, нашедый на Днѣву и міръ благоухавый. Велие таинство Твоего вочеловѣченія, Господи, слава Тебѣ!». (стих. на хвал. нед. по Рожд.). Весьма оригинальное и глубоко-вѣрное толкованіе словъ пророка.

* * *

«Въ безсловесныхъ ясляхъ трапеза лежитъ тайная», чтобы таинственно напитать бывшихъ какъ бы безсловесными людей. Вотъ, какой глубокой смыслъ яслей. Въ ясляхъ предлагается обыкновенно пища безсловесныхъ животныхъ. Въ ясляхъ же и Господь отдастъ Себя намъ, уподобившимся жизнию своею безсловеснымъ животнымъ. О, дивная бездна премудрости Божіей!

* * *

«Тихому молчанію содержащу вся и ноши въ своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее Слово Твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ царскихъ жестокъ ратникъ въ средину погибельныхъ земли сниде»... (Прем. Солом. 18, 14—15). Мудрость Премудраго, вѣщее перо поэта и генія, прозорливое око пророка — изрекають истины высшаго порядка иногда безсознательно, силою дѣйствующей въ нихъ очевидно высшей мудрости, высшаго знанія. Таково и приведенное изреченіе, поразительно ясно указывающее на рожденіе Спасителя міра въ Вифлеемскую ночь.

* * *

Господь—Агнецъ Божій. Потому и ясли, вертепъ, пастыри и т. п. Все собралось какъ бы нарочно предуказать Его будущее служеніе человечеству принесеніемъ Себя въ жертву за грѣхи всѣхъ. О, мудрость неизреченная и благость неиспытная! Какою умъ человѣческій постигнетъ и оцѣнитъ Тебя!

* * *

«Пречистому Твоему рождеству, Христе Боже, первая жертва бысть младенцы»... (стих. 29 дек.). Всѣ возрасты человѣка дали отъ себя богатыя жертвы страданіями и мученическою кончиною за Христа. Надлежало такимъ жертвамъ быть и отъ младенцевъ. Трогательность этой жертвы особенно проявилась въ томъ, что она принесена самую первую и въ наиболѣе приличествующее для нея время—когда Самъ виновникъ жертвы возлежалъ безпомощнымъ Младенцемъ.

* * *

Дико и отвратительно звѣрство Ирода въ избіеніи неповинныхъ младенцевъ. Но неповинны ли мы въ такомъ же звѣрствѣ, по вся дни избивая въ насъ едва зарождающіяся добродѣтели и добрыя настроенія? Мы же должны быть такими безпощадными иродами лишь къ едва зарождающимся порокамъ.

* * *

Отъ послѣдняго дня года сего обращаю мысль мою къ послѣднему дню всей жизни моей. О, какъ мнѣ познать тебя, мой страшный послѣдній день! Какъ мнѣ проститься съ тобою, міръ земной, столько меня къ себѣ привязавшій! Какъ не пожалѣть, что даже ты, измѣнчивый и скоропреходящій, переживешь меня и извергнешь отъ себя какъ ненужную, негодную ветошь, сокрывъ въ нѣдрахъ земли слѣды бытія моего.

А. I.

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

Такъ какъ Иисусъ всецѣло пребываетъ Самимъ Собою, то поэтому именно Онъ стоитъ выше всякой національной ограниченности. Известно, что Иисусъ былъ іудей; но стоитъ только сопоставить Его, какъ замѣчаетъ Келеръ, съ пророкомъ Іоанномъ Крестителемъ и фарисеемъ Павломъ—этими двумя «идеальными представителями самыхъ истовыхъ народныхъ типовъ»—и окажется, что Иисусъ Христосъ по сравненію съ ними не имѣетъ въ Себѣ ничего іудейскаго. Поэтому-то именно Онъ всегда оставался духовно чуждымъ для истыхъ іудеевъ. Въ Павлѣ неизбѣжно долженъ былъ умереть іудей, когда въ немъ началъ жить Иисусъ. Иисусъ вовсе не былъ «семитомъ», а равно не былъ Онъ и «арійцемъ». Онъ былъ только человѣкъ и притомъ *только* человѣкъ, потому что Онъ былъ *всецѣлый* человѣкъ.

Но для насъ, людей новаго времени, самымъ непонятнымъ остается то, что повѣствуется о Его власти надъ природой и собственной Своей участью,—что по Его повелѣнію утихала буря на морѣ, что Онъ исцѣлялъ больныхъ и изгонялъ бѣсовъ и проч. Но это не является чѣмъ-то изолированнымъ: этотъ Мужъ есть полновластный распорядитель своей собственной участи, какимъ никто не бывалъ ни прежде, ни послѣ Него. Даже самые прозорливые и самые сильные волею люди никогда не обольщались мыслью, что изъ борьбы съ обстоятельствами жизни

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку *Душев. Чтенія* за 1910 г.

они навѣрное выйдутъ побѣдителями. Совсѣмъ иное мы видимъ въ І. Христѣ: Онъ читаетъ въ глубинѣ душъ человѣческихъ, съ самаго начала съ полною ясностью предвидитъ конецъ событій. Онъ не увлекался мечтою о побѣдахъ, какъ это допускаетъ историческій вымыселъ. Для Него не существовало никакого обмана, а потому и никакого разочарованія. Неудача не поражаетъ Его неожиданностью и не лишаетъ Его мужества, точно такъ же и успѣхъ не увлекаетъ и не опьяняетъ Его. Съ совершеннымъ самообладаніемъ Онъ совершаетъ то, чего требуетъ извѣстное мгновеніе, располагаетъ Свою собственную жизнь сообразно съ предуставленной цѣлью. Въ минуту самаго великаго Своего торжества Онъ прекращаетъ его и удаляется въ уединеніе (Матѣ. 21, 1—17). Когда же пришелъ часъ Его, Онъ восходитъ въ Іерусалимъ, чтобъ тамъ умереть: Онъ ускоряетъ ходъ борьбы и предателю даетъ случай совершить предательство и Самъ отдается въ руки палачамъ. Онъ Самъ распоряжается Своей судьбой; Онъ—не членъ, а господинъ исторіи.

Такъ Онъ является предъ нами царемъ въ полномъ смыслѣ, владыкой надъ людьми и надъ ихъ судьбами, властителемъ ихъ умовъ, въ особенности же господиномъ надъ Самимъ Собою, никогда не подчиняющимся торопливости, никогда не поддающимся темпераменту и страсти, всегда сосредоточеннымъ въ Себѣ, царственно свободнымъ, царственно властнымъ, самымъ мощнымъ характеромъ всемірвой исторіи. Никто и ничто не имѣетъ власти надъ Нимъ, но Онъ властвуетъ надъ всѣмъ и надъ всѣми.

Съ этимъ царственнымъ величіемъ природы Іисусовой повидимому находится въ непримиримомъ противорѣчій другая, столь же ярко обнаружившаяся черта Его характера. Эгого царь между людьми проникнуть однимъ стремленіемъ — стремленіемъ къ *служенію* людямъ. Это поразительно, неслыханно, почти невѣроятно. Онъ стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ; всѣ чувствуютъ разстояніе,

отдѣляющее ихъ отъ Него; но Онъ снисходитъ до нихъ и не стыдится называть ихъ братьями (Евр. 2, 11). Каждому Онъ готовъ помочь; не оставляетъ Онъ неуслышаннымъ ни одного вопля о помощи, не отказываетъ ни одному просящему. Для Него нѣтъ ни одного ничтожнаго человѣка. Онъ съ вниманіемъ и любовію относится и къ младенцамъ: *Онъ обнималъ ихъ, возлагалъ руки на нихъ и благословлялъ ихъ* (Мѳ. 19, 15; Мр. 9, 36; 10, 16). Онъ заботится о спасеніи души погибшей женщины несмотря на то, что она была презрѣнная самарянка. Ни къ кому Онъ не относится съ пренебреженіемъ: Онъ раздѣляетъ трапезу съ мытарями и грѣшниками; Онъ благосклонно отнесся къ тому, что женщина грѣшница обливала Его ноги слезами своими и отирала ихъ волосами головы своей—и Онъ не оттолкнулъ ее (Лук. 7, 38). Онъ готовъ на *всякую услугу* своимъ ученикамъ, Онъ умываетъ ноги, какъ самый послѣдній рабъ—Онъ, ихъ Царь и Господь! Онъ беретъ на Себя бремя братій Своихъ: Онъ помогаетъ имъ въ ихъ тѣлесныхъ бѣдствіяхъ, съ любовію относится къ нимъ во время ихъ душевныхъ страданій, и вноситъ миръ въ ихъ совѣсти. Выше же и благодѣтельнѣе всего Его дѣятельность, какъ пастыря душъ: это—духовный отецъ, обладающій высочайшимъ совершенствомъ: нѣтъ такого человѣка, который остался бы непонятнымъ для Него, къ душѣ котораго Онъ не нашелъ бы доступа; къ Нему никто не приходитъ напрасно, говоритъ Келеръ, женщина и мужчина, дитя и взрослый, стремящійся къ нравственному усовершенствованію и преступникъ, сластолюбецъ и слуга мамоны, рыбакъ и ученый, нищій и знатный, воинъ и земледѣлецъ—все они получаютъ отъ Него, что каждому изъ нихъ требуется; Онъ знаетъ потребности каждаго и каждому открываетъ, что пагубно и что спасительно для него... Таковы отличительныя свойства всей Его жизни.. Онъ никогда не былъ занятъ т. н. большими дѣлами; и исторіи Его времени и Его народа ничего такого и не сообщаютъ о Немъ... но за то Онъ

съ неутомимою добросовѣстностью совершалъ мелкія обычныя дѣла; и по крайней мѣрѣ для меня, говоритъ Келлеръ, Его царственное величіе больше всего обнаруживается тогда, когда я вижу, съ какимъ неослабнымъ вниманіемъ—безъ разсѣянности, безъ небрежности и нетерпѣнія—относится Онъ къ этимъ мелкимъ дѣламъ; потому что именно эти малыя дѣла требовали отъ Него безконечнаго напряженія силъ, такъ что Его спутникамъ казалось, что Онъ беретъ на Себя непосильный трудъ; и когда при этомъ Его вниманіе занято было не «великими, какъ говорятъ, общечеловѣческими интересами», а повсюду замѣчаемыми явленіями тяжести и скудости человѣческаго существованія; то предъ Нимъ открывалось безконечное множество бѣдствій и страданій, могущихъ иногда довести до отчаянія. Если великіе люди, чтобъ сохранить въ себѣ работоспособность, удаляютъ отъ себя все мелочное, обыденное, то поприщемъ дѣятельности Величайшаго, пока Онъ Самъ могъ выбирать его Себѣ, была эта обыденщина. Страницы Новаго Завѣта свидѣтельствуютъ о томъ, что пламенную любовь къ Себѣ въ сердцахъ присныхъ Своихъ Онъ возбудилъ Своимъ искреннимъ смиреніемъ и Своей вѣрностью въ маломъ. Здѣсь всякій скажетъ, что для человѣка съ болѣе глубокимъ пониманіемъ Иисусъ никогда не былъ такъ великъ и славенъ, какъ при этомъ уничиженномъ Его служеніи.

А они—Его друзья и враги,—не мало ставили препятствій Его дѣятельности, проникнутой любовію къ нимъ. Напрасно Онъ употреблялъ усилія, чтобъ ученики Его прониклись Его духомъ, чтобъ поднялись до Его высоты: всѣ они оставили Его, а лучшій изъ нихъ отрекся отъ Него съ клятвою, Іуда же продалъ своего Учителя за тридцать сребренниковъ съ предательскимъ лобзаніемъ. Какъ сильно было искушеніе—отвернуться съ презрѣніемъ отъ всего жалкаго человѣчества! Но І. Христосъ никогда не относился съ презрѣніемъ къ людямъ; Онъ не переставалъ любить людей несмотря на все ихъ ничтожество!

Но безъ сомнѣнія это не давалось Ему само собою: конечно, Онъ употреблялъ усилія, чтобъ быть снисходительнымъ къ другимъ; Ему необходимо было постоянное внутреннее напряженіе, чтобъ съ любовію относиться къ грѣшникамъ; Ему было не легко—стать подобнымъ намъ. Точно такъ же непоколебимо выдержалъ Онъ искушеніе—сдѣлаться человѣконенавистникомъ, хотя оно ни къ кому не было такъ близко, какъ къ Нему. Его враги преслѣдовали Его съ непримиримою ненавистью; называли Его ядней и винопійцей (Мѡ., 11, 19), богохульникомъ (Мар. 2, 7; Лук. 5, 21) и сыномъ сатаны (Мр., 3, 22; Іоан. 7, 20; 8, 48; 10, 20)! И наконецъ они отняли у Него все, что можетъ быть отнято у человѣка: они лишили Его всего необходимаго и дорогого, чести и друзей и наконецъ самой жизни. А Онъ? Онъ молится за Своихъ убійцъ. Его любовь все переноситъ и все терпитъ. Поруганный Онъ виситъ на крестѣ,—но именно здѣсь, среди глубочайшей тьмы, ярче всего просіяла Его любовь! Это—любовь свободная, любовь царственная, любовь, которая ничего не принимаетъ, но только даетъ и даетъ все (Дѣян. 20, 35). Нужно попытаться—выполнить требованія этой любви въ своей личной жизни, чтобъ почувствовать, какая неземная свобода и независимость духа, какая нечеловѣческая сила и величіе открываются въ ней. Великія дѣла любви совершаемы были и до І. Христа; но у Него вся жизнь проникнута любовію,—любовію, живущею и умирающею ради другихъ. Кто имѣетъ очи, чтобъ видѣть и уразумѣть это, тотъ признаетъ истину слѣдующихъ словъ: «Исусъ есть самая мощная личность во всей исторіи челоуѣчества».

Необычайно и чудесно въ Исусѣ Христѣ то, что власть владыки и служеніе любви въ Немъ находятся не въ противорѣчій, но *въ совершенной гармоніи* между собою. Вся сила воли Владыки уходитъ на служеніе любви, становится любовію. Поэтому Его любовь никогда не превращается въ слабость, но постоянно бываетъ силой. Она

никогда не имѣть въ себѣ ничего сантиментальнаго, но несмотря на ея несказанную нѣжность и кротость она заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю строгости. Онъ любить душу въ человѣкѣ и старается спасти ее; въ этомъ случаѣ Онъ дѣйствуетъ очень настойчиво; Онъ постоянно преслѣдуетъ съ неумолимой строгостью душепагубный грѣхъ, Его состраданіе никогда не бываетъ изнѣживающимъ, расслабляющимъ; это—состраданіе силы. Его любовь не есть слабое чувство, но спасительное дѣло. И наоборотъ: Его сила никогда не была для слабыхъ тяжелымъ бременемъ, ихъ порабоощающимъ и подавляющимъ; но, проявляясь въ служеніи любви, она поддерживала и спасала ихъ отъ безсилія и паденія: Онъ былъ для слабыхъ спасеніемъ, а не погибелью. Для учениковъ Его навсегда осталось непонятнымъ и страннымъ, что ихъ великій Учитель готовъ былъ служить всѣмъ, даже самымъ незначительнымъ людямъ, даже дѣтямъ. Этого явленія не могъ постигнуть даже и Петръ: *не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ* (Іоан. 13, 8), говорилъ онъ Христу. И при всемъ томъ характеръ Его на всякаго производитъ впечатлѣніе совершеннаго единства и гармоніи. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго слѣда нестроенія и разлада! Это Мужъ, какъ бы отлитый изъ единого металла, не какой-либо половинчатый, но цѣльный, какъ никто другой. И онъ умѣлъ — свою поразительную силу употребить на служеніе любви всю безъ остатка: *Сынъ человѣческой не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ* (Мѡ. 20, 28). Такъ какъ Онъ былъ полнымъ господиномъ надъ Самимъ Собою, то поэтому именно Онъ и могъ такъ всецѣло отдать Себя на служеніе другимъ. Желанія и страсти не ослабляли Его силы, какъ это бываетъ у насъ; Іисусъ никогда не встрѣчалъ въ Себѣ Самомъ препятствій для своей дѣятельности: Онъ былъ свободенъ для служенія.

Отсюда само собою становится явнымъ, что въ Немъ дѣйствительно не было и тѣни того, что всѣхъ насъ связываетъ и лишаетъ свободы: Онъ не совершилъ ни единого грѣха. Объ этомъ свидѣлствуютъ люди, которые въ теченіе трехъ лѣтъ изо дня въ день находились съ Нимъ въ самыхъ близкихъ семейныхъ отношеніяхъ и— не нашли въ Немъ никакого недостатка. То же самое впечатлѣніе и нынѣ испытываютъ всѣ погружающіеся въ созерцаніе Его образа; предъ Его нравственной высотой и въ наши дни повергались во прахъ именно самые лучшіе изъ людей. Правда, Френсенъ послѣ искушенія Іисуса на высокой горѣ старается представить Его въ жалкомъ видѣ, называя Его «бѣднымъ, одиновимъ, мучимымъ страшными сомнѣніями человѣкомъ, человѣкомъ, находящимся въ самомъ бѣдственномъ состояніи». Но источники говорятъ о Немъ совсѣмъ иное. Іисусъ Христосъ постоянно является царственнымъ побѣдителемъ, за исключеніемъ часовъ, проведенныхъ Имъ въ Геѳсиманіи. Почему только здѣсь единственный разъ въ Своей жизни Онъ трепеталъ и ужасался,—этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ нами впоследствии. Хотя Онъ былъ искушаемъ подобно намъ, но Онъ въ совершенной чистотѣ и съ превосходной силою отражалъ всѣ прираженія зла. Если имѣть въ виду весь Его характеръ, какъ онъ обрисовался доселѣ предъ нами, то это и не могло быть иначе: Человѣкъ, обладающій безусловной властью надъ самимъ собою, свободный отъ господства чувственности, плоти и міра; и Человѣкъ всю свою необычайную силу употребляющій на служеніе братьямъ, всю свою жизнь истрачивающій на любовь къ нимъ, наконецъ приносящій Себя на крестъ въ жертву за грѣшниковъ,—этотъ Іисусъ никогда не погрѣшилъ противъ требованій любви, даже и тамъ, гдѣ Онъ былъ суровъ и грозно строгъ. Относительно этого очень вѣрны сужденія Чамберлена: «Все, что волнуетъ полулюдей, лишаетъ ихъ спокойствія и свободы,—суевѣріе, предразсудки, самолюбіе, зависть, ненависть—все это, подобно легкой морской

пѣвѣ, разбивается объ эту волю, какъ о гранитную скалу». Но рѣшающее значеніе здѣсь имѣеть Его собственное свидѣтельство о Себѣ. Синоптики ясно указываютъ на то, что Иисусъ въ этомъ отношеніи выдѣляетъ Себя изъ всѣхъ людей, называя ихъ злыми: *вы, будучи злыми, умъсте дація благія давати дѣтямъ вашимъ* (Мѣ., 7, 11). Такъ можетъ говорить только тотъ, кто не знаетъ за собою никакого грѣха. Слова евангелиста Іоанна: *кто изъ васъ обличитъ Меня во грѣхъ* (Іоан., 8, 46) служатъ только дополненіемъ въ положительной формѣ къ вышеприведенному изреченію. Такъ могъ говорить Иисусъ только въ томъ случаѣ, если Онъ сознавалъ Себя свободнымъ отъ всякой вины. И никто такъ строго не осуждалъ грѣхъ, какъ Онъ. Никто не предъявлялъ столь радикальныхъ нравственныхъ требованій, какъ Онъ, когда говорилъ: *не можете служить Богу и мамонъ* (Мѣ. 6, 24). *Если правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя; если праяя твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя* (Мѣ. 5, 29, 30). И никто такъ вѣрно не распознавалъ грѣхъ даже въ самомъ тонкомъ его развѣтвленіи и даже въ самой обольстительной формѣ, какъ этотъ великій Изобличитель всякаго лицемѣрія, всякаго фарисейства, всякаго притворства. Онъ зналъ, что было въ людяхъ (Іоан. 2, 25); ужели Онъ могъ заблуждаться только относительно Самого Себя? Безъ сомнѣнія вѣтъ. Но не обманывалъ ли Онъ другихъ? Но это психологически невозможно. Лицемѣромъ и обманщикомъ Иисусъ не могъ быть и никогда не былъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ, почему Онъ въ послѣднюю борьбу, самую тяжелую, какую только когда-либо велъ человѣкъ на землѣ, вступилъ съ величественнымъ сознаніемъ побѣды: *идетъ князь міра сего и во Мнѣ не имѣетъ ничего* (Іоан. 14, 30). Таковъ Иисусъ, какимъ изображаетъ Его намъ Писаніе: это — Человѣкъ безъ грѣха, Человѣкъ совершенный въ чистотѣ и истинѣ, совершенный въ любви и милосердіи.

Во всемъ этомъ мы проразумѣваемъ *тайну Его мнотности*. Онъ носить въ Себѣ глубины неизгяснимыя. На это указываетъ рядъ чертъ, которыя безусловно необходимы для полнаго начертанія Его образа, которыя не могутъ быть отдѣлены отъ Его историческаго явленія. Какую-то тайну Онъ носилъ въ сердцѣ Своемъ. Это чувствовали не только Его ученики, но и всѣ другіе: Его современниковъ постоянно волновалъ вопросъ: кто Онъ? И отъ Своихъ учениковъ Онъ скрывалъ ее; но сквозь эту прикровенность она постоянно просвѣчивала въ обнаруженіяхъ Его сознанія о Своемъ необыкновенномъ величій. Онъ ставилъ Себя выше всѣхъ въ религиозномъ отношеніи великихъ людей Израильской исторіи: <вотъ здѣсь больше, чѣмъ Соломонъ, больше, чѣмъ Иона, больше, чѣмъ Авраамъ, больше, чѣмъ Моисей> (Мѣ., 12, 41, 42; Іоан., 5, 46; 8, 56). Прямо нѣчто необычайное содержитъ въ себѣ Его требованіе: *кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня* (Мѣ. 10, 37). Послѣдованіе Ему ставится выше самыхъ высокихъ земныхъ обязанностей, даже выше погребенія отца: *предоставь, говоритъ, мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ* (—8, 22). Осмѣливался ли кто-нибудь гдѣ-либо предъявлять своимъ ближнимъ такія требованія? Столь же изумительнымъ величіемъ отличаются и Его *обѣтованія*: *приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ* (—11, 28). Онъ предлагаетъ всѣмъ людямъ, всему міру успокоеніе! Онъ прямо ставитъ Себя *на мѣсто Бога*. Уже этимъ Онъ почти давалъ знать, что Онъ сознавалъ и исповѣдывалъ Себя Мессіей, хотя сначала Онъ дѣлалъ это прикровенно. Въ Кесаріи Филипповой Петръ свидѣтельствуетъ, что онъ позналъ тайну Іисуса: *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго* (—16, 16). И Іисусъ одобрилъ это исповѣданіе! Въ то время—время апокалиптическихъ ожиданій съ словомъ: *Мессія* соединялось понятіе о совершенно сверхъестественномъ Существовѣ. Было не-

мыслимо, чтобъ среди тогдашнихъ іудеевъ кто-нибудь изъ людей возымѣлъ смѣлость сказать о себѣ: «Я Мессія». Иисусъ же имѣлъ мужество сказать это. Съ этимъ находятся въ согласіи и другія Его изреченія. Онъ знаетъ, что все предано Ему Отцомъ, что никто не знаетъ тайны Его существа, кромѣ Бога: *никто не знаетъ Сына кромѣ Отца; и Отца никто не знаетъ кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть* (Мѣ. 11, 27). Онъ прощаетъ грѣхи, хотя и по Его собственному сужденію эта власть принадлежитъ одному Богу (Мр. 2, 5—12). Даже Онъ увѣренъ, что Онъ вмѣстѣ и Спаситель всего міра и Судія живыхъ и мертвыхъ. *Всѣ народы соберутся предъ Сыномъ Человѣческимъ и Онъ отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырѣ отдѣляетъ овецъ отъ козловъ* (Мѣ. 25, 32). Ничего такого не дерзалъ говорить о себѣ ни одинъ человѣкъ ни до Него, ни послѣ Него. Умирающій Будда, говорятъ, умоляя своихъ послѣдователей, чтобъ они забыли его и помнили только его наставленія. Только Иисусъ не убоился — приписывать Своей личности вѣчное значеніе для всѣхъ людей,—и это по изображенію всѣхъ евангелистовъ!

Такимъ образомъ принципиально Иисусъ возвышаетъ Себя надъ всѣми людьми и ставитъ Себя наравнѣ съ живымъ Богомъ. Это необычайно, безъ сомнѣнія,—и однакоже это согласно съ произвольными, бессознательными обнаруженіями Его внутренней жизни. Онъ замѣтно долженъ былъ употреблять усилія, чтобы стать едино съ Своими присными; но находится въ такомъ общеніи съ Своимъ Богомъ, въ какомъ находится сынъ съ своимъ отцомъ, — это было совершенно естественно уже двѣнадцатилѣтнему отроку Иисусу, это не стоило Ему не только борьбы, но и никакого усилія. Онъ ясно видѣлъ, что всѣ люди находились здѣсь въ иномъ положеніи: къ Богу Онъ никогда не находился въ одинаковомъ съ ними отношеніи; никогда молясь Онъ не говорилъ: *Отче нашъ*, какъ этого Онъ требуетъ отъ всѣхъ Своихъ учениковъ; здѣсь Онъ постоянно дѣлаетъ различіе (между Собою и остальными

людьми), а яснѣ всего выражаетъ это въ извѣстныхъ словахъ Своихъ: *восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и къ Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17). Во всякое время Ему присуще сознаніе, что Онъ—единородный Сынъ Божій, что Онъ въ Богъ и Богъ въ Немъ. *Видѣвшій Меня видѣлъ и Отца* (Іоан. 14, 9). *Я и Отецъ одно* (—10, 30).

Таковъ общій образъ Іисуса въ крупныхъ чертахъ. Созданіе ли это фантазіи или изображеніе историческаго лица? Какъ долженъ смотрѣть на это истинный историкъ? Известно, что, опираясь на состояніе нашихъ источниковъ, критика подвергала сомнѣнію каждое отдѣльное слово Іисуса, дошедшее до насъ по преданію (Лук. 1, 2). По моему мнѣнію, здѣсь заходятъ слишкомъ далеко. Сказанное В. Вундтомъ въ его Этикѣ объ «основателяхъ» нравственныхъ религій прежде всего можетъ быть отнесено къ І. Христу: «Если поэтъ и можетъ выдумать подвиги героя, то дошедшія до насъ ученія творцевъ религій, обладавшихъ духомъ высочайшаго религіозно-нравственнаго созерцанія, служатъ недоступнымъ подлогу свидѣтельствомъ о дѣйствительномъ существованіи ихъ виновниковъ»¹⁾. Ту же самую мысль высказываетъ и Чамберленъ въ своемъ сочиненіи: «Основы 19 го вѣка». Глубина и оригинальность, красота и сила словъ и притчей Іисуса не позволяютъ думать, что онѣ суть произведенія творческой фантазіи. Кто не чувствуетъ, что въ нихъ выступаетъ предъ нами отчетливо очерченная, своеобразная, несравненная индивидуальность?—Но еще болѣе приложимы эти слова къ цѣлому нравственному образу І. Христа, данному намъ въ библіи, какъ доказаль это въ особенности Кэлеръ. Какое впечатлѣніе способенъ произвести на самыхъ глубокихъ мыслителей этотъ простой жизнен-

¹⁾ В. Вундтъ Этика. Изд. ж. „Русск. Богатство“, 1887, стр. 92.

ный образъ,—это показываетъ извѣстное изреченіе великаго мастера нѣмецкой исторіографіи Леопольда Ранке: «на землѣ не существовало ничего чище и могущественнѣе, возвышеннѣе и святѣе Его поведенія, Его жизни и смерти... Человѣчество не помнить ни о какомъ другомъ человѣкѣ, который хотя бы немного былъ подобенъ Ему». И это «безподобнѣйшее явленіе всѣхъ временъ» (Чамберленъ), говорятъ, есть произведеніе поэтической фантазіи?! Кто можетъ серьезно повѣрить, чтобъ человѣческое творчество было въ силахъ изобрѣсть Иисуса и нарисовать Его образъ, вполне вѣрный жизненной правдѣ? Вдумайтесь въ слѣдующее: человѣкъ какъ другіе — и однакожъ господствуетъ надъ всѣмъ; совершенно свѣтлая личность, безъ всякой тѣни и грѣха — и однакожъ исполнена жизненной правды и жизненной теплоты; всецѣлый человѣкъ — и однакоже проникнуть вышечеловѣческимъ божественнымъ самосознаніемъ. Такъ изображаютъ Его намъ Евангелисты: это—не какой-нибудь призракъ, не какая-нибудь безкровная тѣнь, но плоть и кровь, несмотря на всю Его единственность и величіе! Найдется ли гдѣ таковой несравненный поэтъ, который былъ бы въ состояніи создать этотъ образъ Иисуса? Рѣшить эту великую задачу были бы не въ силахъ и Шекспиръ, и Гёте — ужели же могли выполнить ее рыбаки галилейскіе? Этому не въ состояніи повѣрить ни одинъ человѣкъ!

Невозможность выполненія этой задачи можно подтвердить даже фактами. Двѣ сильныя, истинно поэтическія натуры—Клопштокъ и Френсенъ — уже пытались поэтически воспроизвести образъ Иисуса; но силы того и другого оказались совсѣмъ слабыми по сравненію съ величіемъ этого предмета. Иисусъ въ «Мессіи» Клопштока изображенъ возвышенными чертами, но въ Немъ совсѣмъ нѣтъ жизненности. Это не болѣе какъ тѣнь безъ плоти и крови. А Френсенъ долженъ былъ лишить Иисуса Христа всякаго величія, чтобъ изобразить согласно съ жизненной правдой; вслѣдствіе этого его образъ Христа признанъ историче-

ски невѣрнымъ и отвергнуть всѣми богословами какъ положительнаго, такъ и либеральнаго направленія. Поэтому «рукопись Кая Янса» и «Мессія» Клопштока служатъ неопровержимыми доказательствами того, что нравственный образъ Иисуса не можетъ быть созданиємъ фантазіи. Сила поэтическаго творчества еще ни разу не была въ состояніи — даже только воспроизвести его; какъ же она могла создать его? Чамберленъ справедливо говоритъ: «творческая способность людей очень ограничена... Ихъ (Будды и Иисуса) нравственная и умственная индивидуальность до такой степени ясно встаетъ предъ нашими глазами и эта индивидуальность до такой степени своеобразна, что никакъ не могла быть измышлена. Даже и Будду не могло измыслить никакое поэтическое творчество людей; не говоримъ уже объ Иисусѣ; ничто не подаетъ намъ и малѣйшей надежды на это. Ни поэты, ни философы не могли вообразить себѣ такого рода феноменъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что при чтеніи евангелій образъ этого Единственнаго между людьми выступаетъ предъ нами въ столь ясныхъ чертахъ, какъ образъ исполненный жизни, гармоничный въ себѣ и все же несомнѣнно человѣческій, такъ что отсюда необходимо вытекаетъ выводъ: «этотъ мужъ, обладающій необыкновенной и мощной личностью, въ умахъ и сердцахъ Своихъ учениковъ начерталъ Свой образъ такими рѣзкими и глубокими чертами, что не было никакой возможности не только его изгладить, но даже и исказить» (Келеръ). Поэтому библейскій образъ Иисуса Христа въ своей цѣлостности — не вымыселъ, но историческая истина.

Возникаетъ вопросъ: сверхъестественныя черты, свойственныя этому образу, составляютъ ли существенную его принадлежность, или могутъ быть отдѣлены отъ него, не нанося ущерба его внутреннему содержанию? Послѣ самаго добросовѣстнаго разсмотрѣнія этого вопроса я долженъ отвѣтить на него безусловно отрицательно. Всѣ отдѣльныя черты въ этой безпримѣрной Личности безъ

сомнѣнія находятся въ чудесной внутренней между собою гармоніи. По своей внутренней свободѣ и самостоятельности, силѣ и крѣпости Она не имѣетъ себѣ равной. Эта могущественная Личность въ состояніи одержать побѣду въ самой тяжелой борьбѣ, неизбежной для насъ людей,—въ борьбѣ противъ зла. Въ томъ, что Онъ имѣлъ такую власть надъ Самимъ Собою, находилась причина нравственной чистоты Его характера: какъ совершенно свободный духовно, Онъ обладалъ безусловной властью надъ всѣми движеніями чувственности и былъ въ состояніи всецѣло предаться служенію любви, которая не ищетъ своего (1 Кор. 13,5). Въ этомъ состоитъ особенное Его величіе: какъ нравственная личность, Иисусъ принципиально возвышается надъ міромъ грѣшниковъ. Откуда происходитъ у Него эта никогда неизмѣняющая Ему внутренняя сила и свобода личной жизни? изъ какого источника почерпаетъ Онъ эту необычайную чистоту и непримѣрную силу любви, которая всѣмъ, даже и послѣднимъ, жертвуетъ для братьевъ? Я не нахожу никакого иного отвѣта на это, кромѣ слѣдующаго: Онъ находится въ столь внутреннемъ единеніи съ Богомъ, въ какомъ не находился никто ни до Него, ни послѣ Него. Въ Немъ былъ Богъ—поэтому только Онъ былъ такъ увѣренъ въ Себѣ; поэтому Онъ имѣлъ столь безусловное превосходство надъ міромъ и былъ превыше всѣхъ раздраженій плоти. Богъ былъ въ Немъ—и это дѣлало Его столь богатымъ, что Онъ не имѣлъ нужды ни въ какой вещи, ни въ какомъ человѣкѣ, что Онъ могъ непрестанно давать, не истощая своихъ средствъ. Богъ былъ въ Немъ—поэтому Онъ и остался единственнымъ побѣдителемъ надъ силою зла. Онъ есть Сынъ Божій.

Существуетъ мнѣніе, что можно признавать Иисуса Христа безгрѣшнымъ даже и въ томъ случаѣ, если смотрѣть на Него какъ на человѣка, подобнаго всѣмъ другимъ: Онъ во всякое время побѣждалъ зло, потому что Онъ во всякое время находился въ общеніи съ Богомъ. Всякій,

кто постоянно поддерживает такое общеніе, становится способнымъ и къ такому же нравственному совершенству.—Но почему же изъ великаго множества людей, стремившихся къ этому, никто ни прежде, ни послѣ Него не былъ въ силахъ достигнуть такого совершенства? Отъ чего бываетъ то, что именно самые лучшіе въ нравственномъ отношеніи люди весьма строго себя обвиняютъ и осуждаютъ—за исключеніемъ этого Единственнаго, всѣхъ ихъ превосходящаго? Но прежде всего: говорятъ: «Иисусъ былъ безгрѣшенъ, потому что Онъ постоянно находился въ единеніи съ Богомъ»,—но чѣмъ же достигаетъ чловѣкъ непрерывнаго общенія съ Богомъ? Тѣмъ, что онъ не соизволяетъ ни на какой грѣхъ! Отсюда открывается, что общеніе съ Богомъ и безгрѣшность суть понятія, замѣняющія другъ друга; оба они указываютъ на одинъ и тотъ же предметъ; съ тѣмъ только различіемъ, что общеніе съ Богомъ указываетъ на него въ положительной формѣ, а безгрѣшность—въ отрицательной. Грѣхъ есть не что иное, какъ непослушаніе Богу, т. е. отдѣленіе своей собственной воли отъ воли Бога. «Иисусъ былъ безгрѣшенъ, потому что Онъ постоянно былъ едино съ Богомъ»; стало быть это положеніе имѣетъ такой же смыслъ, какъ и положеніе: Иисусъ не отдѣлялъ Себя отъ Бога, потому что Онъ постоянно былъ едино съ Богомъ. Такъ какъ оба эти понятія имѣютъ одно и то же содержаніе, то одно изъ нихъ не можетъ быть основаніемъ для другого. Такимъ образомъ остается безъ отвѣта вопросъ: отчего только Иисусъ Христосъ пребывалъ безгрѣшнымъ и никогда не отступалъ отъ воли Божіей, тогда какъ всѣ остальные люди поступаютъ иначе? Я не нахожу другого отвѣта на это, кромѣ слѣдующаго: Иисусъ съ самаго начала, уже съ ранняго дѣтства Своего необходимо находился къ Богу въ другомъ отношеніи, чѣмъ мы. Онъ—Единородный Сынъ Божій,—мы же дѣти Божіи только по усыновленію. Богъ былъ во Христѣ; Онъ есть Богъ, явившійся во плоти—вотъ тайна Сына Человѣческаго.

Но внутренняя гармонія въ библейскомъ образѣ Христа простирается еще глубже. Не только нравственная личность Иисуса лишается всякаго основанія и опоры, но и нравственное величіе Его, какъ Мессіи, не можетъ быть защищено, если не признать, что Онъ есть Сынъ Божій. Еслибы Христосъ былъ *только* человѣкъ, то на Его необычайныя свидѣтельства о Себѣ Самомъ и чрезвычайно высокія требованія надобно было бы смотрѣть вмѣстѣ съ Э. Гартманомъ, какъ на проявленіе «ненормальнаго чувства собственнаго достоинства». Тогда Его нравственный образъ предсталъ бы предъ нами съ чертами столь несноснаго самоувѣнія и самопревозношенія, что Его нравственное величіе подлежало бы безусловному сомнѣнію. Онъ считаетъ Себя выше всѣхъ остальныхъ людей и ставитъ Себя рядомъ съ Богомъ, какъ судія и искупитель міра. Здѣсь я напому только объ извѣстномъ Его изреченіи: *кто любитъ отца или мать больше нежели Меня, тотъ недостойнъ Меня*. Здѣсь неминуемо возникаетъ предъ нами альтернатива: или признать, что Христосъ въ самомъ серьезномъ смыслѣ сознавалъ Себя сверхъестественнымъ Сыномъ Божиимъ, или допустить, что Онъ—нравственная личность. Но было бы тяжело отрицать нравственный характеръ Иисуса—слишкомъ сильное впечатлѣніе производитъ Онъ на всякую чистую совѣсть;—но въ такомъ случаѣ этотъ несокрушимый нравственный характеръ Иисуса служить внутреннимъ доказательствомъ истинны Его словъ: *Я и Отецъ едино*. Во всякомъ случаѣ попытка—устранить изъ Его образа сверхъестественныя черты приводитъ къ совершенному разрушенію этого образа. Иисусъ не можетъ быть «насилованно подведенъ подъ человѣческую мѣрку и подъ человѣческую психологію.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Глубокая полночь. Все тихо кругомъ,
Лишь звѣзды на небѣ мерцають,
Да гдѣ то вдали, предъ угасимъ костромъ,
Стада пастухи охраняють.

Прижавшись другъ къ другу, они межъ собой
Бесѣду ведутъ о Мессіи,—

Какъ Онъ воцарится надъ всею землей
И сниметъ ярмо съ ихней выи...

Но вотъ среди мрака ихъ свѣтъ осіялъ,
Предъ ними предсталъ небожитель,
И голосомъ, полнымъ любви, сказалъ:
«Родился вамъ нынѣ Спаситель!

Чтобъ радость свою увеличить, скорѣй
Идите вы къ мѣсту рожденя
И тамъ—въ скотскихъ ясляхъ у бѣдныхъ людей—
Воздайте Ему поклоненье».

И только окончилъ рѣчь ангель, какъ вдругъ
Весь сводъ озарился небесный:

То сонмы безплотныхъ составили кругъ

И пѣли хвалебныя пѣсни...

Вдали же къ востоку, водимы звѣздой,
Спѣшать три волхва въ Іудею;
Несутъ они злато, ливанъ и алой
Въ подарокъ Тому, Кто отъ Дѣвы святой
Родился,—Христу Назорею.

И. Ев...ій.

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ ¹⁾.

V.

Въ Москвѣ встрѣтили протопопа ласково. «Яко ангела Божія, пріяша мя государь и бояра,—всѣ мнѣ рады!» Набожный царь Алексѣй Михайловичъ подошелъ къ Аввакуму подъ благословеніе, допустилъ къ рукѣ и спросилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видитца Богъ велѣлъ!» И послѣ царь часто кланялся протопопу, снималъ шапку, подходилъ благословляться, высовывался къ нему изъ кареты и просилъ молитвъ.

Аввакума поставили на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, предлагали мѣсто, гдѣ оный хотѣлъ, звали было и въ царскіе духовники, обѣщали даже мѣсто на печатномъ дворѣ книги править: «и я радъ сильно, мнѣ то надобно лучше и духовенства».

Надавали Аввакуму всякихъ подарковъ и денегъ. Но при этомъ увѣщевали его молчать и соединиться въ вѣрѣ.

«Азъ же сія вся яко уметы вмѣнилъ, да Христа приобрящу». Впрочемъ, пока еще протопопъ молчалъ, ходилъ въ церковь и даже «шаловать» было сталъ, т.-е. привывать къ новизнамъ церковнымъ.

Но въ Москвѣ сильна была еще партія консервативная, которой не по душѣ были новшества Никоновы.

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку *Душев.* Чт. за 1910 г.

Возвратившійся изъ ссылки Аввакумъ былъ въ ихъ глазахъ окруженъ ореоломъ мученичества «за старую вѣру».

На него теперь смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ, и онъ отселъ становится во главѣ старообрядцевъ. Нероновскій кружокъ распался. Стефанъ Вонифатьевъ, еще въ началѣ гоненій Никона, «ослабѣлъ» и уже не особенно стоялъ за правую вѣру. Теперь по его стопамъ пошелъ и Иванъ Нероновъ, принявшій монашество съ именемъ Григорія. Узнавъ, что восточные патріархи одобряли исправленія Никона и даже предали проклятію двуперстіе, онъ не захотѣлъ быть «подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ» и уже не протестовалъ противъ Никоновскихъ реформъ.

Примѣру Неронова послѣдовали и многіе его приверженцы, напр. бояринъ Плещеевъ и др. Изъ прежняго распавшагося кружка ревнителей старины выше всѣхъ стоялъ теперь Аввакумъ. У него появилась масса почитателей и почитательницъ.

Въ числѣ послѣднихъ особенно выдѣлялась боярыня Ѳедосья Морозова и сестра ея Евдокія Урусова.

Морозова была молодая, богатая вдова, имѣла до 8,000 душъ крестьянъ, а число прислуги въ ея домѣ достигало до 200 человекъ; она была духовная дочь Аввакума, который почти безвыходно жилъ у нея на дворѣ.

Морозова была весьма благочестива, раздавала щедро милостыню, привѣчала у себя нищихъ и убогихъ, а плоть свою истязала постомъ и даже носила власяницу.

Горячія рѣчи Аввакума имѣли громадное вліяніе на ея религіозную натуру, и она всей душой предалась служенію старой вѣрѣ.

Возвращеніе Аввакума въ Москву дало поводъ притти сюда и другимъ ревнителямъ старообрядчества. Теперь мы видимъ въ Москвѣ нижегородскаго старца Авраамія, иноковъ Корнилія и Трифілія, юродивыхъ Ѳедора и Кириана.

Дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ также сталъ теперь расколоучителемъ и другъ.

Всѣ эти лица, въ дѣлѣ проповѣди, усердно стояли за церковную старину.

Писались сочиненія въ защиту старыхъ обрядовъ; попы Никита и Лазарь прислали царю о томъ же челобитную изъ мѣстъ своего заточенія.

Особенно же большое вліяніе имѣли на народъ юродивые. Ѳеодоръ бѣгалъ даже за царской каретой и подавалъ царю челобитныя о возстановленіи старой вѣры.

Аввакумъ съ полгода ждалъ и молчалъ, да и тоже сталъ «ворчать» на церковныя новизны. Онъ ходилъ теперь въ ученое общество къ Ртищеву «браниться съ отступниками» и тамъ много шумѣлъ «о вѣрѣ и законѣ», такъ что однажды разошлись «яко піани», и Аввакумъ, придя домой, ничего не могъ ѣсть.

Дѣятельность этихъ «ревнителей древняго благочестія» имѣла большой успѣхъ среди народа. Стали ходить слухи о видѣніяхъ. Какой-то старецъ Чудова монастыря, Симеонъ, видѣлъ во снѣ громаднаго пестраго змія, который обвился вокругъ Грановитой палаты, а голова его была внутри, и онъ что-то шепталъ царю на ухо. Это, конечно, никто другой, какъ Никонъ, внушившій царю править книги.

Инокъ Корнилій тоже во снѣ видѣлъ, какъ въ Успенскомъ соборѣ спорили свѣтлый и темнообразный. У свѣтлаго былъ въ рукахъ трехъ-составной крестъ, а у темнаго двухъ-составной. Они долго спорили, наконецъ темный побѣдилъ ¹⁾.

Въ народѣ началось сильное волненіе. Теперь отношенія между партіями стараго закала и новаго направленія обострялись все больше и больше. Многія церкви стали пустѣть. Въ самомъ Успенскомъ соборѣ спорили, какъ служить: по новому или по старому ²⁾.

¹⁾ Прав. Соб. 1869 г. ч. 2, стр. 50.

²⁾ Ивановскій. Руководство по Исторіи и Облич. Раскола. Казань 1887 г., стр. 51.

Между тѣмъ Аввакумъ составилъ новую челобитную, новую апологію древняго православія, въ которой «многонько-таки написалъ», и подалъ ее царю черезъ юрдиваго Ѳедора.

Дѣло принимало все болѣе серьезный характеръ. Рѣшено было снова удалить «благоревностнаго Аввакума». Царь прислалъ къ протопопу боярина Салтыкова сказать: «власти де на тебя жалуются: церкви де ты запустошилъ; поѣзжай де въ ссылку опять». Теперь главѣ старообрядчества пришлось отправиться въ Пустозерскъ.

Недолго пожилъ протопопъ на свободѣ; передъ нимъ снова стояла ужасная жизнь въ ссылкѣ. Дрогнуло было сердце его, и изъ Холмогоръ онъ писалъ челобитную царю, прося смиловаться надъ нимъ и дѣтьми. Его другъ Нероновъ также хлопоталъ за него въ Москвѣ¹⁾, и протопопу позволили остаться въ Мезени. Жена и дѣти опять отпраялись съ нимъ. По дорогѣ Аввакумъ не переставалъ учить «людей Божіихъ», грозно обличая еретиковъ «пестробразныхъ звѣрей».

Полтора года жилъ Аввакумъ въ Мезени, «словесныхъ рыбъ промышляя», а потомъ его снова съ двумя сыновьями привезли въ Москву. Отсюда отправили «подъ началъ» въ Пафнутевскій монастырь.

Сюда являлись разныя лица увѣщать Аввакума. Но среди самихъ этихъ миссіонеровъ, очевидно, были сочувствовавшіе старинѣ, какъ напр. дьяконъ Козьма. «Козьма мой, не знаю, коего духа человекъ: въявь уговариваетъ, а въ тай подкрѣпляетъ мя, сиче говоря: «протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія; великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь! Не гляди на насъ, что погибаемъ мы!».

Въ то же время на Москвѣ готовились къ большому Московскому собору 1666—67 г.

¹⁾ Старца Григорія Неронова челобитная царю Алекс. Мих. за протопопа Аввакума, подана 6-го дек. 1664. Мат. т. I, 199—201.

Дѣла раскола, пустующая кафедра московскаго патріарха и другія церковныя нестроенія требовали соборнаго разбирательства.

Сперва въ февралѣ 1666 г. открылся соборъ изъ русскихъ представителей іерархіи.

Дошло дѣло и до расколовождей, которые къ этому времени были привезены изъ мѣсть своего заключенія. Привели ихъ на соборъ къ допросу.

Нѣкоторые изъ ревнителей старины согласились принять Никоновскія исправленія и принесли раскаянія (напр. Александръ, епископъ Вятскій, Ефремъ Потемкинъ; іеромонахъ Сергій, игумень Θεоктисть и друг.) ¹⁾. Но стойкій Аввакумъ, дьяконъ Ѳедоръ, попъ Лазарь не только остались вѣрны своимъ взглядамъ, но Аввакумъ самый соборъ называлъ даже «неправославнымъ».

На соборѣ постановили разстричь Аввакума и Ѳедора. Эта церемонія была совершена въ Успенскомъ соборѣ, во время «переноса».

Того и другого предали проклятію; «а я ихъ проклиналъ супротивъ», говоритъ Аввакумъ. «Зѣло было мятежно обѣдню ту».

Въ то же время царица, Марья Ильинишна, сильно заступалась за протопопа, и по этому поводу у нея было «великое нестроеніе» съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но царь, очевидно уважая духовный соборъ, не рѣшился уже вторично заступиться за Аввакума.

Послѣ розстрига отвезли Аввакума въ Угрѣшскій монастырь, при чемъ посягнули на чтимую стариннымъ русскимъ человѣкомъ святыню-бороду.

«И бороду враги Божіи отрѣзали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалѣють овецъ! оборвали собаки, одинъ хохоль оставили, что у поляка, на лбу».

Но личность Аввакума слишкомъ обаятельно дѣйствовала на современниковъ.

¹⁾ Дополнен. къ Акт. Историч. т. V, стр. 447—458. Спб. 1933 г.

На Угрѣшу потянулись посѣтители къ темницѣ Аввакума. Самъ царь, прїѣхавъ въ обитель, походилъ около протопоповой тюрьмы, хотя и не рѣшился войти. Двумъ сыновьямъ Аввакума, Прокопію и Ивану, удалось пробраться къ окошку и видѣться съ отцомъ. Впрочемъ, ихъ схватили и повели къ допросу, началось даже цѣлое слѣдствіе о нихъ, пошли отписи, поруки и т. п. судебная волокита. Въ концѣ концовъ ихъ засадили въ Покровскій монастырь, и было велѣно держать ихъ «въ монастырскихъ трудахъ» ¹⁾.

Чтобы прервать всякія сношенія Аввакума съ его друзьями, его перевели въ Пафнутіевъ монастырь въ Боровскъ съ приказомъ: «посадить въ тюрьму... и беречь ево накрѣпко, съ великимъ опасеніемъ, чтобы онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова надъ собой не учинилъ, а чернилъ и бумаги ему не давать, какъ и прочимъ колодникамъ» ²⁾.

Въ первое время этотъ указъ исполнялся такъ усердно, что келарь не позволилъ Аввакуму даже въ первый день св. Пасхи отворить дверь своей кельи и посидѣть на порогѣ. Но мало-по-малу и здѣсь симпатіи стали клониться на сторону несокрушимаго борца за «старую вѣру».

Изъ Боровска Аввакумъ въ послѣдній разъ былъ отправленъ въ Москву, чтобы предстать предъ лицо Московскаго собора 1667 г., на которомъ присутствовали и восточные патріархи: Макарій Антиохійскій и Паисій Александрійскій.

17-го іюня 1667 г. предъ лицо собора былъ приведенъ Аввакумъ,—но всѣ увѣщанія не могли отклонить протопопа отъ его вѣрованій и убѣжденій, которыя онъ такъ горячо защищалъ и за которыя такъ много выстрадалъ. Отступать было поздно, да и не въ характерѣ Аввакума. Когда же патріархи указали ему на то, что вся Палес-

¹⁾ Мат. по Истор. Раск., т. I-й, стр. 359—369.

²⁾ Ibid., стр. 371—374.

тина, Сирія, Албанія, римляне и ляхи крестятся тремя перстами, тогда изъ устъ Аввакума вырвался знаменательный отвѣтъ; онъ выражалъ въ себѣ всѣ тѣ идеи православія на единой Руси, всѣ чаянія старо-русской партіи, которыми жили и въ которыя такъ искренно вѣрили русскіе націоналисты.

«Вселенстіе учителіе!» говорилъ Аввакумъ: «Римъ давно палъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіанамъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета,—да и дивить на васъ нельзя: немощни есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учителя: у насъ Божіею благодатіею самодержавство. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь не мятежна»...

«И патріарси задумалися, а наши, что волчѣнки, вскоча завыли и плевать стали на отцовъ своихъ, говоря: глупы де были и несмысленны наши русскіе святые, и неученые де люди были,—чему имъ вѣрить! Они де грамоты не умѣли! О, Боже Святой! Какое претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія! Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало. Побранилъ ихъ, колко могъ, и послѣднее слово реклъ: чистъ есмь азъ, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше единъ, творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ!».

Когда же увѣщанія и пренія на соборѣ съ Аввакумомъ приняли шумный характеръ, Аввакумъ отошелъ къ двери, легъ на полъ и иронически сказалъ: «посидите вы, а я полежу».

Ясно было, какъ день, что ничѣмъ не убѣдить Аввакума принять новые обряды и книги. Но Аввакумъ былъ не единственный. За нимъ стояла цѣлая партія такихъ фанатично преданныхъ старообрядчеству людей. Эти люди такъ упорно стояли за свое *credo*, что, въ лицѣ Аввакума, бросили смѣло вызовъ представителямъ не только русской, но и греческой церкви.

Произошелъ окончательный расколъ въ русской церкви. Придержавшія власти духовныя и свѣтскія приняли мѣры къ искорененію старообрядчества.

Еще на соборѣ 1666 г. рѣшено было противъ несоглашающихся принять новые обряды примѣнять «тѣлесныя озлобленія».

Приказывалось попамъ и поповскимъ старостамъ доносить о таковыхъ непокорныхъ, а если гдѣ найдется хоть какое-нибудь «нестроеніе и неисправление противу сего соборнаго писанія, а намъ учинися вѣдомо, за то имъ старостѣ и десятскимъ, быти въ церковной казни, безъ всякія пощады»¹⁾.

На соборѣ же 1667 г. всѣ непокорные, не приѣмлющіе троеперстія и новыхъ обрядовъ, подвергались страшному проклятію и въ жизни и по смерти²⁾.

Такимъ образомъ, прибытіе восточныхъ патріарховъ нисколько не улучшило печальнаго настроенія въ русской церкви. Благодаря этому постановленію, русскіе люди теперь окончательно раздѣлились на ся. Православные стали преслѣдовать старообрядцевъ, а эти послѣдніе, не имѣя власти и силы платить тѣмъ же, начали проклинать своихъ притѣснителей, измѣнившихъ, по ихъ мнѣнію, древней вѣрѣ, отторгнувшихъ «отеческаго благочестія и старинныхъ преданій».

Вожди раскола подверглись наказанію первые. Аввакумъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ,—туда-же были отправлены дьяконъ Федоръ, Лазарь и Епифаній, при чемъ двумъ послѣднимъ отрѣзали языки. Съ этого момента расколъ официально признается недозволеннымъ, и начинаются преслѣдованія его приверженцевъ. Если вѣрить Аввакуму, то въ Казани было сожжено 30 человекъ, въ Сибири столько же, во Владимірѣ шестеро, въ Боровскѣ 14 человекъ; а въ Нижнемъ «пресловно бысть; овыхъ еретики

¹⁾ Доп. къ Акт. Истор., т. V, стр. 467.

²⁾ Ibid., стр. 486—487.

зажигаютъ, а инѣи, распалшеся любовію и плакавъ о благовѣріи, не дождався еретическаго осужденія, сами во огонь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣріе и, сожегше своя тѣлеса, души же въ руцѣ Божіи предавше, ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣковъ»¹⁾).

Во главѣ всѣхъ этихъ страдальцевъ за старыя книги и обряды стоялъ Аввакумъ. Его засадили въ срубъ, вкопанный въ землѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ около 15 лѣтъ подь стражей. Аввакумъ при входѣ въ тюрьму снялъ съ себя одежду и не хотѣлъ ничего ѣсть, да «братія уговорили». Въ такую же тюрьму, отдѣльно другъ отъ друга, были посажены и его товарищи: Лазарь, Епифаній и Феодоръ. Они были теперь настоящіе «живые мертвецы», въ своихъ земляныхъ темницахъ. Но Аввакумъ не упалъ нисколько духомъ; страданія еще больше воодушевляли и закаляли его. «Хочу отъ васъ терпѣть, говорилъ онъ». «Якоже образъ намъ даде Христось, терпя отъ жидовъ: тако и мы отъ васъ; не стужаемъ—терпимъ о Христѣ до смертнаго часа. Хочу и всѣхъ даже постраждутъ, якоже и мы, а мы якоже и Христось отъ васъ, новыхъ жидовъ»²⁾. Боярыни Морозова и Урусова были сосланы въ Боровскъ въ заточеніе. Въ Мезени, изъ дома жены Аввакума, были нѣкоторые повѣшены за открытое исповѣданіе раскола.

Два старшіе сына Аввакума отреклись было отъ старообрядчества, но не избѣгли наказанія. Ихъ съ матерью посадили въ земляную тюрьму въ Мезени.

Народъ смотрѣлъ на своихъ расколо-вождей, какъ на истинныхъ мучениковъ. Стойкость ревнителей древняго благочестія поражающе дѣйствовала на русскій народъ, возбуждала чувства состраданія и удивленія, а отсюда и симпатіи къ проповѣдываемому ими ученію.

«Таковъ психологическій законъ», говоритъ проф. Ивановскій. «До критической оцѣнки этихъ страданій, за ко-

¹⁾ Мат. V, 53.

²⁾ Мат. V, 344.

торыя лилась кровь, было далеко, да и не по силамъ простому русскому человѣку; да онъ наконецъ и не охотникъ до такого разбирательства; народъ, изъ историческихъ народовъ, наиболѣе консервативный,—онъ живетъ простымъ смысломъ, воображеніемъ и преданіями; въ этомъ его сильная и слабая сторона».

«Аввакумъ — страдалецъ за вѣру; Аввакумъ достоинъ поклоненія: вотъ умозаключеніе русской простоты, проведенное въ жизнь и дѣло русскимъ упорствомъ»¹⁾

Теперь Пустозерскъ сдѣлался центромъ раскольническаго движенія: несмотря ни на что, Аввакуму удавалось писать отсюда, получать письма и руководить старообрядческимъ движеніемъ. Сами стерегшіе его стрѣльцы, очевидно, уважали его, но крайней мѣрѣ они оказывали ему иногда содѣйствіе: (напр., въ спорахъ съ діакономъ Федоромъ). Насколько сильно было тогда волненіе народа за старые обряды, видно изъ того, что Соловецкіе иноки, съ оружіемъ въ рукахъ, защищали старыя книги, и Соловецкій монастырь выдержалъ восьмилѣтнюю осаду отъ царскихъ воеводъ.

Въ то время царь Алексѣй Михайловичъ умеръ, и на престолъ вступилъ Федоръ Алексѣевичъ.

Аввакумъ рѣшилъ обратиться къ нему съ воззваніемъ—вернуться къ церковной старинѣ. Тонъ рѣчей, возбужденность настроенія, перепутанность и отрывочность мыслей этой челобитной показываютъ въ Аввакумѣ человѣка уже почти неспособнаго владѣть собой. Величая царя «блаженнымъ, треблаженнымъ», «дитяткомъ враснымъ перковнымъ», онъ просилъ у него защиты себѣ и своимъ единомышленникамъ. «Аще не ты, по Господѣ Бозѣ, кто намъ положеть?» Потомъ, вспомнивъ объ умершемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говорить: «Богъ судить между мною и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ,—слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду. Иноземцы что зна-

¹⁾ *Ирав. Соб.* 1869 г., ч. 2, стр. 137.

ють?—что велѣно имъ, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали Турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддержали,—костельники и шиши антихристовы, прелагатаи богоборцы!»

Это посланіе Аввакума къ царю рѣшило судьбу протоппа. При дворѣ господствовало теперь польское вліяніе, и самъ царь былъ ученикъ Кіевскаго монаха Симеона Полоцкаго. Прѣжнихъ друзей Аввакума у престола или уже не было, или они потеряли значеніе. Патріархъ Іоакимъ былъ, какъ и Никонъ, борець противъ раскола.

Выступило на сцену уже новое поколѣніе, съ новыми идеями и понятіями. Разрывъ со стариной почти состоялся. Аввакумъ, такъ упрямо возстававшій противъ этихъ вѣяній, реформъ, общеній съ иноземцами, да еще поносившій память покойнаго царя, отца царствующаго государя, уже не могъ ждать себѣ сочувствія. «За великія хулы на царскій домъ» велѣно было сжечь Аввакума и заключенныхъ вмѣстѣ съ нимъ.

1-го апрѣля 1681 г. казнь совершилась въ Пустозерскѣ; съ нимъ должны были быть сожжены: дьяконъ Ѳеодоръ, Лазарь, Епифаній и Никифоръ. На площади поставили срубъ изъ дровъ.

«Собралися народъ и сняли шапки... дрова подожгли, замолчали, замолчали всѣ: Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: «Вотъ будете этимъ крестомъ молиться, во вѣкъ не погибнете, а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ». Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ,—Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли»¹⁾.

Такъ окончилась жизнь знаменитаго столпа старообрядчества.

С. Голощановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Мякотинъ. Протоп. Аввакумъ, стр. 156. Бороздинъ. Протоп. Аввакумъ—стр. 346.

ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ ¹⁾.

11. О свойствахъ Божіихъ.

Понятіе о предметѣ выясняется чрезъ изученіе свойствъ его. Это—необходимый познавательный путь. Но въ богословскомъ приложеніи этого приѣма къ познанію Бога встрѣчаются нѣкоторыя, повидимому, затрудненія. Свойства, говорятъ, наблюдаются только въ физическихъ предметахъ, потому что послѣдніе имѣютъ по нѣскольку сторонъ. Богъ же есть существо простое, и потому Ему нельзя усвоить свойства. Представленіе о свойствахъ вносить будто бы сложность въ существо Божіе. Такъ училъ въ древности Евномій.—Но Божество, при Его простотѣ и несложности, нельзя представлять неопредѣленнымъ и безкачественнымъ. Богъ есть Существо совершенное, а чѣмъ полнѣе бытіе, тѣмъ болѣе въ немъ опредѣляющихъ свойствъ и качествъ. Богъ въ Своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ міру и человѣку проявляетъ Себя многообразно. Поэтому приписываемыя Ему многія свойства и имена основываются на дѣйствительномъ разнообразіи Его откровеній (Василій Великій).

Но этимъ вопросъ о свойствахъ Божіихъ не исчерпывается. Евномій возбуждалъ другое недоумѣніе: въ какомъ отношеніи стоятъ усвояемыя Богу свойства и имена къ Существу Божію? Даютъ ли они дѣйствительное познаніе о Богѣ, не суть ли они только наши субъективныя пред-

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Духовн. Чит.* 1910 г.

ставленія о Богѣ? Другими словами: имѣютъ ли они формальное или предметное значеніе? Самъ Евномій, выходя изъ того положенія, что кто знаетъ имя, знаетъ сущность, усвоилъ Богу лишь одинъ признакъ, тождественный съ Его существомъ. Этотъ признакъ есть понятіе нерожденности, въ которомъ мы постигаемъ самую сущность Божества.—На это св. Григорій Нисскій возражалъ, что наши имена, усвоенныя Богу, выражаютъ не сущность Божию, а только человѣческія представленія о дѣятельности Божіей. «Не находя никакого соотвѣтственнаго названія, которое представило бы предметъ удовлетворительно, мы вынуждаемся раскрывать находящееся въ насъ понятіе о Богѣ, насколько то возможно, многими и различными именами». Значитъ, дробленіе представленій о Богѣ и разнообразіи свойствъ, приписываемыхъ Ему, обусловливается ограниченностью нашего разума, который «не можетъ одною какою-либо мыслию постигнуть сокровенное». Но такимъ своимъ ученіемъ объ именахъ Божіихъ св. Григорій не хотѣлъ приравнять свойства Божіи, подобно средневѣковымъ номиналистамъ, къ общимъ понятіямъ, которымъ въ дѣйствительности ничего не соотвѣтствуетъ. Онъ лишь утверждалъ, что ни одно имя не можетъ вполне выразить существа Божія, но всѣ они, взяты вмѣстѣ, раскрываютъ намъ, что находится въ существѣ Божіемъ, или, какъ позднѣе выражался св. Іоаннъ Дамаскинъ, «то, что относится къ естеству» (τὰ πρὸς τῆν οὐσίαν). Отношеніе свойствъ къ сущности Божіей наглядно пояснял блаж. Августинъ при помощи сравненія. Какъ солнечный свѣтъ ничего не теряетъ изъ своей простоты отъ того, что, вслѣдствіе его дѣйствія, тѣла сообразно своимъ особенностямъ принимаютъ разные цвѣта, такъ и существо Божіе ничего не утрачиваетъ изъ своей единичной и простой сущности вслѣдствіе того, что Его дѣйствіемъ возбужденныя души представляютъ Его, сообразно своей ограниченной природѣ, во многихъ разнообразныхъ видахъ и чертахъ. Но разные цвѣта въ тѣлахъ образуются не

сами собою и не вслѣдствіе индивидуальных качествъ этихъ тѣлъ, а при воздѣйствіи на нихъ солнечнаго свѣта, составляющемъ здѣсь первое и самое необходимое условіе. Такъ, хотя множественность и дробность представленій о Богѣ зависятъ отъ ограниченности нашей природы, тѣмъ не менѣе они не созидаются изъ ничего нашимъ личнымъ усиленіемъ, а возникаютъ при взаимодействіи на умъ самого существа Божія. Значитъ, разныя свойства, приписываемыя Богу, не суть только чистыя созданія нашего ума, а имѣютъ дѣйствительное основаніе въ самомъ существѣ Божіемъ. Другими словами: они имѣютъ не формальное, а предметное значеніе.

12. Безконечность или безпредѣльность существа Божія.

Самое общее свойство существа Божія есть безпредѣльность или безконечность. Какъ только разумъ пытается создать понятіе о Богѣ, онъ сознаетъ, что вступаетъ въ область безпредѣльнаго. Это представленіе Бога безконечнымъ было кореннымъ и въ области естественнаго богопознанія. Всѣ люди, если не погрязли въ чувственности, представляли Бога существомъ безпредѣльнымъ, безконечнымъ. Но это понятіе есть понятіе отрицательное, оно лишь исключаетъ изъ понятія о Богѣ всякую границу и условность, свойственную тварному бытію. Поэтому понятіе безконечности восполняется въ откровеніи съ положительной стороны представленіемъ о всеовершенствѣ Божіемъ. Ветхо-завѣтное ученіе о Богѣ единомъ есть ученіе о томъ, что Онъ—Существо единственное, превосходящее Собою все, всеовершенное. Въ новомъ завѣтѣ Богъ представляется такимъ Существомъ, въ которомъ лежитъ идеаль нравственнаго совершенства: «Будите совершенны, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть», говорилъ Христосъ въ нагорной бесѣдѣ (Мат. 5, 48).

Нѣкоторые думаютъ, что понятіе о безконечности Божіей несовмѣстимо съ понятіемъ о Богѣ, какъ Существомъ личномъ. Возраженіе это выросло на пантеистической

почвъ, гдѣ безконечность понимается въ смыслѣ совокупности всѣхъ вещей, универсальности. Богъ—Существо безконечное, т.-е. содержащее въ Себѣ все, всеобъемлющее, универсальное, неограниченное ничѣмъ. Личность же есть нѣчто отдѣльное, частное, ограниченное предѣлами внѣшняго міра и другими личностями. А часть можетъ ли быть равна цѣлому? Но это недоразумѣніе тотчасъ же устраняется, если установить правильное пониманіе безконечности Божіей. Безконечное означаетъ совершенную форму бытія, отсутствіе ограниченій въ Божественныхъ совершенствахъ. Говоря иначе, это—абсолютность бытія, а не совокупность его. Но совершенную форму бытія представляетъ собою личность. Она является существеннымъ въ бытіи, заключаетъ въ себѣ полноту положительныхъ признаковъ: самосознаніе, волю, чувство. Поэтому приписывать ее Богу не значитъ ограничивать Его.—Когда имѣется понятіе о совершенствѣ не какъ о физической протяженной универсальности, а какъ о внутреннемъ нравственномъ совершенствѣ, то личность, личная жизнь не является противоположною всеобщему. Нравственное достоинство человѣка выражается не тогда, когда его жизнь вращается около его «я». Высота жизни увеличивается по мѣрѣ расширенія интересовъ человѣка, когда человѣкъ живетъ интересами ближнихъ, всего человѣчества. Нравственное достоинство личности проявляется тогда, когда наше «я» вмѣщаетъ, такъ сказать, «я» нашихъ ближнихъ. Идеаль совершенства личности приводитъ къ представленію, что ей не противоположно всеобщее.

13. Самобытность существа Божія.

Соотвѣтственно общему ходу мышленія, по которому прежде всего мыслится существованіе, бытіе предмета, а потомъ уже способъ образованія, — соотвѣтственно съ этимъ происходитъ и мышленіе о Богѣ. Все, что существуетъ, имѣетъ источникъ, причину своего бытія внѣ себя. Богъ имѣетъ бытіе не производное, а саможизненное,

самобытное. Къ этому свойству въ Богѣ мы приходимъ и посредствомъ разума, который не можетъ представить безконечнаго ряда причинъ, а требуетъ конечной, первой причины. Св. писаніе говоритъ о самобытности Божіей ясно: «Азъ есмь сый (Иегова, ѓ љ»), говорилъ Самъ Богъ Моисею при кулиндѣ, и рече: тако речеши сыномъ Израилевымъ: Сый посла мя къ вамъ» (Исх. 3. 14). На этомъ названіи Бога «Сый» съ особеннымъ вниманіемъ оставались отцы и учителя Церкви и находили его наиболѣе свойственнымъ Богу, указывающимъ на сущность Его, а также на всецѣлое бытіе, принадлежащее Ему. Таковы св. Григорій Богословъ, Іоаннъ Дамаскинъ. Климентъ Алекс. выражался: «Богъ одинъ поистинѣ существуетъ», т. е. обладаетъ всею полнотою бытія. Въ новомъ завѣтѣ мысль о самобытности Божіей особенно ясно выражена въ словахъ Спасителя по случаю испѣленія 38-лѣтняго разслабленнаго въ субботу: «Яко же Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ» (Іоан. 5, 26).

14. Неизмѣримость или вездѣприсутствіе Божіе.

Богъ существуетъ чрезъ Себя, имѣетъ самобытное бытіе. Но какъ Онъ существуетъ, каковъ образъ Его существованія? Все, что существуетъ въ мірѣ, существуетъ въ условіяхъ пространства и времени. Богъ же существуетъ внѣ пространственныхъ границъ: Онъ неизмѣримъ. Это свойство Божіе стоитъ въ тѣсной связи со свойствомъ самобытности. Наблюденіе показываетъ, что чѣмъ болѣе въ существѣ или предметѣ способности къ внутреннему, самостоятельному существованію, тѣмъ болѣе оно способно овладѣвать пространствомъ. Растеніе, напр., болѣе можетъ овладѣвать имъ (корнями въ землѣ, вѣтвями въ воздухѣ), чѣмъ камень; существа, одаренныя самопроизвольною силою, еще болѣе (чрезъ перемѣну мѣста), чѣмъ растенія; душа человѣческая мыслями и стремленіями болѣе этихъ послѣднихъ, чистые духи еще болѣе

свободны отъ пространственныхъ ограниченій. Богъ же не объемлется и цѣлымъ міромъ (Іустинъ Философъ), выше всякой измѣримой пространности, такъ что пространство не составляетъ ограниченія для Бога. «Еда небо и землю не Азъ наполняю» (Іерем. 23, 24). «Небо престоль Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ, кій домъ созиждите Ми, и кое мѣсто покоища Моего» (Ис. 66, 1).

Будучи неизмѣримымъ по Своему существу, какимъ же образомъ Богъ сосуществуетъ или сопребываетъ съ міромъ? Св. писаніе отвѣчаетъ на это въ томъ смыслѣ, что Богъ, не будучи заключенъ въ какомъ-либо пространствѣ, наполняетъ Собою все и находится повсюду, присутствуетъ вездѣ. Давидъ исповѣдуетъ вездѣприсутствіе Божіе въ такихъ словахъ: «камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси: аще возму крыль мои равно (полечу съ быстротою утренней зари съ востока) и вселюся въ послѣднихъ моря (на западъ), и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя» (Псал. 138, 7—10). Въ новомъ завѣтѣ мысль о вездѣприсутствіи Божіемъ необходимо предполагается ученіемъ Спасителя, что поклоненіе Богу духомъ и истиною не можетъ быть привязано къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту, а должно совершаться повсюду. «Грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей (Гаризимъ), ни во Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу», говорилъ Христосъ въ бесѣдѣ съ Самарянякой (Іоан. 4, 21). Отцы Церкви, размышляя о способѣ вездѣприсутствія Божія, предостерегали отъ грубо-чувственного представленія, какое обыкновенно соединяется съ разлитіемъ или распространеніемъ въ мірѣ чего-либо вещественнаго, напримѣръ, влаги, воздуха, свѣта и т. п. Но, съ другой стороны, они не понимали этого вездѣприсутствія въ смыслѣ динамическомъ, т. е. какъ присутствіе силами и дѣйствіями всемогущества, всевѣдѣнія, правосудія Божія, потому что отдѣлять въ Богѣ дѣйствія отъ его существа нельзя. Отцы Церкви прибѣгали къ нѣкоторымъ

аналогіямъ, поясняющимъ присутствіе Божіе въ мірѣ. Солнце проникаетъ весь міръ, давая ему жизнь, но не сливается съ природой. Аналогія—вышшая. Другая аналогія: душа находится въ тѣлѣ, но не составляетъ части его, указать мѣсто присутствія души въ тѣлѣ нельзя. Аналогія неполная, потому что отношеніе души къ тѣлу опредѣляется извѣстными законами. Такого необходимаго соотношенія между Богомъ и міромъ нѣтъ. Отношеніе Бога къ міру свободное: въ одномъ мѣстѣ, однимъ существамъ Онъ открывается такъ, другимъ иначе. Вездѣприсутствіе Божіе есть свободное положеніе Себя въ мірѣ. Поэтому Онъ присутствуетъ и въ аду, и въ порочныхъ людяхъ, ибо святость Его подобна свѣту, который нисколько не теряетъ своей чистоты, когда проходитъ и чрезъ загрязненную среду.

15. *Вѣчность Божія.*

Возвышаясь надъ пространственными границами, Богъ существуетъ и внѣ границъ временныхъ: Онъ вѣченъ. Вѣчностью устраняется въ Богѣ все, что входитъ въ понятіе вѣчности. А сюда входитъ представленіе начала и конца, жизни пріемственной, послѣдовательной. Жизнь Бога — не послѣдовательная, не преемственная, она не развивается. Богъ живетъ заразъ и всецѣло, а не по частямъ. Въ одинъ моментъ этой жизни мыслится вся полнота ея, Богъ всегда равенъ Самому Себѣ, тождественъ съ Самимъ Собой. Блажен. Августинъ говоритъ: «всякое прошедшее уже не есть существующее, а всякое будущее еще не есть существующее, слѣдовательно, какъ прошедшее, такъ и будущее есть недостатокъ въ бытіи. Но въ Богѣ ничего недостающаго нѣтъ. Слѣдовательно, у Бога нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а—одно настоящее». Прямѣе и положительнѣе мысль о вѣчности Божіей раскрываетъ Исидоръ Пелусіотъ: «вѣчность есть какъ бы присножизненность... Понятіе безсмертія можетъ быть приписываемо и тому, что приведено въ бытіе и не

умираетъ, напримѣръ, ангелу, душѣ... А вѣчность въ собственномъ смыслѣ прилагается обыкновенно къ одному безначальному естеству.—Св. Пис. учить, что лѣта Господни не оскудѣваютъ, не умаляются: «въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса,—та погибнуть, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшаютъ, и яко одежду сѣнешь я (какъ одежду, переимѣнишь ихъ), и измѣнятся, Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ» (Псал. 101, 26—28). Или: «прежде даже горамъ не быти и создатися земли и вселеннѣй, отъ вѣка и до вѣка Ты еси» (Пс. 89, 2). Хотя выраженія «до вѣка», «вѣчный» на ветхо-завѣтномъ языкѣ означаютъ иногда только неопредѣленно-продолжительное время (Евкл. I, 4), но Псалмопѣвецъ говоритъ, что Богъ былъ прежде міра, слѣдовательно, прежде времени, ибо время произошло вмѣстѣ съ міромъ, т.-е. даетъ разумѣть подъ словами: «отъ вѣка и до вѣка» вѣчность въ собственномъ смыслѣ.

16. *Неизмѣняемость существа Божія.*

Понятіе неизмѣняемости Божіей есть слѣдствіе независимости Божіей отъ границъ и формъ пространства и времени, какъ наоборотъ измѣняемость есть слѣдствіе ограниченности существъ и предметовъ по мѣсту и времени. Всякое тварное бытіе подлежитъ развитію. Жизнь Бога не развивается, слѣдовательно, она не подлежитъ измѣненію. Григорій Нисскій, какъ и другіе отцы Церкви, воспитавшіеся на началахъ Платоновой философіи, рассматриваютъ Божество, какъ первообразную красоту и самосушее благо. и отсюда дѣлаютъ заключеніе о Его неизмѣняемости. «Божество не подлежитъ превратностямъ и измѣненіямъ, такъ какъ нѣтъ ничего такого, что было бы лучше Его и во что Оно могло бы предложиться» (Григорій Нисскій). Такъ намѣчается другое основаніе для неизмѣняемости Божіей: кромѣ метафизическаго нравственное.—Подъ неизмѣняемостью Божіей разумѣется такое свойство, въ силу котораго Богъ всегда пребываетъ

одинъ и тотъ же и въ Своемъ существѣ, и въ Своихъ силахъ и совершенствахъ. О неизмѣняемости Божіей свидѣтельствуеъ Писаніе: «у Отца свѣтовъ нѣсть премѣненіе или преложеніе стѣнь (ни тѣни перемѣны)» (Іак. 1, 17). «Не яко Богъ колеблется, ниже яко сынъ человѣческой измѣняется» (Числ. 23, 19).—Нѣкоторые затруднились усвоить Богу, какъ существу живому, неизмѣняемость. Измѣняемость не указываетъ ли на нѣкоторую неподвижность, какъ бы мертвенность? А жизнь не есть ли движеніе, постоянная измѣнчивость? Блаж. Августинъ указывалъ противъ этого, что жизнь въ Богѣ со всѣми ея свойствами не составляетъ чего-либо случайнаго, какъ, напримѣръ, случайно съ сосудомъ соединяется налитая въ него жидкость, или съ тѣломъ его цвѣтъ, или съ воздухомъ свѣтъ и теплота, или съ душою мудрость. Означенные предметы могутъ утратить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣниться. Такъ сосудъ можетъ опустѣть отъ жидкости, тѣло можетъ потерять цвѣтъ, воздухъ можетъ потемнѣть и похолодѣть, душа можетъ потерять мудрость. Но жизнь въ Богѣ такъ же существенно принадлежитъ Ему, какъ и самое бытіе. Все дѣло въ томъ, что жизнь въ Богѣ не подлежитъ постепенному развитію и усовершенствованію. Значить, существо Божіе чрезъ проявленіе Себя въ жизни ничего не утрачиваетъ изъ того, что имѣеть, и ничего не пріобрѣтаетъ для Себя такого, чего бы еще не имѣло, словожъ, не совершенствуется и не возрастаетъ въ Своемъ бытіи. Поэтому не только внутренніе, вѣчные акты жизни божественной (рожденіе Сына, исхожденіе Духа) не вносятъ измѣненія въ нее, но и акты временные, какъ твореніе міра, промышленіе о немъ, воплощеніе Сына Божія.

17. Свойства ума Божія.

Такъ какъ Богъ есть Духъ, т.-е. существо живое, личное, обладающее разумомъ, волею и чувствомъ, то и св. Пис. усволяетъ Богу разумъ, утверждая, что «разума Его

нѣсть числа» (Пс. 146, 5), преклоняясь предъ «глубиною премудрости и разума» Его (Римл. 11, 33). Божественный разумъ отличается и превосходитъ человѣческій разумъ тѣмъ, что не нуждается въ процессѣ и постепенности познаванія, а прямо, непосредственно знаетъ все (интуиція) и знаетъ все совершеннѣйшимъ способомъ. Поэтому Божественный разумъ съ теоретической стороны выражается во всевѣдѣніи. Всевѣдѣніе Его доказывается въ св. Пис. прежде всего тѣмъ, что Богъ обладаетъ полнымъ и всесовершеннымъ самосознаніемъ: «никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ» (Мат. 11, 27). Самосознаніе есть высшій предметъ разумнаго вѣдѣнія. Человѣкъ потому и называется разумнымъ существомъ, что достигаетъ въ отличіе отъ животныхъ, тоже обладающихъ умомъ, самосознанія. Но самосознаніе не только высшій, но и труднѣйшій предметъ вѣдѣнія: «кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ, — такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій» (I. Кор. 2, 11).

Противъ самосознанія въ Богѣ выдвигаютъ то возраженіе, что самосознаніе вообще достигается при процессѣ отличенія отъ к. л. внѣшняго предмета или объекта. Но если предположить существованіе такого объекта рядомъ съ Богомъ, нужно приписать ему вѣчное существованіе, т. е. впасть въ крайности дуализма. А такъ какъ этого допустить нельзя, то нельзя приписывать Богу самосознаніе. — Но даже относительно человѣка было бы неправильно утверждать, что онъ владѣетъ самосознаніемъ исключительно потому, что имѣетъ возможность сопоставлять себя съ внѣшними предметами и отличать себя отъ нихъ. Никакое сопоставленіе не произвело бы въ человѣкѣ самосознанія, если бы человѣкъ по самой природѣ своей не былъ личнымъ существомъ, если бы, значить, онъ не былъ способенъ къ самосознанію. Внѣшнія воздѣйствія и вліянія даютъ человѣку возможность лишь опознать то, что существуетъ въ немъ отъ природы. Но

мышленіе абсолютнаго не нуждается въ такихъ вѣшнихъ возбужденіяхъ и пособіяхъ, оно не пользуется приемами нашего конечнаго мышленія. Въ этомъ его преимущество предъ нашимъ умомъ. Богъ познаетъ вещи непосредственно чрезъ Самого Себя, Онъ не получаетъ впечатлѣній отвнѣ.— Кромѣ того: и для человѣческаго самосознанія не всегда нуженъ вѣшній объектъ. Человѣкъ можетъ отличать свое «я» отъ внутренняго своего содержанія, т.-е. отъ своихъ представленій, мыслей, чувствованій, стремленій. А бытіе и жизнь Бога преисполнены богатымъ внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ во взаимоотношеніяхъ трехъ Божественныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ знаніемъ Самого себя Богу въ св. пис. приписывается знаніе внѣ Его находящейся дѣйствительности. «Самъ поднебесную всю назираетъ, вѣдый яже на земли вся, яже сотвори» (Іов. 28, 24). «Нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ (нѣтъ твари сокровенной отъ Него), вся же нага и объявлена предъ очима Его» (Евр. 4, 13).— Нѣкоторые затрудняются приписать Богу вѣдѣніе предметовъ ничтожныхъ на человѣческой глазъ и обстоятельство случайныхъ, считая это униженіемъ для Бога. Но можно ли опредѣлять достоинство вещей и явленій по ихъ массивности и величинѣ? Это—съ одной стороны. А съ другой дѣйствительное величіе заключается въ томъ, что оно обнимаетъ своимъ вниманіемъ самое, повидимому, ничтожное и маловажное.

Наконецъ, всевѣдѣніе Божіе выражается въ знаніи Имъ явленій изъ міра нравственнаго, т.-е. человѣческихъ свободныхъ дѣйствій. Это засвидѣтельствовалъ самъ Христосъ въ словахъ: «горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ, Виссаидо, яко аще въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы (чудеса) были бывшія въ васъ, древле убо во вретници и пепелѣ покаялися быша» (Мат. 11, 21). Это предвѣдѣніе свободныхъ человѣческихъ дѣйствій не нарушаетъ свободы ихъ, такъ какъ это знаніе не есть причина, производящая самыя дѣйствія. Не потому что нибудь сбывается, рассуждали

отцы Церкви, что Богъ предвидитъ, но потому Онъ и предвидитъ, что такъ сбудется. А проникновеніе Его въ будущее, по объясненію Плотина, принятому учителями Церкви, объясняется тѣмъ, что для Бога нѣтъ будущаго, а только настоящее.

Если теоретическая сторона Божественнаго разума проявляется во всевѣдѣніи, то практическая сторона выражается въ премудрости, которая состоитъ въ совершенномъ осуществленіи идей Божественнаго разума. У людей эти двѣ стороны—знаніе и мудрость—часто находятся въ разъединеніи другъ съ другомъ. Иной владѣетъ богатымъ запасомъ знаній, но не умѣетъ приложить ихъ къ дѣлу. Въ Божественномъ разумѣ обѣ эти стороны совпадаютъ. Здѣсь наблюдается полное соотвѣтствіе средствъ съ цѣлями. Премудрость Божія проявилась въ твореніи міра. Псалмопѣвецъ, созерцая картину творенія, восклицаетъ: «яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію (премудро) сотворилъ еси» (Псал. 103, 24). Проявленія премудрости въ мірѣ: стройность, плесообразность, множественность вещей и явленій при единствѣ типа ихъ, строгая постепенность въ развитіи тварей при ихъ богатомъ разнообразіи, ибо все въ мірѣ расположено вѣсомъ, мѣрою и числомъ (Прем. 11, 21). Высшее проявленіе премудрости Божіей обнаружилось въ планѣ домостроительства Божія о спасеніи людей. Богъ нашелъ средство для спасенія людей съ сохраненіемъ ихъ свободы и индивидуальности. Этотъ планъ Апостоль называетъ «премудростію Божіею, въ тайнѣ сокровенною, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу» (I. Кор. 2, 7).

Ив. Николинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Церковь во имя св. Варлаама Хутынского.

ВАРЛААМОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

близъ деревни Часовенской (Ладвушь тожь) у Пустынского озера, Новгородской губерніи, Тихвинскаго уѣзда.

Въ числѣ отказанныхъ Алексѣемъ Леоптьевичемъ Кекинымъ земель и лѣсовъ г. Ростову ¹⁾ въ Тихвинскомъ уѣздѣ въ Новгородской губерніи находится усадьба Поспѣловщина, заключающая въ разныхъ участкахъ до 20 т. десятинъ.

Вблизи деревни Ладвуши по дорогѣ черезъ Кекинскую дачу «Большой Медвѣдь», на Громовской землѣ, у берега Пустынскаго озера среди дремучаго лѣса А. Л. Кекинымъ въ 1890 г. была построена деревянная церковь съ колокольной надъ могилами двухъ старцевъ—Арсенія и Ионы, память которыхъ особенно почитается въ этой округѣ. На мѣстѣ этой церкви надъ могилами пустынниковъ была часовня, въ которой сосѣдній причтъ, по приглашенію богомольцевъ, служилъ молебны и панихиды. Но такъ какъ эти разновременныя службы очень обременяли священника, то имъ былъ назначенъ одинъ день въ году для общаго богослуженія въ часовнѣ. Вслѣдствіе этого уже съ 1878 г. ежегодно въ Варлаамовскую пят-

¹⁾ А. Л. Кекинъ все свое состояніе около 3 мил. оставилъ на учрежденіе въ Ростовѣ гимназіи, зданіе которой, стоящее 600 т., построенное на 600 учениковъ, было освящено въ октябрѣ 1910 г., гимназія же была открыта въ 1907 г.

ницу (1-я пятница Петрова поста), какъ въ праздничный день, совершается общій молебенъ Пресв. Богородицѣ и преп. Варлааму Хутынскому, а затѣмъ общая панихида и литія надъ могилами старцевъ.

О старцахъ-пустынникахъ Арсеніи и Іонѣ, жившихъ близъ Пустынскаго озера, сохранились сказанія, передаваемые изъ устъ въ уста нѣсколькими поколѣніями. Одно преданіе говоритъ, что старцы прибыли сюда во второй половинѣ XVIII вѣка изъ Зеленецкаго монастыря ¹⁾, Новгородской губерніи, гдѣ были простыми иноками. Другое сказаніе говоритъ, что они явились изъ Варлаамовскаго монастыря, гдѣ ихъ было четыре брата; Петръ и Григорій остались въ монастырѣ, а Арсеній и Іона ушли сюда для пустынножительства въ избранномъ ими мѣстѣ въ дикомъ лѣсу. Они вели жизнь строго-подвижническую, отличались кротостью и смиреніемъ; приходящихъ къ нимъ принимали неодинаково: нѣкоторыхъ встрѣчали ласково и утѣшали въ горѣ, другихъ же вовсе не принимали. Очень рѣдко выходили они въ деревню Часовенскую (Ладвушь тожъ) за хлѣбомъ, а иногда этотъ хлѣбъ имъ доставляли крестьяне. Существуетъ еще народное сказаніе, что Арсеній иногда доходилъ даже до деревни Исаково, что близъ погоста Шиженскаго (Тихвинскаго уѣзда, Саньковской волости), въ 19-ти верстахъ отъ ихъ мѣстожительства, а Іона не ходилъ дальше деревни Ладвушь, расположенной въ 4-хъ верстахъ. Въ верстѣ на югъ отъ ихъ жилища находится Пустынское озеро, на крутомъ берегу котораго была построена небольшая часовня. По преданію, она была сооружена трудами пустынножителей и долго стояла послѣ ихъ смерти. Внутри часовни особен-

¹⁾ Троицкій Зеленецкій монастырь прежде былъ въ Новгородской епархіи, а нынѣ въ С.-Петербургской. Основанъ въ царствованіе Грознаго инокомъ Мартиріемъ. Монастырь богатый: имѣетъ 19277 десятинъ земли, рыбныя ловли и 130.000 капитала, кромѣ того получаетъ еще ежегодно 670 руб. изъ казны. Въ монастырѣ двѣ каменные церкви, построенныя въ XVII вѣкѣ.

ное вниманіе обращалъ на себя большихъ размѣровъ деревянный крестъ, стоявшій близъ одной изъ стѣнъ, къ которой былъ прикованъ толстымъ полосовымъ желѣзомъ. Крестъ былъ украшенъ очень искусно вырѣзаннымъ распятіемъ и массою символическихъ знаковъ, разобрать и понять которые не могъ никто: одни говорили, что это вырѣзаны евангельскія слова, а другіе—тексты изъ Ветхаго Завѣта. Всѣ иконы, находившіяся въ часовнѣ, были вырѣзаны изъ дерева безъ малѣйшаго признака краски; онѣ были различной величины и формы: были низкія и широкія, высокія и узкія; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ и крестъ, были украшены символическими знаками. Лѣтъ 40 тому назадъ въ весеннее время, вскорѣ послѣ Николаина дня, часовня эта сгорѣла до тла. Въмѣсто нея устроена крестьянами деревни Ладвушь, при участіи землевладельцевъ Петровичевыхъ и довѣреннаго г-на Кекина Фаддея Кузьмина, новая часовня. На мѣстѣ этой послѣдней Алексѣемъ Леонтьевичемъ Кекинымъ въ 1890 году и выстроена деревянная въ два свѣта церковь съ колокольною. Передаютъ, что въ одно изъ посѣщеній Арсеніемъ деревни Исаково крестьяне спросили его: «гдѣ тебя похоронить»? Арсеній отвѣтилъ, что если его найдутъ лежащимъ головою къ Исакову,—то похоронить на погостѣ, а если головою къ пустынкѣ—то тамъ, возлѣ часовни. Тѣла пустынниковъ нашли лежащими въ лѣсу вблизи ихъ кельи, возлѣ камня, головами къ пустынкѣ, гдѣ ихъ и похоронили, по ихъ завѣту, около часовни: одного съ правой, а другого съ лѣвой стороны. Жители окружной мѣстности какъ раньше при жизни, такъ и теперь послѣ смерти старцевъ чтутъ ихъ и посѣщаютъ могилы подвижниковъ. Надъ ихъ могилами были устроены срубы длиною до 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ, шириною въ аршинъ и вышиною 1 $\frac{1}{2}$ аршина, покрытые тесомъ; съ южной стороны по длинной стѣнкѣ были оставлены отверстія, въ которыя можетъ пролѣзть человекъ. Внутри срубовъ надъ могилами не было насыпей, а была ровная площадка, посреди которой стояли

узкія продолговатыя дощечки, украшенныя рѣзными знаками. Покойный псаломщикъ Шиженскаго погоста Василій Ѳедоровичъ Розовъ разбиралъ эти символическіе знаки и говорилъ: «это вырѣзаны слова изъ Евангелія», но какія именно и какого евангелиста—не сказалъ. Посѣщавшіе могилы выражали свое усердіе тѣмъ, что приглашали причтъ служить по умершимъ панихиды.

Во время вышеуказаннаго пожара надмогильные срубы сгорѣли.

Главнымъ побужденіемъ къ построенію новой церкви на мѣстѣ часовни было желаніе А. Л. Кекина облегчить загробную участь единственнаго своего сына Максимилиана, трагически скончавшагося на 22-мъ году жизни. Кто хорошо зналъ А. Л. Кекина, тотъ не могъ не замѣтить перемѣны въ немъ послѣ смерти сына, о которомъ онъ сильно, хотя и скрытно, грустилъ: тяжелое внутреннее состояніе даже у такого сильнаго волею человѣка пробивалось наружу. Въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній его сѣверной части Тихвинскаго его имѣнія было очень ясно замѣчено его возбужденіе. Когда же его спросили: «что съ вами, Алексѣй Леонтьевичъ»? покойный только отвѣтилъ: «видѣлъ чудный сонъ», и больше ничего не сказалъ. Когда же онъ возвращался изъ деревни Озерковъ и проходилъ мимо вышеупомянутаго Пустынскаго озера и новой часовни, то не однажды повторилъ: «здѣсь должна быть и будетъ церковь». На этотъ разъ онъ не выдержалъ характера и все рассказалъ своему спутнику лѣсному сторожу Дмитрію Иванову Макарову (крестьянину деревни Ладвушь). А. Л. сказалъ, что видѣлъ во снѣ двухъ благообразныхъ старцевъ, которые говорили ему: «что же это ты забылъ исполнить данное обѣщаніе?» Мѣстность, въ которой онъ находился, оказалась та самая, которую онъ видѣлъ во снѣ, и эти старцы, явившіеся ему во снѣ, были никто иные, какъ Іона и Арсеній, здѣсь похороненные.

Это было осенью 1889 года, а зимою уже было при-

ступлено къ постройкѣ новой церкви, которая весной 1890 г. и освящена въ честь Варлаама Хутынскаго, Новгородскаго чудотворца. Бывшая часовня снесена со своего мѣста и поставлена вблизи церкви, въ качествѣ жилого помѣщенія; съ прибавленіемъ къ ней двухъ прирубовъ образовался одноэтажный домъ для помѣщенія причта, пріѣзжающаго совершать богослуженіе, и—для богомольцевъ.

Могилы подвижниковъ въ настоящее время находятся въ церкви: одна подъ лѣвымъ клиросомъ, противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей, а другая сзади праваго клироса и приходится поперекъ, по плану назначенной выходной наружной двери, почему и дверь эта не устроена, хотя на планѣ и показана; противъ нея на другой сторонѣ таковая сдѣлана.

Надъ могилами сверхъ церковнаго пола устроены деревянные покрашенные гробницы, надъ которыми и совершаются литіи.

Указаній, которая могила или гробница принадлежитъ Іонѣ и которая—Арсенію, не имѣется.

Въ церкви завѣщано отправлять 6 литургій. Одна изъ литургій всегда совершается въ весеннее время, въ день памяти скоропостижно умершаго сына строителя церкви Максимилиана.

Ан. Титовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ¹⁾.

Сравненіе письменности русскихъ патриарховъ съ письменностью духовныхъ писателей XVIII вѣка.

Болѣ бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ и, несомнѣнно, значительно болѣе односторонней можетъ показаться литературная дѣятельность русскихъ патриарховъ при сравненіи ея съ письменностію духовныхъ писателей XVIII вѣка, очень богатой по своему внутреннему содержанию и болѣе разнообразной по внѣшнимъ формамъ построенія мыслей и изложенія. Совершенно замкнутая въ себѣ жизнь русскаго народа до XVIII столѣтія; узость политическихъ, общественныхъ, семейныхъ и даже религіозныхъ интересовъ, характеризующая наше общество до-петровскаго періода; крайне консервативный взглядъ на всѣ вновь возникающіе запросы и требованія жизни; односторонне нравственное направленіе нашей до-петровской письменности и проч., и проч.,—все это, вмѣстѣ взятое, набросило на письменность русскихъ патриарховъ нѣсколько однообразный колоритъ и сообщило ея содержанию исключительно нравственный полу-аскетическій характеръ¹⁴⁸⁾. Петръ I своей обще-государственной реформой раздвинулъ тѣ рамки, въ какихъ замкнута была до него жизнь русскаго

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Читенія* 1910 г.

¹⁴⁸⁾ *Кіев. Унив. Изв.* за 1869 г.

народа; далъ въ своей странѣ широкій просторъ потоку новыхъ идей и понятій; указалъ всѣмъ для жизни и дѣятельности новыя болѣе широкія задачи и цѣли; указалъ и болѣе соотвѣтствующія средства къ ихъ достиженію. Слѣды его широкой реформы, отразившись такъ или иначе на всѣхъ сторонахъ жизни и дѣятельности русскаго народа, отразились и на нашей духовной письменности, образовавъ очень рѣзкую грань между письменностью патріарховъ, съ одной стороны, и съ другой—письменностью духовныхъ писателей XVIII вѣка. Уже при самомъ Петрѣ Великомъ очень видное мѣсто въ ряду духовныхъ писателей занялъ знаменитый Теофанъ Прокоповичъ († 1736 г.), одаренный необыкновенно логическимъ, твердымъ, пронизательнымъ умомъ и чрезвычайно живымъ воображеніемъ. Онъ былъ и строгій догматистъ, отличающійся необыкновенной отчетливостію въ мысляхъ, и жаркій подемистъ противъ папы и протестантовъ, и обличитель раскола, и увлекательный проповѣдникъ ¹⁴⁹⁾, юристъ, философъ, историкъ и даже слабый поэтъ, несмотря на его пренебреженіе къ стихотворству. Весьма замѣчательнъ по своимъ литературнымъ трудамъ былъ также и Теофилактъ Лопатинскій. Онъ съ пламенной ревностію обличалъ протестанство ¹⁵⁰⁾ и расколь, много трудился какъ проповѣдникъ и учитель философій ¹⁵¹⁾, написалъ дополненіе къ исторіи Московской академіи и нѣсколько сти-

¹⁴⁹⁾ Филаретъ въ своемъ Обзорѣ говоритъ, что это былъ болѣе свѣтскій, чѣмъ христіанскій проповѣдникъ, что онъ пишетъ картины мастерски, но въ нихъ недостаетъ теплоты за недостаткомъ чувства въ проповѣданіи, что онъ умно располагаетъ части слова, ловко пользуется способами убѣдить слушателей въ чемъ ему нужно; но читатель христіанинъ все же остается неудовлетвореннымъ. Обзоръ, т. II, стр. 234

¹⁵⁰⁾ За что Биропъ, по проискамъ Теофана Прокоповича, пять лѣтъ терзалъ Теофилакта то пытками, то содержаніемъ подъ стражей и въ крѣпости.

¹⁵¹⁾ Его уроки по философій известны въ рукописи.

хотвореній ¹⁵²⁾. Столько же разнообразна и замѣчательна была литературная дѣятельность Арсенія Мацѣевича, Дамаскина, Семенова-Руднева ¹⁵³⁾, Кирилла Флоринскаго, хорошаго догматиста и проповѣдника, Георгія Конисскаго, занимавшаго очень почетное мѣсто между богословами того времени и между философами. Георгій Конисскій славился также въ свое время и блистательнымъ краснорѣчіемъ ¹⁵⁴⁾, написалъ нѣсколько стихотвореній и, между прочимъ, драму «Воскресеніе мертвыхъ». Еще болѣе замѣчательна литературная дѣятельность Гавріила Петрова, бывшаго (съ 1783 года) петербургскаго митрополита. Онъ извѣстенъ какъ толкователь св. писанія, какъ проповѣдникъ, истолкователь церковныхъ обрядовъ, правовѣдъ, филологъ и т. п. Его «Догматическое Богословіе» есть лучшее систематическое сочиненіе того времени по основательности разсужденій, ясности изложенія, достаточному запасу историческихъ свѣдѣній и по точному пониманію изреченій св. писанія.

Въ сравненіи съ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ письменности духовныхъ писателей XVIII вѣка очень много теряетъ, конечно, неизысканно скромная литературная дѣятельность русскихъ патріарховъ, замкнутая въ очень тѣсномъ и давно уже сложившемся кругу идей и понятій. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни блистательны были научно-богословскіе, публицистическіе и проповѣдническіе труды писателей XVIII вѣка, все же остается очень знаменательнымъ тотъ фактъ, что изъ всей духовной письменности XVIII столѣтія въ настоящее время особенно усердно читаются любителями духовнаго просвѣщенія одни лишь сочиненія св. Тихона Задонскаго, чуждыя всякой

¹⁵²⁾ Росс. Вивл., т. XVI. См. его оду изъ 64 стиховъ, апотеозисъ и комедію.

¹⁵³⁾ Замѣчательнъ, какъ историкъ (сокращ. лѣт. древн. Россіи), проповѣдникъ и филологъ.

¹⁵⁴⁾ Многія слова его доселѣ могутъ служить образцами краснорѣчія по выразительности языка, строгости мышленія и силѣ доказательствъ.

схоластической учености. Такое живое отношеніе общества къ литературнымъ трудамъ этого святителя должно установить нѣсколько иной взглядъ и на рассматриваемые нами памятники патріаршей письменности и указать уже совершенно другія точки зрѣнія для ихъ хотя бы строгой, но и справедливой уже во всемъ оцѣнки.

Въ настоящій разъ мы успѣли сдѣлать лишь самый общій и краткій обзоръ литературной дѣятельности русскихъ патріарховъ въ надеждѣ, что другіе болѣе насъ компетентные изслѣдователи войдутъ уже въ болѣе подробное и обстоятельное рассмотрѣніе этого предмета. Но уже и этого немногаго, думаемъ, вполне достаточно для того, чтобы заключить этотъ небольшой трудъ прекрасными словами того же великаго святителя русской церкви, словами котораго мы начали нашу работу: «Какія были причины упраздненія патріаршества, говоритъ онъ, оныя объяснены въ духовномъ регламентѣ, въ испытаніе коихъ входить не должно. А о бывшихъ въ російской церкви десяти патріархахъ сама исторія-истина побуждаетъ сказать, что они были пастыри благочестивые, о пользѣ церкви попечительные, и отечества и его благосостоянія любители ревностные»¹⁵⁵), что и выразилось сколько въ ихъ административной дѣятельности по управленію русскою церковью вообще, столько же, если еще не болѣе, и въ литературной ихъ дѣятельности, которая имѣла, конечно, очень важное значеніе въ развитіи и укрѣпленіи религіозно-нравственныхъ понятій и чувствъ въ современномъ патріархамъ обществѣ.

А. Красевъ.

¹⁵⁵) Церк. Ист. митрополита Платона т. II, стр. 275.

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ¹⁾.

«Подобны» восьми гласовъ. Написаны по порученію В. К. Саблера и отданы авторомъ въ его собственное распоряженіе.

Разосланы въ приложеніи къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ».

«Подобны» Гр. Θ. оканчивалъ въ іюль 1893 года въ Бессарабіи. Привожу часть письма Гр. Θ. ко мнѣ: «во всякомъ случаѣ, работать не перестану, пока еще есть кое-какія силы, а теперь я гармонирую стихиры подъ названіемъ «Подобны».

Мелодіи нѣкоторыхъ гласовыхъ напѣвовъ нерѣдко требуютъ самой обыкновенной гармонизаціи, чтобы не удалиться отъ стиля церковнаго пѣнія, какъ его понималъ Гр. Θ.

Въ виду этого во многихъ мѣстахъ изъ гласовъ «Подобны» Гр. Θ. и не проявилъ оригинальности въ гармонизаціи, но тѣмъ рельефнѣе выступаютъ присущія ему особенности въ каденціяхъ и всѣхъ особенно величественныхъ и знаменательныхъ выраженіяхъ текста. Съ особеннымъ вдохновеніемъ переложень «подобень» 6 гласа кievскаго распѣва, дивный и по мелодіи, «Ангельскія предидите силы» и 8-го «Что васъ наречемъ святіи». Въ послѣднемъ образно изображено разсужденіе пѣснопѣвцевъ съ самими собою.

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душепол. Чтенія* 1910 г.

Переложениемъ стихирь «Подобны» оканчиваются произведенія Гр. О. Львовскаго, изданныя имъ самимъ при жизни; послѣднее же переложение издано, какъ сказано, въ видѣ приложения къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ» 1900 года.

Послѣ покойнаго Гр. О., какъ видно изъ многихъ мѣстъ біографіи, осталось не мало произведеній, которыя не были изданы за неимѣніемъ средствъ на это изданіе. Вотъ, что писалъ объ этомъ Гр. О. въ письмѣ ко мнѣ отъ 31 января 1894 года. «Я теперь занятъ переложениемъ стихирь «Подобны» (знам. и кievск. расп.), коихъ 16, по предложенію высшаго начальства, а кромѣ того сочинилъ «Вѣрую» «Херувимскую» изъ обихода ¹⁾ и «Милость мира» (знам. расп.)—переложение, но, за неимѣніемъ денегъ, печатать не могу, а работать и не имѣть возможности печатать нѣтъ смысла, тѣмъ болѣе, что у меня и прежнихъ трудовъ готовыхъ не мало есть».

Это писано въ январѣ 1894 года, а въ октябрѣ того же года не стало уже Гр. О., который скончался въ полномъ расцвѣтѣ своей вдохновенной композиторской дѣятельности на поприщѣ церковной музыки, не переставая до самыхъ послѣднихъ минутъ трудиться надъ своими дивными переложениями.

Всѣ черновыя бумаги, книги и рукописи покойнаго были присланы мнѣ въ Пензу сыномъ Гр. О. Ѳедоромъ Григорьевичемъ Львовскимъ.

Разобраться въ присланномъ, базалось по началу, не было возможности, но такъ какъ вся эта масса рукописей, представляющая плоды цѣлой жизни дорогаго человѣка, была для меня драгоценнымъ кладомъ съ сокровищами самыми высокими по цѣнѣ, и каждая неизвѣстная мнѣ партитура доставляла неизъяснимое наслажденіе, то эта работа по разборкѣ не казалась утомительной, напротивъ—часы, проведенные за нею, останутся самыми сча-

¹⁾ № 4. Примѣчаніе составителя.

стливыми въ моей жизни. Когда я пересмотрѣлъ все разатри, четыре и сдѣлалъ нѣкоторую группировку присланнаго, у меня явилась надежда на приведеніе всего въ нѣкоторый порядокъ.

Конечно, болѣе всего интересовали неизданныя сочиненія и переложенія. Особенно же поразили пишущаго сочиненія: «Блажени, яже избралъ», оказавшіеся потомъ сочиненіемъ Каченовскаго ¹⁾, «На рѣкахъ Вавилонскихъ», «Со святыми упокой» и «Самъ единъ еси безсмертный». Все это проигрывалось на фисгармоніи и просматривалось со страшною скорбью объ утратѣ дорогого человѣка и дорогого композитора. Тогда же явилось желаніе издать все, оставшееся послѣ Гр. $\Theta.$, хотя на это изданіе не было никакихъ средствъ.

Когда разборка и группировка рукописей для приготовленія къ печати была закончена, то между мною и наслѣдниками покойнаго Львовскаго было заключено 7 января 1899 г. нотаріальное условіе, необходимое мнѣ для полученія права на изданіе. Изданія эти печатались на мой счетъ съ обѣщаніемъ наслѣдниковъ вознаградить меня въ будущемъ за этотъ трудъ по ихъ усмотрѣнію ²⁾.

¹⁾ Гр. $\Theta.$, какъ видно, разрабатывалъ и исправлялъ это произведеніе и передъ смертію. Въ этомъ „Блажени“ есть дивныя мѣста, которыя подъ впечатлѣніемъ недавней дорогой утраты принимали еще большее значеніе и большее соотвѣтствіе тексту.

²⁾ Изданія покойнаго Гр. $\Theta.$ Львовскаго представляютъ собственность наслѣдниковъ его, которые дѣлаютъ мнѣ обычную комиссіонную скидку на проданныя мною экземпляры; подобную же скидку я дѣлаю и самъ, если отъ меня выписываютъ сочиненія Гр. $\Theta.$ книгопродавцы. На все это я считаю необходимымъ указать въ виду слышаннаго мною заявленія, что я отъ изданій Гр. $\Theta.$ имѣю большую матеріальную пользу. О цѣляхъ изданія я тогда же печатно на обложкѣ своихъ книгъ заявилъ слѣдующее: „Побуждаемый искреннимъ благоговѣніемъ къ личности покойнаго Гр. $\Theta.$ и его вдохновеннымъ духовно-музыкальнымъ сочиненіямъ и переложеніямъ, я предпринялъ на свой счетъ въ 1900 г. изданія его сочиненій.“

Въ первый разъ въ Духовно-Цензурный Комитетъ были посланы слѣдующіе №№ произведеній:

1) «Блаженъ мужъ». Стихира изъ 1-й каеизмы, —Кіевскаго распѣва.

2) «Покаянія отверзи ми двери». Знам. расп. для смѣш. и однородн. хора.

3) Прокимны: «Не отврати лица Твоего» и «Даль еси достояніе». Для смѣш. и однороднаго хора.

4) «Господи, аще не быхомъ» и проч.

5) «На рѣкахъ Вавилонскихъ». Кіев. расп. для смѣш. и однороднаго хора.

6) «Хвалите имя Господне» *солъ м.*, сочин. для смѣш. и однороднаго хора.

7) «Со святыми упокой» и «Самъ единъ еси безсмертный».

8) «Символь Вѣры». Сочиненіе. Совѣтомъ Московскаго Синодальнаго училища не разрѣшено къ печати.

9) «Блажени, яже избралъ» Каченовскаго. Ред. Гр. Θ. Львовскаго.

10) «Тебе, одѣющагося свѣтомъ». Болгарск. распѣва.

11) Пѣніе на «Успеніе Пресвятыя Богородицы».

12) «Херувимская пѣснь» № 4.

13) «Херувимская пѣснь». *Солъ* миноръ, трансп. для смѣшаннаго хора.

Продолжаю обзоръ №№ духовно-музыкальных произведеній Львовскаго, изданныхъ мною, въ томъ порядкѣ, въ которомъ они помѣщены въ отдѣльной книгѣ.

№ 13. «Блаженъ мужъ». Кіевскій распѣвъ. Основная мелодія вращается только въ трехъ нотахъ: *ре, ми и фа*. Гармонизація самая простая, не лишена оригинальности построенія и доступна каждому хору.

№ 15. «Покаянія отверзи ми двери». Знаменный распѣвъ.

№ 27. «Не отврати лица Твоего» и «Даль еси достояніе».

№ 9. То же для однороднаго хора.

По различнымъ черновымъ наброскамъ на старой бумагѣ съ выцвѣтшими чернилами можно заключить, что Гр. Θ. во время своей продолжительной и тяжелой болѣзни часто мысленно повторялъ текстъ этого знаменательнаго прокимна въ своемъ обращеніи къ Богу, и это переложеніе появилось, по всей вѣроятности, первымъ изъ подъ его пера. По существующимъ рукописямъ видно, что это переложеніе явилось не сразу въ томъ видѣ, какъ напечатано. Первую редакцію можно отнести къ 50 годамъ; она написана въ стилѣ Турчанинова. Вторая помѣчена переписчикомъ Никольскимъ 6 марта 1886 года и уже написана, такъ сказать, въ стилѣ Львовскаго, который при окончательномъ приготовленіи къ печати сдѣлалъ хотя и немногочисленныя, но очень интересныя поправки. Основная мелодія обоихъ прокимновъ, какъ и самый текстъ, весьма выразительна. Гармонизація вполне достойна этого текста, такъ какъ вылилась изъ вѣрующей христіанской души. Особенно поразительны мѣста гармонизаціи, которыми уже не разъ пользовался Львовскій, на словахъ «лица Твоего» и «яко скорблю».

№ 28. *Господи, аще не быхомъ.*

Приведенное начало стихиры относить церковныхъ пѣвцовъ и прихожанъ къ великому повечерію на первой недѣлѣ великаго поста. Какъ церковнымъ пѣвцамъ, такъ и любителямъ пѣнія приходилось слушать эти знаменательныя стихиры или по напѣву причетниковъ, или распѣвать придворнымъ напѣвомъ по обиходу Львова — Бахметьева, и находить послѣдній речитативный напѣвъ, за неизмѣнимъ лучшаго, очень умилительнымъ; но истинные знатоки и любители церковнаго пѣнія не могли удовлетвориться придворнымъ напѣвомъ и отдавали предпочтеніе тому, который исполняютъ причетники передъ царскими дверьми, «сошедшися вкупѣ».

Первый обратилъ вниманіе на эти величественныя мелодіи Н. Потуловъ, который переложилъ и издалъ многое изъ великопостнаго пѣнія. «Господи, аще не быхомъ» и въ простомъ переложеніи Потулова очень выразительно, но Львовскій съ его творческимъ талантомъ придалъ этимъ молитвамъ настоящее выраженіе, не удалившись отъ общаго стиля церковнаго пѣнія. Вы слышите какъ бы согласное пѣніе хорошихъ причетниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаете на каждомъ мѣстѣ христіанина - художника и молящуюся душу.

Вотъ почему стихиры придворнаго напѣва въ настоящее время все болѣе и болѣе замѣняются переложеніями Львовскаго.

№ 30. *Да молчитъ всякая плоть человѣча.* (Изъ обихода).
Фа миноръ. Разрѣшена 7 марта 1900 года.

Въ письмѣ своемъ отъ 1 іюля 1894 года Гр. О. писалъ слѣдующее: «Въ Питерѣ я написалъ 6 перковныхъ пѣснопѣній и отдалъ переписать въ надеждѣ, что переписчикъ приготовить ихъ до моего отъѣзда, и я черновыя могъ бы прислать вамъ, но въ прискорбію переписчикъ не явился на мой зовъ». Тетрадь эту я получилъ уже отъ сына покойнаго О. Гр. вскорѣ послѣ смерти Гр. О. Она состояла изъ слѣдующихъ ММ:

1) «Да молчитъ всякая плоть человѣча». 2) «Пѣніе на Успеніе Пресвятыя Богородицы». 3) «Не отврати лица Твоего» и «Даль еси достояніе». 4) «Господи, аще не быхомъ». 5) «Блаженъ мужъ». Киев. расп. (№ 13). 6) «Покаянія отверзи ми двери».

Такимъ образомъ, отдавая эти приготовленные къ печати ММ, я исполнялъ предсмертное желаніе покойнаго. Въ этой тетради есть и «Да молчитъ всякая плоть человѣча», но переложена съ очень небольшою разницею отъ существующаго уже прекраснаго произведенія Турчанинова;—у Львовскаго только болѣе тщательно сохранена основная мелодія: напрямѣръ, на словахъ «И ничто же».

Издавать подобное переложение въ первую голову не представляло особеннаго интереса. Затѣмъ я получилъ отъ Ѳ. Гр. всѣ оставшіяся книги и рукописи, но и въ нихъ не было другого «Да молчить». Пріѣхавъ въ декабрѣ 1890 года въ Петербургъ и остановившись въ квартирѣ Львовскихъ, я въ одномъ изъ картоновъ нашель еще нѣсколько рукописей и въ нихъ были Херувимская № 42 и приводимая «Да молчить». Эти два произведенія показались мнѣ присланными покойнымъ изъ того міра, такъ какъ о нихъ нигдѣ не было заявлено.

Такія минуты, какъ нахожденіе указанныхъ произведений и знакомство съ ними, не часто выпадаютъ на долю любителя пѣнія. Позволю себѣ предположить слѣдующую исторію появленія «Да молчить» въ его послѣдней редакціи.

Въ одномъ изъ черновиковъ помѣщенъ поражающей своею мощію, творчествомъ и неописуемою красотою отрывокъ этого новаго «Да молчить» — «Царь бо царствующихъ». Этотъ отрывокъ, конечно, уже не подходилъ къ вышеуказанному Турчаниновскому - Львовскому переложению, а потому Гр. Ѳ. и задумалъ написать новое переложение, тѣмъ болѣе, что эта мелодія имъ уже была гармонизована въ обоихъ «Блажени, яже избралъ». Вотъ почему въ новомъ «Да молчить» и приведены нѣкоторые мѣста изъ причастаннаго «Блажени»; они же есть и въ «Херувимской пѣсни» для однороднаго хора ¹⁾. Начало «Да молчить» почти то же, что и указанное «Блажени».

На словахъ «и да стоитъ», а затѣмъ далѣе «и Господь», — «со всякимъ» — во вторыхъ тактахъ, въ этомъ переложении поражаетъ особенная гармонія алта и тенора. Эти мѣста сначала были не разрѣшены Совѣтомъ Московскаго Синодальнаго училища, но затѣмъ, при моемъ личномъ свиданіи съ А. Д. Кастальскимъ, послѣдній разрѣшилъ ихъ, найдя подходящее научное объясненіе.

¹⁾ № 5. У Турчанинова.

Движенія альта и тенора настолько оригинальны, что для того, чтобы отстоять ихъ, стоило съѣздить въ Москву къ цензору.

Въ «и ничто же» очень выразителенъ ходъ тенора. На словахъ «земное въ себѣ да помышляетъ» очень интересенъ приказывающій басъ. Весьма удачны переходы дисканта и тенора въ окончаніяхъ музыкальныхъ строкъ: «помышляетъ»—третій тактъ. Оба голоса начинаютъ ноту *до* и расходятся одинъ вверхъ, а другой внизъ. Въ «Блажени»—эти переходы дѣлаетъ одинъ дискантъ, исполняя это не такъ увѣренно, и мелодія со слѣдующимъ вступленіемъ напоминаетъ какъ бы народную пѣсню.

Далѣе слѣдуетъ указанное «Царь бо царствующихъ», положенное на 6—7 голосовъ. Основная мелодія распределена между 2-мъ альтомъ и 2-мъ басомъ. 1-й дискантъ и 1-й теноръ, какъ глашатаи, возвѣщаютъ о шествіи. 2-й дискантъ и 2-й теноръ сопровождаютъ основную мелодію параллельными терціями. Все это написано въ торжественномъ духѣ, при *f* и высокихъ нотахъ у баса и 1-го тенора, у котораго на второмъ «Царь» нота *ля* и затѣмъ слогъ «бо» подчеркиваетъ замѣчательный переходъ *фа-ми*. Теноръ какъ бы вспоминаетъ даже въ сію торжественную минуту о человѣческомъ страданіи Царя царствующихъ, и въ его голосѣ слышится какъ бы рыданіе на этихъ нотахъ. Слова «и Господь господствующихъ» поютъ тоже при *f*; они положены уже въ нижнихъ нотахъ, но все же рельефно выдѣляются басомъ и теноромъ. «Приходитъ заклатися» исполняется *pp*.

Наконецъ, мы подходимъ къ одному изъ рѣдкихъ вдохновеній Львовскаго: это гармонизація словъ «и датися въ снѣдь вѣрнымъ». Эти приводящія въ трепетъ слова объясняютъ все предыдущее, почему должно молчать и стоять все человѣчество передъ этою великою жертвою искупленія. Эти слова по своему великому значенію и вдохновили Гр. Ө. на чудную и ему только, какъ любящему христіанину, возможную гармонизацію. Мелодія

этой строки перелагалась другими композиторами десятки разъ, и казалось уже, что всѣ виды переложеній исчерпаны; но Львовскій въ послѣдніе дни своей жизни нашелъ другіе пути, и въ его гармонизаціи получилась особая окраска, отбѣняющая эту великую міровую драму. Въ указанныхъ словахъ еще въ первый разъ въ этой мелодіи басъ поетъ органичный пунктъ на низкой нотѣ *фа*. Слѣдовательно, все вниманіе перелагателя устремлено на двѣ партіи тенора и альты. Альтъ, какъ и въ другихъ лучшихъ мѣстахъ переложеній Львовскаго («и молимтиса» и др.), исполняетъ три ноты, но онѣ стѣютъ цѣлаго сочиненія: это ноты *солъ*, *фа*, *ми*, особенно первая изъ нихъ, подчеркиваетъ самое важное въ пѣснопѣвнн слово «датиса».

Сколько здѣсь драматизма и глубокой скорби! Этотъ драматизмъ выражается въ томъ, что альтъ въ этихъ трехъ нотахъ по отношенію къ басу представляетъ очень кстати взятый диссонансъ. Альтъ какъ бы просѣкаетъ ноту *фа* баса. Чтобы получить увѣренность въ сказанномъ, достаточно сравнить всѣ окончанія этой же мелодіи у другихъ композиторовъ. Движеніе тенора не менѣе поразительно. Особенно чуденъ самый конецъ.

Здѣсь теноръ иллюстрируетъ слово «вѣрныхъ» очень выразительною мелодіей и мощно стремится долу, чтобы слиться съ другими партіями въ одной нотѣ трепетнаго и общаго ожиданія.

«Предходятъ же» и все окончаніе пѣснопѣвнн очень величественно и изобилуетъ оригинальными мѣстами, но въ нихъ уже нѣтъ того порыва вдохновенія, которое требовалось предыдущимъ текстомъ.

№ 33. Пѣніе изъ акаѳиста Успенію Пресвятыя Богородицы.

Пѣніе изъ акаѳиста состоитъ изъ слѣдующихъ, какъ бы отдѣльныхъ №№:

1) Канонъ «Преукрашенная». 2) Кондакъ «Избранной отъ всѣхъ». 3) Свѣтилень «Апостоли отъ конецъ». 4)

«На безсмертное твое усупеніе». 5) «Въ молитвахъ неуспяющую Богородицу».

Всѣ эти №№ предназначались къ печати еще въ концѣ 80 годовъ, что видно по оболочкѣ №№, напечатанныхъ въ 1889 году, но не были напечатаны по вышеприведенной причинѣ.

Весьма возможно, что эти №№ были получены изъ Кіево-Печерской Лавры, и Гр. О. положилъ не мало труда для приведенія ихъ въ порядокъ, годный для печати, и потому и имѣлъ право назвать ихъ своими переложеніями, исполнявшимися въ Александро-Невской Лаврѣ и постоянно исправлявшимися при практикѣ исполненія. Переложенія эти относятся къ самымъ раннимъ переложеніямъ и написаны въ стилѣ Турчанинова, изъ его задостойника на Успеніе.

Переложеніе ирмосовъ могло быть вызвано и тѣмъ, что переложенія на этотъ текстъ ирмосовъ нѣтъ въ обиходѣ Бахметьева.

№ 38. «*На рѣкахъ Вавилонскихъ*». Кіевскаго распѣва.

Переложеніе пѣснопѣнія можно отнести къ началу 80-хъ годовъ. Этотъ до глубины души проникающій каждаго христіанина псаломъ нерѣдко, какъ и пѣснопѣнія—«Нывѣ отпущаеши», «Свѣте тихій», служилъ первымъ опытомъ въ композиціи многихъ регентовъ. Въ черновыхъ бумагахъ Гр. О. сохранилось нѣсколько набросковъ «На рѣкахъ Вавилонскихъ», относящихся, по всей вѣроятности, къ годамъ юности.

Приводимое переложеніе поразительно по чувству, технической разработкѣ и красиво-умилительнымъ движеніямъ всѣхъ голосовъ. Здѣсь Гр. О. является во всеоружіи выработаннаго имъ стиля.

Въ первой части, построенной на органномъ пунктѣ баса *sol*, на словѣ «Вавилонскихъ» поразительно движеніе альты. Въ «тамо сѣдохомъ и плакахомъ» очень выразителенъ теноръ, и въ концѣ слышится вздохъ альты. Самое интересное мѣсто въ текстѣ—это воспоминаніе о

Сіонъ и высочайшемъ значеніи этого слова, что и выражается мелодіею Кіевскаго распѣва. Этотъ патетическій вопль-возгласъ не могъ не вдохновить и переложателя. На словѣ «намъ» уже слышится въ альтъ и теноръ вопль скорбящей души, а на знаменательномъ словѣ «Сіона» основная мелодія удваивается октавою тенора и сопровождается въ 1 тактѣ въ обоихъ голосахъ верхними терціями: получается поразительное воспроизведеніе мощнаго скорбнаго чувства. Во второмъ тактѣ этого слова очень выразительно выдѣленъ на высокихъ нотахъ мелодіи теноръ, который не менѣ замѣчательнъ и въ дальнѣйшихъ двухъ повтореніяхъ этой фразы.

Говорить о дальнѣйшей творческой разработкѣ этого переложенія—значило бы повторять ранѣе сказанное. Вообще, это переложеніе по контрапунктической (цвѣтистый контрапунктъ) разработкѣ можетъ быть поставлено наряду со стихирію на Рождество «Слава въ вышнихъ Богу», но такъ какъ здѣсь преобладаетъ скорбное настроеніе, то въ этомъ переложеніи и болѣе всего чувства и творчества все же скорбной души покойнаго.

Вторая часть, состоящая изъ 32 тактовъ «Аллилуія», поразительна по своему вдохновенію не менѣ первой. Каждый тактъ въ ней представляетъ особый интересъ, не смотря на то, что основная мелодія вращается секундами въ небольшой группѣ по большей части цѣлыхъ и половинныхъ нотъ.

Въ этой части, построенной на непрерывномъ движеніи баса и тенора, особенно поражаетъ мощное движеніе баса въ первомъ «аллилуія».

№ 7. То же «на рѣкахъ Вавилонскихъ» положено для однороднаго хора.

Хотя мелодія и гармонизація въ обоихъ переложеніяхъ одна и та же, но разнородный колоритъ голосовъ являетъ слуху эти переложенія какъ бы совсѣмъ различными сочиненіями, и которое изъ нихъ лучше—предоставляю судить слушающему.

№ 40. «Со святыми упокой» и «Самъ одинъ еси безсмертный».

Трудно отыскать болѣе мощное по силѣ выраженія въ нашей русской церковной музыкѣ произведеніе, какъ «Со святыми упокой»: не даромъ оно вошло и въ обиходъ панихиднаго пѣнія при дворѣ покойной Англійской королевы Викторіи. Русскіе регенты и пѣвцы ¹⁾ знакомились съ этимъ произведеніемъ по изданіямъ Львова.

Произведеніе это можно было бы считать вполне законченнымъ, но Гр. О. обратилъ все же на него особенное вниманіе и нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и добавленія. Чтобы рѣшиться на подобныя добавки, нужно имѣть очень много смѣлости и вѣры въ себя и въ то, что произведеніе исправленное и дополненное будетъ стоять на высотѣ своего прежняго величія; и Гр. О. съ честью вышелъ изъ этого добровольно созданнаго положенія. Произведеніе не утратило своего величія и обаянія, но вышло еще болѣе соответствующимъ своему торжественно-скорбному настроенію.

Основная мелодія въ дискантѣ и аккорды въ пѣснопѣніи оставлены тѣ же самыя. Измѣненіе сдѣлано въ ходахъ альты и отчасти тенора и въ болѣе разумной разстановкѣ удареній и въ окончаніяхъ.

По всей вѣроятности, во время частаго 40-лѣтняго исполненія этого произведенія на многочисленныхъ похоронахъ въ слухъ Гр. О. нарождалось рыданіе и пѣніеятаго голоса, и вотъ это пѣніе и вылилось у него въ мелодіи альты, особенно на словахъ «нѣсть болѣзнь», «надгробное рыданіе»; въ послѣднихъ, при поразительно вдохновенномъ задержаніи, прорѣзывающемъ своимъ вопленнымъ крикомъ всѣ партіи, и слышится несдержанное горе.

Обиходы Львова и Бахметьева имѣли большое вліяніе на послѣдующее отпѣваніе, которое до изданія этихъ обиходовъ было нѣсколько въ другомъ родѣ. Въ этихъ оби-

¹⁾ Мелодія этого пѣснопѣнія взята С. И. Танѣевымъ въ его чудную „Кантату“.

ходахъ многое пропущено, напримѣръ, «помилуй раба твоего» и «самъ единъ еси безсмертный». Послѣдній пробыль и наполнилъ Гр. Ѳ. Это «Самъ единъ» слѣдуетъ отнести къ самымъ вдохновеннымъ страницамъ его партитуръ. Не менѣе замѣчательны и текстъ этого произведенія, содержащій въ себѣ непреложно всю философію чело-вѣческаго земного существованія.

Вотъ этотъ текстъ: «Самъ единъ еси безсмертный, сотворивый и создавый челоуѣка, земнии убо отъ земли создахомся и въ землю туюжде пойдемъ, яко повелѣлъ еси создавый мя и рекій ми: яко земля еси и въ землю отъидеши, амо же вси челоуѣцы пойдемъ, надгробное рыданіе творяще пѣснь Аллилуіа». Въ бумагахъ и письмахъ покойнаго не осталось указанія, откуда взята основная мелодія. Гармонизація очень разнообразна и выразительна. Поражаетъ умиленностью мѣсто: «земнии убо отъ земли создахомся», и перломъ выразительности надо признать: «и въ землю туюжде пойдемъ». Здѣсь на слогахъ «лю» и «туюжде» въ слѣдованіи аккордовъ какъ бы разверзается могила, и на словѣ «пойдемъ», съ каждой ногой тенора, идущаго внизъ мощными секундами, въ душѣ христіанина все яснѣе и яснѣе вырисовывается непреложность этого движенія челоуѣческой жизни. Слово «пойдемъ» оканчивается во всѣхъ голосахъ въ одной нотѣ *do*. Сознаніе молящагося съ этими нотами тенора проникаетъ до глубины могилы со всѣмъ страхомъ этой могилы и конца жизни.

Далѣе слѣдуетъ очень умиленное библейское подтвержденіе вышеприведеннаго изреченія, особенно въ концѣ «и въ землю отъидеши». Затѣмъ на *pp* «амо же вси челоуѣцы пойдемъ» поражаетъ только что перечувствованной непреложностью и страхомъ при первомъ «пойдемъ». Въ словахъ «Надгробное» басъ идетъ внизъ и какъ бы указываетъ на гробъ. Альтъ скорбитъ на слогѣ «ное». Хороши движенія альты и тенора на словѣ «пѣснь». «Аллилуіа» написано въ болѣе торжественномъ духѣ, чѣмъ у Львова. Г. Н. въ «Русской музыкальной газетѣ» за 1900 годъ даетъ такой отзывъ: «Наиболѣе замѣчательными пе-

реложеніями намъ показались: «Со святыми упокой» и «Самъ единъ еси безсмертный», въ которомъ Гр. О., прибавивъ нѣсколько проходящихъ нотъ въ партіи альты, тенора и баса къ основному мотиву и гармонизаціи общеупотребительнымъ (привд. распѣва), измѣнилъ къ лучшему это и безъ того сильное пѣснопѣніе. Въ измѣненіяхъ этихъ Гр. О. поражаетъ вдумчивостью и такъ сказать музыкальною философіей. Проходящія ноты и улучшение голосованія у него не преслѣдуютъ цѣлей исключительно слухового характера, но имѣютъ болѣе серьезное значеніе.

Пройдутъ десятки и сотни лѣтъ, а приводимое высокознаменательное пѣснопѣніе въ приведенномъ переложеніи все еще будетъ служить соединяющимъ звеномъ для живущихъ и отшедшихъ и напоминать грядущему потомству, что и прежде жили великія души, вдохнувшія свои великія чувства въ мощныя мелодіи и аккорды, а это переложеніе Львова-Львовскаго будетъ представлять собою яркій памятникъ, который переживетъ и самый гранитъ.

№ 42. «Херувимская пѣснь» № 4.

Какъ уже было выше сказано, эта «Херувимская пѣснь» найдена въ одной папкѣ съ «Да молчитъ», а потому можетъ быть причислена къ переложеніямъ, написаннымъ въ самый расцвѣтъ творчества Гр. О. и окончена незадолго до его смерти, а можетъ быть, даже и за нѣсколько дней.

Другая «Херувимская пѣснь» на ту же мелодію была написана, судя по бумагѣ и черниламъ рукописи, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ и, хотя и обладаетъ прекрасными достоинствами, но напечатанная болѣе выражаетъ духъ послѣднихъ произведеній Гр. О. и написана въ болѣе строгомъ и мощномъ стилѣ. Особенно хороша эта «Херувимская» для торжественныхъ службъ и большихъ хоровъ. Мелодія этой «херувимской» одинакова съ причастнымъ стихомъ «Хвалите Господа съ небесъ», въ которомъ Гр. О. стоитъ на вершинѣ своего творчества.

Еще въ большей разработкѣ на тѣхъ же аккордахъ выдѣлалась мелодія припѣвающаго тенора: на словахъ второго «трисвятую пѣснь припѣвающе» послѣдніе два такта восемью нотами въ секундахъ стремятся къ нотѣ *соль*. Какой свободный ходъ и широкій просторъ для вдохновеннаго пѣнія! «И животворящей» приведено въ болѣе разнообразномъ движеніи трехъ нижнихъ голосовъ. Первое «всякое нынѣ» начинаютъ басъ и теноръ съ нотой *фа* у альты. Затѣмъ вступаетъ дѣтскій хоръ съ нотой *фа* тенора. Третье «всякое нынѣ» весьма разнится отъ всей херувимской по оригинальной гармонизаціи, оканчивающейся умилительно при движеніи дисканта и тенора.

№ 43. *Херувимская пѣснь*. Древняго расп. Та же, что и № 5, только транспонирована для смѣшаннаго хора въ *ре* миноръ.

№ 44. «Тебе одѣющагося». Болгарскаго распѣва. *Сол* миноръ.

Духовно-музыкальныя произведенія, а тѣмъ болѣе переложенія композитора-регента, можно раздѣлить на нѣсколько группъ:

1) Сочиненія, исполняемыя одинъ разъ въ годъ, которыя поются иногда только для того, чтобы выполнить богослуженіе. 2) Сочиненія, написанныя по заказу, или указанію близкихъ высокопоставленныхъ лицъ. 3) Сочиненія, написанныя подъ наитіемъ вдохновенія. Это, конечно, лучшія сочиненія. 4) Сочиненія или переложенія, прочно установившіяся въ церковномъ обиходѣ и вошедшія въ плоть и кровь пѣвцовъ, священнослужителей и прихожанъ; къ таковымъ надо отнести: «Благообразный Іосифъ», «Се женихъ», «Тебе одѣющагося», «Да молчитъ всякая плоть человѣча».

Для того, чтобы посягнуть на вторичное переложеніе этихъ пѣснопѣній, нужно имѣть неоспоримыя данныя и высокое сознаніе необходимости этого переложенія и вѣру въ то, что новое переложеніе внесетъ въ церковное пѣ-

ніе что-либо высокое по чувству и оригинальности. Остановимся на «Тебе одѣющагося».

Въ громадной массѣ различныхъ распѣвовъ едва ли найдется такая широкая, пѣвучая, какъ бы безконечная, но вмѣстѣ съ тѣмъ понятная для слуха каждаго и въ высшей степени умилительная и вдохновляющая пѣвца и хориста мелодія, какъ «Тебе одѣющагося». Не мѣнѣе красива и образна и гармонизація этой вдохновенной мелодіи, написанная Пр. Турчаниновымъ. Нѣтъ еще другого пѣснопѣнія, которое исполнялось бы пѣвцомъ, даже малолѣтнимъ, съ такою любовію и захватывающимъ чувствомъ. Кажется, и довольно трудно было бы ожидать, чтобы послѣ этого переложенія, исполняющагося уже полвѣка, кто-либо дерзнулъ взяться за переложеніе этой мелодіи, этого пѣснопѣнія. Надо имѣть непоколебимую вѣру въ то, что новое переложеніе регента и пѣвчіе предпочтутъ уже существующему переложенію Пр. Турчанинова. Но это сдѣлалъ человекъ, который одинъ и могъ посягнуть на эту пѣвческую святыню, а именно Гр. О. Львовскій: человекъ, который если и рѣшился на это, то послѣ глубокихъ размышленій, имѣя на это переложеніе несомнѣнные данныя.

Попробуемъ разобраться въ нихъ. Обратимся сначала къ перепискѣ по поводу этого переложенія.

Изъ письма Гр. О. отъ 5 января 1893 г. ко мнѣ: «Тебе одѣющагося» въ проектѣ посылаю вамъ на просмотръ и прошу сказать свое мнѣніе не обинуясь; очень можетъ быть, что вы, судя по произведенію Турчанинова, найдете разницу—но я имѣю въ виду характеръ и настоящую тональность этого пѣснопѣнія; начало въ мажорѣ не въ характерѣ данной мелодіи; впрочемъ, это мое личное мнѣніе и никому его не навязываю; пѣснопѣніе положено въ гармоническомъ сочетаніи, по внутреннему моему убѣжденію».

Изъ моего письма: «Вчера 9-го января я получилъ ваше любезное письмо и давно ожидаемое переложеніе,

давшее обильную пищу для моего духа и сердца. Для того, чтобы взяться за переложение, которымъ высокоталантливый Пр. Турчаниновъ завоевалъ себѣ всеобщія симпатіи, необходимо было проникнуться совсѣмъ другими звуками при пѣніи мелодіи и имѣть не то, но все же высшее представленіе о пѣснопѣніи и выражаемомъ имъ событіи, чѣмъ имѣлъ Турчаниновъ. На мой взглядъ переложеніе Турчанинова, несмотря на его величіе, слишкомъ ноюще; такъ можно оплакивать человѣка, но не Богочеловѣка. Въ вашемъ переложеніи я чую восторженную печаль; Богочеловѣкъ, хотя и принялъ неописанныя страданія, но все это изъ любви къ міру, человѣку, все это дало новую жизнь и даетъ надежду и намъ на новую жизнь. Ваше отношеніе ко Христу Спасителю, выразившееся въ переложеніи, по моему натуральнѣе, задушевнѣе. Вотъ впечатлѣніе отъ вашего новаго труда, испытанное человѣкомъ, который, если бы умѣлъ, то лучше бы высказался по поводу этого труда, т.-е. не труда, а творчества.

Вообще, поздравляю васъ съ побѣдой и отъ души желаю, чтобы мой взглядъ раздѣлили лица, болѣе меня понимающія въ этомъ. О частностяхъ переложенія и указаніи особенно выдающихся мѣстъ до другого раза. Писать въ этомъ письмѣ болѣе ничего не буду, хотя многое—многое есть».

Изъ письма Гр. Θ. ко мнѣ; май 1894 года.

«Ваше мнѣніе относительно продолжительности органаго пункта въ «Тебе одѣющагося» отчасти вѣрно, но я имѣю въ виду характеръ восточныхъ напѣвовъ, не терпящихъ модуляцій и частыхъ движеній въ нижнихъ голосахъ; во всякомъ случаѣ, я воспользуюсь вашимъ замѣчаніемъ и попробую перемѣнить гармонизацію» ¹⁾.

«Тебе одѣющагося» начато, по всей вѣроятности, въ самыя тяжелыя минуты жизни Гр. Θ., когда подготавливалось его удаленіе изъ Митрополичьяго хора. Можно предста-

¹⁾ Этого сдѣлать покойный не успѣлъ, а можетъ, и не пожелалъ.

вить, сколько душевной скорби выражали эти потрясающія мелодіи при удрученномъ состояніи духа Гр. Θ., вызванномъ особенными событіями его жизни; но все же эта скорбь была именно духовная скорбь, скорбь же человѣческая мало отразилась на переложеніяхъ истиннаго христіанина, который дѣла духа религіи ставилъ выше всего.

Представимъ себѣ такой рядъ соображеній, которыми руководствовался Гр. Θ., приступая къ такому смѣлому подвигу, какъ переложеніе «Тебе одѣющагося».

Какъ ни прекрасно переложеніе Турчанинова, но все же оно по слѣдованію аккордовъ довольно ordinarily и однообразно и не въ такой силѣ выражаетъ многія изреченія и слова знаменательнаго текста. Этого тѣмъ болѣе не могъ не замѣтить Гр. Θ., составившій уже себѣ опредѣленный взглядъ на церковное пѣніе и переложеніе разныхъ распѣвовъ. Затѣмъ онъ обратился къ изученію мелодіи по обиходу и нашелъ, что мелодія эта во многихъ мѣстахъ очень разнится отъ мелодіи, передѣланной изъ этой же мелодіи Турчаниновымъ.

Все вышеизложенное по поводу приводимаго переложенія дало достаточно основанія, чтобы приступить къ собственному переложенію.

Приступъ былъ сдѣланъ, и напечатанное «въ проектѣ» цѣснопѣніе обладаетъ уже многими выдающимися достоинствами и особенностями. Что же было бы, если бы покойному было время докончить это переложеніе и если бы оно все подпало подъ минуты вдохновенія въ болѣе свободное время? Стихира на стиховнѣ во св. великій пятокъ «Тебе одѣющагося» на «слава и нынѣ» и начинается этимъ «слава и нынѣ». Это вступленіе построено на органномъ пунетѣ баса *sol*, удвоенной альтомъ. Основная мелодія у дисканта, сопровождающаяся очень интересною мелодіей тенора, при этомъ еще рельефнѣе выдѣляется. «Тебе одѣющагося» начинается *pp*, и въ послѣднихъ слогахъ въ 3-хъ тактахъ альтъ на нѣкоторое время выходитъ изъ своей ноты *sol*.

Болѣ разнообразную гармонизацію во всѣхъ голосахъ являютъ слова «снемъ Іосифъ съ древа». Последнее слово очень рельефно выдвигается теноромъ и въ особенности басомъ. То же и на словахъ «непогребенна». Какъ хорошо здѣсь стenanіe дисканта на *p*, оставленнаго хоромъ,—а главное это не передѣлка, какъ у Турчанинова, а буквально взято изъ обихода. Далѣ очень рельефно изображается «плачь» частью мелодіи, которой опять-таки нѣтъ у Турчанинова.

«Увы» хотя и напоминаетъ Турчанинова ¹⁾, но имѣеть много своихъ особенныхъ прелестей. Очень эффектно начало альты и дисканта въ одной нотѣ и затѣмъ вступленіе тенора въ ноту альты и ходъ этого тенора внизъ. Далѣ вступленіе баса. Не менѣ поразительно и умѣство окончаніе перваго «увы» въ *re* миноръ.

Болѣ всего, конечно, найдутъ сходства съ Турчаниновымъ въ самомъ патетическомъ мѣстѣ: «и раздирашеса церковная завѣса», но при внимательномъ разсмотрѣніи и здѣсь есть большая разница.

Нельзя обойти молчаніемъ окончанія этой части и самаго страшнаго слова «смерть», которое Львовскій очень сильно подчеркнулъ нотами альты и тенора, чѣмъ и выразилъ страхъ и трепетъ вопрошающаго далѣ Іосифа: «Како погребу Тя, Боже мой». Къ вдохновеннымъ мѣстамъ надо отнести: «Величаю страсти Твоя», гдѣ поражаютъ терцевые ходы тенора и баса и октавы дисканта и тенора. Это—обращеніе къ Господу христіанъ съ надорванной предшествовавшими чувствами душой, которая величаетъ страсти, но еще не можетъ отрѣшиться отъ скорби Іосифа и Никодима,—и эта скорбь звучитъ въ ве-

¹⁾ Да и трудно одну и ту же мелодію гармонизовать совсѣмъ въ другомъ стилѣ, а тѣмъ болѣе лицамъ, работавшимъ на лоприцѣ церковнаго пѣнія почти въ одну и ту же эпоху, слѣдовательно, имѣвшимъ сходный взглядъ на то, какое должно быть церковное пѣніе. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ лицо, знакомое съ обоими переложеніями, нашло бы сходство.

личающемъ голосѣ. Особенно умилительна здѣсь мелодія баса. Слово «страсти» альтъ подчеркиваетъ вздохомъ на вспомогательныхъ нотахъ *ре, ми, ре*.

Мелодія на словахъ «и погребеніе» при *pp* исполняется дискантомъ октавою ниже въ тонѣ *си b*,... но вотъ хоръ остаивается и выдѣляетъ послѣдній уже и тихій плачь одного тенора. Это одна изъ удачныхъ передачъ части основной мелодіи другому голосу. Далѣе «съ воскресеніемъ зовый Господи слава Тебѣ» идетъ въ мажорѣ.

Въ окончаніи особенно поражаетъ повтореніе уже въ основной мелодіи одной и той же части ея въ словахъ «зовый» и «Господи». Это напоминаетъ сильную радость, во время которой отъ избытка восторга одни и тѣ же слова и самыя простыя повторяются по нѣскольку разъ.

Оцѣнка сочиненій по партитурѣ все же не такъ ясна, какъ при исполненіи этого произведенія подобающимъ хоромъ и при томъ большимъ и подъ руководствомъ лица, который имѣетъ способность проникнуться духомъ этого переложенія.

Вопросъ о способности проникнуться сочиненіями того или другого композитора очень важенъ; имъ интересовался и покойный Львовскій по отношенію къ своимъ сочиненіямъ; вотъ, что писалъ онъ по этому вопросу своему другу Л. С. Радкевичу:

«Многіе хвалятъ мои труды, но многіе ли повимають принятый мною слогъ и способъ для выраженія духовно-музыкальныхъ красотъ церковныхъ пѣснопѣвій, это еще вопросъ. Говорятъ нѣкоторые, что мои произведенія трудны для исполненія, но что же дѣлать, когда я иначе не могу слагать свои пѣсни?.. Пусть другіе пишутъ полегче, а я останусь при своемъ».

Приводимымъ переложеніемъ оканчивается первая серія изданныхъ мною посмертныхъ произведеній Львовскаго. Изъ нихъ №№ 13, 15, 27, 28, 33 были приготовлены къ печати самимъ покойнымъ, а прочіе уже попали въ первую серію по моему выбору. Во вторую серію моихъ изданій вошли слѣдующія произведенія Гр. ѳ.

№ 46. *«Блаженъ мужъ»*. Греческаго распѣва. Для 4-хъ-голоснаго однороднаго хора. Посвящено воспитанникамъ С.-Петербургской духовной семинаріи.

Переложено, по всей вѣроятности, по просьбѣ учениковъ духовной семинаріи.

Переложеніе какъ по мелодіи, такъ и по гармонизаціи принадлежитъ къ числу выразительныхъ и имѣетъ монастырскій характеръ. Для исполненія требуетъ извѣстнаго проникновенія пѣвцовъ приведенными красотами, способными выразить текстъ только при условіи получающагося отъ переложенія вдохновенія.

Ремесленнымъ хорамъ трудно браться за эти переложенія. Это будетъ то же самое, что исполненіе не музыкантомъ-художникомъ произведеній на рояли. Будетъ выборка нотъ, пожалуй и съ вѣрнымъ счетомъ, но не будетъ музыки.

№ 52. *«Свѣте тихій»*. Знаменнаго распѣва; для смѣшаннаго хора.

Мелодіи знаменнаго распѣва очень интересовали меня по своей выразительности нѣкоторыхъ мѣстъ, напримѣръ, «на западъ солнца», «животь даля», а потому я и просилъ Гр. Θ. о переложеніи этого «Свѣте тихій».

Напечатано оно съ перваго поправленнаго наброска и очень можетъ быть, что при перепискѣ и просмотрѣ корректуръ оно явилось бы въ другомъ, болѣе обработанномъ видѣ; но и въ этой редакціи оно обладаетъ многими интересными особенностями лучшихъ переложеній Львовскаго.

№ 53. *«Трисвятое»*. Для смѣшаннаго хора.

При посѣщеніи Гр. Θ. въ 1891 году я засталъ его за этою, хотя и не очень несложною, партитурой; онъ очень воодушевлялся и проигрывалъ мнѣ это «трисвятое» нѣсколько разъ, подчеркивалъ такія мѣста, какъ «Слава», являющееся въ мажорѣ, и съ особеннымъ воодушевленіемъ выпѣвалъ послѣднее «Святый Боже»; и на самомъ дѣлѣ оно выразительное, особенно у баса.

№ 54. *Херувимская пѣснь* № 7. Изъ сокращеннаго обихода, стр. 96.

Переложеніе этой *Херувимской* было намѣчено Львовскимъ, какъ видно изъ черновыхъ, въ самомъ юномъ возрастѣ, но въ окончательной отдѣлкѣ она появилась приблизительно въ 80-хъ годахъ. Въ этой *Херувимской* очень интересно движеніе голосовъ и особенно хорошо разработано второе *«всякое нынѣ»*.

№ 55. *Милость мира*. Для однороднаго хора. Знаменнаго распѣва.

Для оцѣнки подобнаго рода переложеній необходимо прослушать это *«Милость мира»*, исполняемое безъ нотъ, въ монастырѣ, въ которомъ еще не изсякло столповое пѣніе, напр., (какъ это слышалъ въ 1897 году пишущій) въ Геесиманскомъ свиту, около Троицко-Сергіевской Лавры. Только послѣ восторженнаго пѣнія подобнаго произведенія хоромъ монаховъ будетъ понятна эта выразительная, но какъ будто бы обыкновенная мелодія. При исполненіи безъ нотъ, а по преданію, конечно, слухъ поражаетъ масса гармоническихъ ошибокъ; но все это затушевывается чувствомъ и усердіемъ пѣвцовъ, которые ни на минуту не оставляютъ слушателя въ сознаніи, что они дѣлаютъ дѣло великое и самой первой необходимости. Нельзя не поразиться и окончаніемъ *«Тебе поемъ»*, въ которомъ на послѣднемъ словѣ *«нашъ»* приведено 15 тактовъ. Въ пѣніи монаховъ въ этомъ *«нашъ»* слышалась настоящая молитва, и какъ бы повторялось все *«Тебе поемъ»*. Вотъ, что значитъ пѣть душой! Это пѣніе понятно и безъ словъ. Приведенную *«Милость мира»* нужно рекомендовать тѣмъ изъ монастырей, которые утратили пѣніе этой *«Милость мира»* по преданію, или тѣмъ, которые захотѣли бы попробовать ввести хотя часть столпового распѣва. Если же кому-либо покажется страннымъ пѣть 15 тактовъ на одномъ словѣ *«нашъ»*, то можно въ этихъ тактахъ приписать *«И молимтиса Боже нашъ»* и нѣсколько разъ *«Боже нашъ»*.

№ 56. *«Вкусите и видите»*. Сочиненіе. Для однороднаго хора. Посвящено воспитанникамъ IV курса (1891 г.) С.-Петербургской Духовной семинаріи.

Это хотя и не очень пространное произведеніе очень подходит подъ поговорку *«малъ золотникъ, да дорогъ»*. Оно навѣрно вылилось на бумагу въ одну изъ лучшихъ минутъ творчества, и одно могло бы создать Львовскому долгую память. Основная мелодія не витиевата, но очень выразительна, удобна для самостоятельнаго движенія прочихъ голосовъ и творчества въ этомъ движеніи. Начинается такъ же, какъ и *«Херувимская»* № 43 въ *sol* миноръ и *«Милосердія двери»*. Состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ частей,—въ каждой по двѣ малыхъ. Первая малая часть написана въ *pp*, вторая въ *ff*.

Пѣніе этого причастнаго съ очень высокими нотами настолько увлекательно, что пѣвцы со слабыми и невысокими голосами проявляютъ эти высокія ноты, можетъ быть, даже въ ущербъ голосовымъ органамъ. Произведеніе это написано въ *си b* миноръ, но лучше его пѣть въ *ля* миноръ: тогда не будетъ пяти бемолей.

Первая половина написана въ миноръ и являетъ собою жертву. Вторая часть имѣетъ восторженный характеръ, живописуя благодать Создателя.

Богородичны догматики:

а) для 3-хъ однородныхъ голосовъ:

- № 57. 1-го гласа..... *«Всемирную славу»*.
- № 58. 2-го > *«Прейде съиъ законная»*.
- № 59. 3-го > *«Какое не дивимся»*.

б) для 4-хъ голоснаго однороднаго хора:

- № 60. 1-го гласа..... *«Всемирную славу»*.
- № 61. 3-го > *«Какое не дивимся»*.
- № 62. 6 го > *«Кто тебе не ублажить»*.
- № 63. 8-го > *«Царь небесный»*.

Выразительность мелодій богородичныхъ догматиковъ во все времена русскаго православнаго пѣнія привлекала

къ себѣ вниманіе пѣвцовъ и композиторовъ. Передаватели начала XIX столѣтія въ своихъ произведеніяхъ не стѣснялись по своему вкусу и другимъ удобствамъ измѣнять основную мелодію, заботясь объ общемъ сходствѣ переложенія съ напѣвомъ гласа. Указанныя переложенія не удовлетворяли Львовскаго, и онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на переложенія догматиковъ, что видно и по его рукописямъ. Приведенные догматики отличаются указанными ужь достоинствами Львовскаго: простотою, церковностью изложенія и выдѣленія на первый планъ текста и основной мелодіи. Къ болѣе вдохновеннымъ и отличающимся оригинальностью переложенія слѣдуетъ отнести догматики 1-го и 8-го гласовъ.

№ 64. «Херувимская пѣснь» № 7. Сербскаго распѣва ¹⁾.

Херувимская этого же распѣва, очень сходная съ переложеніемъ Львовскаго, есть и у Ломакина подъ № 5 для смѣшаннаго хора, но почему то не издана Ломакинымъ подъ названіемъ «сербскаго распѣва».

Въ рукописяхъ Львовскаго эта херувимская положена для однороднаго хора.

По всей вѣроятности, она существовала въ рукописныхъ нотахъ или въ практикѣ исполненія до Ломакина и исполнялась въ храмахъ по слуху.

Ломакинъ взялъ этотъ напѣвъ для своей херувимской № 5, а Львовскій, не особенно довольный распредѣленіемъ строкъ напѣва, по тексту херувимской пѣсни, нашелъ удобнымъ переложить эту херувимскую со своимъ распредѣленіемъ для однороднаго хора.

Съ перваго взгляда оба переложенія кажутся очень похожими, но при внимательномъ разсмотрѣніи между ними замѣчается довольно ощутительная разница, что и дало

¹⁾ Весьма желательно указаніе знатоковъ сербскаго пѣнія на то, существуетъ ли въ обиходѣ сербскаго пѣнія указанная Херувимская пѣснь.

составителю право издать эту херувимскую пѣснь подъ редакціей Львовскаго, указавъ все же, что есть положеніе переложенія Ломакина.

Херувимская Львовскаго въ исполненіи однороднымъ хоромъ очень содержательна по мелодіи и звучна въ хорѣ; можно надѣяться, что она займетъ въ пѣвческомъ обиходѣ видное мѣсто.

№ 65. Изъ молебнаго пѣнія ко Пресв. Богородицѣ.

Это переложеніе, судя по рукописямъ, принадлежитъ къ очень раннимъ переложеніямъ Львовскаго, и если не издано имъ, то, по всей вѣроятности, по ранѣе высказанной имъ причинѣ, неимѣнію денегъ, а можетъ быть, и потому, что появилось уже въ печати переложеніе этого молебнаго пѣнія Д. Н. Соловьева (Изданіе С.-Петербургскаго братства Пр. Богородицы). Это переложеніе Львовскаго отличается многими самобытными достоинствами. Достаточно указать на аккорды въ тропарѣ «къ Богородицѣ прилежно», на слова «изъ глубины души», и затѣмъ въ тропарѣ «Заступнице усердная» на словахъ «сокрушеннымъ сердцемъ», въ тропарѣ «Не умолчимъ» на словѣ «лютыхъ», чтобы оправдать появленіе въ свѣтъ указанныхъ переложеній Львовскаго. Означенныя мѣста доказываютъ неоспоримое право признанія за Львовскимъ глубокаго знатока молящейся христіанской души и сокрушеннаго сердца, какимъ, несомнѣнно, обладалъ и покойный переложитель.

№ 66. Благодареніе о полученіи прошенія.

Это переложеніе вызвано, по всей вѣроятности, частымъ исполненіемъ благодарственнаго молебна въ практикѣ церковнаго пѣнія и слишкомъ ординарнымъ переложеніемъ этого молебна Придворною Капеллою, что особенно выступаетъ въ «Тебе Бога хвалимъ».

«Тебе Бога хвалимъ» отличается, помимо прочихъ достоинствъ переложеній Львовскаго, продуманностью текста. Въ немъ есть положительно вдохновенныя мѣста, напри-

мѣръ, умиленное «Тебе убо просимъ, помози рабомъ Твоимъ» и друг..

№ 39. *Символъ вѣры* ¹⁾).

До Львовскаго въ печати существовало три духовно-музыкальных произведенія на этотъ текстъ.

1. Простого напѣва, основаннаго на двухъ аккордахъ 1-й и 5-й ступени, узаконеннаго Придворною Капеллою. Въ практикѣ оно исполнялось довольно своеобразно: весь текстъ строки пѣли скоро, а окончаніе иногда неизмѣнно растягивали: получалось некрасивое слогорасположеніе: Вседержите-ля, Божі-я. Въ новомъ изданіи Капеллы введено разумное измѣненіе: 6-й членъ по старой редакціи пѣлся съ остановкой на словѣ «Пилать»; въ новой редакціи на словѣ «погребенна». Такимъ образомъ, въ первой части рѣчь идетъ о страданіяхъ, а во второй части—о воскресеніи. Но все же пѣніе въ обѣихъ редакціяхъ Капеллы было по отношенію къ разстановкѣ удареній, въ виду растягиванія послѣднихъ слоговъ строкъ, неграмотно. Эту неправильность подмѣтилъ одинъ изъ Казанскихъ регентовъ, кажется Власовъ: въ его исполненіи вступаютъ аккордами пятой ступени съ длинною нотою не на послѣднемъ слогѣ, а на слогѣ съ удареніемъ, и этимъ аккордомъ оканчиваютъ до конца слога строки, напримѣръ: Вседер—
^{до} ^{фа} ^{до} ^{фа} ^{до}
 жителя, Сына Божія, Исхо-дащаго.

Весьма желательно на будущемъ съѣздѣ регентовъ установить правильную разстановку словъ и ударныхъ слоговъ текста Символа вѣры придворнаго распѣва.

2. Березовскаго, у котораго каждый членъ Символа вѣры исполняется въ отдѣльныхъ аккордахъ, и замѣтно намѣреніе отмѣтить аккордами значеніе того или другого члена, соотвѣтственно содержанію его. Это одинъ изъ

¹⁾ Символь вѣры и „Хвалите имя Господне“ были дольше другихъ №№ задержаны цензурою.

любимыхъ № церковныхъ пѣвцовъ, въ особенности ба-совъ, для теноровъ же онъ довольно утомителенъ.

3. Чайковского. Чайковскій, по всей вѣроятности, на основаніи западныхъ образцовъ, предположилъ изобразить на словахъ Символа вѣры всѣ моменты изъ жизни Спасителя и придать музыкой каждому члену Символа вѣры реальное выраженіе. Съ подобнымъ толкованіемъ исполненія Символа вѣры, а особенно во время богослуженія, едва ли можно согласиться. Вѣдь, Символь вѣры не есть духовная картина величія Божія и прославленія Сына Божія, это есть какъ бы сводъ законовъ христіанина, который въ храмъ долженъ излагаться громкимъ отчетливымъ голосомъ, съ правильнымъ слоговымъ и логическимъ удареніемъ. Подобнаго взгляда до 90-хъ годовъ и держались Кіевскіе священнослужители; въ Кіевскихъ храмахъ выходилъ на средину чтець и громкимъ голосомъ читалъ неторопливо и отчетливо Символь вѣры. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время изъ этого чтенія сдѣлали то же, что и чтеніе изъ апостола, т. е., средство пѣвцовъ-чтецовъ (часто малограмотныхъ) показывать на Символь вѣры предѣлы своего голоса до «безчиннаго вопля» включительно. Львовскій, какъ видно изъ его произведеній, хотѣлъ изобразить не значеніе каждаго члена Символа вѣры по отношенію къ событіямъ ими изображаемымъ, а чтеніе или мысленное повтореніе за чтедомъ и пѣвцомъ словъ Символа вѣры и тѣхъ краткихъ впечатлѣній и воспоминаній, которыя неизбежно пробѣгаютъ въ душѣ христіанина при воспроизведеніи тѣхъ или другихъ словъ и событій.

Поэтому «Символь вѣры» Львовскаго почти мало удаляется отъ чтенія и разнится отъ придворнаго распѣва продуманными модуляціями и вѣрной просодіей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Львовскій не могъ не воодушевиться особенностью текста, но это все сдѣлано въ мѣру. Первый и второй членъ до словъ «прежде всѣхъ вѣгъ» кратко и строго излагаетъ вѣру въ Бога Отца и Сына Божія при модуляціяхъ въ *ми* миноръ. Далѣе подчеркнуто ударе-

ніемъ и модулирующимъ аккордомъ пятой ступени слово «вѣкъ». Затѣмъ подчеркнута слово «вся быша». Во всемъ изложенномъ нельзя не обратить вниманіе на продуманную разстановку удареній надъ тѣмъ или другимъ словомъ ¹⁾).

Болѣе выразительности придано дальнѣйшимъ словамъ «нашего ради спасенія шедшаго съ небесъ». Слово «нашего» подчеркнута дливною нотою и выразительнымъ движеніемъ дисканта, который какъ бы говорить: «вѣдь нашего ради спасенія,—такъ какъ же по вѣрованію и не любить Христа?» Слова «шедшаго съ небесъ» выразительны у дисканта и тенора. Въ словахъ «распятаго же за ны» при соответствующемъ тонѣ опять, какъ равнѣе дискантъ, такъ теперь теноръ подчеркиваетъ слово «за ны». На словахъ «и страдавша и погребенна» чтець, молящійся не можетъ не вздохнуть всѣмъ своимъ существомъ; но здѣсь Львовскій не изображаетъ ни страданія, ни погребенія, а именно чувство христіанина. Это мѣсто одно изъ вдохновенныхъ у Львовскаго по своему глубокому чувству, доказывающее еще разъ то, что величіе совмѣстимо и съ простотою.

Какъ здѣсь умѣстна неожиданная модуляція въ *ре* миноръ на словахъ «погребенна». Слѣдующія слова «и воскресшаго» «и восшедшаго», написанныя въ свѣтлыхъ аккордахъ при довольно высокихъ нотахъ, заставляютъ чтеца—слушателя воспрянуть духомъ. Очень продуманно угрожающее «и паки грядущаго» и затѣмъ «Его же царствію»: эти аккорды всего хора и движеніе баса по ступенямъ

¹⁾ Такъ какъ ударенія (усиленія слога болѣе дливною нотою или измѣненіе слога другимъ аккордомъ) поставлены не надъ каждымъ словомъ текста, то, въ виду однообразнаго хорowego читка въ одномъ аккордѣ, полагаю не лишне было бы отбѣнить усиленіемъ голоса, (а не затягиваніемъ) каждой ноты, стоящей надъ слогомъ съ удареніемъ, т.-е., чтобы хоръ читалъ текстъ такъ, какъ это дѣлаетъ одинъ чтець, а не тянулъ монотонно слогъ за слогомъ слова текста. Въ первомъ случаѣ и лѣніе хора было бы болѣе внятнымъ, что къ сожалѣнію рѣдко встрѣчается въ нашихъ хорахъ.

какъ бы подтверждають и укрѣпляютъ непреложность значенія этихъ словъ, заканчивающихся словами «не будетъ конца», которые особенно наглядны у тенора и баса. Дальнѣйшіе аккорды опять, какъ и въ началѣ, излагають вразумительно значеніе каждой части устава вѣры, и только въ концѣ, на словахъ «чаю воскресенія мертвыхъ», болѣе выразительны и радостно умиленны движенія у дисканта и баса. «И жизни будущаго вѣка» опять приводитъ молящагося въ доброе настроеніе выразительнымъ басомъ и заставляетъ вмѣстѣ съ хоромъ сказать твердо и непоколебимо на аккордахъ V-й ступени *аминь*.

Символь вѣры неоспоримо доказываетъ продуманность текста композиторомъ. Гр. Э. Львовскій, какъ истинный христіанинъ, излагалъ въ своихъ произведеніяхъ свои чувства и потому не могъ не ставить на первомъ планѣ священный текстъ пѣснопѣнія. Нельзя здѣсь не указать и на то, что Львовскій, какъ никто, понималъ цѣль, значеніе и важность не только каждаго отдѣльнаго пѣснопѣнія, но и каждаго слова того или другого пѣснопѣнія и зналъ, какой изъ партій поручить выраженіе важныхъ словъ, или всего пѣснопѣнія.

Въ «Символь вѣры» болѣе всего фигурируетъ басы, изображая своими мелодіями выразительное чтеніе умѣлаго чтеца-христіанина, а потому Символь вѣры и можно бы скорѣе рекомендовать пропѣть одному чтецу-басу, чѣмъ дѣлать изъ этого чтенія почти подобное неразумному чтенію Апостола съ постепеннымъ, доходящимъ до крика, повышеніемъ и усиленіемъ голоса.

№ 41. Полиелей: «*Хвалите имя Господне*». Сочиненіе.

Это произведеніе прислано было мнѣ при послѣднемъ, какъ бы прощальномъ письмѣ, полномъ нѣжныхъ чувствъ, изъ Бессарабіи. О «Хвалите имя Господне» написано такъ: «Передъ выѣздомъ, мой преемникъ—г. Терновъ просилъ меня написать «Хвалите имя Господне» поторжественнѣе. Вотъ я и составилъ, придерживаясь церковной тональности, но не знаю, — поправить ли?.. А для васъ

посылаю нарочно написанное на листочкѣ». Желаніе г. Тернова имѣть «Хвалите имя Господне», соответствующее тексту поліедея, вполне понятно: въ церковномъ обиходѣ есть еще много текстовъ, дожидających своей музыки и исполняемыхъ совѣмъ неподходящими къ смыслу напѣвами. Прекрасное по музыкѣ и давности напѣва «Хвалите имя Господне» Львова начинается и оканчивается въ минорѣ. Болѣе же всего не соответствуетъ тексту «Хвалите имя Господне» такъ называемое Кіевское,—это что то плаксивое и ноющее. Отсюда ясно желаніе любителя церковнаго пѣнія имѣть торжественное «Хвалите имя Господне». Выраженіе въ «церковной тональности» надо подразумѣвать въ смыслѣ стиля, тѣмъ болѣе, что текстъ «Хвалите имя Господне» взять почти въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ положенъ на ноты въ «Хвалите имя» Кіевского распѣва (№ 35).

«Хвалите имя Господне» Львовскаго отличается отъ прочихъ сочиненій на этотъ текстъ преобладаніемъ мажора и торжественно радостныхъ аккордовъ.

Особенно интересны мѣста: первое «яко въѣкъ милость его» и затѣмъ припѣвъ какъ бы народа удвоеннымъ хоромъ: «яко въѣкъ милость его», придающій пѣснопѣнію торжественный характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивающей причину восхваленія: многую милость Создателя къ человѣчеству. Басъ высокими нотами тоже живописуетъ эту вѣковѣчную милость.

Особенно хорошо это выходитъ въ пѣніи однороднымъ хоромъ, хотя и высоко для первыхъ теноровъ и требуетъ иногда исполненія пѣснопѣній на тонъ ниже.

Заканчивая такъ пространно изложенный обзоръ духовно-музыкальныхъ произведеній, считаю необходимымъ бросить общій взглядъ на все творчество покойнаго и значеніе его личности и его произведеній для русскаго православнаго церковнаго пѣнія.

Необходимо признать, что всею массою (до 66 №№, не считая транспозицій для того или другого типа хоровъ)

Гр. Θ. указаль истинный путь церковному пѣнію, путь, по которому слѣдуютъ уже не мало регентовъ и любителей церковнаго пѣнія. Эта не малая духовно-музыкальная рать уже проникнута духомъ и направленіемъ Львовскаго. Выраженное имъ въ его произведеніяхъ чувство глубоко проникло въ души и сердца послѣдователей: регентовъ и пѣвцовъ, а тѣмъ слѣдовательно и всѣ его произведенія проникли въ *глубь* многихъ лѣтъ и поколѣній.

Однимъ словомъ, Львовскимъ основана какъ бы новая школа религіознаго чувства и соединена цѣпь пѣнія древняго христіанства съ новымъ болѣе широко-музыкальнымъ современнымъ взглядомъ на церковное пѣніе. Такимъ образомъ, два направленія: древнее мелодическое и новое гармоническое полифоническое слились въ одно недѣлимое цѣлое и тѣмъ упрочили вліяніе истиннаго церковнаго пѣнія на всю массу прихожанъ, несмотря на громадную разницу ихъ общаго религіознаго-музыкальнаго развитія.

Произведенія Львовскаго доступны по чувству и музыкѣ какъ неграмотному прихожанину, такъ и прихожанину съ высокимъ общимъ и духовно-музыкальнымъ развитіемъ. А такова и должна быть цѣль церковной музыки.

А. Карсеевъ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЛЮБВИ КЪ БОГОПОЗНАНІЮ.

Для ограниченнаго человѣческаго разума Богъ непостижимъ въ существѣ Своемъ, такъ какъ Онъ «обитаетъ въ непреступномъ свѣтѣ» (1 Тимое. 6, 16), т.-е. обитаетъ въ такого рода области бытія и жизни, которая стоитъ далеко выше предѣловъ человѣческаго разума; поэтому Бога «никто никогда не видѣлъ» (1 Иоан. 4, 12) и «видѣть не можетъ» (1 Тим. 6, 16). «Въ чемъ состоитъ сущность Божества, того мы не знаемъ и изречь не можемъ», говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ (Точное изложеніе православной вѣры. Книга 1, глава 2). Будучи непостижимъ по существу для ограниченныхъ существъ, Богъ можетъ быть познаваемъ и познается ими постольку, поскольку Онъ Самъ благоволилъ Себя открыть. Наблюдая и размышляя о дѣлахъ творенія и промышленности, человѣкъ можетъ приобрѣтать познанія о Богѣ. О возможности познанія Бога такимъ путемъ свидѣтельствуетъ св. ап. Павелъ, говоря: «что можно знать о Богѣ, явно для нихъ, потому что Богъ явилъ имъ: ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы» (Римл. 1, 19—20). Этимъ естественнымъ способомъ богопознанія руководились язычники. Другой, наиболѣе важный, способъ богопознанія основывается на Божественномъ откровеніи, дарованномъ въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ пророковъ, а въ Новомъ чрезъ І. Христа, что и свидѣлствуютъ апостолы, говоря: «Богъ, многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніи дни сіи говорилъ въ

Сынъ» (Евр. 1, 1), Который, явившись во плоти на землѣ, «далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго» (1 Иоан. 5, 20).

Послѣ этого думается, что человѣкъ, имѣя подъ руками откровеніе, — главный источникъ богопознанія, — можетъ познавать Бога. Но дѣйствительно ли, пользуясь указаннымъ источникомъ богопознанія, всякій познаетъ Бога? Подобно тому какъ немногіе изъ язычниковъ, имѣя предъ своими глазами природу, зная исторію и вникая въ свою душу, могли познавать истиннаго Бога, не всѣ и изъ имѣющихъ откровеніе Божіе дѣйствительно познаютъ Бога. Богъ послалъ Сына Своего къ іудеямъ, но они не увѣрвали въ Него, несмотря на то, что Онъ училъ ихъ, среди нихъ жилъ и творилъ чудеса. Были и немало есть обладающихъ хорошимъ знакомствомъ съ Божественнымъ откровеніемъ, но въ душѣ остающихся незнающими Бога. Очевидно, что богопознаніе возможно для человѣка при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Какія же эти условія?— Исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ могутъ служить слова св. ап. Іоанна Богослова: «всякій любящій рождень отъ Бога и знаетъ Бога; кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь» (1 Иоан. 4, 7—8). Прямой непосредственный смыслъ этихъ словъ указываетъ на то, что любовь имѣетъ значеніе принципа богопознанія. Вполнѣ естественно то, что любовь должна служить началомъ богопознанія. Богъ есть любовь и открылся намъ, преимущественно, какъ любовь, въ дѣлахъ творенія, промышленности и искупленія, о чемъ находимъ указанія въ книгахъ св. писанія. «Ты любишь все существующее», говорится въ книгѣ Премудрости Соломона (11, 25), «и ничѣмъ не гнушаешься, что сотворилъ, ибо не создалъ бы, если бы что ненавидѣлъ». «Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него» (1 Иоан. 4, 9). Итакъ, Богъ открылъ Себя людямъ, по преимуществу, какъ любовь, а люди могутъ познавать

Его только въ той степени, съ тѣхъ сторонъ и такимъ образомъ, какъ Онъ Самъ открылъ Себя,—слѣдовательно, любовь есть начало человѣческаго знанія о Богѣ. Кто не позналъ Бога, какъ любовь, тотъ не можетъ знать въ Немъ и другихъ свойствъ, не можетъ знать Бога вообще. Такой же взглядъ на любовь, какъ на начало богопознанія, встрѣчается и у св. отцовъ церкви; на примѣръ, Иринеи Лионскій говоритъ: «по величію Бога нельзя познать Его, а по любви Его,—ибо она ведетъ насъ чрезъ Слово Его къ Богу... По величію Бога... никто не увидитъ Бога и живъ будетъ (Исх. 33, 20), ибо Онъ непостижимъ, но по любви... Онъ любящимъ Его даруетъ и это, т.-е., видѣть Бога» (пять книгъ противъ ересей. Переводъ свящ. Преображенскаго. Кн. IV, гл. 20, § 1, 5).

Итакъ, Богъ можетъ быть познаваемъ людьми, преимущественно, какъ любовь. Познавая любовь Божію, люди познаютъ не одно только это свойство Божіе, но Самого Бога, потому что, по ученію Апостола (1 Іоан. 4, 8), въ любви Божіей выражается природа Божія. Подобное познается черезъ подобное. Богъ есть любовь и познается черезъ любовь. Іоаннъ Богословъ считаетъ любовь единственнымъ средствомъ богопознанія: «кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога» (1 Іоан. 4, 8). Что же такое любовь? Говоря словами проф. А. Бѣльева, «любовь есть влеченіе къ божественному и осуществленіе этого стремленія» (Любовь Божественная. М. 1884 г., 47 стр.). Стремленіе къ исполненію воли Божіей можно замѣтить и въ бессознательной физической природѣ. Это стремленіе можно назвать любовью въ широкомъ смыслѣ слова, въ собственномъ же смыслѣ любовью обладаетъ человѣкъ, существо свободно-сознательное; однако, въ основѣ его любви лежитъ природное влеченіе, предшествующее свободно-сознательному акту любви. Созданный по образу Божію человѣкъ имѣетъ въ самомъ существѣ своемъ врожденное стремленіе къ Богу. Это стремленіе человѣка къ Богу и есть любовь къ Нему. Въ этомъ значеніи любовь къ Богу обнимаетъ всѣ виды

истинной любви, какъ то: любовь къ ближнимъ, любовь къ истинѣ, добру и красотѣ, потому что всѣ виды истинной любви въ людяхъ суть проявленія любви къ божественному и къ первоисточнику божественнаго — Богу. Человѣкъ, проникнутый истинною любовію, началомъ своей дѣятельности ставитъ любовь и на все смотритъ глазами любви,—поэтому онъ и можетъ скорѣе, правильнѣе и глубже познавать Бога,—Бога любви. Можно сказать даже больше этого: такъ какъ любовь человѣка къ Богу есть отраженіе любви Божіей, и чрезъ любовь человѣкъ становится подобнымъ Богу (1 Іоан. 4, 7), то, имѣя любовь къ Богу, онъ внутренне-непосредственно познаетъ Бога, Который есть любовь; силою любви любящій ощущаетъ въ себѣ Того, Кто есть первообразъ его любви, или, говоря словами Іоанна Богослова, «пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ» (1 Іоан. 4, 16). Такое внутреннее непосредственное созерцаніе Бога силою любви и есть истинное богопознаніе. Богопознаніе не есть результатъ одной разсудочной дѣятельности; Богъ не отвлеченное начало, не только первопричина всѣхъ причинъ, о которой можно безконечно говорить и спорить, что уже будетъ представлять «непотребное пустословіе» (2 Тим. 2, 16). Истинное богопознаніе есть переживаніе и ощущение Бога, насколько это доступно ограниченному человѣческому существу; оно, по словамъ отцовъ церкви—Исаака Сиріянина и Григорія Синаита, есть богообщеніе. Только тогда человѣкъ дѣйствительно познаетъ Бога, когда ощущаетъ Его въ своей душѣ, когда Богъ пребываетъ въ человѣкѣ и становится началомъ его жизнедѣятельности,—а это возможно только для пребывающаго въ любви. Для сердца такого человѣка становятся понятными непостижимыя для ума истины Божественнаго откровенія. Любящій Бога понимаетъ въ душѣ Бога,—Бога любви,—открывшагося міру въ дѣлахъ творенія и искупленія. Если же человѣкъ однимъ холоднымъ умомъ, безъ участія сердца, смотритъ на великія тайны Божественнаго откровенія, онъ

видить въ нихъ лишь тайну и мракъ. Холодный умъ ни одного шага впередъ не сдѣлаетъ въ пониманіи Божественныхъ тайнъ, пока не предоставитъ сердцу сдѣлать это.

Будучи стремленіемъ къ Богу, любовь есть не что иное, какъ добродѣтель, такъ что понятія любви и добродѣтели взаимно покрываютъ другъ друга. Основаніе для этого мнѣнія можно заимствовать изъ словъ Іоанна Богослова: «пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ» (1 посл. 4, 16), а «пребывающій въ Немъ не согрѣшаетъ» (—3, 6), а не согрѣшаетъ, конечно, челоувѣкъ добродѣтельный. Расширяя взглядъ на любовь, какъ на добродѣтель, мы приходимъ къ заключенію, что для богопознанія необходима сердечная чистота. Въ св. писаніи и говорится: «чистиі сердцемъ Бога узрять» (Мѣ. 5, 8). Соображенія разума говорятъ за эту же мысль о необходимости сердечной чистоты для богопознанія. Любовь есть стремленіе къ Богу, а Богъ есть Высочайшее Добро, слѣдовательно, и любовь есть стремленіе къ добру, есть добродѣтель; такъ какъ любовь, съ другой стороны, есть путь къ Богу, то, на основаніи тождества любви и добродѣтели, можно сказать, что Бога можетъ знать только чистый сердцемъ, добродѣтельный.

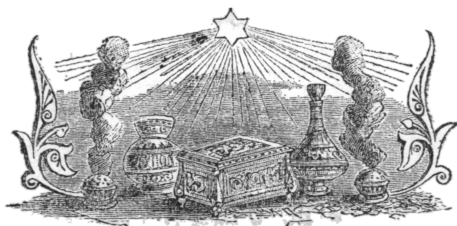
Считая богопознаніе богообщеніемъ, нельзя отрицать въ этомъ случаѣ участія разума, хотя участіе его и имѣетъ второстепенное значеніе, вслѣдствіе непостижимости тайнъ Божественныхъ. Въ дѣлѣ богопознанія разумъ дѣйствуетъ подъ руководствомъ сердца. И не только въ области религіозной, но и вообще сердце имѣетъ вліяніе на разумъ. Св. писаніе говоритъ: «отъ сердца исходятъ помышленія злая» (Мѣ. 5, 19), «отъ сердца же исходяща живота» (Притч. 4, 23). Поэтому то въ дѣлѣ богопознанія характеръ и направленіе сердца, его чистота или испорченность, имѣютъ важное значеніе. Если «чистиі сердцемъ Бога узрять» (Мѣ. 5, 8), то, наоборотъ, «въ злохудожную душу не видеть премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху» (Пр. Сол. 1, 4). Нельзя

пропустить прекрасное сравненіе Ефрема Сирина: «Какъ дымъ отгоняетъ пчелъ, такъ порокъ — вѣдѣніе» (1 т., 283 стр.). Вполнѣ понятно: кто ведетъ порочную жизнь, сродняется съ порочнымъ и удаляется отъ возвышеннаго, тотъ становится неспособнымъ къ пониманію божественныхъ истинъ, дѣлается «душевымъ человѣкомъ, который не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что считаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно» (1 Коринт. 2, 14). Наоборотъ, кто очищаетъ свою душу и укрѣпляетъ въ добродѣтели, въ любви къ Богу, тотъ сродняется съ Богомъ и болѣе и болѣе становится способнымъ къ познанію Его; недоступное для человѣческаго разума становится доступнымъ для сердца.

Стремленію жить въ любви противостоятъ страсти. Для поврежденной грѣхомъ человѣческой природы борьба съ ними бываетъ иногда очень трудною, по словамъ ап. Павла: «добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, которое не хочу, дѣлаю» (Римл. 7, 19). На помощь человѣку приходитъ церковь: она возрождаетъ и освящаетъ духовныя силы человѣка, укрѣпляетъ и возвышаетъ его въ любви, устанавливаетъ благодатный союзъ человѣка съ Богомъ—тѣсное богообщеніе,—дѣлаетъ людей сынами Божіими, какъ бы рождаетъ ихъ отъ Бога, и чрезъ это помогаетъ богопознанію человѣческому. Кромѣ того, такъ какъ «церковь, по словамъ Иринея Лионскаго, есть богатая сокровищница, въ которую апостолы, ученики Господа, положили все, что относится къ истинѣ» (противъ ересей кн. 3, гл. 4), то пребывающій въ церкви можетъ изъ этой сокровищницы почерпнуть знаніе божественныхъ истинъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что любовь, подкрѣпляемая благодатными дарами церкви, является началомъ, могучимъ средствомъ и необходимымъ условіемъ для богопознанія.

Петръ Неклюковъ.

На мысль пророка Софоніи

Соф. 3, 11.

Евреи говорятъ: Сямъ братьямъ предпочтѣвъ,
За нимъ, де, старшинство—онъ выше Іафета,
А потому еврей есть племя изъ племёнъ,—
Законъ такъ говоритъ съ дней Ветхаго Завѣта.
Послушайте, друзья, мой искренній отвѣтъ:
Евреевъ много, да...«семитовъ» только нѣтъ!

В. К. Недзвецкій.

Листопадъ.

1.

Поздняя осень холодная.
Скорбны могилы забытыя...
Вянуть надежды бесплодныя,
Въ сердца старательно скрытыя.

2.

Листья шуршатъ, вѣтромъ носятся,
Стонуть дѣла обнаженныя...
Силы на подвигъ не просятся,
Долгой борьбой изнуренныя.

3.

Позднія розы—не ждавшія
Влажныхъ цѣпей снѣга талаго...
Жалки мечты, волновавшія
Сердце страдальца усталаго!

4.

*Жди! Не теряй упованія,
Счастью не вѣрь скоротечному;
Знай: не случайно страданіе—
Къ миру ведетъ—къ царству вѣчному.*

В. К. Недзвецкій.

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Даръ слезъ».

(Къ 29-му декабря—дню памяти преподобнаго отца нашего Теофила Печерскаго).

Въ монастырѣ Печерскомъ было два брата, соединенныхъ между собой сердечною отъ юности любовью. Имена ихъ—Теофилъ и Іоаннъ. Оба были единомудренны и оба одинаково ревновали служить Богу. Они просили блаженнаго Марка устроить имъ общую могилу. Спустя много времени, старшій братъ Теофилъ былъ посланъ на сторону по монастырскимъ нуждамъ. Младшій, угодивъ Господу, разболѣлся и умеръ; его положили въ пещерѣ на приготовленномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней возвратился Теофилъ и, узнавъ о смерти брата, очень этимъ опечалился и, вмѣстѣ съ братіею, пошелъ на мѣсто погребенія умершаго. Увидѣвъ же, что тотъ положенъ въ общемъ ихъ гробѣ на первомъ мѣстѣ, вознегодовалъ на Марка и сказала: «зачѣмъ положилъ его здѣсь на моемъ мѣстѣ? Я старше его». Пещерникъ, со смиреніемъ кланяясь Теофилу, просилъ простить и затѣмъ, обратясь къ усопшему, сказалъ: «братъ, встань и дай это мѣсто старшему брату твоему, а ты лягъ на другомъ мѣстѣ». И мертвый всталъ, и легъ на второмъ мѣстѣ. Увидѣвъ это, Теофилъ въ раскаяніи палъ къ ногамъ преподобнаго Марка и просилъ о перемѣщеніи усопшаго на прежнее мѣсто. Пещерникъ отвѣтилъ, что мертвыхъ возставлять — дѣло

Божіе, и посовѣтоваль Теофилу заботиться о спасеніи своей души, такъ какъ черезъ нѣкоторое время будетъ принесенъ сюда. Услышавъ это, Теофилъ пришелъ въ ужасъ и думаль, что тутъ же умреть. Раздавъ все, что имѣлъ, и оставивъ у себя только мантию, онъ каждый день ожидалъ часа смертнаго, и никто не могъ удержать его отъ горькаго плача. Всякое утро омываль онъ лице свое слезами, не зная, достигнетъ ли вечера. Съ наступленіемъ же ночи омрачалъ глаза свои слезами и говорилъ: «Кто знаетъ, доживу ли до утра? Многіе, рано вставшіе, не достигли вечера; другіе, отходя ко временному покою, уснули вѣчнымъ сномъ. Какъ же мнѣ надѣяться, что останусь въ живыхъ, когда уже имѣю извѣщеніе о близкой моей кончинѣ?» Отъ многихъ слезъ Теофилъ потерялъ зрѣніе. Преподобный Маркъ, предъ кончиною своею, предсказаль Теофилу, что тотъ за три дня до смерти прозрѣеть. Слова св. Марка исполнились: всю жизнь со слезами молясь Богу прилежно, блаженный Теофилъ на концѣ дней своихъ прозрѣлъ, и на третій по семь день отошелъ ко Господу, на зрѣніе трисіятельнаго Божества. Честное же его тѣло положили въ пещерѣ, вмѣстѣ съ любимымъ братомъ, блаженнымъ Іоанномъ, вблизи мощей преподобнаго Марка. И ходатайствомъ сего преподобнаго своего наставника, блаженный Теофилъ сподобился вѣчной радости, по слову Псалмопѣвца: *стѹщи слезами, радостію пожнутъ* (Пс. 125, 5). И намъ, чтобы сподобиться сей небесной радости, надлежитъ сердце сокрушенно и смиренно имѣть, ибо множество содѣянныхъ нами лютыхъ—беззаконія наши—*превыдоша главу нашу* и обязываютъ насъ къ сердечному покаянію и соединенному съ нимъ плачу о грѣхахъ. *Плачи, да не во стѹки восплачешися, плачи, пока время не ушло*, говорить святитель Тихонъ Задонскій. Мы видѣли, какъ помышленіе о страшномъ часѣ смертномъ исторгало непрестанные токи слезъ у блаженнаго Теофила. Потщимся же неотходно содержать въ мысляхъ *память смертнѹю*, и это

памятованіе расположить насъ къ оплакиванію грѣховъ. «Много и много нужно потрудиться доброму воину Христову, чтобы сподобиться дара слезъ. Многолѣтнимъ подвигомъ достигали сего святые Божіи! Но если вѣтъ въ комъ благодатнаго дара слезъ виѣшнихъ, то внутренній плачь, плачь безъ слезъ, т. е. сердечное сокрушеніе и скорбь о грѣхахъ—душевныя слезы—должны быть присущи всякому именующемуся христіаниномъ. Но и тутъ нужно много смиренной и усердной молитвы приложить, чтобы сподобиться сердцемъ сокрушеннымъ выну предстоять предъ Господомъ. Не престанемъ же молиться моленіемъ неотступнымъ, да ниспосланъ намъ будетъ благодатный даръ плача по Бозѣ — виѣшняго съ внутреннимъ, или одного внутренняго,—на то воля Божія!»¹⁾ И помощникомъ намъ въ семъ будетъ блаженный Теофилъ, къ нему же не престанемъ молитвенно усердно прибѣгать!

А. З.

¹⁾ „Лѣствица добродѣтелей“, изд. 2-е, М., 1905 г., стр. 19-я.

ЧТО НАМЪ РОДНѢЕ ¹⁾?

(Андрей Бѣлый. Серебряный Голубь“).

Главный герой повѣсти — Дарьяльскій — это русская интеллигенція, съ ея духовною неустойчивостью, съ ея незнаніемъ своего духовнаго отечества;—и даже, пожалуй, не только одна интеллигенція, но и весь русскій народъ, котораго вся историческая жизнь есть постоянное колебаніе, качаніе между Востокомъ и Западомъ. И самая повѣсть представляетъ собою встрѣчу, столкновение «революціоннаго Запада» съ «религіознымъ Востокомъ», «народа-богоносца» съ «безбожною интеллигенціей»; новое, мистическое «хожденіе въ народъ», попытку заполнить пропасть между интеллигенціей и народомъ. Подробно и картинно изображаетъ авторъ мощь и неразгаданность Руси.

Чувствуется Дарьяльскому, что «въ народъ новыя народились души, что плоды налились, и пора смоковницу отряхнуть, что тамъ, въ гущѣ, вдали и всетаки на глазахъ, строилась, собиралась Русь, чтобы разразиться громкими громами». И несмотря на свое видимое безобразіе, таитъ въ себѣ Русь необыкновенную красоту и неизреченную мудрость, и оттого тянеть, влечетъ сюда интеллигенцію, какъ бы ни смѣялась она надъ суевѣріемъ народа. «Эти простые, не хитроумные люди, русскія поля, какъ

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Душеп.* Чт. 1910 г.

и русскіе лѣса, знаютъ тайны; въ тѣхъ поляхъ, въ тѣхъ лѣсахъ бородатые живутъ мужики и многое множество бабъ; словъ немного у нихъ, да за то у нихъ молчанія избытокъ; ты къ нимъ приходи,—и они съ тобою подѣлятся тѣмъ избыткомъ; ты къ нимъ приходи, ты научишься молчать; пить будешь ты зори, что драгоцѣнныя вина; будешь питаться запахомъ сосновыхъ смолъ; русскія души — зори; крѣпкія, смольныя русскія слова: если ты русскій—будеть у тебя красная на душѣ тайна и, что липкая смола, твое духометное слово; виду у него нѣтъ, а привязывается, и духъ отъ слова идетъ благодатный, пріятный... и словъ тѣхъ не знаютъ и вовсе тѣ, что живутъ въ городахъ, придавленные камнями: тѣ, какъ пріѣдутъ въ деревню, видятъ предъ собою грязь, мракъ, соломы кучу, да изъ соломы грязнаго мужика угрюмо насупленное лицо, да бабью глупую болтовню»... Западъ <многое множество словъ, звуковъ, знаковъ выбросилъ на удивленіе міру; но тѣ слова, тѣ звуки, тѣ знаки — будто оборотни, выдыхаясь, влекутъ за собою людей,—а куда? Русское же молчаливое слово, отъ тебя исходя, при тебѣ и остается: и молитва то слово, какъ выплеснутая въ воздухъ золотого чарка вина, что камушками, самоцвѣтными брызгами горитъ на солнцѣ» (несмотря на то, что слово это—часто безобразное и неприличное). <Тайна—съ мужиками» — говорить и столяръ Кудеяровъ. <На Западѣ выплескиваютъ наружу слова, въ книги, во всякую премудрость и науку; оттого-то тамъ и сказуемыя слова и сказанный складъ жизни... не то въ Россіи... здѣсь — тайна. Много на Западѣ книгъ; много на Руси не сказанныхъ словъ. Россія есть то, о что разбивается книга, да и самая сжигается жизнь; въ тотъ день, какъ къ Россіи привѣтся Западъ, всемірный его охватитъ пожаръ; сгоритъ все, что можетъ сгорѣть»... И интеллигенты, и социаль демократы, пожимающіе плечами, когда рѣчь идетъ о Руси, и хохочущіе надъ суевѣріемъ народа, кончаютъ тѣмъ, что одни уходятъ пѣшкомъ на богомолье въ Саровъ,

другіе кончаютъ странниками, третьи уходятъ въ секты. Такъ думаетъ Дарьяльскій, и картинно пространно изображаетъ его размышленія авторъ. Загадочна душа народа, неизвѣданна и глубока, и мистическое сектантство голубей—только отраженіе этой загадочной и неизвѣданной души...

—«Россія—монгольская страна; у насъ всѣхъ—монгольская кровь, не ей удержать нашествіе: намъ всѣмъ предстоитъ пасть ницъ предъ богдыханомъ—вдругъ огрошиваетъ Дарьяльскаго тонкій, плачущій голосъ западника барона Тодраде-Граабена, неизвѣстно откуда вдругъ взявшагося и точно угадавшаго думы Дарьяльскаго.—Россія — несчастная страна... а вы, молодой человѣкъ, не только чудакъ, но вдобавокъ еще и косноязычный чудакъ; вы—несчастный нѣмой молодой человѣкъ, какъ и всѣ теперь молодые люди нѣмы; они говорятъ о чреватомъ молчаніи, о несказанномъ, потому что не умѣютъ членораздѣльно выразаться. Когда говорятъ о несказанномъ, это опасный симптомъ; это доказываетъ лишь то, что человѣчество впадаетъ въ скотоподобное состояніе... Вотъ вы, молодой человѣкъ, повидимому, принадлежите къ интеллигенціи, а посмотришь на васъ—мужикъ-мужикомъ; это оттого, что подлинная культура вамъ не под силу; оттого-то вы и чудачите: вы себя заставляете видѣть сны: проснитесь... вернитесь»...

И странная въ вѣщихъ словахъ барона чудится Дарьяльскому властность, и вспоминается ему Катя; но сильны еще чары столяра и Матрены...

— «Отыди отъ меня, сатана: я иду на Востокъ»—думаетъ Дарьяльскій и идетъ къ Матренѣ.

Въ такихъ образахъ изображаетъ авторъ неустойчивость и шатаніе незнающей дороги и отечества русской интеллигенціи,—заводящія ее нерѣдко въ непроходимыя дебри.

Отношеніе автора почти ко всѣмъ своимъ героямъ—странное и крайне отрицательное. Почти всѣ они—или

уроды, или злодѣи. Въ повѣсти—цѣлая коллекція чудаконъ (Дарьяльскій, баронъ, Шмидтъ),—уроды (нелѣпный и гнусный «мистическій анархистъ» — студентъ Чухолка, появленіе котораго, вдобавокъ, всегда и неизбѣжно предвѣщаетъ и приноситъ несчастье), воры, грабители и распутники (генераль Чижиковъ, купецъ Еропѣгинъ, прикащикъ баронессы); скверныя женщины (учительница Шкуренкова, жена священника); пьяницы и безобразники; злодѣи (лавочникъ Иванъ Степановъ и всѣ «голуби»). Безъ всякой надобности таскаетъ для чего-то авторъ почти по всѣмъ страницамъ повѣсти священника отца Вукола, къ которому относится крайне двусмысленно, а къ женѣ его и семьѣ—съ злобнымъ презрѣніемъ. Другой священникъ, выведенный мимоходомъ въ повѣсти — добрый человекъ, но революціонеръ; дѣвчечъ пьяница.—Среди чудаковъ видное мѣсто занимаетъ въ повѣсти не то масонъ, не то астрологъ Шмидтъ, старикъ, день и ночь сидящій надъ философскими книгами и въ Бога не вѣрующій, хотя и дружащій съ священникомъ. Вотъ, какъ описывается въ повѣсти обстановка его жилища:

«Шмидтъ сидѣлъ, погруженный въ бумаги; передъ нимъ лежалъ большой листъ,—на листѣ циркулемъ былъ выведенъ кругъ съ четырьмя внутри пересѣкающимися треугольниками и съ крестомъ внутри; между каждымъ угломъ вверхъ шли линіи, раздѣляя окружность на двѣнадцать частей, обозначенныхъ римскими цифрами, гдѣ десять стояло вверху, а единица съ праваго боку; странная эта фигура была выше вновь окружностью обведена и на 36 частей раздѣлена; въ каждой части стояли значки планетъ, такъ что надъ тремя значками былъ значекъ зодіакальный, въ двѣнадцати большихъ клѣткахъ стояли и коронки, и крестики, и значки планетъ, отъ которыхъ черезъ центръ окружности, пересѣкая звѣзду, были проведены туда и сюда тонкія стрѣлки, были еще на фигурѣ надписи, вписанныя красными чернилами: «Жертва», «Косецъ», «3

кубка», «Свѣтъ ослѣпительный»; сбоку листа были вписаны странныя надписи... На столѣ были листки съ дрожашею рукою начертанными значками, пентаграммами, кружками, со вписанными магическими «тау»; тутъ были и таблицы съ священными іероглифами; старческая рука изображала вѣнецъ изъ розъ, наверху котораго была изображена голова человѣка, внизу голова льва, съ боковъ головы быка и орла; въ срединѣ же вѣнца были вписаны два перекрещивающіеся треугольника въ видѣ шестиконечной звѣзды съ цифрами по угламъ...» и т. д. На полкахъ стояли разныя магическія книги съ странными заглавіями и чертежами... были надписи на бѣломъ деревѣ стола вродѣ: «прямая линия квадрата есть источникъ и орудіе всего чувственнаго» или: «все вещественное вычисляется числомъ четыре...» И на основаніи всѣхъ этихъ фигуръ и вычисленій, Шмидтъ предсказываетъ Дарьяльскому его судьбу и скорую гибель, если онъ не сойдетъ съ своего гибельнаго пути. Но Дарьяльскій не слушаетъ Шмидта.

Подробно и весьма картинно описываются радѣнія («дѣланіе») «голубей» въ избѣ столяра и въ домѣ Еропѣгина. Столяръ поитъ радѣющихъ густымъ, темнымъ виномъ, и въ концѣ радѣній появляется бѣлый голубь съ ястребинымъ, какъ это ясно видитъ Дарьяльскій, влюбомъ, расклеываетъ сердца радѣющихъ, и они падаютъ мертвыми, а изъ испареній ихъ тѣлъ появляется въ туманѣ, хотя и не надолго, свѣтлый образъ дивнаго юноши; т.-е. такъ, конечно, только кажется пьянымъ «сектантамъ», но изображается это у автора такъ, какъ будто все это происходитъ на самомъ дѣлѣ. Вообще чудесъ въ повѣсти весьма немало. Увлеченіе и гибель Дарьяльскаго являются неизбѣжными и какъ бы предопредѣленными: еще въ юности ночью, во время занятій, вдругъ видитъ онъ за окномъ образъ рябой, безбровой бабы и страшно вскрикиваетъ отъ ужаса; а когда онъ уходитъ отъ Кати, навстрѣчу ему попадаютъ пьяные парни, распѣвающіе:

«погибъ я... навсегда». Пальцы столяра въ темнотѣ производятъ громъ и молнію, поджигаютъ солому и прядутъ пѣлую паутину свѣтлыхъ нитей, которыя Дарьяльскій видитъ даже днемъ, при солнечномъ свѣтѣ; и всякій входящій въ избу столяра запутается въ этихъ нитяхъ и потащитъ ихъ за собою, и, если есть у него жена, запутается въ нихъ и она. Мечется столяръ по избѣ и бормочетъ безсмысленныя слова, а изъ глазъ и рта его льются свѣтовые потоки; мысль его о Дарьяльскомъ превращается въ большого красного пѣтуха, который пересѣкаетъ испуганному Дарьяльскому дорогу. А Матрена убѣждена, что столяръ все видитъ и слышитъ, и отъ него никуда нельзя уйти.— Съ другой стороны, какимъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ существомъ выставляется и баронъ Граабенъ. Авторъ не мало рассказываетъ о чудачествахъ и дурачествахъ его предковъ, но въ этомъ еще ничего необыкновеннаго нѣтъ (то ли еще бывало въ доброе старое время!), и рассказы эти, по всей вѣроятности, заимствованы съ натуры;—но вотъ что необыкновенно и удивительно въ баронѣ: никогда не видавъ человѣка, при одномъ лишь рассказѣ или даже только при одномъ лишь упоминаніи о немъ, онъ составляетъ себѣ о немъ и о его дѣйствіяхъ безошибочно вѣрное понятіе; нѣсколько словъ, небрежно и какъ бы лишь только вскользь брошенныхъ имъ Дарьяльскому, достаточно для того, чтобы освободить того отъ гипноза Матрены и столяра.

Языкъ повѣсти чрезвычайно причудливый и ломаный. Рассказъ ведется то отъ лица жителя села Цѣлебѣва, и въ такихъ случаяхъ языкъ повѣсти представляетъ собою поддѣлку подъ гоголевскіе «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», то отъ лица Лиховскаго мѣщанина, то, наконецъ, отъ лица самого автора. Изображая крестьянъ и мѣщанъ, авторъ непременно копируетъ и ихъ выговоръ:

— «Такъ оно какъ-то тово: мы што... мы іетта, можно сказать, тово—не тово, опчее прочее такое, и все какъ есть» (столяръ Кудеяровъ).—«Дай падемъ прагулямся па

мѣстности земли» (онъ же).—«Нѣтъ ни церкви ни Судящаго на небеси—ничаво нѣтъ... адна пустота; што бурятина, што человѣческое естество—плоть единая, непрекословная... все то адна бабья расказня...» (мѣдникъ Сухорукъ).—«Давни ошшо» (изъ сцены душевнiя Дарьяльскаго).—Или себтантскіе стихи, напримѣръ:

«Въ безконечныхъ временахъ
 Намъ радость въ небесахъ.
 Господи помилуй.
 Мы, оставя всѣхъ родныхъ,
 Заключась въ стѣнахъ святыхъ.
 Господи помилуй.
 Отъ младенческихъ пеленъ
 Былъ я Богомъ посѣщенъ.
 Господи помилуй.
 Среди самыхъ юныхъ лѣтъ
 Вяну, аки нѣжный цвѣтъ.
 Господи помилуй!..» и т. д.

Собственный языкъ автора — ломаный донельзя, съ необычной разстановкой словъ. У священника—есть «свекоръ»; книгу пестрятъ выраженія: «попадыха» и еще болѣе неудобныя и грубыя.

Итакъ, что же намъ роднѣй и ближе—Востокъ или Западъ? Гдѣ мы и съ кѣмъ мы? Куда идемъ, куда придемъ и куда должны итти, и чего въ насъ больше? Конечно, Востокъ намъ ближе: Востокъ наша духовная родина. Съ Востока засіялъ свѣтъ христіанства, съ Востока приняли мы православную вѣру; къ Востоку ближе мы и по самой своей природѣ. Но при этомъ, однако, не нужно забывать двухъ вещей. Съ Востока мы должны принимать только лучшее: его религіозную настроенность, его православіе, богомысліе и подвижничество аеонскихъ иноковъ, и вообще то, такъ сказать, богоустремленіе и то проникновеніе

въ сущность вѣры и благочестія, какимъ всегда отличался православный Востокъ. Но восточный квіэтизмъ, восточное «святое бездѣлье» и «святое безволье» насъ можетъ привести только къ гибели, и намъ необходимо учиться у Запада, который не даромъ «множество словъ выбросилъ на удивленіе міру... въ книги во всякую премудрость и науку», не увлекаясь только въ немъ тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ увлекаться. Самъ же Дарьяльскій сознается, что «русскіе люди, полевые, лѣсные въ слова не рядятся и складомъ жизни не радуютъ взора; слово ихъ что ни есть сквернословіе; жизни складъ—пьяный, бранчливый; неряшество, голодь, нѣмота, тьма... уста послѣдними тебя обругаютъ словами»..., хотя въ то же время молчаніе русскаго народа—«диковинное» будто бы молчаніе, и «диковинное винцо на столѣ-то передъ каждымъ... словъ несказанныхъ и чувствъ несказуемыхъ». Но только такимъ «несказаннымъ словомъ», какъ приведенное выше, Запада не одолѣешь. Во что бы то ни стало и какъ можно рѣшительнѣе и скорѣе нужно откинуть намъ наше невѣжество, разгильдяйство, грязь и нечестность и пріобщиться энергіи и лучшимъ сторонамъ культуры Запада. Чего стоитъ и къ чему приводитъ насъ наше «святое бездѣлье и безволье»—намъ недавно показали уже даже не Западъ, а Дальній Востокъ въ лицѣ японцевъ. И говорить: «Господи! Господи!» и не творить воли Господней—не значить еще стать «народомъ-богоносцемъ»: не къ Богу приведетъ такое лицемѣрное бездѣлье. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, спасеніе Россіи—только въ православіи, которое дѣйствительно и спасало Россію, а ужъ никакъ не въ сектантствѣ, мистическомъ или какомъ бы то ни было иномъ, какъ думаетъ это извѣстная часть нашей интеллигенціи, не знающая ни русской народной души, ни своей вѣры. Сектантство теперь дѣйствительно въ модѣ и въ большой модѣ: его по разнымъ причинамъ теперь стараются всячески возвеличить и усилить въ ущербъ православной вѣрѣ; въ немъ одни искренно, другіе притворно

(для этихъ послѣднихъ оно играетъ роль тарана, которымъ они стараются и надѣются разбить твердыню православной вѣры и привести Россію къ полному безбожію; поэтому чѣмъ злѣе и враждебнѣе православію сектантство, чѣмъ дальше отъ него и чѣмъ сильнѣе оно, тѣмъ оно имъ любезнѣе) хотятъ видѣть духовное возрожденіе и спасеніе Россіи. Повѣсть и изображаетъ именно увлеченіе (и даже порабощеніе) интеллигенціи мистическимъ сектантствомъ. По выраженію одного изъ рецензентовъ повѣсти, она «рисуетъ мистическую жизнь русскаго народа съ его нетерпѣливымъ и страстнымъ ожиданіемъ пришествія на землю Св. Духа и воплощенія Бога «въ плоть человѣковъ». Въ ней и изображается та, повидимому, таинственная, а въ сущности весьма понятная власть темнаго и невѣжественнаго, но лукаваго и хитраго сектанта надъ не менѣе невѣжественнымъ въ духовно-религіозной сферѣ русскимъ интеллигентомъ; «гипнозъ», «навожденіе», «внушеніе», «нечеловѣческая» воля и умѣнье оболъщать, внушать и порабощать—во власти сектантовъ по отношенію къ такимъ русскимъ «интеллигентамъ», какъ Дарьяльскій, оказывающимся безсильными бороться съ «таинственными чарами» сектантовъ.

Какъ же изображаетъ нашъ авторъ сектантовъ, и куда привела дружба съ ними Дарьяльскаго? Трудно дать сектантству худшую характеристику, чѣмъ ту, какую—сознательно или безсознательно—даетъ ему авторъ. Помимо крайней нелѣпости ея внутренняго содержанія и ритуала, это—яма, въ которой Дарьяльскій (да и всякій иной) найдетъ не «новое откровеніе», а гибель.—«Сколькихъ добрыхъ людей загубилъ столяръ» — говоритъ Дарьяльскій Матренѣ. И голубокъ, будто бы появляющійся во время радвнй, представляется Дарьяльскому съ ястребинымъ клювомъ. Сектанты—изувѣры, отравители, душители, убійцы, распутники, лицемѣры, поджигатели, революціонеры и даже атеисты—такими изображаются они въ повѣсти. Порабощенный ими Дарьяльскій чувствуетъ, что у него вынута душа и пусть умъ, и, хотя порою ему и кажется,

что онъ испытываетъ неизреченное блаженство, но когда онъ приходитъ въ себя отъ сектантскаго угара, — все, что случилось съ нимъ наканунѣ, казалось ему «мерзкимъ, стыднымъ и страшнымъ»: онъ боится въ это время глаза поднять на людей и самъ не можетъ никакъ понять, что это сдѣлалось съ нимъ; и кажется ему, что кто-то невидимо ходитъ за нимъ по пятамъ, душитъ его и непременно задушитъ; что все это — ужасъ, петля и яма; что «какая-то темная бездна съ Востока (почему же именно съ Востока?) претъ на Русь». И не знаетъ онъ въ это время, чего собственно ждуть сектанты, бѣлаго голубя или чернаго ворона, «бездна ли то или высота поднебесная», «міра преображеніе или міра погибель»? Подъ конецъ онъ уже ясно сознаетъ, что сектантство — позоръ и гибель, и хочетъ бѣжать отъ сектантовъ, но уже поздно: не такіе простаки они, чтобы дать убѣжать отъ нихъ ихъ жертвѣ. — Вотъ что такое сектантство и куда оно заводитъ и что дѣлаетъ съ своими жертвами: въ немъ не спасеніе, а гибель; спасеніе же — только въ нашей родной, православной вѣрѣ, которая дѣйствительно и спасала Русь, и спасаетъ, и будетъ спасать ее дотолѣ, доколѣ Русь будетъ ее держаться. Когда поймутъ это наши интеллигенты? Неужели — лишь тогда, когда уже будетъ поздно? — И не даромъ авторъ на всемъ протяженіи повѣсти не разстается съ православнымъ священникомъ (котораго въ концѣ повѣсти заставляеть даже молиться за село во время пожара: «Богъ вѣсть, что видѣли эти глаза, вознесенные горѣ»), лицомъ по ходу повѣсти совсѣмъ не необходимымъ. Хоть и съ недостатками человѣкъ, а все-таки безъ него нельзя быть русскому народу.

Свящ. Н. Колосовъ.

Памяти заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета, прот. Н. А. Елеонскаго ¹⁾.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Преосвященнѣйшіе Архипастыри,
досточтимые пастыри и братіе!

Простите мнѣ, если слабымъ словомъ своимъ осмѣливаюсь нарушить торжественность настоящихъ священныхъ минутъ... Тяготящее душу чувство скорби о скончавшемся глубокочтимомъ о. протоіереѣ Н. А. Елеонскомъ взываетъ къ вашему снисхожденію. При томъ, мы увѣрены, эту скорбь раздѣлять съ нами и всѣ, знавшіе почившаго о. Николая Александровича. Вѣдь съ его кончиною понесъ тяжелую утрату не только Университетъ, но и вѣрующее московское общество, богословская наука и мы,—собратія почившаго по служенію въ церкви Божіей. Въ лицѣ о. Николая Александровича всѣ, знавшіе его, лишились живоѣго *правила вѣры, нагляднаго образа кротости*, которые такъ рѣдки и такъ дороги всегда, а въ наше тревожное время—въ особенности.

Мы пока не имѣемъ возможности представить себѣ въ цѣльномъ, законченномъ видѣ нравственный обликъ почившаго. Внутренняя жизнь его, подобно жизни многихъ другихъ блюстителей вѣры и благочестія, для большин-

¹⁾ Слово, произнесенное предъ его отпѣваніемъ въ Татианинской Университетской церкви.

ства соприкасавшихся съ нимъ носила на себѣ печать сокровенности. Но, и при этомъ, мы не лишены утѣшенія видѣть, какъ нуженъ былъ онъ для нашего времени и общества.

Призванный служить религіозному просвѣщенію въ стѣнахъ Императорскаго Московскаго Университета, почившій о. Николай Александровичъ, при своихъ богатыхъ духовныхъ силахъ, глубоко понималъ задачи своего служенія въ такую эпоху русской исторіи, когда почти во всѣхъ слояхъ нашего общества, а въ кругу образованныхъ людей—въ частности, обнаружилось критическое отношеніе ко всему,—между прочимъ, и къ религіи. Въ области послѣдней такое направленіе мысли принесло отчасти и добрые плоды: оно оживило и укрѣпило наше богословіе. Но это же направленіе дошло и до крайностей, между прочимъ, объявивъ религію лишь мечтательнымъ произведеніемъ ума человѣческаго, имѣющимъ ничтожное значеніе для прогресса и цивилизаціи. И вотъ, у многихъ и многихъ—преимущественно, юныхъ сыновъ нашего общества—непосредственная и живая вѣра, питавшая ихъ среди семьи въ дѣтскіе и отроческіе годы, стала смѣняться или безразличнымъ отношеніемъ къ вопросамъ вѣры, или сомнѣніемъ въ ея основныхъ пунктахъ, близкимъ къ ихъ отрицанію. Съ душевной болью наблюдая это, почившій о. Николай Александровичъ большую часть своей жизни—сначала въ бывшей Петровской Академіи, а затѣмъ въ этомъ Университетѣ—и посвятилъ выясненію того, что религія вообще и христіанство въ частности представляютъ собою богатую, неистощимую сокровищницу великихъ истинъ, которыя могутъ удовлетворять духовнымъ нуждамъ и запросамъ всѣхъ временъ и народовъ. Такимъ образомъ, почившій и съ каеэдръ, и въ своихъ печатныхъ трудахъ, и въ сферѣ своего пастырскаго вліянія неустанно помогаль молодому русскому обществу въ выработкѣ законченнаго и вѣрнаго міросозерцанія, безъ котораго никакая самостоятельная дѣятельность не будетъ плодотвор-

ной. II, можем свидѣтельствовать, эта учено-литературная работа и высокое пастырское служеніе о. Николая Александровича не оставались безрезультатными. Намъ хорошо извѣстны случаи, когда, благодаря именно его вліянію, остались вѣрующими многія души въ его образованной паствѣ... Стремясь устранять всевозможныя религіозныя сомнѣнія, почившій о. Николай Александровичъ считалъ необходимымъ и предупреждать эти сомнѣнія. Съ этою цѣлью при Педагогическомъ Обществѣ, существовавшемъ многіе годы въ стѣнахъ Университета, почившимъ была организована секція по части религіознаго воспитанія и обученія. Состоя руководителемъ секціи, о. Николай Александровичъ горячо заботился о наилучшей постановкѣ преподаванія Закона Божія въ средней и нижней школѣ. Объ этомъ всегда могутъ свидѣтельствовать отчеты и проекты секціи, которые представлялись иногда и внимавію высшей учебной власти.

Успѣху широкой просвѣтительной дѣятельности почившаго о. протоіерея содѣйствовалъ еще и обаятельный его нравственный обликъ. Его сознаніе, воля, сердце, талантъ всегда глубоко были проникнуты любовію къ Богу и ближнимъ. Благодаря этому благодатному свойству своего нравственнаго міра, онъ обладалъ замѣчательной нравственной чуткостью и зналъ, какъ нужно подходить къ нуждающимся въ духовномъ просвѣщеніи, въ помощи и утѣшеніи, и умѣлъ направлять жизнь христіанскую въ воспитаніи, въ быту семейномъ и общественномъ. При простотѣ обращенія, какая свойственна была почившему, его спокойная рѣчь,—иногда не чуждавшаяся остроумія и игривости, но всегда дышавшая искренностью и доброжелательностью,—приближала къ нему собесѣдника, пріобрѣтала его довѣріе. Сердце почившаго было чисто; въ немъ не было мѣста ни самолюбію, ни тщеславію. Нискавшій для себя ничего у людей, о. Николай Александровичъ наружно всегда являлся тѣмъ, чѣмъ былъ внутренно: честнымъ, искреннимъ, любвеобильнымъ, благожелательнымъ и смиреннымъ пастыремъ, пользовавшимся

живыми симпатіями не только своихъ сотрудниковъ и слушателей по Университету, но и большихъ круговъ московскаго общества.

Отмѣченная всегдашняя высоко-христіанская настроенность о. Николая Александровича ярко сказалась въ его послѣдніе дни и минуты, когда онъ жилъ не столько этой жизнью, сколько жизнью загробной. Тутъ во всемъ свѣтъ открылась полная преданность его волѣ Божіей, изумительное терпѣніе и благодушіе. При крайне тяжелой болѣзни своей онъ не желалъ уклоняться отъ возможнаго исполненія обязанностей профессора, со смертнаго одра утверждалъ своихъ слушателей въ истинахъ вѣры и жизни христіанской и среди страданій весь отдавался молитвѣ и богословствованію. Усвоивъ себѣ навыкъ приближать истины вѣры къ сознанію, о. Николай Александровичъ и при послѣднемъ вздохѣ своемъ, видимо, желалъ пріоткрыть тайну смерти близкимъ своимъ: «я несусь вверхъ» — были его послѣднія слова...

Прости мнѣ, высокочтимый отецъ и собратъ, что дерзнулъ я при гробѣ твоёмъ сказать нѣчто о тебѣ въ утѣшенію и назиданію своему и множества твоихъ почитателей. Прости, добрый, кроткій, любвеобильный учитель и пастырь! Память твою всегда будетъ чтить твоя университетская паства, заслугъ твоихъ не забудутъ и твои сотрудники на поприщѣ религіознаго обученія и воспитанія—московскіе законоучители, члены Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, поручившіе мнѣ принести ко гробу твоemu и ихъ сердечную скорбь вслѣдствіе твоей кончины. Въ предстоящіи высокопреосвященнѣйшихъ архипастырей нашихъ мы, собравшіеся здѣсь, усердно молимъ Господа объ упокоеніи души твоей въ горнихъ обителяхъ; моли и ты, если увидешь въ радость Господа своего, да утвердитъ Онъ св. церковь, которой ты такъ ревностно служилъ, и да умножитъ онъ среди насъ пастырей и гражданъ, подобныхъ тебѣ.

Священникъ Николай Поповъ.

Въ день Рождества Христова.

Чистая Дѣва Марія сегодня
Въ мрачномъ вертепѣ рождаетъ Христа.
Чудная тайна свершилась Господня:
Богъ воплотился... Откройте уста,
Славьте, ликуя, Рожденного нынѣ,
Славьте,—родился въ вертепѣ Христось,
Славьте,—съ лазури таинственно синей
Вѣсть о рожденѣ въ мѣръ ангель принесъ.
Нынѣ родился людей Избавитель.
Всходитъ духовное Солнце для всѣхъ.
Люди, родился сегодня Спаситель
Снять съ насъ проклятье за смертный нашъ грѣхъ...
Люди, въ смиренѣ Богъ сходитъ къ намъ съ неба
На высоту насъ съ Собою вознестъ.
Гордость земную сложить намъ потреба,
Ждетъ человѣка небесная честь.
Агнецъ Господень возлегъ нынѣ въ ясли.
Богъ богатящій для насъ обвинялъ.
Люди, смотрите, чтобъ чувства не гасли
Чистой любви: Онъ ея возжелалъ...
Въ малыя ясли возлегъ Невмѣстимый.
Ангелы съ неба взирають, дивясь.
Пойте и вы, какъ поютъ херувимы,
Люди, въ сей дивный таинственный часъ!...

Священникъ В. Бѣлкинъ.

ВИДѢНІЕ НАПОЛЕОНА.

(Народное преданіе ¹⁾ 1812 года).

Нынче, куда ни поглядишь, всё пивныя да винныя лавки, а сбитень-то разучились варить. А лѣтъ сто тому назадъ мастера съ мастерицами варили такой сбитень, что его охотно пивали и простые люди, и сановитые господа.

По Москвѣ много было куреней, гдѣ сбитень взваривался либо искусными мастерами, либо дотошными кухарками, которымъ мало было Москворѣцкой воды да меда-липовца; они, какъ знахарки или знахари, ходили на поля подмосковныя и собирали тамъ коренья и травы и приправляли ими взваръ.

Бродя по полямъ и лугамъ, сбитеньщики высматривали: девясилъ-корень, рѣдкостный имбирь-корень и касатикъ пахучь-фіалковый корень; звѣробой-траву и шалфей-траву. Эти коренья и травы и скрашивали, и слабировали водяно-медовый сбитень, а чтобы онъ посильвѣе щекоталъ горло, прибавляли мастера еще стручковаго перца и кишнеца глали.

Одинъ изъ такихъ вотъ куреней находился за Каменнымъ мостомъ у Виннаго двора. Старикъ - ярославецъ варилъ себѣ да варилъ отличный сбитень, разносчики разносили его по Москвѣ, и ни хозяинъ, ни работники не замѣчали бѣды, какая надвигалась на Москву, т.-е.,— Наполеона съ его великой арміей.

А бѣда надвинулась. Въ понедѣльникъ 2-го сентября

¹⁾ Распространено особенно въ Ярославской губерніи.

1812 года началось въ Бѣлокаменной смятеніе. У Ивана Великаго ударили, было, въ колоколь къ вечернѣ, но благовѣсть какъ-то сразу оборвался. Народный вопль раздался на весь городъ: «православные, спасайтесь! французы идутъ по слѣдамъ нашимъ». Православные заматались; одни бѣжали въ страхѣ, куда глаза глядятъ, другіе укрывались въ домахъ, въ подвалахъ, въ оврагахъ, на огородахъ; словомъ, гдѣ попало. Торговля прекратилась; на улицахъ московскихъ виднѣлись только забубенныя головушки. Бѣгали спущенные съ цѣпей псы...

Наполеонъ занялъ Москву.

Она занялась пожарами. Потекли огненные рѣчки, въ одну изъ которыхъ окунулся Винный дворъ. Хотя находившійся близъ него курень и уцѣлѣлъ, но о варкѣ сбитня и думать было нечего; старикъ - ярославецъ знай—только Богу молился, чтобы Онъ, милосердый, пощадилъ его, старуху и разносчиковъ—свойственниковъ. Всѣ они старались скрываться отъ непріятеля; однако, французы провѣдали про то, что старикъ—мастеръ готовить сбитень, и вотъ, однажды ввечеру, раздается стукъ въ дверь.

Замерли сердца у куренныхъ обитателей; они согласились, было, шопотомъ не отзываться на стукъ; пусть, кто стучится, подумаетъ, что въ куренѣ нѣтъ никого, авось и уйдетъ, но стукъ не прекращался и даже уже сопровождался сердитымъ приказомъ отворить дверь. Кто-то не русскій, но по-русски приказывалъ...

Нечего дѣлать, пошелъ старикъ отворять дверь. Самъ онъ крестится, и всѣ домопадцы принялись молиться. Не чаяли добра отъ незваного гостя. Старуха ударилась въ слезы.

Вынувъ засовъ и открывъ дверь, старый сбитеньщикъ съ порога увидѣлъ предъ собою двоихъ всадниковъ. Одинъ держался поодаль и что-то говорилъ другому отрывисто на французскомъ языкѣ. Онъ былъ въ военной формѣ. Другой, въ нѣмецкомъ платьѣ, весь какой-то кургузый, похожій на ощипаннаго пѣтуха, видимо, съ трудомъ отъ

непривычки удерживался въ сѣдлѣ и почтительно выслушивалъ военнаго.. Этотъ кургузый прикрикнулъ на старика за то, что не сразу показался. Сбитеньщикъ низко поклонился и сталъ припоминать, гдѣ онъ видалъ этого кургузаго. А что видалъ—сомнѣнья нѣтъ! И припомнилъ: ба, ба, ба, да это приказчикъ изъ французской лавки съ Кузнецкаго моста!

— Старикъ, ну, давай скорѣй хорошаго пить, что ты умѣешь дѣлать,—приказывалъ французъ приказчику:—ну, скорѣй, скорѣй! Генераль Лессепсъ желаютъ пить твоего.

Ярославецъ понялъ, что французъ говоритъ о сбитнѣ, котораго онъ не умѣетъ назвать, и отвѣчалъ:

— Не про сбитень ли изволите рѣчь держать?

— Ну, да, ну, да, *збитень!* Подавай скорѣй збитеню господину генералу Лессепсъ.

— Сбитень есть холодный. Ежели генералу подавать, надо бы согрѣть.

Слова сбитеньщика приказчикъ перевелъ генералу, который согласился немного подождать.

— Грѣй, старикъ, скорѣй! Ну, ничего, живо!

Горячій сбитень пришелся по вкусу интенданту Лессепсу; онъ пилъ, похваливалъ, а, прикончивъ большую чашку, наказалъ старику, черезъ переводчика своего, принести завтра къ Боровицкимъ воротамъ сбитня горячаго эдакъ съ ведерко. Кургузый передалъ ярославцу Лессепсовъ наказъ и отъ себя добавилъ, что, можетъ-быть, самъ императоръ Наполеонъ отвѣдаетъ «збитнѣ». Чтобы сбитеньщикъ это помнилъ и постарался! — «А когда явиться?» — «Къ полудню. И ждать у воротъ».

Послѣ этого неожиданные гости уѣхали. Долго смотрѣлъ старикъ вслѣдъ имъ, истово перекрестился и крикнулъ своимъ: «уѣхали»!

Само собою разумѣется, что весь тотъ вечеръ въ куренѣ не могло быть иного разговора, кромѣ какъ о наездѣ «француза», о томъ, какъ онъ пріятно потягивалъ сбитень, и о наказѣ явиться завтра о-полдень съ горя-

чимъ сбитнемъ къ Боровицкимъ воротамъ. Но разговоры остаются разговорами, а вѣдь на шеѣ виснеть французъ приказъ. Надо заваривать сбитень! Ну-ка, ежели и въ самомъ дѣлѣ «анператоръ» пожелаетъ отвѣдать московскаго питья!.. И всѣмъ куреннымъ тутъ стало не по себѣ: чай, французскій «скусъ» не російскій, и это еще не утѣшеніе, что генераль Лессепсъ пріятно пилъ, да облизывался. То Лессепсъ, а то самъ Наполеонъ!

Состарился ярославецъ, варя сбитень. Сказывали господа, бывавшіе въ Питерѣ, что его сбитень не хуже тамошняго «Крохалевскаго», ну, а все-таки... не всякій можетъ потрафить «анператорскому скусу»! И вышло такимъ образомъ: съ одной стороны—лестно, а съ другой стороны—страшно. Однако, послушаться нельзя, потому что на все теперь власть француза, а на расправу онъ, видать, крутъ. Господи, Господи, вотъ чего дождались на старости лѣтъ! Тужа и охая, старикъ со свойственниками принялся за варку, не щадя кореньевъ, травъ и меда. Слѣдили за кипѣніемъ сбитня, давали ему хорошенько увариваться, всё пробовали и всё молили Творца, чтобы вызволилъ православныхъ—ихъ—изъ бѣды, которой сами они не накликали.

Въ указанное время, на слѣдующій день, старикъ подходилъ къ Боровицкимъ воротамъ съ горячимъ сбитнемъ. Ярославецъ одѣтъ былъ по праздничному. Сѣдые волосы и борода были хорошо умаслены. Въ старческихъ глазахъ отражался страхъ. Озираясь по сторонамъ, сбитеньщикъ боялся и того, какъ бы кто-нибудь не отнял у него мѣдной посуды со сбитнемъ, которую молодцы въ куренѣ такъ начпстили, что она сіяла, какъ солнце.

Старикъ приготовился ждать, самъ не зная кого, но оказалось, что уже его дожидался тотъ кургузый французъ, бывшій приказчикомъ на Кузнецкомъ. Онъ метнулся навстрѣчу сбитеньщику, пріятельски поздоровался съ нимъ и, кивая острой бороденкою на мѣдную посудину, весело спросилъ:—Ну, приготовилъ сбитень?

— А вотъ онъ. Не отвѣдаешь ли, какъ онъ, стало-быть, придется на вашъ французскій скусъ?

— Налей скорѣй, я буду выпью.

— Ну-ко, Господи благослови!.. Пей, поштенный, на здоровье. На-ко-ся бублигъ, пожуй...

Кургузый сдѣлалъ изъ чаши нѣсколько глотковъ, ослабился и сталъ гладить ладонью по груди.

— Ну, какъ?

— Sbiténe est bon. Ай, хорошъ!

— Слава те Господи! А я отъ сумлѣнія измучился въ конецъ. Слышь, ежели «бунъ», пей вторую!

Но кургузый отказался отъ второй чашки, которую распили по глотку солдаты, окружившіе сбитеньщика и приказчика. Этотъ послѣдній подвелъ ярославца къ самымъ воротамъ, метнулся къ часовому, сказалъ ему пароль, поманилъ старика, у котораго кругомъ пошла голова отъ собственныхъ чувствъ и нахлынувшихъ впечатлѣній, метнулся еще куда-то, шарахнулся въ одну сторону, потомъ — въ другую, подбѣжалъ къ ярославцу и, схвативъ его за рукавъ, прямо—сказать, потащилъ въ ворота. Когда сбитеньщикъ вспомнилъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сталъ по обычаю отдавать поклоны кремлевскимъ и замоскворѣцкимъ святынямъ, тогда онъ увидѣлъ много пѣшихъ и конныхъ французовъ на площади. Тутъ были и простые солдаты и генералы.

Старику-ярославцу стало не по себѣ около «непріятеля». Непріятно дѣйствовало и то, что, несмотря на многолюдье, на площади стояла тишина. Всѣ говорили шопотомъ, да и говорили-то мало, а больше слѣдили за однимъ человѣкомъ, не спуская съ него глазъ. Въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ, вдоль Архангельскаго собора, заложивъ за спину руки. Это былъ Наполеонъ; онъ обдумывалъ что-то и такъ глубоко погружился въ свои думы, что, казалось, не замѣчалъ ничего около себя.

Свита толпилась близъ императора.

Едва ступивъ на кремлевскую площадь, кургузый весь сжегился,—куда и прыть дѣвалась!—и трепетнымъ голосомъ молвилъ, обращаясь къ старику: «шляпу долой!»

Появленіе сбитеньщика не скрылось отъ вниманія Лессеца, бывшаго въ свитѣ; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу; отвѣтилъ легкимъ поклономъ на низкій поклонъ старика и далъ ему рукою знакъ приблизиться къ свитскимъ. Кургузый толкнулъ сбитеньщика въ спину и, слѣдуя по пятамъ, шепталъ: «еще впередъ! еще! стопъ!» Свита недоумѣнно оглядывала старика съ яркою мѣдной посудиней черезъ плечо и стала улыбаться, когда Лессецъ объявилъ, что это сбитеньщикъ, о которомъ онъ вчера говорилъ.

Онъ доложилъ императору.

Наполеонъ благосклонно взглянулъ на старика.

— Какъ называется то, чѣмъ онъ торгуетъ?

— Сбитень,—почтительно отвѣчалъ Лессецъ.

— На что похожъ этотъ сбитень?

— Онъ нѣсколько напоминаетъ, ваше величество, англійское имбирное пиво, но пріятнѣе его.

— Я попробую,—сказалъ Наполеонъ. (Но прежде его выпилъ докторъ).

Лессецъ поклонился и черезъ переводчика-кургузаго приказалъ старику налить сбитня для императора.

Умышленнаго ярославца оказался припасеннымъ серебряный стаканъ для высокаго потребителя; онъ его вытеръ чистымъ полотенцемъ, налилъ до краевъ горячимъ сбитнемъ и передалъ съ поклономъ Лессецу, а интендантъ—императору.

— Можетъ, прикуску пожелаютъ: бубликъ... Съ бубликомъ хлебать сподручнѣе. Старуха напекла хорошіе! Душа, скажи-ка имъ!—обратился старикъ къ приказчику, но тотъ одернулъ его, сказавъ: «молчи».

Наполеонъ попробовалъ—сбитень ему понравился.

Послѣ императора пила свита—и маршалы похвалявали «sbiténe», такъ что старикъ едва успѣвалъ наливать.

«Французъ» былъ теперь ему совсѣмъ уже не страшень и, если старикъ могъ на что досадовать, такъ это на то, что не въ состояніи понять «ихнихъ» словъ. Кургузый прислушивается и потомъ скажетъ, что они «лопотали», прихлебывая сбитень, а все-жъ-таки лучше бы самому понимать.

Наполеонъ приказалъ выдать сбитеньщику рубль-цѣлковый и приходитъ завтра объ эту же пору со сбитнемъ, а, чтобы оградить старика отъ обидчиковъ, ему выдалъ Лессепсъ охранный листъ.

Нечего говорить, въ какомъ настроеніи ярославецъ возвращался въ курень. Смущало маленько его самое явша-нiе съ «непріателемъ» и потчиваніе самого Наполеона, котораго, вишь, антихристомъ называютъ православные русскіе люди,—«да какъ же было отмахнуться-то?—оправдывался старикъ:—добровольно не пришелъ бы, такъ силою приволокли бы, а то и вздернули бъ! а за что? нешто я присягъ измѣнилъ, аль вѣру нарушилъ?—Корысти не было: въ этомъ совѣсть тожъ чиста. А что цѣлковымъ пожаловали, такъ его хоть сейчасъ, извольте, кину въ Москву рѣку!»

Кургузый, должно быть, не имѣвшій ни крова, ни пристанища, увязался за нашимъ ярославцемъ и не отсталъ до самаго куреня, сообразивъ, гдѣ раки зимуютъ и то, что найдется попить, поѣсть и постель шестому человѣку, гдѣ пьютъ, ѣдятъ и спать пятеро. Какъ только они со старикомъ «выкатились» опять изъ Боровицкихъ воротъ,—кургузый принялся передавать рѣчи и самого императора, и свитскихъ; то-то расхваливали «збитень», лучше, дескать, англійскаго пива! истинно-неожиданный напитокъ въ французскомъ вкусѣ! ахъ, збитень! ахъ, ахъ, збитень!.. Юркій человѣкъ вскорѣ съѣхалъ на небылицы и отсебятину, а на этомъ конькѣ онъ могъ уѣхать куда-какъ далѣко, и уже гораздо дальше куреня за Каменнымъ мостомъ!

Не описать радостной встрѣчи домашними старика! Словно человѣкъ явился съ того свѣта. Оно, по совѣсти,

и было отъ чего радоваться: французы, обжегшись на московской скудости и московскомъ «гостепрїимствѣ», вымещали неудачу и злобу на первомъ встрѣчномъ русакѣ: грабили, вѣшали, измывались со всею жестокостію. Не на радость выходилъ давеча старый сбитеньщикъ изъ куреня: предстояло и благополучно добраться до Кремля, на глазахъ всякаго сброда, и потрафить «французскому скусу» московскимъ сбитнемъ. Кто знаетъ, къ чему больше наклонъ у «ихняго анператора»: къ меду ли, къ имбирю ли, или стручковому перцу... Къ московскому потребителю сбитеньщики, извѣстно, приноровились, а французъ—вновь. Его ты еще раскуси. А не раскусишь, такъ, гляди, онъ-те такъ раскусить, что и потроховъ послѣ не останется. Все это куренные соображали, сообразили и потому, провожая хозяина къ «непрїателю», оплакали. А хозяинъ, глядь — воротился цѣлехонекъ и вдобавокъ посмѣивается. Кургузаго ввелъ въ курень, тяжело опустился на лавку, окинулъ всѣхъ: старуху и троихъ свойственникововъ взглядомъ и указалъ рукою кургузому мѣсто подлѣ себя.

— Дай, духъ переведу, тогда,—говорить,—все расскажу вамъ, сердешные... О-охъ!.. о-о-охъ-хо!..—И не утерпѣвъ, весело обратился къ кургузому:—Такъ, стало-быть, сбитень бунъ?

— Збитѣнь бонъ! Хорошъ!—живо отозвался тотъ.

— И анператоръ Наполеонъ хвалилъ?

— Ай, ай, хвалилъ!

— Слышали?—обвелъ глазами своихъ старикъ:—Бунъ!!! Старуха, получай цѣлковый. Бунъ!!! Ха, ха, ха! Бу-унъ, какое, вишь, слово!..

«Бунъ» заставило смѣяться всѣхъ. Это былъ какой то жуткій смѣхъ, совсѣмъ не соответствовавшій тому, что происходило кругомъ—на Москвѣ. Разливалось пламя изъ улицы въ улицу, по вѣтру носились головешки, падали на деревянные крыши и зажигали соломенные; выли голодные собаки; арестанты, выпущенные на волю, разбой-

начали заодно съ наполеоновскими солдатами; казалось,— это началось свѣтопреставленіе. Вѣтеръ буйный кружилъ надъ куренемъ, вылъ, бушевалъ, словно хотѣлъ смести съ лица земли старую постройку со старыми же хозяевами.

Незатѣйливо пообѣдавъ да напившись сбитня, наслушавшись рассказовъ хозяина про бывшее нынче, куренные привялись за новую варку, которая предназначалась для завтрашняго потребленія. Кургузый размякъ въ тепломъ помѣщеніи, нагрузился сбитнемъ, бубликами и посоловълыми глазами смотрѣлъ на мастеровъ, варившихъ душистый напитокъ.

— Такъ, бунъ?—усмѣхался ему старый ярославецъ.

— О, бонъ, бонъ!—подхватывалъ кургузый.

За ночь вѣтеръ не унялся, пожары не прекратились, улицы не перестали быть гнѣздами разбойниковъ и грабителей. Съ расчетомъ быть о-полдень у Боровицкихъ воротъ, старикъ-ярославецъ вышелъ изъ куреня, кургузый—за нимъ, нельзя сказать, какъ тѣнь, но какъ необходимый «языкъ». На сей разъ «анператорскій скусъ» не тревожилъ куреннаго мастера: вѣдь, онъ потрафилъ вчера; но что было за стѣнами куреня, вотъ то придавало страху: французовъ встрѣчалось гораздо больше, чѣмъ наканунѣ. Они шумѣли, многіе изъ нихъ бражничали, многіе занимались тѣмъ, что разоряли заборы и ворота, дѣлали костры и грѣлись около нихъ. Московская осень, рѣзко поворотившая на холодъ, очевидно, донимала чужеземныхъ воякъ. Пахло гарью и трупами животныхъ. На Москвѣ-рѣвѣ горѣла тройка барокъ, кѣмъ-то подожженная. Дымъ клубился, тянулся вдоль улицъ и переулковъ и ѣлъ глаза. Сбитеньщикъ шагаль быстро,—окружаемое терзало душу старика. Наскакивали французы—кургузый лопоталъ что-то или показывалъ охранный листъ, и тѣ отступали: дисциплина еще не пала въ наполеоновской арміи.

Такъ наши сбитеньщикъ и кургузый дошли до Кремля. Ярославецъ уже приготовился по-вчерашнему потчевать Наполеона и его свиту, но «анператору» было не до

сбитня. Онъ взволнованный ходилъ по царской площади. Его лицо подергивалось судоргами, кулаки крѣпко сжимались. Свита казалась растерянной.

Что-то произошло...

— Но я видѣлъ... я видѣлъ и войско, и страннаго полководца,—ни къ кому не обращаясь, говорилъ императоръ французовъ настойчиво и съ раздраженіемъ.

Свита изумлялась, но не тому, что Наполеонъ видѣлъ, а тому, что она не видѣла ни войска, ни страннаго полководца. Просто у императора воображеніе болѣзненно настроилось. Опустѣлая, похожая на кладбище, пылающая Москва, недостатокъ во всемъ и страхъ за будущее—довели вождя до того, что онъ поддается обману зрѣнія и чувствъ. Надо, чтобы доктора обратили вниманіе на это и употребили всѣ средства: верховный вождь долженъ быть бодръ и здоровъ...

Между тѣмъ, вотъ что произошло: Наполеонъ захотѣлъ полюбоваться окрестностями Москвы и поднялся на Ивана Великаго. Солнце глянуло съ небесъ. Бонапартъ направилъ взоръ въ сторону Воробьевыхъ горъ и вдругъ встрепенулся, дрогнулъ и обратился къ приближеннымъ голосомъ, въ которомъ чувствовался испугъ:

— Вы видите тамъ — на юго-западъ движется армія? И съ двухъ сторонъ подходят великія арміи! Это русскіе!

— Ваше величество, мы не видимъ никакихъ тамъ армій.

Наполеонъ топнулъ ногою о деревянный помостъ.

— Три арміи... да, да!.. Онѣ еще далеко, но онѣ приближаются и будутъ въ Москвѣ... да, да, скоро будутъ.— Онъ трепеталъ, стучалъ зубами и порывисто говорилъ: три великихъ арміи! три! три... Какъ вы не видите?.. Кажется, онѣ не идутъ по землѣ, а несутся по воздуху, какъ ангелы или демоны. И впереди—вождь. Вы видите? видите вождя?

— Ваше величество, мы не видимъ вождя.

— Проклятіе! — потрясая кулаками, простоналъ Наполеонъ и сталъ торопливо спускаться по лѣстницѣ. Блѣдный онъ разсѣянно и злобно повторялъ:—но я видѣлъ, я видѣлъ ихъ... И этотъ предводитель весь въ черномъ. Монахъ? Сѣдые волосы, сѣдая борода... съ крестомъ въ рукахъ... Онъ осѣнялъ войска крестомъ... Это необычайно! Что это? Кто этотъ черный вождь?

Наполеона трясло.

Въ немъ кипѣла злоба оттого, что никто не видѣлъ воздушныхъ армій съ необыкновеннымъ предводителемъ-монахомъ. Уже на площади Наполеонъ взглянулъ туда, но тамъ уже ничего не было; солнце скрылось; тучи и дымъ висѣли надъ Воробьевыми горами.

Тутъ какъ разъ появились въ Кремль сбитеньщикъ съ «языкомъ», то-есть, съ кургузымъ.

— Пусть подойдутъ ближе, — приказалъ Наполеонъ и, когда они приблизились, спросилъ ярославца, не знаетъ ли онъ такого монаха: тощаго, но величественнаго и сѣдого, какъ лунь.

Сбитеньщикъ, въ свою очередь, спросилъ, а гдѣ онъ, анператоръ, встрѣтилъ такого монаха. На Москвѣ не одинъ монастырь, не одинъ, слѣдовательно, можетъ быть и такой монахъ...

— Тамъ. Въ воздухѣ. Впереди войскъ, — нетерпѣливо произнесъ императоръ.

Кургузый перевелъ. Старикъ пріосанился и, словно отчеканивая каждое слово, отвѣчалъ:

— Вашему величеству извѣстно должно быть, что простые монахи не ходятъ по воздуху, а единственно сила небесная открылась вамъ. Не изъ нынѣшнихъ монаховъ какой-либо велъ воиновъ, а непременно угодникъ Божій, охраняющій Москву и Русь.

— Такъ, такъ,—сказалъ Наполеонъ своимъ:—у русскихъ людей и городовъ есть свои святые покровители.—И, обращаясь къ сбитеньщику, добавилъ:—кто покровитель Москвы?

— Святой и преподобный Сергій, Радонежскій чудотворецъ.

Наполеонъ повернулся, сдѣлалъ рукою знакъ старику, чтобы шелъ за нимъ, и всѣ—Наполеонъ, приближенные, сбитеньщикъ и кургузый направились въ Благовѣщенскій соборъ. Старику оставилъ на паперти посудину со сбитнемъ и одинъ изъ всѣхъ обнажилъ голову.

— Показать мнѣ изображеніе Святого!—сказалъ Наполеонъ.

Старикъ подвелъ его къ образу Преподобнаго Сергія.

— Это онъ!—воскликнулъ Наполеонъ и отшатнулся, вдругъ обвѣянный страшнымъ холодомъ.

Но онъ долго не могъ оторвать глазъ отъ святого образа, и мысли одна за другою проходили въ головѣ императора, тревожныя мысли... Видѣніе смутило, взволновало и устрасило, и держало въ своемъ плѣну гордаго побѣдителя. Съ нимъ не бывало подобнаго... Наполеонъ хотѣлъ сейчасъ освободиться изъ тягостнаго плѣна—и не могъ. Какъ-будто судьба давала неумолимо понять ему, что есть Божій перстъ, который указываетъ пути народамъ и правителямъ, и смиреннымъ, и гордымъ; пути—къ побѣдамъ и величію, къ паденію и безднамъ.

И глубокое раздумье взяло Наполеона.

Онъ сталъ перебирать въ памяти всѣ событія отъ того часа, когда онъ и «двѣнадцать другихъ земель» 11 іюня вторглись въ предѣлы Россійской имперіи, и до сегодняшняго видѣнія въ пылающей, непривѣтливой Москвѣ. Мало отраднаго выпало на долю великой арміи. Россія оказалась хорошею ловушкой, и этой ловушки не сломалъ даже Бородинскій бой. «Что за радость,—думалъ Наполеонъ, признавать себя побѣдителемъ, если нѣтъ побѣжденных?» Въ раздумьи онъ вышелъ изъ собора и вслухъ помыслилъ: «что же это за народъ—русскіе, если ихъ армію водятъ святыя... такихъ-то надо побѣждать!» И вздрогнулъ.

— Коня!

Ему подвели великолѣпнаго арабскаго коня.

Наполеонъ сѣлъ на сѣдло и, сопровождаемый свитою, поскакалъ изъ Кремля. Онъ желалъ забыть видѣніе; онъ проскакалъ черезъ всю столицу и явился въ Петровскій дворецъ, хотѣлъ тамъ остаться и не могъ. Онъ не находилъ себѣ мѣста, не могъ ничѣмъ отвлечься отъ тяжелыхъ думъ, навѣянныхъ видѣніемъ. Ему чудилось ликованіе тѣхъ трехъ армій, что велъ святой Сергій, и казалось, это ликованіе все громче и громче. Арміи, значитъ, приближаются и не застигнуть ли врасплохъ его и «двѣнадцать другихъ земель», съ нимъ пришедшихъ?

И Наполеону стало жутко оставаться еще въ Москвѣ...

* * *

Ученые люди говорятъ, что Наполеона и «француза» выгнали изъ Москвы голодъ, лютые морозы, партизаны, казаки, даже осмѣлѣвшія бабы, выходившіе на «французаміродера» съ цѣпами, вилами, дубинами и, словомъ, съ чѣмъ попало... Оно такъ, но къ тому, что говорятъ ученые и книжные люди, «темная» Русь добавляетъ вотъ это преданіе, которое живетъ и умирать не хочетъ по городамъ и деревнямъ Подмосковья.

Павелъ Россіевъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Памяти Н. И. Пирогова.

(1810—13 ноября—1910).

Николай Ивановичъ Пироговъ, — знаменитый хирургъ, педагогъ и гуманный дѣятель той эпохи, — родился 13 ноября 1810 г.

Въ университетъ поступилъ онъ четырнадцати лѣтъ... «Какъ посравнить да посмотрѣть вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». 14—18 лѣтній мальчикъ проявляетъ такія медицинскія способности и такъ, въ 19 лѣтъ, сверкаетъ медицинскими знаніями, что вчерашніе учителя сегодня считаютъ его почти равнымъ себѣ и шлютъ въ Дерптъ посвятиться въ равные имъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Пироговъ носилъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ, можетъ быть, всѣ профессора медицинскаго факультета, взятыя вмѣстѣ... Впослѣдствіи, впрочемъ, оно такъ и оказалось. Но таково уже правило: чтобы любоваться полною игрою и огнемъ алмаза, его сперва отдають шлифовальщику. И даже для рѣдкостныхъ солитеровъ не дѣлается исключенія...

Въ Дерптѣ Пироговъ избралъ своей спеціальностью хирургию, одну изъ самыхъ обширныхъ частей медицины, — можетъ-быть, и наиболѣе обширную, но это была область, въ которой юному ученому предстояло или заблудиться и безслѣдно сойти на нѣтъ, или продолжить пути, прорубить просѣки и озарить ее свѣтомъ своего генія.

Н. И. Пироговъ при жизни, когда праздновался 50-лѣтній юбилей его научной дѣятельности, услышалъ изъ устъ культурнаго человѣчества итогъ всей своей жизни, не знавшей сладости отъ разрушенія, но чувствовавшей всю

сладость созиданія во имя свѣта, для блага человѣчества, для вящей славы науки и гуманности. Пироговъ всегда былъ практическій дѣятель, практическій человѣкъ, ибо это понятіе совсѣмъ не исключаетъ понятія о великомъ человѣкѣ. Вѣдь долженъ же великій человѣкъ понимать потребности своего времени!

Пироговъ посвятилъ себя хирургіи съ практической цѣлью—въ лучшемъ пониманіи этихъ словъ: односторонне воспользоваться наукою онъ не могъ, ибо великій человѣкъ понималъ, что одностороннее (узко-практическое) пользованіе наукою отнимаетъ у нея значительную часть могущества. Пироговъ отдался хирургіи, чтобы раскрыть всю ея силу, которою Россія не пользовалась, — да не вполне пользовалась и Западная Европа. Одно «новое слово» за другимъ сталъ говорить молодой русскій хирургъ, и тѣмъ могучѣе звучали эти слова, что славная теорія оправдывалась на чудодѣйственной практикѣ...

Онъ превзошелъ всѣхъ предшественниковъ и современниковъ въ Россіи и сталъ наравнѣ съ первыми хирургами Запада. Севастопольская кампанія, или наша Троя, по выраженію Пирогова, вознесла его на головокружительную высоту. Если до Севастополя прибалтійскіе пасторы оповѣщали свои приходы о появленіи Н. И. Пирогова, и слава о немъ шла вдоль Варяжскаго моря, то бастионы русской Трои разнесли славу объ операторѣ-чародѣѣ по самымъ отдаленнымъ угламъ имперіи.

Троя—въ устахъ ученаго, Голгова—въ устахъ духовнаго лица,—Севастополь, дымившійся въ развалинахъ, успокоившій на своемъ кладбищѣ кости болѣе, чѣмъ 200 тысячъ своихъ защитниковъ, былъ адою зарею, возвѣстившею день Высочайшаго манифеста о великихъ преобразованіяхъ. Русская мысль проснулась, русскій умъ встрепенулся. Они захотѣли съ такою страстностью, какъ пожалуй никогда еще не хотѣли—въ массѣ, подвига и работы. Какъ-будто послѣ землетрясенія, зданіе государственности, хоть и устояло, но дало трещины. Требовалось немедленное укрѣпленіе,—общество спѣшило съ своей готовностью укрѣпить.

Но не всѣ знали, съ чего начать, куда перво-на-перво устремиться и къ чему приложить руки. Мудрый Пироговъ угадалъ, гдѣ начало клубка ариадниныхъ нитокъ, съ помощью котораго Россія можетъ выбраться изъ запутанныхъ ходовъ бюрократическаго мрачнаго лабиринта. Онъ

появля тамъ — среди кровавыхъ ручьевъ Севастополя, оперируя сермяжную Русь, кто превратилъ многострадальный городъ въ развалины, и возгласилъ на весь народъ «Вопросы жизни». Черезъ 15 лѣтъ такой же мудрый нѣмецъ сказалъ, что Францію побѣдилъ нѣмецкій учитель. Пироговъ буквально этого не выразилъ, но во главу спасительныхъ реформъ онъ поставилъ дѣло воспитанія и образовазія, возгласивъ новыя для русскаго общества педагогическія идеи.

Напечатанная въ «Морскомъ Сборникѣ» 1856 года статья «Вопросы жизни» произвела ошеломляющее впечатлѣніе на русское общество. Надо было проснуться спавшимъ, одуматься заблудшимъ... «Каждый чувствовалъ тяготу. У cadaго было *что-то* на сердцѣ, и все-таки всѣ молчали; наконецъ пришелъ человекъ, который по-своему сказалъ—*что*. Онъ сказалъ только про боль... Разумѣется, такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію»... Заключенныя въ кавычки строки относятся не къ «Вопросамъ жизни», но онѣ вполне къ нимъ примѣнимы. Пироговъ, подобно напимѣръ Боклю, жилъ въ эпоху могучихъ дарованій и чуткихъ общественныхъ дѣятелей, между тѣмъ никто изъ нихъ, не исключая и педагоговъ, не сказалъ того, *что* было у cadaго на душѣ и жгло своею неотвязчивостью умъ, мозгъ, мысль... Хирургъ Пироговъ облекъ въ плоть и кровь сокровенныя стремленія лучшихъ современниковъ, и всѣ они крикнули: вотъ именно это мы и думали! И всѣмъ казалось, что выпущенный изъ ковчега голубъ принесъ вѣтку, какъ знакъ того, что потопъ прекращается...

Само собою разумѣется, что пироговскій «выстрѣлъ» вызвалъ противъ себя оппозицію: сектанты условнаго либерализма забили въ набатъ, и ихъ «жестоковѣйное» отношеніе къ статьѣ Пирогова получило наиболѣе яркое выраженіе у А. М. Скабичевского, доказывавшаго, что Пироговъ тянулъ общество... къ аскезизму и средневѣковью!

Что же, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ знаменитый врачъ? Онъ говорилъ о разъединеніи школы и жизни, которыя передовые люди тщетно стараются примирить, не находя положительной формулы. Наконецъ, такая формула находится, и школа начинаетъ сливаться съ жизнью; это—школа съ утилитарной цѣлью, не преслѣдующая еще никакихъ широкихъ и общечеловѣческихъ цѣлей, словомъ—

односторонняя. Съ такую школу Пироговъ не могъ мириться и признавалъ необходимымъ расширить и углубить ея задачи, возстановить ея смыслъ и права, проистекающія изъ самой жизни. «Должно возстановить прямое значеніе школы—быть руководительницей жизни на пути къ будущему».

Идеаль воспитанія ему видѣлся въ томъ, чтобы потребность *быть человекомъ* довѣла каждому питомцу, а родители и наставники—одни жертвовали всѣмъ, а другіе не искали ничего другого, какъ только *воспитать и сдѣлать* питомцевъ *людьми*.—«Я знаю, что этотъ взглядъ на воспитаніе покажется слишкомъ идеальнымъ, недостижимымъ и не новымъ. Я скажу на это, что истина не старѣется, что жизнь безъ сознательныхъ идеальныхъ стремленій печальна, безцвѣтна и бесплодна».

На вопросъ: что значить быть *человѣкомъ*? Пироговъ отвѣчалъ «словами: ищи быть и будь *человѣкомъ*—выражается одна главная мысль воспитанія: научите дѣтей съ раннихъ лѣтъ подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной». Вотъ ядро того, что онъ высказалъ въ «Вопросахъ жизни» и въ рѣчи, произнесенной 1 сентября 1857 года на торжественномъ актѣ Ришельевского лицея.

Очевидно, только ухо сектанта могло уловить въ словахъ Пирогова призывъ къ аскетизму, и ясно, что изъ такой (пироговской) школы еще далеко до тропинки оптинскихъ старцевъ. Не было въ нихъ и поразительной новизны, но не всегда нужно что-то совершенно новое даже и тамъ, гдѣ чутся до геніальности великое: геологія возведена была на степень науки чѣмъ, какъ не водою, цѣля тысячелѣтія текущей на нашей планетѣ? Проповѣдь Пирогова дала толчокъ дѣятельности славной плеяды педагоговъ, какъ Рѣдкинъ, Ушинскій, Стоюнинъ, Юзefовичъ, Чумиковъ, Водовозовъ, бар. Корфъ, которые, въ свою очередь, вызвали къ работѣ новыя силы.

Вскорѣ послѣ напечатанія «Вопросовъ жизни» Н. И. Пироговъ занялъ постъ попечителя одесскаго учебнаго округа, а два года спустя—киевского, на которомъ оставался до 1861 года. Въ этомъ году независимаго педагога-мыслителя назначили надзирателемъ надъ молдыми учеными, отправляющимися за границу для научнаго усовершенствованія. Странное дѣло: удаленіе Пирогова съ попечительскаго поста совпало съ моментомъ освобожден-

нія крестьянъ, когда, казалось бы, такой дѣятель, какъ Н. И. Пироговъ, особенно былъ необходимъ и цѣненъ. Но Пироговъ именно потому и долженъ былъ отойти къ сторонкѣ, что онъ «весь былъ на лицо», не покрытый ни туманомъ, ни футляромъ. Онъ успѣлъ провозгласить, какъ свое убѣжденіе, что государство безъ общества не въ состояніи создать надлежащей школы, и что только общество можетъ вдохнуть живую душу въ школьное дѣло. Но правительство встрѣтило такое исповѣданіе, какъ ересь, и то, что у руля министерства просвѣщеніи стоялъ графъ Дм. А. Толстой, доказывало, что Пироговъ — калифъ на часъ.

Съ назначеніемъ въ 1866-мъ году Д. А. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія Пироговъ долженъ былъ окончателно разстаться съ воспитательно-педагогической дѣятельностью и начать жизнь частнаго человѣка, обывателя. Очень понятно: гр. Толстой былъ и умный, и образованный человѣкъ, но, какъ Нарциссъ, онъ былъ влюбленъ въ себя и, какъ Собакевичъ, глядѣлъ или на уголь печки, или на дверь и не видѣлъ ни общественно-школьныхъ нуждъ, ни надобности въ «не-футлярныхъ» людяхъ. Командуя жандармами, онъ привыкъ къ безпрекословному подчиненію ихъ.—«Слушаю-съ!» И никакихъ разсужденій. Но учителя и профессора не могутъ не разсуждать, обязаны разсуждать *ex officio*, — это такъ понятно; не понятно же было талантливому шефу жандармовъ... Пирогову съ Толстымъ не о чемъ было разговаривать и договориться они не могли бы при всемъ искреннемъ желаніи.

Пирогову оставалось погрузиться въ глушь и возобновить дѣятельность хирурга. Имѣніе «Вишня» сдѣлалось подлинно Меккой, а самъ Пироговъ пророкомъ, которому поклонялась вся болящая, какъ и вся культурная, Россія, и онъ высоко держалъ знамя хирурга, и каждый день наслаждалась его жизнь въ Подоліи благодарностью массъ. Орелъ славы не мѣшалъ Пирогову не закрывать глаза на то, что составляетъ истину и ей служить; истина ввела его къ себѣ какъ завѣтный маякъ и, достигая ее, онъ съ неумолимой строгостью относился къ своему самолюбію, не останавливался предъ самообвиненіемъ во имя истины и не задумывался предъ самопожертвованіемъ. Извѣстно, что онъ во всеуслышаніе говорилъ и писалъ о своихъ хирургическихъ ошибкахъ и промахахъ и не скупился на похвалы другимъ. Кто онъ былъ—западникъ,

славянофилъ? Ни тотъ, ни другой. Онъ былъ гуманистъ съ русской душой. Онъ не считалъ геройство принадлежащимъ къ числу главныхъ добродѣтелей, при совершеніи благочестивыхъ дѣлъ милосердія, о чемъ заявлялъ въ отчетѣ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, посылая его изъ Крыма 1855 года; тѣмъ не менѣе усердно отмѣчалъ его въ сестрахъ милосердія и проявлялъ самъ при первой возможности. Геройство его было христіанское, а христіанство героическимъ, ибо оно разъ навсегда пошло на встрѣчу человѣчеству и стремилось къ обращенію враговъ въ друзей, а не наоборотъ. И оттого въ особенности онъ, можетъ-быть, былъ христіанинъ и человѣколюбецъ, что слишкомъ много видѣлъ на своемъ семидесяти-лѣтнемъ вѣку страданій, скорби и пролитой человѣческой крови. Конечно, онъ пламенно любилъ Россію, — оттого онъ и избѣжалъ плѣна страстей и меньше всего имѣлъ въ виду личныя дѣла. Онъ умеръ въ 1881 году. Но умеръ старикъ, запустившій раковую болѣзнь, и не умеръ Пироговъ—педагогъ, Пироговъ, сдѣлавшій десятки тысячъ замѣчательныхъ вскрытій и операций, хирургъ-теоретикъ, Пироговъ—человѣколюбецъ...

Павелъ Россіевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ этой книжкой (декабрьской) всѣмъ подписчикамъ
разсылается бесплатное приложеніе: **СВ. ДИМИТРІЙ
РОСТОВСКІЙ**, соч. В. Нечаева, въ послѣдствіи Еп. Вис-
саріона.

СОДЕРЖАНІЕ III ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1910 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

Стран.

1. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Одна изъ нынѣшнихъ извъ. Другая язва. Свящ. Н. Орлова.....	3—25
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника пнока). А. І.	26—33
	170—175 311—318 445—450
3. ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ІАКОВЪ, АРХІЕПИСКОПЪ НИЖЕГОРОДСКІЙ И АРЗАМАССКІЙ. Ан. Титова.	34—47
4. ПИСЬМА СТАРЦА ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ ОПТИНСКАГО. Изъ Оптиной пустыни сообщ. Е. В.....	48—51
5. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ. А. Красева.....	52—61 225—238 496—499
6. ХРИСТИАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. Проф. П. Каванскаго.....	62—83 181—189 334—355 451—466
7. СИНДИКЪ РОСТОВСКОЙ ТОЛГСКОЙ ЦЕРКВИ ІОАННА МИЛОСТИВАГО. Ан. Титова.....	84—87
8. СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА. (Къ 50-лѣтію со дня его кончины, † 1830 г. 23 сентября).....	88—97
9. У ТРОИЦЫ-СЕРГІЯ НА ПРАЗДНИКѢ. С. Опарина.....	98—120
	176—180
10. ПИСЬМА ЕПИСКОПА ТЕОФАНА КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ ПРОТОІЕРЕЮ В. П. НЕЧАЕВУ (ВПОСЛѢДСТВИ ЕПИСКОПУ ВИССАРИОНУ) 1872—1892 г.....	121—123 433—435
11. ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. А. Карасева.....	124—130
	190—220 399—422 500—530
12. ОТЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.....	131—132
13. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. 1) А. С. Хомяковъ. П. Н—го. 2) Человѣкъ и обезьяна. Свящ. М. Ѳ—скаго. 3) Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.	133—139
14. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Во время листопада. Поздней осенью. Свящ. Н. Орлова.....	141—157
15. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. А. З.....	158—169 539—541
16. СВ. КОСМА И ДАМІАНЪ, КАКЪ ПОКРОВИТЕЛИ УЧАЩИХСЯ. И. Ромашкова.....	221—224
17. ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ. С. Голощапова..	239—260
	360—381 468—478

18. ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ. **Ив. Ни-**
колина..... 261—278 319—333 479—490
19. ТРОИЦКАЯ ЛАВРА. (Стихотвореніе). **Н. Румянцева**.... 279—279
20. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Упадокъ духовной пуб-
лицистики. **Свящ. М. Ѳ—скаго**..... 280—283
21. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Непушная суровость. Необходи-
мое рвеніе. **Свящ. Н. Орлова**..... 285—303
22. ВОСПИТАНІЕ, КАКЪ ПОДВИГЪ. Законоучителя, свя-
щенника **І. Артоболевскаго**..... 304—310
23. КРЕСТЬЯНИНЪ-ХРИСТІАНИНЪ. (Стихотвореніе.) **В. К.**
Недзвецкаго..... 356—356
24. DE MORTUIS AUT VENE, AUT Nihil. (Стихот.) **Его же**. 357—357
25. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? (Стихотвореніе.) **Его же**..... 358—358
26. ULTIMUM REFUGIUM. (Стихотвореніе.) **Его же**..... 359—359
27. ЧТО НАМЪ РОДНѢЕ? (Андрей Бѣлый. „Серебряный Го-
лубъ“). **Свящ. Н. Колосова**..... 382—390 542—551
28. СВАТИТЕЛЬ **ИННОКЕНТІЙ, ПЕРВЫЙ ЕПИСКОПЪ ПРУТ-**
СКІЙ (Его пребываніе въ славяно-греко-латинской Ака-
деміи) **Вл. Соколова**..... 391—398
29. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. 1) О юбилейныхъ годахъ
для преподавателей духовно-учебныхъ заведеній. **П. Леви-**
това. 2) О раздѣленіи нѣкоторыхъ кафедръ въ духовныхъ
семинаріяхъ. **Его же**..... 423—441
30. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Безпросвѣтность. **Свящ. Н.**
Орлова..... 436—444
31. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ. (Стихотвореніе.) **І. Ев...я**... 467—467
32. ВАРЛААМОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЛИЗЪ ДЕРЕВНИ ЧАСО-
ВЕНСКОЙ (ЛАВУШЬ ТОЖЕ) У ПУСТЫНСКАГО ОЗЕРА,
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ, ТИХВИНСКАГО УѢЗДА. Съ
приложеніемъ рисунка. **Ан. Титова**..... 491—495
33. ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЛЮБВИ КЪ БОГОПОЗНАНІЮ. **Петра**
Неклякова..... 531—536
34. НА МЫСЛЬ ПРОРОКА СОФОНІИ. (Стихотвореніе.) **В. К.**
Недзвецкаго..... 537—537
35. ЛИСТОПАДЪ. (Стихотвореніе.) **Его же**..... 538—538
36. ПАМЯТИ ЗАСЛУЖЕННАГО ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ПРОТ. **Н. А. ЕЛЕОНСКАГО**. **Свящ. Николая Попова**... 552—555
37. ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. (Стихотвореніе.) **Свя-**
щенника В. Бѣлкина..... 556—556
38. ВИДѢНІЕ НАПОЛЕОНА. (Народное преданіе 1812 года).
Павла Россіева..... 557—569
39. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Памяти **Н. И. Пирогова**.
(1810—13 ноября—1910). **Павла Россіева**..... 570—575
40. ОТЪ РЕДАКЦІИ.
ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЖУРНАЛЬ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1911 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

Съ 1911 года журналъ *Душеполезное Чтеніе* вступаетъ, съ Божіей помощью, въ **пятьдесятъ второй** годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не измѣнялъ однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ, за время его полстолѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ, серьезнѣхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

Въ журналѣ постоянно затрогивались различныя богословскіе вопросы и обсуждались разныя предметы, которымъ, по возможности, давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственную физиономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, былъ всегда самостоятеленъ и самобытенъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 51 годъ заслужилъ многочисленныя одобрительныя отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ выписывается во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о высылкѣ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространенъ нашъ журналъ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1911 году, **пятьдесятъ второй** году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ **Виссаріонѣ**, епископѣ Костромскомъ и Галицкомъ, и прот. **Д. Ѳ. Насицынѣ**, и главная дѣль его будетъ та же, какая указана покойнымъ митрополитомъ **Филаретомъ** въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду,—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго и понятнаго* духовнаго чтенія“.

Въ изданныхъ доселѣ 612 книгахъ *Душеполезнаго Чтенія* уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присовокупить, что

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

- 1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣручительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) „Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и вѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе разсказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Ееофана-Затворника**, іеросхимонаха о. **Амвросія** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обзорѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣста и разсказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1911 году въ *Душеполезномъ Читеніи* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Въ 1911 году всѣ подписчики получаютъ безплатное приложеніе:

Мысли на каждый день года

(ЯНВАРЬ—ІЮНЬ).

(Житія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.).

Сочиненіе Свящ. Н. Орлова.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ стѣ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Чтеніе* — *одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. **За границу—ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ **Михаилъ Оивейскій**.

Издательница **Ольга Насицына**.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА В И С С А Р І О Н А):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Исуса Навина, Судей, Царствъ, Іова и Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василя Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

„ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ“.

Сборникъ проповѣдей.

Священника *Н. Орлова*.

Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.

Можно получать: **Москва**, Лиховъ пер., Епархіальный домъ; п у автора—Шаболовка, д. Простякова, кв. 74. Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. **С.-Петербургъ**, магазинъ Тузова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ
НА ПРАВУЮ БЕЗПАРТИЙНУЮ ГАЗЕТУ ВЪ ГОРОДѢ ЕЛЪЦѢ

„ГОЛОСЪ ПОРЯДКА“.

4-й годъ изданія.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЬ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ЗАДАЧИ ГАЗЕТЫ:

Царь самодержавный. Государственная Дума. Россія единая и недѣлимая. Мирное правовое развитіе государства на основѣ родной исторіи и народныхъ особенностей русскаго уклада жизни.

Газета «Голосъ Порядка» въ 1911 году будетъ, по преимуществу, обслуживать мѣстные интересы. Главное вниманіе будетъ обращено на мѣстную, городскую и земскую жизнь и ихъ экономическія нужды. Къ вопросамъ нашей внутренней политической жизни газета попрежнему будетъ относиться съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ.

Печатается газета въ собственной типографіи на Манежной ул. въ соб. домѣ. Главная Контора и редакція: Манежная ул., соб. д.

Подписная плата 4 р. въ годъ. Иногороднымъ 5 р. Меньшіе сроки—50 к. въ мѣсяць. Иногороднымъ—60 к. въ мѣсяць.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи и въ конторѣ И. А. Иванюшенкова въ Ельцѣ.

Редакторъ-Издатель *И. Евсипьевъ.*

НАУЧНО-СПЕЦИАЛЬНЫЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ VIII.

ВѢСТНИКЪ

Годъ VIII.

ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

издаваемый подъ редакціей д-ра Е. ДЮКОВА.

Журналъ имѣетъ задачей, во 1-хъ, разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны дѣла гомеопатіи въ Россіи и за границей; во 2-хъ, устраненіе предубѣжденія и выясненіе недоразумѣній, существующихъ относительно гомеопатіи и раздѣляющихъ врачей на два враждебныхъ лагеря—аллопатовъ и гомеопатовъ. Журналъ выходитъ **ежемѣсячно**, книжками отъ 2-хъ печатныхъ листовъ. **Цѣна ТРИ** руб. съ пересылкой, на $\frac{1}{2}$ года 1 руб. 50 коп. Подписна, статьи и письма адресуются доктору Е. Дюкову, въ г. Хороль, Полтавской губ.

„ДѢЯТЕЛЪ“

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- 1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Общества трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библиографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты

Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналъ за 1897 годъ доушенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ безплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, по 1909 годъ платятъ 28 рублей со всеми приложеніями.

Адресъ редакціи: Казань. А. Т. Соловьеву.

Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ.

V-й годъ.

„ХРИСТІАНИНЪ“.

V-й годъ.

Журналъ вступая въ пятый годъ изданія, выходитъ еже-
мѣсячно книгамп, на хорошей бумагѣ, съ иллюстраціями, при
дѣятельномъ участіи извѣстныхъ научныхъ и литературныхъ
силъ, выдающихся церковно-общественныхъ дѣятелей.

Добрая репутація журнала, поставившаго своею задачею служеніе
великому дѣлу „христіанизаци“ современнаго общества и защиты
Христова ученія отъ современныхъ нападковъ на него съ разныхъ
сторонъ, настолько упрочилась за четыре года существованія журнала,
что Редакція въ настоящій новый годъ изданія считаетъ совершенно
излишнимъ рекомендовать себя обществу и повторять еще разъ свою
программу, которая остается безъ всякой перемѣны. Мы напомнимъ
здѣсь нашимъ читателямъ лишь только о томъ, что мы по прежнему все-
гда будемъ стараться быть *другомъ, утѣшителемъ, спутникомъ* каждаго
христіанина въ его жизни на землѣ.

Въ теченіе года „Христіанинъ“ дастъ своимъ подписчикамъ:

1. 12 книжекъ журнала около 3000 страницъ.
2. Надъ Евангеліемъ. Епископа Михаила (Грибановскаго).
3. О мирной борьбѣ съ социализмомъ. В. К. Саблера. I и II т.т.
4. Св. апостоль евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Его жизнь и бла-
говѣстническіе труды. Епископа Евдокима. Изданіе второе.
5. 12 книжекъ подъ названіемъ: „Маленькій Христіанинъ“ (От-
дѣльно отъ журнала 1 руб.). Около 400 стран.
6. 24 листка духовно-нравственнаго содержанія около 150 стр.

За четыре года своего существованія журналъ успѣлъ сгруппировать
около себя много выдающихся работниковъ. Ряды этихъ работниковъ
за послѣднее время пополнены выдающимися писателями Запада.

Редакція завалена рукописями, полными глубокаго интереса и жиз-
ненности, завалена настолько, что многія изъ нихъ лежатъ уже по
два года, ожидая своей очереди. Это даетъ надежду намъ и въ буду-
щемъ году съдѣлать журналъ интереснымъ.

Условія подписки: На годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля съ до-
ставкой и пересылкой въ Россіи; за границу: на годъ 8 руб., на
полгода—4 руб. Отдѣльныя книжки журнала по 75 коп. съ перес.;
наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

При выпискѣ не менѣе десяти экземпляровъ—11-й высылается
бесплатно.

Разсрочка допускается для духовенства и учащаго персонала, про-
чимъ—по соглашенію.

За перемѣну адреса 20 коп.

Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московск. губ. Редакція журнала
„Христіанинъ“.

Редакторъ-Издатель Епископъ Евдокимъ.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е И З Д А Н І Е

„БОЖІЯ НИВА“.

Троицкій собесѣдникъ для православной школы и семьи
въ 1911 году (десятый годъ изданія)

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

Учлицинымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки народныхъ школъ. Всероссийскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ „Божія Нива“ включена въ число изданій, желательныхъ для миссіонеровъ.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Письма и вѣсточки. VI. Лѣтопись церковныхъ школъ. VII. Переписка нашихъ читателей. VIII. Наши дневники. Приложенія: «Зернышки Божіей Нивы». Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 № въ годъ)

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями **ОДИНЪ РУБЛЬ** съ пер.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. *Подписка принимается только въ Редакціи.* Желаящіе подписываться чрезъ книжные магазины должны предупреждать о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (*1 руб.*). *Комиссіонная скидка не допускается.*

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые девять томовъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** можно получать безъ приложеній по 50 к.; въ папкѣ по 75 к. и въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 р. 25 к. каждый томъ безъ пересылки. При выпискѣ одного или нѣсколькихъ томовъ „Божіей Нивы“, **Зернышки** могутъ высылаться по 3 коп. за экземпляръ. Пересылка же производится по почтовой таксѣ, смотря по вѣсу и разстоянію.

Редакторъ всѣхъ троицкихъ изданій одинъ и тотъ же: и Троицкіе Листки, и Божія Нива съ ея Зернышками, и Троицкое Слово—всѣ выходятъ подъ редакціей нижеподписавшагося Епископа Никона. Всѣ наши читатели составляютъ одну семью и приглашаются подписываться на оба журнала вмѣстѣ: *Троицкое Слово* и *Божію Ниву* съ приложеніемъ *Зернышекъ*. Подписная цѣна за оба изданія (50 № Троицкаго Слова, 12 № Божіей Нивы и 12 книжекъ Зернышекъ) два рубля съ пересылкою въ годъ. Отдѣльно каждое изданіе одинъ рубль въ годъ.

Редакторъ-цензоръ **НИКОНЪ**, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.
АДРЕСЪ: Сергіевъ Посадъ, Моск. губ., Редакція „Божіей Нивы“.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ И ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„ДОБРОЕ СЛОВО“

6-й годъ изданія.

Вступая съ января 1911 года въ шестой годъ своего скромнаго служенія Церкви и Родннѣ, наше „Доброе Слово“ остается вѣрнымъ прежнему своему направленію. Какъ въ предыдущіе пять лѣтъ, такъ и нынѣ читатели нашего журнала найдутъ на страницахъ его прежде всего положительное раскрытіе высокаго достоинства христіанскаго званія. Историческими разсказами о замѣчательныхъ святыхъ Православной Церкви, сообщеніями о святыхъ и святыхъ мѣстахъ, столь любимыхъ благочестивымъ русскимъ народомъ, и поучительными образами героевъ служебнаго долга и любви къ ближнимъ „Доброе Слово“ будетъ неустанно вливать желанную отраду въ смятенныя души, укрепляя въ нихъ сознаніе духовной мощи живого единенія съ Православною Церковью.

Почившій молитвенникъ Русской Земли о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій) не разъ выражалъ редактору полное свое одобреніе содержанію и направленію „Добраго Слова“ и высказалъ увѣренность, что русская вѣрующая и патриотически настроенная душа не можетъ не „чувствовать“ въ „Добромъ Словѣ“ вполне родственной и полезной себѣ пищи. Благоговѣя въ памяти о. Іоанна Кронштадтскаго, редакція „Добраго Слова“ въ каждомъ почти номерѣ дѣлаетъ сообщеніе изъ жизни „Общества въ память о. Іоанна Кронштадтскаго“. Общество же это, основанное 19 октября 1909 года, быстро растетъ и развиваетъ свою благотворительную и просвѣтительную дѣятельность, руководясь примѣромъ Милостивца Русской Земли, о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго). Рядомъ съ сообщеніями объ „Обществѣ“ въ „Добромъ Словѣ“ печатаются воспоминанія и разсказы о личности о. Іоанна и о дѣлахъ его любви.

Главные отдѣлы журнала остаются прежніе: религіозно-нравственный, общественной жизни и литературный (повѣсти, разсказы, стихотворенія). Къ 19 февраля 1911 года всѣ годовые подписчики получаютъ художественный альбомъ сподвижниковъ Государя Императора Александра II по дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ 21 сентября 1911 года будетъ высланъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ Сборникъ поученій свят. Димитрія Ростовскаго на Господніе и Богородичные праздники, а къ концу года въ качествѣ третьей преміи будетъ высланъ „Другъ паломника. Иллюстрированное описаніе русскихъ святыхъ. Второй вып. (Валаамъ и Соловки).“

Подписная цѣна на журналъ „Доброе Слово“, слѣдующая: съ доставкой и пересылкой за годъ три рубля; 6 мѣс. одинъ рубль 50 коп.; на 3 мѣс. 75 коп. За границу съ доставкой: на годъ четыре рубля; 6 мѣс. два руб.; 3 мѣс. одинъ рубль. Члены же „Общества въ память о. Іоанна Кронштадтскаго“ могутъ получать годовой экземпляръ за два рубля; въ теченіе 6 мѣс. за одинъ руб., и въ теченіе 3 мѣс. за 50 коп. Отдѣльный номеръ 5 коп. Перемѣна адреса стоитъ 3 семикопѣечныя марки.

При выискѣ 10 экземпляровъ по одному адресу, одиннадцатый бесплатно. Полныя экземпляры за 1907, 1908, 1909, 1910 годы продаются по 1 р. 25 к. за экземпляръ съ пересылкой, въ переплетѣ 2 р. съ пересылкой.

Комитетъ по образованію войскъ, разсмотрѣвъ журналъ „Доброе Слово“ и находя его вполне соответствующимъ цѣлямъ образованія и развитія войскъ, постановилъ рекомендовать его для обращенія въ войскахъ. (Цирк. Гл. Штаба отъ 1 марта 1908 года, № 32). Журн. опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, отъ 4—16 сентября 1907 года, за № 455, съ утвержденія г. Суподальнаго Оберъ-Прокурора, постановлено: „сже-недѣльный журналъ „Доброе Слово“ допустить въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ“.

Подписка принимается въ редакція—СПБ. Крѣпость, архивный деиъ, кв. 7, а равно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и съ 1 декабря 1910 года въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Редакторъ-издатель прот. П. Н. Левашевъ.

Ежемесячный духовный журналъ

«НАСТАВЛЕНІЯ И УТѢШЕНІЯ СВ. ВѢРЫ ХРИСТИАНСКОЙ».

на 1911 годъ.

(24-й годъ изданія).

П Р О Г Р А М М А

духовнаго журнала

„Наставленія и утѣшенія св. вѣры христіанской“.

1) Выписки изъ твореній св. отцовъ церкви и изъ произведеній благочестивыхъ писателей позднѣйшаго времени, вызываемыя современными потребностями, по изданіямъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ, бывшихъ уже въ разсмотрѣніи духовной цензуры.

2) Выписки изъ богослужебныхъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній въ славянскомъ текстѣ съ прибавленіемъ русскаго перевода, если таковой окажется въ духовныхъ изданіяхъ, одобренныхъ цензурою и въ трудахъ русскихъ поэтовъ.

3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи разныхъ проповѣдниковъ.

4) Назидательныя сказанія изъ житій святыхъ.

5) Сказанія о проявленіяхъ благодатной силы Божіей въ разнаго рода исцѣленіяхъ, извлекаемыя изъ оглашаемыхъ въ печати извѣстій.

6) Описаніе праздниковъ и обрядовъ, совершаемыхъ во славу Господа и Святыхъ Его.

7) Описанія и повѣствованія изъ исторической жизни Афона и Православной Церкви.

Изданіе будетъ выходить **одинъ разъ въ мѣсяць**, въ объемѣ 3 печатныхъ листовъ.

Цѣна на годъ **ОДИНЪ рубль** съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ.

Подписку на изданіе просятъ адресовать: **въ гор. Одессу, на Подворье Русскаго на Афонѣ Свято-Андреевскаго Общежительнаго Скита, Рыбная ул., д. № 58. Довѣренному Скита.**

Съ требованіями по дѣламъ редакціи просятъ обращаться по адресу: **Одесса, Одесскій Дѣтскій Корпусъ.**

Редакторъ **Протоіерей Сергій Петровскій.**

(35 г. изд.) **ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.** (35 г. изд.)

ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА (отъ 9 до 14 лѣтъ).

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1910 г.

ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики получаютъ

52 №№ И 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ которыхъ:

Акварельная картина „въ стѣнахъ Кремля“, худ. В. В. Верещагина.

12 повѣстей, рассказовъ и пьесъ для юнош., русскихъ и иностр. авторовъ, съ илл.

6 книжекъ „библіот. историч. очерковъ“, русскихъ авторовъ, съ иллюстр.

10 вып. „книги знаменитыхъ людей“. Биографическіе рассказы для юношества Евг. Мюллера, съ илл. худ. Баяра.

12 вып. изданія „Вечера княжны Джавахи“. Сказанія старой Барбалэ, Л. А. Чарской, съ рис. худ. Гурьева, Каразина и др.

6 вып. „Русскіе самородки и самоучки“. Биографическіе очерки и рассказы Винтора Русанова, съ портр.

6 книжекъ „Библіотеки полезныхъ свѣдѣній“ для юношества, съ иллюстр.

Спутникъ школы. Календарь и записная книжка для учащихся на 1911—12 учебный годъ въ изящномъ коленкоромъ переплетѣ.

И много друг.

Кромѣ того будутъ высылаться „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСКІЯ МОДЫ“.

Подписная цѣна „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, со всеми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ** р.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2** р.

Съ требованіями, обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. В о л ѣ в ѣ—С.-Петербургъ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 ГОДЪ

(VI-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Х У Т О Р Ъ,

со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и многими отдѣльными приложеніями,

П Р А К Т И Ч Е С К І Й

Сельско-хозяйственный журналъ,

имѣющій задачей распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, главнымъ образомъ пригодныя

для небольшихъ хозяйствъ.

Выходитъ ежемѣсячно, подъ редакціей ученаго агронома **П. Н. Елагина.** „Хуторъ“ допущенъ въ библіотеки учебныхъ заведеній всѣхъ Вѣдомствъ, народныя читальни и чайныя.

Заводящіе небольшія хозяйства — „ХУТОРА“ нуждаются въ правиль-

ныхъ сельско-хозяйственныхъ знанійхъ, которыя они и найдутъ въ журналѣ „ХУТОРЬ“. Хозяйства при народныхъ училищахъ, церковныхъ причтовъ, подгородныя усадьбы - дачи, все это также можно назвать „хуторами“, и при соответственныхъ познаніяхъ на много увеличить ихъ доходность. Исключительно ПРАКТИЧЕСКОЕ направленіе журнала „ХУТОРЬ“ даетъ намъ возможность отвѣчать на вопросы: какъ и что нужно сдѣлать, чтобы правильно устроить такія хозяйства и поднять ихъ доходность.

„ХУТОРЬ“ отмѣченъ многими отличными отзывами. Напримѣръ: „Вѣстникъ Ярославскаго Земства“: „Хуторъ“ имѣетъ чисто практической характеръ, статьи написаны общепонятнымъ, яснымъ языкомъ и снабжены массою хорошо выполненныхъ рисунковъ. Этотъ журналъ даетъ много полезныхъ указаній и совѣтовъ“. Журналъ „Пчеловодная Жизнь“: „Хуторъ“—при крайне скромной подписной цвѣнѣ ежемѣсячно даетъ объемистыя книги, съ очень интереснымъ и полезнымъ содержаніемъ. Каждый хозяинъ въ немъ найдетъ немало дѣльныхъ и полезныхъ указаній для своего хозяйства и тѣмъ сторицею окупить затраченныя на выписку журнала деньги“.

ПРОГРАММА: все отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство.

Безплатныя приложенія: 1. Чертежи и планы сельско-хозяйственныхъ построекъ. 2. Сѣмена лучшихъ огородныхъ, садовыхъ и полевыхъ растений.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкою ДВА руб. въ годъ.

Адресъ: Журналъ „Хуторъ“, С.-Петербургъ, Соляной пер., д. 9—1.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1911 года.

Въ Ученыхъ Запискахъ заключаются:

I. Отдѣлъ наукъ:

II. Отдѣлъ критики и библиографіи:

III. Университетская лѣтопись:

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями съ пересылкою 7 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Пionтковскій.

СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

подъ редакціей А. В. Круглова, при раздѣленіи съ нимъ трудовъ редакціи А. Н. Догановичъ, при ближайшемъ участіи д-ра медицины В. К. Недзвецкаго, инженеръ-техн. М. В. Лысковскаго и при со-трудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Въ 1911 году журналъ будетъ содержать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Литературно-научный отдѣлъ (стихи, романы, повѣсти и пр. статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы; этнографическіе очерки и историческіе очерки и рассказы).

II. Критика и библіографія (1. Критическія статьи о писателяхъ и выдающихся произведеніяхъ литературы. 2. Книжное обозрѣніе (разборъ книгъ). 3. Журнальное обозрѣніе (разборъ журналовъ свѣтскихъ и духовныхъ). Библіографія будетъ поручена нѣсколькимъ опытнымъ сотрудникамъ, по ихъ специальностямъ: журнальное обозрѣніе будутъ вести: Л. Д. Гончаревскій и М. Н. Лосевъ. Обозрѣнія будутъ въ каждомъ №-рѣ).

III. Изъ разныхъ краевъ. (1. Письма изъ Петербурга и разныхъ мѣстъ Россіи, а также и изъ-за границы—нашихъ корреспондентовъ. 2. Что пишутъ другія).

IV. Въ Первопрестольной (Очерки моск. жизни).

V. По вѣсямъ и градамъ. (Руководящее обозрѣніе русской жизни. Этотъ отдѣлъ порученъ опытному старому литератору, участіе котораго случайно прервалось его болѣзнію. Вернувшись изъ-за границы, онъ будетъ неуклонно слѣдить за явленіями русской жизни).

VI. Зарубежные наброски. (Обозрѣніе заграничной жизни преимущественно общественно-бытового характера, но со включеніемъ и фактовъ политической жизни).

VII. На помощь семьѣ и школѣ. (Въ области школьнаго и семейнаго воспитанія.—Полезные совѣты изъ обл. медицины, гигиены и житейскаго обихода.—Библіографія.—Списокъ полезныхъ книгъ).

VIII. Обо всемъ. (1. Интересное въ печати по всѣмъ областямъ знанія, жизни, искусства, политики. 2. На поляхъ газетъ и журналовъ).

IX. Искры. (Сатира и юморъ. Беллетр., стихи, фельетоны и карри-катуры).

X. Со стороны. (Полемика и голоса изъ публики).

XI.—Научныя замѣтки. (Научн. новости, біографіи ученыхъ дѣят. и пр.).

XII. Дневникъ писателя. (Бесѣды по текущимъ вопросамъ и вообще по вопросамъ жизни, этики, литературы и политики).

XIII. Смѣсь.

XIV. Ноты.

XV. Красная слова.

XVI. Почтовый ящикъ.

XVII. Приложенія.

XVIII. Объявленія.

Журналъ выходитъ въ 1-хъ числахъ кажд. мѣсяца, при чемъ №№ за май—июнь и июль—августъ слитными книжками.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ журналѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ.

Въ 1911 году всѣ годовые подписчики (какъ внесшіе подп. плату всю сразу, такъ и подписавшіе въ разсрочку) получатъ:

- 1) 12 №№ Иллюстрированного журнала и бесплатныя приложенія и преміи.
- 2) „Побѣда“. повѣсть А. В. Круглова.
- 3) Цвѣточное кружево. (Узоры творч. мысли). Сборникъ этюдовъ.
- 4) „Маленькій Свѣточъ“, журналъ для дѣтскаго чтенія. (Подарокъ дѣтямъ подписчиковъ) 5 иллюстр. №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на журналъ съ пересылкой по Россіи и съ достав. въ Москвѣ: годъ 4 р.,—полг.—2 р., безъ дост. въ Моск.—3 р. 60 к. въ годъ.

Выписывающіе сразу 10 годовыхъ экз. и вносящіе сполна подп. цѣну получ. 11-й экз. безплатно. За комиссію книжн. магазинамъ и конторамъ, прип. подписку, 20 коп. съ годового экз.

Разсрочка допускается для годовыхъ: 2 р. при подпискѣ, 2 р. къ 1-му марта. (Всѣ, не сдѣлавшіе второго взноса къ 1 марта, переносятся въ полугодовые, не имѣющіе уже права на полученіе премій. Полугодовые, переходя въ годовые, уже не пользуются правами годовыхъ).

Разсрочные пользуются всѣми правами годовыхъ.

Адресъ: Москва, Тверская, уголъ Брюсовскаго, домъ граф. Олсуфьевой.

ЖУРНАЛЪ ДОПУЩЕНЪ:

Главн. Управл. Военно-учебн. заведеній въ ротиня бібліотеки военныхъ училищъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ къ выпискѣ въ бібліотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.

Учебнымъ Отд. М. Пут. Сообц. для бібліотекъ техн. жел.-дорожн. училищъ.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

для всевозможн. картинъ на бумагѣ,

изобрѣтеніе полковника Малиновскаго. Освѣщаются керосиномъ, а также переносными лампами

НАСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА.

ДИПЛОМЪ

за Всероссийскую выставку, а также награды на друг. выставкахъ. Специальная мастерская С. К. Акимовой, Москва, Плющиха, соб. д.

Компетентные отзывы о фонаряхъ, получаемые нами въ теченіе многихъ лѣтъ производства отъ гг. заказчиковъ, частей войскъ, различныхъ просвѣтительныхъ обществъ, священнослужителей и школъ, присужденный намъ **ДИПЛОМЪ** экспертами Всероссийской Выставки 1896 года и благопріятные отзывы печати способствуютъ

наибольшей популярности изобрѣтеннаго прибора.

Полн. каталогъ фонарей, книгъ, картинъ, со всеми отзыв. за **30 к.** марками.

РЕЛИГИОЗНО-ХРИСТИАНСКІЙ, ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПУТЬ ЖИЗНИ“

5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

10 ежемѣсячныхъ книгъ, 5—8 листовъ каждая (журналъ не выходитъ въ іюнь и іюль) съ иллюстраціями и приложеніями: въ числѣ ихъ 10 портретовъ дѣятелей на нивѣ Божіей и духовно-правственный календарь.

Въ числѣ приложеній будетъ дано: „Наканунъ вѣчности“. Близкій конецъ міра, на основаніи Апокалипсиса.

Цѣль журнала: доставить христіанской семьѣ разумное и правственное чтеніе, вдохнуть вѣру у утратившихъ ее, поднять колеблющихся въ ней и привести къ Христу незнающихъ Его.

Журналъ издается по слѣдующей программѣ: 1. Живое слово. Бесѣды и поученія о христіанскихъ обязанностяхъ. 2. За вѣру и противъ лжевѣрія. Апологія христіанства; обличеніе лжеученія. 3. Беллетристика. Повѣсти, рассказы и стихотворенія религіознаго характера. 4. Дѣятели на нивѣ Христовой. Біографіи выдающихся христіанскихъ дѣятелей. 5. По святымъ мѣстамъ. Описаніе святыхъ и путешествій къ св. мѣстамъ. 6. Домашняя бесѣда. Рѣшеніе неудоумьныхъ вопросовъ вѣры и правственности. 7. Корреспонденціи и замѣтки. 8. Церковная и общественная жизнь. 9. Критика и бібліографія. 10. Почтовый ящикъ. Переписка съ читателями.

Подписная цѣна 4 р. въ годъ съ пересылкой и 3 р. безъ пересылки. За границу 5 р. Отдѣльная книжка 40 к. съ перес. въ Россіи и 50 к. за границу. Контора редакціи: Зарайскъ, Рязанской губ., Богоявленская площ., д. № 3. Подписавшамся до 20 декабря—декабрьская книжка журнала высылается безплатно.